

И.И. КУРИЛЛА

**ЗАОКЕАНСКИЕ ПАРТНЕРЫ:
АМЕРИКА И РОССИЯ
В 1830–1850-е ГОДЫ**

IVAN Kurilla

**PARTNERS ACROSS THE OCEAN:
THE UNITED STATES
AND RUSSIA, 1830s – 1850s**

Volgograd 2005

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЦЕНТР АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
«AMERICANA»**

И.И. Курилла

**ЗАОКЕАНСКИЕ ПАРТНЕРЫ:
АМЕРИКА И РОССИЯ
В 1830–1850-Е ГОДЫ**

Волгоград 2005

ББК 63.3(7Сое)52-6 + 63.3(2)521-6
К93

Ответственный редактор — академик *Н.Н. Болховитинов*
Рецензенты: д-р ист. наук., проф. ВолГУ *А.И. Кубышкин*;
канд. ист. наук, доц. РГГУ *В.И. Журавлева*

В оформлении первой страницы обложки использован фрагмент картины А.П. Боголюбова «Пароходо-фрегат «Камчатка»». 1848. Центральный государственный музей ВМФ, Санкт-Петербург;
в оформлении последней страницы обложки — изображение дуба, выросшего из желудка, подобранного на могиле Дж. Вашингтона в Маунт-Верноне и подаренного Дж. Самнером Николаю I в 1838 году. Фотография И.О. Пащинской. 2004. Царицын остров, Петергоф

Печатается по решению редакционно-издательского совета ВолГУ

Курилла, И. И.

К93 Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830—1850-е гг. [Текст] = Partners Across the Ocean: The United States and Russia, 1830s — 1850s : [монография] / И. И. Курилла; отв. ред. Н. Н. Болховитинов ; ВолГУ, Центр амер. исслед. «Americana». — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. — 488 с., [6] л. ил.

ISBN 5-9669-0078-7

В монографии исследуются отношения между Россией и США в 1830—1850-е гг. — время наибольшего в истории сближения двух стран. На широком источниковом материале анализируются как межгосударственные отношения, так и техническое сотрудничество двух стран, а также социокультурное взаимодействие Америки и России.

Книга будет востребована историками, международниками и теми, кто интересуется прошлым российско-американских отношений, пытаясь разобраться в их настоящем и прогнозировать их будущее.

ББК 63.3(7Сое)52-6 + 63.3(2)521-6

ISBN 5-9669-0078-7

© И. И. Курилла, 2005
© Издательство Волгоградского государственного университета, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

Часть I. Стратегические союзники

Глава 1. Под сенью «Pax Britannica»:

Русско-американские отношения в 1832—1847 гг. 43

Накануне прорыва 43

Русско-американские отношения в период канадского восстания 58

Урегулирование англо-американских противоречий
и попытка российского посредничества 68

Американская экспансия и Санкт-Петербург 79

Глава 2. Кризис и перелом: Дипломатия 1848—1860 гг. ... 86

Соединенные Штаты и Российская империя
в период европейских революций 1848—1849 гг. 86

Новые регионы сотрудничества 97

Дипломатия России и США в годы Крымской войны 113

Глава 3. «Рассадник промышленности»:

Техника и технологии в русско-американских отношениях ... 123

Постройка пароходов 123

Железная дорога Петербург — Москва 154

Американский опыт и введение речного пароходства в России 175

Изобретатели, предприниматели, ученые 181

Часть II. Из первых рук:

Россия и Америка сквозь призму личного восприятия

Глава 4. Американцы в России 206

Дипломаты 1830-х: отчеты руководству 207

Дипломаты 1840-х: просвещающая соотечественников 221

Дипломаты 1850-х: вопрос оценки 249

Другие американцы в России: моряки, путешественники, инженеры, иммигранты	262
Глава 5. Русские в США	273
Командированные Российской империей	275
Путешественники и эмигранты	293
 Часть III. Зеркала: Образы и стереотипы восприятия	
 Глава 6. Отражая сходство:	
Заокеанские образы отечественных проблем	315
Территориальная экспансия США и восточная политика России в середине XIX века	315
Рабство и крепостное право: «особые институты», «эзопов язык», цензура и самоцензура в России и США	331
Европа между Россией и Америкой	342
 Глава 7. Отражая различие:	
Государственное и общественное устройство	348
Россия и свобода печати в США	348
Демократия и самодержавие. Американцы о России	361
Самодержавие и демократия. Русские о США	376
Русская печать о США	385
Соединенные Штаты как предмет научного исследования	397
Дистанция дружбы (вместо заключения)	408
SUMMARY	414
Источники и литература	416
Список используемых сокращений	479
Указатель имен	480

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к историческому исследованию, надо прежде всего ответить на вопрос, почему именно эта проблема и этот период времени заслужили внимание автора. Ответ важен не только для объяснения своих задач коллегам-историкам. В конце концов, картина мира средневекового мельника оказалась ничуть не менее интересна для профессионалов-гуманитариев, чем биография Наполеона. Другое дело — более широкая аудитория. Есть ли в избранной теме что-то важное не только для узкого круга соратников по цеху?

Итак, почему Россия и США во второй трети позапрошлого века?

Вот уже по меньшей мере шестьдесят лет самым важным направлением во внешней политике нашей страны остаются отношения с главным союзником, «вероятным противником», конкурентом и партнером в стремительно меняющемся мире — Соединенными Штатами Америки. В истории двусторонних контактов были периоды, когда страны чрезвычайно тесно сотрудничали. Особенно памятно боевое братство Второй мировой войны. Однако наиболее длительный период фактически союзнических отношений России и США, совпавший с широким распространением взаимных симпатий в русском и американском обществах, пришелся на вторую треть XIX века.

Удивительно, но этот период русско-американских отношений наименее изучен. В историографии двух стран мало как нарративов, рассказывающих о событиях и сюжетах, связанных с русско-американским взаимодействием, так и удовлетворительных объяснений сотрудничества двух стран.

В целом тема «Россия и США» в рассматриваемый период является наиболее интересным аспектом темы «Россия и Запад», с одной стороны, и темы «Америка и Европа» — с другой. Россия и Соединенные Штаты были друг для друга своего рода меркой, с которой сравнивали собственное развитие. Известное высказывание французского писателя, путешественника и политика Алексиса Токвиля об общности судеб России

и США привлекло внимание не только в России, но и по другую сторону Атлантики. Для европейских мыслителей, журналистов и путешественников того времени две страны также были двумя полюсами, удобными для сравнения. Соединенные Штаты были олицетворением демократии, к которой устремлялись помыслы европейских революционеров 1848—1849 годов, тогда как Российская империя представлялась им средоточием автократического правления при полном отсутствии гражданских прав и свобод. К середине века заокеанская республика и самодержавная монархия играли роль «конституирующих иных» для формировавшейся европейской идентичности нового времени.

Как строились отношения между нашими странами и народами в этот период? Вопрос требует ответа, выходящего за рамки традиционной истории дипломатии. Не меньший интерес, чем политические расчеты государственных деятелей, представляет осознание обществом сходства и различий двух стран, помогающее лучше понять собственную уникальность. С этой точки зрения, мнения дипломатов представляют лишь часть картины, которую необходимо дополнить изучением материалов прессы, личных архивов государственных деятелей и лидеров общественного мнения, военных, инженеров, врачей и других специалистов, работавших в России на постройке железных дорог, при обороне Севастополя, путешествовавших по стране, а также русских путешественников, моряков и эмигрантов, посетивших в тот период Соединенные Штаты.

Вторая треть XIX века — один из ключевых этапов в историческом развитии США и России и в истории их взаимоотношений. Кризис, нараставший на протяжении этого периода в обеих странах, привел Россию к поражению в Крымской войне и серии либеральных реформ, ключевой из которых была отмена крепостного права в 1861 г., а Соединенные Штаты — к Гражданской войне, в ходе которой было отменено рабство (1863 г.).

С точки зрения международной политики, Российская империя на протяжении этих лет теряла свои позиции: находясь на пике своего могущества, будучи гарантом европейской стабильности в начале 1830-х, она не смогла ничего противопоставить

волне европейских революций 1848—1849 гг.¹, а затем пережила унижительное поражение в Крымской войне 1853—1856 гг. Соединенные Штаты, оставаясь державой второго разряда в тогдашней международной «табели о рангах», напротив, заметно упрочили свое влияние в мире, не только удвоив свою территорию в результате аннексии Техаса (1845), войны с Мексикой (1846—1848 гг.) и раздела Орегона (1846 г.), но также используя европейскую перегруппировку сил для продвижения собственных концепций международного права. Парадоксально, но главным дипломатическим союзником США в этих начинаниях была Российская империя. Так, русско-американскую конвенцию о правах нейтральных держав 1854 года можно по праву считать крупным успехом американской дипломатии. Россия и США в середине XIX века оказывали друг другу взаимные услуги в таких регионах мира, как Гавайи и Персия (Иран).

Первым общим признаком для России и США в рассматриваемый период было, безусловно, наличие «особых институтов» — крепостного права и рабства. Существование социального института принудительного труда и личной несвободы парадоксальным образом сближало как консервативные круги двух стран, так и критиков этих институтов. Радикалы видели в другой стране своего рода зеркало собственных социальных язв, а защитники рабства апеллировали к чужому опыту для оправдания своих установлений. После отмены крепостного права в 1861 г. и рабства в 1863 г. две страны стали ближе к европейской «норме» и дальше друг от друга. Сближавшие их институты исчезли, а разделявшие принципы упрочились, что стало важнейшим фактором отдаления стран друг от друга в последней трети XIX — начале XX века.

Обе страны в этот период завершали обширную территориальную экспансию. Россия вела многолетнюю войну на Кавказе (1817—1864 гг.), в то время как США, помимо боевых действий против индейцев, аннексировали Техас (1845 г.) и развязали войну с Мексикой (1846—1848 гг.), отторгнув у соседней страны около половины ее территории. Весьма интересно исследовать взаимные оценки русского и американского общества в связи с этими войнами, с территориальной экспансией в целом.

¹ В единственном случае — для помощи Австрии против восставших венгров Россия решила использовать силу.

Россия и США в рассматриваемый нами период практически одновременно приступили к освоению своих тихоокеанских территорий. Это породило как совместные начинания (проекты телеграфа и железной дороги через Сибирь и Аляску американского инженера Коллинза, предложенные им сибирскому генерал-губернатору Муравьеву), так и соперничество в стремлении, например, первыми заключить торговый договор с Японией.

Русско-американские контакты этого периода характеризовались большой интенсивностью. Именно из США николаевская Россия заимствовала технические новшества: общеизвестен факт участия американских инженеров в постройке первой российской железной дороги; но вклад американской технологии в модернизацию Российской империи был намного шире и включал постройку пароходов, изготовление оружия, внедрение телеграфа и других изобретений.

В политическом и общественном устройстве США черпали идеи прогрессивные русские мыслители, от декабристов и Герцена до либеральных реформаторов 1860-х годов.

Наконец, вторая треть XIX века характеризовалась интенсивными спорами об исторических судьбах каждой из стран. В России начало этого периода было отмечено появлением «Философических писем» П.Я. Чаадаева и последовавшим формированием славянофильской и западнической парадигм общественного развития. Заметим, что постановка вопроса о принадлежности России к европейской цивилизации и о ее «особом пути» была созвучна американским представлениям об исключительности собственного примера, также набравшим силу и вес в предвоенных Соединенных Штатах. Американские политические мыслители в тот период гораздо больше внимания уделяли проблемам конституционного соотношения прав штатов и федеральной власти, идейному обоснованию или критике рабовладения. Именно в начале 1830-х гг. Д. Уэбстером была впервые произнесена формула «Свобода и Союз едины и нераздельны», ставшая в 1860-х основой позиции Севера в разразившейся Гражданской войне. В этих спорах зачастую использовался пример другой страны, само существование такого варианта общества оказывало влияние на дебаты, в конечном счете определившие пути собственного развития.

Первое столетие русско-американских отношений становилось предметом исследований как отечественных, так и американских

и историков. В меньшей степени, чем история двусторонних отношений в XX веке, эта историография, тем не менее, также испытала на себе влияние общественных настроений периода «Холодной войны». Историки искали в прошлом причины современной им враждебности либо же доказывали, что она противоречила традициям вековой дружбы двух народов. В большей степени, чем многие другие области исторической науки, история русско-американских отношений нуждается в пересмотре существовавших долгое время упрощенных концепций, тщательном изучении архивных источников для выхода на новый уровень понимания прошлого. Именно опора на широкий круг источников выделила работы Н.Н. Болховитинова в России, а позднее Н. Сола в США в качестве образцовых в изучении отношений между нашими странами².

Первые работы по истории русско-американских отношений, как правило, делали акцент на изучении критических периодов национальных историй и международных отношений — американской Войны за независимость, Гражданской войны в США, революции и Гражданской войны в России, а также Второй мировой и «холодной» войн. Особое внимание уделялось отечественными учеными периоду Гражданской войны в США 1861—1865 годов³.

² См., в частности: Болховитинов Н.Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. Аналитический обзор. М., 1984; Он же. Русско-американские отношения: 1815—1832. М., 1975; Он же. Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834—1867. М., 1990; Он же. Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М., 1966; Saul N.E. Distant Friends: the United States and Russia, 1763—1867. Lawrence (Kan.), 1991; Saul N.E. Concord and Conflict: The United States and Russia, 1867—1914. Lawrence, 1996.

³ См., в частности: Малкин М.М. Гражданская война в США и царская Россия. М.; Л., 1939; Он же. Русско-американские отношения в период гражданской войны // К столетию гражданской войны в США. М., 1961; Старцев А.И. И.В. Турчанинов и гражданская война в США // Новая и новейшая история. 1974. № 6; Он же. И.В. Турчанинов и Алабамский рейд северян 1862 года // Новая и новейшая история. 1979. № 3; Киняпина Н.С. Россия и гражданская война в США // Вестник МГУ. Сер. 8, История. 1980. № 2; Иванов Р.Ф., Левитас И.Я. Н.Г. Чернышевский о рабстве негров в США и проблеме гражданских свобод // Американский ежегодник, 1980. М., 1981.

Отечественная историография этой проблемы открывается монографией одного из первых советских американистов М. М. Малкина⁴. Он первым поставил и ряд проблем, связанных с изучением предвоенного периода — в частности, сформулировал важнейший вопрос: почему русско-американские отношения «действительно с конца 30-х годов, в особенности в 50-х годах, во время Крымской войны, приняли дружественный характер»? Малкин предложил ответ на него, отметив, что «главным фактором в русско-американских отношениях до гражданской войны, определившими в дальнейшем позиции России, были, во-первых, отношения обеих держав к Англии и, во-вторых, международная политическая обстановка в целом»⁵. Роль русско-английских и англо-американских противоречий в поддержании дружественных отношений между Россией и США, и в самом деле, была весьма высока. Однако подход Малкина сводит историю к дипломатическому взаимодействию, игнорируя не только существовавшие на протяжении большей части того периода взаимные симпатии двух обществ, но и реальные экономические проекты, осуществленные Россией при помощи американцев.

Несколько монографий и большое количество статей, опубликованных в нашей стране в последующие десятилетия, были посвящены отдельным сюжетам и регионам взаимодействия. Это, прежде всего, отношения на севере Тихого океана, Крымская война и Гражданская война в США, строительство железных дорог в России. Остановимся лишь на важнейших работах.

Опубликованная в 1990 году монография Н. Н. Болховитинова стала первым специальным исследованием русско-американских отношений второй трети XIX века. Однако в ней автор сосредоточился, прежде всего, на истории развития отношений в северной части Тихого океана и на предыстории продажи Аляски, которую он назвал «наиболее сложным и существенно искаженным в предшествующих работах» аспек-

⁴ Малкин М. М. Гражданская война в США и царская Россия. М.: Л., 1939.

⁵ Там же. С. 11, 13.

том русско-американских отношений⁶. Автор указал на то, что отношения между Россией и США в исследуемый период носили более сложный характер, чтобы обозначить их просто как «союз» или «враждебность». Это время характеризовалось «не только «гармонией», но и столкновением интересов, противоречиями и даже конфликтами (в частности, на северо-западе Америки)»⁷. История Аляски («Русской Америки») на сегодняшний день наиболее разработана в историографии, прежде всего в трудах академика Н. Н. Болховитинова и выполненных коллективом под его руководством⁸. Тем не менее надо отметить, что хотя вопрос о судьбе Русской Америки был на протяжении большей части исследуемого периода важным для внутренней политики Российской империи, он оставался в основном на периферии международной политики и даже собственно русско-американских отношений.

Книга В. Н. Пономарева и несколько дополняющих ее статей посвящены периоду Крымской войны 1853—1856 годов⁹. Впервые в отечественной исторической литературе автор подробно исследовал историю подготовки и заключения русско-американского соглашения 1854 г. о правах нейтральных держав, американский фактор в заключении Парижского мира 1856 г., ряд других проблем двусторонних отношений перио-

⁶ Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834—1867. М., 1990. С. 9.

⁷ Там же. С. 319.

⁸ См., в частности: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834—1867. М., 1990; История Русской Америки: В 3 т. / Под ред. акад. Н. Н. Болховитинова. М., 1999; Русская Америка. 1799—1867: Материалы междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-американской компании 1799—1999», Москва, 6—10 сентября 1999 г. М., 1999.

⁹ Пономарев В. Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993; Он же. Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1853—1856 // Исторические записки. Т. 110. М.: Наука, 1984. С. 232—281; Он же. Русско-американские отношения периода Крымской войны в отечественной и американской историографии // Внешняя политика России (Историография). Сб. ст. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1988. С. 171—185.

да войны¹⁰. В работах Пономарева, однако, лишь вкратце рассмотрены некоторые важные аспекты русско-американского сотрудничества, например, военно-технические контакты двух стран. Вызывает возражения и предположение автора о том, что «если бы правители самодержавной России вели политику в соответствии со своими симпатиями, то в годы Гражданской войны в США они неизбежно должны были бы принять сторону реакционной южной Конфедерации»¹¹. Это распространное суждение о близости российского правительства и американских рабовладельцев, появившееся уже в годы Крымской войны и регулярно повторенное в последующей историографии основано на представлении о сходстве рабовладения и крепостного права и классово близости американских плантаторов русским помещикам. Между тем, при всех сближавших два института чертах, вызывавших неподдельный интерес у русских и американцев той и последующих эпох, рабство и крепостное право представляли собой весьма различные социально-экономические феномены, а в русском обществе к началу Гражданской войны в США сформировались устойчиво негативные оценки рабства негров. Более того, российское правительство, в феврале 1861 года указом (бескровно!) отменившее крепостное право, должно было чувствовать близость именно к свободному Северу, а не к цеплявшемуся за рабовладение Югу Соединенных Штатов.

До сих пор не устарела интересная статья А. М. Зориной о попытке американской дипломатии заручиться поддержкой Российской империи в урегулировании центральноамериканских противоречий с Великобританией в середине XIX века¹². Тем не менее нам удалось обнаружить документы, существенно корректирующие выводы Зориной о причинах отказа российского руководства от участия в делах Центральной Америки. Множество русских инстанций поддержали американские предложения, и лишь остужающие депеши российского посланника из Вашингтона предопределили окончательное решение.

Исследование русско-американских отношений продолжается. Так, в опубликованной несколько лет назад монографии А. Л. Анисимова анализируются отношения США со странами Дальнего Востока в середине XIX века. Хабаровский историк также исследовал русско-американские отношения периода опиумной войны¹³. К уже перечисленным причинам союзнических отношений между США и Россией он добавил тот важный для Дальневосточного региона факт, что «американцы и русские принадлежали к христианскому миру»¹⁴. А. Л. Анисимов пришел к смелому выводу, что «во время второй «опиумной» войны на Дальнем Востоке действовало фактически два союза великих держав: Великобритания и Франция, которые вели войну с Китаем, и Россия и США, проводившие политику нейтралитета. <...> Россия и США должны были пойти на сотрудничество. Это усиливало их позиции, выводило из изоляции и позволило в конечном счете достичь своих целей»¹⁵.

Недостаточно исследованной сегодня остается, однако, середина века, тридцатилетний «предвоенный» (antebellum) пери-

оды XIX века: От Аляски до Огненной Земли: История и этнография стран Америки. М., 1967. С. 58—70.

¹⁰ См. также написанную в соавторстве статью: Болховитнов Н. Н., Пономарев В. Н. Американские врачи в Крымской войне // США — Экономика. Политика. Идеология. 1980. № 6. Июнь. С. 63—69. В. Н. Пономарев также подробно проследил жизненный путь российского консула в Нью-Йорке А. Евстафьева, за полвека, проведенного в США, много сделавшего для защиты российских интересов и для сближения двух стран: Пономарев В. Н. Полвека за океаном: российский дипломат и литератор Алексей Евстафьев // Американский ежегодник, 1990. М., 1991. С. 191—205.

¹¹ Пономарев В. Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993. С. 187.

¹² Зорина А. М. Договор Клейтона — Бульвера (1850) и русская дипломатия // От Аляски до Огненной Земли: История и этнография стран Америки. М., 1967. С. 58—70.

¹³ Анисимов А. Л. Дальневосточная политика США в 30—60 гг. XIX века: Отношения США с Цинской империей и Японией. Хабаровск, 2002; Он же. Россия и США во время второй «опиумной» войны. 1856—1860 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 29—37.

¹⁴ Анисимов А. Л. Дальневосточная политика США в 30—60 гг. XIX века... С. 315.

¹⁵ Анисимов А. Л. Россия и США во время второй «опиумной» войны. 1856—1860 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 37.

од, за который произошли серьезные изменения как в международной политике, так и в двусторонних отношениях и во внутриполитической обстановке в обеих странах. Анализ внешней политики США периода, предшествовавшего Гражданской войне 1861—1865 гг., ограничивался Мексиканской войной 1846—1848 гг., попытками приобрести Кубу и другими примерами американского экспансионизма¹⁶.

Лишь относительно недавно отечественными учеными стали рассматриваться другие аспекты внешней политики США первой половины XIX века. Так, в монографии М.М. Сиротинской исследуется отношение американского общества к французской революции 1848—1849 гг. и последовавшим событиям вплоть до переворота Луи Бонапарта 1852 года¹⁷.

В ряде статей содержится анализ американской тематики на страницах русской периодической печати. Так, например, Я.А. Иванченко отметил, что многие отечественные журналы в то время занимались «пропагандой результатов начального этапа технического переворота в США», которая «способствовала... дальнейшему промышленному развитию России»¹⁸. В этом же ключе написана статья Л.Р. Арустамяна о ведущем либеральном журнале середины XIX века «Отечественные запис-

¹⁶ См., например: История дипломатии. 2-е изд. М., 1959. Т. 1. С. 565—593, 670—690; Американский экспансионизм: Новое время. М., 1985; Потокова Н.В. Агрессия США против Мексики: 1846—1848. М., 1962; Она же. Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки: 1821—1845 гг. Ростов н/Д, 1986.

¹⁷ Сиротинская М.М. Американское общество и Французская республика, 1848—1852. М., 2003. См. также ее главу в коллективной монографии, ставшей своеобразным «рубежом» между традиционной историографией внешней политики США и новыми подходами к этой проблематике: Сиротинская М.М. Европейская политика США в середине XIX века // История внешней политики и дипломатии США, 1775—1877 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 1994. С. 233—264.

¹⁸ Иванченко Я.А. Промышленное развитие США в 20—30-е годы XIX в. в оценке русской печати // Американский ежегодник, 1982. М., 1982. С. 252. См. также: Иванченко Я.А. Позиция редакционного кружка «Московского телеграфа» в отношении Соединенных Штатов // Американский ежегодник, 1980. М., 1981. С. 216—235.

ки»¹⁹. Весьма интересный материал о восприятии в России идей А. Токвиля, в том числе его анализа американской демократии содержится в небольшой статье С.А. Исаева²⁰.

Интересное исследование взглядов славянофилов на Америку предпринял недавно В.В. Носков. Очевидно, что для славянофилов, как и для западников, Америка представляла вторичный интерес по сравнению с Европой, которая оставалась основной темой. Однако в ряде случаев именно Америка оказывалась в центре внимания. В частности, такой период начался после европейских революций 1848—1849 гг., когда российские интеллектуалы (не только славянофилы, но и революционеры) разочаровались в перспективах европейского пути, и для них осталось два варианта развития — Россия и Америка. В.В. Носков пришел к обоснованному выводу, что «комплекс «американских» идей славянофилов становился важнейшим компонентом складывавшегося национального самосознания, представляя материал для сравнения и набор оценочных критериев, позволявших лучше понять самих себя»²¹.

В последнее десятилетие в России оживился интерес к истории российско-американского диалога в девятнадцатом веке, уже приведший к появлению весьма интересных исследований. В этом ряду стоит, в частности, проект «Американская цивилизация», осуществленный Центром Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, книга А.М. Эткинда по истории взаимодействия русской и американской культур, издание «Энциклопедии российско-американских отношений XVIII—XX века», составленной Э.А. Иваняном²². В отличие от монографии А.М. Эт-

¹⁹ Арустамян Л.Р. Американская тема на страницах «Отечественных записок» (1841—1856) // Американский ежегодник, 1991. М., 1992. С. 93—103.

²⁰ Исаев С.А. Токвиль в русской дореволюционной публицистике // Исаев С.А. Алексис Токвиль и Америка его времени. СПб.: Наука, 1993. С. 119—129.

²¹ Носков В.В. «Нет, свобода не там»: славянофильский образ Америки // Американский ежегодник, 2003. М., 2005. С. 270.

²² См.: Американская цивилизация как исторический феномен: Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М., 2001.;

кинда, ставящей множество интересных исследовательских задач, но не решающей их на достаточном источниковом материале и энциклопедии, к сожалению, очень неполной в разделах, посвященных XIX веку, коллективная монография, посвященная восприятию США в общественной мысли различных стран, представляет серьезную заявку на исторический подход к проблеме, остающейся до сих пор вотчиной филологов.

На протяжении многих лет отечественные авторы плодотворно исследовали историю литературных связей и взаимного влияния русской и американской литератур²³. Это было время первых путешествий, начало диалога, период, когда закладывались стереотипы взаимного восприятия народов. Первые контакты двух литератур появились также в период, которому посвящено наше исследование. Как показал в своем фундаментальном исследовании А.Н. Николюкин, вплоть до Гражданской войны в США, на первом этапе становления литературных связей «активной стороной выступала русская словесность», активно изучавшая и осваивавшая американский романтизм, в то время как «литература США, обращенная к западноевропейскому наследию, еще не была в состоянии обогатить себя художественными открытиями русской культуры»²⁴. Однако выводы, сделанные Николюкиным из тщательного исследования источников, сводятся именно к литературному влиянию, практически не затрагивая проблем общественного развития двух стран.

Появились и первые работы, выполненные в русле «имагологии» (или «имажинологии») — изучения формирования взаимных образов и стереотипов в общественном сознании различных народов. Весьма интересной в этом ряду представляется монография А.В. Павловской об американском образе Рос-

Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001; Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII—XX века / Сост. Э.А. Иванян. М., 2001.

²³ См., например: Николюкин А.Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М., 1981; Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (записки и книги путешествий в американской литературе XVII—XIX вв.). М., 1999.

²⁴ Николюкин А.Н. Литературные связи... С. 171, 383.

сии²⁵, хотя некоторые выводы автора нам представляются спорными. Так, поворот в оценках России американским обществом Павловская относит к 1850-м гг., тогда как наше исследование показывает, что перелом произошел уже в 1840-е гг.

В Соединенных Штатах за истекшее столетие было опубликовано несколько монографий и множество статей, посвященных истории русско-американских отношений²⁶. Книги, как правило, охватывали весь период взаимодействия либо имели границей революцию 1917 года. Никто из американских авторов не уделил достаточного внимания анализу взаимоотношений второй трети девятнадцатого века, зачастую лишь вскользь упомянутая ключевые проблемы этого периода.

Тем не менее уже в 1930 году была опубликована монография Бенджамина Платта Томаса, посвященная достаточно узкому периоду с 1815 по 1867 г. Рассматривая русско-американские отношения с позиции дипломатической истории, Томас пришел к выводу, что Россия и Соединенные Штаты рассматривали друг друга как баланс против английских (и иногда французских) соперников. «Русско-американские отношения, — заключает Томас, — были обычно наиболее сердечны, когда та или другая из стран были в ссоре с Англией». Именно на основании дипломатических документов автор заключил, что в 1840-е гг., когда обе страны наслаждались английским расположением, наметилось сравнительное охлаждение двусторонних отношений²⁷. Нам, однако, представляется, что дипломатию нельзя изучать изолированно от технических, культурных, экономических связей, а, рассмотренные в комплексе, именно 1840-е гг. оказываются периодом настоящего прорыва в русско-американских отношениях.

²⁵ Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850—1880-е годы. М., 1998.

²⁶ Нельзя не назвать в числе первых американских исследователей Фрэнка Голдера, еще в 1926 году опубликовавшего статью об истории русско-американских отношений времен Крымской войны: Golder F.A. Russian-American Relations During the Crimean War // American Historical Review. 1926 (April). Vol. 31. P. 462—476.

²⁷ Thomas B.P. Russo-American Relations, 1815-1867 / Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Vol. 48. № 2. Baltimore, 1930. P. 167, 169.

В годы Второй мировой войны боевой союз США и Советского Союза вызвал появление нескольких работ общего плана, в которых анализировались отношения двух стран. Книга Ф.Р. Даллеса была качественным обзором дружественной истории отношений России и Соединенных Штатов, в котором нашлось место заключению договора 1832 года и взаимным симпатиям периода Крымской войны²⁸. Автор избегал анализа, в основном ограничиваясь описанием с обильными цитатами из дипломатических депеш, однако выбирал из истории наиболее яркие примеры дружбы России и Америки.

Автором другой работы, опубликованной в годы войны, был известный русский ученый-социолог, живший в США, Питирим Сорокин. Задавшись вопросом, почему Россия и Соединенные Штаты никогда не воевали друг с другом, Сорокин обратил внимание своих американских читателей на необходимость «различать простое несоответствие умственных, культурных и общественных ценностей двух групп и непримиримый антагонизм между этими ценностями. <...> Если американская и русская системы психологических и социокультурных ценностей были чрезвычайно различными, это не означает, что они были непримиримы». С другой стороны, «предполагаемое фундаментальное различие между умственными, культурными и социальными ценностями двух народов чрезвычайно преувеличено. На самом деле Соединенные Штаты и Россия демонстрируют сущностное сходство или сродство во многих важных психологических, культурных и социальных ценностях». В самом деле, «обе страны представляют собой обширные континенты», обе приняли «сравнительно мирную экспансию» и «обе демонстрируют единство в многообразии»²⁹. Нам особенно интересен вывод автора о том, что «индустриализация и реиндустриализация России была на самом деле процессом ее американизации»³⁰.

Одним из немногих авторов, оспаривавших сам факт дружественных отношений между Россией и США во второй трети

²⁸ Dulles F.R. *The Road to Teheran: The Story of Russia and America, 1781—1943*. Princeton, 1944.

²⁹ Sorokin P. *Russia and the United States*. New York, 1944. P. 26, 27, 29, 33.

³⁰ *Ibid.* P. 168.

ХІХ века, был Томас Бейли, книга которого была опубликована в разгар «Холодной войны». Его анализ был основан на негативных впечатлениях американских дипломатов от бюрократической машины николаевской России, всепроникающей слежки и нездорового климата³¹. Сегодня на изучении именно антагонизма американского общественного мнения по отношению к самодержавной империи настаивает известный американский историк Кинли Брауер³².

Несколько монографий, также появившихся в годы «Холодной войны», тем не менее, подчеркивали именно дружбу. Такова книга А. Тарсаидзе «Цари и президенты: История забытой дружбы», опубликованная в 1958 г., на волне «оттепели» и между двумя встречами на высшем уровне Н.С. Хрущева и Д. Эйзенхауэра³³.

Вышедший в свет в 1952 году обзор русско-американских отношений основателя радикальной школы в американской историографии У.Э. Уильямса еще не так четко ставил проблему американского экспансионизма, как его знаменитая «Трагедия американской дипломатии», опубликованная семью годами позднее³⁴.

Важной проблемой, разрабатывавшейся американскими историками на протяжении XX века, было влияние Америки на Россию. Вышедшая в 1947 году книга Д. Хехта анализирует отношение к США оппозиционно настроенной части русского общества, которую он назвал «радикалами»³⁵.

М. Лазерсон в монографии, опубликованной в 1950 году, утверждал, что в период после восстания декабристов в течение тридцати лет Россия оставалась закрытой («sealed») страной, в которой «развивались два политических течения, прогивостоящих друг

³¹ Bailey T.A. *America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day*. Ithaca; New York, 1950.

³² К. Брауер — автору, 1 мая 2002 г. [электронное письмо].

³³ Tarsaidze A. *Czars and Presidents: The Story of a Forgotten Friendship* p. New York, 1958.

³⁴ Williams W.A. *American-Russian Relations, 1781—1947*. New York; Toronto, 1952.

³⁵ Hecht D. *Russian Radicals Look to America, 1825—1894*. Cambridge, 1947.

другу, «но равно враждебных республиканской федеративной Америке: реакционный консерватизм и, позднее, юный, идеалистический, но радикальный социализм. Посредине оставалась третья сила: русский либерализм, который, после разгрома 1825 г. вплоть до 1917 г. развивал декабристскую традицию про-американизма»³⁶. Лазерсон проанализировал высказывания о Соединенных Штатах дипломата Павла Свинына, славянофилов Владимира Одоевского и Алексея Хомякова, декабриста Николая Тургенева и эмигранта Ивана Головина, типологизируя их как представителей соответственно «дипломатических кругов», «умеренных консерваторов», «умеренных радикалов» и «умеренных либералов»³⁷. Узкий круг российских источников оставил многие выводы Хехта и Лазерсона недостаточно доказанными, но их обращение к русским оценкам американской политики было развито следующим поколением историков. Что же касается «закрытости» России в период правления Николая I, то очевидно, что Лазерсон перенес на век назад образ современного ему СССР. Напротив, 1840-е и особенно 1850-е гг. были периодом участвовавших поездок американцев в Россию (хотя поездки русских за рубеж, действительно были ограничены).

Наконец, в 1978 году была опубликована монография известного историка Дж.Л. Гэддиса, предложившего интерпретацию всей истории русско-американских отношений. Гэддис считал, что в каждой из стран на протяжении всей истории их взаимодействия боролись «универсалистский» и «узкий» подходы к достижению безопасности. Сторонники универсалистского подхода считали залогом национальной безопасности достижение единства институтов и ценностей, «гомогенность», тогда как сторонники

³⁶ Laserson M. The American Impact on Russia — Diplomatic and Ideological — 1784—1917. New York, 1950. P. 138, 141.

³⁷ Ibid. P. 155. В 1952 г. в США вышла из печати книга Н.В. Рязановского о славянофилах, в которой несколько подробнее анализируется эволюция славянофильских взглядов на Соединенные Штаты. Специальное же исследование критики США в русской «почвеннической» литературе было опубликовано Э. Глисоном в 1992 г. См.: Riasanovsky N.V. Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology. Cambridge, 1952. P. 112—114; Gleason A. Republic of Humbug: The Russian Nativist Critique of the United States, 1830—1930 // American Quarterly. 1992. Vol. 44. № 1. P. 1—23.

более узкой трактовки считали достаточным обеспечить отсутствие угроз и мириться с разнообразием мира. Неудивительно, что периоды сближения России и США приходились на те периоды, когда в политике обеих стран доминировали сторонники узкого понимания безопасности. В XIX веке обе страны согласились на такое понимание по отношению друг к другу, хотя и предпочитали «универсализм» применительно к ближайшим соседям³⁸. Книга Гэддиса, как и работы его предшественников, мало места уделяет интересующему нас периоду, упуская из виду большую часть его достижений и проблем.

Пожалуй, подробнейшим американским исследованием русского отношения к Соединенным Штатам в дореволюционный период остается монография Р. Аллена «Россия смотрит на Америку», вышедшая в 1988 г. Аллен проанализировал русские журналы в поисках информации о русских путешествиях в США и об отношении к заокеанской республике в Российской империи. Скромное замечание автора, что вся его книга «была всего лишь введением в тему, по которой гораздо больше может и должно быть написано», никак не умаляет его труда, ставшего этапом в исследованиях русско-американских отношений³⁹. Книга Аллена знаменовала собой переход от скудных по своей источниковой базе обзоров, в основном интерпретировавших русско-американские отношения, к исследованию источников, включая русские материалы⁴⁰.

Среди книг американских историков выделяется солидная монография профессора Канзасского университета Норма Сола. В ней содержится подробный рассказ о визитах американцев в Россию и русских в Америку, а также анализируются основные сюжеты дипломатической переписки. Н. Сол со-

³⁸ Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. 2nd ed. New York, 1990. P. 339—340.

³⁹ Allen R.V. Russia Looks at America: The View to 1917. Washington, 1988. P. 274.

⁴⁰ Справедливости ради надо отметить, что еще Ф. Голдер проделал большую подготовительную работу, опубликовав в 1917 и 1937 годах двухтомный «Guide to Materials for American History in Russian Archives», а в период «холодной войны» доступ американских ученых в СССР был ограничен.

здал самую полную на сегодняшний день панораму русско-американского взаимодействия. Его монография охватывает более чем вековой период, и, видимо в силу этого, автор зачастую ограничивается нарративом и констатацией существующих в историографии парадоксов. Так, справедливо отмечая недостаточность существующих объяснений русско-американской дружбы в середине XIX века, профессор Сол не предложил собственной трактовки⁴¹.

Нельзя не назвать хотя бы основные из многочисленных американских работ по более специальным аспектам русско-американских отношений, отдельных эпизодов или проблем.

Тему отношений периода Крымской войны анализирует в своей монографии американский историк А. Доути⁴². Эта работа написана скорее как исследование международных отношений, чем историческая монография, автор стремился по-новому интерпретировать существующие источники, а не ввести в оборот ранее неизвестные. Тем не менее книга Доути остается важным обобщением американской историографии русско-американских отношений во время Крымской войны.

По-прежнему наиболее полным представляется исследование торговли между Россией и США американского историка У. Кирхнера⁴³. В монографии американского историка исследуются как общие объемы торговли, так и вклад каждого торгового дома и даже отдельных купцов, регулярно или от случая к случаю принимавших участие в русско-американской торговле. Отдельный параграф книги Кирхнера посвящен Джорджу Уистлеру и братьям Уайнансам, сыгравшим ключевую роль в строительстве железной дороги между Петербургом и Москвой. Автор приходит к выводу, что, несмотря на некоторый стимул, который был задан двусторонней торговлей сахарной и текстильной промышленности России, а также кораблестроению и металлообработке США, история торгового взаимодействия мало повлияла на развитие каждой из стран. Торговля не привела ни

к взаимопроникновению культур, ни к эволюции экономических систем или политических институтов, «не смогла стать мостом» к взаимопониманию. Если проникновение культуры и идей в тот период происходило, заключил Кирхнер, то «оно шло не по тем каналам, которые создала коммерция»⁴⁴. Соглашаясь с американским историком, мы именно по этой причине не затрагиваем в нашем исследовании русско-американскую торговлю, стремясь проанализировать именно «некоммерческие» каналы взаимодействия.

Ключевой проблемой истории русско-американских отношений многие авторы считают объяснение дружеских отношений между двумя настолько разными странами. В самом деле, есть некоторый парадокс в истории русско-американских отношений второй трети девятнадцатого века. Две страны, противопоставленные друг другу в общественном мнении либеральной Европы, как цитадель деспотизма и оплот демократии, являлись союзниками на международной арене. Больше того, события Крымской войны показали, что общественное мнение США в целом было дружественно настроено по отношению к Российской империи. Достаточно сравнить этот период дружбы с «Холодной войной», развернувшейся в похожей идеологической ситуации в XX веке, чтобы согласиться с существованием парадокса.

В исторической литературе существует несколько объяснений этого феномена, наиболее распространенными из которых являются два взаимодополняющих тезиса:

1) тезис об «общем враге», которым для России и США в тот период являлась Великобритания. Стремление отстоять собственные интересы перед лицом имперской политики Англии было, по мнению впервые сформулировавшего эту идею Бенджамина Платта Томаса, главным фактором сближения двух стран⁴⁵. Томас обратил внимание на то, что «во всех остальных отношениях противоположность друг другу, самая либеральная демократия и самый реп-

⁴¹ Saul N.E. *Distant Friends...* P. 166—168.

⁴² Dowty A. *The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War.* New York, 1971.

⁴³ Kirchner W. *Studies in Russian-American Commerce, 1820—1860.* Leiden, 1975.

⁴⁴ Ibid. P. 224.

⁴⁵ Thomas B.P. *Russo-American Relations, 1815-1867* / Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. V.48. № 2. Baltimore, 1930.

рессивный деспотизм в мире, обе страны были воодушевлены страхом перед Великобританией»⁴⁶.

Стоит заметить, тем не менее, что Англия в период *Rex Britannica* являлась общим раздражителем для практически всех стран, однако это не привело к дружбе, скажем, Франции и Германии в последней трети XIX века. Кроме того, необходимо учесть, что Великобритания являлась не только (и не столько) «общим врагом», но и главным торговым и внешнеполитическим партнером для России и США, поэтому тезис Томаса требует дополнений и уточнений.

2) тезис об «отделении (*insulation*) дипломатии от идеологии», присущем политикам России и Соединенных Штатов и дополняющем общность интересов в интерпретации «реалистов» (Джон Гэддис)⁴⁷.

Отделение дипломатии от идеологии было действительно важным. Однако парадокс состоит как раз в том, что многие носители американской либеральной и демократической «идеологии» высоко оценивали деспотическую самодержавную Российскую империю. Не только дипломаты, но и большая часть американского общественного мнения была настроена весьма дружественно по отношению к России (за исключением двух важных, но коротких периодов доминирования негативных эмоций в американской прессе — в связи с подавлением Россией польского восстания 1830 г. и венгерского восстания 1849 г.). Кроме того, если в тот ранний период отношений дипломатия и была отделена от общественного мнения, то само общественное мнение о России в значительной мере формировалось выступлениями, статьями и книгами американских дипломатов.

Наконец, все историки соглашаются с тем, что отсутствие значимых противоречий в каких-либо регионах мира также играло важную роль в поддержании дружественных отношений России и США в изучаемый период.

В нашей работе мы опирались на основные признанные методы исторического исследования. Мы также привлекли к анализу русско-американского взаимодействия новейшие достижения науки о международных отношениях, в частности, пришедшую

⁴⁶ Ibid. P. 9.

⁴⁷ Gaddis J.L. *Russia, the Soviet Union, and the United States...* P. 25.

из лингвистики проблематику «использования Другого». Рассмотрение того, каким образом в речах государственных деятелей и в периодической печати конструировался образ другой страны, понимание того, что этот образ отвечал, прежде всего, задачам внутреннего развития, оказалось чрезвычайно плодотворным.

В настоящее время появились работы, в которых рассматривается феномен «социального конструирования», в том числе конструирования географических образов⁴⁸. Национальные стереотипы рассматриваются в этой парадигме как «конструкты», доступные для анализа. Специальных работ по истории русско-американских связей, написанных с позиций этого подхода, пока не написано.

Представляется, что отношения между Россией и США в XIX веке можно изучать на нескольких «уровнях».

Государственные деятели рассматривали отношения с точки зрения стратегических интересов своих стран. Два государства нашли друг в друге ресурсы, которые были жизненно важны именно в тот исторический период. США для России оказались источником технической экспертизы и опорой в инновационных устремлениях российской бюрократии. Россия для США — надежным союзником в стремлении молодой республики повысить свой международный авторитет и укрепиться в новых для нее регионах мира. В рассматриваемый нами период между Санкт-Петербургом и Вашингтоном развернулось широкое техническое сотрудничество, включавшее заказы в Америке паровозов и приглашение в Россию инженеров-железнодорожников, покупку за океаном машин и механизмов. В свою очередь, империя оказалась самым последовательным союзником республики из числа великих держав в ее стремлении поднять свой статус и модифицировать в своих интересах международную систему. Тем не менее международные отношения в тот период вращались вокруг Лондона, и русско-американские дипломатические связи зависели в конечном итоге от состояния контактов каждой из стран

⁴⁸ См., в частности: Нойманн И.Б. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей.* М., 2004; Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения.* М., 2003.

с Англией. В первой части книги мы намерены рассмотреть именно этот круг вопросов.

Другой уровень русско-американских отношений — это отношения между людьми, посещавшими чужую страну.

Прямые контакты между двумя странами в первой половине девятнадцатого века были довольно ограничены. В этих условиях важную роль в создании представлений народов друг о друге играли те немногочисленные их представители, кто путешествовал по делам службы или бизнеса. На всем протяжении изучаемого периода такую роль в двусторонних контактах играли сотрудники дипломатических миссий. В 1840—1850-е гг. к ним добавились инженеры, морские офицеры, врачи, предприниматели, политэмигранты, а потом и просто любознательные путешественники. Многие из них, вернувшись на Родину, становились источниками сведений о другой стране, которые подкрепляли или меняли стереотипы восприятия. Все они, находясь за границей, представляли свое общество, и влияли на представления о своей стране, складывавшиеся в стране пребывания.

Что именно интересовало американцев в России, а русских в Америке? Что им нравилось, а что нет? Как они сами воспринимались местными жителями? Как на их отношение к стране влияла политика и «домашние» стереотипы? Насколько опыт их знакомства с чужим обществом мог повлиять на политику и образ этой страны в собственном отечестве? Ответить на эти вопросы мы попытались во второй части нашей работы.

Если бы русско-американские отношения ограничивались переговорами дипломатов, их подчиненный характер в тогдашней системе международных отношений дал бы нам слишком немного материала для анализа и представлял бы узкий интерес. Тем не менее внимание, которое уделяли друг другу русское и американское общества, было гораздо более пристальным, чем того требовали дипломатические расчеты. В рассматриваемый период самодержавная империя и демократическая республика представляли для европейских политических мыслителей две вероятных модели собственного развития, а США и Россия были друг для друга зеркалом собственных проблем. Крепостное право и рабство, экспансия на Запад и на Восток, черкесы и индейцы, свобода и самодержавие, наконец, европейский или «особый путь», — основные темы общественных дебатов находили аналогию или ан-

титезу в другом обществе. Именно эти проблемы рассматриваются в третьей части монографии.

Безусловно, невозможно говорить об оценках одним народом другого «вообще», — в каждой стране существовали группы, поразному относившиеся к другой державе и к другому обществу. Интересен поэтому именно анализ отличий в подходах.

Такая структура работы приводит к необходимости обращаться к некоторым видам источников заново в каждой части книги. Однако каждый раз это обращение происходит под новым углом зрения. Так, весьма интересные письма американского дипломата Джеймса Бьюкенена в первой части анализируются как составляющая дипломатических взаимоотношений (здесь особенно важна «событийная», внешняя канва), во второй — как свидетельства «из первых рук» наблюдательного и адаптивного американца, живущего в Санкт-Петербурге, а в третьей — проверяются на наличие стереотипов представлений о России, присутствующих американцам его поколения и уровня образования.

Наличие обширной литературы по ряду аспектов и сюжетов русско-американских отношений 1830—1860 гг. дало нам возможность исключить из круга нашего исследования ряд безусловно важных тем.

Первой в этом ряду стоит российско-американская торговля. Во-первых, после заключения торгового договора 1832 года коммерция, как это ни парадоксально, перестала быть основным содержанием русско-американского взаимодействия. Ее объем не рос, а в относительных цифрах даже снижался⁴⁹, тогда как новые области сотрудничества становились все более важной частью двусторонних отношений. Более того, при всей важности поставок

⁴⁹ Общий объем торговли на протяжении последовавших за заключением договора 1832 г. тридцати лет не увеличивался, а в относительных величинах он падал:

Год	Импорт США	Экспорт США	Общий объем	В % от торговли США
1832	3,248,852	500,629	3,749,481	2,15
1842	1,350,106	831,615	2,181,721	1,12
1852	1,581,620	1,200,480	2,782,100	0,75
1862	595,202	57,032	652,234	0,18

хлопка, сахара в Россию и пеньки в Америку, число задействованных в этой торговле людей было невелико, и этот специфический круг международных купцов был довольно узок (особенно с русской стороны) и привязан к портовым городам двух стран. И, наконец, русско-американская торговля подробно рассмотрена в специальных работах (прежде всего, в фундаментальном исследовании У. Кирхнера)⁵⁰.

За рамками нашего исследования остались сюжеты, связанные с взаимодействием России и США на севере Тихого океана и предысторией продажи Аляски. За последние годы были опубликованы фундаментальные работы по этим темам, к которым может обратиться заинтересованный читатель⁵¹.

Наконец, взаимодействие литератур, так же, как и научные связи России и США представляют собой самостоятельные сюжеты, которые требуют особой методики исследования⁵². С другой стороны, эти контакты в меньшей степени влияли на дипломатические отношения и на эволюцию сте-

Данные (в долларах) приведены по: Libbey J.K. *American-Russian Economic Relations: A Survey of Issues and References*. Claremont, 1989. P. 12. Не торговля определяла отношения между странами в эту эпоху.

⁵⁰ Kirchner W. *Studies in Russian-American Commerce, 1820—1860*. Leiden, 1975; Coleman M. *Russia and America: Balancing the Account Books from More Than a Century of Trade* // *New England Journal of History*. 1996. Vol. 53. № 1. P. 48—56; Fredrickson J.W. *American Shipping in the Trade with Northern Europe, 1783—1860* // *Scandinavian Economic History Review*. 1956. Vol. 4. № 2. P. 109—125.

⁵¹ Болховитинов Н.Н. *Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834—1867*. М., 1990; *История Русской Америки: В 3 т. / Под ред. акад. Н.Н. Болховитинова*. М., 1999; *Русская Америка. 1799—1867: Материалы междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-американской компании 1799—1999»*, Москва, 6—10 сентября 1999 г. М., 1999.

⁵² Литературные связи исследовались в работах литературоведов: Николюкин А.Н. *Литературные связи России и США: Становление литературных контактов*. М., 1981; Он же. *Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка*. М., 1987; Стеценко Е.А. *История, написанная в пути... (записки и книги путешественников в американской литературе XVII—XIX вв.)*. М., 1999; *История литературы США*. Т. 1—4. М., 1997—2004; и др.

реотипов каждой страны, составляющие главный предмет нашей работы.

С другой стороны, некоторые сюжеты, также становившиеся предметом пристального изучения отечественных и американских историков, невозможно не включить в круг рассматриваемых. Прежде всего, речь идет о Крымской войне, ставшей своего рода кульминационным пунктом общественных симпатий к России в Соединенных Штатах. Мы постарались, однако, избежать повторов наиболее известных сюжетов, связанных, например, со скандальной попыткой набора американцев в британскую армию и с деятельностью американских врачей в Севастополе в месяцы осады, отсылая заинтересованных читателей к работам Н.Н. Болховитинова, В.Н. Пономарева, Б.П. Полевого, А. Доуги⁵³. В нашей книге анализируется, прежде всего, роль Крымской войны в международной перегруппировке сил, поднявшей относительное влияние США, а также в переосмыслении образа России в Соединенных Штатах после периода охлаждения, вызванного европейскими революциями 1848—1849 гг.

Различия в общественном устройстве и техническом развитии России и Североамериканских Соединенных Штатов во второй трети XIX века повлияли на круг источников, сформировавшихся в каждой из этих стран. Закрепленная в конституции свобода слова в США и цензура в Российской империи, относи-

⁵³ См.: Пономарев В.Н. *Крымская война и русско-американские отношения*. М., 1993; Он же. *Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1853—1856* // *Исторические записки*. Т. 110. М., 1984. С. 232—281; Полевой Б.П. *Попытка американского посредничества в Крымской войне* // *Проблемы истории и этнографии Америки*. М., 1979. С. 43—53; Болховитинов Н.Н., Пономарев В.Н. *Американские врачи в Крымской войне* // *США — Экономика. Политика. Идеология*. 1980. № 6. Июнь. С. 63—69; Болховитинов Н.Н., Полевой Б.П. *Общественность США и оборона Севастополя в 1854—1855 годах* // *Новая и новейшая история*. 1978. № 4. С. 35—52; Dowty A. *The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War*. New York, 1971. В США было опубликовано еще несколько статей по различным аспектам русско-американских отношений в годы Крымской войны (см. список источников и литературы), но книга А. Доуги представляет собой наиболее всестороннее исследование.

тельно небольшое количество журналов и газет в николаевской России и широкое распространение периодической печати за океаном, широкий спектр мнений из разных слоев американского общества и относительно узкий социальный слой имевших право и возможность высказаться в российском, — все это привело к асимметрии источников для изучения общественного мнения в двух странах.

Дипломатические документы в большей степени были подобны, хотя американские представители в России, не будучи профессиональными дипломатами и относительно часто сменяя друг друга в российской столице, зачастую наполняли свои депеши текстами, содержание которых выходило за рамки их прямых обязанностей. Зато основные дипломатические проблемы на протяжении большей части рассматриваемого периода решались более профессиональным российским посольством в Вашингтоне.

Мы изучили публикации бумаг и личные архивные фонды людей, имевших отношение к развитию политических, экономических, культурных связей между нашими странами, а также лидеров общественного мнения и ведущих политиков США с целью выявления основных взглядов на Россию, а также русских политиков, мыслителей, журналистов и литераторов, писавших о или упоминавших в своих текстах Соединенные Штаты. Американские дипломатические документы размещены в Национальном архиве США, ряд весьма важных документов были обнаружены нами в личных фондах государственных деятелей в рукописном отделе Библиотеки конгресса, в архивах Массачусетского исторического общества, исторического общества Коннектикута и других архивохранилищах Соединенных Штатов.

Среди источников личного происхождения особый интерес вызывают письма и дневники американских посланников в России и других сотрудников дипломатической миссии. Некоторые американские дипломаты, обладавшие острой наблюдательностью и хорошими адаптационными способностями, оставили весьма ценный материал, проливающий свет на столкновение различных видений мира и процессы приспособления к новому. В этом ряду выделяются переписка Дж. Бьюкенена, дневник Дж.М. Далласа, мемуары Э.Д. Уайта.

Нам удалось проанализировать американскую периодику второй трети XIX века, прежде всего такие ведущие национальные издания, как «United States Magazine and Democratic Review» (издавался с 1837 по 1859 гг.), «American Whig Review» (издавался с 1845 по 1852 г.), «North American Review» (издавался с 1815 года на протяжении всего XIX века), «New Englander and Yale Review» (издавался с 1843 по 1893 гг.), «Harper's New Monthly Magazine» (издавался с 1850 г. до конца века), «Putnam's Monthly Magazine of American Literature, Science and Art» (издавался с 1853 по 1870 г.), «De Bow's Southern and Western Review», «Southern Literary Messenger», «Southern Quarterly Review» и ряд других изданий. Среди журналов представлены издания с четко выраженной политической окраской, однако эта партийная принадлежность практически не оказала влияния на оценки российской политики на их страницах. За исключением последних трех, все эти журналы издавались на северо-востоке страны, прежде всего, в Нью-Йорке и Бостоне. Именно там были сосредоточены главные интересы, связанные с Россией, — торговля, кораблестроение, позднее железнодорожное строительство.

Наконец, официальная дипломатическая переписка и материалы дебатов в конгрессе США помогли уточнить официальную точку зрения различных американских администраций и ее эволюцию.

В России нам удалось изучить дипломатическую переписку, материалы государственных органов, а также периодическую печать.

Дипломатические документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, позволили нам не только реконструировать политику правящих кругов России по отношению к США, но и проследить историю технического сотрудничества двух стран. Важнейшие государственные документы размещены также в Российском государственном историческом архиве, материалы о пароходном строительстве — в Российском государственном архиве военно-морского флота, а о сотрудничестве в изготовлении оружия — в Российском государственном военно-историческом архиве.

На страницах периодических изданий публиковались статьи об Америке, отражавшие уровень знаний и отношение к этой стране различных групп российской читающей публики. Публи-

кации по американской тематике можно было встретить как на страницах специальных инженерных и морских изданий, таких как «Журнал путей сообщения», «Горный журнал», «Артиллерийский журнал», «Морской сборник», «Вестник промышленности», так и в литературных журналах различной ориентации, рассчитанных на широкие слои читателей: это «Библиотека для чтения», «Сын отечества», «Отечественные записки», «Современник», «Атеней», «Пантеон», «Русский вестник» и другие издания. Сравнение статей, опубликованных разными журналами, позволило нам выявить как общие представления о Соединенных Штатах, бытовавшие в русском обществе, так и особенности, присущие той или иной общественной или профессиональной группе.

Важной группой источников являются записки путешественников, как опубликованные, так и обнаруженные нами в архивах.

Классическая подборка статей и записок о России Юджина Аншела «Американский образ России»⁵⁴ страдает одним существенным недостатком: в одном ряду в ней стоят тексты, принадлежащие перу американцев, побывавших в Российской империи, и тех, кто судил о ней только на основании вторичных сведений, почерпнутых из газет и чужих мемуаров. Представляется, что между текстами двух этих разновидностей существует четкое различие, которое проигнорировал составитель (в чем-то предвосхищая постмодернистский тезис о принципиальной неразличимости текстов, имеющих в качестве основы непосредственный опыт автора и текстов вторичных). Обе группы текстов весьма важны, но они дают нам ответ на разные вопросы. Именно поэтому мы выделили исследование мнений дипломатов и путешественников в отдельную часть.

Задача историка — осуществить диалог между своим поколением, своей культурой, и поколением и культурой ушедшей. Он ищет в прошлом ответы на вопросы, поставленные современностью. Путешественники в пространстве ищут ответы на проблемы своих сограждан в других странах и культурах. Историк — путешественник во времени. Его отправляет в архивы та же задача, что

влечет в дорогу странников. Он ищет ответы на проблемы, мучающие его современников, в опыте прошлых поколений, опыте, который могли не заметить сами наши предки.

Когда же предметом исторического исследования становятся путешествия прошлого, диалог культур, отдаленный от нас уже столетиями, то к задачам историка добавляется анализ содержания этого диалога. Такой анализ позволяет выяснить проблемы, решавшиеся людьми и обществами прошлого, «увидеть» страны и народы глазами «других», выявить те черты общественной жизни, которые не замечали современники-сограждане, потому что считали их «естественными», обыденными.

Такое исследование напоминает штудии в области истории идей, историографии: интересен не только сам событийный ряд, дотошное выяснение того, кто, куда и зачем ездил, а характер наблюдений над другой страной. Какими глазами видели друг друга путешествовавшие представители разных народов, что они считали важным увидеть и рассказать соотечественникам, почему, наконец, именно эти вопросы волновали людей того времени, а другие, с нашей точки зрения не менее важные, оставались совершенно не затронутыми в современных «травелогах».

Анализ этих проблем помогает больше узнать о путешественниках и их собственной стране, а также понять содержание диалога культур в тот или иной исторический период.

Более того, современные подходы к изучению международных отношений требуют постановки проблем, ранее лежавших далеко за рамками истории дипломатии. Это прежде всего анализ формирования образа Другого в своей стране, без которого немислимо понимание содержания двустороннего взаимодействия.

⁵⁴ The American Image of Russia, 1775—1917 / Ed. by Eugene Anshel. New York: Frederick Ungar Publishing Co, 1974.

Выражение признательности

Работа над большим проектом — а книга это как раз такой проект — всегда вовлекает автора во взаимодействие по поводу темы исследования с друзьями и коллегами, библиотеками и архивами, институтами и фондами. Многие месяцы сбора материалов и подготовки текста требуют поддержки, с одной стороны, близких, а с другой — руководства университета.

Прежде всего, автор считает себя обязанным своим учителям: ушедшему из жизни д. и. н. Р.Ф. Иванову, д. и. н. А.И. Кубышкину и акад. Н.Н. Болховитинову. Именно они показали автору путь в американистику, доброжелательно и авторитетно помогли ему найти свою тему.

Монография частично явилась результатом целого ряда научных проектов, поддержанных грантами таких организаций, как Институт им. Кеннана, Бюро образовательных и культурных обменов Посольства США в Москве, Канадское посольство, Институт международного образования (программа Фулбрайт), Совет по международным исследованиям и обменам (IREX).

Залы нескольких библиотек послужили рабочим местом при подготовке монографии. Особую признательность автор выражает сотрудникам библиотеки Бейкера-Берри Дартмутского колледжа, Государственной публичной исторической библиотеки России, научной библиотеки Центра им. Вудро Вильсона и Библиотеки конгресса США.

Архивы Соединенных Штатов, России и Канады открыли свои фонды для поиска новых материалов по теме исследования. С особенно теплым чувством автор вспоминает работу в отделе рукописей Библиотеки конгресса, Национальном архиве США, Массачусетском историческом обществе, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном архиве военноморского флота, Национальном архиве Канады. Везде сотрудники архивов были чрезвычайно доброжелательны и всячески помогали в работе.

Текст рукописи на разных этапах ее подготовки прочли и высказали важные для совершенствования работы замечания

О.В. Кузнецов, А.И. Кубышкин, Н.Н. Болховитинов, М.М. Сиротинская, А.Ю. Петров, В.И. Журавлева, М.С. Альперович.

Очень многое я почерпнул из бесед с М. Алексеевым, Н. Баландиной, Дж. Белоглавеком, Г. Дерлугьяном, И.О. Пашинской, Б.М. Шпотовым, К.Е. Шумейкером, А.М. Эткиндо. Список тех, кому я признателен, гораздо больше, чем могут вместить эти страницы.

На протяжении нескольких лет автор имел возможность обсуждать мысли и черновики своей работы в рамках академических конференций Программы новых подходов к безопасности России (PONARS). Взгляд ученых других академической специальности — социологов, политологов, географов — позволил автору расширить свое представление о собственном предмете.

Несколько лет работы в Институте Открытое Общество — Фонде Сороса не только ввели автора в контекст современных отношений России и США на уровне гражданского общества, но и помогли лучше понять собственную страну в ее многообразии. Моя признательность — руководителю региональной сети фонда Сороса В.И. Бахмину, коллегам и друзьям, — бывшим координаторам ИОО в регионах России.

Автор хотел бы поблагодарить за поддержку коллег по кафедре регионоведения и международных отношений Волгоградского государственного университета и Центру североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Руководство Волгоградского государственного университета всегда с пониманием относилось к моей научной работе и не раз способствовало моим научным командировкам, зачастую шедшим вразрез с интересами учебного процесса.

Особые слова я хотел бы сказать друзьям, Андрею Макарову и Людмиле Поповой, общение с которыми стимулировало мысль и давало новые импульсы к работе.

Наконец, без понимания и поддержки Татьяны и Ивана-младшего книга была бы написана гораздо позже.

Излишне говорить, что исключительно на авторе лежит вся ответственность за возможные неточности, ошибки и спорные суждения.

Необходимое примечание

Источники, использовавшиеся автором, в оригинале написаны на разных языках. В тексте монографии цитаты из русских источников даны, как правило, в переводе на современную русскую орфографию (за исключением нескольких специально оговоренных случаев). Английские и французские тексты также даны в переводе на русский язык, сделанном, если это специально не оговаривается, автором.

В XIX веке разница между грегорианским и использовавшимся в России юлианским календарями составляла 12 дней. В тех случаях, где речь идет о США или Европе, даты даны по грегорианскому календарю, российские события приводятся по юлианскому. Письма и депеши, направленные из России в США, а также русскими дипломатами из США в Россию, как правило, даны с двойной датировкой (в основном автор воспроизводил датировку, данную самим корреспондентом).

Стратегические союзники

Часть I

Вторая треть XIX века была для Российской империи и Соединенных Штатов периодом тесного сотрудничества на государственном уровне. Никогда прежде и никогда потом две страны не поддерживали друг друга на мировой арене на протяжении столь долгого времени и в столь различных сферах.

Руководство каждой из стран по-своему формулировало приоритеты во внешней и внутренней политике. Но в этих приоритетах нашлось место для партнера.

Для США именно этот период был ознаменован взрывообразным ростом территории, ресурсов и собственных геополитических амбиций. Из государства второго разряда страна превратилась в континентальную державу, претендующую на роль образца для либеральных политических сил Старого света. Российская империя, единственная из великих держав, всячески поддерживала и стимулировала повышение статуса Соединенных Штатов на международной арене. В череде кризисов 1830—1860-х гг. русская дипломатия последовательно помогала США занять более почетное место в иерархии государств, достичь их собственных целей в различных регионах мира.

В свою очередь, для Российской империи, находившейся в 1830-е гг. на пике своего влияния, но начинавшей осознавать свое отставание от быстро индустриализующейся Европы, грозившее обернуться военной слабостью, ключевой проблемой был поиск источника технических инноваций. Не получив доступа к новейшим английским технологиям, российское руководство нашло альтернативу в лице североамериканской республики. Инженеры и эксперты из-за океана стали главной опорой николаевской программы модернизации России. Важно отметить, что стержнем этой модернизации стал переворот в области коммуникаций и транспорта. Пароходы, железные дороги и телеграфное сообщение оказались в центре технического сотрудничества России с Соединенными Штатами.

Такого рода комплиментарность стала важнейшим условием сближения двух стран в изучаемый период, хотя и не была единственным фактором, обеспечившим это сближение.

На взгляд историков второй половины идеологизированного XX века парадоксом следовало считать дружбу самодержавной монархии и демократической республики, однако в позапрошлом веке роль идейных разногласий в международных отноше-

ниях была весьма мала. Показательно мнение российской газеты, высказанное в связи с информацией о возможности признания Конфедерации Юга европейскими странами: «Если бы для поддержания торговых и дружественных отношений со страной необходимо было требовать, чтобы она имела политическую и общественную организацию сообразно с принципами, восхваляемыми философией, то большая часть стран земного шара жила бы в уединении»¹.

ГЛАВА 1

ПОД СЕНЬЮ «РАХ BRITANNICA»: РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1832—1847 гг.

Накануне прорыва

После заключения в 1832 году торгового договора Россия и США вступили в новый период отношений.

Пост российского посланника в Соединенных Штатах с 1826 по 1837 годы занимал Павел Алексеевич Крюденер². Он установил теплые отношения с администрацией президента Дж. К. Адамса (1825—1829 годы). Российский дипломат жил по соседству с государственным секретарем Генри Клеем, который считал его «искренним другом» Соединенных Штатов³. Однако, несмотря на хорошие отношения, сложившиеся у него с американскими политиками, сын баронессы В.-Ю. Крюденер, подсказавшей Александру I идею Священного союза, в личных письмах не мог скрыть своего предубеждения против республиканской действительности. «Я люблю Европу, — признавался он в письме к сестре Софии, — от всей глубокой антипатии, которую вызывает у меня Америка во всех своих

² Крюденер (Krüdener, в текстах XIX века использовалось также написание Криденер и Крюднер, однако мы придерживаемся варианта, основанного на современной транскрипции немецкой фамилии), Павел Алексеевич (1784—1858).

³ Г. Клей — Дж. В. Физерстонхау, 23 мая 1830 г. // Papers of Henry Clay. Vol. 8. P. 212.

¹ С.-Петербургские ведомости. 1861. 4 апр. Цит. по: Иванов Р. Ф. Конфедеративные Штаты Америки (1861—1865 гг.). М., 2002. Ч. 1. С. 72.

деталях»⁴. «Повсюду дух бесстыдной лжи, преобладающей в этом народе, который меня потрясает и возмущает», — писал Крюденер своему племяннику⁵.

Особенно отрицательно русский дипломат отнесся к сменившей правительство Адамса демократической администрации президента Эндрю Джексона. Крюденер так описывал американскую политическую сцену в 1833 году: «Самые выдающиеся люди Америки, по своим талантам или своему характеру, принадлежат в основном, к двум оппозициям (имеются в виду Национальные республиканцы во главе с Генри Клеем и Дэниелом Уэбстером и нуллификаторы во главе с Джоном Кэлхуном, в дальнейшем объединившиеся в партию Американских вигов — *И. К.*)... тогда как большинство принадлежит к демократической партии <...> Настоящая сущность этой партии состоит в личном интересе; ее мотивы лежат в таинственных обещаниях и соглашениях, с помощью которых она разветвляется и становится хозяйкой выборов. Именно в этой партии, более чем в двух других, общественные дела стали открытым рудником для личных интересов; именно в ней распространяется коррупция, которая рано или поздно разрушит эту республику»⁶.

Удивительно, что при таком взгляде на демократов Крюденер ухитрялся поддерживать хорошие отношения с президентом Джексоном. Однако его язвительные депеши формировали мнение о США в Санкт-Петербурге.

Вплоть до второй половины 1830-х гг. российское руководство не имело особых видов на Соединенные Штаты.

Администрация президента Эндрю Джексона во внешней политике преследовала в качестве своей важнейшей цели поддержку интересов американской торговли. Торговый договор с

⁴ П. Крюденер — Софии Крюденер, 20 марта 1835 г. // *Ley F. La Russie, Paul de Krudener et les Soulevements Nationaux, 1814—1858 (d'après de nombreux documents inédits). [Paris], 1971. P. 109.* Не последнюю роль в этих предубеждениях играл и плохой слух посланника, делавший затруднительным для него любой разговор с американцами.

⁵ П. Крюденер — Франсуа д'Очандо, 19 августа 1835 // *Ley F. La Russie, Paul de Krudener et les Soulevements Nationaux... P. 110.*

⁶ П. Крюденер — К. Нессельроде, № 24. 10/22 декабря 1833 // *АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1834. Д. 221. Л. 21 об. — 22 об.*

Россией, заключенный в 1832 году в результате активности посланника Дж. Бьюкенена, стал одним из успехов американской внешней политики в этом направлении⁷.

Попытки же Бьюкенена выполнить другой наказ администрации, заключив с Россией договор о правах нейтральных держав в случае войны, не нашли понимания у русского руководства. Российский ответ на американские предложения сводился к тому, что такой договор имеет смысл только в том случае, если его подпишут ведущие морские державы (причем известно было, что Великобритания выступает против такого соглашения), двусторонний же договор бесполезен.

Тем не менее отношения между русскими и американскими дипломатами оставались настолько доверительными, что, когда секретарь американской миссии в Санкт-Петербурге Дж. Р. Клей отправился в Вашингтон для доставки подписанного Бьюкененом и Нессельроде договора, он получил и пакет с депешами российского министра, адресованный в русское посольство в Берлине, который и доставил по назначению, будучи там «очень хорошо» принят⁸.

Бьюкенен покинул Россию осенью 1833 года. С этого момента задача добиться подписания договора о правах нейтралов постоянно присутствовала в инструкциях американских представителей в России.

После отъезда Бьюкенена исполнять обязанности поверенного в делах США в России остался молодой секретарь миссии Джон Рэндолф Клей (вернувшийся из поездки в США, куда он

⁷ Подробнее о миссии Дж. Бьюкенена и о заключении торгового договора см.: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения: 1815—1832. М., 1975.

⁸ Дж. Р. Клей — Дж. Бьюкенену, 29 декабря 1832 г. Берлин // *James Buchanan Papers. Historical Society of Pennsylvania. Philadelphia: Microfilm ed. R. 2. № 113—114.* По этому же поводу Бьюкенен писал государственному секретарю: «Здесь правительство, обычно подозрительное, похоже, полностью доверяет честности американцев. Удивительно, что они готовы доверить Императорскую ратификацию договора американскому капитану, о котором не знали ничего, кроме того, что он американский капитан». Бьюкенен — Ливингстону, № 15. 22 февраля (н.с.) 1833 г. // *The Works of James Buchanan / Ed. by John Bassett Moore. Philadelphia; London, 1908. Vol. 2. P. 321.* Далее — WJB.

отвозил российско-американский договор)⁹. В связи с отъездом на лечение бессменного американского консула в Санкт-Петербурге А. Гибсона Клею несколько месяцев пришлось исполнять и консульские функции.

В этот период в русско-американских отношениях наступило затишье. Клей уже осенью жаловался бывшему английскому послу в России лорду Хейтсбери (Lord Heytesbury) на «печальную нехватку тем для депеш» из Петербурга¹⁰.

В отчетах Клея содержался главным образом анализ международной ситуации и наблюдения над некоторыми особенностями российской политики. Так, он сообщил о принятии закона, ограничившего срок проживания за границей для дворян пятью годами, а для других русских подданных — тремя. Эмигранты сталкивались с угрозой конфискации имущества. Для американского дипломата такое ограничение свободы передвижения было, по меньшей мере, странным.

Тем временем президент Джексон вступил в конфронтацию с торговым капиталом северо-востока США, начав войну против Банка Соединенных Штатов. Именно противники Джексона были основными участниками торговли с Россией, они представляли деловой мир США в Санкт-Петербурге. В результате на праздновании Дня независимости 4 июля поверенный в делах обнаружил себя в неловкой ситуации: собравшиеся американцы поднимали тосты за политических противников президента — Дэниела Уэбстера, Генри Клея и Национальный Банк. Дж. Р. Клей оказался единственным присутствовавшим сторонником Джексона¹¹.

После нескольких месяцев паузы, в мае 1834 года на пост посланника в России был назначен политик из Нью-Джерси

⁹ В связи с отставкой госсекретаря Э. Ливингстона, обещавшего Клею официальное назначение его поверенным в делах США в России после отъезда Бьюкенена, секретарь посольства не добился от государственного департамента повышения своего статуса и оставался временным поверенным более года, до приезда в Санкт-Петербург следующего посланника У. Уилкинса.

¹⁰ Клей — лорду Хейтсбери, 8 октября 1833. Цит. по: Oeste G.I. John Randolph Clay: America's First Career Diplomat. Philadelphia, 1966. P. 144.

¹¹ Oeste G.I. John Randolph Clay... P. 147.

Мэлон Дикерсон. Он, однако, вскоре отказался от поездки за океан (и занял кресло военно-морского министра), а в июне на посту в Санкт-Петербурге был утвержден Уильям Уилкинс (1779—1865), сенатор из Пенсильвании. Уилкинс состоял в родственных отношениях с Джеймсом Бьюкененом¹², и в начале 1830-х они вдвоем представляли Пенсильванию в Сенате Соединенных Штатов. Как и его родственник, Уилкинс зарекомендовал себя стойким сторонником президента Джексона и получил назначение в Россию как награду за оказанную генералу поддержку. В 1832 году он был кандидатом от демократов Пенсильвании на пост вице-президента США, но проиграл внутрипартийную борьбу Мартину Ван Бюрену. Для Уилкинса, таким образом, отъезд из США означал почетное отступление со сцены национальной политики и отсрочку неприятных разбирательств с кредиторами (он одно время всерьез опасался попасть в долговую тюрьму)¹³.

Уильям Уилкинс прибыл в российскую столицу 13 октября 1834 года. В его инструкциях содержалось указание добиваться от русского правительства заключения договора о правах нейтральных держав во время войны. Подписывать какие-либо соглашения на эту тему русское правительство однозначно отказалось еще в период переговоров с Бьюкененом о торговом договоре, и миссия Уилкинса с этой точки зрения была безнадежной. Еще Бьюкенен писал, что подобного соглашения можно добиться только в случае войны России с Великобританией. «Достоинно сожаления, — писал Уилкинс государственному секретарю Дж. Форсайту вскоре после прибытия в Санкт-Петербург, — что Ваш предшественник (Л. Маклейн — И. К.) не снабдил меня доводами и аргументами департамента, вносящими хоть какой-то новый аспект в это дело, оправдывающий возобновление предложения, которое было по меньшей мере дважды весьма твердо отклонено русским правительством»¹⁴.

¹² Уилкинс был женат вторым браком на сестре Бьюкенена.

¹³ См.: Slick S.E. William Wilkins: Pittsburgh Extraordinary // Western Pennsylvania Historical Magazine. 1939. Vol. 22. № 4. P. 225, 233.

¹⁴ У. Уилкинс — Дж. Форсайту, № 2. 21 ноября 1834 г. н.с. // National Archives and Record Service (NARS). Record Group (RG) 59. Microfilm (M.) 35. Despatches from United States Ministers to Russia, 1808—1906. Roll 13. Vol. 13. October 13, 1834 — July 29, 1839.

Не найдя новых аргументов для повторного обращения к русскому правительству с предложением подписания договора о правах нейтралов, Уилкинс сослался в оправдание нового захода на свое плохое знание французского¹⁵. Это, однако, не помогло.

После года вялой переписки Уилкинс получил от русского Министерства иностранных дел категорический отказ вести дальнейшие переговоры о заключении договора о правах нейтралов (отказ, правда, был сопровожден уверением, что в случае войны российскому флоту будет дано указание уважать нейтралитет американских судов).

Помимо договора о правах нейтральных держав Уилкинсу пришлось решать проблему продления действия четвертой статьи конвенции 1824 года, позволявшей американским судам вести рыбную ловлю и торговать с туземцами на русском северо-западном побережье Америки. Нессельроде, однако, отказался вступать в переговоры на эту тему до возвращения в Санкт-Петербург правителя Русской Америки Ф. Врангеля, ожидавшегося в 1836 году¹⁶.

У. Уилкинс, таким образом, проведя год и три месяца в России, обнаружил, что не может выполнить ни одного поручения руководства. Бесплодность пребывания в Санкт-Петербурге подтолкнула Уилкинса к решению не оставаться в России на вторую зиму. К тому же начавшийся в США земельный бум улучшил его финансовое положение на родине¹⁷. Он написал прошение об отставке и 24 декабря 1835 года отбыл из российской столицы в США. Джон Рэндолф Клей вновь исполнял обязанности американского представителя в России вплоть до приезда нового посланника Джорджа Миффлина Далласа 2 августа 1837 года. Его дипломатические обязанности в этот период были

¹⁵ У. Уилкинс — К. Нессельроде, 20 мая/1 июня 1835 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1835. Д. 67. Л. 25 об.

¹⁶ Проблемы, связанные отказом России от продления 4-й статьи Конвенции 1824 года, подробно рассмотрены в работах Н.Н. Болховитинова. См., в частности: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834—1867. М., 1990. С. 22—34; История Русской Америки. Том III. Русская Америка: от зенита к закату. 1825—1867 / Под ред. акад. Н.Н. Болховитинова. М., 1999.

¹⁷ См.: Slick S.E. William Wilkins: Pittsburgh Extraordinary // Western Pennsylvania Historical Magazine. 1939. Vol. 22. № 4. P. 233.

довольно рутинными, а после получения известия о назначении Далласа Клей решил подать в отставку с поста секретаря миссии. Отставка была принята, Даллас прибыл с новым секретарем Уильямом Чью (Chew), а через три дня, 5 августа 1837 года, Клей покинул российскую столицу.

Джордж Миффлин Даллас (1792—1864) к моменту назначения в Россию также побывал сенатором и одним из лидеров джексонских демократов в Пенсильвании. В середине 1830-х он оказался в сложной ситуации, когда власть в его родном штате оказалась в руках коалиции вигов и антимасонов, а его поддержка Джексона в его борьбе против Банка США вызвала осуждение значительной части пенсильванской политической элиты. После избрания Ван Бюрена президентом в 1836 году, тот предложил Далласу пост посланника в России, что давало последнему возможность на время уйти в тень¹⁸.

Однако как раз в это время период почти полного затишья в двусторонних отношениях закончился. Начиналась новая эпоха. В Вашингтон в 1837 году был направлен новый посланник императора Александр Андреевич Бодиско, с именем которого будут связаны многие важные эпизоды сотрудничества двух стран¹⁹. Инструкции Бодиско были подписаны 30 июля, а 1 августа в гавань Санкт-Петербурга на американском корабле прибыл новый американский посланник Даллас, с которым Николай I встретился уже в день его прибытия, инкогнито посетив американское судно.

Понимание русским руководством задач американского направления внешней политики в тот момент отразилось в инструкции новому российскому посланнику, сохранившейся в фондах Архива внешней политики Российской империи. Подписанные К.В. Нессельроде инструкции были утверждены Николаем I и представляли собой квинтэссенцию российского отношения к Соединенным Штатам на тот момент.

¹⁸ Даллас был не очень доволен своим назначением, записав однажды в дневнике, что он чувствует себя в дипломатической жизни «как рыба, вытасенная из воды». Запись от 28 августа 1837 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas... P. 15.

¹⁹ П.А. Крюденер получил новое назначение посланником в Швейцарию.

Нессельроде указал новому посланнику, что отношения с Соединенными Штатами «развивались под влиянием в высшей степени благоприятных обстоятельств» и «основываются на определенном тождестве интересов», а потому «заслуживают нашего внимания и заботы», однако нельзя упускать из вида опасность «компрометации наиболее важных отношений, поддерживаемых нами с другими правительствами»²⁰. Здесь, безусловно, подразумевалась Великобритания, отношениями с которой не хотел рисковать Нессельроде.

Управляющий российским Министерством иностранных дел подчеркнул, что «беспорядочное движение событий нынешней эпохи и особенный характер Американского правительства» делает особенно важным пост, на который назначен Бодиско²¹.

В инструкциях подчеркивалось, что Россия желает, «чтобы американский Союз уверенно занимал свое место в мировом театре. Его процветание и внутреннее спокойствие являются в некотором роде условием всеобщего спокойствия и процветания, и они являются, уже по одной этой причине, предметом наших самых искренних чаяний»²². Российскому посланнику, однако, предписывалось «быть осмотрительным» и «ставить справедливые границы» исключительным стремлениям американского правительства.

Описав далее историю русско-американских отношений в 1820-е гг., Нессельроде перешел к договору о правах нейтральных держав:

«Мы отклонили, хотя и в дружественной форме, предложения, которые нам более чем один раз адресовались вашингтонским кабинетом, по поводу установления между нами договоренности о принципах отношения к нейтралам в случае войны на море. <...> Совокупность этих условий создает основу для противостояния английской державе и, в случае общей войны в Европе, они привяжут мировую торговлю к рукам англо-американцев, а также некоторых других народов, по превосходству их морского торгового флота».

²⁰ Инструкция А.А. Бодиско, 30 июля 1837 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1837. Д. 247. Л. 35—35 об.

²¹ Там же. Л. 35 об.

²² Там же. Л. 38—38 об.

та, дав им возможность использовать привилегии, которые такие условия обеспечивают нейтралам. Отсюда — упорные попытки вашингтонского кабинета укрепить свою систему в ассоциации с Россией»²³. Тем временем, продолжал министр, «состояние нашего морского торгового флота не очень развитое, почему мы требуем подчинить вопросы нейтральной торговли некоторому числу других, которые нас непосредственно затрагивают. <...> Россия не видит до сих пор никакого особенного интереса в поддержке американских предложений, тогда как есть более чем один повод не создавать враждебную комбинацию по отношению к своему старому союзнику, задуманную исключительно в интересах Соединенных Штатов»²⁴.

Нессельроде далее перешел к влиянию внутренней политики США на внешнюю и констатировал, что наилучшими временами в отношениях был период, когда президентом был Джон Куинси Адамс, а государственным секретарем Генри Клей.

Однако в 1829 году администрация М-ра Адамса и М-ра Клея была свалена демагогической фракцией, которая под именем демократической партии льстит простому народу, они считают подозрительными людей, которые служат своей отчизне лучше, чем хватает их понимания. <...> Ее лидеры не выделялись способностями за исключением обладания более или менее личными обязательствами перед английским правительством. <...> Естественным следствием этого нового положения вещей было то, что отношения с Россией казались вашингтонскому кабинету представлявшими меньший интерес, и из желания развивать доброе расположение с Англией они также ограничили себя в отношениях с нами²⁵.

²³ Там же. Л. 40 об. — 41 об.

²⁴ Там же. Л. 42—42 об.

²⁵ Там же. Л. 46—47 об. Нессельроде ошибочно счел менее активную внешнюю политику демократической администрации Э. Джексона проявлением ее проанглийского расположения. Напротив, именно сменивший администрацию М. Ван-Бюрена в 1841 г. кабинет вига У.Г. Гаррисона оказался более расположенным к урегулированию споров с Великобританией.

Таким образом, в понимании управляющего российским Министерством иностранных дел американские отношения с Россией были обратно пропорциональны их сотрудничеству с Англией! Для самого вице-канцлера именно так строились приоритеты в политике России по отношению к двум англо-саксонским странам.

Но не все так плохо, продолжил Нессельроде свой анализ:

Но нельзя слишком долго отклоняться от естественного хода вещей, несомненно, что наши отношения с Соединенными Штатами вернутся к такому положению, которого требуют их собственные интересы, намного более близкие для них, чем наши. Нам говорят об этом многие приметы — взгляните на недавнюю эпоху, о которой я Вам говорил, когда вашингтонский кабинет освобождался мало-помалу от влияния персон и партий, доминировавших в нем сначала, возвращаясь к обычной политике, более национальной и более истинной. Язык, которого здесь (в Санкт-Петербурге — *И. К.*) придерживались г-да Бьюкенен и Уилкинс, открыто выражал желание развивать добрые отношения с Россией; и Вашего предшественника в Вашингтоне [П. Крюденера] принимали там, время от времени, с откровенностью, определенной, с одной стороны, желанием возродить старое доверие, а с другой — опасением, что намерения Англии несовместимы с будущим американцев, все более и более понимаемым их правительством²⁶.

Разобрав позицию России по отношению к проблеме продления действия 4-ой статьи Конвенции 1824 года о правах торговли и рыболовства в русских владениях на Американском континенте, министр в контексте англо-американского соперничества упомянул о «республиках, лежащих к югу от США»²⁷.

Дальше Нессельроде перешел к проблеме, вызвавшей дипломатический конфликт несколькими годами раньше, когда поверенный в делах Российской империи в США Д. Остен-Сакен направил письменный протест по поводу публикаций в близкой

²⁶ Инструкции А.А. Бодиско, 30 июля 1837 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1837. Д. 247. Л. 48 об. — 49 об.

²⁷ Там же. Л. 51 об. — 52.

к администрации Э. Джексона газете «Глоуб» антирусских инвектив в связи с подавлением русскими войсками польского восстания в 1830 г.:

Требовать признания клеветы или добиваться наказания авторов значит лишь обострять зло. К тому же единственная форма возмездия, которую достоинство императорского правительства разрешает своему представителю против оскорблений со сторон прессы и с кафедры, это отвечать на их бессильные попытки по достоинству²⁸.

Что касается отношений с представителями других держав, аккредитованных в Вашингтоне, то в качестве общего правила надо руководствоваться характером отношений России с этими государствами, которые являлись

миролюбивыми и дружественными с большинством европейских государств, а также с Бразилией. Однако Вы в особенности должны поставить на короткую ногу и взаимное доверие отношения с представителями Австрии и Пруссии, находящимися в Соединенных Штатах. Вы не должны игнорировать полное согласие и солидарность взглядов и интересов, руководящих отношениями России с дворами в Вене и Берлине, и по умыслу императора, отношения его представителей с представителями этих двух дворов всегда держались одинакового характера²⁹.

Наконец, в Вашингтоне находятся представители непризнанных Россией государств Южной Америки. Министр не требовал от посланника избегать общения с этими дипломатами: «Все, что, как я считаю, должен Вам рекомендовать, это чтобы Ваши общественные отношения с ними не предreshали решения императора по поводу политических отношений России с этими правительствами»³⁰. Одновременно Нессельроде указывал Бодиско: надо, «чтобы события в бывших испанских колониях в Америке не остались исключенными из Ваших сообщений имперскому министерству; Ваши отношения с агентами новых государств мо-

²⁸ Там же. Л. 57 об. — 59.

²⁹ Там же. Л. 59—59 об.

³⁰ Там же. Л. 60—60 об.

гут Вам предложить источник полезной информации, за неимением прямых сведений об этих странах»³¹.

С такими инструкциями прослуживший два десятилетия в Швеции А.А. Бодиско начал свою службу в американской столице.

Общая оценка американских политических партий осталась при Бодиско неизменной: виги, представлявшие торговый капитал, заинтересованный в развитии отношений с Россией, рассматривались российской дипломатией как союзники, хотя администрация США большую часть этого периода находилась под контролем считавшихся «демагогами» демократов³². При этом логика Нессельроде, считавшего дружеские отношения США с Россией обратно пропорциональными их сближению с Великобританией, оказалась неверной: именно виги оказались в 1840-е годы более «проанглийской» партией, однако они же были партией, относительно «прорусской». В самом деле, отношение вигов к России на всем протяжении 1840-х годов отличалось в лучшую сторону от подхода демократов. Оно было менее подвержено влиянию идеологических противопоставлений и в большей степени диктовалось реалистичными интересами торговли, требовавшей европейского мира. Демократы, в свою очередь, в частной переписке даже указывали на российского посланника А. Бодиско как на «покровителя» вигов («patronizing Whig Bodisco»)³³.

Изменения в задачах и активности русской миссии заметны уже по толщине папок в архивном фонде Посольства в Вашингтоне, резко увеличившейся с назначением Бодиско. С точки же зрения содержательной изменение было разительным. Конечно же, оно было обусловлено переменами в политике Санкт-Петербурга, но смена посланника стала олицетворением этих перемен.

³¹ Там же. Л. 60 об.

³² Бодиско не случайно упоминал в письме к лидеру вигов Генри Клею, что тот был «среди первых, кто по-доброму встретил меня по прибытии в Вашингтон». В том же письме русский посланник желал процветания «юному гиганту» (США). Бодиско — Г. Клею, 27 июня 1843 г. // *The Works of Henry Clay, Comprising His Life, Correspondence and Speeches*. New York; London, 1904. Vol. 5. P. 474—475.

³³ Дж. Бьюкенен — Клейтону, 17 апреля 1849 г. // *WJB*. Vol. 8. P. 361.

Если Крюденер исполнял лишь роль дипломатического посредника и время от времени довольно язвительно описывал американскую политическую жизнь, то Бодиско занялся организацией поездок по Соединенным Штатам русских морских офицеров, встречами с Кольтом и другими изобретателями, чья работа очень заинтересовала Петербург, установлением тесных связей с американским обществом.

Уже через несколько месяцев после своего прибытия в Америку Бодиско сообщал Нессельроде:

Размеры, мощь и успехи России начинают хорошо пониматься американской демократией. Мы не в состоянии сосчитать такие проявления, которые не следуют прямо из их установлений, но возникают инстинктивно, и которые можно с успехом использовать в наших лучших интересах³⁴.

У такого признания было несколько причин. Во-первых, знакомство А. Бодиско со страной пребывания убедило дипломата в односторонности выданных ему инструкций, основанных прежде всего на донесениях его предшественника П. Крюденера, и эта депеша была призвана скорректировать представление петербургского начальства об отношении «американской демократии» к Российской империи. Во-вторых, сразу по прибытии новый посланник попал в центр активной деятельности, развернутой в Соединенных Штатах командированными за океан морскими инженерами при помощи временного поверенного в делах, секретаря российской миссии Е. Кремера. Эта активность в ознакомлении с новейшими достижениями американского технического гения привлекла встречное внимание американцев, и русское посольство стало получать множество предложений разного рода.

С другой стороны, сама Россия в это время вступила в очередную эпоху перемен. Перемены были частью реформ государственного управления, затеянных на рубеже 1830—1840-х николаевским правительством. В большинстве случаев российское руководство считало нужным изучить зарубежный опыт

³⁴ А.А. Бодиско — К.В. Нессельроде, № 12. 14/26 мая 1838 г. // *АВПРИ*. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838. Д. 222. Л. 103 об.

функционирования аналогичных реформируемым структур. Так, в начале 1839 года из Министерства финансов поступило желание собрать материалы, полезные для «возведения приказов общественного призрения на степень местных или губернских банков» и создания в России сберегательных касс: «Для сравнения по возможности предполагаемых губернских банков и касс с подобными же учреждениями других государств. <...> комитет, на который возложено предварительное соображение по сему делу, счел нужным иметь в виду те сведения, которые можно собрать о существующих в Соединенных Штатах Центральном филадельфийском банке и в особенности о провинциальных банках и вспомогательных и других кассах. Комитету желательно было бы иметь не только уставы важнейших из вышеозначенных провинциальных кредитных и вспомогательных учреждений, но, сколь возможно, и те сведения, которые в разные времена были представляемы об оных правительству и которые служили основанием к установлению оных, или подали повод к изменениям; равным образом наилучшие новейшие сочинения, брошюры, документы по сему поводу представляемые Министерству, или членам камер, отчеты сих учреждений и вообще все то, что может служить к объяснению внутреннего устройства, причины успехов или упадка сих заведений, и чего нельзя почерпнуть из книг, ввозимых в Россию книгопродавцами»³⁵.

Примерно в это же время русская миссия в Вашингтоне получила циркуляр, в котором сообщалось, что «при новом устройстве управления государственным имуществом в России оказалось полезным во многих отношениях иметь обстоятельные сведения об управлении и устройстве имуществ сего рода в иностранных государствах» и ставилась задача «собрать <...> нужные по сей части сведения»³⁶. Прочитав приложенный к циркуляру объемистый вопросник Министерства

государственных имуществ³⁷, посланник Бодиско не без облегчения ответил: «В Соединенных Североамериканских Штатах Государственных имуществ как мы оные понимаем совсем не существует, по сей причине миссия в Вашингтоне не может в полной мере содействовать выполнению благонамеренных предположений Министерства государственных имуществ, но миссия неусыпно будет стараться доставить помянутому министерству все полезные открытия и усовершенствования по означенным в программе предметам, сколь скоро она удостоверится, что изобретения не французского или английского происхождения, а настоящие североамериканские»³⁸.

1830-е годы были не самым активным периодом в русско-американских отношениях. Однако это было время активного изучения друг друга, в этом десятилетии лежали истоки резкого усиления двусторонних контактов в последующем.

Через два дня после утверждения инструкций Бодиско на фрегате «Индепенденс» в Россию прибыл новый американский посланник Джордж Миффлин Даллас. Еще в Кронштадтской гавани он познакомился с управляющим Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде, морским министром А.С. Меншиковым и самим императором Николаем I, посетившими американский парусник (последний не сумел сохранить полное ин-

Старое здание российского посольства в Джорджтауне («Дом Бодиско»)

³⁷ Questions a adresser aux Missions Imperiales a l'etranger par le Ministere des Domaines de l'Empire // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 298—304 об.

³⁸ А.А. Бодиско — К.В. Нессельроде, № 9. 19/31 мая 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 268—268 об.

³⁵ Е. Канкрин — А. Бодиско, № 718. 18 октября 1838 // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 13—14.

³⁶ Департамент внутренних сношений — А.А. Бодиско, 13 января 1839 года. Исх. № 241 // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 60.

когнито)³⁹. Очевидно, что, несмотря на отсутствие «политической» повестки дня в двусторонних отношениях, оставался и постепенно рос интерес российской власти к Америке как возможному источнику инноваций и технического перевооружения империи⁴⁰. Были, однако, и другие темы для обсуждения, и касались они проблем мировой политики.

На первый план в русско-американских отношениях в конце 1830-х гг. вышли события на севере Американского континента.

Русско-американские отношения в период канадского восстания

Отношение России к восстаниям в Канаде 1837—1838 гг. специально исследовалось в трудах канадских ученых Х. Ставрианоса и Л. Блэка⁴¹, но особенно подробный анализ проблемы был предпринят российским ученым В.А. Тишковым⁴². Литература о канадско-американских отношениях в месяцы восстания весьма обширна⁴³. Тем не менее нам представляется возможным уточнить некоторые аспекты событий конца 1830-х гг., рассмотрев их сквозь призму русско-американских отношений.

³⁹ Dallas G.M. *Diary of George Mifflin Dallas, While United States Minister to Russia 1837 to 1839, and to England 1856 to 1861* / Ed. by Susan Dallas. Philadelphia, 1892. P. 7—9. Сокращенный перевод «русских» страниц дневника Далласа см.: Американский посланник при дворе Николая I // *Вестник иностранной литературы*. 1896. Июль. С. 5—16.

⁴⁰ См. об этом в гл. 3.

⁴¹ См., напр.: Stavrianos. X.S. *The Rumour of Russian Intrigue in the Rebellion of 1837* // *Canadian Historical Review*. 1937. Vol. 18. № 4; Black J.L. *Canada in the Russian Mirror: the «Canada Card» in Russian Politics and Foreign Policy, 1802-1860*. Ottawa, 1995; Black J.L. *The Peasant Kingdom: Canada in the 19th-Century Russian Imagination: A Cruise through Old Russian Books and Archives*. Ottawa, 2001.

⁴² Тишков В.А. *Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде* // *Американский ежегодник*, 1976. М., 1976; Он же. *Освободительное движение в колониальной Канаде*. М., 1978.

⁴³ См., напр.: Brebner J.B. *North Atlantic Triangle: The Interplay of Canada, the United States, and the Great Britain*. New Haven; Toronto, 1945;

Центральным актором международной политики в XIX веке, безусловно, была Великобритания. Отношения России и США определялись в значительной мере отношениями каждой из этих стран с Англией. В конце 1830-х годов события в Британской Северной Америке оказались в центре внимания как общественности США, так и российского императорского двора — по различным причинам.

Для экспансионистски настроенных американцев восстания в Верхней и Нижней Канадах было подтверждением правоты их предсказаний о том, что всему континенту Северной Америки суждено стать Соединенными Штатами. Техас на юге, а Канада на севере рассматривались как естественные в ближайшем будущем приращения республики. Помощь инсургентам деньгами, оружием и людьми постоянно шла через границу. Умеренно настроенным согражданам, а особенно англофилам—вигам оставалось лишь надеяться, что восстание и эта помощь не приведут к новой англо-американской войне.

Что касается России, то, казалось, канадские восстания стали замечательной возможностью отплатить давнему сопернику его же монетой. К 1837 г. русско-английские отношения были весьма напряжены. Не говоря о проблемах в отношениях с Османской империей и о черноморских проливах, вмешательство британских агентов в Кавказскую войну на стороне горцев было давним источником головной боли для российского правительства. Задержание британской шхуны «Виксен» в 1836 году с грузом оружия для черкесов накалило обстановку.

Кроме того, Соединенные Штаты были для России естественным пунктом получения информации о восставших и, возможно, для установления с ними контакта. Именно с американским посланником Дж. М. Далласом обсуждал перспективы восстания Николай I.

В первой же беседе с американским дипломатом Николай завел разговор о восстании в Канаде: «Он спросил как обстоит дело о

Harris M. *The Meaning of Patriot: The Canadian Rebellion and American Republicanism, 1837—1839* // *Michigan Historical Review*. 1997. Vol. 23. № 1; Harvey L.-G. *Importing the Revolution: The Image of America in French-Canadian Political Discourse, 1805—1837*. Ph. D. thesis. University of Ottawa, 1989; и др.

волнениями в Канаде, и заметил, что, когда правительство начинает притеснять и забывает свои обязательства относительно колоний, то он считает вполне законным восстание и отпадение от метрополии»⁴⁴. Даллас на это ответил, что не верит «в пресловутое стремление канадцев к независимости, что недовольство давно уже растет там, но что... население мало обнаруживает энергии и единения, так что вряд ли пойдет на решительные действия»⁴⁵.

Полгода спустя американский посланник вынужден был пересмотреть свои оценки. В разговоре с Нессельроде 14 января 1838 года Даллас сообщил тому, что «пришел к выводу, отличающемуся от высказанного императору во время аудиенции после прибытия сюда», и что восставшие «добились высокой степени союза и согласия между собой», а главной проблемой инсургентов является отсутствие способных лидеров⁴⁶.

Через пару недель сам Николай вернулся к разговору с посланником о канадских событиях: «Император сказал, что не в его характере и не в духе его политики радоваться неудачам других стран, даже когда они могут быть выгодны с точки зрения интересов России; но, добавил он, почти дословно повторив мнение, которое он высказал тогда, когда я вручал ему верительную грамоту в Петергофе, если страна-мать действует угнетающе и несправедливо против своих колоний, у них есть право сопротивляться»⁴⁷. Весьма необычное рассуждение в устах главного защитника легитимизма в Европе.

Сами канадские мятежники видели у своего дела двух естественных союзников — США и Россию⁴⁸. Британские власти

⁴⁴ [Даллас Д. М.] Американский посланник при дворе Николая I // Вестник иностранной литературы. 1896. Июль. С. 6—7. Ср.: Запись от 6 августа 1837 года // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas... P. 11.

⁴⁵ Там же. С. 7.

⁴⁶ Даллас — Форсайту, № 13. 14 января 1838 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 13. Vol. 13.

⁴⁷ Запись от 31 января 1838 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas... P. 65.

⁴⁸ См. обоснование этой позиции в работах канадского историка Л. Блэка: Black J.L. Canada in the Russian Mirror: the «Canada Card» in Russian Politics and Foreign Policy, 1802—1860. Ottawa, 1995; Black J.L. The Peasant Kingdom: Canada in the 19th-Century Russian Imagination: A Cruise through Old Russian Books and Archives. Ottawa, 2001.

воспринимали угрозу русского вмешательства довольно серьезно. В результате задержки с формулировкой официальной позиции русские дипломаты вдали от Санкт-Петербурга оказались в сложной ситуации, вынужденные принимать решения самостоятельно.

Интересно, что надежды одних и опасения других по поводу возможной помощи со стороны России увеличивались по мере развития восстания и особенно яркими стали к его окончанию, когда стало уже ясно, что у самих канадских мятежников не хватает сил для победы.

Канадский ученый Ларри Блэк отметил, что такие различные источники, как американские газеты (нью-йоркская «Морнинг геральд» и вашингтонская «Кроникл»), французский посол в США и газета, выражавшая мнения восставших («Маккензи газетт») в конце 1838 года утверждали, что Россия финансирует восстание в Канаде. Роберт Нельсон, основатель организации «Патриотов», созданной весной 1838 года в США для продолжения борьбы за независимость Канады, информировал своих соратников, что русский консул в Нью-Йорке обещал им финансовую поддержку. Об этом сообщил военно-полевому суду в Монреале один из участников восстания. «Нельсон, — по его словам, — встречался с русским консулом в Нью-Йорке, который обещал ему помощь, поскольку императорское правительство России с радостью использует эту возможность отплатить в Канаде за глубокие раны, нанесенные русским армиям черкесами, поддержанными английскими деньгами и инженерами»⁴⁹.

В ноябре 1838 года кризис из-за предполагаемой русской вовлеченности в канадские дела достиг пика. Британские власти арестовали в Монреале российского консула в Бостоне Кильхена, приехавшего туда навестить свою семью (в Монреале учились дети дипломата). По всей видимости, англичане считали, что русский консул прибыл с целью контактов с мятежниками. Хотя Кильхен и был отпущен несколько дней спустя, отношения между двумя странами охладели до уровня замерзания⁵⁰.

⁴⁹ Цит. по: Black J.L. Canada in the Russian Mirror... P. 17—18.

⁵⁰ См.: Тишков В.А. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде. С. 289—291.

В те самые дни американский посланник записал в дневнике, что Россия находится на пороге войны с Англией. «Представим себе, что война начнется, как она повлияет на Соединенные Штаты? — задался вопросом Даллас. — Ее влияние на нашу торговлю с этой империей кажется, будет очевидным и немедленным. Она полностью прекратится. У русских немного портов, и их природная труднодоступность превратится в непреодолимое препятствие в результате британской блокады. Торговля, которую невозможно будет осуществлять здесь, также будет, вероятно, взята Англией в свои руки; мы должны будем продавать ей хлопок, табак, сахар, которые иначе были бы привезены сюда в обмен на русские товары. Политически мы можем вскоре быть втянутыми в конфликт; Россия может снова возбудить канадцев; насильственная вербовка снова войдет в практику; будет видно, сможем ли мы использовать возможность уладить вопрос о северо-восточной границе, северо-западную границу и т. д.»⁵¹.

Однако к этому времени российская дипломатия получила уже четкую установку — не осложнять отношений с Великобританией по поводу канадских мятежников. Больше того, после месяцев интенсивной переписки русских дипломатов в Санкт-Петербурге, Вашингтоне и Лондоне император сам вмешался в дело. 21 февраля 1839 года Нессельроде написал русскому посланнику в Лондоне К.О. Поццо ди Борго: «Наш августейший государь... с удвоенной силой сожалеет, что столь естественная вещь, как поездка агента России для посещения своей семьи в главном городе Нижней Канады вызвала подозрение местных властей». Тем не менее, император понимает необходимость таких действий, поскольку он ожидает такой же бдительности от собственных представителей в мятежной Польше. Нессельроде поручил Поццо ди Борго сообщить об этом отношении Пальмерстону. В тот же день вице-канцлер написал русскому посланнику в Вашингтоне Александру Бодиско, что «г-н Кильхен и другие наши консульские агенты в Соединенных Штатах должны быть чрезвычайно осмот-

⁵¹ Запись от 13 ноября 1838 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas... P. 125.

рительны в своих словах и в своем поведении». Инцидент был исчерпан⁵².

Но надежды восставших на помощь России были еще живы.

9 декабря 1838 года Бодиско принимал в своем доме лидеров восставших Луи-Жозефа Папино и Роберта Нельсона. Встреча была организована Джоном О'Салливаном и доверенным лицом президента Мартина Ван Бюрена (и политическим протеем посланника в России Дж.М. Далласа) Генри Гилпенем. Российский посланник не мог быть уверен, решится ли Санкт-Петербург разыграть «канадскую карту» против Великобритании, но, видимо, счел нужным оставить дверь открытой. Тем не менее, по словам Бодиско, он не обещал лидерам восставших денежной помощи и объяснил, что «Россия никогда не последует дурному примеру» Англии, которая повсюду покровительствует бунтовщикам⁵³.

В ответ на депешу Бодиско получил от Нессельроде резкий выговор за эту встречу: «Теперь весьма вероятно, что лорд Пальмерстон не закроет свои двери ни перед Адамом Чарторыйским, ни перед другими руководителями польской пропаганды. <...> Вы сами сказали, что «Россия никогда не последует дурному примеру», и, следовательно, особенно важно тщательно избегать всего, что может дать повод заподозрить обратное»⁵⁴.

Показательно признание, сделанное Николаем I в ходе последней аудиенции перед отъездом Далласа на родину летом 1839 г. После обычных взаимных уверений в дружбе посланник заявил, что «наши высшие интересы как нации идентич-

⁵² Нессельроде — Поццо ди Борго, 21 февраля 1839 г.; Нессельроде — Бодиско, 21 февраля 1839 г. Цит. по: Black J.L. Canada in the Russian Mirror... P. 27.

⁵³ Бодиско — Нессельроде, 17/29 декабря 1838 г. // Le Duc T.H. That Rumor of Russian Intrigue in 1837 // Canadian Historical Review. 1942. Vol. 23. № 4 (December). P. 399. Цит. также: Black J.L. Canada in the Russian Mirror... P. 28—29; Тишков В.А. Россия и восстание 1837-1838 гг. в Канаде. С. 291.

⁵⁴ Нессельроде — Бодиско, 21 февраля 1839 г. // Le Duc T.H. That Rumor of Russian Intrigue in 1837 // Canadian Historical Review. 1942. Vol. 23. № 4 (December). P. 400.

ны интересам России», на что царь ответил: «У нас не только одинаковые интересы, но и (с ударением в тоне) одни и те же враги»⁵⁵.

Не случайным ввиду российского фактора кажется выбор специального уполномоченного по урегулированию канадских проблем, сделанный британской короной. В 1838 году в Канаду был командирован Джон Джордж Лэмбтон (лорд Дарем) для определения мер по преодолению политического хаоса в этой стране. В 1832, а затем в 1835—1837 гг. лорд Дарем был британским послом в Санкт-Петербурге, где, в частности, признал справедливость российской позиции в ходе инцидента с «Виксеном». Император Николай, в свою очередь, в 1837 г. наградил англичанина орденом Св. Андрея Первозванного⁵⁶. Английский король Уильям IV написал однажды (в период пребывания Дарема в России), что тот, «кажется, забывает, что его лордство — слуга Его Британского Величества, а не императора России»⁵⁷.

Памятуя эти страницы биографии Дарема, газета восставших не преминула назвать действия нового британского управляющего «Русской политикой в Нижней Канаде»⁵⁸.

Во всяком случае, именно специалист по русским делам подготовил доклад о Канаде, легший позднее в основу реформ (создания ответственного министерства). По словам сменившего Дарема на посту английского посла в России Кланрикарда, Николай был весьма недоволен уступчивой политикой своего бывшего любимца, и даже якобы высказывал пожелание повесить его собственными руками за действия в Канаде⁵⁹.

В октябре 1840 г. Нессельроде неожиданно вернулся к уже исчерпанному, казалось, инциденту, и в сильных выражениях предупредил Бодиско о необходимой осмотрительности и о стро-

⁵⁵ Запись от 23 июля 1839 г. // Dallas G.M. *Diary of George Mifflin Dallas*... P. 209.

⁵⁶ Тишков В.А. Россия и восстание 1837-1838 гг. в Канаде. С. 286.

⁵⁷ Цит. по: Black J.L. *Canada in the Russian Mirror*... P. 34—35.

⁵⁸ *Russian Policy in Lower Canada* // Mackenzie's *Gazette*. 15 September 1838. Цит. по: Black J.L. *Canada in the Russian Mirror*... P. 35.

⁵⁹ См.: Тишков В.А. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде. С. 286.

гом нейтралитете России в случае каких-либо новых недовольств в Канаде⁶⁰.

Россия внимательно следила за ситуацией на североамериканском континенте. Ужесточение российского нейтралитета к концу 1830-х гг. объясняется не только поражением повстанцев, но и приоритетами, расставленными российской дипломатией. К 1840 году главной целью внешней политики Николая I стало вбить клин в «сердечное согласие» между Англией и Францией, сблизившись с первой державой. С такой задачей в 1839 г. послом в Лондон был отправлен опытный дипломат Филипп Иванович Бруннов; имея в виду эту же цель, Россия летом 1840 г. добровольно согласилась на закрытие черноморских проливов для военных судов⁶¹. Рисковать наметившимся сближением Россия не хотела.

Нам представляется, что В.А. Тишков несколько преувеличивает стремление России к сближению с Великобританией в предшествующий период, 1837—1839 гг.⁶², и, соответственно, недооценивает перелом в политике Николая в 1839 г. Именно такой перелом, с нашей точки зрения, объясняет кажущуюся непоследовательность русского правительства в отношении к канадским повстанцам.

В те же месяцы в Санкт-Петербурге было принято принципиальное решение опереться на Соединенные Штаты в программе модернизации России, — за океан были направлены русские инженеры с целью изучения опыта паровозного и железнодорожного строительства⁶³. Взятые в совокупности, эти разнородные и разнонаправленные действия российского правительства рисуют более сложную политическую игру, с более дальними стратегическими перспективами, чем обычно принято считать. Политическое сближение с Великобританией в начале 1840-х, содержавшее ряд дипломатических уступок со стороны Российской империи, сочеталось с началом модернизации страны по

⁶⁰ Цит. по: Black J.L. *Canada in the Russian Mirror*... P. 36.

⁶¹ См.: Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: От Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С. 196—213.

⁶² См.: Тишков В.А. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде. С. 286—289.

⁶³ См. гл. 3.

американскому образцу и с участием американских специалистов. В этих условиях потерпевшие окончательное поражение канадские повстанцы не могли больше рассматриваться как козырная карта в русско-американских и русско-английских отношениях.

Больше того, российская дипломатия приложила максимум усилий, чтобы способствовать урегулированию англо-американских противоречий, во многом запутанных в месяцы канадского восстания⁶⁴.

Помимо Канады, был еще один регион, в котором со всевозрастающим ожесточением сталкивались интересы США и Великобритании — Центральная Америка⁶⁵. В тридцатые годы XIX в. британское влияние в этом стратегически важном районе мира было преобладающим. Однако местные политики в стремлении сыграть на противоречиях великих держав, не исключали из своих расчетов и владевшую колониями на Тихоокеанском побережье Америки Россию. Николаевская империя, однако, соблюдала дистанцию по отношению к проблемам столь удаленного от нее региона. Тем не менее, время от времени, именно вследствие объективного нейтралитета России, государственные деятели республик Перешейка обращались к русскому правительству с просьбами принять участие в центральноамериканских проектах.

Так, в 1839 году видный центральноамериканский политик полковник Хуан Галиндо обратился к российскому посланнику⁶⁶ с весьма привлекательным предложением.

«Непосредственная цель моего письма, — писал полковник Галиндо, — имеет отношение к постройке судоходного или оке-

⁶⁴ См.: Тишков В.А. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде. С. 295—296; Курилла И.И. Англо-американский конфликт и российское посредничество (1841 г.) // *Americana*: Сб. ст. по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 1. Волгоград, 1997. С. 16—23.

⁶⁵ См.: Кубышкин А.И. Англо-американское соперничество в Центральной Америке в XIX — начале XX века. Саратов, 1994.

⁶⁶ Уехавший из Вашингтона в 1835 году, Х. Галиндо не знал о переменах в российской миссии и обращался к П. Крюденеру, которого уже за два года до того сменил новый посланник А. Бодиско.

анского канала через континент через озеро Никарагуа... Рассматривая политику России в качестве баланса против агрессии Франции и Англии в этом полушарии, мы считаем эту империю нашим естественным союзником и защитником». Галиндо предлагал России не больше не меньше как ведущую роль в строительстве канала через Центральноамериканский перешеек, обещающая за это неслыханные уступки:

Если бы Россия захотела сделать это собственными силами, наше правительство предоставило бы ей права полной собственности над каналом на определенное количество лет, право разместить гарнизоны в устьях, сбора платы за пропуск судов, и т. д., и полную территориальную уступку суверенитета и владения провинцией Соконуско как мостика на пути к Русской колонии в Калифорнии, к Ситке и другим частям русского побережья Америки. Соконуско имеет плодородную почву и могла бы стать житницей более северных владений России на этом континенте⁶⁷.

Полковник лично брался провести переговоры с российским правительством, если оно захочет в них вступить, искушая руководство России «огромными результатами, которые открытие канала в Никарагуа имело бы для единства великой империи, приближая Санкт-Петербург более чем на две тысячи лиг уверенного и легкого плавания к берегам России по обе стороны Тихого океана»⁶⁷.

Привлекая внимание российских властей к проискам Франции и Великобритании, Х. Галиндо не обмолвился ни словом об американском присутствии в Центральной Америке. В тот период Соединенные Штаты еще не представляли собой конкурента европейским колониальным державам. Однако Российская империя, конечно же, не пошла на соблазнительные

⁶⁷ Juan Galindo to Baron Krudener, Minister of N.M. the Emperor of All the Russias in the United States of America. Guatemala, 15 January 1839 // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 66—67. См. подробнее: Кубышкин А.И., Курилла И.И. «Наш естественный союзник и защитник»: Неизвестный эпизод из истории отношений России со странами Центральной Америки // *Латинская Америка*. 2004. № 11. С. 95—98.

условия, предлагавшиеся никарагуанским полковником. Во-первых, Центральноамериканская федерация, скоротечное существование которой пришлось как раз на период формулирования этого предложения, не была признана Российским правительством (как не были им в то время признаны большинство стран Южной Америки, освободившиеся от колониальной зависимости от Испании; впрочем, испанское правительство в тот период Россия тоже не признавала). Во-вторых, как мы уже отмечали, как раз в этот период Россия начала сближение с Великобританией после нескольких лет взаимного охлаждения, и перспектива «влезать» в британскую вотчину на другом конце земного шара не представлялась возможной и необходимой задачей.

Уже в декабре 1839 года министр К.В. Нессельроде одобрил решение посланника А.А. Бодиско не вмешиваться в «анархию» на перешейке: «Россия не считает возможным, ни исходя из ее договоров, ни из ее положения, вмешиваться во внутренние дела Центральной Америки»⁶⁸.

Урегулирование англо-американских противоречий и попытка российского посредничества

В апреле 1841 г. впервые в американской истории вице-президент Джон Тайлер занял высший государственный пост в результате смерти президента. Новая администрация пришла к власти в тот момент, когда международное положение страны было чрезвычайно сложным. Продолжали давать знать о себе последствия эпохи революций и войн за независимость на Американском континенте. Государственный секретарь Дэниел Уэбстер по прошествии времени не без юмора рассказывал, что в 1841 году «в Вашингтоне был представитель Техаса, но Техас не был признан Мексикой. Был представитель Мексики, но Мексика не была признана Испанией. Был посланник Испании, но правящая в Испании династия не была признана Россией; и был посланник России, который, вкупе со

⁶⁸ К.В. Нессельроде — А.А. Бодиско, 20 декабря 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 411.

всеми вышеперечисленными, был признан правительством Соединенных Штатов»⁶⁹.

Но, пожалуй, более тревожным фактом было то, что единственной определенной границей страны (за исключением участка от Лесного озера до Скалистых гор) в 1841 году была Атлантика. На юге США граничили с Техасом, причем последний изъявлял желание войти в состав Союза; границы же самого Техаса не были закреплены договорами. На Западе слабозаселенная область американского «фронта» простиралась до мексиканской Калифорнии, русских и английских владений на Тихоокеанском побережье, где разграничение территории представляло собой временный компромисс. Наконец, на севере соседом США была принадлежавшая Великобритании Канада, давняя цель американских экспансионистов, мечтавших включить ее в состав Соединенных Штатов. Англо-американские договоры 1783 и 1815 годов не установили границу в ее восточной части и на дальнем Западе, за Скалистыми горами (территория Орегон). Попытка прибегнуть для установления границы на северо-востоке к арбитражу короля Нидерландов в 1827 г. провалилась, — обе стороны не согласились с предложенным им в 1831 г. компромиссом; северо-восточная граница оставалась предметом спора и очагом напряженности.

В марте 1841 г. Палата представителей Конгресса США заслушала весьма воинственный доклад своего комитета по внешней политике. Лондонская «Таймс» 17 марта предупреждала новую американскую администрацию: «Мы должны напомнить нашим заатлантическим соперникам, что, если дело дойдет до крайностей..., то они окажутся в таком невыгодном положении, как ни в одном из прошлых споров»⁷⁰. Отношения США с Великобританией из-за северо-восточной границы, досмотра английскими кораблями американских судов и канадского восстания балансировали на грани новой войны.

Однако на деле Великобритания не была в то время расположена доводить конфликт с США до крайности: она вела воен-

⁶⁹ Webster D. The Works of Daniel Webster. Boston, 1854. Vol. 2. P. 326—327.

⁷⁰ Times. 1841. March 17. P. 5.

ные действия в Афганистане и Китае (I опиумная война), только летом 1840 г. была достигнута договоренность с Россией о действиях в Сирии против войск Мухаммеда-Али, которая обострила отношения Британии с Францией, покровительствовавшей мятежному владыке Египта. Дополнительный очаг напряженности не был нужен Лондонскому кабинету.

В такой международной обстановке начал свою деятельность первый кабинет вигов, едва оправившийся от скоропостижной смерти президента У.Г. Гаррисона. Новый президент Дж. Тайлер, всей политической биографией и поддержкой обязанный Югу, считал важнейшей внешнеполитической задачей аннексию Техаса, в то время как госсекретарь Д. Уэбстер, связанный с интересами купцов и промышленников Северо-Востока, хотел добиться примирения с Великобританией.

Русская дипломатия смотрела на смену американской администрации с точки зрения ее влияния на международные отношения.

Российский посланник в Лондоне Ф.И. Бруннов уже 9 марта донес в Санкт-Петербург, что «администрация генерала Гаррисона, сменяющая администрацию Ван-Бюрена, действует в примирительном духе и хочет урегулировать досадные разногласия между Соединенными Штатами и Англией»⁷¹.

Николай I увидел в этой ситуации возможность дальнейшего сближения с Великобританией и предложил двум странам посредничество России в урегулировании споров.

18/30 марта 1841 г. в Вашингтон из Санкт-Петербурга ушла депеша, в которой, в частности, говорилось: «В тот момент, когда совместно со своим союзником Великобританией [император Николай] преуспел в погашении последних очагов войны на Востоке⁷², и в укреплении мира в Европе... он испытал бы удвоенное сожаление при одном только допущении возможности увидеть мирные отношения подвергнутыми опасности в другом по-

⁷¹ Ф. Бруннов — К. Нессельроде, № 41. 25 февраля/9 марта 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 111. Л. 516 об.

⁷² Имелось в виду четырехстороннее соглашение июля 1840 г. и последовавшее вмешательство Англии в турецко-египетский конфликт.

лушарии... Если... при нынешнем положении вещей советы беспристрастного друга могут оказать какое-нибудь влияние на решения американского правительства, Его Величество будет искренне рад увидеть их принятыми с доброй волей и, таким образом, внести свой вклад в справедливое разрешение споров, о которых столь сожалеют оба правительства. Он полагается... на умеренность нового президента»⁷³. Нессельроде предложил Бодиско ознакомить с содержанием депеши государственного секретаря, что тот не замедлил исполнить.

В тот же день 30 марта копия депеши была направлена в Лондон, сопровождаемая письмом, в котором сообщалось, что «император... считает своим долгом предложить в этом случае свои добрые услуги (*ses bon offices*) Англии в доказательство своей дружбы и исходя из желания сделать все от него зависящее, чтобы укрепить близкий союз, установившийся между нашим кабинетом и кабинетом в Лондоне вследствие общих подходов к умиротворению Леванта»⁷⁴.

Стоит вспомнить, что российская дипломатия уже выступала в качестве примирителя Англии и Соединенных Штатов в ходе войны 1812—1815 гг. — именно тогда Санкт-Петербург стал ареной мирных переговоров, не увенчавшихся, правда, успехом.

Увлеченный собственным изобретением Николай I подгонял события. 6 апреля американский посланник в Петербурге Ч. Камбреленг доносил государственному секретарю Д. Уэбстеру, что в русской столице уже несколько недель царит тревога по поводу англо-американских отношений: «В разговоре граф Нессельроде выразил сильнейшую надежду, что между нами не будет серьезных осложнений, — и о той же надежде говорил мне несколько дней спустя сам император»⁷⁵.

⁷³ Нессельроде — Бодиско. 18/30 марта 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 195. Л. 382—385. Английский перевод опубликован в: Papers of Daniel Webster (далее — PDW). Diplomatic Papers. Vol. 1. Hanover, N. H., 1983. P. 51—53.

⁷⁴ Нессельроде — Бруннову. № 91. 18/30 марта 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 116. Л. 93—93 об.

⁷⁵ Ч. Камбреленг — Уэбстеру. № 14. 6 апреля 1841 г. // NARS. RG 59. Diplomatic Despatches. Russia. R. 14. Vol. 14.

13 апреля Николай вновь заговаривал с Камбреленгом об отношениях США с Великобританией⁷⁶.

Между тем Ф. Бруннов передал Пальмерстону копию депеши Нессельроде Бодиско от 18/30 марта и получил в ответ одобрение английского министра: российский император «не только грозный противник, но искренний и открытый друг»⁷⁷.

Бруннов показал письмо Нессельроде и американскому посланнику в Лондоне Э. Стивенсону, который в ответ выразил свою уверенность, что его «правительство глубоко прочувствует возвышенные и бескорыстные мотивы, которые повлияли на решение его императорского величества использовать добрые услуги и моральное влияние России в целях мира и сохранения союза между двумя дружественными нациями»⁷⁸.

Получив информацию Бруннова, сам Николай на свадьбе сына — цесаревича Александра, состоявшейся 16 (28) апреля 1841 г., сообщил американскому посланнику в Петербурге, что у него есть «очень хорошие известия из Лондона, относящиеся к нашим отношениям с Великобританией, и он был рад узнать, что они могут быть дружественно урегулированы»⁷⁹.

Однако и в Лондоне, и в Вашингтоне, и в Санкт-Петербурге понимали, что предложение посредничества не более чем жест, демонстрирующий добрую волю российского императора: о посредничестве ни одна из сторон не просила, да и в созданных условиях неясно было, что конкретно может стать прелюдом российского вмешательства: новая американская администрация сама была готова к переговорам, хотя ее сдерживали внутренние проблемы (смерть президента Гаррисона 4 апреля и последовавший раскол в администрации вигов).

⁷⁶ Ч. Камбреленг — Уэбстеру. № 15. 14 апреля 1841 г. // NARS. RG 59. Diplomatic Despatches. Russia. R. 14. Vol. 14.

⁷⁷ См.: Бруннов — Нессельроде. № 68. 4/16 апреля 1841 г.; Бруннов — Пальмерстону, 13 апреля 1841 г.; Г. Пальмерстон — Ф. Бруннову, 14 апреля 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 112. Л. 166—171 об.

⁷⁸ Э. Стивенсон — Уэбстеру, № 122. 19 апреля 1841 г. // Manning W.R. (ed.) *Diplomatic Correspondence of the United States: Canadian Relations. 1784—1860*. Washington, 1944. Vol. 3. P. 627—628.

⁷⁹ Камбреленг — Уэбстеру, № 17. 4 мая 1841 г. // NARS. RG 59. DD. Russia. R. 14. Vol. 14.

С другой стороны, в 1827 г. Великобритания и Соединенные Штаты уже пытались прибегнуть к арбитражу в спорном вопросе о северо-восточной границе, но предложения короля Нидерландов в 1831 г. не устроили ни одну из сторон.

Об этих «подводных камнях» писал Ф. Бруннов своему вашингтонскому коллеге А. Бодиско 4 (16) апреля 1841 г., указывая, что Россия предложила посредничество странам, «ни одна из которых об этом не просила, и которое обе намерены отклонить». Поэтому перед русскими дипломатами стоит непростая задача остаться одинаково «уважительными к обеим сторонам»⁸⁰.

В целом, реакция Англии и США была довольно вялой. Бруннов донес из Лондона, что Пальмерстон и американский посланник Стивенсон выразили благодарность за дружественный демарш⁸¹, а Бодиско сообщил из Лондона, что президент и м-р Уэбстер намерены покончить с разногласиями «в период своей администрации»⁸².

Российскому кабинету оставалось лишь выразить удовлетворение намерением сторон самостоятельно урегулировать конфликт и подвести черту под своей попыткой выступить посредником⁸³.

Прибывший в Санкт-Петербург в конце 1841 года новый посланник США Ч.С. Тодд также докладывал в Вашингтон о российской обеспокоенности состоянием англо-американских отношений. Граф Нессельроде подтвердил ему готовность России выступить посредником в англо-американских разногласиях: «У меня есть основания предполагать, что здешнее правительство испытывает большую озабоченность нерешенными вопросами между С[оединенными] Штатами и Великобританией;

⁸⁰ Бруннов — Бодиско. 4/16 апреля 1841 г. (приложение к Бруннов — Нессельроде, № 84. 29 апреля/11 мая 1841 г.) // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 112. Л. 346 об.

⁸¹ См.: Бруннов — Нессельроде, № 84. 29 апреля/11 мая 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 112. Л. 341—345.

⁸² Бодиско — Нессельроде, № 27. 17/29 мая 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 195. Л. 181.

⁸³ Нессельроде — Бруннову, № 196. 31 мая 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 116. Л. 148—152.

по отношению к обеим этим странам здесь лелеют добрые чувства. Граф Нессельроде указал в частной записке, с которой мне было разрешено ознакомиться ... что он надеется, что две страны, к которым Россия испытывает такое уважение, не вступят в конфликт ... Я не сомневаюсь, что правительство намерено предложить свое посредничество, в случае, если этого потребует кризис»⁸⁴.

Посреднический потенциал России использовался в англо-американских отношениях и в дальнейшем. Так, в декабре 1841 г. в Лондоне был подписан Пятисторонний договор Австрии, Великобритании, Пруссии, России и Франции, который приравнял работоторговлю к пиратству и облегчил взаимную проверку судов для пресечения преступного промысла. Английский премьер Роберт Пиль пытался склонить США присоединиться к договору, используя влияние русского посла в Лондоне Ф.И. Бруннова⁸⁵, но безуспешно. Пиль не без оснований считал, что русская дипломатия имеет вес в американской столице.

В Лондоне активно добивался урегулирования прибывший туда осенью новый посланник США — друг государственного секретаря Д. Уэбстера Э. Эверетт. Свои услуги по урегулированию предложил американскому посланнику российский представитель Ф.И. Бруннов. «Русский посол, который учился в Германии в одно время со мной, хотя и в другом университете, — сообщал Э. Эверетт Д. Уэбстеру, — ...заверил меня, что уверен в искреннем желании нынешнего министерства решить проблему по-дружески»⁸⁶. Со своей стороны Ф. Бруннов сообщил своему коллеге в Вашингтоне, что «рад превосходному выбору, сделанному в лице господина Эверетта»⁸⁷, а в Санкт-Петербург доложил, что между двумя дипломатами «установились отношения,

⁸⁴ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 6. 10/22 декабря 1841 г. // NARS. М. 35. *Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.*

⁸⁵ Э. Эверетт — Д. Уэбстеру, частное. 21 января 1842 г. // PDW. *Diplomatic Papers. Vol. 1. P. 493.*

⁸⁶ Э. Эверетт — Д. Уэбстеру, частное и конфиденциальное. 22 ноября 1841. // *Papers of Daniel Webster. Microfilm edition. Reel 16. № 20708.*

⁸⁷ Ф. Бруннов — А. Бодиско, 6 декабря 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 115. Л. 35.

отвечающие добрым связям, существующим между двумя правительствами»⁸⁸.

Однако очевидно, что Великобритания и США должны были самостоятельно определить контуры взаимных уступок, что стало возможным после смены кабинета в Англии в начале осени 1841 г. После интенсивной дипломатической подготовки весной 1842 г. в США прибыл специальный уполномоченный лорд Ашбертон, который после нескольких месяцев переговоров с госсекретарем Д. Уэбстером подписал с ним договор (договор Уэбстера — Ашбертона 9 августа 1842 г.), компромиссный по большинству спорных вопросов⁸⁹. Российский посланник А. Бодиско дал торжественный обед в честь прибытия английского лорда в Америку, на котором присутствовали члены американской администрации и дипломатический корпус⁹⁰. Это было напоминанием о намерениях России играть роль примирителя двух англосаксонских держав.

Таким образом, хотя для Санкт-Петербурга попытка посредничества в англо-американском конфликте была прежде всего одним из путей сближения с Великобританией, подспудно в ней просматривалось также стремление России укрепить свою роль великой державы за рамками европейского континента. С другой стороны, для Соединенных Штатов даже косвенное участие России в урегулировании отношений с бывшей метрополией создавало интернациональный фон для противостояния дипломатическому и военному давлению державы номер один.

Известие о подписании договора Уэбстера-Ашбертона подтолкнуло американского посланника в Санкт-Петербурге Ч.С. Тодда высказаться на тему русско-американских отношений. Возможность для этого предоставило празднование в Анг-

⁸⁸ Ф. Бруннов — К. Нессельроде, № 247. 25 ноября/7 декабря 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 115. Л. 34.

⁸⁹ Вашингтонский договор 9 августа 1842 г. установил границу между США и Канадой на спорном до того момента восточном участке, а также закрепил обязательство США и Великобритании содержать по эскадре у западных берегов Африки для пресечения вывоза рабов.

⁹⁰ Adams J.Q. *Memoirs of John Quincy Adams. Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848.* 12 vols. Freeport, N. Y., 1969 (repr.; 1st ed. 1874—1877). Vol. 11. P. 133.

лийском клубе, когда Тодду пришлось отвечать на тост временно управлявшего министерством иностранных дел графа И.И. Воронцова-Дашкова за страны, союзные России:

Я поздравляю Англию и Америку с недавним договором, примирившим основные противоречия. Этот договор придаст новую энергию их торговым отношениям. Я поздравляю их с предотвращением войны, которая, начавшись, могла вовлечь даже гигантскую Россию, чьи колоссальные руки (arms) распростерты над Европой, Азией и Америкой. Пусть Англия и Америка будут соперниками только в стремлении к истинной славе.

Это восхитительная задача — подробно остановиться на отношениях, существующих между Россией и Соединенными Штатами. Есть нечто такое, о чем стоит задуматься другим державам, в зрелище двух великих народов, обладающих самой большой территорией и ресурсами в Старом и Новом свете, всегда живших в мире.

Древняя и новая история не знают таких ярких примеров. Для России и Америки храм Януса всегда был закрыт⁹¹. Пусть он никогда не откроется⁹².

В своем выступлении американский посланник намеренно акцентировал внимание на сопоставлении территории и ресурсов России и Соединенных Штатов, поднимая в глазах русских политиков престиж и значение своего отечества. Обращает на себя внимание тот факт, что слова Тодда о русско-американских отношениях остаются верными и более полутора веков спустя — уникальный случай в истории отношений между великими державами!

В Вашингтон Тодд докладывал:

Известия о договоре с Великобританией и о новом тарифе приняты здесь с удовлетворением; оба события рас-

⁹¹ Тодд имеет в виду древнеримский обычай открывать арку, посвященную Янусу, на форуме во время войны и запирает ее во время мира (Liv. I 19, 2).

⁹² Цит. по: Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 80—81. Текст этой речи перепечатали американские газеты. См.: Americans in Russia. Col. Todd's Speech // Nile's National Register. 1843. 20 мая.

сматриваются как необходимые для постоянных торговых отношений с нами. Пока существовала даже небольшая вероятность войны с Англией, или уровень тарифа не был определен, никакие грузы не были отправлены в Америку⁹³.

Передавая копию договора Уэбстера-Ашбертона графу Нессельроде, Тодд выразил убеждение, что император «будет рад событию, столь благоприятному для будущих отношений между двумя великими нациями, с обеими из которых он в течение долгого времени поддерживает самые сердечные отношения... Дух взаимных уступок, в котором были урегулированы территориальные границы, и положение о раздельных действиях эскадр для прекращения работорговли... будет средством сохранения постоянной дружбы между двумя морскими державами, чьи взаимоотношения, как в мире, так и в войне, оказывают важное влияние на интересы других наций»⁹⁴.

Американская дипломатия в начале 1840-х годов поставила своей целью примирение с Великобританией, отношения с которой опустились до самого холодного уровня со времени войны 1812 года. Важно, что и для российской внешней политики этот период был ознаменован прежде всего поисками путей сближения с «владычицей морей», увенчавшимися в 1844 году поездкой Николая I в Англию. Основные проблемы отношений с США российский МИД предпочитал решать через российского посланника в Вашингтоне искусного дипломата А. Бодиско. В этих условиях пост американского посланника в Санкт-Петербурге оставался второстепенным пунктом в мировой политике, центром которой был Лондон.

В самом деле, в двусторонних отношениях единственным нереализованным стремлением американской дипломатии оставался договор о морских правах нейтральных держав, о перспективах которого посланник Ч.С. Тодд высказался достаточно определенно в одной из первых депеш:

⁹³ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 20. 17/29 сентября 1842 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

⁹⁴ Ч.С. Тодд — К.В. Нессельроде, 2/14 февраля 1843 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1843. Д. 51. Л. 2—2 об.

В моих инструкциях нет ни одного неразрешенного предмета, касающегося взаимоотношений С[оединенных] Штатов и России, за исключением предложения заключить договор в отношении морских прав; и, несмотря на небольшую вероятность успеха этих попыток в настоящее время, я в то же время считаю своим долгом представить этот предмет вниманию графа Нессельроде как только я сочту случай подходящим, либо его сделают таким новые обстоятельства. Соразмерно перспективам войны (США — И. К.) с Великобританией будет желание здешнего правительства определить и обезопасить с помощью договора права, принадлежащие нейтралам, и, хотя вероятность немедленного разрыва между С[оединенными] Штатами и Англией отдалась... остаются серьезные нерешенные вопросы, достаточные, чтобы вызвать столкновение⁹⁵.

Подводя промежуточные итоги своей работы весной 1843 года, Тодд отмечал: «Мои сообщения могут быть лишены интереса или разнообразия, но я утешаюсь мыслью, что причина их бессодержательности есть повод для поздравлений. У нас нет предметов противоречий с этим правительством. Выполнение моих обязанностей просто и приятно. Я должен только стараться поддерживать добрые чувства, долго лелеемые к нашей стране. Я надеюсь, что достиг успеха в этой задаче»⁹⁶.

Тем не менее дипломатическая работа периодически требовала от посланника участия в оценке и разрешении международных проблем. Помимо переговоров, связанных с англо-американским урегулированием, на повестку дня выходили и другие задачи.

⁹⁵ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 5. 17/29 ноября 1841 г. // National Archives and Record Service. Washington, DC. Record Group 59, General Records of the Department of State. (NARS). Microcopy (M.) 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

⁹⁶ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 29, 23 марта/4 апреля 1843 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1. P. 239

Американская экспансия и Санкт-Петербург

На годы пребывания Тодда в России пришлось начало беспрецедентного рывка территориальной экспансии США середины 1840-х гг., и посланник вынужден был давать самостоятельные оценки этому процессу.

«В недавнем разговоре высокопоставленный функционер, приближенный к императорской семье, — докладывал в Вашингтон дипломат, — высказал решительное мнение, что Техас должен быть естественным образом раньше или позже принадлежать либо Мексике, либо Соединенным Штатам, и в связи с его просьбой оценить вероятные решения орегонского вопроса, я взял на себя смелость предположить, в качестве моего частного мнения, что минимумом наших требований будет линия 49°, продленная от Скалистых гор до реки Колумбия...

В отрывочных разговорах, которые были у меня с членами Дипломатического корпуса по вопросу о Техасе, Орегоне и о распаде Союза, который они предсказывают в качестве последствий вопроса о домашнем рабстве, я посчитал уместным сказать, что, когда мы сочтем удобным, мы овладеем Орегоном и Техасом, а что касается предсказания распада нашей страны, то это современная песнь Цирцеи, потому что мы останемся едины независимо от того, будет или нет отменено рабство»⁹⁷.

Следует отметить, что Российское правительство относилось к возможной аннексии Техаса Соединенными Штатами с пониманием, обусловленным как противодействием британским попыткам аннексию предотвратить, так и пониманием сходства в задачах двух государств. В конце марта 1845 года российский посланник А.А. Бодиско предостерегал бывшего президента и влиятельного конгрессмена Дж.К. Адамса от недооценки военных приготовлений Великобритании: Сэр Роберт Пиль, — отметил дипломат, — «принимает занятие вами Техаса очень спокойно, но он направит большие военно-морские силы на Тихий океан, и затем, если вы тронете Монтерей, вспыхнет война, всеобщая война». Из этих слов Адамс сделал два вывода: «1. Мистер Бодиско

⁹⁷ Ч.С. Тодд — Дж. Кэлхуну, № 50. 12/24 декабря 1844 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

раздувает угли, 2. У него нет возражений против аннексии Техаса Соединенными Штатами. Он сказал, смеясь, что Россия, сама имеющая привычку занимать территории в десять раз большие, чем Техас, не может возражать против этой меры, но главное — сделать это элегантно (*in a genteel way*), и непостижимым для него было то, что при всех мерах, предпринятых конгрессом к аннексии Техаса, ни доллара дополнительно не было выделено на подготовку к войне»⁹⁸.

Лишь в отдаленном будущем просматривалась некоторыми политиками возможность конкуренции России и Соединенных Штатов. «Аннексия Техаса, — писал идейному лидеру Юга Дж. К. Кэлхуну некто Джон Файн, бывший конгрессмен из Нью-Йорка, — давая нам контроль над производством хлопка, дает нам и контроль над его производством за рубежом и не только ставит в зависимость от нашей воли жизнь миллиона англичан, но и весь доход от их хлопкового производства. Мы не можем ожидать такого же контроля над их поставками хлеба. Польша и Россия могут вполне обеспечить Англию»⁹⁹.

Активизация американской внешней политики на Тихом океане, связанная с деятельностью государственного секретаря США в 1841—1843 г. Д. Уэбстера, означала вступление Соединенных Штатов в конкуренцию, разгоревшуюся в регионе между великими европейскими державами. К началу сороковых годов XIX века ведущая роль в освоении тихоокеанского побережья принадлежала Великобритании и России. Это давало дополнительные шансы американской дипломатии сыграть на существующих противоречиях. Именно об этом докладывал в Вашингтон американский посланник в Санкт-Петербурге Ч. С. Тодд. Посланник сообщал правительству, что Российская империя настроена весьма благожелательно по отношению к американской позиции: «В недавних разговорах с двумя господами, занимающими высокие посты в этой столице, я узнал от одного из них, что Россия не вмешивается в наши притя-

⁹⁸ Adams J. Q. *Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary From 1795 To 1848* / Ed. by Charles Francis Adams. 12 vols. Philadelphia, 1877. Vol. 12. P. 187. (Запись от 28 марта 1845 г.)

⁹⁹ Дж. Файн — Дж. К. Кэлхуну, 13 апреля 1846 г. // [Calhoun J. C.] *The Papers of John C. Calhoun* / Ed. by Robert L. Meriwether et al. Vol. 23. Columbia, 1996. P. 44.

зания на северо-западное побережье между 42 и 49 параллелями, а от другого, — что она отказалась от своего поселения около Сан-Франциско на побережье Калифорнии по тем причинам, что запасы меха выдры уже исчерпаны, что там нет земли, пригодной для сельского хозяйства, и что место слишком удалено от ее владений к северу от 54°, чтобы получать помощь и припасы»¹⁰⁰. Через несколько дней подтверждение этим оценкам появилось в редакционной статье официозного «Санкт-Петербургского журнала»: «я хочу привлечь Ваше внимание к ней (статье — И. К.), как выражающей, в определенной степени, взгляды и чувства этого правительства. Никаких упоминаний нет о каких-либо притязаниях со стороны России на область между 42° и 54°40' и очевидное направление статьи благосклонно к нашим притязаниям... Вполне естественно, что Россия более ревниво относится к силе Великобритании, чем С[оединенных] Штатов на том побережье, ревность эта отнюдь не уменьшена недавними событиями в Китае, которые, дав Великобритании позиции в этой империи, могут создать большие возможности для расширения ее торговли и владений на Тихом океане»¹⁰¹.

К вопросу о судьбе Калифорнии Тодд возвращался неоднократно, что указывает и на тот факт, что его русские собеседники видели в американской экспансии в том регионе предпочтительный для себя вариант развития событий. Зимой 1844—1845 годов американский посланник беседовал с «бывшим русским губернатором Северо-западного побережья (Ф. П. Врангелем? — И. К.)», который «повторил то, что (Тодд) уже слышал из других источников, что русские владения на побережье Калифорнии оставлены, и он высказал мнение, что в недалеком будущем в интересах С[оединенных] Штатов было бы закрепить в этом отдаленном районе Мексики»¹⁰².

¹⁰⁰ Ч. С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 26. 10/22 февраля 1843 г. // NARS. M. 35. *Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.*

¹⁰¹ Речь идет о правах, полученных Великобританией в Китае в результате I Опиумной войны. Ч. С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 27. 22 февраля/6 марта 1843 г. // NARS. M. 35. *Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.*

¹⁰² Ч. С. Тодд — Дж. К. Кэлхуну, 6/18 января 1845 г. // [Calhoun J. C.] *The Papers of John C. Calhoun* / Ed. by Robert L. Meriwether et al. Vol. 21. Columbia, 1993. P. 154.

Орегонский вопрос увязывался в российской политике и с событиями на Балканах: «События в Сербии (Servia) продолжают быть источником тревоги имперского правительства. Я узнал от источника, заслуживающего доверия, что император [Николай I] недоволен политикой Порты; что с этим предметом становится сложнее справиться, в связи с бытующим здесь мнением, будто члены польского общества в Париже разжигают взаимную ревность в надежде поставить одного из своих лидеров во главе событий. Император думает, что он на правой стороне, и мой источник добавил, что в таком случае он не уступит, и результатом может стать война. Это сообщение было сделано мне в связи с высказанной надеждой, что С[оединенные] Штаты и Англия не допустят, чтобы Орегонский вопрос запутал их нынешние счастливые отношения»¹⁰³.

Единственный случай, когда американский посланник выразил недовольство действиями российского правительства, был связан также с отношениями с Великобританией. Сближение двух империй, наметившееся после визита Николая I в Англию в 1844 году, проявилось, в частности, и в предоставлении Россией льгот английским купцам в торговле сахаром, что вызвало ревность американских коллег. Государственный секретарь Джеймс Бьюкенен, который в 1832 году в качестве посланника США подписывал русско-американский договор о торговле и мореплавании, увидел в таких исключительных льготах нарушение статьи 11 этого документа. «Русское правительство замечательно верно, с которой оно соблюдает свои договоры», — писал Дж. Бьюкенен Ч.С. Тодду, указывая на необходимость активных действий¹⁰⁴.

Пытаясь выполнить поручение, Тодд настойчиво требовал от русского правительства признания «права Соединенных Штатов участвовать в преимуществах, недавно предоставленных английской торговле». Американец напоминал, что «сезон навигации заканчивается слишком быстро, чтобы ожидать, что

¹⁰³ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 29, 23 марта/4 апреля 1843 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1. P. 239.

¹⁰⁴ Дж. Бьюкенен — Ч.С. Тодду, № 22, 12 мая 1845 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Instructions. Russia. R. 136 Vol. 14. Опубликовано в: WJB. Vol. 6. P. 157.

какие-нибудь отправки могут быть сделаны из Америки в этом году, если они будут зависеть от объяснений между его Превосходительством Бодиско и государственным департаментом в Вашингтоне»¹⁰⁵. Нессельроде, однако, отменил ссылку на договор как не имеющий отношения к англо-русскому соглашению.

Весной 1843 года государственный секретарь США Дэниел Уэбстер, недовольный курсом на территориальную экспансию, проводимым президентом Джоном Тайлером, решил подать в отставку. Примерно в эти же дни он напомнил Тодду, что его срок пребывания в должности также истекает: «В начале Вашей миссии Вы предполагали пробыть за границей только два года, и Президент думает, что Вы уйдете с Вашего поста по окончании этого периода. Этот срок истекает в конце лета, что предоставляет Вам достаточно времени, чтобы пересечь Балтику до наступления холодной погоды»¹⁰⁶. Однако Тодд не только не ушел с поста после отставки Уэбстера в начале мая 1843 года, но оставался в Санкт-Петербурге еще почти три года, пережив трех госсекретарей и целый год проработав при президенте-демократе Полке. Одной из причин этой стабильности была начавшаяся кадровая чехарда в самом госдепе, другой — удаленность и сравнительная незначительность поста в Санкт-Петербурге. Видные политики не хотели покидать Соединенные Штаты в разгар партийных перегруппировок (быстрого дрейфа президента Тайлера от вивог к демократам, сопровождавшегося необычными кадровыми перестановками).

К этому времени относится и едва ли не единственная депеша Тодда, в которой он предлагал своему руководству рекомендации, относящиеся к внешней и оборонной политике. В связи с аннексией Техаса Соединенными Штатами во второй половине 1845 года назревала большая война с Мексикой, а в европейских столицах заговорили о возможном противодействии экспансионистским планам заокеанской республики. Тодд, только что вернувшийся с военных маневров рус-

¹⁰⁵ Ч.С. Тодд — К.В. Нессельроде, 18 июля 1845 г. // Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 84—86.

¹⁰⁶ Д. Уэбстер — Ч.С. Тодду, № 6, 13 марта 1843 г. // NARS. M. 77. Diplomatic Instructions. Russia. R. 136. Vol. 14.

ской армии, отметил в докладе государственному секретарю Дж. Бьюкенену, что особое впечатление на него произвели возможности легкой артиллерии: «несмотря на то что в оборонительной войне она может быть не так полезна, равнины Техаса, Орегона, Калифорнии или Мексики могут предоставить театр для ее успешного применения». Посланник также рекомендовал своему правительству воспользоваться возможностью демонстрации военно-морской мощи США в российской столице¹⁰⁷.

Решение об отзыве Ч.С. Тодда было принято только осенью 1845 года, причем государственный секретарь Джеймс Бьюкенен посчитал нужным сопроводить официальное извещение личным письмом. Президент доволен работой Тодда, объяснял он мотивы решения, но тот отработал уже полный срок в четыре года, а «со сменой администрации обычно происходят и соответствующие изменения и в важнейших дипломатических миссиях, особенно там, где посланник прослужил достаточно большое время»¹⁰⁸. Тодд оставил пост 27 января 1846 года.

К этому времени на пост секретаря миссии (с обещанием должности поверенного в делах после отъезда Тодда) был назначен старый друг нового государственного секретаря (и бывшего посланника в России) Джеймса Бьюкенена Джон Рэндолф Клей, проработавший в том же качестве в российский столице семь лет в 1830-е, а затем еще столько же в Вене. Клей прибыл в Санкт-Петербург 20 июля 1845 года, а Тодд получил письмо о своем отзыве в конце октября, но задерживал свой отъезд под предлогом ожидания личной встречи с императором (отсутствовавшим в столице) еще на три месяца, вызвав недовольство Клея (тот в результате потерял эти месяцы в компенсации за исполнение обязанностей поверенного в делах)¹⁰⁹.

В целом 15 лет после подписания торгового договора между США и Россией были периодом интенсивного внутреннего раз-

вития обоих государств, сопровождаемых поиском новых союзников на международной арене. Русский император пытался укрепить отношения с Великобританией, используя американский континент как рычаг воздействия в русско-английских отношениях, тогда как некоторые круги в Соединенных Штатах начинали рассматривать Россию не просто как старого торгового партнера, но как страну, интересы которой могут сделать ее лоббистом американского возвышения в мировой политике. Накопившееся в ходе беспрецедентной территориальной экспансии середины 1840-х гг. несоответствие между новыми реалиями американской геополитики и старыми формами международных отношений, в которых США просто не находилось достойного места, нашло свой выход в формировании в США идеологии «Молодой Америки», особенно ярко проявившейся в годы европейских революций 1848—1849 гг. и последующего слома Венской международной системы. Однако стремление «войти в круг» великих держав начало определять уже и государственную политику США. Парадоксально, но главным союзником Соединенных Штатов в их стремлении поднять свое международное влияние оказалась Россия, бывшая гарантом Венской системы, но оказавшаяся не в состоянии удержать ее от развала.

¹⁰⁷ Ч.С. Тодд — Дж. Бьюкенену, № 61. 29 августа/10 сентября 1845 г. // NARS.M.35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14. Опубликовано в: Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 102—103.

¹⁰⁸ Дж. Бьюкенен — Ч.С. Тодду, 26 сентября 1845 г. // WJB. Vol. 6. P. 266.

¹⁰⁹ Oeste G.I. John Randolph Clay: America's First Career Diplomat. Philadelphia, 1966. P. 257—261.

Кризис и перелом: Дипломатия 1848—1860 гг.

Соединенные Штаты и Российская империя в период европейских революций 1848—1849 гг.

Когда в феврале 1848 года во Франции, а затем и в других европейских странах разразилась революция, в Соединенных Штатах у власти стояла администрация президента от демократической партии Дж. Полка, как раз к тому времени завершившая войну с Мексикой аннексией у южной соседки более половины ее территории. На высших должностях в кабинете демократов находились сразу два бывших американских посланника в России: вице-президентом был Дж. М. Даллас, а государственный департамент возглавлял Дж. Бьюкенен. Тем не менее американская дипломатия на первом этапе европейских волнений не проявляла активности на российском направлении, все внимание сосредоточив на странах, в которых происходили революционные выступления.

Общественное же мнение США обратило внимание на Россию только летом 1849 года, после ее помощи Австрийской империи в подавлении венгерского восстания. Однако даже в этот момент дипломатия Соединенных Штатов (которой к тому времени руководил уже вигский кабинет президента Закари Тэйлора) не предприняла ничего, что могло бы быть воспринято как вызов России (в отличие от вызывающих шагов в отношении Австрии). В целом отношения между Российской империей и Соединенными Штатами Америки остались вполне дружественными.

В периодической печати Европы и Соединенных Штатов развернувшиеся события интерпретировались как борьба между

свободой и деспотией, между либерализмом и самодержавием. В переписке же дипломатов этот аспект находился на втором плане. Речь шла прежде всего о господстве в Европе, о том, как может измениться расстановка сил в результате кризиса.

Система международных отношений, сформированная в 1815 году в Вене, оказалась поколебленной, когда революции в Европе не только взломали устоявшуюся систему союзов, но и подвергли сомнению самые основы международного порядка — легитимизм и права суверенов, предложив взамен демократию и права наций.

Для Соединенных Штатов Америки начало смены международной системы пришлось как нельзя кстати: кризис позволил им выступить на европейской сцене с притязаниями на новый статус. К этому времени США резко увеличили свои силы и размеры и, одержав победу в войне с Мексикой, вышли к Тихому океану. Перегруппировка сил в Европе требовала от внешней политики великих держав поиска новых союзников. К тому же, революционные лозунги европейских радикалов перекликались с собственными демократическими установлениями американцев. Все это давало американским государственным деятелям основание надеяться на завоевание более высокого статуса в новой системе международных отношений.

Американский посланник в Берлине Эндрю Дж. Донельсон (родственник и бывший адъютант президента Эндрю Джексона) писал в разгар революционных событий, что происходящие волнения «могут послужить поводом к войне, способной, если Россия не вмешается, развить нынешнее возбуждение в Европе до состояния ее полной неустойчивости». Если же «русская миллионная армия хлынет в центр Европы» то чтобы сдержать ее «понадобится гений равный Наполеону»¹. Донельсон в этой депеше повторял страхи, мучавшие европейских политиков. Они опасались повторения событий Французской революции конца восемнадцатого века, которая привела к общеевропейской войне и закончилась интервенцией в Европу русской армии. Этот страх частично основывался на существовании Священного союза, объе-

¹ Э. Дж. Донельсон — Дж. Бьюкенену, № 64. 28 марта 1848 г. // Library of Congress Manuscript Division. Andrew J. Donelson Papers. R. 7. Vol. 13.

динявшего Австрию, Пруссию и Россию в противодействии революциям.

Государственный секретарь Джеймс Бьюкенен объяснял в депеше от 1 апреля 1848 г. посланнику в России Ральфу Ингерсоллу, назначенному на пост в 1847 г., что тому не может быть разрешено в ближайшее время покинуть Россию: «Когда Вы писали свое письмо (с просьбой об отзыве — И. К.), революция во Франции еще не свершилась, и Вы, следовательно, не могли предполагать, как это событие увеличит важность России, и, следовательно, с каким интересом ее действия и ее политика будут рассматриваться другими странами»².

Ингерсолл, в свою очередь, хорошо понимал, что именно беспокоит руководство, и при первой же возможности поспешил заверить как государственного секретаря Бьюкенена, так и своего берлинского коллегу Донельсона, что Россия «не вмешается во внутренние дела соседей»³.

Уточнения из Санкт-Петербурга последовали в середине апреля: Россия опасается, что развитие событий в австрийской и прусской частях Польши приведет к провозглашению их независимости, и держит на этот случай наготове мощную армию⁴. Только Польша, среди всех территорий Российской империи, оставалась в западном понимании частью Европы. И только там и была возможна революция. О том же Ингерсолл писал в частном письме президенту Полку: «Россия не вмешается в борьбу за народные правительства в других странах... Польша — единственное место, где появление народного движения вынудит Россию» к действию⁵.

² Дж. Бьюкенен — Р. Ингерсоллу, № 5. 1 апреля 1848 г. // WJB. Vol. 8. P. 38—39.

³ Р. Ингерсолл — Э. Дж. Донельсону. 29 марта 1848 г. // Library of Congress Manuscript Division. Andrew J. Donelson Papers. R. 7. Vol. 13; Р. Ингерсолл — Дж. Бьюкенену, № 10. 1 апреля 1848 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 15. R. 15.

⁴ Р. Ингерсолл — Дж. Бьюкенену, № 11. 12 апреля 1848 г. // NARS. RG 59. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. R. 15. Vol. 15.

⁵ Р. Ингерсолл — Дж. Полку, личное. 19 апреля 1848 г. // Library of Congress Manuscript Division. James K. Polk Papers. Ser. 2. General Correspondence. R. 52. 19637.

Свое видение международной ситуации в Европе Донельсон развил в депеше государственному секретарю от 5 мая 1848 г.: «Окружающие страны (the surrounding nations), Англия и Россия, две, наименее затронутые переменами, чувствуют, что их вмешательство принесет им еще большие опасности. Они обе заинтересованы в предотвращении распространения республиканских доктрин, но они соперники в борьбе за политические и коммерческие преимущества... Весьма вероятно, что Англия и Россия посчитают [революционные] свершения меньшим злом, чем война»⁶.

Это был весьма важный прогноз. Американский посланник почувствовал приближающуюся гибель международного порядка, основанного на внутренней стабильности европейских режимов. Одна из двух несущих опор европейского порядка, созданного в Вене в 1815 году, начала разрушаться. Теперь в международной политике оставался единственный принцип, баланс сил, который приобрел еще большее значение.

10 апреля 1848 года «Нью-Йорк Геральд» («New York Herald») сообщала: «Император России уверенно провозгласил, что он воздержится от любого вмешательства в дела Франции до тех пор, пока Франция не предпримет агрессии против других стран». В той же заметке газета цитировала «абсурдное сообщение», будто «император убит — по слухам, с помощью яда — и дворяне решили установить республику»⁷.

Выяснение русской позиции было настолько важно для американских сторонников европейских революционеров, что близкий союзник администрации «Юнион» («Union») перепечатала 7 мая полный текст официального изложения политики России:

Немедленно после провозглашения Французской республики, — цитировала вашингтонская газета по «Санкт-Петербургскому журналу» («Journal de St-Petersbourg»), — нас обвинили в агрессивных намерениях, не потрудившись удостовериться, насколько отвечает нашим интересам пролитие нашей крови за цели, не связанные напрямую с интересами империи... Мы с хладнокровием будем смотреть на судороги и борьбу западного населения за неопределен-

⁶ Э. Дж. Донельсон — Дж. Бьюкенену, № 80. 5 мая 1848 г. // Library of Congress Manuscript Division. Andrew J. Donelson Papers. R. 7. Vol. 13.

⁷ Russia // New York Herald. 1848. 10 apr.

ное социальное счастье. Пусть оно свободно выбирает форму правления, наиболее соответствующую его представлениям. Россия будет молча наблюдать за всеми экспериментами. Она не испытает зависти к судьбам других стран, если какие-то хорошие результаты появятся из нынешнего состояния анархии и ниспровержения. <...> Если же, по мере развития событий, война окажется неизбежной... Россия тщательно обдумает, что является ее национальным интересом. Затем, не раньше, она будет решать, до какой степени ей можно вмешаться в проблемы, существующие между правительствами и народами... Россия твердо намерена не позволить нарушить существующий политический и территориальный баланс в ущерб ее интересам. Она будет ожидать событий, соблюдая строгий и бдительный нейтралитет. Она не будет нападать, если сама не подвергнется атаке. Русская политика будет состоять в скрупулезном уважении независимости и целостности ее соседей, до тех пор, пока эти соседи побеспокоятся уважать целостность и независимость Российской империи⁸.

Декларация, подписанная К.В. Нессельроде в июле 1848 года, была опубликована в «Нэшнл Интеллидженсер» («National Intelligencer») уже 25 августа и сопровождалась редакционным комментарием: «Не пытайтесь придать русскому императору и его кабинету чрезмерную степень умеренности и благоразумия, надо признать, что его очевидная политика в нынешнем возбужденном состоянии Европы является оборонительной, и мы не видим никаких причин сомневаться в том, что взгляды, развиваемые в этом документе, являются истинным указанием политики правительства [России]»⁹.

Российский посланник в Вашингтоне Александр Бодиско был весьма внимателен к освещению русской политики в газетах Соединенных Штатов. В конце лета он докладывал в Санкт-Петербург, что «американская пресса хорошо приняла» циркуляр К.В. Нессельроде от 6/18 июля 1848 года, содержащий ут-

верждения о неагрессивном, «оборонительном» характере русской политики в Европе¹⁰.

Убедившись в том, что Россия и Великобритания не собираются активно вмешиваться в ход европейских событий, американская дипломатия потеряла интерес к далекой стране. Основные события разворачивались к западу от границ империи. Из Санкт-Петербурга даже разрешили уехать посланнику Ингерсоллу, чей отъезд первоначально задержали в связи с началом французской революции и непроясненностью русской позиции¹¹. Новый посланник Артур Бэгби прибыл в русскую столицу только к концу лета 1848 года.

Интерес к позиции России вновь возник лишь следующей весной. К тому времени за океаном администрацию демократа Дж. Полка сменил кабинет вига генерала З. Тэйлора, не изменивший, впрочем, установок демократов по отношению к европейским событиям.

В начале мая 1849 года посланник Бэгби, опровергая слухи, растиражированные английскими газетами, сообщал, что Россия не нападет на Турцию в ближайшее время. «Гораздо более естественно, что она следит с неослабным интересом и заинтересованностью за германскими государствами, и особенно за положением Австрии и Пруссии, — сообщал Бэгби. — Несомненно, ее сочувствие на стороне Австрии. Я также уверен, что она силой будет противостоять любой степени либерализации при реформировании германских государств. В самом деле, ее нынешнее спокойствие и будущая безопасность (я имею в виду правительство) зависят в огромной степени от способности предотвратить установление свободных принципов в этой части мира»¹². Иначе говоря, сопротивление «либерализму» в Германии Бэгби рассматривал как оборонительный шаг России по защите ее собственных институтов. К тому же как раз в эти

¹⁰ А. Бодиско — К. Нессельроде, № 28. 23 августа/4 сентября 1848 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1848. Д. 184. Л. 142 об.

¹¹ См.: Дж. Бьюкенен — Р. Ингерсоллу, № 6. 17 июня 1848 г. // WJB. Vol. 8. P. 88—89.

¹² А. Бэгби — Дж. М. Клейтону, № 4. 2 мая 1849 г. // NARS. RG 59. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. R. 15. Vol. 15.

⁸ Union. 1848. 7 мая.

⁹ National Intelligencer. 1848. 25 авг.

дни в Санкт-Петербурге был раскрыт «заговор»¹³, сообщение о котором попало в ту же депешу (и даже в одно предложение) американского посланника, что и информация о решении России помочь Австрии подавить венгерское восстание¹⁴.

Инструктируя А. Дадли Манна, специального американского посланника к восставшим венграм, государственный секретарь Дж. Клейтон ссылаясь на общественное мнение США, «разбуженное» якобы намерением России вмешаться в австро-венгерские дела¹⁵.

Однако сам венгерский поход генерала Паскевича, вызвавший бурю негодования в прессе Соединенных Штатов, не повлек за собой дипломатических протестов со стороны государственного департамента или президента США.

Американские политики не считали возможным обострение отношений с Россией по этому вопросу. Когда в ходе сенатских дебатов в январе 1850 года в текст резолюции, грозившей Австрии прекращением дипломатических отношений в качестве «наказания» за плохое обращение с венграми, предложили добавить Российскую империю, то сторонники резолюции не сомневались, что это сделано с целью «утопить» предложение¹⁶.

Наконец, речь сенатора Роберта М.Т. Хантера 31 января 1850 г. расставила точки над «i» в соперничестве «идеологического» и политического подхода к европейским революциям: «У нас такие же основания наказывать Россию, как и Австрию; поскольку обиды, нанесенные ею, такие же, если не хуже. Что говорить о Франции, если мы принимаем на себя общий надзор за поведением иностранных правительств? Разве в поведении французского правительства в Италии ничто не шокирует нашу республиканскую чувствительность? Разве оно не вмешалось против прав человека и народной свободы в нашем понимании этих

¹³ Речь, безусловно, идет о «деле» петрашевцев, арестованных 23 апреля 1849 года.

¹⁴ А. Бэгби — Дж.М. Клейтону, № 5. 14 мая 1849 г. // NARS. RG 59. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. R. 15. Vol. 15.

¹⁵ Дж. Клейтон — А. Дадли Манну, секретно. 18 июня 1849 г. // NARS. RG 59. M. 77. Diplomatic Instructions. Special Missions. R. 152. Vol. 1.

¹⁶ См. речь сенатора Фуа в сенате 8 января 1850 г. // Appendix to the Congressional Globe. 31st Congress, 1st Session. P. 43.

терминов? <...> Чтобы быть справедливыми, мы должны, следовательно, прекратить наши дипломатические отношения со всеми этими дворами — Австрией, Россией, Францией, Римом. Я не уверен, что список закончится на этом, если я продолжу свое рассуждение»¹⁷.

В этот период, правда, Соединенные Штаты вновь оказались не представлены в Российской империи. Артур Бэгби, проведший несколько месяцев на посту посланника в беспробудном пьянстве, уехал домой летом 1849 года, оставив посольскую должность вакантной на целый год. Из-за отсутствия американского представителя в Санкт-Петербурге государственный секретарь в нарушение международной практики вынужден был обращаться к русским дипломатам для передачи официальных писем российским властям¹⁸.

Последствия европейских революций давали о себе знать еще несколько лет. Так, в связи с визитом в США бывшего лидера восставших мадьяр Л. Кошута австрийский посланник в Вашингтоне шевалье И.-Г. Хюльземан вручил 30 сентября 1850 г. государственному секретарю Д. Уэбстеру ноту протеста по поводу нарушения Соединенными Штатами «международного права», что невозможно «примирить с принципом невмешательства, провозглашенным Соединенными Штатами основой американской политики»¹⁹. Содержание ноты согласовывалось с российским посланником в Вашингтоне²⁰.

Как искушенный политик, Д. Уэбстер сразу понял, что «у нас будет ссора с Австрией»²¹ и решил использовать ее как

¹⁷ Выступление сенатора Хантера 31 января 1850 г. // Ibid. P. 84.

¹⁸ См., напр.: Дж.М. Клейтон — Э. Стекло, 10 декабря 1849 г. (черновик) // John M. Clayton Papers. Cont. 7. Library of Congress Manuscript Division. Washington, DC.

¹⁹ И.-Г. Хюльземан — Д. Уэбстеру, 30 сентября 1850 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 2. P. 43—44.

²⁰ См.: А. Бодиско — К. Нессельроде, № 51. 25 сентября/7 октября 1850 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1850. Д. 138. Л. 273—276 об., а также приложения к депеше, копии писем: Хюльземан — Шварценбергу, 11 июня 1850 г.; Шварценберг — Хюльземану, 15 июля 1850 г.; Хюльземан — Д. Уэбстеру // Там же. Л. 277—284.

²¹ Д. Уэбстер — М. Филлмору, 3 октября 1850 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 2. P. 46.

«удобную возможность показать миру разницу между базовыми принципами нашего правительства и деспотичными монархиями Восточной Европы»²². Он посвятил свой отпуск в октябре поправке здоровья и составлению ответа Хюльземану. «Это хороший повод, — писал госсекретарь президенту, направляя ему черновик своего письма австрийскому посланнику, — он дает нам возможность продемонстрировать характер и дух, в соответствии с которыми *во времена Филлмора* (temperae Fillmore) должна вестись внешняя политика»²³.

Наконец, 21 декабря Д. Уэбстер направил И.-Г. Хюльземану пространный ответ (получившее широкую известность «письмо Хюльземану»), в котором обосновывал право США на поддержку демократических движений по всему миру, по сути, сделав заявку на новое место Америки в мире. Госсекретарь всячески подчеркивал то, что «Соединенные Штаты желают успеха странам, борющимся за народную конституцию и национальную независимость». Причем, несмотря на декларированный нейтралитет американского правительства по отношению к европейским революциям, «когда люди в Соединенных Штатах видят, как народы других стран... спонтанно движутся к таким же установлениям, как их собственные, то, разумеется, нельзя ожидать, что они останутся безразличными зрителями». Это звучало как угроза. И как контрастировало с уверениями в полном нейтралитете и стремлению к чисто моральному влиянию США, многократно повторенными им в знаменитой «греческой речи» 1824 г.! Еще бы: «Власть нашей республики в настоящее время простирается над одним из богатейших и плодороднейших регионов на земном шаре, по сравнению с которым владения дома Габсбургов не больше, чем пятно на земной поверхности»²⁴.

Цели, которые преследовал Д. Уэбстер при написании столь резкого ответа, он сформулировал несколькими неделями позже уже в частной переписке: «1. <...> высказаться и сообщить людям Европы кто и что мы есть, и заставить их осознать беспрецедентный рост нашей страны. 2. я хотел написать письмо, которое затронуло бы

²² Д. Уэбстер — Э. Эверетту, 20 октября 1850 г. // Ibid. P. 47.

²³ Д. Уэбстер — М. Филлмору, 13 ноября 1850 г. // Ibid. P. 450.

²⁴ Д. Уэбстер — И.-Г. Хюльземану, 21 декабря 1850 г. // Ibid. P. 49—61.

национальную гордость и заставило выглядеть *смешными и глупыми* тех, кто говорит о расколе»²⁵.

Письмо Хюльземану, немедленно опубликованное, встретило широкое одобрение. «Мы верим, — отмечала «Нью Йорк Уикли Трибьюн», — что эта переписка будет прочитана каждым (или прочитана каждому) американскому гражданину». «Самое важное... — это заявление м-ра Уэбстера от имени нашего правительства, что наша страна симпатизирует и будет симпатизировать народам, борющимся за независимость и демократические институты. Здесь есть над чем поразмыслить м-ру Хюльземану и его хозяевам»²⁶.

В самом деле, письмо Д. Уэбстера И.-Г. Хюльземану означало новые претензии Соединенных Штатов, что отлично поняли в Европе. Та же «Нью-Йорк уикли трибьюн» сообщала о реакции английской прессы: «"Дейли ньюс" пишет: "Это совершенно новое и сильное добавление к старым образцам дипломатической переписки. Оно обещает наступление новой эры в дипломатическом стиле"»²⁷. Явное неудовольствие «письмо Хюльземану» вызвало в Санкт-Петербурге. Американский посланник в России Н. Браун, получив из государственного департамента копию переписки с Хюльземаном, заверил Д. Уэбстера, что «эта корреспонденция никогда не будет опубликована здесь»²⁸. Российский посланник в Вашингтоне А. Бодиско пытаясь смягчить впечатление, свел в своем отчете содержание письма к мотивам президентской кампании Д. Уэбстера²⁹, что лишь отчасти верно.

Противостояние принципов не определяло тогдашнюю внешнюю политику США и, что интересно, не вполне определяло уже и внешнюю политику России. Кризис «европейского концерта» проявился, в частности, и в неготовности российской дипломатии отстаивать легитимизм в качестве основы европейского порядка. Решения, принимавшиеся в рамках Священного

²⁵ Д. Уэбстер — Дж. Тикнору, 16 января 1851 г. // Ibid. Vol. 2. P. 64.

²⁶ New York Weekly Tribune. 1851. January 11.

²⁷ New York Weekly Tribune. 1851. February 15.

²⁸ Н. Браун — Д. Уэбстеру, № 7. 8 февраля 1851 г. // NARS. DD. Russia. Vol. 15.

²⁹ А. Бодиско — К. Нессельроде, № 59. 18/30 декабря 1850 г. // АВП-РИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1851. Д. 147. Л. 22—23 об.

союза, во всевозрастающей степени были продиктованы международными (как сказали бы сегодня, геополитическими) интересами России. Помощь Австрии в подавлении венгерского восстания была уже скорее частью российской борьбы за «национальные цели на Балканах» и неотложной помощью союзнику, чем действием в соответствии с мандатом Священного союза. Ни в одном другом случае Россия не вмешалась в европейские революции середины XIX века.

Нельзя забывать и о том, что в исследуемый период Российской империю и Соединенные Штаты объединяло наличие «особых институтов» — крепостного права и рабства. Так же, как российская элита опасалась распространения демократических идей на земли империи, рабовладельческая олигархия, стоявшая у власти в США, видела «опасную для себя связь» между выступлениями за свободу в Европе и борьбой против рабства в Америке. Особенно эти опасения обострились после декретов французского правительства об отмене рабства в колониях³⁰.

Такой взгляд на политику двух стран помогает объяснить сохранение добрых отношений между США и Российской империей в период европейского кризиса. Внимание современников и историков было слишком отвлечено триумфальным маршем демократии в Европе. Однако государственные деятели всех стран, от республиканских Соединенных Штатов до абсолютистской Российской монархии продолжали определять внешнеполитические цели, основываясь на государственных интересах, понятых в терминах дипломатических альянсов, территориальных приобретений и международного статуса.

В то время как общественное мнение Европы и Америки воспринимало развернувшиеся революции как проявление противоборства принципов, дипломаты и государственные деятели с обеих сторон рассматривали кризис международной системы в терминах исключительно межгосударственных отношений. Отличие американской политики от российской состояло в том, что государственные деятели заокеанской республики умело использовали общественное мнение как у себя в стране, так и в Европе

³⁰ Сиротинская М.М. Европейская политика США... С. 235, 255.

для достижения вполне «традиционных» международных целей. Причем притязания двух стран в тот период не противоречили друг другу, напротив, США и Россия имели общих соперников (прежде всего, Великобританию).

Европейские революции отметили начало нового периода в мировой дипломатии. Старый принцип легитимизма как основа международного порядка уже умер, тогда как новый подход к международным отношениям, провозглашенный либеральными публицистами, не мог еще оказать реального влияния на дипломатию. Даже ведущая демократическая страна того времени, Соединенные Штаты Америки, не основывала свою внешнюю политику на требованиях общественного мнения. Только в следующем, двадцатом веке мнение общества и идеологическое противостояние стали оказывать серьезное влияние на международные дела. В период же между двумя эпохами единственной признанной основой международных отношений оставался *raison d'état*.

НОВЫЕ РЕГИОНЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

1850-е годы стали годами резкого усиления внимания двух стран друг к другу и расширения областей сотрудничества.

Соединенные Штаты к началу 1850-х годов «вышли» к Тихому океану. Довольно неожиданно для европейского наблюдателя США превратились в континентальную державу с обширными интересами на востоке. «Центр тяжести» страны переместился к тихоокеанскому побережью, что повлекло за собой резкое усиление внешнеполитической, коммерческой и предпринимательской активности на этом направлении. Именно это обстоятельство добавило новое (вернее, значительно расширило существовавшие ранее) измерение в американо-российские отношения.

В международной жизни десятилетие началось с подписания англо-американского договора Клейтона—Булвера по Центральной Америке, договора, к которому американская дипломатия попыталась привлечь Российскую империю.

В 1830-е гг. господство Великобритании в этом регионе казалось незыблемым, однако к середине века (в особенности пос-

ле присоединения Калифорнии к США и открытия там золотых россыпей) хлынувшая через перешеек волна американцев сместила баланс сил в пользу Соединенных Штатов³¹.

Именно тогда английская дипломатия озаботилась укреплением существующего положения, и в апреле 1850 года британский посланник Г. Булвер заключил с американским государственным секретарем Дж. Клейтоном договор об урегулировании противоречий между странами в Центральной Америке и гарантиях нейтралитета канала, который мог быть построен в будущем в Никарагуа.

В августе 1850 г. в Санкт-Петербург прибыл новый посланник США Нейл Браун с единственным заданием, полученным им от Дж. Клейтона, — добиться от России гарантии англо-американского договора по Центральной Америке, а желательного — и присоединения к нему³².

О Нейле Брауне уже знали в Санкт-Петербурге: российский дипломат Э.А. Стебль характеризовал его как человека «умеренных принципов и талантов»³³.

Однако летом 1850 года в связи со смертью президента Тэйлора в Вашингтоне произошла смена кабинета, и пост главы государственного департамента занял умудренный политик, четко представлявший себе мировую сцену и место на ней США Дэниел Уэбстер³⁴.

Как нам представляется, Д. Уэбстер намеренно затягивал окончательное дипломатическое урегулирование. «Сэр Генри Бул-

³¹ См.: Кубышкин А.И. Англо-американское соперничество в Центральной Америке в XIX — начале XX века. Саратов, 1994.

³² Этой теме посвящена специальная статья А.М. Зориной (см.: Зорина А.М. Договор Клейтона — Бульвера (1850) и русская дипломатия // От Аляски до Огненной Земли: История и этнография стран Америки. М., 1967), однако наше исследование выявило некоторые новые факты, позволяющие оспорить мнение Зориной о задачах американской дипломатии.

³³ Стебль — К. Нессельроде, № 5. 22 января/3 февраля 1850 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1850. Д. 138. Л. 77 об.

³⁴ Подробнее см.: Курилла И.И. «Войти в круг великих держав...»: Дэниел Уэбстер и внешняя политика США в середине XIX века. Волгоград, 1997.

вер уехал в Англию, а м-р Марколета³⁵, я полагаю, в Никарагуа, — резюмировал госсекретарь в письме президенту М. Филлмору, — так что во всех никарагуанских делах status quo должен сохраниться до октября»³⁶. Пассивность Д. Уэбстера в отношении урегулирования с Англией центральноамериканских проблем подтверждают и материалы российской дипломатии.

В одном из первых же обращений в российский МИД новоиспеченный посланник описал пользу, которую человечество извлечет из договора Клейтона — Бульвера, и предложил русскому правительству присоединиться к нему³⁷. Предложение Брауна стало неспешно обсуждаться на разных уровнях российской бюрократии.

Прежде чем представить суть дела императору, управляющий Министерством иностранных дел Л.Г. Сенявин обратился за заключением к министру финансов Ф.П. Вронченко. «Для русской торговли, — писал Сенявин, — канал, который предполагается устроить, представляет несомненные выгоды, потому что плавание в наши Северо-Американские колонии сократится на 2000 английских миль»³⁸.

В ответ на запрос департамента мануфактур и внутренней торговли Главное правление Российско-Американской компании однозначно поддержало предложение американцев: «заключение договора между Россией и означенными державами по предмету устройства канала между Атлантическим и Тихим океанами, принесет для Американских колоний наших неоспоримую пользу»³⁹.

³⁵ Г. Булвер — английский посланник в США, Х. Марколета — никарагуанский посланник в США в тот период.

³⁶ Д. Уэбстер — М. Филлмору, 19 августа 1851 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 2. P. 578.

³⁷ Н. Браун — Сенявину, 14/26 августа 1850 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1850. Д. 164. Л. 5 об.

³⁸ Л.Г. Сенявин — Ф.П. Вронченко, 28 августа 1850 г. // РГИА. Ф. 18. Министерство финансов. Департамент мануфактур и внутренней торговли. Оп. 5. Д. 848. Л. 4 об.

³⁹ Главное правление РАК — Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, 6 сентября 1850 г. № 1099 // РГИА. Ф. 18. Министерство финансов. Департамент мануфактур и внутренней торговли. Оп. 5. Д. 848. Л. 17.

Сомнения в необходимости поддержки договора Клейтона — Бульвера высказал только департамент внешней торговли Министерства финансов, обеспокоенный тем, что «приведение означенного обязательства в исполнение может быть сопряжено с денежными пожертвованиями на содержание собственных или чужих войск и крейсеров, коим будет поручено охранение канала, а между тем, по незначительности нашего торгового мореплавания по Западную сторону Америки, едва ли можно предполагать, чтобы устройство канала между Атлантическим и Тихим океанами могло принести не в отдаленной будущности пользу нашему мореходству, за исключением судов Российско-Американской компании»⁴⁰.

Однако в своем заключении Департамент мануфактур и внутренней торговли возразил коллегам: «Хотя в настоящее время наши торговые сношения с Америкой по Западную ее сторону ограничиваются почти исключительно тою торговлею, которую производит в сих странах Российско-Американская компания, но, кажется, можно с достоверностью предполагать, что коммерческие операции сей компании не останутся в тех тесных пределах, в которых они ныне заключаются, и что Правление оной откроет судам новые торговые пути и источники, как по Западным берегам Америки, где быстро умножающееся население в Калифорнии представляет к тому столько способов, так и к берегам Китая»⁴¹.

В результате обсуждения 21 октября 1850 года совет министра финансов поддержал эту точку зрения: «Принимая в соображение, что устройство канала между Атлантическим и Тихим океанами, сократив плавание судов, принесет значительную пользу Российско-Американской компании и может вообще послужить поводом к развитию коммерческой нашей деятельности, [совет МФ] находит, что покровительство России столь важному и всемирно-полезному предприятию было бы весьма желательно, о чем и полагает уведомить г. управляющего Министер-

⁴⁰ РГИА. Ф. 560. Общая канцелярия Министра Финансов. Оп. 4. Д. 1363. Л. 5 об. — 6.

⁴¹ Там же. Л. 9 — 9 об.

ством иностранных дел»⁴². Это мнение и было доведено Ф.П. Вронченко до сведения К.В. Нессельроде⁴³.

И все же окончательное решение оставалось за императором и МИДом. Российская дипломатия сохраняла молчание еще полтора месяца. Лишь в начале зимы канцлер К.В. Нессельроде сообщил Брауну, что он обратился за «дополнительной информацией к послу в Вашингтоне»⁴⁴.

Считая, что недостаточно убедительно описал русским полезность предполагаемого центральноамериканского канала, Н. Браун еще раз обратился к императорскому правительству с письмом, в котором в утопическом ключе нарисовал «зрелище, которого никогда ранее не видело человечество: главные державы земли, объединившись, преследуют общий для всех интерес, никому не в ущерб»⁴⁵. И все же в итоге К. Нессельроде ответил, что «Россия не может гарантировать упомянутый договор о Никарагуа»⁴⁶.

Суть дела, конечно, была в нежелании российской дипломатии погружаться в далекие центральноамериканские проблемы, о чем совершенно справедливо написала А.М. Зорина⁴⁷. Но была и другая причина холодности Нессельроде с американским посланником. Ее раскрывает письмо А. Бодиско К. Нессельроде от 10 (22) июня 1851 года: «Говорил с Уэбстером о депешах Брауна, — доложил российский дипло-

⁴² Совет Министра Финансов, 21 октября 1850 г. № 473. // РГИА. Ф. 560. Общая канцелярия Министра Финансов. Оп. 4. Д. 1363. Л. 12—12 об.

⁴³ Ф.П. Вронченко — К.В. Нессельроде, 2 ноября 1850 г. № 6324 // РГИА. Ф. 18. Министерство финансов. Департамент мануфактур и внутренней торговли. Оп. 5. Д. 848. Л. 29—29 об.

⁴⁴ Н. Браун — Д. Уэбстеру, № 5. 3 декабря 1850 г. // NARS. DD. Russia. Vol. 15.

⁴⁵ Н. Браун — К. Нессельроде, 23 ноября/5 декабря 1850 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1850. Д. 164. Л. 12—12 об.

⁴⁶ К. Нессельроде — Н. Брауну, 20 декабря 1850 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1850. Д. 164. Л. 37 об.

⁴⁷ См.: Зорина А.М. Договор Клейтона — Бульвера (1850) и русская дипломатия // От Аляски до Огненной Земли: История и этнография стран Америки. М., 1967. С. 58—70.

мат. — Он сказал мне, что “демарш Брауна поспешен и ошибочен”»⁴⁸.

Д. Уэбстер не только не поддержал привлечение России к договоренностям по Центральной Америке, но и дезавуировал усилия американского посланника в Санкт-Петербурге. Напрашивается вывод, что госсекретарь Соединенных Штатов вовсе не был таким горячим защитником договора Клейтона — Булвера, как его предшественник. Больше того, мы считаем, что американский госсекретарь не хотел закрепления существовавшего в регионе положения, на что был направлен договор. Учитывая тот факт, что как раз эти месяцы 1850—1851 гг. стали периодом резкого роста американского проникновения в Центральную Америку (компания К. Вандербильта и др.), будет логичным предположить, что Д. Уэбстер считал упомянутый договор невыгодным Соединенным Штатам в условиях быстрого изменения политико-экономического баланса в их пользу за счет Великобритании.

Как уже отмечалось, в 1840—1850-х гг. две страны обращались друг к другу в поисках тех ресурсов, которыми сами не располагали и в которых особенно нуждались. Для обеих стран двусторонние связи были альтернативой опоре на Великобританию. Они носили асимметричный характер, помогая каждой из стран преодолеть собственные слабые места. Так, Россия в тот период приняла решение опереться на США в техническом перевооружении империи. Соединенные Штаты, в свою очередь, использовали сотрудничество с Россией для расширения своего дипломатического влияния в мире, в частности, для утверждения выгодных Соединенным Штатам норм международного права (договор о правах нейтральных держав) и для проникновения в страны Востока.

К середине XIX века США не имели собственных контактов со странами исламского Востока (за важным исключением Османской империи, торговля с которой велась уже на протяжении нескольких десятилетий, а торговый договор был заключен на два года раньше, чем с Россией). Именно поэтому они с готовностью обращались к российскому опыту и связям для ус-

⁴⁸ А. Бодиско — К. Нессельроде, № 18. 10/22 июня 1851 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1851. Д. 148. Л. 152.

тановления отношений с этими странами. Выход Соединенных Штатов к Тихому океану резко усилил активность страны в этом регионе. Уже вскоре Россия и США выступали здесь соперниками, предпочитая, однако, в этот период сотрудничество конфронтации.

17 июня 1851 г. государственный секретарь США Д. Уэбстер пригласил российского посланника в Вашингтоне А. Бодиско в государственный департамент и сообщил ему, что, принимая во внимание отсутствие у России собственных дипломатов и консулов в китайских портах и на Гавайях, «президенту будет приятно уполномочить американских комиссаров в Кантоне и Гонолулу... оказывать всяческую помощь и содействие российским подданным, в случае возникновения сложностей с китайскими или гавайскими властями»⁴⁹.

Эта встреча была ходом в сложной дипломатической игре, которую вели на Тихом океане великие державы и США⁵⁰. У нее имелась своя предыстория.

Россия, во второй половине XVIII — начале XIX в. активно осваивавшая тихоокеанский регион, ко второй трети XIX в. уступила инициативу другим державам. Там не менее к середине века Россия оставалась одной из самых влиятельных держав в северной части Тихого океана. В апреле 1851 г. канцлер К.В. Нессельроде поддержал перед Николаем I ходатайство Российско-Американской компании об открытии консульства на Гавайях, но из-за отсутствия средств это намерение не было осуществлено⁵¹.

⁴⁹ А. Бодиско — Д. Уэбстеру. 17 июня 1851 г. // NARS. Notes from Russian Legation. R. 3. Vol. 4.

⁵⁰ См. подробнее: Курилла И.И. Соединенные Штаты, Гавайи и Россия в середине XIX века // II Межвузовская научно-практическая конференция студентов и молодых ученых Волгоградской области. 27 ноября — 1 декабря 1995 года: Сб. науч. ст. Вып. 1. Волгоград, 1995. С. 160—164.

⁵¹ См. об этом: Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732—1799. М., 1991. С. 198; История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. С. 273; Тумаркин Д.Д. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны»: гавайский народ в борьбе против чужеземных захватчиков в конце XVIII — начале XIX в. М., 1964. С. 134—166; Он же. Гавайский народ и американские колонизаторы: 1820—1865 гг. М., 1971. С. 333.

С приходом к власти во Франции Луи Наполеона активизировалась французская внешняя политика в регионе. В 1849 г. французский флот занял Гонолулу, но вскоре вернул Гавайям независимость.

Не в последнюю очередь провал французской авантюры объяснялся позицией американцев, живших на острове. Со второго десятилетия XIX в. граждане США активно заселяли архипелаг, занимаясь торговлей, китобойным промыслом и миссионерской деятельностью⁵². В декабре 1842 г. Д. Уэбстер, занимавший тогда в первый раз пост главы государственного департамента США, вел переговоры с посланниками гавайского короля Камеамеа III, завершившиеся провозглашением президентом Дж. Тайлером так называемой «Доктрины Тайлера», в основе являвшейся распространением на Гавайские острова некоторых положений доктрины Монро⁵³. Соединенные Штаты заявили о своей поддержке независимости островного королевства, хотя и не признали его равной державой.

Когда к концу 1840-х гг. США в результате войны с Мексикой и аннексии огромных территорий на западе Американского континента стали тихоокеанской державой, в повестку дня стало развитие паромного сообщения на Тихом океане. Это повышало стратегическое значение архипелага, лежавшего посередине пути из Америки в Азию, как возможного пункта заправки углем. Вернувшийся в июле 1850 г. на пост руководителя американской внешней политики Д. Уэбстер, который в начале 1840-х гг. немало способствовал закреплению позиций своей страны на Гавайях и в Китае, приложил все усилия, чтобы еще больше упрочить их.

А этим позициям угрожала возросшая колонизаторская активность европейских стран на Тихом океане. В начале 1851 г. американский представитель на Гавайских островах Л. Северанс, обеспокоенный возможностью повторения французского вторжения, на свой страх и риск предпринял решительные шаги,

⁵² См.: Мурадян А.А. Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М., 1971; Тумаркин Д.Д. Гавайский народ...

⁵³ Richardson J.D., ed. A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents: 1789—1897. Washington, 1902. Vol. 4. P. 211—212.

включавшие угрозу применения Соединенными Штатами силы, а также заручился секретным документом, подписанным гавайским королем, передававшим суверенитет над островами США в случае французского вторжения. В отчете государственному секретарю Л. Северанс отмечал усилившуюся «ревность» французов и англичан к успехам американцев на архипелаге: «Они видят, что направление событий ведет к американизации островов, процесс, который ускорится с открытием паромного сообщения с Сан-Франциско»⁵⁴.

Видимо, не полагаясь на доклады чересчур ретивого представителя, чья голова была «полна опасных идей»⁵⁵, Д. Уэбстер искал и другие источники информации о событиях на Гавайях, что, принимая во внимание большое количество американцев на архипелаге, было нетрудно. Так, Д. Уэбстер обратился к бостонскому адвокату Р. Чэпмену (Chapman), сестра которого была замужем за гавайским министром образования (американцем) Р. Армстронгом. Чэпмен переслал госсекретарю ряд документов о Гавайских проблемах, включавший меморандум, «полученный из независимого источника». В меморандуме утверждалось, что английский и французский представители стремятся вовлечь в противодействие возможной аннексии Гавайев Соединенными Штатами Россию (с помощью побывавшего якобы на островах русского вице-губернатора Камчатки), чтобы «русские пушки и русское золото сохранили монархию за счет политической и религиозной свободы. Думают даже, что самодержца могут пригласить вступить во владение островами». Поводом к подобным опасениям послужило длительное («шесть месяцев до 30 марта») проживание российского чиновника в Гонолулу. Гавайские американцы выстроили незамысловатую логическую схему: Франция и Англия в 1843 г. гарантировали независимость островов, следовательно, они не могут самостоятельно вмешаться в развитие событий, зато они в состоянии вовлечь в свои интриги Россию⁵⁶.

⁵⁴ Л. Северанс — Уэбстеру, № 6. Конфиденциальное. 11—21 марта 1851 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 2. Hanover, N. H., 1989. P. 262.

⁵⁵ Уэбстер — М. Филлмору, 21 июня 1851 г. // Papers of Daniel Webster. Microfilm Edition. № 34448.

⁵⁶ Р.А. Чэпмен — Уэбстеру, 16 июня 1851 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 2. P. 270—274.

Письмо и меморандум были получены в государственном департаменте 20 июня, но, поскольку в их основе лежал предварительный разговор Чэпмена с Уэбстером⁵⁷, не будет натяжкой усмотреть прямую связь между сообщенными им сведениями и предложениями, сделанными 17 июня государственным секретарем русскому посланнику. 21 июня Л. Северансу была направлена инструкция «оказывать всю законную помощь» российским подданным на островах⁵⁸. Аналогичная инструкция была направлена в тот же день американским представителям в Китае, а Бодиско получил из государственного департаamenta «список имен этих представителей»⁵⁹. Таким образом, Д. Уэбстер в значительной мере нейтрализовал возможное участие России в англо-французских интригах.

Россия же, приняв американское предложение, фактически согласилась с преобладающим влиянием США на архипелаге, что явилось важным шагом к сближению двух стран незадолго до Крымской войны. В августе 1852 г. российское правительство все же назначило генерального консула на Гавайи — Э. Стекля, — но, не успев добраться до места, тот занял пост скончавшегося посланника в США А. Бодиско.

Австрийский поверенный в делах в США барон Хюльзман писал в Вену накануне Крымской войны: «Кабинет в Лондоне должен понять, что нынешняя администрация Соединенных Штатов с радостью извлечет пользу из затруднений, в которые вовлечет Англию турецко-русская война, и захватит Канаду и Эндвичевы острова»⁶⁰.

Орган демократической администрации Пирса вашингтонский «Юнион» 10 мая 1853 г. напечатал статью, в которой под-

⁵⁷ Ibid. P. 270.

⁵⁸ См.: Д. Уэбстер — Л. Северансу, № 5. 21 июня 1851 г. // Papers of Daniel Webster. Microfilm Edition. Roll 24. № 33949; А. Бодиско — К. Нессельброде, № 19. 10/22 июня 1851 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1851. Д. 147. Л. 300 об. — 301.

⁵⁹ У. Деррик — А. Бодиско, 25 июня 1851 г. // NARS. M. 99. Notes to Foreign Legations. Russia. R. 82. P. 37.

⁶⁰ И.-Г. Хюльзман — К.-Ф. Буоль-Шауенштайну, № 37. 5 декабря 1853 г. Цит. по: Curti M.E. Austria and the United States, 1848—1852: A Study in Diplomatic Relations // Smith College Studies in History. 1926. Vol. 11. P. 147—148.

держал Россию и высказался за сохранение с ней хороших отношений. Эта публикация подтвердила подозрения Хюльзмана, что Пирс предвидит осложнения в отношениях с соседними странами и надеется на дружескую помощь или, по меньшей мере, нейтралитет России⁶¹. Во время Крымской войны Хюльзман внимательно следил за слухами о возможной уступке Россией Соединенным Штатам Ситки. Его беседы с русским посланником в Вашингтоне привели австрийского дипломата к выводу, что император воздержится от такой уступки, как продажа Аляски, чтобы она не была интерпретирована как необходимость, продиктованная слабостью⁶².

Россия и США сотрудничали в дальневосточной политике. Хабаровский исследователь А.Л. Анисимов пришел к выводу, что Российская империя рассматривалась Соединенными Штатами «как один из важных каналов проникновения в Китай — главный объект американской политики в регионе... По мнению американцев, присоединение Приамурья к России изменяло геополитическую ситуацию в Восточной Азии и на Тихом океане в пользу США и России и создавало условия для их будущей гегемонии в регионе и в мире, подрывало позиции их общего врага — Великобритании. Это обстоятельство положительно оценивалось в США и содействовало укреплению дружеских отношений между двумя странами. Утверждение России на Амуре сравнивалось в США с событиями на собственных западных границах. Амур представлялся естественным водным путем для проникновения американцев в Сибирь, Центральную Азию, Маньчжурию и Северо-Восточный Китай»⁶³.

В начале 1850-х гг. Россия и США одновременно готовили экспедиции в Японию, причем дипломаты всячески подчеркивали, что они не конкуренты, а сотрудники в этом предприятии. Государственный секретарь США Эдвард Эверетт направил рос-

⁶¹ Хюльзман — Буоль-Шауенштайну, № 12. 27 мая 1853 г. Цит. по: Curti M.E. Austria and the United States... // Smith College Studies in History. 1926. Vol. 11. P. 148.

⁶² Хюльзман — Буоль-Шауенштайну, № 29. 7 августа 1854 г. Цит. по: Ibid.

⁶³ Анисимов А.Л. Дальневосточная политика США в 30—60 гг. XIX века: Отношения США с Цинской империей и Японией. Хабаровск, 2002. С. 315—316.

сийскому посланнику А. Бодиско полную информацию о составе и целях американской эскадры, направленной к берегам Восточной Азии, попросив, в свою очередь, у русского Адмиралтейства «карты, обзоры и научные сведения, касающиеся исследования морей и берегов Северной части Тихого океана»⁶⁴. В то же самое время американский посланник в Санкт-Петербурге Н. Браун запросил у К.В. Нессельроде объяснений, почему русское правительство отправляет в это же самое время «такую же экспедицию» с «неизвестными целями»⁶⁵. Руководитель российской внешней политики заверил американского посланника в том, что миссия адмирала Е. Путятина никоим образом не противоречит заданию коммодора М. Перри, и «добрым отношениям между двумя государствами»⁶⁶.

Несмотря на сомнения в искренности русских, высказанные подозрительным Брауном⁶⁷, Э. Эверетт вскоре сообщил тому, что «президент счастлив был обнаружить в объяснениях графа Нессельроде полное подтверждение существующего здесь мнения, что со стороны Соединенных Штатов нет причин для тревоги, и что если значительные русские силы были направлены в Японское море, наша эскадра может с уверенностью рассчитывать на дружеское сотрудничество с ними»⁶⁸.

В 1854 г. американский командор Мэтью Перри опередил российского адмирала Е. Путятина в «открытии» Японии для внешнего мира⁶⁹. Когда же в 1855 г. фрегат «Диана» потерпел

⁶⁴ Э. Эверетт — А. Бодиско, 13 декабря 1852 г. // NARS. M. 99. Notes to Foreign Legations. Russia. R. 82. P. 47.

⁶⁵ Н. Браун — К.В. Нессельроде, 27 декабря 1852/8 января 1853 г. Опубликовано: Baylen J.O. Focus on the Pacific, 1853 // Pacific Northwest Quarterly. 1955. Vol. 46. № 1. P. 22.

⁶⁶ К. Нессельроде — Н. Брауну, 27 декабря 1852 г. // Ibid. P. 22—23.

⁶⁷ Н. Браун — Э. Эверетту, № 29. 10 марта 1853 г. // Ibid. P. 23—24.

⁶⁸ Э. Эверетт — Н. Брауну, № 15. 23 февраля 1853 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Instructions of the Department of State. Russia. R. 136. Vol. 14. P. 98—99.

⁶⁹ На борту одного из судов эскадры Перри находился молодой писатель Байард Тэйлор, который спустя десятилетие займет пост секретаря американской миссии в Санкт-Петербурге, а потом перескажет для американцев сказку К. Аксакова «Аленький цветочек» под названием «Красавица и чудовище».

крушение у японских берегов, русский император обратился к Соединенным Штатам с просьбой вывезти команду «на американском судне под защитой американского флага»⁷⁰.

Но наиболее показательна с точки зрения сотрудничества российской и американской дипломатии на Востоке история заключения первого договора США с Персией.

Соединенные Штаты Америки недавно в историческом смысле столкнулись в своей политике со странами исламского Востока, — на протяжении первых полутора столетий своего существования основными политическими и торговыми партнерами США оставались страны Европы и Дальнего Востока. Пожалуй, торговля с турецкой Смирной и война с берберскими пиратами в начале XIX века⁷¹ исчерпывают непосредственные контакты американцев с мусульманскими странами до второй половины XX века. В отличие от Соединенных Штатов, Россия и европейские великие державы, прежде всего Великобритания и Франция, уже к началу XIX века имели длительный опыт дипломатии и войн со странами исламского Востока. Россия в середине позапрошлого века вела длительную войну с горцами Северного Кавказа, а также прошла через череду военных конфликтов с Османской империей, кульминацией которых стала Крымская война 1853—1856 годов.

В середине XIX века Соединенные Штаты впервые выходили на арену глобальной дипломатии. В целом в силе оставался главный постулат внешней политики времен президента Джексона (1829—1837) — американская дипломатия рассматривала договоры как средство поддержания торговли своей страны. Однако теперь дипломатия шла впереди торговли, создавая условия для американских купцов в районах мира, в которых торговля США к тому моменту отсутствовала или носила случайный характер. Так, период 1840-х — первой половины 1850-х гг. стал временем становления тихоокеанской политики США, когда были сформулированы основные доктрины и подписаны первые договоры США с Китаем и Япо-

⁷⁰ Т. Сеймур — У. Марси, № 35. 9/21 июня 1855 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

⁷¹ Fishbein R.H. Echoes from the Barbary Coast // National Interest. № 66. Winter 2001/02. P. 47—51

нией⁷³. В это же время политики, дипломаты и общественное мнение США стали проявлять интерес и к странам мусульманского Востока. Естественным образом опыт России, проводившей в рассматриваемый период наиболее активную экспансию в тех регионах, оказался в центре внимания американцев. Великобритания, также активно продвигавшаяся в направлении исламских стран Центральной Азии со стороны Индии, вызывала и наибольшие опасения как соперник и противник США в других регионах мира (в частности, в Центральной Америке), чем делала российский опыт более важным. Именно на Российскую империю могли опереться Соединенные Штаты для установления контактов в этом регионе мира.

В разгар Крымской войны государственный секретарь США У. Марси обратился к российскому поверенному в делах Стекло с просьбой поспособствовать в деле заключения договора с Персией. Марси несколько раз возвращался к этой теме в разговорах с русским дипломатом. Первоначально Санкт-Петербург даже предлагался в качестве одного из возможных мест переговоров, но в начале мая 1855 г. он сообщил Стекло, что Персия предоставила полномочия заключить договор своему послу в Константинополе. Стекло так докладывал Нессельроде, цитируя собственные слова Марси:

«Мы направим инструкции [американскому посланнику в Османской империи] Спенсу начать переговоры, но не сообщим о них ни Франции, ни Англии, — добавил государственный секретарь, — поскольку, по всей вероятности, эти державы будут прилагать усилия, чтобы затруднить, а не ускорить наши шаги.

М-р Марси заключил просьбой сообщить все это правительству империи и выразить ему убеждение Соединенных Штатов, что узы дружбы, объединяющие нас, будут достаточным мотивом, чтобы помочь им в достижении цели. Влияние, которое вы имеете на двор в Тегеране, будет,

⁷² См. подробнее: Курилла И. И. «Войти в круг великих держав...»: Дэниел Уэбстер и внешняя политика США в середине XIX века. Волгоград, 1997.

мы не сомневаемся, использовано для устранения препятствий, которые возникают на каждом шагу, когда имеешь дело с восточными державами, подозрительными и недоверчивыми»⁷³.

Вскоре американский посланник в России Томас Сеймур получил от государственного секретаря Уильяма Л. Марси конфиденциальную инструкцию в связи с намерением американской администрации начать переговоры с Персией. В депеше Марси, в частности, говорилось:

Англия и Франция в нескольких случаях уже вмешивались и затрудняли наши переговоры с иностранными державами, и у них есть стимул сделать то же самое в отношении к Персии... У императора России не должно возникнуть возражений против предлагаемого шага; напротив, он может отнестись к нему благожелательно. Если это предположение верно, то представитель России при дворе шаха мог бы внести свой вклад в успех всего этого дела, в случае, если он будет знать, что его правительство благоволит этому. Президент поручает Вам конфиденциально обсудить этот предмет с графом Нессельроде, сообщить ему о намерении Соединенных Штатов договориться с шахом и узнать у него, можно ли ожидать помощи от российского посланника в Персии, в поддержку нашей позиции, если такая необходимость возникнет»⁷⁴.

В ходе аудиенции у русского императора Сеймур едва успел коснуться порученного предмета, «как граф Нессельроде перехватил слово и с большой теплотой выразил удовольствие перспективой, о которой я говорил, и, предвосхищая мой следующий вопрос, дал мне полное уверение, что Россия сделает

⁷³ Стекло — Нессельроде, 5/17 мая 1855, конфиденциально (копия) // NARS. RG 59. M. 39. Notes from the Russian Legation. R. 3 (Mar. 21, 1850 — Dec. 31, 1864).

⁷⁴ У. Марси — Т. Сеймuru, № 14, конфиденциально. 16 мая 1855 // NARS. M. 77. Diplomatic Instructions of the Department of State. Russia. R. 136. Vol. 14. P. 117—118.

все от нее зависящее, чтобы посодействовать цели нашего правительства»⁷⁵.

Несколько месяцев спустя Сеймур общался в Санкт-Петербурге с персидским послом, сообщив ему, что Соединенные Штаты «хотят установить дружественные отношения с Персией» и просил передать эту информацию шаху⁷⁶. Сами переговоры прошли в Константинополе и увенчались подписанием договора о дружбе и торговле 13 декабря 1856 года⁷⁷. Вклад русских дипломатов в успех переговоров неясен, однако показательна сама мотивировка инструкции Марси. Две страны не рассматривали друг друга как соперника в проникновении на Восток, и обе получали выгоды от такого сотрудничества, прежде всего, возможность преодолеть английское противодействие. Следующим летом Горчаков переслал Стеклою инструкцию, направленную им российскому поверенному в Тегеране «по поводу желания, выраженного правительством Соединенных Штатов, чтобы их граждане в Персии пользовались защитой императорской миссии»⁷⁸. Сотрудничество двух держав в Персии развивалось.

Еще в декабре 1852 года «Ю.эС. Мэгэзин энд демократик ревью» мог закончить язвительную статью о деятельности американских посланников в европейских столицах уничижительной фразой: «Кто знает и кого интересуется, что сделали или что делают наши представители в командных точках восточного мира, Санкт-Петербурге и Константинополе»⁷⁹. Всего через год внимание всего мира оказалось приковано к этим двум столицам.

⁷⁵ Т. Сеймур — У. Марси, № 36. 16/28 июня 1855 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

⁷⁶ Diary of Thomas H. Seymour. Запись от 11/23 октября 1855 г. // Connecticut Historical Society. Thomas Henry Seymour Papers. 1854—1857. Ms. 95246.

⁷⁷ Текст договора см.: Treaties and Other International Agreements of the United States of America, 1776—1949 / Comp. under the direction of Charles I. Bevans. Vol. 8. P. 1254—1257.

⁷⁸ А. Горчаков — Э. Стеклою, 19 августа 1857 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 68. Л. 389. Приложение: шифрованная копия инструкции: Горчаков — Лаговскому, 19 августа 1857 г. // Там же. Л. 390—391.

⁷⁹ Our Foreign Ministers // United States Magazine and Democratic Review. 1852. November-December. Vol. 31. № 173. P. 432.

Дипломатия России и США в годы Крымской войны

В самом начале Крымской войны, в январе 1854 г., скончался многолетний российский посланник в Вашингтоне Александр Андреевич Бодиско. Учитывая сложность международной ситуации и новую роль, которую в ближайшие месяцы предстояло играть российско-американским отношениям, назначение нового посланника надо было ускорить. Желательно было назначить на этот пост человека, знакомого со страной, чтобы ему не пришлось тратить драгоценное в условиях войны время на установление связей. Первым вариантом был граф Александр Иванович Медем, тогдашний посланник России в Бразилии, который в 1851 г. проделал большую ознакомительную поездку по США. Норман Сол считает это назначение лишь слухами, ошибочно сообщенными как факт несколькими американскими газетами⁸⁰. Однако в Российском государственном историческом архиве хранится указ от 9 февраля 1854 г. о назначении графа Медема Чрезвычайным посланником и Полномочным министром при Соединенных Американских Штатах⁸¹. Больше того, в юбилейном издании, подготовленном к столетию российского МИДа, граф А.И. Медем значится посланником в США с 9 февраля 1854 по 3 мая 1855 года⁸². Таким образом, назначение состоялось немедленно после получения в Санкт-Петербурге сообщения о смерти Бодиско, и лишь какие-то последующие события (вероятнее всего, проблема с проездом Медема к месту назначения в условиях начавшейся Крымской войны) заставили правительство изменить решение. В марте 1854 года был назначен исполняющим должность поверенного в делах, а 1 января 1857 года утвержден на посту посланника Эдуард Андреевич Стекло, долгое время работавший под началом Бодиско, а в начале 1854 года получивший назначение генеральным

⁸⁰ Saul N. Distant Friends: the United States and Russia, 1763—1867. Lawrence (Kan.), 1991. P. 199.

⁸¹ Указ правительствующему Сенату. 9 февраля 1854 г. // РГИА. Ф. 1341. Первый Департамент Правительствующего Сената. Оп. 91. Д. 38. Л. 1.

⁸² Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. М., 2002 (репр. изд. 1902). Приложение.

консулом России на Гавайях. Известие о смерти Бодиско и необходимость в знающем человеке в Вашингтоне привели к изменению места его службы.

Эдуард Стекль оправдал доверие, с честью выполнив обязанности российского представителя в Вашингтоне в военные годы.

В самом начале 1857 года новый российский министр иностранных дел Горчаков в письме, извещавшем Э.А. Стекля о назначении того чрезвычайным и полномочным посланником в США, обосновывал свой выбор, в частности, «доверием, которое <Стекль> вызывает у американского правительства»⁸³.

Русско-американские отношения периода Крымской войны стали предметом специального рассмотрения в монографиях В.Н. Пономарева и А. Доути⁸⁴. Это дает нам возможность, не повторяя основных сюжетов русско-американского взаимодействия в тот период (приезд американских хирургов в Россию, борьба против попыток вербовки американцев в британские вооруженные силы и т. д.), обратить внимание лишь на некоторые аспекты этого взаимодействия, представляющиеся нам особенно интересными.

Историки не любят аналогий. Однако система международных отношений, существующая с некоторыми модификациями на протяжении последних веков, сама создает повторяющиеся ситуации. Изучение их может оказаться малополезным, если мы намерены предсказать будущее. Но если нашей целью является извлечение уроков, то аналогии могут показаться удивительно современными.

Еще интереснее в этом контексте проследить меняющуюся роль различных государств в системе международных отношений. Так, Соединенные Штаты Америки в середине XIX века особенно резко критиковали именно те особенности внешней политики Великобритании, тогдашней державы № 1, которые стали проявляться в их собственной политике спустя полтора столетия. Россия же успела за этот период побывать в роли великой дер-

⁸³ Горчаков — Стеклю, 2 января 1857 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 68. Л. 52.

⁸⁴ Пономарев В.Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993; Dowty A. The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War. New York, 1971.

жавы, страны-изгоя (в период Крымской войны), а в последние годы XX века заняла позицию, аналогичную той, что сами США занимали в годы международной перегруппировки середины позапрошлого столетия.

Поведение государственного секретаря США периода Крымской войны Уильяма Марси, оценивавшего международную ситуацию в целом и роль Великобритании в частности являются хорошей иллюстрацией этого тезиса.

Еще до формального объявления войны американский дипломат выказывал озабоченность развитием мировой политики. Основные опасения вызывала возможность того, что новый блок (англо-французское «сердечное согласие») вмешается в дела США после победы над Россией.

Заявления лорда Кларендона (угрозы в адрес России — И. К.) <...> произвели изрядное впечатление на общественное настроение здесь, — сообщил государственный секретарь своему другу Джеймсу Бьюкенену, занимавшему в то время пост американского посланника в Великобритании⁸⁵. — Если Россия будет разбита и ослаблена, — и «сердечное согласие» между Великобританией и Францией сохранится, трудно ожидать, что они удержатся от вмешательства в наши дела. Этот взгляд на предмет русифицирует (is Russianizing) некоторую часть нашего населения. Они продемонстрировали — Великобритания в частности — слишком большое желание быть защитниками всего мира. Поскольку нашей политикой и практикой всегда было невмешательство в их сферу действий, у нас есть право ожидать, что они будут придерживаться того же в отношении к нам, — будут ли они так поступать, если ослабят и унижат Россию?⁸⁶

Правда, в официальной инструкции посланнику в Санкт-Петербурге Т. Сеймуру госсекретарь У. Марси настаивал, что «для

⁸⁵ Джеймс Бьюкенен в разные периоды своей карьеры был также посланником США в России (1832—1834), государственным секретарем (1845—1849), и, наконец, президентом США (1857—1861).

⁸⁶ У. Марси — Дж. Бьюкенену, личное. 12 марта 1854 // Papers of William L. Marcy. Cont. 80. P. 65. Library of Congress Manuscript Division. Washington, DC.

Соединенных Штатов весьма важно сохранить существующие дружественные отношения с каждой из воюющих сторон. Наша страна так расположена, что у нас нет искушения вмешаться в войну или каким-то способом скомпрометировать наш нейтралитет. Мы не предубеждены против контакта с любой из сторон в этой войне, если только наши нейтральные права не будут нарушены, как это случилось во время войн, последовавших за Французской революцией»⁸⁷.

По мере развития военных действий в Крыму американское общественное мнение все в большей мере сочувственно относилось к России и все более враждебно по отношению к «сердечному согласию». Забыт был и первоначальный повод — русские претензии к Турции. «Успехи союзников не воспринимаются здесь как “хорошие новости”, — выговаривал Марси своему подчиненному, поддавшемуся царившему в Лондоне настроению. — Растущее желание со стороны Англии и Франции вмешаться в наши дела уже подавило всякое сочувствие к их делу. Сначала некоторая симпатия чувствовалась по отношению к туркам, но сейчас — ничего по отношению к союзникам»⁸⁸.

Особенное неприятие вызывали декларации держав «сердечного согласия» о стремлении с помощью силы обеспечить справедливость в международных делах: «Англия и Франция, кажется, показывают, что со времен создания их “сердечного согласия” у них есть право осуществлять опеку над всеми другими странами мира»⁸⁹.

Наконец, откровенно русофильская позиция общественного мнения США вызвала поток антиамериканских статей в английской прессе. Именно тогда в неофициальной депеше посланнику в Лондоне государственный секретарь предложил тому объяс-

⁸⁷ У. Марси — Т. Сеймуру, № 6. 14 апреля 1854 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Instructions of the Department of State. Russia. R. 136. Vol. 14. P. 109.

⁸⁸ У. Марси — Дж. Бьюкенену, личное. 19 октября 1854 // Papers of William L. Marcy. Cont. 80. P. 118. Library of Congress Manuscript Division. Washington, DC.

⁸⁹ У. Марси — Дж. Бьюкенену, личное. 14 ноября 1854 // Papers of William L. Marcy. Cont. 80. P. 127. Library of Congress Manuscript Division. Washington, DC.

ниться с английским министром иностранных дел. Эта инструкция, пожалуй, больше других документов объясняет позицию американцев по отношению к Крымской войне.

Я просматривал лондонскую «Таймс» и обнаружил в ней жалобы на Соединенные Штаты за отсутствие сочувствия к союзникам, — сообщал Марси Бьюкенену. — Вероятно, неправильно было бы включать этот предмет в депешу или в ноту от Вас Министру иностранных дел, но ссылка на него была бы очень кстати в разговоре с ним. Это утверждение в большой степени верно. Несколько удивительно, что Британское министерство и такой информированный человек как издатель «Таймс» не знают причины нынешнего отношения общественности нашей страны. Великобритания и Франция со времени создания «сердечного согласия» поставили себя на нашем пути и пытаются препятствовать нам, в каком бы направлении мы ни пытались двигаться...

В письме, напечатанном «Таймс» несколько месяцев назад, было в оскорбительной форме заявлено, что, когда союзники сломают мощь и смирят гордыню России, они должны будут показать Соединенным Штатам ценность пара и преподать им урок умеренности. Отсутствие добросовестности со стороны Великобритании в отношении договора Клейтона — Булвера и постоянный поток оскорбительных статей в британской прессе против правительства и народа нашей страны вполне достаточны для уничтожения всякого сочувствия нашего народа к Англии в ее нынешнем деле, и вероятно, имели бы такой же эффект, даже если бы это было гораздо более хорошее дело...

Ее дело в глазах других имеет вовсе не тот характер, который она [Англия] сама пытается ему придать. В его истинном аспекте это война против России, которую объясняют подозрением, будто император намеревался сделать то, что она сама сделала своей практикой на протяжении полутора веков — вторгнуться и аннексировать территории других стран⁹⁰.

⁹⁰ У. Марси — Дж. Бьюкенену, личное и конфиденциальное. 28 мая 1855 // Papers of William L. Marcy. Cont. 80. Library of Congress Manuscript Division. Washington, DC.

Итак, американский государственный секретарь отказывал Великобритании в искренности, когда она заявляла, будто борется за справедливость в отношении Турции. Соединенные Штаты видели в Крымской войне «войну против России» как серьезно-го конкурента Великобритании в мировых делах.

Американский посланник в России Томас Сеймур докладывал Марси свои соображения: «Больше оснований ожидать вмешательства в дела нашей страны от тех, кто сейчас в союзе против России, чем из любого другого источника»⁹¹.

Однако американская дипломатия не ограничивалась выражением собственной позиции в этом конфликте. Соединенные Штаты не упустили возможности использовать обострение международных отношений в интересах усиления своего влияния.

Так, еще предварительные разговоры с государственным секретарем У. Марси о посредничестве США в конфликте были безошибочно расценены российским посланником в Вашингтоне Э. Стеклом как проявление стремления американцев «играть активную роль в европейских делах»⁹².

В первой же депеше в Вашингтон новый американский посланник в Санкт-Петербурге Т. Сеймур советовал своему руководству направить в Балтику американский фрегат: «Присутствие американского военного судна имело бы сдерживающий эффект для любого вмешательства в нашу торговлю в этом море»⁹³.

Предложение Сеймура отвечало сокровенным мечтам русских. Англичанка, жившая во время войны в Санкт-Петербурге, сообщала, что «Русские чрезвычайно цеплялись за мысль, что они гарантировали себе помощь Америки... под влиянием своих надежд (они) постоянно пугали нас появлением американского флота на Балтике, что поставило бы флот союзников между

⁹¹ Т. Сеймур — У. Марси, № 43. 2 августа 1855 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

⁹² Э. Стекло — К. Нессельроде, 29 июля/10 августа 1854 г. Цит. по: Пономарев В. Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993. С. 53.

⁹³ Т. Сеймур — У. Марси, № 1. 31 марта 1854 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

двух врагов. Неужели старая пословица о том, что крайности встречаются, так близка к истине?»⁹⁴

Еще более важными в этом свете представляются попытки Соединенных Штатов воспользоваться Крымской войной для изменения важнейших положений международного права. Если на протяжении предшествующего десятилетия основным видом международных соглашений, заключенных США, были договоры о дружбе и торговле, то в годы Крымской войны американская дипломатия сумела внести новизну в систему международной политики. Речь идет о подписанной США и Россией 22 июля 1854 года конвенции о правах нейтралов на море. Эта конвенция стала моделью, по которой в последующие годы были заключены соглашения с рядом государств мира (в частности, с Королевством Обеих Сицилий, Никарагуа, Перу, Гавайями)⁹⁵. Предложение присоединиться к договору получили также Пруссия, Швеция, Дания, Голландия и ряд других государств, но, опасаясь негативной реакции Великобритании и Франции, эти страны не пошли на его подписание⁹⁶.

Конечно же, среди задач американской дипломатии было и использование войны для более тесного сближения с Россией. Марси инструктировал Сеймура по этому поводу:

Англия и Франция во многом обязаны своим процветанием и, следовательно, своей мощью, торговле. В значительной степени они посредники в торговле между другими державами. Большое количество продуктов нашей страны, используемых в России, прошли через английские руки, и то же самое верно по отношению к российским продуктам, используемым в Соединенных Штатах. По разным причинам, очевидным для мудрых государственных деятелей и купцов России, такой круговой торговли же-

⁹⁴ The Englishwoman in Russia; Impressions of the Society and Manners of the Russians. By a Lady, Ten Years Resident in that Country. New York, 1855. P. 270—271.

⁹⁵ См.: Treaties and Other International Agreements of the United States of America, 1776-1949 / Compl. Ch. I. Bevans. 12 vols. Washington, 1968—1976.

⁹⁶ См. подробнее о конвенции: Пономарев В. Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993. С. 95—111.

лательно избежать, заменив их прямым обменом между двумя странами. Этот обмен важен и в других отношениях помимо просто торговли. Искусство, изобретения, улучшения одной [страны] будут быстро сообщены другой. Нет других таких двух стран в мире, отношения мира и дружбы между которыми были бы настолько прочными. Весьма маловероятно, чтобы политическая политика («political policy») одной из стран когда-либо вмешалась в другую. Соперничество и зависть вряд ли возникнут между ними.

Нынешняя война, когда она закончится, оставит глубокие раны, которые каждая из сторон нанесла другой и которые нельзя будет залечить на протяжении долгого периода. Этот факт естественным образом повлияет на благосклонное восприятие правительством и народом России исходящих от Вас предложений более близких коммерческих отношений между нашей страной и Россией»⁹⁷.

Таким образом, в середине XIX века США извлекли очевидную выгоду из изменений международной системы. Они сумели внедрить в практику новые элементы международного права, объективно укреплявшие американскую торговлю и позиции США как «начинающей» мировой державы.

Остается вспомнить еще одну оценку, данную американским дипломатом, которая также звучит вполне современно: «Английский и французский посланники [в Вашингтоне] впали в экстаз в связи с получением новостей с последним пароходом. Они, кажется, думают, что Россия уже покоренная нация, и должна принять такие условия, которые союзники захотят продиктовать. Их войска достигли некоторых успехов, но не такого характера, чтобы оправдывать экстравагантную экзальтацию. Я считаю, они еще обнаружат, что Северный медведь еще не потерял свои зубы и клыки»⁹⁸.

⁹⁷ У. Марси — Т. Сеймуру, № 20. 1 октября 1855 // NARS. M. 35. Diplomatic Instructions. Russia. R. 136. Vol. 14. P. 123—124.

⁹⁸ У. Марси — Дж. Бьюкенену, личное. 18 июня 1855 // Papers of William L. Marcy. Cont. 80. Library of Congress Manuscript Division. Washington, DC.

Со своей стороны, в условиях развернувшейся войны с коалицией европейских держав Россия видела в Соединенных Штатах единственного союзника, на которого можно было положиться. Показательна публикация в 1854 году памфлета под названием «Вражда Американских Соединенных Штатов с Англией в настоящее время и военные силы обоих государств»⁹⁹. Публикация была осуществлена с одобрения российского Министерства иностранных дел, которое «в нынешних обстоятельствах» не видело «препятствий в политическом отношении к напечатанию сей рукописи»¹⁰⁰.

Таким образом, в кризисный период международных отношений 1848—1856 гг. (окончание которого совпало с разрастанием внутреннего кризиса в обеих странах), когда оказалась разрушена Венская система международных отношений, Россия и США в поисках новых союзников сделали важные шаги навстречу друг другу. В это время отброшены были опасения реакции Великобритании, сдерживавшие российскую дипломатию в предшествовавший период, в результате чего Соединенные Штаты добились подписания давно желаемого договора о правах нейтральных держав, началось сотрудничество между Россией и США на Ближнем и особенно Дальнем Востоке, а в годы Крымской войны сформировался фактический союз двух стран.

Во второй половине 1850-х годов обе страны повернулись к внутренним проблемам. «Россия сосредоточивалась», говоря словами ее нового министра иностранных дел А. Горчакова, а США, которые в 1857 году возглавил бывший посланник в России Дж. Бьюкенен, пытались сдержать нарастающее внутреннее напряжение, польхавшее уже в Канзасе заревом грядущей гражданской войны.

Сменивший Сеймура в 1858 году Френсис Пикенс, богатый южнокаролинский плантатор и влиятельный политик, со-

⁹⁹ Вражда Американских Соединенных Штатов с Англией в настоящее время и военные силы обоих государств. СПб.: Тип. Григория Трусова, 1854.

¹⁰⁰ Управляющий МИД тов. министра Сенявин — Министру народного просвещения, 16 апреля 1854 г. № 3078 // РГИА. Ф. 772. Цензурный комитет. Оп. 1 (ч. 2). Д. 3300. (Дело о разрешении рукописи «Вражда Соединенных Штатов с Англией в настоящее время и военные силы обоих государств»). Л. 3.

средоточился в своих депешах на размышлениях о судьбах Европы и о подготовке отмены крепостного права в России.

Пикенс придавал большое значение наступившему после Крымской войны похолоданию в отношениях России с Австрией и обращал внимание руководства на тот факт, что «вся славянская раса под Габсбургским господством взирает на Россию как на свое «Отечество» и чувствует ее защитником своей расы»¹⁰¹. Однако Пикенс застал лишь зарождение панславистских настроений, распространившихся в России и на славянских территориях Европы во второй половине века.

Более близкая перспектива отмены крепостного права также нашла отражение в депешах Пикенса. Так, летом 1859 года он писал государственному секретарю Льюису Кэссу: русское правительство находится «в положении, когда чрезвычайно трудно оставаться на месте, и еще более трудно продвигаться вперед в этом деле (отмене крепостного права — И. К.). Истина заключается в том, что <...> если правительство продвинется в этом вопросе, оно попадет в положение, в котором сейчас находится французский император, оказавшись во главе могучего принца возбуждающего массы <...> во главе демократического деспотизма. В таком случае никакая комбинация сил не сможет постоянно сдерживать восстание непривилегированных классов по всей Европе. <...> Единственное, что мне ясно, это что рано или поздно произойдет полное переустройство всей феодальной системы»¹⁰².

Связывая крепостничество с феодализмом, Пикенс таким образом отграничивал его от американского рабовладения; он не проводил никаких параллелей с рабством американских негров, явлением совсем не феодальным. И неудивительно: по возвращении на родину богатый плантатор будет осенью 1860 г. избран губернатором Южной Каролины, а еще через несколько недель его штат объявит о сецессии (выходе из состава американского Союза). С этого события в США начнется общенациональный кризис, приведший к Гражданской войне, в ходе которой будет покончено с рабством.

¹⁰¹ Ф. Пикенс — Л. Кэссу, № 41. 5 июля 1859 г. // NARS. M. 35. DD. Russia. Vol. 18. R. 18.

¹⁰² Ibid.

ГЛАВА 3

«РАССАДНИК ПРОМЫШЛЕННОСТИ»: ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИИ В РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Постройка пароходов

Несмотря на довольно бедную «политическую» повестку дня в двусторонних отношениях после заключения торгового договора 1832 г., в последующие годы сохранялся и постепенно рос интерес российской власти к Америке как возможному источнику технических инноваций.

В конце 1830-х гг. правительство Николая I начало программу технической модернизации России, включавшую строительство железных дорог, внедрение парового двигателя, расширение начального образования и ряд других мер. Самодержец хотел модернизировать империю, сохранив ее политическую систему и идеологию нетронутой. Российское правительство решило опереться в выполнении этой программы на американскую помощь. Англия, бывшая ведущим источником технологий в ту эпоху, оставалась в то же время главным геополитическим соперником Российской империи. Николай I не хотел попадать в какую бы то ни было зависимость от Великобритании. Серия командировок русских офицеров в Соединенные Штаты в конце 1830-х привела не только к постройке за океаном пароходов для русского флота, но и к решению царя опереться на американских специалистов в его главном экономическом начинании — строительстве петербурго-московской железной дороги.

В результате этого решения русско-американские контакты резко выросли в объеме и расширились. Можно сказать, что произошел переход от знакомства к сотрудничеству двух стран. Распо-

ложенность Николая к использованию американских специалистов в его планах модернизации России быстро стала известной за океаном и привела в страну большое количество инженеров, агрономов, предпринимателей и просто искателей удачи.

Первой ласточкой этого нового уровня отношений между странами стало турне по Соединенным Штатам российских морских офицеров и последовавший за этим заказ на американский верфи парохода «Камчатка».

Во второй половине 1830-х годов обострилось соперничество между Россией и Великобританией в связи с Восточным вопросом. Эта перемена привела, в частности, к прекращению сотрудничества двух стран в укреплении военно-морской мощи. Перед Российской империей встал вопрос, каким образом поддерживать современный уровень флота в условиях начала пароходного строительства, секреты которого ревниво оберегала империя-соперница. Единственной страной, где пароходы заняли уже прочное место в транспортной системе (хотя пока и не в военно-морском флоте), были Соединенные Штаты. Первый американский военный пароход «Фултон» был спущен на воду в 1837 году.

2 августа того же года новый американский посланник Джон Миффлин Даллас прибыл в Санкт-Петербург на парусном фрегате «Индепенденс» и столкнулся с горячим интересом императора Николая к американскому кораблю. Когда военный парусник вошел в гавань Кронштадта, его посетила делегация высокопоставленных офицеров и чиновников, в составе которой инкогнито находился русский император. Он внимательно осмотрел фрегат и задал морякам много вопросов¹.

Визит Николая на «Индепенденс» был вызван прежде всего желанием императора лично познакомиться с американским кораблем, и он не скрывал, что вынашивает далеко идущие замыслы по поводу военно-морского сотрудничества. При первой официальной встрече Николай объяснил Далласу: «Я застал ваш корабль в

момент прибытия, в его походной форме: я не хотел смотреть на него в парадном виде. Это превосходный корабль. Я собираюсь направить несколько морских офицеров в Соединенные Штаты учиться военно-морскому строительству и науке; и я хочу попросить Вас снабдить их соответствующими письмами»².

В конце того же года Даллас уверенно сообщал в госдеп, что «Адрианопольский договор, судьба Польши, дело «Виксена», растущие потоки оскорблений, выливаемых на самодержца обеими политическими партиями в Англии, всеобщая страсть здесь к военно-морскому флоту соединяются с другими воспоминаниями и причинами, чтобы привести рано или поздно к столкновению» Англии и России³. Страсть к флоту подразумевала прежде всего его модернизацию, причем независимую от вероятного противника.

Обещание царя об отправке офицеров в Америку было исполнено незамедлительно. По всей видимости, уже во время разговора Николая с Далласом в Соединенных Штатах или на пути туда находился штабс-капитан И.С. Дмитриев⁴, написавший в подробном отчете:

В течение 10-ти месячного пребывания моего в Америке, я посетил все порты, как принадлежащие правительству Соединенных Штатов, так и те купеческие Адмиралтейства, которые встречались мне на пути при переезде из одного места в другое; был на озерах *Erie* и *Ontario* и на реке *Ohio*

² Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas, While United States Minister to Russia 1837 to 1839, and to England 1856 to 1861 / Ed. by Susan Dallas. Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1892. P. 11.

³ Даллас — Форсайту, № 12. 25 декабря 1837 г. // NARS. RG 59. DD. Russia. R. 13. Vol. 13.

⁴ Во всяком случае, в рапорте, написанном 1 мая 1838 г., Дмитриев отчитывается о «10-ти месячном пребывании» в Америке, что предполагает его проезд туда в июле 1837 г. См.: Дмитриев — Бодиско, 1 мая 1838 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838. Д. 222. Л. 52. Иван Сергеевич Дмитриев (?—1881) — известный российский кораблестроитель. В 1834—1836 гг. на Николаевской верфи построил два корабля, после чего и был командирован на три года в Англию и Северную Америку для усовершенствования своих познаний по кораблестроению. По возвращении руководил строительством множества судов для

¹ Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas, While United States Minister to Russia 1837 to 1839, and to England 1856 to 1861 / Ed. by Susan Dallas. Philadelphia, 1892. P. 7—9. Сокращенный перевод «русских» страниц дневника Далласа см.: Американский посланник при дворе Николая 1 // Вестник иностранной литературы. 1896. Июль. С. 5—16.

до мест *Синенатти* и *Луизвилль*. Старался везде собирать сведения и делал мои подробные замечания относительно способа строения всякого рода судов как военных так и купеческих; замечав образ их скрепления и вообще расположения материалов; входил в хозяйственное распоряжение о употреблении лесов и о сохранении их; снимал копии с чертежей, которые были мне доставлены, если же не имел таковых, то составлял планы или с моделей или с природы предметов. О числе коих имею честь приложить при сем Вашему Превосходительству опись.

Так как употребление пароходов на реках и озерах в Америке для облегчения средств путешествия и транспортирования товаров внутренней торговли есть одно из замечательнейших произведений Американского народа, то я в особенности обращал на этот предмет внимание и старался ознакомить себя с образом постройки пароходов; их внутренним устройством; с конструкцией и приложением машин, доставленных мне инженерами, и линий подводной части с моделей лучших пароходов; внутреннего же их устройства составил планы с природы судов — и сверх того давал свои подробнейшие замечания. Так что ежели в случае введения подобных судов на водах и в нашем Отечестве, я научусь и должен буду дать верный отчет строения и употребления пароходов на реках в Америке; которые в конструкции своей, скорости хода и силе машин разлетают противу тех употребляемых до ныне в Европе⁵.

Отчеты дают хорошее представление о дотошности русских офицеров и их стремлении не упустить из виду ничего действительно важного.

русского Черноморского флота, в 1858 году был переведен в Петербург, в 1864 году, несмотря на возраст, вновь был командирован за границу для изучения железного судостроения, в июне 1868 года назначен председателем кораблестроительного отделения морского технического комитета, в 1880 году произведен в корабельные инженер-генералы с назначением членом адмиралтейств-совета (Российский биографический словарь. Т. Дабелов—Дядьковский. Спб., 1905. С. 454—455).

⁵ И. Дмитриев — Бодиско, 1 мая 1838 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838. Д. 222. Л. 52—53.

Через несколько месяцев после Дмитриева за океан отправился капитан 2-го ранга Иван Иванович фон Шанц⁶. В мае 1838 года он докладывал А.А. Бодиско:

Честь имею представить Вашему Превосходительству ведомость по чертежам и моделям, собранным мною здесь в течение шести месяцев. В оной также показаны некоторые предметы по части морской, о которых я старался сделать свои замечания. Относительно же до поездки моей по Соединенным Штатам, имею честь донести следующее: для обозрения казенных Адмиралтейств и главных купеческих верфев посещены мною города Бостон, Ньюйорк, Филадельфия, Балтимур, Вашингтон и Норфолк. Для испытания качеств здешних морских пароходов, шел я в декабре на пароходе из Норфолка в Шарлстон и, дабы познакомиться с управлением мелкими шхунами Балтимурскими, отправился на одной из таковых из Шарлстона в Вест Индию, откуда, посетив на острове Куба города Матансас и Гавана, воротился в январе месяце в Соединенные Штаты в город Новый Орлинг.

Идучи на пароходах из Новой Орлинг вверх по рекам Миссисипи и Охио, посетил я города Начес, Висксбург, Луисвилль, Синсинати и Вылинг, в которых местах о тамошних превосходных речных пароходах, о их машинах и устройствах вообще, собраны мною полные сведения⁷.

В следующем году еще два офицера Корпуса корабельных инженеров, капитан Пипин и подпоручик Шарубин, путешествовали по США, изучая пароходы, доки и военно-морские сооружения⁸. Их работа оказалась такой важной, что русский

⁶ Шанц И.И. (1802—1879) совершил в 1834—1836 гг. кругосветное плавание на военном транспорте «Америка», после чего был направлен в Соединенные Штаты.

⁷ И. фон Шанц — Бодиско, 9 мая 1838 года // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838. Д. 222. Л. 56—56 об.

⁸ См.: Binder F.M. American Shipbuilding and Russian Naval Power, 1837—1846 // Military Affairs. Vol. 21. № 2. 1957. Summer. P. 81. Поездка русских офицеров по Соединенным Штатам освещалась американскими газетами, см., напр.: Interest of Russia in American steam navigation // Nile's National Register. 1839. 29 июня.

посланник А. Бодиско настоял на продлении их командировки на год и повышении годового жалования с 250 до 350 фунтов стерлингов⁹. Свою деятельность за первый год пребывания в США, аналогичную работе Дмитриева и Шанца, русские офицеры охарактеризовали в рапорте на имя посланника¹⁰.

Пипин и Шарубин закупили в США большое количество чертежей и несколько машин, в том числе «ледопробивную машину удивительной силы», после чего подали прошение остаться в Нью-Йорке на время строительства там парохода по русскому заказу, на что получили разрешение морского министра¹¹. Особенно русским морякам понравились корабельные верфи Брауна и Белли, которые с готовностью показали им свои возможности.

Флотские инженеры не проходили мимо любой возможности изучить все новое, что встречалось им в Соединенных Штатах, будь то устройство тюрьмы или способ минерализации мяса¹². Среди новых знакомств русских офицеров был и молодой оружейник Сэмюел Кольт, который производил в то время эксперименты по укреплению побережья и подводным взрывам¹³. Впрочем, сначала изобретатель пришел к русскому посланнику с рекомендательным письмом из патентного офиса, в котором, в частности, сообщалась цель визита «Сэмюела Колта, весьма уважаемого джентльмена, который сделал ряд важных улучшений в огнестрельном оружии и будет счастлив объяснить свои изобретения с целью внедрения их в

России»¹⁴. Встреча с посланником вдохновила Колта на планы отправиться в далекую империю для представления своих новинок русским властям¹⁵. Такая поездка состоялась только полтора десятилетия спустя, в разгар Крымской войны.

Нахлынувшим в Америку командированным инженерам всемерно помогали сотрудники немногочисленной российской миссии. Особую признательность каждый из них высказывал в адрес секретаря посольства Е. Кремера. Наиболее многословно это сделал Дмитриев:

Я почитаю себя совершенно счастливым, что в выполнении возложенной на меня начальством обязанности я имел все возможные способы к достижению цели. Эти способы заключались непосредственно в постоянных заботах и желании г-на Кремера, который вводил меня к частным особам не только по одним корреспонденциям, но, представляя лично, просил их о снабжении меня всеми возможными сведениями. Я не могу, не должен утаить того чувства, которое сохранил к г-ну Кремеру за его постоянное содействие в трудах моих, ибо в противном случае, я при всем моем усердии, не мог бы сделать того, что ныне к совершенному моему удовольствию имею счастье нести в Отечество¹⁶.

Иван фон Шанц отметил чрезвычайную важность помощи осведомленного Кремера:

Возвративши из запада в Вашингтон, провел я там для собирания остальных необходимых обо здешнем флоте сведений месяц и в начале апреля был готов оставить Америку, но желание поверенного в делах г-на Кремера познать меня с новыми важными усовершенствованиями по части паровых машин, над которыми тогда в тайне производились опыты, заставило меня остаться еще на более месяца в Нью-Йорке. Как господин Кремер в сем успел и

¹⁴ Г. Элсуорт — А.А. Бодиско, 14 января 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 65.

¹⁵ См.: С. Кольт — А.А. Бодиско, 4 марта 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 248.

¹⁶ Дмитриев — Бодиско, 1 мая 1838 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838. Д. 222. Л. 53 об.

⁹ АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 10—10 об., 12—12 об., 15—15 об., 19—19 об., 237—237 об., 265—265 об.

¹⁰ Пипин и Шарубин — А.А. Бодиско, Рапорт. 15 марта 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 265—265 об.

¹¹ А.А. Бодиско — А.С. Меншикову, 2/12 ноября 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 393—394 об.; Меншиков — Бодиско, 16 февраля 1840 г. (На бланке Канцелярии Морского министерства, № 2762) // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 251.

¹² Шарубин — Бодиско, 27 февраля 1840 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 43. Л. 78, 79.

¹³ Bradley J. Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia. De Kalb, Ill., 1990. P. 54.

как полезны для России могут быть эти усовершенствования, Вашему Превосходительству самому хорошо известно¹⁷.

Наибольшим энтузиастом использования опыта американского пароходостроения для перевооружения русского флота оказался капитан 2-го ранга Иван фон Шанц, установивший доверительные отношения с А. Бодиско. Он (видимо, привлекая в союзники секретаря миссии Е. Кремера) сумел убедить нового посланника в важности такого предприятия. Во всяком случае, в мае 1838 года А.А. Бодиско писал К.В. Нессельроде:

Если существует в Соединенных Штатах предмет, заслуживающий всего нашего внимания и который достиг здесь замечательной степени совершенства, то это, безусловно, навигация при помощи пара. Количество и разнообразие машин, чрезвычайная быстрота, с которой пироскафы проходят расстояния — все это поистине удивительно, и, вернувшись недавно из Англии, я не колеблясь отдаю предпочтение американским пароходам.

Далее посланник сообщал о своем знакомстве с братьями Скайлерами, «механиками большой репутации». Они предложили вниманию русских дипломатов новую конструкцию парового котла с целью заинтересовать правительство империи в приобретении их новинки. Изобретение высоко оценил капитан Шанц, считавший, что оно дает огромные преимущества по сравнению с использовавшимися тогда паровыми машинами.

Императорское правительство построило в Англии несколько паровых судов. Было бы желательно иметь одно паровое судно американской постройки. Это дало бы возможность сравнения, и если мое смиренное предложение заслуживает какого-нибудь внимания, возвращение г-на Шанца в Америку было бы полезным, и с помощью императорского посольства мы смогли бы увеличить императорский морской флот на пароход, который в полной безопасности сможет

¹⁷ И. фон Шанц — Бодиско, 9 мая 1838 года // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838. Д. 222. Л. 56 об.

пройти из Нью-Йорка в Кронштадт в 16—20 дней, а из Кронштадта в Санкт-Петербург за время в один час¹⁸.

Эта депеша и это предложение были вызваны к жизни письмом Скайлеров к Бодиско, написанном за два дня до цитированного выше отчета. Роберт и Джордж Скайлеры «по просьбе м-ра Кремера» прислали российскому посланнику модели новой паровой машины. «Двигатель изобретен м-ром А. Лайтхоллом (Lighthall)... а котлы — изобретение нижеподписавшихся». В связи с тем что в самих Соединенных Штатах «паровая навигация используется главным образом на *реках*», Скайлеры в качестве иллюстрации возможностей постройки большого морского парохода привели построенный в Англии пассажирский пароход для трансатлантического плавания:

Судно, построенное для этой цели, имеет 234 фута в длину, 35 футов в ширину и 23 фута в высоту, с тоннажем 1400, выглядит как фрегат с четырьмя мачтами и построено за \$400.000. Его машина и уголь занимают *почти все судно*, и этот огромный корабль может нести не более 40 пассажиров и 100 тонн груза.

Представьте себе судно, построенное в этих же размерах, с котлами и двигателями, основанные на предложенном нами принципе. Мы уверены, что 75 футов в центре судна поместят *двигатели, котлы, и топливо на двадцать дней*. Это оставит место в 160 футов длины для заполнения пассажирами и грузом...

Мы чувствуем большое желание, чтобы в Вашей стране открылось поле для честной конкуренции, и мы заканчиваем это послание уверением, что если правительство или частные лица захотят попробовать любое из предложенных улучшений, мы будем счастливы предложить любую помощь или информацию, какую только сможем¹⁹.

¹⁸ Бодиско — Нессельроде, № 7. 2/14 мая 1838 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838. Д. 222. Л. 77—81.

¹⁹ Роберт и Джордж Скайлеры — А. Бодиско, 10 мая 1838 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1838. Д. 222. Л. 82—85.

Поездки и изучение опыта кораблестроения увенчались решением русского правительства построить в Соединенных Штатах быстроходное паровое судно для Балтийского флота Российской империи. Заказ корабля в Америке был экстраординарным решением, и за ним стояли высокие ожидания. Назначенный государственным представителем при постройке парохода в новом звании капитана 1-го ранга Иван фон Шанц писал посланнику А.А. Бодиско, рассуждая о высокой цене, запрошенной строителями: «За пароход, подобного которому до сей поры не существует в свете, это вовсе не дорого. <...> Для постройки же по всем частям обыкновенного парохода государь император, вероятно, не хотел бы отправить в Америку, и как собственные слова е. в-ва были «выстрой мне скороход военный», полагаю, что другого рода парохода нельзя ему и показать»²⁰.

Инструкции, полученные фон Шанцем, основывались на докладах русских офицеров об американском кораблестроении и включали перечисление фирм и моделей оборудования, которые необходимо было использовать в постройке парохода: русский моряк направлялся в Соединенные Штаты «для заказа там, наблюдения за постройкою и приведения сюда большого военного парохода, с вновь усовершенствованными котлами и машиною Лайтгала и Скайлера, подобными доставленным Вами моделям, на следующих основаниях:

1. Пароход заказать в Вашингтоне у строителей Брауна и Белли, из белого дуба, величиною около 1400 тонов, длиною до 200 фут, применяясь в образовании подводной части к планам лучших английских пароходов, но допуская впрочем некоторые от сих планов отступления, кои могут оказаться нужными, и с механизмом от 350 до 400 сил <...>

3. Стараться построить пароход к 1841 году <...>

4. Так как по новости устройства машины и котлов весьма полезно было бы на первый раз поручить наблюдение за оными самим изобретателям, то Вы имеете обратиться к миссии нашей в Вашингтоне, об убеждении Лайтгала и Скайлера притти на том пароходе сюда <...>

²⁰ И. фон Шанц — А.А. Бодиско. Рапорт № 1. 13 января 1841 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 109 об. — 110.

5. Все денежные условия со строителями, механиками и другими лицами, с коими встретится надобность для постройки и приведения сюда парохода, — как о ценах, так и о сроках платежей Высочайше возлагаются на Миссию нашу в Вашингтоне. <...>²¹.

Очевидно, что на предполагаемые размеры судна оказало непосредственное влияние письмо Скайлеров. Неудивительно, что они же стали главными подрядчиками строительства парохода.

В середине лета 1839 года А. Бодиско, узнавший из частных писем о скором возвращении в Америку фон Шанца, ездил в Нью-Йорк в надежде встретить его сразу по прибытии²². Посланник поторопился, но ожидал не напрасно — 28 июля с борта «British Queen» в Нью-Йорке сошли офицеры корпуса путей сообщения П. Мельников и Н. Крафт²³. Фон Шанц прибыл лишь 10 октября²⁴.

С собой русский капитан привез перстни, подаренные от имени императора кораблестроителям Броуну и Белли, чем немало их изумил²⁵. Тем не менее, главными подрядчиками строительства парохода стали не они, а конструкторы паровой машины братья Р. и Дж. Скайлеры (Броун и Белли в качестве субподрядчиков построили корпус судна).

Капитан фон Шанц сам руководил проектированием внутреннего устройства, корпуса судна «в соответствии с формами и принципами, принятыми в Европе, с его собственными улучшениями», он также планировал вооружение корабля. У.Х. Броун (Броун) внес изменения в подводную часть проекта, чтобы

²¹ Инструкция капитану 1-го ранга Фон-Шанцу (копия) // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 21—23 об.

²² А. Бодиско — К. Нессельроде, № 28. 21 июня/3 июля 1839 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1839. Д. 217. Л. 227.

²³ А. Бодиско — К. Нессельроде, № 28. 19/31 июля 1839 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1839. Д. 217. Л. 230.

²⁴ А. Бодиско — К. Нессельроде, № 38. 6/18 октября 1839 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1839. Д. 217. Л. 272.

²⁵ А.А. Бодиско — в Департамент внутренних сношений, № 21. 4/16 ноября 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 396—396 об.

привести его в соответствие с требованиями американского пароходостроения²⁶. Таким образом, проект корабля оказался международным.

Во время обсуждения и выполнения контракта над американскими кораблестроителями витала тень английских конкурентов. Русский представитель капитан Иван фон Шанц ставил перед фирмой Скайлеров задачу добиться скорости корабля, «равной скорости лучших английских военных пароходов»²⁷. Дж. Скайлер позднее признавался, расставляя акценты так, чтобы поднять свою роль: «Во время заключения контракта о «Камчатке» мы хорошо понимали, что нам придется выдержать борьбу с мощным влиянием Англии в России, и по этой причине было решено, что мы снабдим «Камчатку» американскими инженерами на один год после поставки. Все пароходы, закупленные императором за пределами его владений до того времени, были приобретены в Англии, и инженеры были главным образом англичанами»²⁸.

На постройку было первоначально выделено «двести семьдесят пять тысяч испанских талеров или до 1.375.000 руб. ассигнациями» или 313.000 долларов²⁹. Однако после заключения контрактов со всеми субподрядчиками сумма весьма значительно выросла.

В течение осени 1839 г., последовавшей зимы и весны 1840 г. фон Шанц с командой, в которую кроме прибывшего вместе с ним лейтенанта Б.Ф. фон Флотова вошли задержавшиеся в Америке специально для этой цели капитан Пипин и подпоручик Шарубин, согласовывали контракты с субподрядчиками. Отдельные контракты потребовались для постройки корпуса корабля, медных паровых котлов, шлюпок, шитья парусов (пароходы в то

²⁶ Schuyler G.L. Letter to the Hon. W. Gwin, member of Congress from Mississippi, Concerning the Steam Ship Kamschatka. New York, 1843. P. 4—5.

²⁷ Schuyler G.L. Letter to the Hon. W. Gwin, member of Congress from Mississippi, Concerning the Steam Ship Kamschatka. New York, 1843. P. 3.

²⁸ Ibid. P. 8.

²⁹ Е. Канкрин — К. Нессельроде, 10 июля 1839 года (копия); И. фон Шанц — А.А. Бодиско. Рапорт № 1. 13 января 1841 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 14, 109.

время еще снабжались парусной оснасткой), столярных работ, отлития паровых цилиндров,ковки главного вала, установления мачт³⁰. После заключения контрактов со всеми субподрядчиками цена постройки парохода весьма выросла. Вашингтонской миссии пришлось объясняться с министерствами иностранных дел и финансов по поводу просьбы о дополнительном выделении 50 тыс. долл., которые и были вскоре истребованы³¹.

Летом 1840 г. пароход обрел имя — Николай I повелел назвать его «Камчатка». 24 ноября 1840 г. «Камчатка» была спущена со стапелей, и еще почти год потребовался для установки на нее машин и оборудования.

Однако следующей зимой выяснилось, что строители не укладываются и в новые суммы, выделенные русским правительством. Братья Скайлеры стали угрожать фон Шанцу остановкой работ, а потом — продажей парохода в другие руки³². После нескольких стычек между русским капитаном и американскими предпринимателями фон Шанц признался посланнику, что другого пути закончить пароход, как найти дополнительные деньги, не существует. Но корабль того стоил!

Сравнивать Камчатку, — писал Шанц, уже видевший себя капитаном этого парохода, — всю или по частям со вновь построенными двумя военными пароходами здешнего правительства едва ли стоит труда, ибо суда сии принадлежат прошедшему столетию; замечу только, что образование подводной и красота надводной части, пропорциональность и нового рода размерение рангоута, внутреннее расположение, позволяющее действие всех орудий в деле не мешая в то же время устройства приличного типа кают, пропорциональность... превосходная метода скрепления... малое водоизмещение при большой вместительности, хоро-

³⁰ См.: АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 57, 69, 82, 261, 266, 267, 268, 273, 326, 327.

³¹ А. Меншиков — А. Бодиско, 13/25 июля 1840 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 391—392.

³² Фон Шанц — Бодиско, рапорт № 2. 15 января 1841 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 111—112; Фон Шанц — Бодиско, 29 мая 1841 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 547.

шее послушание руля... вот предметы, в коих без исключения все Соединенные Штаты отдадут нам справедливость. И отзывы подобного рода о судне, построенном российскими офицерами, то есть по чертежам их, относятся, по-моему, некоторым образом и к чести нашего флота, наипаче от народа известного искусством в постройке отличнейших судов в свете. Камчатка превосходит в силе артиллерии, для которой построен и которую, надеюсь, он может носить всех до ныне иностранных пароходов³³.

В результате Николай I распорядился выделить на завершение еще 100 тыс. долл. Морской министр А.С. Меншиков сообщил, однако, «что Его Величеству угодно, дабы в предупреждение каких-либо новых еще издержек, с строителями, буде можно, условлено было: следующие им деньги получить не вдруг, а с оставлением из упомянутых 100 т. долларов некоторой части в уплату им по прибытии парохода уже в Россию»³⁴. Так и случилось — последние 55 тысяч долларов Скайлер получил уже в Санкт-Петербурге³⁵.

Таким образом, пароходный фрегат «Камчатка» обошелся русскому правительству более чем в 450 тыс. долл.³⁶ (по оценке Скайлера, в 418.919 долларов 57 центов³⁷, а по подсчетам фон Шанца,

³³ Фон Шанц — Бодиско, Рапорт № 4. 24 января 1841 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 113—115.

³⁴ Меншиков — Бодиско, 1/13 апреля 1841 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 529 об.

³⁵ См.: Saul N.E. *Distant Friends: the United States and Russia, 1763—1867*. Lawrence (Kan.), 1991. P. 134.

³⁶ 313 тыс. выделенных изначально плюс 50 тыс. первое дополнительное ассигнование плюс, видимо, большая часть из второго дополнительного ассигнования в 100 тыс. долларов. Норман Сол также считает, что расходы превысили 450 тысяч долларов. См.: Saul N.E. *Distant Friends: the United States and Russia, 1763—1867*. Lawrence (Kan.), 1991. P. 133. Нельзя умолчать и о передававшихся позднее в команду «Камчатки» сплетнях, будто капитан фон Шанц «сильно нагрел себе лапы в Америке при постройке «Камчатки»». (Боголюбов А.П. *Записки моряка-художника* // Волга. 1996. Специальный номер (№ 2—3). С. 25—26).

³⁷ Schuyler G.L. *Letter to the Hon. W. Gwin, member of Congress from Mississippi, Concerning the Steam Ship Kamschatka*. New York, 1843. P. 12.

в 674.193 рубля 25 копеек серебром³⁸). Он был спущен на воду в октябре 1841 г. К тому времени это был самый большой пароход, построенный на американской верфи, и газеты США выражали сожаление, что он предназначен для России, а не для отечественного флота³⁹. Обострение отношений США с Великобританией в это самое время поставило в повестку дня строительство собственных военных пароходов. Американский посланник во Франции Льюис Кэсс призывал государственного секретаря Дэниела Уэбстера готовиться к войне и рекомендовал своему правительству «немедленно создать паровой военный флот»⁴⁰.

Дж. Скайлер вынужден был даже оправдываться в открытом письме к конгрессмену У. Гуину, объясняя, что при одновременном строительстве на американских верфях «Камчатки» и двух пароходов для военно-морского флота США («Миссисипи» и «Миссури») «естественным образом возникло соревнование». Однако «все наши планы и опыт всегда к услугам военно-морского министерства»⁴¹.

Скайлер лично, потеснив Ивана фон Шанца в качестве капитана, привел пароход в Кронштадт 29 октября (10 ноября) 1841 г. Несмотря на протесты русского капитана, высказанные, впрочем, только в письме к А. Бодиско, Скайлер взял с собой в качестве пассажира своего тестя Джеймса Гамильтона, сына одного из «отцов-основателей» США Александра Гамильтона, одно время исполнявшего обязанности государственного секретаря при президенте Э. Джексоном⁴². Капитан опасался, что американцы таким образом присвоят себе всю славу и внимание российских властей. Шанц просил Бодиско «буде возможно... избавиться на пароходе от такого знатного пассажира, который непременно под этим имеет что нибудь и о чем они желают, чтобы мы ничего не знали. Пришедши в Петербург на пароходе представил бы ему прекрас-

³⁸ [Шанц И.И.] *Воспоминание И.И. Фон-Шанца о паровом фрегате «Камчатка»* // Морской сборник. 1856. Т. 20. № 3. Смесь. С. 153.

³⁹ См.: Binder F.M. *American Shipbuilding and Russian Naval Power, 1837—1846* // *Military Affairs*. Vol. 21. № 2. 1957. Summer. P. 82.

⁴⁰ Л. Кэсс — Д. Уэбстеру, 5 марта 1841 г. // PDW. Series 3. *Diplomatic Papers*. Hanover, N. H., 1983. Vol. 1. P. 37—38.

⁴¹ Schuyler G.L. *Letter to the Hon. W. Gwin*... P. 13.

⁴² Saul N.E. *Distant Friends: the United States and Russia, 1763—1867*. P. 133—134.

ный случай (так в тексте — *И. К.*) представлен быть Государю, и в обществах там же он и *Mr. Schuyler* были бы главные действующие лица, которыми построен и приведен в Россию пароход»⁴³. Спустя годы Шанц вспоминал о сборной команде, с которой «Камчатка» совершила свой первый переход:

Из 30 человек [машинистов и кочегаров] был только один мудрец, а именно Патрик-Генри, ирландец, который, сделав переход из Ливерпуля до Галифакса, в должности кочегара, был списан с парохода «*Great-Western*» за пьянство. Первые машинисты, родом американцы, служили, до этого, лишь на речных пароходах; но один из них, мистер Смит, очень гордился перед ними тем, что сделал в молодости один переход пассажиром в Англию. ...Правда, были еще три штурмана или помощника: швед, прусак и норвежец, можно сказать молодцы и, в полном смысле слова, люди морские, но едва ли грамотные и слышавшие когда-либо о существовании октанов и секстанов... старший из них, г. Дэль, был об одной ноге. Команда состояла из 40 человек всех возможных цветов, и, кроме нескольких датчан и шведов, почти без исключения из первых бродяг океанских. <После попытки бунта> в этой страшной сборной команде, намеревавшейся среди Атлантического океана, во время жестокого ветра, арестовать меня и взять курс обратно в Нью-Йорк <...> я и мои помощники имели постоянно заряженные пистолеты в карманах⁴⁴.

Скайлер, однако, считал главной помехой делу британских конкурентов. Он описал попытки английских представителей в Санкт-Петербурге дискредитировать построенный в США корабль. Английская пропаганда, по мнению Скайлера, негативно повлияла даже на отношение к кораблю главы военно-морского министерства князя Меншикова, так что только «чувство справедливости и чести императора Николая» поддержало американских инженеров. На самом деле, недовольство Меншикова было вызвано, скорее, необходимостью двойной доплаты и тем, что из Санкт-

⁴³ И. фон Шанц — Бодиско, 8 июля 1841 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 42. Л. 560 об.

⁴⁴ [Шанц И.И.] Воспоминание И.И. Фон-Шанца о паровом фрегате «Камчатка». С. 151—152.

Петербурга казалось вымогательством со стороны американских подрядчиков. Однако «мнения императора, выраженного открыто, что, насколько он знает, пароход удовлетворителен с точки зрения цены и качества, было достаточно, чтобы заставить умолкнуть всех придира в Санкт-Петербурге»⁴⁵.

«Камчатка» превосходно зарекомендовала себя на Балтике, укрепив уважение российских сановников и самого императора к техническому таланту американцев. Долгое время она оставалась лучшим пароходом российского военно-морского флота и флагманом Балтийского флота. Предметом особой гордости капитана был тот факт, что уже «спустя одну кампанию после прибытия “Камчатки” в Россию, осенью 1842 года, машина ее, в 600 сил, и притом совершенно нового расположения, была передана американским механиком для управления русским инженер-механиком: Эшапару, Леонтьеву, Чванову и друг., тогда как на других наших пароходах случалось, что по десяти лет сряду служили одни и те же иностранные механики»⁴⁶.

Начинавший свою морскую службу на этом пароходе А.П. Боголюбов, ставший позднее известным художником-маринистом, не только оставил живописный портрет «Камчатки»⁴⁷, но и описал ее в мемуарах:

«Пароходо-фрегат “Камчатка” было лучшее колесное судно нашего флота. Три года тому назад оно было приведено из Америки, где строилось под надзором капитана 1-го ранга И.И. Шанца, который по приводе его в Россию сделался командиром⁴⁸. Офицеров набрали туда лучших, команду тоже выбрали из всех экипажей.

⁴⁵ *Ibid.* P. 9.

⁴⁶ [Шанц И.И.] Воспоминание И.И. Фон-Шанца о паровом фрегате «Камчатка». С. 156.

⁴⁷ Одно из ранних полотен Боголюбова «Пароходо-фрегат “Камчатка”» (1848) выставлено в Центральном музее морского флота.

⁴⁸ Фон Шанц И.И. (1802—1879) командовал «Камчаткой» до 1847 года, в 1848—1855 гг. в ранге контр-адмирала руководил постройкой ряда кораблей, в 1855 г. был назначен начальником отдельного отряда паровых судов на Кронштадтском рейде и поднял свой флаг на «Камчатке». С 1863 г. — член Адмиралтейств-совета, с 1 января 1866 г. — адмирал (Русский биографический словарь. Т. Чаадаев — Швитков. Спб., 1905. С. 516—518).

А. Боголюбов. Пароходо-фрегат
«Камчатка» (1848)

«Камчатка» была, точно, красивое судно по линиям и пропорции, имела три мачты, все с реями, сильно, но красиво поднятыми, заостренный нос, круглую корму, которую почти всецело покрывал громадный золотой орел»⁴⁹.

«Служба на пароходе «Камчатка», конечно, была вполне лестная. <...> Все офицерство наше было бравое, так что и стих сложили следующий:

Ус нафабрен,
Бровь дугой,
Новые перчатки.
Это, спросят, кто такой?
Офицер с «Камчатки»»⁵⁰.

Однако новых заказов пароходов для России американским кораблестроителям пришлось ждать более десяти лет. Еще в середине 1850-х гг. русский капитан Кроун, доказывая начальству выгоду сделанных им закупок пароходов, сравнивал их с ценой «Камчатки», «приобретенной там же в Америке через контр-адмирала Шанца»⁵¹. А в 1840-х гг. техническое сотрудничество России и США сместилось в область железнодорожного строительства.

Военно-морской флот России продолжал развитие пароходов, для чего в составе Морского министерства был создан специальный Пароходный комитет. В 1840-е годы основным партнером России в

⁴⁹ Боголюбов А. П. Записки моряка-художника // Волга. 1996. Специальный номер (№ 2—3). С. 25.

⁵⁰ Там же. С. 30.

⁵¹ История Русской Америки. Том III. Русская Америка: от зенита к закату. 1825—1867 / Под ред. акад. Н. Н. Болховитинова. М., 1999. С. 357. Цена «Камчатки», названная Кроуном (736 776 руб.), основана на курсе рубля к доллару, отличающемся от использованного Канкином при ассигновании сумм на строительство парохода.

этом деле оставалась Великобритания, однако Соединенные Штаты представляли очевидную альтернативу и образец.

Посланник США в России в 1841—1846 гг. Ч. С. Тодд так описывал русский военно-морской флот:

Флот России... является третьим, если не вторым среди держав Европы. <...> Недостаток торгового флота, однако, должен ограничивать эффективность тяжелых плавучих батарей. Император выказывает похвальное желание усилить мощь флота. Он увеличивает количество военных пароходов и считает, что недалек день, когда они превзойдут обычные суда. «Камчатка», построенный по его приказу в Нью-Йорке, определенно лучший военный пароход в Европе, уступающий только нашему «Миссури»... Путешествие Крузенштерна, мастерски описанное, делает честь предприимчивости России; этот почтенный адмирал разрешил мне наблюдать за учениями морских кадетов под его началом, где моя национальная гордость была польщена видом модели нашего нового фрегата «Президент», используемого в лекциях по военно-морскому делу»⁵².

В связи с аннексией в конце 1845 года Соединенными Штатами бывшей мексиканской провинции Техас в Северной Америке назревала большая война, а в европейских столицах заговорили о возможном противодействии экспансионистским планам заокеанской республики. Тодд в то время рекомендовал своему правительству воспользоваться возможностью демонстрации военно-морской мощи США в российской столице.

Мне доставляет удовольствие обратить внимание на то, что Санкт-Петербургский Журнал, публикуемый под надзором правительства, часто упоминает нашу страну как великую морскую державу. Именно на это впечатление лучше всего рассчитывать, чтобы гарантировать уважение наших прав, и возможно никакое другое распоряжение пароходами «Миссисипи» и «Пенсильвания» не будет более разумным, чем *показать их императору*, чьи оценки нашей силы главным образом соразмерны его убеждению в нашей способности бороться за

⁵² Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. Philadelphia, 1873. P. 100—101.

свободу морей, владычицей которых так высокомерно считает себя Великобритания. Я верю, что Вы простите меня за эти предложения, полностью относящиеся к военным и военно-морским делам, но когда мы видим неправомочные попытки ведущих европейских держав контролировать действия независимых американских государств, нам не уйти от поиска средств, с помощью которых можно сдерживать всякое европейское вмешательство в дела Нового света⁵³.

Вообще, Ч.С. Тодд сыграл важную роль в поддержании высокой репутации своей страны как источника технических инноваций. Российское «Вольное экономическое общество» публиковало письма американского дипломата в своих «Трудах». Так, в частности, там был помещен его ответ на запрос о семенах корабельного дуба. Заканчивая описание различных пород американского дуба, Тодд увязал сельское хозяйство с внешней политикой:

Разведение табака и кораблестроение составляют две весьма важные отрасли народной промышленности Соединенных Штатов; но мы нисколько не завидуем успехам других государств в этих отраслях, надеясь в доброту и дешевизне этих произведений состязаться со всеми странами в мире. В отношении разведения хороших пород дуба в России, мы, в случае успеха этого предприятия, будем тем более радоваться, что долговременные наши дружественные сношения с вашей великой империей дают нам право надеяться, что могущественный флот будет всегда составлять часть вашей национальной силы и вашего колоссального влияния, к удержанию равновесия государств на всех морях и к охране миру повсюду мира и свободного мореплавания⁵⁴.

Американские кораблестроители и в дальнейшем предлагали свои услуги по укреплению военно-морского флота России.

⁵³ Ч.С. Тодд — Дж. Бьюкенену, № 61. 29 августа/10 сентября 1845 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14. Опубликовано в: Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 102—103.

⁵⁴ Выписка из письма Чрезвычайного посланника и полномочного министра Американских Соединенных Штатов Г. Тода // Труды Императорского вольного экономического общества за 1846 год. Ч. 1. Смесь. С. 76.

Так, в 1849 году русский генеральный консул в Нью-Йорке Алексей Евстафьев пересылал в департамент внутренних сношений предложения «американских заводчиков Стильмана, Копленда, Меллера и др. о постройке для России военных и почтовых пароходов». Евстафьев высоко отзывался о репутации этих кораблестроителей:

Стилман и Аллен особенно занимаются деланием паровых всякого разряда машин, и в сем отношении завод их... есть бесспорно первейший в Америке. <...> Денежная их ответственность тоже всеизвестна... и я тем безбоязненнее за них ручаюсь, что точно знаю, прибыль менее побуждает их к настоящему предприятию, нежели благородное честолюбие возстановить в виду Европы, и особенно в мнении нашего правительства кредит американского кораблестроения⁵⁵.

Однако в США в то самое время разгорелся скандал в связи с постройкой парохода для Пруссии, находившейся в состоянии войны с Данией. В соответствии с американскими законами, нельзя было строить военные суда для державы, воюющей со страной, с которой сами США пребывают в мире. Опасаясь вызвать аналогичный скандал в связи с венгерским походом российских войск, кораблестроители просили удержать предлагаемый ими контракт в тайне. Пароходный комитет российского Морского министерства не захотел заключать договор на подобных условиях: «нельзя допустить *тайного заказа* там, где до получения готовой вещи надо уплатить за нее 440 т. р. сер., подвергая таким образом все это предприятие безполезной опасности... *тайный* или *негласный договор* без содействия законных властей может быть выгоден только одной стороне в ущерб другой... По сим уважениям Комитет находит, что предложение об изготовлении для нашего правительства в Нью-Йорке военного парохода, как основанное на весьма стеснительных для нас усло-

⁵⁵ Копия с донесения Генерального консула в Нью-Йорке Статского Советника Евстафьева в Департамент внутренних сношений от 12/24 июня 1849 года // РГА ВМФ. Ф. 163. Пароходный комитет. Оп. 1. Д. 146. Л. 12 об. — 13.

виях, не может быть принято»⁵⁶. На этом, однако, дело закрыто не было: американские кораблестроители через консула Евстафьева пытались найти обходной путь:

Генеральный консул предлагает нашему правительству поручить для себя таковую постройку от имени Российской-Американской компании кораблестроителям оной... Этим способом, по мнению г. Евстафьева, будет устранено неудобство тайного и негласного договора, потому что заказ парохода частным обществом, какова компания, не подлежит запрещению, ...а обширные торговые обороты компании и необходимость для нее иметь вооруженные суда отвлекут всякие подозрения, что заказанный пароход не назначен для нее⁵⁷.

Морской министр России Меншиков на этот раз ответил прямо: «В настоящее время построение такового парохода в Америке Морское министерство в виду не имеет»⁵⁸. В большей степени Российско-Американской компании становились нужны не военные суда, а пароходы для снабжения Русской Америки: в 1849 году при возобновлении контракта РАК с Компанией Гудзонова Залива пришлось отказаться от обязательств по доставке в русские владения продовольствия и промышленных товаров⁵⁹.

⁵⁶ Журнал Высочайше утвержденного Комитета о пароходах, Октября 14 дня 1849 года // РГА ВМФ. Ф. 163. Пароходный Комитет. Оп. 1. Д. 146. Л. 24—24 об.

⁵⁷ Л.Г. Сенявин — В.А. Перовскому, 24 июня 1850 г. // РГА ВМФ. Ф. 163. Пароходный комитет. Оп. 1. Д. 146. Л. 33 об. — 34.

⁵⁸ Меншиков — Сенявину, 17 июля 1850 г. // РГА ВМФ. Ф. 163. Пароходный комитет. Оп. 1. Д. 146. Л. 40—40 об. Стоит отметить, что незадолго до этой переписки в Охотское море было решено направить российский корвет «для ограждения прав Российско-Американской компании», и Морское министерство, видимо, считало закрытыми обе темы — о постройке парохода и о защите прав РАК. См.: Об отправлении корвета «Оливуца», 5 июня 1850 г. // РГА ВМФ. Ф. 283. Инспекторский департамент морского министерства. Оп. 1. Д. 7169. Л. 1.

⁵⁹ История Русской Америки. Том III. Русская Америка: от зенита к закату. 1825—1867 / Под ред. акад. Н.Н. Болховитинова. М., 1999. С. 348.

Накануне Крымской войны Морским министерством в США был командирован капитан-лейтенант А.С. Горковенко⁶⁰ с заданием «по собранию сведений о состоянии североамериканского флота»⁶¹. Непосредственно перед поездкой Горковенко участвовал в конференции метеорологов в Брюсселе, проходившей под председательством знаменитого американского океанографа М.Ф. Мори (Maury)⁶², что дало ему повод для поездки. Российский посланник А. Бодиско уведомил государственного секретаря, что целью визита будет «изучение всего, связанного с развитием морского строительства в военном и торговом флоте Союза»⁶³.

Русского офицера очень хорошо приняли в Североамериканских Штатах, причем главный корабельный инженер США Чарльз Гасвель (Haswell) показывал ему «главнейшие заводы Нью-Йорка»⁶⁴. Более того, Гасвель поделился с русскими коллегами новыми разработками американских кораблестроителей. Пароходный комитет Морского министерства, решив, что «в настоящее время» нет «никакой особенной надобности заимствовать что-либо из тех данных и сведений, которые заключаются в упоминаемых чертежах и бумагах», рекомендовал, однако, «вознаградить Г. Гасвеля за труд исправления чертежей, на который он был, можно сказать, вызван нашим же правительством»⁶⁵.

⁶⁰ Горковенко Алексей Степанович (?—1876) в 1840-е гг. служил на пароходе «Камчатка», друг художника-мариниста А.П. Боголюбова. В 1874 г. произведен в вице-адмиралы.

⁶¹ Цит. по: Пономарев В.Н. Крымская война и русско-американские отношения. М., 1993. С. 90.

⁶² Мэтью Ф. Мори (1806—1873) возглавлял в тот период Депо карт и приборов, из которого впоследствии образовались военно-морская обсерватория и гидрографическая служба США. В разгар Крымской войны в 1855 г. был избран иностранным членом Российской Академии наук.

⁶³ Бодиско — государственному секретарю, 8 октября 1853 г. // NARS. RG. 59. M. 39. Notes from the Russian Legation. R. 3 (Mar. 21, 1850 — Dec. 31, 1864).

⁶⁴ А.С. Горковенко — в комитет о пароходах, рапорт. 27 мая 1854 г. // РГА ВМФ. Ф. 163. Пароходный комитет. Оп. 1. Д. 224. Л. 17.

⁶⁵ Журнал Высочайше утвержденного Комитета о пароходах. Сенявину 18 дня 1853 года // РГА ВМФ. Ф. 163. Пароходный комитет. Оп. 1. Д. 224. Л. 10—10 об.

Американский инженер получил в награду от русского императора «бриллиантовый перстень в 500 руб. серебром»⁶⁶.

Заказы пароходов и частей к ним в США продолжались и в последующем, причем активную роль в этом стало играть руководство Восточной Сибири во главе с генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым. Так, по его ходатайству в 1855 году в Америку был командирован капитан 1 ранга П.В. Казакевич⁶⁷ (сопровожаемый капитан-лейтенантом Г.А. Кроуном) для заказа пароходов и «машинного заведения» для Николаевска-на-Амуре. Казакевич приобрел в Соединенных Штатах пароходы «Америка» и «Амур», баржу «Лена», «механическое заведение, морские и хирургические инструменты, книги, карты и проч.», а Кроун, повторно направленный в США, транспорты «Японец» и «Манчжур», «паровые: аппарат для вбивания свай, землечерпательная машина, лесопильный завод, молот и проч.»⁶⁸. Русский эмигрант граф Адам Гуровский, сотрудничавший в 1858 году в «Вестнике промышленности», увидел в этой покупке символический смысл:

В конце апреля месяца вышли из гаваней Соединенных Штатов два винтовых фрегата: один в 1400 тонн «Япо-

⁶⁶ Министру императорского двора, 19 июня 1854 г. // РГА ВМФ. Ф. 163. Пароходный комитет. Оп. 1. Д. 224. Л. 20. Чарльз Гасвель (1809—1907) прожил долгую жизнь, на склоне которой написал «Воспоминания восьмидесятилетнего» (Haswell Ch. H. Reminiscences of New York By an Octogenarian (1816—1860). New York, 1896), в которых не вспомнил о визите Горковенко, но раскритиковал строителей «Камчатки».

⁶⁷ Казакевич (Козакевич), Петр Васильевич (1814—1887) — один из пионеров русского освоения Приморья. В 1849 г. первым из русских вошел в устье Амура. В мае 1854 г. Командовал первой экспедицией по Амуру с графом Н.Н. Муравьевым, участвовал в обороне Петропавловска от англо-французской эскадры в 1854 г., после возвращения из США в 1856 г. Назначен военным губернатором Приморской области и командиром портов Восточного океана и Сибирской флотилии. 1866 г. — вице-адмирал, 1871 г. — командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. 1883 г. — член Военного и адмиралтейств-совета. (Русский биографический словарь. Т. Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 36—37).

⁶⁸ Цит. по: История Русской Америки. Том III. Русская Америка: от зенита к закату. 1825—1867 / Под ред. акад. Н.Н. Болховитинова. М., 1999. С. 355—357.

нец», другой в 900 тонн Манчжур. Первый построен на верфях Нью-Йорка, второй в Бостоне. Они назначены для юго-восточной Сибири. Они построены на счет сибирского правительственного комитета. Г.А. Кроун, капитан императорского флота, адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири, представил свои планы и руководил постройкою. Сделанные по последним рисункам и изобретениям, как относительно корпуса, так и машин, оба фрегата обратили на себя всеобщее внимание и единодушное одобрение всех знатоков (а американцы стоят этого названия) и корабельных мастеров. <...> Их груз состоит из различных машин и снарядов, результатов плодотворного и практического усовершенствования механического дела, что составляет особенность ума американского народа, особенность, которой не имеют другие страны. Тут особенно обращают на себя внимание машины для литейных заводов, также машины и орудия для плотничного дела и земледельческие. Таким образом эти фрегаты, управляемые американскими моряками, под русским флагом, служат как бы зарею истинного просвещения. Так девственный край юго-восточной Сибири разом узнает последние результаты духа изобретательности, духа творчества, составляющего характеристическую черту нашего времени. Ему большею частью обязаны Соединенные Штаты своим дивным развитием⁶⁹.

В 1858 году капитан В.Ф. Давыдов был отправлен в США для заказа паровых машин для той же сибирской флотилии. Как Казакевич, так и Давыдов направляли подробные донесения в Санкт-Петербург и публиковали статьи об Америке в «Морском сборнике».

Что касается заказа больших военных пароходов, то к ним тоже вернулись в связи с Крымской войной. Заказанные в Англии в 1852 году винтовые корветы «Витязь» и «Воин» с началом войны отошли английскому Адмиралтейству и приняли участие в английской осаде Севастополя. Наблюдавший за их строитель-

⁶⁹ Гуровский А. Письма из Северной Америки // Вестник промышленности. 1858. № 1. Июль. Разд. VI (Смесь). С. 37—38.

ством капитан Иван Алексеевич Шестаков (1820—1888) вернулся в Россию и был назначен членом Пароходного комитета Морского министерства, стал адъютантом управляющего Морским министерством великого князя Константина Николаевича, а вскоре получил новое задание: в сентябре 1856 года он был командирован в Соединенные Штаты, чтобы уладить отношения с кораблестроителем Уэббом.

Как позднее вспоминал Шестаков, «перед Крымскою войною Уэббу надавали в Петербурге много обещаний. Янки сам, без всякого вызова, приехал в Европу искать работы, и найдя ее в нашем морском министерстве, намеревался представить длиннейший счет, хотя возгоревшаяся война законно прерывала не только всякие обещания, но и самые условия, если бы такие были заключены. В 1856 году американец привязался с обычною прилипчивостью и стоял за исполнение обещаний, данных братом Государя». Вопрос был улажен «американским способом — компромиссом. Ознакомившись с техническими познаниями строителя и условиями его верфи, памятуя, что в Европе уже взялись за броненосцев и, наконец, убедившись, что Уэбб вовсе не понимал требований линейного корабля, я предпочел заменить обещанный ему великим князем корабль фрегатом больших размеров. <...> Таким образом предполагавшийся корабль “Императрица Мария” обратился в небывалый могучий фрегат “Генерал-Адмирал”»⁷⁰.

Великий князь Константин Николаевич снабдил своего адъютанта рекомендательным письмом к российскому посланнику Стекло: «Шестаков, как отличный испытанный мною морской офицер, пользуется полным доверием моим, и я буду весьма благодарен за радушное содействие в исполнении возложенных на него поручений»⁷¹.

Надо отметить, что сам назначенный руководить русским флотом великий князь Константин Николаевич производил весьма благоприятное впечатление на американцев. Посланник США в

⁷⁰ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания И.А. Шестакова // РГА ВМФ. Ф. 26. Шестаков И.А. Оп. 1. Д. 17. С. 74, 67—68.

⁷¹ Великий князь Константин — Э.А. Стекло, сентябрь 1856 года // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 68. Л. 3—3 об.

Санкт-Петербурге Т. Сеймур писал, что «в одном отношении он приближается к американскому характеру ближе, чем какой-либо другой государственный деятель, встреченный мною в Европе, а именно — в практической направленности своего ума. Он не теоретик, напротив, он сделал своими задачами пользу и прогресс во всем, связанном с морской службой»⁷².

В те месяцы американский вице-консул в Санкт-Петербурге Дж. Хаттон с энтузиазмом сообщал в государственный департамент:

«Здесь правительство уже заказало линкор в Нью-Йорке, и, вероятно, закажет еще несколько фрегатов и корветов, — некоторые морские офицеры из Адмиралтейства уже делали запросы об этом предмете. Я думаю, этой отрасли американской промышленности *очень бы поспособствовало разрешение делать уступку на русское железо, снасти, парусину и медь, используемые на всех судах в случае смены флага Соединенных Штатов на русский в течение, скажем, первого года после спуска*»⁷³. Через три месяца Хаттон вернулся к своим рекомендациям: «Сейчас я бы добавил совет прислать сюда летом, если позволят требования нашей военно-морской службы, один из лучших наших новых паровых фрегатов, один из наших сторожевых кораблей первого класса, с их новым вооружением, а также, когда будет готов, один из новых паровых корветов. Визит такого набора образцов улучшенного класса нашего военного флота привлек бы огромное внимание, и отправка их сейчас была бы воспринята как очень приемлемый комплимент, обязательно привела бы к заказам и очень послужила бы поддержанию нашей репутации и влияния. <...> Мне не стоит добавлять, что наши будущие политические интересы требуют, чтобы русский флот уве-

⁷² Т. Сеймур — У. Марси, № 3. 8 мая 1854 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

⁷³ Дж. М. Хаттон — У. Марси, 17/29 ноября 1856 г. P. 14—15 // NARS. RG 59. Records of the Department of State. M. 81. Despatches from U.S. Consuls in St. Petersburg, Russia, 1803—1906. R. 5. Dec. 31, 1847 — Dec. 30, 1857.

личил силу и эффективность, и чтобы большая часть заслуг в этом принадлежала нам»⁷⁴.

В 1857 году русский путешественник А.Б. Лакиер присутствовал при закладке на верфи Уэбба (Вебба) в Нью-Йорке парохода «Генерал-Адмирал».

«По отзывам знатоков, — писал Лакиер, — размеры этого винтового фрегата превосходят все, что до сих пор было сделано в этом роде (длина его 325, ширина 55 фут и глубина 36 футов). Я не забуду, что был в числе приглашенных на закладку этого громадного парохода, слушал прочитанную одним из офицеров-соотечественников русскую молитву на чужой почве и вместе с другими желал увидеть при- шлеца-богатыря в наших водах, что и должно скоро случиться, несмотря на все трудности, которые необходимо должны были встретиться при постройке и оснащении великана.

Для нас это будет красноречивым доказательством, до каких размеров развиты в Америке сила, деятельность и богатство частных людей»⁷⁵. Надо отметить, что промышленность США переживала в тот момент кризис, и, по свидетельству Адама Гуровского, в 1858 году «на главной верфи одного кораблестроителя в Нью-Йорке, главной во всем Союзе, строится один только корабль. Это большой военный фре- гат «Великий Адмирал», сооружаемый на счет русского правительства»⁷⁶.

Уже в сентябре 1858 г. пароход был спущен на воду. «Морской сборник» цитировал американские газеты: «"Генерал-Адмирал" есть русский корабль американской постройки; факт этот знаменателен. Если б не было кровавой войны между Россией, Англией и Францией, этот корабль, по всей видимости, не был бы здесь построен. Обаяние старой Европы превозмогло бы, хотя оно и не может выдержать сравнения с жизненной силой юной Америки. Построение этого передового гиганта русских военных кораблей доказывает также, что дух Петра Великого оживляет еще потомков дома Романовых»⁷⁷. Тот же Адам Гуровский сообщал своим русским читателям:

На днях спущен в море построенный здесь один из самых огромных деревянных военных кораблей; имя его Великий Адмирал, он построен для русского правительства. Впереди этому кораблю будет назначено со славою, хорошо знакомою русским морякам, охранять народный флаг, теперь же строитель его, капитан Шестаков, человек действительно замечательный, намерен на первый раз нагрузить его не одними только военными орудиями, но машинами и всякого рода снарядами, полезными как для земледелия, так и для различных отраслей промышленности. Какая прекрасная и благородная мысль!⁷⁸

Сам капитан Шестаков с волнением писал знакомому: «Я затеял выстроить и вооружить небывалого мамонта. Наш корабль не так-то легко спустить, а снарядить исправно, что-

Спуск на воду парохода
«Генерал-Адмирал»

74 Дж. М. Харгтон — У. Л. Марси, 1 марта 1857 г. // NARS. RG. 59. Records of the Department of State. M. 81. Despatches from U.S. Consuls in St. Petersburg, Russia, 1803—1906. R. 5. Dec. 31, 1847 — Dec. 30, 1857.

75 Лакиер А. Б. Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе Александра Лакиера. С картою описанных стран. СПб., 1859. Т. 1. С. 247.

76 Гуровский А. Промышленность и торговля в Соединенных Штатах // Вестник промышленности. 1858. № 1. Июль. Разд. 1 (Обозрение промышленности и торговли). С. 40.

77 Спуск русского фрегата «Генерал-адмирал», происходивший в Нью-Йорке, 9/21 сентября 1858 г., и обед, данный по этому случаю Капитаном Шестаковым <из американских газет. Пер. К. Кадинский> // Морской сборник. 1858. Т. 38. № 11. Ноябрь. Смесь. С. 3—4.

78 Гуровский А. Обзор промышленности в Америке // Вестник промышленности. 1858. Т. 2. № 6. Декабрь. Разд. I (Обозрение промышленности и торговли). С. 272.

бы плыл благополучно — и еще менее. Я в большом волнении, хотя дело не слишком важно и затруднительно, и чем более труд приближается к концу, тем опасения мои увеличиваются. Что-то из всего этого выйдет, и как-то окажется громадный «Генерал-Адмирал», сплоченный и отделанный, просто не знаю. Чрезвычайно горько будет, если морские качества его не будут соответствовать работе, труду и издержкам; но все это теперь очень скоро должно решиться». А при расчете с подрядчиками всплыли опять проблемы, с которыми сталкивался еще И. Шанц: «Благодаря Бога, прожил благополучно в этой стране более двух лет, не сломавши шеи и не бывши подстреленным, но не без неприятности, разумеется, при предстоящих окончательных расчетах. Таких бессовестных мошенников в денежных сделках вряд ли где найдешь, и придется горячо воевать за каждый доллар»⁷⁹. Однако все прошло хорошо, вернувшегося в Россию на построенном им пароходе И.А. Шестакова «сделали флигель-адъютантом и дали Владимира на шею», и, по его словам, «дали бывшим со мною шести офицерам все, что я просил, а просил я не мало»⁸⁰.

Советские историки 1940—1980-х гг. в силу очевидных причин замалчивали или отрицали роль Соединенных Штатов в модернизации российского флота. Так, в фундаментальной монографии ведущего военного историка Л.Г. Бескровного упоминался один пароходо-фрегат, приобретенный в середине XIX в. для Балтийского флота в Англии, и девять — русской построй-

⁷⁹ И.А. Шестаков — кн. Н.Г. Друцкому-Соколинскому, 4 апреля 1859 г. // [Шестакова Л.И.] Иван Алексеевич Шестаков, 1820—1888. Воспоминания Л.И. Шестаковой, рожден. Глинка // Русская старина. 1889. Т. 62. Апрель. С. 173.

⁸⁰ И.А. Шестаков — кн. Н.Г. Друцкому-Соколинскому, 26 июля 1859 г. // [Шестакова Л.И.] Иван Алексеевич Шестаков, 1820—1888. Воспоминания Л.И. Шестаковой, рожден. Глинка // Русская старина. 1889. Т. 62. Апрель. С. 174. И.А. Шестаков пользовался особым покровительством генерал-адмирала русского флота великого князя Константина Николаевича. По возвращении из США он командовал русской эскадрой в Средиземном море, подготовил программу преобразования русского флота и строительства броненосцев, с 1882 года управлял Морским министерством (Русский биографический словарь. Т. Шебанов — Шютц. СПб., 1911. С. 233—238).

«Генерал-Адмирал»

ки, тогда как в иллюстрирующей этот текст таблице указана «Камчатка», опережающая все остальные русские пароходы по водоизмещению и по силе машины и вторая по числу орудий и по скорости хода⁸¹. Нам представляется, что участие зарубежных инженеров и экспертов в программах российских модернизаций, заказ образцов современной техники на ино-

странных заводах и верфях уже не может рассматриваться как нежелательный исторический факт. Напротив, этот опыт представляет большой интерес с точки зрения современных процессов глобализации. Важно понять, каким образом николаевская Россия использовала американский опыт для решения собственных задач, насколько успешно была решена задача внедрения на русскую почву американской технологии.

Появление пароходов означало переворот не только в военно-морском деле, но и в средствах транспортного сообщения между континентами и по внутренним рекам. Современники «эры пароходов» были заворожены величественным зрелищем объединения земного шара цепью пароходной навигации. Техническое нововведение очень быстро начало диктовать цели правительствам, и Соединенные Штаты были среди первых, почувствовавших значение этого нового фактора мировой политики. Во всяком случае, инструкции государственного секретаря Д. Уэбстера руководителю американской экспедиции к берегам Японии открывались таким пассажем: «Близок момент, когда будет сформировано последнее звено в цепи океанской пароходной навигации. Из Китая и Индии в Египет, затем через Средиземное море и Атлантический океан в Англию, затем к нашим благословенным берегам и другим частям этого великого континен-

⁸¹ См.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 497—498.

та, из наших портов к южной части перешейка, связывающего два западных континента, а от его тихоокеанского побережья к северу и к югу, докуда распространилась цивилизация, — пароходы нашей и других наций понесут знания, богатства и тысячи путешественников»⁸². Японские порты, по мысли государственного секретаря, должны были стать пунктами заправки пароходов углем, завершив формирование «великой цепи».

Еще годом раньше русский журнал «Морской сборник» в разделе «Смесь» поместил комментарий под заголовком «Американская торговля с Азией через Тихий океан», посвященный первому грузу, привезенному в Нью-Йорк американским пароходом «Эмпайр Сити» из Китая через Тихий океан и Панамский перешеек. «В Нью-Йорке уже хлопчут об учреждении постоянного пароходного сообщения между Сан-Франциско, Китаем и Индией, через Тихий океан, предполагая заходить, на пути, к Сандвичевым или другим островам, — писал автор заметки. — Теперь, как в древние времена, вся торговля стремится в Индию! В Индию, которая некогда обогатила собою древний Египет, Венецию, Голландию и, несравненно более всех других держав, Англию! И, наконец, мы видим, что торговля эта начинает переливаться в Соединенные Штаты, чрез обширный океан и золотые врата Калифорнии. Несмотря на все споры других наций о праве пути, она скоро разовьет свою магическую силу, при открытии одного из трех каналов: чрез Никарагуа, Панамский и Техуантепекский перешейки, и вероятно, чрез все три — лет чрез двадцать»⁸³.

Железная дорога Петербург — Москва

После опыта с заказом «Камчатки» основное техническое сотрудничество России и США сместилось в новую область. Дело было не только в невозможности для русского правительства

⁸² Д. Уэбстер — Дж. Оулику, 10 июня 1851 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 2. P. 289—290.

⁸³ Морской сборник. 1850. Т. 3. № 5. Смесь. С. 448—449.

контролировать затраты, что показало удорожание «Камчатки» в полтора раза за время ее постройки. Морское могущество не могло стать ключом к решению проблем континентальной империи. Когда тот же Даллас в 1838 году предложил Николаю направить в Соединенные Штаты российскую эскадру, император в ответ пожаловался на плохие способности русских к морскому делу⁸⁴. Сухопутный транспорт должен был сыграть решающую роль в прорыве России на новые позиции. Паровой двигатель мог решить и эту задачу.

Обширные континентальные пространства делали одинаково важными задачи развития сухопутного транспорта в России и Америке. В этих условиях выбор американских инженеров и американских подрядчиков для строительства железной дороги между Петербургом и Москвой (предпочтение, отданное заокеанским специалистам перед европейскими) был не только политическим ходом царя в его долгосрочной партии против Лондона, но и серьезнейшим шагом по сближению с США.

Ведущие сановники империи настороженно относились к идее строительства в России железных дорог. Сам главноуправляющий путями сообщения граф Толь в своем докладе в апреле 1839 года доказывал, что улучшения путей сообщения в России должны состоять в устройстве новых и усовершенствовании старых каналов. «Эти сообщения, — писал он, — не разольют подобно железным дорогам, демократических идей и наклоностей в государстве. <...> При гидрографическом положении империи водные сообщения будут споспешествовать развитию промышленности и распространению материального в народе благосостояния несравненно более, нежели какие-либо железные дороги»⁸⁵. Более того, железные дороги Толь считал опасными для спокойствия государства. В черновом варианте докла-

⁸⁴ Запись от 31 января 1838 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas, While United States Minister to Russia 1837 to 1839, and to England 1856 to 1861 / Ed. by Susan Dallas. Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1892. P. 66.

⁸⁵ Цит. по: [Мельников П.П.] Начало железнодорожного строительства в России. Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1940. Т. 99. С. 164.

да присутствовало даже утверждение, что «перевоз пассажиров по означенным дорогам есть самое демократическое учреждение, какое только можно было бы придумать для постепенного приведения общества в республиканские формы» (последняя часть фразы была потом заменена на «для преобразования государства») ⁸⁶.

Николай, однако, уже проникся пониманием важности нового средства передвижения и перевозки грузов. «Резолюцией на докладе главноуправляющего путями сообщений его величество не соизволил окончательно разрешить вопрос о железных дорогах, — вспоминал позднее П.П. Мельников, — соглашаясь, однако, что где представляется возможность к удобному водяному сообщению, там оное должно предпочитать сообщению железною дорогою, с тем вместе, имея в виду развитие устройства сих дорог в Америке, повелено послать для осмотра их двух надежных офицеров» ⁸⁷.

Антон фон Герстнер, строитель Царскосельской дороги, вместе с молодой женой путешествовал по Соединенным Штатам с 1838 г., изучая железнодорожное строительство, но неожиданно умер в Филадельфии 12 апреля 1840 года ⁸⁸.

Не прошла бесследно и активная деятельность в Соединенных Штатах морских инженеров Пипина и Шарубина, собиравших за океаном всяческую информацию о новейших изобретениях и конструкциях. Весной 1839 г., получив от Пипина переданные через Бодиско и Нессельроде чертежи и описание водопровода, построенного через реку Потомак, главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями граф Толь, «изъявив благодарность за сообщение сих сведений, присовокупил, что с Высочайшего соизволения Государя императора, в июне сего года отправляются в Америку двое отличнейших инженеров Корпуса путей сообщения для осмотра там всех дос-

⁸⁶ Цит. по: Виргинский В.С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949. С. 198.

⁸⁷ [Мельников П.П.] Начало железнодорожного строительства в России. Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1940. Т. 99. С. 164.

⁸⁸ Воронин М.И., Воронина М.М. Франц Антон Герстнер. 1793—1840. СПб., 1994. С. 118.

топримечательностей в отношении к различным системам внутренних сообщений» ⁸⁹.

Таким образом, летом 1839 года два русских офицера, инженеры департамента путей сообщения подполковник П.П. Мельников и полковник Н.О. Крафт, были направлены в Соединенные Штаты для изучения американской системы железных дорог. Павел Петрович Мельников (1804—1880) был в то время преподавателем Института Корпуса инженеров путей сообщения и признанным специалистом в области железнодорожного дела. Еще в 1835 году он опубликовал небольшую работу о железных дорогах ⁹⁰ и начал читать соответствующий курс в Институте. В 1837 году он был на 15 месяцев командирован «для путешествия по всей Европе с целью изучения инженерного дела, а через год по возвращению отправлен был с той же целью и на тот же срок в Соединенные Штаты Америки» ⁹¹.

Николай Осипович Крафт (1798—1857) — преподаватель того же института, работавший в ведомстве путей сообщения (в частности, он разрабатывал проект соединения каналом Волги и Дона) ⁹².

В отличие от Морского министерства, несколько раз продлевавшего командировку Пипина и Шарубина и во второй раз отправившего за океан фон Шанца, Министерство путей сообщения и публичных зданий строго ограничило поездку своих офицеров одним годом:

При столь важном поручении и при ограничении срока пребывания Полковника Крафта и Подполковника Мельникова в чужих краях одним только годом, — писал Нессельро-

⁸⁹ Департамент внутренних сношений МИД — А.А. Бодиско, 25 мая 1839 г. Исх. № 3721. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 317 об.

⁹⁰ Мельников П.П. О железных дорогах. Корпуса инженеров путей сообщения майора Мельникова. С.-Петербург: В тип. Глав. управления путей сообщения и публичных зданий, 1835.

⁹¹ [Мельников П.П.] Начало железнодорожного строительства в России. Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1940. Т. 99. С. 135.

⁹² Российский биографический словарь. Т. Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903. С. 419.

де Бодиско, — штаб-офицерам сим необходимо содействие и указание способов к успешному выполнению возложенного на них поручения, со стороны особ, более знакомых с местными обстоятельствами.

Русскому посланнику вменялось в обязанность всячески способствовать достижению целей их поездки⁹³.

В архиве российского посольства в Вашингтоне сохранился план, который потом лег в основу как отчета, так и серии статей, написанных П.П. Мельниковым для ведомственного «Журнала путей сообщения»: Мельников и Крафт «объехав большую часть линий внутренних сообщений Северной Америки, они старались ознакомиться с системою построения каналов, гидростроительных сооружений <на реках?>, мостов, речных пароходов и железных дорог, не упуская из виду различные механические приборы, служащие для сокращения времени и издержек при производстве работ, а также обращая внимание на заведения для снабжения городов водою и для освещения их газом. По всем сим предметам приобретены подробные чертежи, модели и мемории. Особенное внимание сих офицеров было обращено на железные дороги и речные пароходы, как предметы, которые, по их мнению, могут иметь ближайшее и полезное применение к улучшению внутренних сообщений России»⁹⁴.

Задача Крафта и Мельникова облегчалась тем, что их предшественники проделали большую работу и установили полезные контакты в Соединенных Штатах. Крафт докладывал Бодиско, что «находящиеся здесь (так в тексте — *И. К.*) по Высочайшему повелению офицеры Корпуса Корабельных Инженеров Пипин и Шерубин (так в тексте — *И. К.*) оказали нам также услуги доставлением различных чертежей... речных пароходов и машин и познакомив нас с морскими инженерами»⁹⁵.

⁹³ Нессельроде — Бодиско, 8 июня 1839 г. (на бланке Департамента внутренних сношений МИДа, № 4120) // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 43. Л. 7 об. — 8.

⁹⁴ <Документ без заглавия> // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 43. Л. 5.

⁹⁵ Н.О. Крафт — А.А. Бодиско, № 44. 4/16 ноября 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 43. Л. 20 об.

Большой интерес у русских инженеров вызывала строящаяся тогда дорога Балтимор-Огайо. В октябре 1839 года, когда Мельников осматривал железную дорогу в Спрингфилде, Массачусетс, его гидом выступал инженер майор Джордж Вашингтон Уистлер⁹⁶.

Одним из важнейших вопросов, ответ на которые искали Мельников и Крафт, был вид локомотивов, которые следовало предпочесть для использования в русских условиях.

Среди первых выводов Мельникова и Крафта было предпочтение американских локомотивов английским. «Мы полагаем, — писал в своем отчете Мельников, — что при определении среднего груза поездов с товарами и исчислении стоимости движения их по железной дороге, назначаемой для перевозки большого количества грузовых товаров, какова например дорога между С. Петербургом и Москвою, надобно принимать за основание расчетов машины системы Американских локомотив»⁹⁷.

Для американских заводчиков это был шанс получить огромный заказ от русского правительства, что создало для инженеров уникальную возможность не просто познакомиться с американскими заводами, но и устроить испытания паровозов для их сравнения между собой. Наиболее активным был Уильям Норрис, производитель локомотивов из Филадельфии, центра производства паровозов, где размещались также заводы Болдвина и Иствика с Харрисоном⁹⁸. Мельников предложил Норрису «изло-

⁹⁶ См: Haywood R.M. *Russia Enters the Railway Age, 1842—1855*. Boulder; New York, 1998. P. 51 p. 67.

⁹⁷ [Мельников П.П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-Американских Штатов. Корпуса инженеров путей сообщения Подполковника Мельникова. 1841 года. Ч. IV. Отд. V. Численные данные относительно железных дорог и применение их к дороге между Петербургом и Москвою. С. 26—27. (Рукопись) // Редкий фонд Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС).

⁹⁸ Другоеписание — Гаррисон. См.: [Крафт Н.О.] Краткое описание железных дорог и каналов в Соединенных Штатах Северной Америки в 1839 и 1840 годах. Составлено полковником Крафтом. (Рукопись). С. 256. // Редкий фонд Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС).

жить письменно главные условия, на которых он согласился бы снабжать Россию локомотивами, в случае, когда бы состоялось предположение железной дороги между двух столиц»⁹⁹. Письмо Норриса от 27 мая 1840 года хранится в Архиве внешней политики Российской империи¹⁰⁰, а его полный перевод был включен Мельниковым в свой отчет.

«Я предлагаю, — писал филладельфийский предприниматель, — построить все машины для движения по железной дороге в России, примерно 200 локомотив с тендерами, <...> снабдить Вашу дорогу всеми машинами нужными для починки и для делания новых локомотив... Я берусь также делать все нужные исправления <...> обязуюсь также употреблять в течение 5 лет 100 русских к деланию всех частей локомотив, так чтобы они могли образоваться совершенными машинистами... берусь также поставить для управления локомотивами 50 самых опытных машинистов». В доказательство своей способности исполнить обещанное Норрис пообещал доставить русскому правительству через посланника Бодиско модель своего паровоза: «Модель этот (так в тексте — *И. К.*) есть совершенная локомотива, уменьшенная с математическою точностью, за исключением одних трубок и котлов. Я ласкаюсь надеждою, что этот модель представит образец возможного совершенства в отделке»¹⁰¹.

⁹⁹ [Мельников П. П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-Американских Штатов. Корпуса инженеров путей сообщения Подполковника Мельникова. 1841 года. Ч. IV. Отд. V. Численные данные относительно железных дорог и применение их к дороге между Петербургом и Москвою. С. 27. (Рукопись) // Редкий фонд Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС).

¹⁰⁰ Уильям Норрис — полковникам Мельникову и Крафту, 27 мая 1840 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1840. Д. 180. Л. 209—210 об.

¹⁰¹ [Мельников П. П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-Американских Штатов. Корпуса инженеров путей сообщения Подполковника Мельникова. 1841 года. Ч. IV. Отд. V. Численные данные относительно железных дорог и применение их к дороге между Петербургом и Москвою. С. 257—263. (Рукопись) // Редкий фонд Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС).

В том же 1840 году Норрис передал через нового американского посланника в Санкт-Петербурге Ч. Камбреленга в подарок русскому императору «модель железной дороги и локомотива своего изобретения, и они были приняты. Его Величество был рад наградить м-ра Норриса бриллиантовым кольцом»¹⁰².

В пользу выбора фирмы Норриса активно лоббировал только что вернувшийся из России бывший американский посланник, земляк Норриса Дж. М. Даллас, который в октябре 1840 года водил на его фабрику оказавшегося проездом в Филадельфии русского посланника Бодиско¹⁰³.

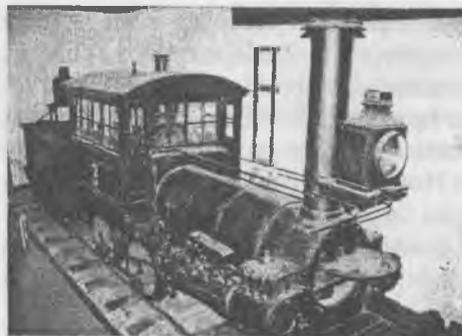
Русские инженеры, однако, не удовлетволялись письменным заявлением известного заводчика, а провели сравнительный анализ эффективности локомотивов различных американских систем. Крафт писал в своем отчете, что «заведение Болдвина есть самое обширное в Соединенных Штатах. <...> Заведение Норриса хоть менее обширно, но не уступает Болдвину с совершенстве постройки паровозов... Иствик и Харрисон недавно еще завели в Филадельфии машинное производство, но уже построили много паровозов, которые прочностью, силою, избытком парообразования и простотою конструкции не уступают лучшим паровозам Норриса и Болдвина»¹⁰⁴. В результате исследований Мельников также пришел к выводу о том, что «лучшее единение условий для возки больших грузов, из числа всех машин, какие (он) видел в Соединенных Штатах» представляет паровоз Gowan and Marx, производства Истуика и Гаррисона¹⁰⁵. Более того, Мельников

¹⁰² А. Гибсон — Д. Уэбстеру, № 43. 30 декабря 1841 г. 1 января 1842 г. // NARS. RG. 59. Records of the Department of State. M. 81. Despatches from U.S. Consuls in St. Petersburg, Russia, 1803—1906. R. 4. June 19, 1839 — Sept. 20, 1847.

¹⁰³ Бодиско — Нессельроде, № 34, 1 октября 1840 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1840. Д. 180. Л. 206—206 об.

¹⁰⁴ [Крафт Н. О.] Водные и сухопутные пути Пенсильвании. 1839 и 1840 г. Составлено полковником Крафтом. (Рукопись). С. 239—241. // Редкий фонд Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС).

¹⁰⁵ [Мельников П. П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-Американских Штатов. Корпуса инженеров путей сообщения Подполковника Мельникова. 1841 года. Ч. IV. Отд. V. Численные данные относительно железных дорог и применение их к дороге

Паровоз фирмы
Истивика и Гаррисона

настаивал, что «ежели бы машины были делаемы в России, в заведении, учрежденном при самой железной дороге, то не было бы необходимости в дубликатах, и сверх того ценность их не увеличивалась бы расходом за доставку их из Америки. К тому же, так как рабочие и материал стоят здесь гораздо дешевле, нежели в Соединенных Штатах, то пола[га]ть должно, что устраиваемые дома машины системы г. Нориса, могли бы обходиться значительно дешевле нежели сколько требует за них г. Норис»¹⁰⁶. Что же касается Истувика и Гаррисона, то эти господа «выражали готовность поселиться в России, для учреждения фабрики локомотив, ежели б им были предложены достаточно выгодные условия, предложение это можно бы иметь в виду в случае нужды, ибо тот и другой, суть молодые люди весьма предприимчивые и отлично знающие свое дело; сверх того, не связанные еще большим заведением они могут переместиться с меньшим пожертвованием и потому на выгоднейших для Правительства кондициях, нежели заводчики в большом виде как Норис или Болдуин»¹⁰⁷.

Тем не менее присланная Норрисом модель стала весомым доводом в пользу американских паровозов. Уже в 1841 году ведомственный «Журнал путей сообщения» опубликовал заметку об английских и американских локомотивах, в которой сообщалось, что «вопрос об американских локомотивах исследован особою Комиссиею», которая основывала свои суждения, «имея в виду модель, представленную американским фабрикантом Вильямом Норрисом, данности, сообщенные Комиссии Инженерами, путеше-

между Петербургом и Москвою. С. 34—36. (Рукопись) // Редкий фонд Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС).

¹⁰⁶ Там же. С. 113—114.

¹⁰⁷ Там же. С. 116.

ствовавшими по Америке, г. Полковником Крафтом и Подполковником Мельниковым, и наконец данности, заключающиеся в разных сочинениях о сем предмете». Выводы комиссии были вполне определены: «По устройству и действию своему локомотивы Г. Нориса, равно как и другие американские локомотивы, представляют больший предел скатов и искривлений... чрез что могут быть сделаны весьма значительные сбережения при учреждении железной дороги», они прочнее, производят больше действия, расходы на них меньше. Таким образом, «введение американских локомотив может иметь выгодное влияние на уменьшение расходов при устройстве железных дорог»¹⁰⁸.

Вернувшись в Россию, инженеры предложили использовать опыт американских специалистов для постройки железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой.

В том же «Журнале путей сообщения» за 1842 год был опубликован подробный отчет с приложением чертежей, составленный П.П. Мельниковым, об устройстве американских железных дорог¹⁰⁹. Важно отметить, что русский инженер уделил особое внимание не только техническим деталям, но и организационному опыту строительства. «Инженеры американских дорог, могут быть до некоторой степени оправданы в принятии невыгодно больших скатов обстоятельствами совершенно обратными тем, в которых находились учредители Английских дорог, а именно: обстоятельствами больших вообще расстояний между соединяемыми пунктами, малою населенностью государства и недостатком капиталов, — писал Мельников. — <...> Инженеры Соед. Штатов весьма часто находились в этом случае, и ежели б не принимая этого важного обстоятельства в рассуждение, они упорствовали в сохранению к проектированным ими дорогам всех

¹⁰⁸ Записка об английских и американских локомотивах фабрики г. Нориса в Филадельфии относительно производимого ими действия, удобства употребления и издержек // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 1, кн. 4. С. 288—319.

¹⁰⁹ [Мельников П.П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-американских Штатов (Из отчета путешествия Полковника Мельникова по Америке) // Журнал путей сообщения. 1842. Т. 2, кн. 1. С. 15—85; кн. 2. С. 95—197; кн. 3. С. 209—265; кн. 4. С. 285—374. Т. 3, кн. 1. С. 1—70; кн. 2. С. 85—156.

условий совершенства, коими отличаются подобные работы в Англии, то нет никакого сомнения, что по сие время Американцы не имели бы и половинного количества железных дорог, коими они теперь пользуются»¹¹⁰.

Именно американский опыт Мельников и Крафт посчитали наиболее подходящим для использования в Российской империи.

Соединенные Штаты Америки имеют столько сходства с Европейскою Россиею по большому пространству, малому сравнительно населению, обилию судоходных рек, отсутствию, или, по крайней мере, большому недостатку искусственных сообщений и, наконец, по климату, — писал позже П.П. Мельников, — что верные данные относительно железных дорог в Америке могли служить положительным основанием для разъяснения всех тех отношений, которые останавливали государя в его благом желании положить начало железным дорогам в России. <...> Железные дороги необходимы для России, — настаивал Мельников, — можно сказать, выдуманы для нее и для Америки более, нежели для какой-либо страны Европы, <...> климат России и ее пространства, которыми постоянно вооружались для отвержения железных дорог, соделывают их особенно драгоценными для нашего отечества, как средство сократить расстояния и иметь непрерывное сообщение во все времена года и зимою, когда водяные пути покрыты льдом, и весною, и осенью, когда грунтовые дороги непроходимы^{111–112}.

Исследовавшая историю правительственной политики в области строительства железных дорог в России Н.С. Киняпина пришла к выводу, что именно отчеты П.П. Мельникова и Н.О. Крафта «заставили царское правительство перейти от общих рассуждений о назначении железных дорог к решению кон-

¹¹⁰ [Мельников П.П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-американских Штатов (Из отчета путешествия Полковника Мельникова по Америке) // Журнал путей сообщения. 1842. Т. 2, кн. 1. С. 37, 46—47.

^{111–112} [Мельников П.П.] Начало железнодорожного строительства в России. Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1940. Т. 99. С. 164—165.

кретных вопросов о характере, направлении и сроках железнодорожного строительства»¹¹³.

Однако на первых порах после возвращения из Америки, имея в оппонентах не только собственного министра гр. Толя, но и могущественного министра финансов гр. Канкрин, молодым инженерам трудно было рассчитывать на то, что их аргументы будут приняты во внимание.

Сначала каждый из офицеров написал по подробному многотомному отчету об увиденном в Америке, в которых изложили и свои рекомендации по применению американского опыта в строительстве железных дорог в России. «Отчет этот, разумеется, — писал спустя годы П.П. Мельников, — никто не читал, и он до сих пор покоится в девственном состоянии на полках библиотеки Института путей сообщений»¹¹⁴. Прямого доступа к Николаю I или к высшим сановникам империи у полковника Мельникова не было. Но энергии ему было не занимать.

Мельников решил действовать через влиятельных людей. Цепочка знакомств, которая должна была привести к императору, начиналась с секретаря русского посольства в Вашингтоне Кремера, находившегося тогда в Санкт-Петербурге, с которым Мельников успел завязать приятельские отношения и которого характеризовал как «большого поклонника железных дорог». Кремер, в свою очередь, был близко знаком со шталмейстером двора великой княжны Ольги Николаевны графом А.А. Бобринским, участвовавшим в строительстве Царскосельской железной дороги и имевшим доступ к государю¹¹⁵. Позднее Мельников так характеризовал своего нового знакомого:

¹¹³ Киняпина Н.С. Железнодорожный вопрос в политике самодержавия 20—50-х гг. XIX в. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1964. Вып. 72. Т. 2. С. 790.

¹¹⁴ Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. СПб., 2003. С. 278—279.

¹¹⁵ [Мельников П.П.] Начало железнодорожного строительства в России. Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1940. Т. 99. С. 166—167.

Это человек редкого благородства, теплый патриот, любитель прогресса в отношении материального развития и потому большой энтузиаст американцев, но, к сожалению, по натуре своей и по недостатку положительной науки легко увлекающийся. В частых посещениях гр. Бобринского я высказывал ему подробно о том, чего был свидетелем в Америке и что могло бы иметь непосредственное применение к России. Слова мои попадали на хорошую почву, и вскоре при содействии умного и красноречивого Кремера достиг того, что гр. Бобринский взял на себя говорить решительно государю об устройстве железной дороги между двух столиц ¹¹⁶.

Еще одним энтузиастом строительства железной дороги был московский помещик и предприниматель А.В. Абаза, еще в 1838 году опубликовавший проект создания акционерного общества для постройки петербурго-московской железной дороги.

В бумагах влиятельного политического деятеля и железнодорожного подрядчика Даффа Грина в рукописном отделе Библиотеки Конгресса хранится набросок карты с изображением будущего маршрута петербурго-московской железной дороги с расчетами стоимости строительства и перечнем задач, которые необходимо решить. Любопытен список трех лиц, которые должны были сыграть решающую роль в осуществлении предприятия, с пометками автора документа: «1) (*власть*) Граф Канкрин, министр финансов; 2) (*доброта*) (*kindness*, возможно, в значении «доброе дело» — И. К.) Граф Бобринский; 3) (*бизнес*) М-р Абаза»¹¹⁷. На обороте записки пометка «М-р Крафт, М-р Мельников, полковники, инженеры». Набросок помечен 1842 годом. Весьма вероятно, что с американским подрядчиком обсуждался вариант строительства железной дороги на средства акционерного общества в тот момент, когда правительственное решение еще не было принято.

Поскольку сама необходимость железных дорог в России вызывала сомнения у таких влиятельных сановников империи, как министр финансов Канкрин и главноуправляющий путями сообщения граф К.Ф. Толь, Николай I учредил комитет для пред-

¹¹⁶ Там же. С. 167.

¹¹⁷ The Papers of Duff Green. R. 2 // Library of Congress Manuscript Division.

варительного составления и рассмотрения проекта во главе с начальником III отделения графом А.Х. Бенкендорфом. Весной 1841 года Бенкендорф начал свою работу с приглашения на беседу «инженер-полковников Крафта и Мельникова, бывших в Америке»¹¹⁸. В итоговом донесении комитета (комиссии), подготовленном через шесть месяцев, важное место заняли ссылки на опыт США. Отвечая на возражения К. Толя о достаточности системы каналов для транспортных нужд Санкт-Петербурга ¹¹⁹, комиссия, подробно на примере «Эрийского канала» проанализировав американский опыт, указывала: «В Северной Америке развитие железных дорог произошло и продолжается, несмотря на значительность числа протяжения и движения каналов сей страны. <...> Сооружения железных дорог, по направлению или взамен каналов... допускаются для того, чтобы избежать неудобств, сопряженных с остановкою судоходства от замерзания. Не показывает ли это, что в климатах суровых дороги железные представляют сообщение более постоянное, определительное, быстрое и следовательно, удобное, чем каналы и шоссе. Истина эта особенно применена быть может в России»¹²⁰.

30 января следующего 1842 года комиссия приняла решение пригласить в Россию опытного инженера-иностранца как консультанта строительства. Мельников и Крафт рекомендовали на эту роль своего американского знакомого Дж. В. Уистлера ¹²¹. Сам Мельников, при всех своих действительных заслугах, не чуждый тщеславия, объяснял необходимость приглашения американского инженера главным образом взаимным непониманием, сложившимся у него с товарищем по американскому путешествию и по строительству дороги Н.О. Крафтом:

Когда государь повелел управление работами разделить между Крафтом и мною, то я решился предложить, чтобы по примеру других дорог в Европе и Америке был приглашен

¹¹⁸ А. Бенкендорф — К. Толю, 8 марта 1841 г. // Красный архив. 1936. Т. 3 (76). С. 11.

¹¹⁹ См. К. Толь — Николаю I // Красный архив. 1936. Т. 3 (76). С. 11.

¹²⁰ Донесение Николаю I комиссии по устройству железной дороги между Петербургом и Москвой, 15 сентября 1841 г. // Красный архив. 1936. Т. 3 (76). С. 141—142.

¹²¹ Haywood R.M. Russia Enters the Railway Age, 1842—1855. P. 29.

совещательный инженер, такой инженер, как соединительное звено между нами мог бы, казалось мне, обеспечить интересы большого дела, предупреждая многие промахи, какие могли бы быть следствием взаимных недоразумений. <...> Опыт вполне оправдал меня, тем более что по указанию моему был приглашен совещателем американский инженер Уистлер, с которым я познакомился в Бостоне и который к практическому знанию дела присоединял строгие правила честности и прекрасные свойства характера, в особенности же американское спокойствие и уживчивость, так что он сделался приятелем и со мною и с Крафтом и умел внушать к себе уважение графа Клейнмихеля¹²².

Майор Джордж Вашингтон Уистлер был приглашен в Россию в 1842 г. в качестве инженера-консультанта железнодорожного департамента русского правительства. Как раз в это время в Соединенные Штаты был направлен преподаватель Института инженеров путей сообщения И.Ф. Буттац для закупки паровых экскаваторов для начинавшегося строительства (еще одна техническая новинка, поразившая Мельникова во время его поездки¹²³). Буттацу

¹²² Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. СПб., 2003. С. 380—381.

¹²³ В опубликованной части отчета о своем путешествии в Америку П.П. Мельников писал: «Известно, что давно уже занимаются придуманием механического орудия, которое могло бы заменить невыгодную во многих отношениях ручную работу при производстве выемок; но известно также, что все приборы, доселе испытанные, оказались далеко не оправдывающими ожиданий изобретателей. Для Американцев подобное изобретение было бы особенно полезно, по причине высокой вообще цены за поденного рабочего, и потому многие занимались этим предметом и в Соединенных Штатах. В последнее время некто г. Отис (Штата Массачусетс), изобрел прибор, названный им Excavator, которым вопрос решается самым удовлетворительным образом, и в особенности при делании глубоких траншей для каналов или железных дорог». [Мельников П.П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-американских Штатов (Из отчета путешествия Полковника Мельникова по Америке) // Журнал путей сообщения. 1842. Т. 3, кн. 1. С. 3—4.

было поручено передать Уистлеру личное письмо Мельникова. Для того чтобы убедить Уистлера принять предложение, русское правительство привлекло также авторитет российского посланника в Вашингтоне А. Бодиско и американского посланника в Санкт-Петербурге Ч.С. Тодда¹²⁴. В ответ на письмо Мельникова Уистлер писал: «Я вполне ценю честь, мне сделанную призывом содействовать в важном деле, которое у Вас предпринимается, и призыв сей я уже принял. Конечно, я обязан сим свидетельству Вашему и полковника Крафта, и если я буду иметь счастье быть полезным, то, гордясь честью участвовать в таком важном деле, я сочту чувствительным для себя удовлетворением, что оправдаю Ваше обо мне мнение и сделанный вследствие этого выбор»¹²⁵. Приехавший в Россию Дж.В. Уистлер стал не просто связующим звеном между Крафтом и Мельниковым, но и фактически главным авторитетом в инженерно-технических вопросах строительства магистрала.

Император Николай в разговоре с американским посланником в Лондоне Эдвардом Эвереттом во время своего визита в Великобританию в 1844 году высоко отзывался о деятельности Дж.В. Уистлера и выражал надежду, «что ему удастся убедить того остаться в России, где он делает так много полезного, подготавливая класс умелых инженеров»¹²⁶.

Работа Уистлера заслужила самую высокую оценку русского правительства, его ждали дополнительные правительственные заказы, так что его сын шуточно писал весной 1849 года своей матери: «Итак, отец получил еще одно назначение — теперь в Кронштадт! Интересно, что они будут без него делать, когда мы вернемся домой в Америку?»¹²⁷. Однако той же весной Уистлер

¹²⁴ Haywood R.M. Russia Enters the Railway Age, 1842—1855. P. 29—30.

¹²⁵ Цит. по: Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. СПб., 2003. С. 37.

¹²⁶ Everett E. Orations and Speeches on Various Occasions. Boston, 1868. Vol. 2. P. 371.

¹²⁷ Джеймс Макнил Уистлер — Анне Магильде Уистлер, 17 марта 1849 г. // Whistler on Art: Selected Letters and Writings of James McNeill Whistler / Edited and introduced by Nigel Thorp. Washington, DC, 1994. P. 5. Сын инженера Уистлера, проводивший детство в России, стал знаменитым художником, одним из первых классиков американской живописи.

умер от последствий перенесенной чуть раньше холеры, не дожив нескольких месяцев до торжественного пуска магистрали. На его место был приглашен другой американский инженер, майор Томпсон Браун из Ньюпорта, работавший ранее на железной дороге Нью-Йорк — Эри¹²⁸. Браун пробыл в России до 1854 года.

Для сооружения локомотивов и подвижного состава были приглашены инженеры из Филадельфии Эндрю Иствик и Джозеф Гаррисон, предлагавшие свои услуги русскому правительству еще во время поездки Мельникова и Крафта. Об этом предложении Мельников сообщил императору Николаю во время своей первой аудиенции в январе 1842 года¹²⁹. По рекомендации Уистлера предложение было сделано также Россу Уайнансу (Winans — в русской традиции встречается написание Винанс, но в мемуарах П.П. Мельникова используется именно эта форма) из Балтимора, однако тот отказался ехать сам, отправив в Россию двух своих сыновей, Томаса Декэя и Уильяма Луиса Уайнансов. Именно эти американцы сыграли ключевую роль в строительстве и оснащении подвижным составом петербурго-московской железнодорожной магистрали.

В декабре 1843 года Иствик, Уайнансы и Гаррисон заключили контракт с русским правительством на срок в пять лет на постройку 200 локомотивов и 7000 вагонов¹³⁰. Условием контракта было то, что вся работа должна была быть выполнена в Санкт-Петербурге, русскими рабочими, или теми, кого можно

¹²⁸ См.: Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. СПб., 2003. С. 37; Choules J.O. The Cruise of the Steam Yacht North Star; a Narrative of the Excursion of Mr. Vanderbilt's Party to England, Russia, Denmark, France, Spain, Italy, Malta, Turkey, Madeira, etc. Boston, New York, 1854. P. 141; Everett E. Orations and Speeches on Various Occasions. Boston, 1868. Vol. 2. P. 371.

¹²⁹ Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. СПб., 2003. С. 359—360.

¹³⁰ Levin A.L. Inventive, Imaginative, and Incurable: The Winans Family and the Building of the First Russian Railroad // Maryland Historical Magazine. Vol. 84. 1989. Spring. P. 51.

будет найти на месте. Работы начались на Александровском заводе в пригороде российской столицы¹³¹.

Дж. Гаррисон позже с гордостью описывал свои заслуги: «С рабочими, совершенно незнакомыми с работой, которую было надо выполнить, не зная языка или особенностей ведения дела в другой стране, господа Гаррисон, Уайнанс и Иствик, новая фирма, созданная в Санкт-Петербурге, решила трудную, и почти для всех, кроме них невозможную задачу, выполнив условия контракта»¹³².

Контракт был выполнен и оплачен на год раньше, чем предусматривалось. В то же время с компанией были заключены и другие контракты — на постройку литого железного моста через Неву в Санкт-Петербурге (самый большой такой мост в мире) и контракт на 12 лет по поддержанию подвижного состава петербурго-московской железной дороги (1850—1862 годы)¹³³.

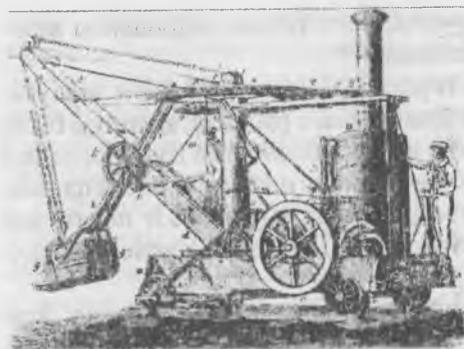
Опора на американский опыт в деле, которое недоброжелатели называли «любимой игрушкой» царя, обязывала инженеров к особой тщательности, и американцы сумели выдержать жесткие требования к качеству постройки.

Помимо участия американских инженеров в экспертизе, организации железной дороги и производстве подвижного состава, в ходе строительства использовалась техника американского производства. И.Ф. Буттац, уговоривший приехать в Россию Уистлера, выполнил и второе поручение: на стройке работали первые в России паровые экскаваторы американского производства.

¹³¹ В 1894 году Александровский завод был разделен на Александровский механический завод (ныне ОАО «Пролетарский») и главные вагонные мастерские (ныне ОАО «Октябрьский электровагоноремонтный завод»).

¹³² Harrison, jr. J. The Iron Worker and King Solomon. With memoir and an appendix. 2nd ed. Philadelphia, 1869. P. 32—33.

¹³³ Этим «нелепым» контрактом П.П. Мельников был недоволен, считая, что в результате «Николаевская дорога работала в пользу этих американцев в течение 12 лет». Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. С. 360, сноски.

Первой экскаватор Отиса

К маю 1847 года была пущена первая часть магистрали — от Петербурга до Колпино, в 1849 году линия уже доходила до Твери, а 13 ноября 1851 года Николай I присутствовал на торжественном пуске железной дороги ¹³⁴.

В 1847 году Николай посетил Александровский завод и подарил каждому американцу по кольцу с

бриллиантами, а после завершения моста в 1850 году наградил Гаррисона лентой ордена Св. Анны с золотой медалью «За усердие».

Бывший посланник Ч.С. Тодд по возвращении в Соединенные Штаты с гордостью отметил:

...счастливые перемены, выразившиеся в желании получить из Америки усовершенствования, которые отличают наш гений и энергию, радующим доказательством чего был выбор знаменитого американского инженера майора Уистлера для строительства железной дороги в Москву, длиной четырьеста сорок миль, и контракт с господами Гаррисоном, Иствиком и Уайнансами на постройку локомотивов и вагонов — гордый памятник американскому гению, умениям и честности. В самом деле, здесь заинтересованы в получении всех ценных изобретений нашей страны за исключением нашего величайшего изобретения — представительной демократии ¹³⁵.

Интересно, что и после открытия движения по Петербурго-Московской железной дороге американский опыт применения железных дорог оставался важным примером для планирования российских путей сообщения. Один из двух инженеров-путешественников Н.О. Крафт стал в 1852 г. первым начальником

новой магистрали ¹³⁶. Мельников же в 1856 году опубликовал статью «О железных дорогах», содержащую план развития сети железных дорог в России.

Охарактеризовав в нескольких словах быстрое развитие американской экономики благодаря строительству железных дорог, в результате чего, в частности, «Америка сделалась уже опасной соперницею России в снабжении Европы произведениями хлебопашества», Мельников сообщал читателям, что «те же причины, и еще в большей степени, существуют в применении железных дорог к России». Русское «состояние бездействия и недостатков среди естественных богатств происходит единственно от несовершенства внутренних сообщений. Пусть Россия приобретет систему железных дорог, хорошо приспособленных к настоящим ее потребностям и нет ни малейшего сомнения, что в самое короткое время она перейдет к такой же деятельности, довольству, богатству и силе, которые составляют предмет всеобщего изумления в Соединенных Штатах Америки». Причем российские условия еще более благоприятны для развития железнодорожного сообщения. Во-первых, Америка разделена Аллеганскими горами, а «по политическому своему состоянию каждый из Соединенных Штатов действует как отдельное государство в устройстве своих железных дорог и каналов». В России же, напротив, «географическое положение страны вообще плоской» делает удобным прокладку железных дорог. Во-вторых, климат России более суров и обычные пути сообщения на протяжении многих месяцев непригодны для перевозки грузов, а следовательно, железные дороги сыграют еще более важную роль в экономике страны. Наконец, в-третьих, «преимущество железных дорог еще сильнее выражается в пользу России сравнительно с Соединенными Штатами, ежели принять в соображение политический быт обоих государств».

В Соединенных Штатах менее централизации правления, нежели где-нибудь, а потому железные дороги не могли иметь большого значения в административном отношении, действие их ограничивалось развитием торгового и промышленного движения, достигшего, как мы видели, колоссальных размеров. В России, напротив того, назначение железных дорог гораздо обширнее: про-

¹³⁴ Tarsaidze A. American Pioneers in Russian Railroad Building // Russian Review. Vol. 9. № 4. 1950 (October). P. 292.

¹³⁵ Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. Philadelphia, 1873. P. 97.

¹³⁶ В 1855 году Крафт был переведен начальником округа путей сообщения в Варшаву.

изводя то же благотворное влияние на развитие внутренних сил, как и в Соединенных Штатах, железные дороги в России должны быть рассматриваемы вместе с тем как весьма могущественные правительственные орудия по причине именно большой централизации правления русского и от необходимости содержать многочисленные армии для охранения границ России. Легко понять, до какой степени должна быть полезна, в отношении административном, система быстрых и дешевых сообщений для распоряжений правительства и наблюдения за их исполнением, когда эти распоряжения проистекают из одного центра и должны с быстротою распространяться во все концы обширнейшего государства в мире, обнимая весь быт его от самых общих государственных мер до подробностей внутренней жизни каждого из членов огромного семейства 68 миллионов.

Не менее очевидны и те огромные выгоды, какие Россия приобрела бы в военном отношении от хорошей системы железных дорог»¹³⁷.

Автор монографии о строительстве российских железных дорог В.С. Виргинский настаивал на том, что американская поездка Мельникова и Крафта не повлияла решающим образом на их представления о железнодорожном деле и на их участие в строительстве первой русской магистрали¹³⁸. Эта позиция историка противоречит собственным утверждениям П.П. Мельникова и может быть объяснена начавшимся в конце 1940-х гг., когда была опубликована монография, поворотом государственной политики к изоляции СССР от Запада, опоре исключительно на собственные силы и «холодной войной». Как показывает наше исследование, строительство Петербурго-Московской железнодорожной магистрали стало одним из первых больших проектов, в котором русское правительство опиралось на американскую технику и американских инженеров. Подытоживая, надо отметить, что в этом строительстве использовались технические приемы и инженерные решения американских железнодорожников,

¹³⁷ Мельников П.П. О железных дорогах. 1856 // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. СПб., 2003. С. 198—201.

¹³⁸ Виргинский В.С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949. С. 207—208.

как привезенные русскими инженерами из их поездки по США, так и воплощенные американским техническим руководителем («совещательным инженером») Дж.В. Уистлером; использовалась техника, привезенная из США (паровые экскаваторы), и подвижной состав, произведенный в России на Александровском заводе по американским проектам и под руководством американских инженеров Уайнансов, Гаррисона и Иствика; наконец, под их же руководством были подготовлены и первые русские машинисты для работы на линии железной дороги.

Железнодорожный проект выгодно отличался от заказа военного парохода в Соединенных Штатах, поскольку включал создание в России не только самой железной дороги, но и завода по изготовлению подвижного состава, подготовку обслуживающего персонала, создавая таким образом задел для будущего развития железных дорог в империи.

Американский опыт и введение речного пароходства в России

Пароходы вскоре изменили не только океанское мореплавание, но и транспортную систему на русских реках.

Инженеры корпуса путей сообщения П.П. Мельников и Н.О. Крафт, которые путешествовали по Соединенным Штатам в 1839—1840 гг. с целью изучения пароходов, железных дорог и мостов, привезли с собой объемистые отчеты, в которых объясняли преимущества американских речных пароходов перед английскими:

Строение пароходов в Америке, — писал Н.О. Крафт, — всегда было подчинено совершенно другим условиям, чем в Англии и в прочих государствах Европы, в сем деле слепо следовавших за Англией, где судоходных рек на больших расстояниях не существует и где пароходы могут плавать только в заливах рек и на открытом море, а потому пароходы в Англии устроены с такою же прочностью, как морские суда. Они снабжены мачтами и имеют большую осадку в воде. В Америке, напротив того, пароходы, с самого введения их были построены и теперь строятся большею частью для тихой и мелкой воды обширных рек сию страну орошающих. Эти

условия побудили американских строителей строить речные пароходы таким образом, чтобы оные при наименьшей осадке судов в воде могли иметь весьма сильные машины для быстрого движения пароходов и сверх того доставлять сколь возможно более помещения для пассажиров¹³⁹.

Более энергичный из двух товарищей по путешествию П. П. Мельников вскоре после возвращения нашел способ напечатать большую часть своего отчета в «Журнале путей сообщения».

В настоящее время, — читали коллеги-инженеры в ведомственном журнале, — американцы имеют уже больше речных пароходов, нежели все державы Европы. Таким образом менее чем в 25 лет со времени первого изобретения уже все главные судоходные линии покрыты пароходами, и в этой новой, едва населенной стране, перевозка тяжестей и разъезды путешественников совершаются уже с тою же точностью и дешевизной, нежели в какой либо из населенных стран Европы¹⁴⁰.

Подробно описав техническую сторону устройства американских речных пароходов (русского инженера особенно поразило, что американцы, «рассчитывая на существование всего сооружения не более 5 лет, вовсе не заботятся о прочности его»¹⁴¹), Мельников рассмотрел и экономические аспекты пароходного бизнеса. Все мысли инженера, однако, были о применимости американского опыта к России.

¹³⁹ [Крафт Н. О.] Описание путей сообщений Соединенных Штатов Северной Америки в 1839 и 1840 годах. Составлено полковником Крафтом. (Рукопись). С. 144—145 // Редкий фонд Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения (ПГУПС).

¹⁴⁰ Мельников П. П. Начертание общей системы водяных сообщений Соединенных Штатов (извлечено из отчета путешествия Подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 1. С. 51—52.

¹⁴¹ Мельников П. П. О пароходах на Миссисипи и ее притоках (извлечено из отчета путешествия Подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 2. С. 152.

«Ежели на лучших пароходах Америки, — восклицал Мельников в своей технической (!) статье, — где дрова, работа и управление судном обходятся так дорого, находят выгодным возить пассажиров низшего класса по копейке с версты, то как дешево могли бы мы возить рабочий народ, если б подобная система пароходства могла учредиться на Волге и ее притоках. Считая даже 1 коп. с версты, это составило бы только 1 рубль за сто верст, а крестьянин, путешествующий пешком, проест более этого в 3 дня, требующиеся для перехода 100 верст, не говоря уже о теряемом им времени»¹⁴². И, в завершение статьи, снова о главном: «История введения пароходов на Миссисипи служит чрезвычайно убедительным примером того благодетельного влияния, какое имеет усовершенствование способов сообщения на благосостояние страны, даже при несовершенной администрации»¹⁴³; «При виде этой картины деятельности и движения, почти трудно представить себе, чтобы все это было произведено менее, чем полустолетия, что каких-нибудь 40 лет тому назад на этом месте, оживляемом столь деятельным движением, царствовала глубокая тишина пустыни. Убедительный пример того, что могут сделать усовершенствования внутренних сообщений, в стране обширной и богатой произведениями природы»¹⁴⁴.

Одним из распространенных опасений введения паровых двигателей были сообщения о взрывах котлов на пароходах. Мельников утверждал, что дело не в инженерных решениях, а исключительно в «человеческом факторе»:

Машинисты на Западе по большей части люди, которые к незнанию своего дела присоединяют еще совершенное нерадение к их обязанностям, безрассудную смелость и весьма часто недостаток трезвости. Сии то недостатки машинистов и капитанов западных пароходов, оказывались всегда главными и почти единственными причинами всех несчастных случаев на пароходах. Система же машин, уют-

¹⁴² Там же. С. 246.

¹⁴³ Там же. С. 267—268.

¹⁴⁴ Там же. С. 279.

ребляемых на Западе, то есть машин усиленного давления, представляет не более опасности, как и машины низкого давления, ежели они находятся в руках людей, несколько знакомых с законами действия силы, которою они управляют¹⁴⁵.

Вскоре после возвращения из США П.П. Мельников был направлен руководством Министерства путей сообщения на Волгу для оценки возможности развития там паровой навигации.

Мельников, по его собственным словам, «попал на Волгу совершенно еще свежими впечатлениями того, чему год назад любовался на роскошных реках Соединенных Штатов Америки» и был поражен отсталостью волжской системы доставки грузов с помощью бурлаков и «коневодак» (баржа-тягач, приводившаяся в движение воротом, к которому цеплялся якорь, завозимый вперед судна на лодке. Скорость движения коневодки против течения составляла 10—15 верст в сутки)¹⁴⁶. Мельников воодушевился идеей улучшения волжского судоходства:

Наступила минута к коренному изменению этого порядка вещей, и... результаты преобразования могут быть тем поразительнее, что к громадному движению на Волге, сложившемуся временем и силою обстоятельств, можно приложить непосредственно, вместо прежних первобытных способов движения, самые усовершенствованные средства: именно, речные суда и пароходы Америки, в Европе не употреблявшиеся, да и мало известные. Это последнее обстоятельство объясняется тем, что, с одной стороны, американцы со времени Фультона самым настойчивым образом преследовали улучшение речных судов и пароходов, с целью воспользоваться естественными путями, которыми природа наделила их в обширной системе рек и озер, а с

¹⁴⁵ Мельников П.П. Пароходы, употребляемые в части Миссисипи, ниже Н. Орлеана, для взвода и спуска кораблей (извлечено из отчета путешествия Подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 4. С. 349.

¹⁴⁶ [Мельников П.П.] К истории развития пароводства на Волге (записка П.П. Мельникова «Поездка на Волгу») / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1938. Т. 89—90. С. 315.

другой стороны, что в Европе весьма немногие реки способны к судоходству в большом размере... Россия, напротив того, может целиком применить к своим рекам, а преимущественно к Волге, прекрасные речные пароходы, которые принесли столь благородные плоды в Америке¹⁴⁷.

Проведя подсчеты эффективности введения на Волге пароводного сообщения по американскому образцу, Мельников собрал в Рыбинске купцов и развернул перед ними блестящие перспективы. Позже он вспоминал:

Я <...> ожидал от этих господ полного сочувствия и даже содействия этому отечественному делу, а вместо того, к крайнему моему удивлению и разочарованию, моя восторженная речь была встречена весьма недружелюбно: купцы находили, что проект мой есть мечта несбыточная, что буксирные пароходы на Волге невозможны, по причине большой быстроты течения, что *вода на Волге слишком тяжела*, что это все дознано опытом¹⁴⁸.

Тогда полковник обратился с докладом в собственное министерство. Как это часто бывало в России, общество оказалось менее готово к инновациям, чем правительство. В составленном Мельниковым проекте пароводства по Волге он указал на образцы американских пароходов и баржей, которые «могли бы иметь непосредственное применение к нижней и средней частям Волги, то есть от Астрахани до Казани и от Казани до Рыбинска, причем были доставлены модели судов и подробные размеры всех составных частей; определено было количество судов и пароходов каждого рода»¹⁴⁹. Для своего рода рекламы Мельников предлагал пустить по Волге три казенных парохода, перевозящих пассажиров, грузы, а заодно и полицейскую команду для охраны водного пути (взамен существовавшего тогда гардкотного экипажа для охраны берегов). Важной частью рекомендаций была ликвидация «привилегий» (исключительных прав) на развитие парового судоходства. Специально образо-

¹⁴⁷ Там же. С. 320.

¹⁴⁸ Там же. С. 320—321.

¹⁴⁹ Там же. С. 322.

ванный Комитет под руководством генерала Дестрема около 10 месяцев рассматривал рекомендации Мельникова (самого инженера на заседания не приглашали) и пришел к ряду решений, среди которых было, в частности, следующее: «Вместо устройства, по предложению полковника Мельникова, на Волге от казны трех пробных пароходов, допустить устройство одного такого парохода для примера и общественного построения, в таком только случае ежели пароходы, которые будут приняты частными учреждениями, окажутся неудобными и не принесут ожидаемой от них пользы. ...Комитет находит, что лучшими речными пароходами, по сведениям, собранным полковником Мельниковым в последнем путешествии за границу, должны быть признаны пароходы, употребляемые в Северной Америке по рекам Гудзону и Миссисипи»¹⁵⁰. Главное — было решено отменить привилегии на пароходы, сдерживавшие развитие этого вида транспорта на русских реках. Именно рекомендации Мельникова легли в основу закона от 2 июля 1843 г., положившего начало введению частной пароходной навигации на реках России¹⁵¹.

Во многом благодаря усилиям Мельникова Соединенные Штаты стали рассматриваться российским руководством как образец развития парового транспорта. В начале 1846 года в последнем интервью покидавшего Россию посланника Ч. Тодда наследник престола великий князь Александр Николаевич расспрашивал его о пароходах на Миссисипи и строительстве железных дорог в долине Миссисипи¹⁵².

Товарищ Мельникова по путешествию в Америку полковник Н.О. Крафт также не остался в стороне от дела введения пароходства в России: в 1842 году он вместе с коллежским советником Оболенским основал «Общество Ладожского пароход-

¹⁵⁰ Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. С. 308.

¹⁵¹ Haywood R.M. The Development of Steamboats on the Volga River and Its Tributaries, 1817—1856 // Research in Economic History: A Research Annual. 1981. Vol. 6. P. 146—148.

¹⁵² См.: Ч.С. Тодд — Дж. Бьюкенену, 22 января/3 февраля 1846 г. // NARS.M.35.Diplomatic Despatches.Russia.Vol. 14.R. 14.

ства» «для плавания по Ладожскому озеру и по р. Свири, на основании переданной сему обществу от Оболенского, выданной ему 17 ноября 1841 г., десятилетней привилегии на пароходство по этим водам и, на общем основании, без исключительного права, на Онежском и Белом озерах»¹⁵³. Привилегии, как мы знаем, оставался недолгий срок жизни, благодаря рекомендациям Мельникова, но отношения двух инженеров и без того оставляли желать лучшего.

П.П. Мельников вложил свои собственные деньги в акционерное общество «Меркурий», ставшее спустя годы одним из лидеров волжского пароходства. Интересно, что машины для первых пароходов «Меркурия» были заказаны в Швеции, а «корпуса их и баржи по американским моделям начали строить в Балахне на Волге»¹⁵⁴. Мельников спустя годы был некоторое время директором этого общества. «В поездках, которые по званию этому должен был совершать по Волге, — вспоминал Мельников, — с истинным наслаждением любовался картиною деятельного по ней движения, совершаемого уже большею частью современными способами, и напоминавшего мне тот порядок вещей, который с удивлением и завистью наблюдал в Америке и который мне так хотелось видеть водворенным в нашем отечестве»¹⁵⁵.

Изобретатели, предприниматели, ученые

Вскоре после начала строительства железной дороги в Соединенных Штатах стало известно, что русский император благоволит американским гражданам, и большое количество американцев направились в империю, чтобы участвовать в различных инженерных проектах, преподавать в Сельскохозяй-

¹⁵³ Небольсин П. Краткий очерк развития торгового пароходства в России // Вестник промышленности. 1858. № 1. Июль. Разд. II. С. 59.

¹⁵⁴ Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. С. 313.

¹⁵⁵ Там же. С. 314—315.

ственной академии и даже лечить зубы Николаю¹⁵⁶. «Найлс Нэшл Реджистер» 22 апреля 1843 г. сообщал со ссылкой на «проживающего в России американца», что русское правительство собирает сведения обо всех новинках в вооружении, механике или искусствах, появившихся в Европе и Америке, и в случае признания полезности новинки «изобретатель или его изобретение, или они вместе немедленно доставляются в Россию»¹⁵⁷.

Стоит отметить, что желание заработать на интересе России к техническим изобретениям проявилось сразу же, как в Америку поехали первые русские инженеры. Сэмюел Кольт впервые собрался в Россию еще в 1839 году. С. Кольта направил к А.А. Бодиско Генри Элсуорт из Патентного офиса, сообщив, что тот «будет счастлив объяснить» русскому посланнику «свои изобретения с целью внедрения их в России»¹⁵⁸. Через полтора месяца сам Кольт писал об итогах своих встреч с главой российской миссии:

Представив Вам улучшения, сделанные мною в ручном огнестрельном оружии, и намереваясь, в соответствии с предложением, посетить Россию с целью познакомиться с этими улучшениями власти в этой империи, я укреплен в своем решении интересом, проявленным Вашим Превосходительством в этом вопросе... В дополнение к оружию, показанному Вам, я также изобрел гильзу (cartridge), сохраняющую порох от воздействия влаги и случайного взрыва от искры... Эти последние изобретения еще не стали известны публике, но я намерен представить их для проверки теми людьми в Российской империи, которых должным образом назначают для этой цели, и... я буду готов взять на себя обязательство полной секретности по поводу [изобретений], за исключением того правительства, которое при-

¹⁵⁶ Maxwell J.S. The Czar, His Court and People, Including a tour in Norway and Sweden. New York, 1850. P. 128.

¹⁵⁷ Russia // Nile's National Register. 1843. 22 апр.

¹⁵⁸ Г. Элсуорт — А.А. Бодиско, 14 января 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 65.

примет их¹⁵⁹.

В тот раз поездка в Россию была отложена, как выяснилось, на полтора десятилетия.

Важную роль в развитии технического сотрудничества России и США сыграл американский посланник в Санкт-Петербурге в 1841—1846 гг. Чарльз Стюарт Тодд. Он стал первым американским дипломатом, который предпринял путешествие на Нижегородскую ярмарку и в Казань и, таким образом, «продвинулся в глубину империи дальше Москвы». Тодд гораздо больше внимания, чем его предшественники, уделял экономике страны своего пребывания. Есть свидетельства, что его рекомендации сыграли свою роль при выборе Николаем I американского инженера Джорджа Вашингтона Уистлера для строительства железной дороги между Петербургом и Москвой¹⁶⁰.

Не имея серьезных проблем в своей основной дипломатической деятельности, Тодд старался пропагандировать американские достижения как перед членами императорской фамилии, так и перед русскими людьми, встречавшимися ему в поездках. Так, он снабдил цесаревича Александра «Американским альманахом» за 1842 год, «который содержит в сжатой форме удивительное количество статистической информации о Соединенных Штатах», сопроводив его собственными сожалениями о том, что «в работе не хватает сведений о таких интересных предметах, как внутренние улучшения, нет упоминаний о мощеных и железных дорогах, каналах и улучшенной навигации»¹⁶¹. Во время путешествий по империи он считал своей главной задачей «вызвать у людей, встреченных им в пути, интерес к Америке, и поддержать в них дружеские чувства к нам»¹⁶².

Весьма интересен вклад американского посланника в сельское хозяйство России. Еще Дж.М. Даллас в конце 1830-х гг. собрал информацию о торговле табаком в России, обнаружив, что правительство поддерживает высокие импортные пошлины

¹⁵⁹ С. Кольт — А.А. Бодиско, 4 марта 1839 г. // АВПРИ. Ф. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 41. Л. 248.

¹⁶⁰ Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 82, 79.

¹⁶¹ Ч.С. Тодд — К.В. Нессельроде, 9/21 февраля 1842 г. // АВПРИ. Ф.133. Канцелярия. Оп. 469. 1842. Д. 53. Л. 4

¹⁶² Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 83.

на ввозимый из Америки табак, защищая собственный табак худшего качества. Однако совет Далласа использовать американские тарифы на ввозимые из России товары в качестве рычага для решения этой проблемы не возымел успеха¹⁶³. Вспомнив значительный отрезок своей жизни, посвященный фермерским занятиям, новый посланник Тодд вступил в контакт с российским сельскохозяйственным обществом. Его стараниями в Россию были доставлены семена лучших сортов американского табака, а также технология их культивации. Результатом его активности стало избрание американского посланника членом российского сельскохозяйственного общества. С сожалением Тодд отмечал, что сельское хозяйство России развивается не так быстро, как другие отрасли ее экономики, «несмотря на то, что император пользуется просвещенными советами сельскохозяйственного общества, членом которого я имел честь быть избранным»¹⁶⁴.

При посредничестве посланника в Россию привозил свои карабины американский изобретатель Дженкс, которого Тодд снабдил рекомендательным письмом к военному министру России: «Ящик с огнестрельным оружием... принадлежит Г.В. Дженксу, гражданину штатов, изобретателю сего усовершенствования и подателю сего письма. <...> К сему полковник Тодд присовокупляет, что его превосходительство г. Бодиско министр е. и. в. в Соединенных Штатах, советовал Г. Дженксу ехать в С. Петербург, а Корпуса гражданских инженеров майор Бутац бывший по Высочайшему повелению в Америке в прошедшем году, осматривая карабин Дженкса обще с г. Бодиско предложил ему представить образец оного русскому правительству»¹⁶⁵.

К началу 1850-х годов в России окончательно утвердилось мнение о США как об «огромным рассаднике промышленнос-

¹⁶³ Пошлины на табак в 1839 г. были еще повышены (См.: Oeste G.I. John Randolph Clay: America's First Career Diplomat. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1966. P. 262.).

¹⁶⁴ См.: Griffil G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 97.

¹⁶⁵ Ч.С. Тодд — военному министру Чернышеву, 13/25 августа 1843 г. (русский перевод) // РГВИА. Ф. 38. Департамент Генерального Штаба. Оп. 5. Д. 430. Л. 2—2 об.

ти»¹⁶⁶. За новыми изобретениями в США следили ведущие сановники империи. Путешествовавший по Кавказу в конце 1840-х Дж.Л. Дитсон рассказывал, как князь М.С. Воронцов сообщил ему «о новом выдающемся открытии, только что сделанном в Америке докторами Муртоном и Джексоном, которое тот считает наиболее поразительным вслед за магнитным телеграфом м-ра Морзе. Это специфическая сила эфира, которую он намерен немедленно приказать использовать и исследовать в своих больницах»¹⁶⁷.

Американские предприниматели и искатели удачи быстро поняли, что российские власти ожидают от американцев новых технических чудес. Показательно, что Сайлас Барроуз, приехавший в Россию в 1847 г. главным образом для получения компенсации за помощь русскому судну, оказанную им еще в 1830 г., добился встречи с высокопоставленными сановниками, называя в качестве основной своей цели продвижение в России телеграфа Морзе¹⁶⁸. Именно изобретений ожидали от американцев русские чиновники, и именно это предлагали им предприимчивые заокеанские визитеры (независимо от того, располагали ли они реально техническими новинками, само заявление о таком обладании обеспечивало им должное внимание).

Продолжались и поездки за океан командированных русских инженеров. В 1846 году по Америке путешествовали горный инженер барон Врангель и лейтенант Пфейфер, направленные руководителем департамента военных поселений Н.И. Корфом для изучения горного дела и особенно использования антрацита. При по-

¹⁶⁶ Ротчев А.Г. Воспоминания русского туриста. Из путешествий А.Г. Ротчева // Пантеон. Журнал литературно-художественный, издаваемый Федором Кони. 1853. Т. 12, кн. 12. Декабрь. Смесь. С. 65.

¹⁶⁷ Ditson G.L. Circassia; or, A Tour to the Caucasus. New York, 1850. P. 395.

¹⁶⁸ См. Р. Ингерсолл — К. Нессельроде, 19 июня (1 июля) 1847 г.; С. Барроуз — К. Нессельроде, 16/28 июля 1847 г.; и др. // Steers D., comp. Silas Enoch Burrows, 1794—1870: His Life and Letters. A Compilation of Material, Gathered from Many Sources, Concerning a Rather Unusual Man. Chester, Conn., 1971. P. 66—73. В результате переговоров Барроуза нью-йоркский специалист С. Робинсон провел в Санкт-Петербурге демонстрацию телеграфной линии в присутствии Николая I. См.: Там же. P. 73.

мощи А. Бодиско русские инженеры познакомились с ведущим специалистом по углю химиком Уолтером Р. Джонсоном, который поспособствовал их визиту в «наиболее замечательные угольные шахты и наиболее важные заводы». За свою помощь американский ученый получил в награду коллекцию минералов, собранную в России¹⁶⁹.

Новые контакты в области технического сотрудничества связаны с Крымской войной. За океан был делегирован русский специалист по стрелковому оружию Отто Лилиенфельд.

Предложения наладить производство новейших видов стрелкового оружия последовали вскоре после начала войны. В Россию в начале 1855 года прибыл американский изобретатель Ракиелевич с целью заинтересовать русское правительство своими ружьями. Однако военные чины определили, что «привезенные г. Ракиелевичем из Америки ружья принадлежат к системе тех ружей, которые заряжаются с казенной части. Система эта признается неудобною для войск, потому что такие ружья скоро портятся». Однако «доставленные г. Ракиелевичем ружья отделаны хорошо и их можно бы представить Государю императору, для поощрения г. Ракиелевича, в том внимании, что он обещает быть полезным содействием своим командированному в Америку штабс-капитану Лилиенфельду, при исполнении возложенных на него поручений, как об этом отозвался в рапорте из Нью-Йорка от 7 марта/23 февраля 1855 года за № 6. Штабс-капитан Лилиенфельд присовокупил в этом рапорте, что г. Ракиелевич уже много помог ему своими советами и поможет еще более при заключении на приготовление в Америке ружей контракта, если таковой состоится»¹⁷⁰. Ракиелевичу от имени императора был подарен бриллиантовый перстень стоимостью в 400 рублей серебром¹⁷¹.

¹⁶⁹ См.: Н. Корф — У. Джонсону, 10 июня 1848 г., опубликовано в: *Mineral Wealth of Russia // National Intelligencer*. 1848. 29 дек.

¹⁷⁰ Генерал-адъютант А.П. Безак — В.А. Долгорукову, 6 апреля 1855 г. // РГВИА. Ф. 503. Артиллерийский департамент. Оп. 5. Д. 148. Л. 2—3.

¹⁷¹ Граф Л. Перовский — А.А. Катенину, 18 апреля 1855 г. // РГВИА. Ф. 503. Артиллерийский департамент. Оп. 5. Д. 148. Л. 9—9 об.

Сам Сэмюел Кольт, знаменитый изобретатель и производитель револьверов, совершил три поездки в Россию с целью распространения своего оружия, в 1854, 1856 и 1858 годах.

В первом путешествии Кольта сопровождал его адвокат Эдвард Дикерсон, специалист по патентному праву и изобретениям. Целью поездки был контракт на поставку русской армии усовершенствованного оружия, однако, по заключению тогдашнего атташе американской миссии Эндрю Д. Уайта, «тяжелый консерватизм русского правительства разбил их попытки. На все убеждения в важности усовершенствованного оружия ответ был таков: «Наши солдаты слишком невежественны, чтобы использовать что-то кроме “старушки Бесс”. В результате русских солдат тысячами приносили в жертву; их отставание в вооружении стало одним из главных причин их конечного поражения»¹⁷².

Вопреки мнению Уайта о безрезультатности вояжа Кольта, русское правительство заключило с американским оружейником контракт, и в 1855 году в Туле началось производство стрелкового оружия по его патенту¹⁷³.

Вдобавок, «Высочайшим повелением от 10-го ноября истекшего (1854) года повелено было приобрести от гражданина Северо-Американских Штатов Полковника Кольта 5 т. пистолетов револьвер»¹⁷⁴. Весной 1855 г. Кольт направил в Россию

¹⁷² White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White, with Portraits*. New York, 1922 [с. 1904]. Vol. 1. P. 454. См. также сокращенный русский пер. (с нем. издания): *Иностранцы о России. Воспоминания американского посланника Уайта [предисл., пер. отрывков и пересказ В.И. Штейна] // Исторический вестник: Историко-литературный журнал*. 1906. Т. 103. № 1. С. 280.

¹⁷³ Dow R.A., Wilson R.L. *The Czar's Colts // Nineteenth Century*. 1980. Vol. 6. № 4. P. 35. Любопытно, что в это самое время Кольт выполнял контракт с английским правительством, которое вело с Россией войну. Еще более интересно, что американский оружейник подарил два револьвера из одного набора императору России и султану Турции. См.: *Ibid*.

¹⁷⁴ Военный министр князь Долгоруков — Российскому поверенному в делах в Вашингтоне Стекло, 16 февраля 1855 г. (на бланке канцелярии военного министерства, № 2630) // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 59. Л. 2. См. перевод текста контракта между российским правительством и С. Кольтом на Л. 4—6.

груз револьверов, однако поставка сорвалась, когда на прусской границе револьверы были обнаружены в кипах хлопка, направлявшихся из Антверпена в Санкт-Петербург (всего было обнаружено 145 кип, в каждой по 24 револьвера)¹⁷⁵. В соответствии с условиями другого контракта Кольт обязался поставить в Россию 50 тысяч нарезных ружей. Штабс-капитан Отто Лилиенфельд был назначен официальным представителем Российского правительства по приемке и проверке качества от производителя оружия. Когда и этот контракт сорвался, Лилиенфельд и Кольт обвинили в этом друг друга: Кольт считал, что русский штабс-капитан медленно осуществлял инспекцию изготовленного оружия, из-за чего партия оружия не была закончена к завершению военных действий и истечению срока контракта¹⁷⁶, тогда как Лилиенфельд обвинял оружейника в плохом качестве его мушкетов¹⁷⁷. Достаточно бурное выяснение отношений, в которое был вовлечен кроме Кольта и Лилиенфельда российский посланник Стекло, закончилось арбитражем с участием представителей американского военного министерства. Арбитраж вынес осторожное решение, постановив, что недостаточное количество русских офицеров на заводах Кольта могло стать причиной невыполнения контракта, однако Арбитраж не мог считать это невыполнением буквы договора, а потому «составляет претензию, которую можно адресовать благородству и великодушию императорского правительства России, и может быть благосклонно учтено в будущих контрактах, если таковые состоятся, между ним и полковником Кольтом»¹⁷⁸.

Русское правительство пошло навстречу Кольту в форме, которая, видимо, удовлетворила обе стороны: «О претензиях

¹⁷⁵ Bradley J. Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia. De Kalb, Ill., 1990. P. 57.

¹⁷⁶ Копия Показания Р.Д.Хаббарда, адвоката полковника Кольта, 21 сентября 1857 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 67. Л. 10—10 об.

¹⁷⁷ Лилиенфельд — Стекло, № 184, 26 марта 1857 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 68. Л. 196—196 об.

¹⁷⁸ С. Купер — Э. Стекло, 9 октября 1857 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 67. Л. 18.

Кольта на вознаграждение за понесенные им убытки... Государь император, по всеподданнейшему о сем докладу, высочайше повелеть соизволил: предписать Штабс-Капитану Лилиенфельду принять посредничество дейст-го ст-го сов-а Стекла к окончанию дела с Кольтом... О таковой монаршей воле доводя до сведения Вашего... имею честь присовокупить, что, по моему мнению, всякого рода вознаграждение Кольту может быть ему предоставлено не как право, которого он решительно не имеет, а единственно в уважение причин, изложенных в... отзыве Г. Стекла»¹⁷⁹.

Наконец, уже после окончания Крымской войны Кольт поставлял новейшее оборудование для производства стволов для нарезного оружия для Сестрорецкого оружейного завода¹⁸⁰. Поражение в войне подтолкнуло русское правительство к реформе армии, и новые образцы вооружения и технологии их изготовления опять приходили из США.

Необходимо отметить, что американское правительство также извлекало уроки из Крымской войны. И речь идет не только о военной миссии под началом Делафилда, изучавшей новейшие приемы военных действий¹⁸¹. Американцы начинали понимать, что техническое лидерство может обеспечить им и военное превосходство. В годы войны посланник Т. Сеймур докладывал в Вашингтон: «Чего русские хотят сейчас, это несколько двигателей большей скорости, чем имеющиеся у союзников и орудий большей дальности, чем используемые противником. Вооружив и снабдив себя таким образом, они могут заставить союзников и снять блокаду (Севастополя — И. К.). Именно к этому, мне кажется, должно быть привлечено внимание нашего правительства: к *абсолютной необходимости* сохранять преимущество над

¹⁷⁹ Копия с отношения к его императорскому высочеству генерал-фельдцейхмейстеру от военного министра (Сухозанета) (б. д.) // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 68. Л. 263 об. — 262 (sic).

¹⁸⁰ Bradley J. Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia. De Kalb, Ill., 1990. P. 58.

¹⁸¹ См.: Moten M. The Delafeld Commission and the American Military Profession. College Station, 2000.

остальным миром в скорости наших пароходов и быстроте и силе наших снарядов»¹⁸².

Сразу после окончания войны дипломаты обеих стран столкнулись с потоком американцев, направившихся в Санкт-Петербург с предложениями своих изобретений. Сеймур жаловался, что в российскую столицу пожаловали американцы, «по меньшей мере половина которых полны разного рода *снарядов* (projectiles) для императорского правительства. Некоторые из них немного досаждают мне»¹⁸³. Со своей стороны, русский посланник в Вашингтоне Э. Стебль вынужден был проверять данные, предоставляемые о себе многочисленными американскими изобретателями. Так, летом 1858 года Стебль по поручению российского Военного министерства обращался в американское министерство и Патентный офис, чтобы получить сведения о некоем Бордмане, предложившем купить у него «игловой штуцер» собственного изобретения. Русский посланник с долей раздражения доложил военному министру: «По всему видно, что Бордман принадлежит к числу тех мелких изобретателей, столь многочисленных в Соединенных Штатах, которые, не находя сбыта своим изделиям на родине, обращаются к иностранным правительствам или прямо или через посредничество Миссий, с надеждою какого-либо, хотя и небольшого барыша»¹⁸⁴.

У готовности российских властей вникать в любые изобретения американцев была и другая сторона. Яркое подтверждение тому, что Уайт назвал «тяжелым консерватизмом русского правительства», Кольт и Дикерсон обнаружили в галерее Петра Великого, где были собраны механизмы, подаренные Петру изобретателями, приглашенными им из Голландии и других стран Запада. Во время осмотра экспозиции Уайт неожиданно услышал, как Дикерсон вскричал: «"О Боже! Сэм, подойди сюда! Только посмотри на это!" Когда мы подошли, — писал Уайт в

¹⁸² Т. Сеймур — У. Марси, № 41. 26 июля 1855 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

¹⁸³ Т. Сеймур — У. Марси, 16 августа 1855 г. // Library of Congress Manuscript Division. William Learned Marcy Papers. Cont. 63. № 46896.

¹⁸⁴ Э.А. Стебль — военному министру (Сухозанету), 2/14 августа 1858 г. № 242 // РГВИА. Ф. 503. Артиллерийский департамент. Оп. 5. Д. 427. Л. 9—9 об.

мемуарах, — он указал на токарный станок для обработки неправильных форм и на другой, для копирования рельефов, с образцами выполненных на них работ. «Посмотрите на это», — сказал он, — «Это же поворотный станок Бланшара, который только недавно изобрели заново, который наше правительство использует для изготовления ружейных прикладов и который стоит целое состояние. Посмотрите на эти рельефы в другой машине; это тот самый станок для копирования скульптур, который только что был заново изобретен, и сейчас привлекает столько внимания в Париже».

Эти машины стояли там, на галерее, открытые для всех, с самой смерти Петра, двести лет назад, и очевидно, что никто никогда не побеспокоился оценить их настоящую стоимость»¹⁸⁵.

Наблюдать это было особенно странно именно Кольту, человеку, который, возможно, и не был автором замысла многозарядного револьвера¹⁸⁶, но сумел использовать эту идею, составив на ней не только собственный капитал, но и, по некоторым оценкам, повлияв на само американское общество. Здесь же перед американскими посетителями лежало изобретение, невостребованное на протяжении полутора веков!

Еще более показательны события, связанные с появлением в России электрического телеграфа. Российские ученые в этот период были лидерами в исследованиях электромагнетизма. Русский ученый П.Л. Шиллинг изобрел электромагнитный телеграф на десять лет раньше Сэмюела Морзе¹⁸⁷. Когда Морзе предложил свое изобретение представителю российского Министерства финансов в Париже барону Мейендорфу в 1839 году¹⁸⁸, оно было справедливо отвергнуто именно на этом основании. Изучив приобретенный в Париже аппа-

¹⁸⁵ White A.D. Autobiography of Andrew Dickson White, with Portraits. New York, 1922 [c. 1904]. Vol. 1. P. 454—455.

¹⁸⁶ См.: Dow R.A., Wilson R.L. The Czar's Colts // Nineteenth Century. 1980. Vol. 6. № 4. P. 34.

¹⁸⁷ См., напр.: Whittaker C.H. The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergey Uvarov, 1786—1855. De Calb, Ill., 1984. P. 184.

¹⁸⁸ См.: Главноуправляющий Корпусом горных инженеров — Военному министру, № 1273. 4 марта 1839 г. // РГВИА. Ф. 38. Департамент Генерального Штаба. Оп. 5. Д. 310. Л. 3—3 об.

рат, русские специалисты нашли, что «если же гальванический сей способ телеграфии, по надлежащем исправлении и улучшении и признан будет удобным, то в каждом случае он будет гораздо ниже шифра, предложенного покойным бароном Шиллингом»¹⁸⁹.

Однако не прошло еще десяти лет, как в России стал внедряться именно телеграф Морзе, доработанный и получивший признание в США и Европе¹⁹⁰. Изобретение Шиллинга осталось эпизодом в истории науки, но не в истории русской модернизации.

Эти небольшие сюжеты из истории российско-американского взаимодействия дают нам повод для разговора о причинах структурного отставания России от Запада на протяжении веков. Изобретения в России были — и свои, и импортированные. Был свой Ползунов, отец и сын Черепановы, был Шиллинг, были десятки и сотни изобретателей и тысячи идей, способных изменить производство и технологии. Но не было своих «Кольтов» и «Зингеров» — людей, которые воплотили бы эти изобретения в промышленные партии, внедрились в производство и повседневное употребление. Дело, однако, не в людях, и не в менталитете, который якобы

¹⁸⁹ Доклад по Департаменту Генерального Штаба. 4 июля 1840 г. № 2763 // Там же. Л. 7 об. Из опубликованной переписки самого Морзе следует, что барон Мейендорф обещал изобретателю помощь в заключении контракта на строительство телеграфной линии между Санкт-Петербургом и Варшавой, и американец очень надеялся таким образом поправить свое материальное положение. См.: С. Морзе — Ф.О.Дж. Смит, 16 апреля 1839 г. // Prime S.I. The Life of Samuel F.V. Morse, LL.D., Inventor of the Electro-Magnetic Recording Telegraph. New York, 1875. P. 394—395. В другом письме, сообщая о провале своего русского проекта, Морзе жаловался, что ему трудно конкурировать с европейскими соперниками, «поддержанными кошельками королей и богатством их стран». См.: С. Морзе — Ф.О.Дж. Смит, 24 мая 1839 г. // Ibid. P. 398—400.

¹⁹⁰ Русский посланник А. Бодиско заговорил с Морзе об интересе российского правительства к его изобретению уже в феврале 1845 года. См.: С. Морзе — (дочери) [Сюзен Гровайт], 8 февраля 1845 г. // Prime S.I. The Life of Samuel F.V. Morse, LL.D., Inventor of the Electro-Magnetic Recording Telegraph. New York, 1875. P. 511—512.

мешает русскому народу осваивать новое. Социально-экономическая структура российского общества не создавала заинтересованности в росте производительности труда. Разрыв существовал на этапе экспериментальной проверки выгодности инновации. Дешевизна рабочей силы не оправдывала затраты на изготовление серийных партий новых изобретений, и спрос на такие партии отсутствовал. Поэтому заимствование готовых, апробированных технических решений из-за рубежа оказывалось каждый раз более выгодным решением. В 1856 году вице-консул Дж. Хаттон предупреждал руководство государственного департамента: «Любой инструмент или машина, присланная сюда, должны быть лучшей репутации, — они их адаптируют и будут использовать, но не любят экспериментировать»¹⁹¹.

Не менее ярким примером этого же рода, является, по всей видимости, череда неслучайных совпадений, случившихся с семейством Уайнансов. В 1834 году Александровский завод произвел сконструированную русским инженером К. Шильдером первую отечественную подводную лодку. Изобретение в строжайшей тайне испытывалось до 1841 года, но из-за слабых ходовых качеств не получило развития. Спустя десять лет завод со всем его оборудованием был передан американцам для производства локомотивов и вагонов. С середины 1840-х по середину 1850-х братья Уайнансы совместно с Дж. Гаррисоном (и одно время Иствиком) производили и ремонтировали в Александровском подвижной состав Петербурго-Московской дороги. Вернувшись домой в Балтимор, занимавшиеся ранее только паровозами Уайнансы вложили средства и усилия в постройку и патентование «кораблей-сигар», своими техническими решениями предвосхитивших современные подводные лодки. Вполне укладывается в рамки возможного предположение, что Уайнансы получили доступ к секретному (но не оправдавшему надежд) изобретению, построенному на заводе, которым они управляли. Их первая подводная лодка была заложена в 1858 году,

¹⁹¹ Дж.М. Хаттон — У.Л. Марси, 17/29 ноября 1856 г. P. 15 // NARS. RG 59. Records of the Department of State. M. 81. Despatches from U.S. Consuls in St. Petersburg, Russia, 1803—1906. R. 5. Dec. 31, 1847 — Dec. 30, 1857.

а всего они построили по меньшей мере 4 подводных лодки, причем одну из них в 1865 году в России (в надежде продать ее правительству Александра II). Лодка-прототип прошла ряд испытаний, однако не впечатлила скоростью и управляемостью. «Корабли-сигары» Уайнмансов, конечно, были шагом вперед в развитии подводных лодок, и у нас нет оснований обвинять американских инженеров в неправомерном использовании чужих чертежей. Тем не менее, с высокой степенью вероятности можно предположить, что именно русское изобретение дало толчок американским предпринимателям, которые подошли к нему со свойственным им прагматизмом.

Неготовность российского общества к инновациям проявлялась не только в отношении к изобретениям. Секретарь американского посольства в 1840-х Джон Максвелл так описывал трудности производства на заводе в Александровском: «Начиная работу, американцы хотели ввести систему полиции, полностью отличавшуюся от существовавшей в Александровском. Их гуманные усилия были разрушены полным невежеством русских работников в области честности и морали. Некоторые из них были крепостными короны, некоторые крепостными дворян, а некоторые — свободными крестьянами. Они воровали все, что могли удобно спрятать и вынести в своей одежде — инструменты, куски бронзы, меди или чего-либо еще, на что можно было купить выпивку. Стало, в результате, абсолютно необходимым принять старую практику расстановки у выходов солдат, которые обыскивали всех проходящих русских. Каждое утро некоторые были настолько пьяны, что не могли работать»¹⁹².

Легкость объяснения причин такого отношения неким «русским менталитетом» мешает правильной оценке наблюдения Максвелла. Дело не в «природной склонности» к пьянству и воровству, а в том, что индустриализация (модернизация) России, проводившаяся сверху, сталкивалась с традиционным крестьянским укладом, основанном на общине. «Рабочие» в Александровском не были рабочими в американском или европейском смысле слова, это крестьяне, не знавшие частной соб-

¹⁹² Maxwell J.S. The Czar, His Court and People, Including a Tour in Norway and Sweden. New York, 1850. P. 127—128.

ственности и экономической мотивации к труду. Это другая сторона той же проблемы, которую отметил Сэм Кольт со своим спутником. Инновации востребованы обществом, которое внутренне готово к модернизации. Русское общество не было готово к ним ни при Петре, ни при Николае. Однако государственные соображения побуждали правительство принудительно модернизировать страну, привлекая для этого экспертов с Запада, причем на первое место среди них во второй трети XIX века выдвинулись именно американцы.

В свою очередь, технические новшества оказывали модернизирующее воздействие на само русское общество, о чем в конце 1850-х писал в своих записках американский путешественник и писатель Бэйард Тэйлор, имея в виду не только реформаторские надежды нового царствования: «В России старина сейчас уходит, и устанавливается новый порядок вещей. Много любопытных черт и обычаев, несущих отпечаток пяти столетий, начинают исчезать, и эти перемены, наконец, чувствуются даже в Москве — самом фокусе русской национальности. Когда в город приходит Локомотив, призраки прошлого улетают навеки»¹⁹³.

В середине XIX века железные дороги, пароходы и телеграф были наиболее важными изобретениями, стремительно менявшими облик тогдашнего мира. Именно с них началась современная техническая эпоха. Это вполне понимали руководители Российской империи, так же как и все образованные люди того периода. В школьный учебник новой истории Д. Иловайского, вышедший многими изданиями в конце второй трети XIX века, вошла констатация этого факта: «Между изобретениями XIX века первое место занимает приложение силы пара к путям сообщения». Последняя фраза учебника — о том же: «Изобретение электромагнитических телеграфов (в 1844 г.) дало возможность с удивительной быстротой сообщать известия, не смотря ни на какое расстояние»¹⁹⁴.

¹⁹³ Taylor B. Travels in Greece and Russia, with an Excursion to Crete. New York, 1859. P. 369—370.

¹⁹⁴ Иловайский Д. Новая история. Курс старшего возраста. Изд. 7-е. М.: Тип. Грачева и К., 1869. С. 288.

Среди государственных деятелей России середины XIX века была целая группа людей, считавших сотрудничество с Соединенными Штатами чрезвычайно важным для страны. Во второй половине 1850-х гг. наиболее ярким представителем этой группы был генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев.

Именно к нему обратился в 1857 году американский предприниматель Перри М. Коллинз с предложением о постройке железной дороги от Иркутска на восток, к Амуру, связав, таким образом, столицу Восточной Сибири с тихоокеанским побережьем транспортной артерией (железная дорога до Читы, затем пароходное сообщение до устья Амура)¹⁹⁵.

Коллинз разговаривал с Муравьевым «о связывании Азии, Европы и Америки с помощью великой рельсовой и пароходной системы, которая соединит три континента и два океана...

Международная торговая железнодорожная и водная сеть, связывающая Европу, Азию и Северную Америку принесла бы Соединенным Штатам больше выгод, чем любому другому партнеру в этой схеме, доказывал Коллинз, поскольку Соединенные Штаты находятся в центре маршрута»¹⁹⁶.

Н. Н. Муравьев был весьма вдохновлен проектом Коллинза, о чем свидетельствует, в частности, его письмо П. В. Казакевичу от 2 апреля 1857 года [?]: «Американец Коллинз предлагает строить железную дорогу от Читы до Иркутска! ... Не знаю, согласятся ли на это предложение в Петербурге, не знаю, получат ли скоро какую-нибудь выгоду учредители, но знаю, что одно это вдруг бы развило Сибирь в широких размерах»¹⁹⁷. Однако в Петербурге сочли несвоевременным развивать транспортное сообщение между Тихим океаном и внутренними областями Сибири, еще не связанными с европейской частью России, опасаясь, не в последнюю очередь, расширения там американского влияния в ущерб российскому.

¹⁹⁵ Подробно проекты П. М. Коллинза проанализировал Н. Н. Болховитинов. См.: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М., 1990. С. 143—166.

¹⁹⁶ Neering R. Continental Dash: The Russian-American Telegraph. Vancouver, Winnipeg, 1989. P. 19.

¹⁹⁷ Н. Н. Муравьев — П. В. Казакевичу, 2 апреля 1857 [?] г. // РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 21. Л. 4—4 об.

Н. Н. Муравьев, получивший прозвище «Амурский», был большим энтузиастом скорейшего развития Сибири. Его весьма привлекала американская модель освоения обширных пространств; подчиненные и соратники Н. Н. Муравьева путешествовали по США в 1850-е гг. с целью изучения опыта этой страны. По воспоминаниям П. А. Кропоткина, в то время в кабинете Муравьева «молодые люди вместе с сосланным Бакуниным <...> обсуждали возможность создания Сибирских Соединенных Штатов, вступающих в федеративный союз с Североамериканскими Соединенными Штатами»¹⁹⁸. Хорошо знавший генерал-губернатора адмирал Арсеньев вспоминал позже, что «Муравьев понимал всю важность для России ея крайнего Востока и считал необходимым пользоваться тогдашними политическими обстоятельствами: слабостью Японии и Китая и, между прочим, междоусобною войною в Северо-Американских Штатах, чтобы России занять на Восточном берегу Тихого океана подобающее ей преобладающее положение. Но Государь, хотя и сознавал это отчасти, но считал, что у нас нет для этого средств и не понимал, что в этом деле, более, чем во многих других, время драгоценно и что «Time is money (sic)», — английская пословица, которую Николай Николаевич Муравьев любил часто приводить»¹⁹⁹.

Русское правительство стремилось быть в курсе новейших технических достижений в области транспорта и связи. Когда в 1857 году начались подготовительные работы по прокладке кабеля трансатлантического телеграфа, находившийся в США капитан Шестаков немедленно призвал российского посланника к действию:

Все... полезное для нашего края подлежит... вниманию и должно быть представлено на усмотрение правительства с возможными подробностями. Одним из случаев, которые без сомнения встретятся скоро и в нашем отечестве, заслуживает, по мнению моему, быть изученным вполне; я разумею утверждение подводного телеграфа между Англиею и Америкею. Для этого, как известно Вашему Превосходительству, изготовляется здесь фрегат Ниагара. Если Вы разделяете мысль

¹⁹⁸ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990. С. 161.

¹⁹⁹ Из записок адмирала Д. С. Арсеньева. 1862—1865 // Русский архив. 1910. Кн. 3. Вып. 11. С. 386.

мою о важности этого предприятия, покорнейше прошу исходатайствовать позволение здешнего правительства итти на Ниагаре двум из состоящих при мне офицеров — капитан-лейтенанту Шварцу и прапорщику Колобнину. Долгое пребывание их на судне, построенном по совершенно новым правилам, принесет, сверх того, пользу и в чисто морском отношении²⁰⁰.

Стекло обратился к военно-морскому министру и президенту США и получил от них разрешение направить русского офицера на борт судна «Ниагара»²⁰¹. Когда же снаряжение «Ниагары» затянулось, и спутники Шестакова оказались заняты в его собственном проекте, Стекло попросил государственного секретаря Марси сообщить о полученном разрешении американскому посланнику в Санкт-Петербурге Т. Сеймуру, дабы тот «снабдил рекомендательным письмом офицера, которого назначит для этой миссии ... Великий князь Константин»²⁰². Тем не менее именно Шварц и Колобнин отправились на борту «Ниагары» «в телеграфную экспедицию, представлявшую столько неведомого еще и в высшей степени поучительного», по словам их командира, и все их замечания «были своевременно представлены начальству»²⁰³. Более того, российские офицеры поместили подробнейший отчет об устройстве «Ниагары» и способах укладки кабеля морского электрического телеграфа на страницах «Морского сборника», в уверенности, что эта информация «может со временем принести пользу у нас, и вместе с тем желая собрать некоторые сведе-

²⁰⁰ И. Шестаков — Э. Стекло, 21 марта/2 апреля 1857 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 68. Л. 187—187 об.

²⁰¹ См.: Дж. Тоуси (военно-морской министр США) — капитану У. Хадсону, командиру парового фрегата «Ниагара», 8 апреля 1857 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 70. Л. 138. Прил. к: Стекло — Горчакову, № 32. 1/13 апреля 1857 г. // Там же. Л. 137; Стекло — Шестакову, 8 апреля 1857 г. // Там же. Л. 153—153 об.

²⁰² Стекло — государственному секретарю, 24 февраля 1858 г. // NARS. RG 59. Records of Department of State. M. 39. Notes from the Russian Legation. R. 3 (Mar. 21, 1850 — Dec. 31, 1864).

²⁰³ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания И.А. Шестакова // РГА ВМФ. Ф. 26. Шестаков И.А. Оп. 1. Д. 17. С. 69.

ния об американском военном флоте, менее известном в России, чем другие иностранные»²⁰⁴.

Интересно отметить дистанцию между наукой и техникой в понимании людей середины девятнадцатого века. В то время как технические изобретения внедрялись в России с помощью американских инженеров, российская наука и образование высших классов приводили в восхищение коллег из США²⁰⁵. В те самые месяцы, когда по Соединенным Штатам путешествовали русские инженеры, изучавшие новейшие приемы строительства и технические новинки, американские ученые запрашивали своего посланника в России об «информации о новом способе извлечения золота из руды, открытом полковником [Павлом Петровичем] Аносовым в Санкт-Петербурге». Автор запроса не преминул напомнить, что «исходя из дружеских отношений между двумя странами, и либеральной политики нынешнего императора, если запрос будет сделан нашим президентом, он будет рад сообщить информацию»²⁰⁶.

В 1840—1860-е гг. местом паломничества ученых была Пулковская обсерватория²⁰⁷. В середине века в научных журналах США подробно сообщалось о деятельности Русского географического

²⁰⁴ [Шварц С., капитан-лейтенант] Фрегат Niagara и Чрез-Атлантический телеграф (с примечанием капитана 1-го ранга И.А. Шестакова) // Морской сборник. 1857. Т. 32. № 11. Ч. Неофиц. С. 148.

²⁰⁵ Н.Н. Болховитинов проследил научные связи российских и американских ученых XVIII—XIX вв., включавшие не только переписку, но и взаимные визиты и членство выдающихся деятелей науки в ученых обществах другой страны. См.: Болховитинов Н.Н. Из истории русско-американских научных связей в XVIII—XIX веках // США — Экономика. Политика. Идеология. 1974. № 5. С. 17—25; и в расширенном варианте: Bolkhovitinov N. Russian-American Cultural Relations: An Overview // Russian-American Dialogue on Cultural Relations, 1776—1914. Columbus; London, 1997. P. 1—22.

²⁰⁶ М.Ф. Стефенсон — Дж.К. Кэлхуну, 6 апреля 1838 г. // [Calhoun J.C.] The Papers of John C. Calhoun / Ed. by Robert L. Meriwether et al. Columbia, 1959—. Vol. 14. P. 234—235.

²⁰⁷ В 1864 году, в частности, молодой американский ученый К. Эббе стажировался в Пулковской императорской обсерватории. См.: Reingold N. «A Good Place to Study Astronomy» // Library of Congress Quarterly Journal. 1963. Vol. 20. № 4. P. 211—217.

общества, как примера для создававшегося в Нью-Йорке Географического и статистического общества²⁰⁸.

Накануне Крымской войны из России в Соединенные Штаты впервые в научную командировку был направлен академик Иосиф Гамель. Показательно, что в качестве отчета Гамель смог представить описание не научных, а технических достижений североамериканцев: «1., Изложение устройства Эриксоновой машины; 2., описание введения пароходства в Европе; 3., часть объяснения проекта электро-технического соединения Америки с Европою», за что удостоился пренебрежительного отзыва нового (с 1855 г.) президента Академии наук Д.Н. Блудова: «едва ли дальнейшее пребывание за границею может принести особенную для технологии и вообще для промышленности пользу, я со своей стороны не вижу необходимости, не предвижу и важной пользы от сего продолжения»²⁰⁹. Инженеры оказались более полезными командированными, — их отчеты включали подробные чертежи.

Высокий уровень научных достижений сочетался в России с неспособностью внедрить результаты научных разработок в практику. Именно здесь предприимчивые американцы оказывались на две головы выше русских. И причина этого лежала в отмеченном выше различии двух обществ.

В условиях отсутствия общественной инициативы по внедрению изобретений и технологий, государство в России выступало основным агентом модернизации. Прогрессивные чиновники разъясняли купцам выгоды введения пароходов (П.П. Мельников), а казна оплачивала строительство первых железных дорог. Таким образом достигались два результата — собственно появление пароходов, железных дорог и телеграфа в России и возникновение инновационного образца, который позднее начинали мультиплицировать акционерные общества. Эта роль государства в России (нельзя сказать, что она была совершенно чужда

²⁰⁸ Scientific Discoveries and Proceedings of Learned Societies // International Magazine of Literature, Art, and Science. 1851. Vol. 4. № 4. P. 571.

²⁰⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 2 Канцелярия Конференции АН. Оп. 1—1853. Д. 5. «О направлении академика Гамеля в Англию и Северную Америку». Л. 47 об. — 48.

США, где Генри Клей, Дж. К. Адамс и другие виги много лет боролись за систему «внутренних улучшений», финансируемых из государственного бюджета; однако там государство никогда не становилось главным модернизатором) обусловила асимметричное взаимодействие в области передачи технологий: со стороны Российской империи договаривающейся, заключающей контракты стороной было государство, а со стороны США — частные лица и предприниматели.

Государственные задачи России в исследуемый период включали построение в империи современной инфраструктуры транспорта и связи; в то же время для американских инженеров и государственных деятелей постройка железных дорог и проведение телеграфных линий за пределами территории собственно Соединенных Штатов были больше чем просто коммерческими проектами. По мнению современного американского историка, это были «попытки завоевать мир с помощью возникавших технологий транспорта и связи — связать (span) континенты рельсами, и океаны проводом»²¹⁰. Таким образом, совершенно разные причины привели Россию и Америку к совместной работе.

Последним крупным начинанием второй трети XIX века был проект американской телеграфной компании «Вестерн Юнион» о постройке линии связи через Сибирь и Русскую Америку, в котором также участвовал неутомимый П.М. Коллинз. В 1864 году, когда Коллинз и Хайрем Силби посетили Санкт-Петербург, Силби разговаривал с князем Горчаковым. В этом разговоре Силби пошутил, что Вестерн Юнион может купить Британскую Колумбию, если не удастся заключить контракт на прокладку там линии, она вряд ли будет стоить дороже нескольких миллионов долларов. Горчаков рассмеялся и сказал, что Россия бы продала Аляску за немного большую сумму²¹¹. Изыскательские работы на линии русско-американского телеграфа велись вплоть до начала 1867 года. «Вестерн Юнион» остановил работы за несколько недель до того, как США купили Аляску у России.

По значимому совпадению, в составе работников телеграфной компании в Сибирь впервые попал Джордж Кеннан, запис-

²¹⁰ Neering R. Continental Dash: The Russian-American Telegraph. Vancouver, Winnipeg, 1989. P. xi.

²¹¹ Ibid. P. 209—210.

ки которого о системе ссылки сыграли впоследствии важную роль в повороте общественного мнения США от дружеского расположения к критическому взгляду на Россию и осуждению империи. Так последний большой совместный проект дал старт ухудшению российско-американских отношений.

Непосредственным поводом для заказа пароходов в Соединенных Штатах стало осложнение отношений с предыдущим главным источником инноваций, Великобританией. Однако в последующие годы техническое сотрудничество России с заокеанской республикой расширялось и углублялось уже в соответствии с собственной логикой. Решение опереться на американский опыт в постройке петербурго-московской железной дороги было сделано без предварительных попыток привлечь британских инженеров, а контакты в 1850-е годы принесли ряд проектов, предложенных американцами, о которых само русское правительство не задумывалось. Инициатива перешла к предприимчивым янки.

Россия начала модернизацию с постройки в Америке большого военного парохода, равного которому не было в тот момент у самих Соединенных Штатов. На военную значимость железных дорог указывал и П.П. Мельников. В этом сказались разная логика модернизации: в США паровой двигатель внедрялся первоначально в пассажирских и грузовых перевозках, тогда как Российское правительство, для которого модернизация была государственной задачей, подчиняло экономические нужды военным соображениям.

В области технологий Россия выступала реципиентом новейших американских образцов и опыта. Однако в области международной политики влияние России было несравнимо выше возможностей Соединенных Штатов. Именно этот ресурс российской империи стремилась использовать американская дипломатия, увеличивая вес своей страны на международной арене. Особенно заметно это было в годы войн и кризисов, а также в таких «новых» регионах, как Дальний Восток и север Тихого океана. Такие события, как заключение договора о правах нейтральных держав 1854 года, поддержка Россией установления дипломатических отношений США с Персией, сотрудничество на Гавайях и в Южном Китае, и, наконец, продажа Аляски, были последовательным осуществлением одной и той же политики.

К.В. Нессельроде

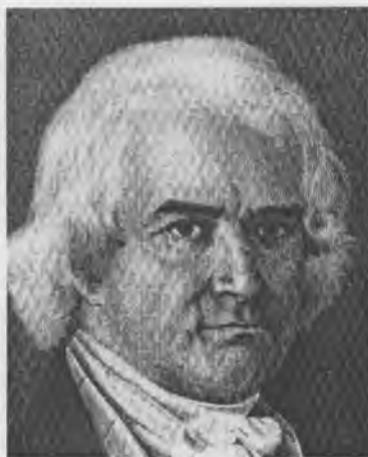
Николай I

К.Ф. Толь

П.П. Мельников

Джордж М. Даллас

Джеймс Бьюкенен

Нейл Браун

Мэтью Ф. Мори

Джон Р. Клей

Уильям Уилкинс

Томас Х. Сеймур

Френсис Пикенс

Чарльз Стюард Тодд

Артур Бэгби

Дэниел Уэбстер

Джон Кэлхун

Черчилль Камбреленг

Джон Л. Мотли

Джон Клейтон

Эдвард Эверетт

П.А. Крюденер

Э.А. Стёкль

А.С. Меншиков

Генерал-адмирал великий князь
Константин Николаевич

**Из первых рук:
Россия и Америка
сквозь призму
личного восприятия**

Часть II

Стратегические интересы во внешней политике определялись президентами, императорами, государственными секретарями и министрами иностранных дел.

Люди же, путешествовавшие по правительственному поручению, ради бизнеса или из любознательности, оказывались часто проводниками государственной политики, были вооружены стереотипами общественного восприятия чужой страны, а также формировали образ собственного отечества среди местных жителей.

В начале изучаемого периода именно сотрудники дипломатических миссий играли самую важную роль в двусторонних контактах. Несколько позже к ним добавились инженеры, врачи, предприниматели, политэмигранты, а потом и просто любознательные путешественники. Все они в той или иной мере становились проводниками государственной политики, все были в момент отправления в плену сформированных дома образов другой страны. Но собственный опыт, по-разному пережитый и преломленный, оставался не только их личным достоянием. Вернувшись домой, эти люди выступали с лекциями, публиковали статьи и книги, которые не только влияли на эволюцию образа другой страны, но и в некоторых случаях оказывали воздействие на государственную политику. В то же время, путешественники, становясь представителями своей страны и объектом пристального внимания туземцев, оказывали влияние и на формирование образа соотечественников в другой стране. Что именно интересовало американцев в России, а русских в Америке? Что им нравилось, а что нет? Как они сами воспринимались местными жителями? Как на их отношение к стране влияла политика и «домашние» стереотипы? Насколько опыт их знакомства с чужим обществом мог повлиять на политику и образ этой страны в собственном отечестве?

Особенно важной задачей представляется нам даже не анализ противоположностей или поиск сходных черт в культуре и общественном устройстве двух стран, а отношение к этой инакости России американцев середины XIX века и наоборот — отношение русских к американскому «эксперименту».

ГЛАВА 4

Американцы в России

Любопытна статистика прибытий американцев в Россию и их отъездов из нее на протяжении 1830—1860 гг.:

Год	Прибывшие	Уехавшие
1830	6	28 (33)
1831	3	11
1832	24	59
1833	12	29
1835	25	21
1836	18	24
1837	15	17
1838	19	13
1839	33	15
1840	30	27
1841	42	84
1842	20	37
1843	24	44
1844	42	63
1845	64	68
1846	54	44
1847	68	45
1848	55	80
1849	14	42
1850	33	64
1851	36	52
1852	30	31
1853	40	63
1854	14	47
1855	53	48
1856	121	138
1857	135	62
1858	144	116
1859	150	189
1860	320	151

Из этих данных¹ видно, как немного американцев бывало в России на протяжении этих тридцати лет. Тем не менее очевидны несколько переломных моментов. Во-первых, в 1839 г. число приехавших впервые перевалило за 30, и, хотя в 1842 и 1843 гг. наблюдался некоторый спад, его с лихвой компенсировало увеличение прибывших в 1844—1848 годах. Новый спад в 1849 г. был связан с участием русских войск в подавлении восстания венгров против австрийского господства, а в 1854 г. — с началом Крымской войны. С окончанием войны связан новый рубеж в количестве прибывших в Россию американцев: в 1856 г. их было 121, а в последующие годы еще больше.

Основную роль в формировании представлений русской элиты о Соединенных Штатах в середине XIX столетия играли американские посланники в Санкт-Петербурге. Они не только сознательно пропагандировали достижения своей родины, но и были в глазах российского общества образцами американцев; их достоинства и недостатки проецировались на всех жителей заокеанской республики.

С другой стороны, вернувшись в Америку, бывшие дипломаты становились важнейшим источником сведений о далекой империи для своих сограждан.

Дипломаты 1830-х: отчеты руководству

Роль России как одной из ведущих держав Европы определяла важность поста американского представителя в Санкт-Петербурге. Эта должность в первой половине девятнадцатого века доверялась наиболее перспективным представителям американской политической элиты. За тридцать с небольшим лет дипломатических отношений к началу 1840-х годов посланниками в России успели побывать Джон Куинси Адамс (посланник в 1809—1814, президент США в 1825—1829), а также Джеймс Бьюкенен (посланник в 1831—1832, станет президентом в 1857—1861)

¹ Статистические данные цитируются по: Kirchner W. *Studies in Russian-American Commerce, 1820—1860*. Leiden, 1975. P. 183. Неточность статистики очевидна уже из того факта, что за 1830—1855 гг. из России уехало 1 056 американцев, а прибыло 774.

и Джон М. Даллас (посланник в 1837—1839, станет вице-президентом в 1845—1849).

До начала 1840-х годов американцы нечасто посещали Россию, и посланники оставались главными посредниками между двумя обществами, тем более что у них не было достаточного количества собственно политических проблем, чтобы быть посредниками между правительствами. Как правило, назначенные посланниками по внутривластным соображениям, эти люди имели мало представления о международной политике и еще меньше знаний о России. Еще в начале 1850-х русский эмигрант Иван Головин писал об американских дипломатах: «М-р Мейсон, начальник канцелярии м-ра Марси, говорил мне, что янки хотят знать все, ничего не изучая. Поэтому, получив назначение консулами или *посланниками* в новую страну, они едва узнают что-нибудь о ней по пути туда»².

Джексоновские назначенцы 1830-х годов в России после неудачного вояжа Джона Рэндолафа, покинувшего напугавшую его империю через месяц после прибытия, были представителями штата Пенсильвания. Джеймс Бьюкенен, Уильям Уилкинс и Джордж Миффлин Даллас были лидерами двух крупнейших группировок джексоновских демократов в Филадельфии и Питтсбурге.

В 1830-е годы для американцев «Санкт-Петербург, принимающий во внимание средства сообщения, был расположен настолько далеко от Вашингтона, насколько только мог попасть человек, оставаясь на этом свете»³.

Джеймс Бьюкенен (1791—1868) к моменту назначения в Россию был в начале взлета своей блестящей политической карьеры. Назначение было, бесспорно, вызвано стремлением уменьшить негативные последствия неудачной поездки Джона Рэндолафа. Бьюкенен сумел не только заключить желанный договор о торговле и мореплавании, но и стать весьма популярным в окружении русского императора.

² Golovin I. *Stars and Stripes, or American Impressions*. London; New York, 1856. P. 223.

³ Цит. по: Belohlavek J.M. «Let the Eagle Soar»: The Foreign Policy of Andrew Jackson. Lincoln, 1985. P. 30.

Американский посланник охотно делился своими наблюдениями и оценками русского общества с руководством, друзьями и родственниками. Афористичность и обилие текстов, оставленных Бьюкененом, привлекали внимание как американских, так и отечественных историков к периоду его пребывания в России⁴. Однако нам представляется, что в этой литературе доминирует упрощенная трактовка отношения посланника к российской действительности. На самом деле, представления Бьюкенена о России эволюционировали достаточно сильно, демонстрируя не только его политические таланты, но и редкую для американских дипломатов способность к восприятию чужой действительности.

Бьюкенен часто писал напрямую президенту, минуя государственного секретаря. Он сообщал Джексону об отношении России к Америке и о трудностях, связанных с этим для американского представителя при русском дворе:

Самый тщательный отбор не будет лишним при выборе посланника к этому двору. На самом деле, в нашей стране трудно найти много подходящих людей на этот пост. В Лондоне и Париже наши посланники наслаждаются положением, которому они обязаны высокой репутацией своей страны; но здесь репутация страны зависит в большой степени от поведения посланника. Принципы американского правительства, связь между нашим величием и процветанием, свобода наших учреждений, — книга за семью печатями для русских. Их собственная пресса не отваживается ничего публиковать на эту тему, а все иностранные газеты, за исключением самых нелиберальных, запрещены. Высшие классы здесь главным образом получают информацию о нашей стране от нашего посланника. Это в достаточной мере указывает, какими должны быть его качества, и я сожалею, что сам не всеми ими обладаю. Несомненными требованиями являются большие способности, легкая речь, вкрадчивые манеры и совершенное знание французского языка.

⁴ См., напр.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения: 1815—1832. М., 1975; Baylen J.O. James Buchanan's «Calm of Despotism» // *Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1953. Vol. 77. № 3 (July). P. 294—310; Binder F.M. *James Buchanan and the American Empire*. Selinsgrove, Pa., 1994.

ка. <...> Прежде всего у него должно быть сердце настоящего американца... всегда стремящегося использовать любую возможность произвести благоприятное впечатление о своей стране⁵.

О том же Бьюкенен писал другу:

Этот двор требует человека определенного таланта. Очень немногие наши сограждане подходят для того, чтобы направить их сюда в качестве посланника. Здесь репутация страны зависит во многом от репутации посланника. Источники информации о наших республиканских институтах, открытые по всей остальной Европе, закрыты в этой стране. Положительное впечатление можно оказать на дворян при личном общении; и, для того чтобы этого добиться, абсолютно необходимо, чтобы посланник время от времени развлекал их и легко смешивался с их обществом. Такова разница между русским и американским обществами, что Леветт Гаррис был бы здесь гораздо более полезным посланником, чем Дэниел Уэбстер⁶. Я делаю эти замечания, исходя из предположения, что еще долгие годы у нас не будет здесь серьезных дел⁷.

Сам Бьюкенен, чтобы не разориться на званые балы, но оставаться в обществе, давал обеды «в простом республиканском

⁵ Бьюкенен — Джексону. 1—13 октября 1832 г. // WJB. Vol. 2. P. 239.

⁶ Леветт Гаррис — американский консул в Санкт-Петербурге в 1803—1814, секретарь американского посольства по заключению мира с Великобританией, в 1817 году его кандидатура рассматривалась на пост посланника в России, но обвинения в коррупции не дали этому назначению состояться. В 1833 году короткое время был поверенным в делах США во Франции. Дэниел Уэбстер — выдающийся оратор, юрист и политический деятель, конгрессмен, сенатор, государственный секретарь США. Леветт Гаррис, в 1830-е гг. живший в Париже, умер в октябре 1839 г. именно в Санкт-Петербурге. См.: Гибсон — Форсайту, № 30. 23 сентября/5 октября 1839 // NARS. RG 59. Records of the Department of State. M. 81. Despatches from U.S. Consuls in St. Petersburg, Russia, 1803—1906. R. 4. June 19, 1839 — Sept. 20, 1847.

⁷ Бьюкенен — Стериджеру, 19 мая 1833 г. // WJB. Vol. 2. P. 333—334.

стиле», даже «не одевая слуг в ливрею», и тем не менее сознавал себя «фаворитом, особенно у императора и императрицы»⁸.

Однако Бьюкенен признавал и особый интерес своих русских собеседников к Америке, дававший ему определенное преимущество в свете: «Быть американским посланником означает обладать паспортом на благосклонность русской аристократии», — сообщал он своей американской знакомой⁹.

Поговорить о роли американского посланника в России Бьюкенену представился случай во время его последней встречи с Нессельроде. Сказав министру, что планирует вернуться к частной жизни, он добавил: «В какие бы обстоятельства я не был в дальнейшем поставлен, мне доставит огромное удовольствие использовать то скромное влияние, которым я обладаю, для укрепления уз дружбы, так счастливо теперь соединивших две страны». По словам американца, Нессельроде высоко оценил деятельность Бьюкенена в должности посланника, и подчеркнул, что тот «со времени своего прибытия в эту страну внес большой вклад в поддержание добрых отношений между двумя правительствами». Российский министр, — докладывал Бьюкенен государственному секретарю, — «выразил надежду, что я увезу с собой приятные воспоминания о моей жизни в Санкт-Петербурге; и что мое влияние дома может быть использовано для поддержания так счастливо сложившегося взаимопонимания». Нессельроде подчеркнул, что «выбор посланника — дело огромной важности для взаимопонимания между двумя странами, и что они будут мне обязаны, если я на основании собственного опыта объясню [в Вашингтоне], какими качествами должен обладать человек для достижения желаемого результата»¹⁰.

Бьюкенен не замедлил высказать свое мнение о требуемой квалификации посланника в России (хотя, вероятно, это было не совсем то, что имел в виду Нессельроде):

Здесьнее правительство чрезвычайно подозрительно, и в обычном обществе никто не может сказать, кто является шпионом тайной полиции. За каждым посланником, и осо-

⁸ Бьюкенен — Стериджеру, 19 мая 1833 г. // WJB. Vol. 2. P. 334.

⁹ Бьюкенен — Джейн Слеймейкер, 31 октября 1832 г. // Ibid. P. 265.

¹⁰ Бьюкенен — Л. Маклейну, № 21. 31 июля (н.с.) 1833 г. // Ibid. P. 373—375.

бенно за американским посланником, после его прибытия, тщательно наблюдают; и, если он недостаточно владеет собою, чтобы придерживать язык, он может причинить больший вред за три месяца, чем осторожный человек исправит за много лет. Говоря это, я не хочу сказать, что он должен когда-либо выражать чувства, не подобающие американцу; но только то, что он должен знать, когда молчать, а когда говорить. Напротив, он должен использовать каждую удобную возможность, чтобы создавать благоприятное впечатление о своей стране. Такие возможности будут предоставляться чаще, если он заслужит доверие придворной аристократии. В самом деле, многие из них стремятся получить информацию о Соединенных Штатах и наших политических институтах, при условии, что это будет для них безопасно. В общем, они могут получить такую информацию только от посланника, поскольку пресса находится под самой строгой цензурой. Талант к общим политическим разговорам, в сочетании с желанием покрасоваться был бы самым опасным качеством для американского посланника в Санкт-Петербурге. Эти соображения важны в стране, где нет общественного мнения, и где все зависит от фавора суверена и его ближайшего окружения... Когда у нас здесь нет специальной цели, которую необходимо достигнуть, лучше совсем не направлять посланника в Санкт-Петербург, если он не обладает вкусом и талантом для высшего общества¹¹.

Бьюкенен писал в своих депешах о России много и часто. Он, по всей видимости, ощущал себя первооткрывателем этой страны для американцев, во всяком случае, для своих близких и

¹¹ Бьюкенен — Л. Маклейну, № 21. 31 июля (н. с.) 1833 г. // Ibid. P. 376. Интересно, что, заняв в следующем десятилетии пост государственного секретаря, Бьюкенен выбрал не самых удачных посланников в Россию (Р. Ингерсолла и А. Бэгби), но настаивал на назначении секретаря миссии в России, который, «кем бы он ни был, должен свободно говорить по-французски». Дж. Бьюкенен — Р. Ингерсоллу, № 2. 25 марта 1847 г. // NARS.M. 35. Diplomatic Instructions of the Department of State. Russia. R. 136. Vol. 14.

для руководства США — адресатов его пространных писем. По этим текстам вполне можно проследить эволюцию его взглядов на империю — от общих для американцев его поколения преубеждений до вполне дружеского отношения к иным реалиям.

В начале своего пребывания в Санкт-Петербурге Бьюкенен был крайне невысокого мнения о русских, включая высшие слои общества.

В одном из первых частных писем президенту Джексону Бьюкенен описывает свои впечатления от русской действительности: «главное препятствие для проживания в этой стране, которое должен чувствовать американец, происходит не от климата, хотя он и достаточно плох. Оно вызвано отсутствием свободы прессы, общественного мнения, и очень небольшим количеством разговоров о политике, и тех весьма осторожных. Коротко говоря, мы живем в тиши деспотизма»¹².

Революция в такой стране, по мнению Бьюкенена, «была бы только сменой Хозяев. Она не улучшила бы положения масс народа. Они совершенно не готовы к либеральным учреждениям. Дворянство, за небольшим исключением, приобрело все пороки французской цивилизации в их высшей степени, без каких-либо смягчающих качеств, за исключением вежливости; а крепостные люди грубы, суеверны и невежественны. В его нынешнем состоянии правительство императора Николая — лучшее, что они могут получить, если его политикой не является продолжение правления невежества и суеверия с целью предотвратить проникновение либеральных идей в его империю»¹³.

По прошествии двух месяцев Бьюкенен должен был изменить свое мнение. Он признал в письме президенту Джексону, что в депеше 9 августа поторопился с выводами. «За последние шесть недель мне повезло познакомиться с несколькими семьями дворян очень высокого ранга... И хотя, за некоторыми

¹² Бьюкенен — Э. Джексону, 22 июня 1832 г. // WJB. Vol. 2. P. 199. Это наиболее часто цитируемое высказывание Бьюкенена о России. Однако надо обратить внимание, что оно содержится в одном из первых писем посланника, то есть отражает не столько его опыт, сколько сформировавшиеся еще в США стереотипы восприятия российской действительности.

¹³ Бьюкенен — Ливингстону, 9 августа 1832 г. // Ibid. Vol. 2. P. 229—230.

исключениями, я не могу сказать, что обожаю их, все же это показывает, как опасно формировать мнение слишком поспешно»¹⁴.

Именно внимание представителей российской элиты к представителю республиканских Соединенных Штатов заставило Бьюкенена отказаться от своих первоначальных оценок. С удивлением и некоторой гордостью писал он своему брату: «Эта страна деспотизма — не то место, в котором американский посланник может ожидать много друзей; особенно, зная, что русская аристократия не имеет большого желания поддерживать знакомства с иностранцами. И все же так случилось, что несколько человек из высшего круга оказались очень добры ко мне; у меня есть основания считать, что я буду фаворитом»¹⁵. Способность изменить свое мнение, исправить сложившийся стереотип под влиянием действительности, отличавшая Бьюкенена, была присуща не всем его преемникам.

Одной из тем, наиболее интересных европейцам и американцам, была военная мощь России.

Как правило, американские посланники объясняли своим руководителям, что империя не так страшна и могущественна, какой она рисуется в европейской прессе. Однако они по-разному объясняли это несоответствие.

Бьюкенен писал, что крепостное право делает Российскую империю слабой в военном отношении: «Император вел уже четыре войны за свое короткое царствование... Главная сила России — в ее древних провинциях, где существуют только два класса — дворянство и их крепостные, и там, когда правительство забирает солдата, оно лишает какого-то хозяина его раба. Эти призывы стали такими тяжелыми, что производят глухое недовольство, которое в деспотической власти часто предшествует конвульсиям. Император не готов еще к новой войне»¹⁶.

Сменивший Бьюкенена Уильям Уилкинс также посвятил одну из своих депеш описанию военных устремлений империи:

¹⁴ Бьюкенен — Джексону, 1—13 октября 1832 г. // Ibid. P. 239.

¹⁵ Бьюкенен — Э. Бьюкенену, 13 октября 1832 г. // Ibid. P. 242.

¹⁶ Бьюкенен — Ливингстону, 9 августа 1832 г. // Ibid. P. 229.

«Представляется, что его величество более склонен прилагать свои таланты и энергию к улучшению внутренних условий империи, и несмотря на свое постоянное внимание к армии и флоту, и его определенную любовь к военной дисциплине и парадам, я не думаю, что он расположен испытать на Западной Европе силы и возможности своих хороших и обученных солдат. Он более склонен сражаться с тем, чего он боится больше открытого разрыва, с “распространением либеральных идей”»¹⁷.

Через несколько лет другой американский посланник Дж. М. Даллас в своем дневнике дал примерную оценку военных возможностей империи, считая ее мощь преувеличенной. Дипломат рассуждал так. По любым оценкам, армия России состоит примерно из миллиона человек («по меньшей мере, восьмисот тысяч»).

«Управление этой огромной империей, во всех его ветвях, производится с помощью и посредством армии; вся государственная машина есть военный лагерь. Полиция — военные; сбор налогов — военные; общественные институты всех видов, которые весьма многочисленны, находятся под попечительством военных; монетный двор, банки, школы, дворцы, императорские имущества находятся в управлении военных. Армия, занятая этим, лишена способности к передвижению; нет ничего, что могло бы занять ее место и исполнять ее обязанности как заместитель, даже на короткое время; здесь нет и не может быть ничего похожего на милицию (народное ополчение). Таким образом, большая часть от этого миллиона должна постоянно исполнять функции гражданского управления». Значительная часть армии занята охраной протяженных границ России. «Если к этим соображениям добавить широкую практическую необходимость защиты деспотизма от народных заговоров и безумий, с помощью неустанной демонстрации штыков и войск, что останется от громкого звучащего и внушающего ужас миллиона солдат?» Даже

¹⁷ У. Уилкинс — Дж. Форсайту, № 8. 15 августа 1835 г. // NARS. RG. 59. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. R. 13. Vol. 13.

если миллион человек есть правильная оценка вооруженных сил империи, «ее настоящие боеспособные, готовые к использованию силы не могут превышать 200,000 или 250,000 человек. ... При этом у Австрии есть 750,000 человек, Пруссии 450,000, Баварии 70,000 и остальная Германская конфедерация 400,000»¹⁸.

Столь подробный анализ военных сил Российской империи в текстах сменявших друг друга дипломатов лучше других источников говорит нам о распространенном на Западе стереотипе восприятия России времен Николая I как милитаризованного государства, угрожающего соседним странам. Причем очевидно, что формировался этот стереотип не в Соединенных Штатах, для которых сухопутная русская армия не представлялась даже отдаленной опасностью, а в Европе и через английские и французские газеты проникал за океан. Один за другим, американские дипломаты приходили к выводу о преувеличенности европейских страхов. Однако в 1830-е годы отчеты дипломатов оседали в архивах и никак не влияли на распространенные в американском обществе представления.

Другим предметом, занимавшим американских дипломатов, были религиозные традиции русских. В первой половине XIX века Соединенные Штаты переживали «второе великое пробуждение», связанное с «возрождением» моральных заповедей евангелизма. Семья Бьюкенена была весьма религиозна. Его брат Эдвард был священнослужителем. В письмах семье тема религии в России занимала заметное место.

Высшие классы русских в Санкт-Петербурге, имеют, я опасаясь, совсем немного веры; а простые люди очень невежественны и суеверны... Хотя я далек от требования пуритански соблюдать воскресенье, я должен признаться, что меня поразила его профанация в этой стране. Император и императрица, образцы правильных моральных установок в других отношениях, устраивают балы и большие праздники в воскресные вечера; и я думаю, что

¹⁸ Запись от 17 апреля 1839 г. // Dallas G.M. *Diary of George Mifflin Dallas*. P. 184—186.

им никогда не приходило в голову, что в этом отношении они не правы¹⁹.

В другом письме Бьюкенен описывал богослужение в Александро-Невской лавре, во время которого особое впечатление на него произвел император Николай, целующий руку архиепископу: «представь себе гордого и самого сильного властителя на земле, продолжающего оказывать такое почтение священникам»²⁰.

Весьма удивило американского посланника общение с княгиней Щербатовой, которая предложила поговорить на темы религии и проявила знакомство с текстами Джона Баньяна (John Bunyan) и Исаака Уоттса (Isaac Watts)²¹.

О религиозной «крайней терпимости» русских писал в своих записках Стефенс: «Церкви каждой деноминации стоят неподалеку от Невского проспекта. Русский (православный — И. К.) кафедральный собор стоит почти напротив большой католической церкви, около них — армянская, затем лютеранская, две церкви раскольников и магометанская мечеть!»²²

Основным впечатлением многих американцев, путешествовавших по николаевской России, было быстрое развитие страны, начатое Петром и продолжающееся при Николае I.

Американские посланники, как правило, попадали под обаяние незаурядной личности императора Николая. Независимо от своей оценки общественной системы, государственного устройства или внешней политики России, они отдавали должное русскому царю. Он интересовал демократов как сильная личность и военный лидер. Наверняка, джексоновских демократов интересовали параллели с их собственным лидером («королем Эндрю», по прозвищу данному ему оппозицией), хотя они никогда этого прямо не высказывали.

¹⁹ Дж. Бьюкенен — Э. Бьюкенену, 15—27 июля 1832 г. // WJB. Vol. 2. P. 218.

²⁰ Бьюкенен — Э. Бьюкенену, 1—13 сентября 1832 г. // Ibid. P. 232.

²¹ Бьюкенен — Э. Бьюкенену, 13 октября 1832 г. // Ibid. P. 242—243.

Джон Баньян и Исаак Уоттс — английские писатели и проповедники XVII века. Баньян был популярен в России XIX века, под его влиянием, в частности, написано стихотворение А.С. Пушкина «Странник».

²² Stephens J.L. *Incidents of Travel in the Russian and Turkish Empires*. London, 1839. Vol. 2. P. 136.

Первое впечатление Бьюкенена от Николая I было таким: «император хорошо воспитан, и с достоинством держит себя. Он строго и просто одет. Какого бы мнения мы не были о его политике, все здесь признают, что в частных отношениях его характер подает пример всей империи. Как муж, отец, брат и друг, он является примером для своих подданных»²³.

Несколько дней спустя он писал президенту Джексону о всеобщем мнении иностранцев, живущих в Санкт-Петербурге, что «император Николай один из лучших деспотов. Человек превосходных личных качеств, как муж, отец, брат и друг, он представляет собой пример для всех подданных. И все же он деспот»²⁴.

Бьюкенен обращал внимание своей сестры на то, что «император очень популярный суверен, и чувствует ту уверенность в отношениях с подданными, которая редко является уделом деспотов»²⁵.

Многих посланников поражала способность Николая гулять по улицам Петербурга безо всякой охраны. Так, Даллас писал в дневнике: «Конституционный король Луи Филипп не смог бы отважиться на такое, не разбудив музыку свистящих пуль, и даже король или королева Англии рискует встретить насилие или грубость. И все же такова ежедневная практика Николая Первого. Его отвага, вероятно, коренится в стремлении исполнить свой долг, или же чрезмерная деградация его рабов претворяет малейший риск появления борьбы за свободу»²⁶.

Нессельроде в последнем интервью сообщил Бьюкенену, что «рад отметить, что характер императора более справедливо оценивается в Новом свете, чем во многих местах Старого»²⁷.

²³ Бьюкенен — Ливингстону, № 2. 12 июня (н.с.) 1832 г. // Ibid. P. 198.

²⁴ Бьюкенен — Э. Джексону. 22 июня 1832 г. // Ibid. P. 199.

²⁵ Бьюкенен — Гарриет (Бьюкенен) Генри. 26 января 1833 // Papers of James Buchanan. Microfilm. Roll 46.

²⁶ Запись от 26 декабря 1837 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas... P. 42—43.

²⁷ Бьюкенен — Л. Маклейну, № 21. 31 июля (н.с.) 1833 г. // WJB. Vol. 2. P. 374.

Бьюкенен при этом считал хорошее отношение императора к американцам собственной заслугой: «император — идеал суверена для России; и, с моей точки зрения, несмотря на его политику по отношению к Польше, он более способный и добродетельный человек, чем любой из тех, кто его окружает. Я льщу себе, что положительная перемена произошла в его отношении к Соединенным Штатам со времени моего прибытия. В самом деле, поначалу ко мне относились с полным пренебрежением, как к м-ру Клею до этого»²⁸.

Уилкинс объяснял этот феномен особым расположением Николая к американцам: «Но надо отдать должное его величеству. Несмотря на его враждебность принципам свободного правительства, и его страх перед их возможным проникновением и распространением в его владениях, он, кажется, не испытывает никаких других чувств, кроме уважения и доброй воли по отношению к правительству и его гражданам, признанному самым свободным и либеральным на земле. Ежедневно его личное поведение подтверждает верность моего наблюдения»²⁹.

Сайлас Барроуз называл Николая «Наполеоном наших дней»³⁰, тогда как Дж. Л. Мотли сравнивал Николая с Петром Великим.

Особенно показателен пример Далласа, который по возвращении в Америку продолжал высоко отзываться о России и об императорской семье. Однажды на обеде, данном в его честь филладельфийскими демократами, Даллас зашел так далеко, что сказал, что живи Николай I в Америке, «он был бы превосходным демократом, с его энергией делать добро и его твердой волей настаивать на том, что он считает справедливым и полезным. Он обладает всеми нашими требованиями к первой долж-

²⁸ Бьюкенен — Джексону, 29 мая (н.с.) 1833 г. // Ibid. P. 339.

²⁹ У. Уилкинс — Дж. Форсайту, № 8. 15 августа 1835 г. // NARS. RG 59. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. R. 13. Vol. 13.

³⁰ С. Барроуз — Споффорду и Тайлстону, 26 января 1848 г. // Steers D., comp. Silas Enoch Burrows, 1794—1870: His Life and Letters. A Compilation of Material, Gathered from Many Sources, Concerning a Rather Unusual Man. Chester, Conn., 1971. P. 78.

ности в стране, и, — я отвечаю за свои слова, — мог бы быть превосходным президентом»³¹.

Бьюкенен сообщал своему руководству о ненадежности российской почты: «Со времени моего прибытия в этот город, не получил ни одного сообщения через почту или Министерство иностранных дел — ни делового, ни личного характера, которое не было бы вскрыто. ...Эта практика так известна, что никто в Санкт-Петербурге не пытается скрыть или отрицать ее»³².

Представление о всепроникающем шпионаже тайной полиции было настолько распространено среди живших в Санкт-Петербурге иностранцев, что принималось американскими посланниками без дополнительных доказательств. Самый красноречивый пример содержится в дневнике Дж.М. Далласа. Его жена написала письмо своей матери, в котором не очень лестно отзывалась об императорской семье. Не успев отправить, она положила письмо в ящик стола, а вернувшись, не обнаружила на прежнем месте. Семья посланника немедленно заподозрила в пропаже происки тайной полиции, под подозрение попали английская няня и носильщик. Даллас собирался созвать всех слуг и предложить вернуть взятое в течение десяти минут и уволить всех без разбора в случае неудачи. После долгих поисков, однако, письмо было обнаружено в столе, приклеившимся к внутренней стороне ящика. Даллас замечает, тем не менее, что из происшествя они сделали вывод о необходимой осторожности, «хотя в то же самое время, меня поразила мысль, что подобные случаи могли часто пробуждать и преувеличивать фальшивые оценки полицейского проникновения»³³.

Однако посланники 1830-х годов сохраняли свои оценки для госдепа, президента, личных дневников и немногих друзей,

³¹ А.А. Бодиско — К.В. Нессельроде, № 2. 14/26 января 1840 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1840. Д. 180. Л. 61 об. Спустя 14 лет Томас Сеймур писал о «добром республиканском рукопожатии» Николая. См.: Т. Сеймур — У. Марси, № 2. 13 апреля 1854 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

³² Бьюкенен — Ливингстону, № 15. 22 февраля (н.с.) 1833 г. // WJB. Vol. 2. P. 320.

³³ Запись от 18 ноября 1837 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 29—30.

с которыми они состояли в переписке. Ситуация изменилась на рубеже десятилетий.

Дипломаты 1840-х: просвещая соотечественников

Заслуги сотрудников американской миссии в России в 1840-е годы в формировании образа страны в Соединенных Штатах до сих пор не оценены. Нам представляется, что их активность в изучении и описании России, в борьбе с враждебными стереотипами, навязывавшимися западноевропейской печатью, была одним из факторов, сблизивших две страны во второй трети XIX века.

Публикация в Соединенных Штатах в течение 1840-х гг. нескольких статей и книг о России, принадлежавших перу американцев, имевших собственный опыт жизни в северной стране стала ответом на возросший интерес к далекой стране, обратившейся к США как источнику инноваций. В отличие от немногих опубликованных ранее, эти статьи и книги были не просто рассказами о путешествиях, но попыткой представить вниманию американцев своего рода энциклопедии русских обычаев, государства и общества. Все эти тексты были написаны сотрудниками американской миссии в Санкт-Петербурге.

Посланник США в России в 1840—1841 гг. Черчилль Камбреленг был активным членом демократической партии, сменивший его Чарльз Стюарт Тодд (1841—1846) и его секретари — американскими вигами, но партийные различия не оказали заметного влияния на их отношение к России. Никто из перечисленных людей не был профессиональным дипломатом, — в Соединенных Штатах того периода не было такой профессии. Политики и коммерсанты, военные и литераторы — все они получили назначение в Россию, о которой имели лишь самые общие представления, по политическим мотивам. И все они по возвращении на родину выступили с публикациями, представлявшими Россию соотечественникам в самом благоприятном свете.

Черчилль Калдом Камбреленг (1786—1862) родился в Вашингтоне, Северная Каролина. Рано лишившись отца, он не смог закончить образование в колледже и начал работу в компании, занимавшейся торговлей в северной части Тихого океана, на севе-

ро-западном побережье Америки. Еще через несколько лет Камбреленг стал одним из доверенных лиц крупнейшего американского торговца той эпохи Джона Джейкоба Астора, который командировал его в Европу в 1813 году — в разгар войны США с Великобританией и в завершающий период наполеоновских войн. Больше года путешествовал молодой американец по разоренной войной Европе, а, вернувшись в Соединенные Штаты, был вновь направлен Астором в Старый Свет в 1815 и 1816 гг., в последней из этих поездок добравшись даже до Константинополя и Малой Азии. В 1825 году Камбреленг объехал все Британские острова, завершив свое знакомство с Европой, надо признать, чрезвычайно детальное для американца его поколения.

В начале 1820-х годов Камбреленг начал политическую карьеру и уже в марте 1821 стал членом конгресса США от штата Нью-Йорк. Камбреленг оставался конгрессменом на протяжении 18 лет, возглавляя ряд ключевых комитетов (в том числе по иностранным делам) и борясь в законодательном органе за принципы свободной торговли и низкий тариф. Потеряв место в конгрессе на выборах 1838 года³⁴, Камбреленг опять уехал в Европу, где его и застало известие о назначении посланником США в Санкт-Петербурге³⁵.

Насколько нам известно, Камбреленг — первый американский посланник, по возвращении из России напечатавший свои мемуары о далекой империи. Его предшественники, как правило, сохраняли свои рассуждения о России для глаз руководства или своих близких. «Записки» Камбреленга — первые в ряду опубликованных рассказов дипломатов.

В августе 1842 года «Юнайтед Стейтс мэгэзин энд демократик ревью» (US Magazine and Democratic Review) напечатал «Новые заметки о России, недавно посетившего» эту страну некоего С³⁶. Этот любопытный текст, написанный с симпатией к далекой

³⁴ Political Portraits. N. XIV. Churchill Caldorn Cambreleng // United States Magazine and Democratic Review. 1839. Vol. 6. № 2 (August). P. 144—158.

³⁵ Political Portraits with Pen and Pencil. No. XXXIII. Churchill C. Cambreleng of New York // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol. 11. № 51 (September). P. 287.

³⁶ C. New Notes on Russia, by a Recent Visitor // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol. 11. № 50 (August). P. 151—160.

империи, имел целью опровергнуть некоторые расхожие мнения о России, укрепившиеся среди американцев. Отрывок из статьи был помещен Юджином Аншелом в известной хрестоматии «Американский образ России»³⁷. Не определив автора, составитель хрестоматии посвятил вводный параграф к статье редактору журнала Джону О'Салливану, прославившемуся изобретением словосочетания «Предопределенная судьба» (Manifest Destiny). Тем не менее атрибуция «Заметок» не столь сложна. Уже в следующем выпуске журнала редакция признает, что автором статьи о Российской империи был недавний посланник США в Санкт-Петербурге Черчилль Камбреленг³⁸.

Автор монографии о русско-американских отношениях Норман Сол ограничивается упоминанием о «коротком пребывании в должности» Камбреленга (сократив его с 1840—1841 гг. до одного 1841 года) и о его участии в попытках показать в России искусство американских индейцев³⁹. Однако анализ статьи показывает, что, несмотря на отсутствие серьезных дипломатических достижений, Камбреленг внес свой вклад в сближение России и Соединенных Штатов, начавшееся в 1840-е годы.

«Новые записки о России», опубликованные через год после возвращения Камбреленга на родину, ставили своей целью оспорить негативное представление о России и русских, выработанное западноевропейскими писателями:

Сейчас почти что опасно говорить что-нибудь положительное о русских, так распространено в Европе и в Америке мнение о том, что они представляют собой нацию невежественных и диких варваров, невосприимчивых к цивилизации и пригодных только к цепям, в которых, говорят, их по-прежнему содержат. Такие впечатления складыв-

³⁷ The Russians Are Distinguished For Genius, Enterprise, And Courage // The American Image of Russia, 1775—1917 / Ed. by Eugene Anshel. New York: Frederick Ungar Publishing Co, 1974. P. 97—99.

³⁸ См.: Political Portraits with Pen and Pencil. No. XXXIII. Churchill C. Cambreleng of New York // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol. 11. № 51 (September). P. 287 n.

³⁹ Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763—1867. Lawrence: University Press of Kansas, 1991. P. 143, 156. В общей сложности Камбреленг находился в Санкт-Петербурге 10 месяцев.

ваются из путешествий, описанных столетие назад и скопированных последующими путешественниками вплоть до настоящего времени; из ежемесячных измышлений английских и французских журналистов, которые считают прибыльным делом оскорблять Россию и русских; и из поспешных умозаключений сформированных разочарованными путешественниками пролетавшими как можно быстрее сквозь страну, где они нашли мало хороших дорог и средств транспорта, мягких постелей или комфортабельных гостиниц.

Одна из самых обширных частей статьи Камбреленга посвящена русскому крестьянству (именно отсюда взял свою выдержку Ю. Аншел):

Американскому путешественнику, проезжающему через их деревни и города, русские крестьяне, одетые в овечьи шкуры и спящие группами на мостовой, напоминают дикарей собственной страны, и они представляют их такими же невежественными. Но тот, кто потрудится поинтересоваться, узнает, что русские славяне, хотя и находятся в крепостном состоянии веками, отмечены природой талантом, предприимчивостью, отвагой, преданностью своей стране, нерушимой верностью обетам и искренним почитанием своей церкви. Существуют неисчислимы примеры изобретений и механических работ крепостных, не умеющих читать и писать. В настоящее время обученные крепостные заняты во всех отраслях торговли и промышленности, в каждом искусстве и науке.

После описания разных категорий российского крестьянства и бедствий, вызываемых неурожаем, Камбреленг тем не менее заключает: «Но большинство крепостных в России страдают меньше, чем большая часть крестьян и рабочих в Европе»⁴⁰.

Камбреленг не избежал общего для большинства американских посланников восхищения Николаем I, также резко контрастировавшего с английским и французским мнением о русском самодержце:

Еще более опасно сказать что-нибудь положительное, или даже просто отдать справедливость императору России, чей характер и слава, кажется, находятся под специальным и снисходительным надзором британских обозревателей. Если верить им, и некоторым французским и немецким журналам, у императора нет даже достоинств байроновского Корсара — ни «одной доблести» среди «тысячи преступлений». При военном деспотизме, когда абсолютная власть сосредоточена на самом вершине, но по необходимости делегирована четырнадцати генерал-губернаторам... и более чем ста гражданским и военным провинциальным губернаторам, разбросанным по обширной империи, и удаленными от источника власти, можно ожидать тысячу жестоких и ужасных несправедливостей... За все эти действия ответственен император, знает он о них или нет. Но, что бы ни говорили британские обозреватели, император Николай — выдающийся человек, замечательно пригодный к своему положению главы военной деспотии. Он превосходит своего брата и предшественника Александра характером и умом, и особенно теми суровыми качествами, необходимыми для удержания короны, так часто испытываемой изменами⁴¹.

Но в большей степени, чем личность Николая I, одобрение американца вызвали его меры по модернизации России: «Многие меры этого монарха заслуживают восхищения. Литература страны заметно развилась за время его царствования. Несмотря на цензуру, постоянно увеличивается количество журналов, и более тысячи томов печатаются ежегодно. Это почти полностью появилось в этом столетии, и, главным образом, в нынешнее царствование». Камбреленг с уважением сообщает о публикации свода законов Российской империи, начиная с 1649 — «важном шаге в развитии закона и цивилизации в России», создании 4000 начальных школ для крестьян, мерах по частичному освобождению государственных крестьян. Правда, признает ниже автор, «потребуется несколько поколений, чтобы получить нечто

⁴⁰ С. New Notes on Russia, by a Recent Visiter // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol. 11. № 50 (August). P. 153—154

⁴¹ Ibid. P. 154—155.

более важное, правосудие, которому мешает привычная коррупция, так долго и всеобщее практикуемая в судах этой империи, где в прошлые годы коррупция допускалась правительством как средство поддержать судей»⁴².

«В нынешнем году», — сообщал Камбреленг своим читателям, — «император решил построить железную дорогу длиной в 500 миль, из Санкт-Петербурга в Москву, и нанял майора Уистлера, одного из самых заслуженных наших инженеров, руководить этой работой. Это только некоторые из многих мер, принятых за время нынешнего царствования. Простая справедливость по отношению к императору Николаю требует сказать, что он энергично работает, и уже сделал больше, чем кто-либо из его предшественников, чтобы просветить и улучшить положение крестьян в России»⁴³.

Посланника удивила веротерпимость Российского правительства, в котором некоторые высшие должности занимают протестанты, несмотря на православие четырех пятых населения империи, включая императорскую семью⁴⁴.

Бывший конгрессмен, занимавшийся законодательством в области финансов и сторонник свободной торговли, Камбреленг уделил особое внимание банковской и финансовой системе Российской империи, рассказав о причинах существования бумажного и золотого рубля и о текущем курсе обмена, а также высказавшись о губительных последствиях государственного вмешательства в экономику: «Когда правительство становится монополистом в каждой отрасли промышленности, оно просто растрчивает труд и порождает почти всеобъемлющую коррупцию и казнокрадство, но удушает частное предпринимательство, ограничивает индивидуальное производство и замедляет рост совокупного богатства нации»⁴⁵.

Камбреленг не оставил вниманием и военные возможности России. «Существует мода смотреть на морскую мощь России с презрением. У нее и в самом деле нет важнейшей основы военно-морских сил, торгового флота; но ее военный флот хо-

⁴² Ibid. P. 156—157.

⁴³ Ibid. P. 156.

⁴⁴ Ibid. P. 158.

⁴⁵ Ibid.

рошо укомплектован, и сейчас здесь есть, в отличие от прошлых времен, около 2,300 морских кадетов. По кораблям и их мощи ее флот почти равен французскому и постоянно растет. Среди ее адмиралов есть самые ученые члены академии» (американский посланник, очевидно, подразумевал И. Крузенштерна). Наконец, говоря собственно о российской армии, он разошелся во мнении со своими предшественниками: «Военная мощь России пугает Европу. Если она казалась грозной в 1812 году, что можно о ней подумать теперь, когда в организации и дисциплине русской армии произошли материальные перемены... Санкт-Петербург — это военный лагерь. Не проходит и дня без какого-нибудь смотра... Россия готова к войне в любой момент, на западе или на востоке; и когда ею управляет монарх исключительных военных амбиций, готовый пожертвовать собственной страной для того, чтобы приобрести славу и временное владение за рубежом, нации Европы вправе бояться дисциплинированных армий и громадных ресурсов этой могущественной державы»⁴⁶.

Завершались «записки о России» кратким очерком ее истории, большая часть которого была посвящена отношениям с Польшей и особенно Смутному времени начала XVII века⁴⁷. Для американцев того поколения Россия ассоциировалась прежде всего с подавлением польского восстания 1830 г., за ходом которого следили все газеты. Рассказ о жестокостях поляков в захваченной Москве в начале XVII века, приведенный Камбреленгом, должен был пояснить американцам, что в 1830 году речь шла не только о борьбе свободы с деспотизмом, но и о старой национальной вражде двух народов.

Сменивший Камбреленга Чарльз Стюарт Тодд, был, безусловно, одним из наиболее необычных американских посланников, по биографии и кругу своих интересов. Он пробыл в Санкт-Петербурге более пятидесяти месяцев (осень 1841 — весна 1846 г.), что составило самый долгий срок за период между 1830 и 1861 гг., и нам кажется не вполне справедливым упрощением вслед за Норманом Солом ограничить характеристику «эксцентричного»

⁴⁶ Ibid. P. 159—160.

⁴⁷ Ibid. P. 160.

американского посланника придворными анекдотами о его плохом французском⁴⁸.

Чарльз Стюарт Тодд (1791—1871) был, безусловно, неординарным человеком. Он сражался с индейцами и писал книги, встречался в официальном качестве с Симоном Боливаром и русским императором, разрабатывал рекомендации для американской армии и для фермеров Кентукки. В силу своих разнообразных интересов и природной наблюдательности, он оставил весьма интересные заметки о России, некоторые разделы которых не смог бы написать ни один другой дипломат в Санкт-Петербурге середины девятнадцатого века.

Будущий посланник родился в семье члена Верховного суда США Томаса Тодда. В 1809 г. Чарльз окончил колледж Уильяма и Мэри. Собственной адвокатской практике помешала начавшаяся в 1812 году война США с Великобританией, в ходе которой Тодд стал одним из ближайших соратников генерала Уильяма Генри Гаррисона, руководившего действиями против индейских племен на западе страны. Тодд окончил войну в звании полковника, а в 1820 году Чарльз Тодд был назначен первым дипломатическим агентом США в Великой Колумбии с задачей собрать информацию о событиях Южной Америке, ее отношениях с Испанией, и о претензиях граждан Соединенных Штатов к Колумбии. Именно Тодд впервые ощутил на себе всю сложность отношения руководителей новых государств к Соединенным Штатам⁴⁹.

По завершении миссии в начале 1824 года Тодд вернулся на свою ферму и всерьез увлекся работой на земле. В Вашингтоне вскоре сменилась власть, и казалось, что на государственную службу Чарльз уже не вернется.

Однако в 1840 году вице-президент сельскохозяйственного общества штата Кентукки Чарльз Тодд был неожиданно призван обратно в политику. Его старый друг и командир генерал У.Г. Гар-

⁴⁸ Saul N.E. *Distant Friends: The United States and Russia, 1763—1867*. P. 143, 168.

⁴⁹ Отечественный исследователь отмечал, что «вице-президент Сантандер вернул ему (Тодду — И. К.) его ноты ввиду недопустимого тона, а Гуаль прекратил с ним всякие официальные отношения». Глинкин А.Н. *Дипломатия Симона Боливара*. М., 1991. С. 219.

рисон был выдвинут вигами кандидатом в президенты Соединенных Штатов. Тодд принял самое активное участие в избирательной кампании, став соавтором предвыборной биографии генерала⁵⁰ и возглавив крупнейшую вигскую газету в Огайо «Цинциннати Рипабликэн»⁵¹.

Победивший на выборах Гаррисон пообещал своему другу пост посланника в одной из великих держав, памятуя, видимо, дипломатический опыт Тодда в Латинской Америке. Однако сам президент не успел произвести этого назначения, скончавшись от пневмонии через месяц после инаугурации. Полковник Тодд оставался с генералом во время его болезни и принял участие в организации похорон⁵².

На пост в Санкт-Петербурге претендовал, по сообщению русского посланника в США А. Бодиско, некто Пендлтон, «но президент (Дж. Тайлер, занявший Белый дом после смерти Гаррисона — И. К.) сказал, что генерал Гаррисон обещал одну из миссий первого ранга полковнику Тодду, своему другу и товарищу по оружию»⁵³. Государственный секретарь Дэниел Уэбстер выполнил обещание Гаррисона — в конце августа 1841 г. Тодд получил назначение посланником в Россию с инструкцией «усиливать и укреплять чувства взаимопонимания и уважения», сложившиеся между двумя странами⁵⁴.

По пути в Петербург, куда Тодд прибыл в середине осени 1841 года, он беседовал в английской столице с русским послом Ф.И. Брунновым, который затем сообщил Нессельроде: «Беседа, которую я имел с ним (Тоддом — И. К.) во время его пребывания в Лондоне, оставила впечатление, что императорс-

⁵⁰ Todd C. S., Drake B. *Sketches of the Civil and Military Services of William Henry Harrison*. [1840] Rev. ed. Cincinnati, 1847.

⁵¹ Griffin G.W. *Memoir of Col. Chas. S. Todd*. Philadelphia, 1873. P. 45.

⁵² См.: *Memoirs of John Quincy Adams. Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848* / Ed. by Charles Francis Adams. 12 vols. Freeport (N. Y.), 1969. Vol. 10. P. 444; Griffin G.W. *Memoir of Col. Chas. S. Todd*. P. 78.

⁵³ А. Бодиско — К. Нессельроде, № 41. 19/31 июля 1841 г. // АВПРИ. Ф.133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 195. Л. 247 об.

⁵⁴ Д. Уэбстер — Ч.С. Тодду, № 1, Личные инструкции. 1 сентября 1841 г. // PDW. *Diplomatic Papers*. Vol. 1. 1841—1843. Hanover, N. H., 1983. P. 238.

кий кабинет будет удовлетворен склонностью к примирению, которую этот посланник привнесет в выполнение функций, которые ему поручены»⁵⁵.

Как и многие американцы до и после него, Тодд был очарован блеском императорского двора и обходительностью императора:

Нет языка, который мог бы описать блеск придворного круга или бала, его богатство, одежду женщин, различные военные костюмы русских офицеров, величественный облик и манеру держаться императора, чьи черты личности, несомненно, ставят его настолько же выше других коронованных голов Европы, насколько Россия более громадна по территории и силе. Доставляет удовольствие видеть самодержца империи, часто прогуливающегося по улицам как обычный гражданин, совсем без сопровождения; но, будучи узнаваемым, он приветствует вас уважительно и сердечно; это, пожалуй, странное совпадение, что самый абсолютный монарх, правящий самой могущественной империей Европы, является единственным главой государства в Европе и Америке, за исключением президента С. Штатов, кто может так общаться со своими согражданами или подданными; одинаковый результат в этом отношении получается в поведении глав двух стран, почти антиподов одна другой в своих институтах. Этот факт представляет любопытный предмет для размышлений политического философа⁵⁶.

Тодда занимали обычаи и традиции русских, его доброжелательный и немного ироничный настрой отразился на последующих воспоминаниях: «Церемонии утром в день Пасхи весьма своеобразны и имеют характер восточной вежливости. Зрелище пяти сотен русских мужчин, целующих друг друга на улицах в этот день, может быть, на некоторый вкус, компенсацией за путешествие в этот отдаленный регион»⁵⁷. Не обошел Тодд сторо-

⁵⁵ Ф. Бруннов — К. Нессельроде, № 200, 7/19 октября 1841 г. // АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 469. 1841. Д. 114. Л. 226.

⁵⁶ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 6. 10/22 декабря 1841 г. // NARS. М. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

⁵⁷ Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 93.

ной и жизнь русского крестьянства, чьей «обычной диетой» являлся «капустный суп, ржаной хлеб и соль»⁵⁸.

И все же Тодд не мог чувствовать себя своим в придворном кругу, не владея ни светскими манерами, ни просто языком общения. В ходе первой же аудиенции у императора американский посланник натолкнулся на языковой барьер, и был вынужден общаться с Николаем I через переводчика. «Хотя он понимает английский и говорит достаточно хорошо (tolerably well), он говорил по-французски и пользовался услугами переводчика, заметив, что надеется вскоре научиться беседовать, или, используя его собственное выражение, «он будет достаточно самоуверен, чтобы говорить (he would be bold enough to speak)» со мной по-английски»⁵⁹. Именно незнание французского делало американского полковника предметом насмешек некоторой части петербургского общества⁶⁰. Спустя несколько лет один из преемников Тодда на посту главы американской миссии Нейл Браун в аналогичной ситуации замкнется, начнет подозревать окружающих в слежке и записывать желчные наблюдения над российской действительностью⁶¹.

⁵⁸ Ibid. P. 100.

⁵⁹ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 5. 17/29 ноября 1841 г. // NARS. М. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14. Любопытно, что об этой аудиенции спустя почти полвека вспоминал еще один ее участник, тот самый переводчик, к услугам которого прибег император Николай. Бывший чиновник МИДа М.М. Михайлов в 1888 году опубликовал воспоминания об этом событии. Он не запомнил имени посланника, называя его Гаррисоном (такого посланника в России не было, но значительная часть разговора Николая с Тоддом, очевидно, была посвящена другу последнего недавно умершему президенту Гаррисону, что и отложилось в памяти переводчика). Зато М. Михайлов запомнил и процитировал ту же фразу, произнесенную императором по-английски (I am not bold enough to speak English). Михайлов М.М. Мелочи из моей жизни // Исторический вестник. 1888. Т. 33. № 7. С. 124—128.

⁶⁰ См.: Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763—1867. P. 168.

⁶¹ См.: Шумейкер К.Э. Миссия Нейла Брауна в России (1850—1853) // Americana. Вып. 2: Материалы Междунар. науч. конф. «Россия и страны Америки: Опыт исторического взаимодействия». Волгоград, 1998. С. 43—66.

По возвращении в США Чарльз Стюарт Тодд посчитал своей обязанностью познакомить соотечественников с далекой северной империей. Он обобщил свои наблюдения в обширной лекции под заголовком «Россия, ее ресурсы, религия, литература и др.», прочитанной им вскоре после возвращения на родину в 1846 году во Франкфорте, Кентукки. Когда спустя еще четверть века текст лекции попал в руки душеприказчика полковника Тодда Дж. Гриффина, тот посчитал ее «одним из лучших сжатых описаний империи, что ему доводилось когда-либо читать»⁶², и полностью опубликовал в своем жизнеописании Тодда.

В лекции Тодд последовательно описывает историю, церковь, науку, высшее образование, искусство, литературу, торговлю, сельское хозяйство, мануфактуры, государственный бюджет, военно-морской флот, армию, климат, классы общества, систему государственного управления и завершает описание сравнением России с Соединенными Штатами. Если некоторые разделы сочинения носят откровенно поверхностный характер (например, исторический экскурс или описание русской литературы), то ряд других наблюдений посланника вызывает интерес.

В начале своей лекции Тодд пояснил, что Российская империя «с ее огромными пространствами и ресурсами, с ее историей и особым характером, нова для нас, как и для многих народов Старого Света... Она превышает по территории все страны Европы. За исключением Уральских гор ее территория представляет собой одну протяженную равнину, включающую такое разнообразие климата и производства, с такими разными и богатыми почвами, что в ее экспорте можно найти пеньку, многие тропические плоды и почти все виды зерна, за исключением индейской кукурузы»⁶³. Этим объясняется интерес, с которым американцы смотрят на Россию.

После краткого обзора истории России (сделанного с фактическими ошибками) Тодд перешел к подробному описанию православной церкви и религиозной политики русского правительства, которую он, как и его предшественник Камбреленг, считал весьма либеральной: «Фактом, вызывающим уважение к либерализму монарха, обладающего неограниченной властью в

⁶² Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 90.

⁶³ Ibid. P. 90.

церкви и государстве, было то, что во время моего проживания в России четверо, если не больше, важнейших министров — генерал граф Клейнмихель, министр путей и сообщений; граф Канкрин, министр финансов; граф Нессельроде, канцлер империи и министр иностранных дел; и генерал граф Бенкендорф, начальник военного штаба и тайной полиции, — все были протестантами, и числились среди наименее способнейших членов кабинета»⁶⁴. Конечно, американские посланники не учитывали восходящую к Петру I традицию русской государственной власти и территориальное устройство империи, включавшей протестантские прибалтийские земли. Поэтому присутствие протестантов в правительстве значило для них лишь проявление «либерализма» и религиозной терпимости Николая I.

Наивысших похвал удостоил американский дипломат научные институты империи, достижения которых стоят в одном ряду с наукой Великобритании, Франции и Америки. Перечислив пять университетов (в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Киеве и Дерпте), Тодд специально выделил «колледж, связанный с Министерством иностранных дел, в котором те, кто готовится к дипломатической службе, изучают азиатские языки. Именно эта система и их способность к иностранным языкам, придает такую эффективность представителям империи за границей»⁶⁵.

«Литература России заслуживает большего уважения, чем ей приписывают журналы других стран», — убеждал слушателей Тодд, имея в виду не только книги перечисленных им Ломоносова, Кантемира, Державина, Пушкина и Кукольника, но и государственные документы русских политиков⁶⁶.

Подробный, основанный на личных впечатлениях рассказ Тодда о русской торговле занял одно из центральных мест в докладе: «Торговля России носит преимущественно внутренний и континентальный характер, особенно в части обмена продукцией с Китаем и Ост-Индией... простая материя из России доставляется в Кяхту, на границе с Китаем, а знаменитый восточный чай, растущий только в северных районах (Китая — И. К.)

⁶⁴ Ibid. P. 93.

⁶⁵ Ibid. P. 94.

⁶⁶ Ibid. P. 96.

и никогда не экспортировавшийся по морю, доставляется на Каспий, оттуда вверх по Волге на большую ежегодную ярмарку в Нижний Новгород, а затем по той же реке и каналам в Санкт-Петербург». Ярмарки особенно поразили американского посланника: «В Москве проходит ежегодная ярмарка отечественной продукции; а ярмарка, где обмениваются азиатские, европейские и американские продукты, проходит в Нижнем Новгороде, на Волге, в четырехстах милях от Москвы. На этой ярмарке собирается двести тысяч купцов разных наций, и я мог за время двухчасовой прогулки по улицам услышать разговор на двадцати разных языках. Именно там я увидел хлопок с Миссисипи и рис из Южной Каролины рядом с хлопком и рисом из Бухары в Ост-Индии, причем каждый из товаров проделал шесть тысяч миль, чтобы быть проданным в центре России; и там же в персидской гостинице мне подали жареную баранину с дыней, выращенной в Астрахани, в устье Волги на Каспийском море»⁶⁷.

Что же до внешней торговли, осуществляющейся через порты Санкт-Петербурга и Ригу на Балтике, Одессу на Черном и Таганрог на Азовском море, то Тодд посчитал особенно важным описать характер внешнеторговых тарифов России, протекционистских по отношению к собственной промышленности; результатом их действия стало, в частности, сокращение импорта сахара американскими судами с Кубы и четырехкратный рост потребления американского хлопка русскими мануфактурами. Чуть ниже Тодд перечислил основные статьи русского экспорта: «пшеница и рожь, пенька и изделия из нее, такие как канаты, таке-лаж и т. п., жир, сосновая древесина и т. п.»⁶⁸.

С сожалением Тодд отметил, что сельское хозяйство России развивается не так быстро, как другие отрасли ее экономики, «несмотря на то, что император пользуется просвещенными советами сельскохозяйственного общества», членом которого американский посланник «имел честь быть избранным». Тем не менее он с гордостью отметил

счастливые перемены, выразившиеся в желании получить из Америки усовершенствования, которые отличают наш

⁶⁷ Ibid. P. 96—99.

⁶⁸ Ibid. P. 96—100.

гений и энергию, радующим доказательством чего был выбор знаменитого американского инженера майора Уистлера для строительства железной дороги в Москву, длиной четырехста сорок миль, и контракт с господами Гаррисоном, Истиком и Уайнансами на постройку локомотивов и вагонов — гордый памятник американскому гению, умениям и честности. В самом деле, здесь заинтересованы в получении всех ценных изобретений нашей страны за исключением нашего величайшего изобретения — представительной демократии⁶⁹.

Перейдя к анализу промышленности Российской империи, Тодд прежде всего отметил ее быстрый рост. «Мануфактуры России начинают поднимать ее в глазах других народов; серьезные усилия предпринимаются для увеличения производства рафинированного сахара, стекла и хлопка; последнее ведет к быстрому росту ввоза нашего сырья. Несколько лет назад всего десять судов были заняты в этой торговле, сейчас шестьдесят. Множество больших заводов по производству листового железа, хлопчатобумажных и шерстяных тканей расположено вокруг Москвы; интересны предприятия в Туле, производящие огнестрельное и холодное оружие; в районе Крыма большой капитал вложен в производство сахара из свеклы»⁷⁰.

Тодд привел основные показатели российского бюджета, сделав вывод, что «ее большой государственный долг тем не менее относительно невелик, в сравнении с ее ресурсами и долгом и ресурсами других континентальных стран; он составляет примерно триста миллионов серебряных рублей или двести двадцать пять миллионов долларов, к чему можно добавить расходы на постройку московской железной дороги в пятьдесят миллионов рублей»⁷¹.

Бывший военный, Тодд особое внимание уделил флоту и армии Российской империи.

<Русская армия> количественно превосходит любую армию Европы. Регулярные войска, составлявшие в 1841 году около

⁶⁹ Ibid. P. 97.

⁷⁰ Ibid. P. 98.

⁷¹ Ibid. P. 99.

одного миллиона, были сокращены до семисот тысяч; из них от ста до ста пятидесяти тысяч заняты на рубежах Кавказа; пятьдесят тысяч составляют императорскую гвардию в Санкт-Петербурге, а остальные размещены во внутренних областях этой обширной империи». Описав систему рекрутского набора и упомянув о военных поселениях, Тодд отметил, что «по мускульной энергии и образованию русские солдаты уступают французским или американским; но по точности военных движений, особенно на парадах, они превосходят всех. Их твердость и стойкость под убийственным огнем были засвидетельствованы на многих полях сражений в Европе, под командованием Суворова в Италии, Беннигсена и Платова в Германии, Кутузова и Барклая-де-Толли⁷².

Приведя полностью свой отчет в государственный департамент о маневрах русской армии, на которых он присутствовал летом 1845 года, Тодд не удержался, чтобы не отметить своевременность своих рекомендаций правительству о развитии легкой артиллерии «перед началом нынешней войны с Мексикой»⁷³.

Далее Тодд перешел к характеристике русского общества:

Дворянство России включает примерно десять или двенадцать ступеней... но «общество», как называют высший круг, состоит только из первых четырех или пяти рангов. Они получают гуманитарное образование, многие из них могут путешествовать за границу в другие страны, они отличаются от других своими отточенными манерами и интеллектуальными достижениями. Многие дворяне владеют огромными состояниями, часто включающими десять тысяч крепостных... Знаки уважения, оказываемые им крестьянством, более заметны, чем мы с нашими республиканскими убеждениями сочли бы возможным... Что касается женщин из богатых классов, то

⁷² Ibid. P. 100—101.

⁷³ Ibid. P. 102. См. также: Ч.С. Тодд — Дж. Бьюкенену, № 61. 29 августа/10 сентября 1845 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

они образованы в гуманитарном отношении, и многие из их достижений так же полезны, как и служат украшением... Детей обоих полов с раннего периода приучают к соблюдению самых учтивых манер, похвальной аккуратности в одежде, в чем они так же могут послужить образцом для наших детей, как и в своем замечательном знании современных языков. Я часто слышал, как дети за семейным столом говорят на четырех языках: французском, немецком, русском и английском, которые они осваивают в перечисленном порядке...

Второй класс людей в России, состоящий из различных рангов купцов, лавочников и ремесленников, имеет множество особенностей; они привержены к национальной одежде, хотя и более европейской, чем у крепостных. Как торговцы, они хитры и предприимчивы; и Петр хорошо описал их, сказав евреям, допуская тех в империю, что они могут обжужливать его подданных — если сумеют. Этот класс делает быстрые шаги в образовании и полезных гражданских качествах... Крепостные, составляющие сорок миллионов населения, из которых пятнадцать миллионов принадлежит короне, представляют объект огромного интереса для путешественника⁷⁴.

Подробно остановившись на процессе вторичного закрепощения крестьян начиная с шестнадцатого века, Тодд рассказал об отмене крепостного права в Балтийских губерниях в первой половине XIX века.

Любопытно, что история крепостного права рассказана Тоддом без серьезных ошибок, сделанных им, например, при описании общей российской истории, что свидетельствует об особом интересе американца к этому общественному институту. Неудивительно, что и процесс постепенного освобождения крестьян, начатый в западных регионах империи, анализировался им с большой подробностью. Тоддом наверняка руководили аналогии между крепостным правом и рабством негров в США; ему не давал покоя вопрос о возможных путях ликви-

⁷⁴ Ibid. P. 105—106.

дации этого института. В его описании император Александр I «убедил большинство собственников в трех западных провинциях империи... предоставить свободу своим крепостным на определенных условиях, которые обсуждались комитетом собственников и были утверждены императором. Никаких беспорядков это решение не вызвало», — подчеркнул Тодд свою главную мысль⁷⁵.

В заключительной части лекции Тодд сравнил состояние и перспективы России и Соединенных Штатов:

Как и наша любимая страна, Россия — дитя восемнадцатого века. За последние сто лет она развивалась так же быстро, как и ее соседи, во всем, что составляет силу государства, если мы исключим результаты, которые можно получить только распространением образования в массах. Как и наша страна, она грозна в нападении и в обороне: она по причине своего изолированного положения и гигантской армии, мы по причине нашего протяженного побережья и эффективного флота. В соответствующей системе культуры, она, как и Соединенные Штаты, обладает достаточными средствами для прокорма собственного населения и для помощи нуждающимся народам, — во всех существенных отношениях две державы самые независимые на планете. У них нет точек для конфликта; им суждено быть лучшими соседями, потому что они так далеко друг от друга. Сила пара творит чудеса в обеих странах; железные дороги дадут им постоянное спокойствие, потому что лучшие гарантии мира лежат в концентрации военной силы. Способность переброски больших военных сил из внутренних регионов к границе, предохранит обе страны от вторжения; в то же время, в России протяженная железная дорога, задуманная императором для соединения Балтийского моря с Черным и Каспийским, даст ему силу вторгнуться в соседние страны, в то же самое время, как постоянная армия, которую эта возможность быстрого сосредоточения позволяет сократить в числе и затратах на содержание, может быть

⁷⁵ Ibid. P. 106—108.

занята в охране порядка дома. С этой интересной нацией мы всегда поддерживали дружеские отношения. Это возвышенное зрелище, над которым стоит поразмышлять другим державам, два великих народа, обладающих самой большой территорией и ресурсами в Старом и Новом свете, всегда живших в мире. Для них храм Януса всегда был закрыт. Пусть он никогда не откроется! И я повторю вам слова, которые... я позволил себе произнести в моем последнем свидании с императором, что скоро может настать день, когда сила Соединенных Штатов и России, на море и на суше, сможет заставить все народы земли жить в мире⁷⁶.

В конце лекции Тодд описал систему государственного управления Российской империи, в которой «император есть начало и конец всего в его владениях» и охарактеризовал личность императора, которым он восхищался: «Что бы мы ни думали о правительстве, являющимся антиподом нашему, нельзя отрицать, что его (Николая I — И. К.) смерть в нынешнем состоянии России, была бы великим национальным несчастьем. Мы не должны оценивать патриотизм правителей других стран по нашим собственным стандартам»⁷⁷. Это наблюдение Тодда можно дополнить замечанием другого американца, Сайласа Барроуза: «Ни один американец, посетивший Россию, не может не прийти к заключению, что императорское правительство так же хорошо создано для счастья своих подданных, как наше для граждан Соединенных Штатов»⁷⁸. Эти оценки весьма важны для понимания причин хороших взаимоотношений между самодержавной империей и демократической республикой. Оба государства не рассматривали в тот период свой пример как универсальную модель для устройства любой страны в мире (и меньше всего — как модель друг для друга). Скорее, речь шла

⁷⁶ Ibid. P. 108—109.

⁷⁷ Ibid. P. 111.

⁷⁸ С. Барроуз — Споффорду и Тайлстону, 26 января 1848 г. // Steers D., comp. Silas Enoch Burrows, 1794—1870: His Life and Letters. A Compilation of Material, Gathered from Many Sources, Concerning a Rather Unusual Man. Chester, Conn., 1971. P. 77.

об исключительности американского примера и о согласии России с отделением сферы, где распространен легитимизм, от Америки.

Завершающая часть лекции Тодда посвящена русской тайной полиции. Спустя несколько лет один из его преемников Нейл Браун увидит в ней страшный символ государства всеобщей слежки. Тодд нашел возможным рассказать о тайной полиции анекдот: приехавший в Россию «француз пришел представляться в офис (Министерства полиции — И. К.). Министр немедленно выдал ему паспорт на обратную дорогу. Француз был удивлен, и спросил, почему ему нельзя остаться. Министр ответил: «Вы родились в такой-то деревне во Франции; Вы жили там-то и там-то; и Вы убили на дуэлях восемь человек. Нам не нужны здесь такие люди: забирайте свой паспорт и позвольте мне рекомендовать Вам никогда не пытаться вновь въехать в Россию». Какой замечательный пример дает эта полиция другим странам!»⁷⁹ — заключил свою лекцию Тодд.

Лекция Ч.С. Тодда о Российской империи, носившая характер энциклопедической характеристики всех сторон русской жизни, стала одним из первых детальных описаний России, прочитанных и опубликованных в США. Из текста не ясно, был ли автор знаком со статьей своего предшественника, опубликованной в США в тот период, когда сам Тодд находился уже в Санкт-Петербурге, но многие оценки двух посланников вполне совпадают. Оба автора с очевидной симпатией относились к России и русским, оба выделили среди основных тем своего повествования личность Николая I, экономику и политическое устройство страны, ее военную мощь. Лекция Тодда была более подробной, но в целом стала следующим шагом к расширению американского понимания России.

Неизвестно, читал ли Тодд статью Камбреленга, но наверняка он познакомился с текстами о России, написанными секретарями его посольства. Секретарь американской миссии в Санкт-Петербурге в 1841—42 гг. Джон Лотроп Мотли получил в последующем широкую известность у себя на родине, как

⁷⁹ Griffin G.W. Memoir of Col. Chas. S. Todd. P. 112.

историк и дипломат⁸⁰. Пробыв в России всего несколько месяцев в 1841—1842 годах, он опубликовал в 1845 году очерк о Петре Великом, ставший одним из первых исторических сочинений американца о России. Бесспорно, интерес к фигуре Петра и сам замысел очерка возник у Мотли в период его пребывания в Санкт-Петербурге. В начале 1842 г. он писал своей жене, описывая впечатления от памятника Фальконе: «Петр Великий был, бесспорно, великим человеком. Он пьянствовал, убил своего сына, избивал своего премьер-министра и имел несколько других странностей, говоря начистоту, но все же он был замечательным человеком. Он в одиночку поднял Россию из трясины варварства, так же как он поднял Санкт-Петербург из болота; но мне кажется, что так же как этот город может в любой момент, в результате шести часов сильного юго-западного ветра быть смыт и навсегда поглощен болотом, так и Россия может в любой момент, через полудюжину плохих царей погрузиться в свое изначальное варварство»⁸¹. Описание памятника Мотли включил и в текст своего эссе, увидевшего свет в октябрьском, 1845 г., выпуске «Норт Американ Кэн Ревью» («North American Review») ⁸². Это сочинение стало первым историческим трудом будущего знаменитого историка и в то же время первой биографией Петра, принадлежавшей перу американца.

Подробно прослеживая биографию и реформы Петра, Мотли в своей статье периодически вступал в полемику с маркизом де Кюстином, чье сочинение «Россия в 1839 г.» вышло из печати в 1843 г.: «Кюстин обвиняет Петра в том, что тот пытался улучшить свою страну, импортируя семена цивилизации из старых стран Западной Европы. Он бы предпочел, если бы русские, славяне по расе, цивилизовались по-славянски.

⁸⁰ Известность Дж.Л. Мотли (1814—1877) принесли его труды по истории Нидерландов. Занимал посты посланника США в Австрии (1861—1867) и Англии (1869—1870).

⁸¹ Дж.Л. Мотли — своей жене, 10 января 1842 г. // The Correspondence of John Lothrop Motley / Ed. by George W. Curtis. New York and London, 1900. Vol. 1. P. 123—124.

⁸² Peter the Great // North American Review. 1845. October. Vol. 61. № 129. P. 269—319.

Что это за процесс, и где он успешно состоялся, он нам не сообщает»⁸³.

Выводы Мотли о роли Петра в истории России неоднозначны:

Невозможно не восхищаться его гением, его неукротимой энергией, его непобедимой волей... Трудно правильно оценить его. Мы очень далеки от того, чтобы согласиться с маркизом де Кюстином, будто его ошибкой был импорт цивилизации. Россия тщетно и достаточно долго ждала спонтанного и оригинального прорастания искусств и наук.... Если России суждено быть цивилизованной, то это произойдет через влияние Запада; если России суждено стать свободной, гимн свободы донесется до нее не из молчаливых пустынь Азии, или кладбищенской тишины Китая. Император поступил правильно, сойдя со своего славянского трона, и отправившись за границу, чтобы заечь факел цивилизации в более благополучных странах⁸⁴.

Главной ошибкой Петра историк считал игнорирование существования народа:

Он считал, что должен делать все сам, и он делал все. Он заполнял каждую военную должность, от барабанщика до генерала, от юнги до адмирала; своими собственными руками строил линейные корабли и вел их сам в шторм и в сражение; он наблюдал над каждой мануфактурой, каждой академией, каждой больницей, каждой тюрьмой; своими собственными руками вырывал зубы и писал торговые договоры, — выиграл все битвы своим собственным мечом, во главе своей армии, и пел в хоре как главный епископ во главе своей церкви, — проектировал все свои крепости, измерял глубину всех своих гаваней, рисовал карты всех своих владений, все своей собственной рукой, — управлял казной своей империи и бухгалтерскими книгами своих лавочников, учил своих подданных вести себя в ассамблеях, предписывал длину их кафтанов и их религиозные установления. Если бы, вместо того, чтобы удовлетвориться раба-

⁸³ Ibid. P. 284—285.

⁸⁴ Ibid. P. 315—316.

ми, которые только по-обезьяньи копировали цивилизацию, он постарался создать народ, способный и стоящий культуры, он мог бы освободить себя от этих мелких деталей; он бы произвел менее впечатляющий эффект, но его труды были бы более прочными... Он мог бы стать создателем и законодателем народа. Он же был только тираном и строителем города. Даже сейчас его преемники отворачивают свои глаза от Запада⁸⁵. <...> Трудно справедливо оценить его... Он сделал Россию морской державой, дал ей военно-морской флот и торговую столицу, вчетверо увеличил ей государственные доходы; он разгромил стрельцов, сокрушил патриарха, отменил монастырские учреждения в империи. Если бы он не сделал ничего больше, он все равно, за эти великие достижения, заслуживает вечной благодарности своей страны⁸⁶.

Работа Мотли имела значение не только в научно-историческом смысле. Фактически, это был идейный спор о роли государства и общества в развитии страны. Начавший широкое технологическое перевооружение России Николай I постоянно сравнивался в тот период с Петром, в том числе и американскими посланниками в Санкт-Петербурге. Что важнее — развитие народа или укрепление флота? — в вопросах Мотли угадывается ответ, с которым не согласился бы Николай I. Оценка Петра была в то же время оценкой и предостережением Николаю, анализом проблемы отношения государства и общества в России.

Сменивший Мотли в качестве секретаря американской миссии Джон С. Максвелл оставался на этом посту почти четыре года (1842—1846), а по возвращении в США написал книгу, получившую широкий резонанс в американской печати. Книга «Царь, его двор и народ» была опубликована в 1848 г.⁸⁷, и с ее публикацией помог Максвеллу Чарльз С. Тодд.

В предисловии автор так объяснял мотивы написания своей книги: «Россия и ее отношения, политические и общественные,

⁸⁵ Ibid. P. 318.

⁸⁶ Ibid. P. 319.

⁸⁷ Maxwell J.S. The Czar, His Court and People; including a Tour in Norway and Sweden. 3rd.ed. New York, 1850 [1st ed. 1848].

с каждым годом становятся все более интересными, по мере того, как познание продвигается вместе с улучшениями. Николай Первый весьма неверно представлен, либо неверно понят. В результате предрассудков или невежества большая несправедливость допускается по отношению к этому интересному персонажу во многих публикациях о России.

Будучи глубоко впечатлен злом деспотизма, который виден и чувствуется повсюду в России, писатель попытался отдать должное характеру Царя — его мотивам и намерениям»⁸⁸.

В своей книге Максвелл, однако, далеко вышел за рамки объяснения причин николаевского деспотизма. Он описывал разные стороны жизни русского народа, различные общественные и государственные институты, с которыми сумел познакомиться за время своего пребывания в России.

Максвелл первым описал начальную эпоху железнодорожного строительства в России, осуществлявшегося под руководством американских инженеров. На страницах книги нашло свое место сравнение Николая с Петром: «Николай посылал в Америку за строителями мостов и конструкторами, как Петр посылал в Голландию за кузнецами и плотниками»⁸⁹.

Наибольшие трудности у американцев вызывало понимание природы российского государственного устройства. Максвелл писал: «Зло, которое ранит народ и страну, является не столько результатом действий деспота, сколько результатом природы деспотизма. Как бы мы не расходились в отношении отдельных актов политики или не любили фундаментальные принципы правительства, мы не должны позволить этому ухудшить беспристрастную оценку правителя и человека, в той ситуации, в которой он находится»⁹⁰.

Описав удручающее положение русского крепостного крестьянина, Максвелл, тем не менее, предположил, что «по мере развития цивилизации... таланты русского умельца проявятся в большей степени. Многосторонность его гения замечательна. В поле летом, на фабрике зимой, — солдат сегодня, моряк завтра, — он

⁸⁸ Ibid. P. V (2nd pag). В издании 1850 года латинская нумерация страниц V и VI повторяется дважды.

⁸⁹ Ibid. P. 128.

⁹⁰ Ibid. P. 167.

во всем, что от него требуется, показывает чрезвычайные способности»⁹¹.

Максвелл посвятил значительную часть своей книги анализу политического развития России: «Было бы ошибкой предполагать, что внутренние революции — распад империи или другое насилие — могут направить Россию по дороге, ведущей к нынешнему состоянию конституционных государств Европы... Не от войны, революции, анархии или насилия должны мы ожидать политического возрождения такой страны как Россия. Нет ничего в состоянии или положении народа, что могло бы оправдать подобные ожидания; напротив, мы должны искать источник всеохватывающей и действенной реформы в желании или расположении деспота не меньше, чем в невежестве и варварстве масс»⁹². Однако

Россия, изо всех существующих деспотий, наиболее подвержена духу времен; раз вступив в семью народов запада, она должна, в конце концов, принять правила и порядки, которыми эта семья управляется. Отступление невозможно <...> Этот дух — непреодолимый дух, — разумный, полный мысли, религиозный дух эпохи, который пробудит реформу в России. Он накапливается у порога империи; он борется за доступ в палату советников, он даже обращается к суждению и доблестям Царя... Он убедит его, что порядок и спокойствие лучше будут обеспечены при гражданском, чем военном праве, что прикрепленные к земле могут быть объявлены свободными без опасности для государства, что религиозная терпимость, и совершенная безопасность личности и собственности, могут сделать его Петром 19-го столетия, и удовлетворить его самые смелые надежды на славу... Если, однако, остаток жизни такого энергичного и такого способного государя пройдет так же, как до сих пор, в борьбе против цивилизации, набирающей силу со временем и обстоятельствами, мы должны смотреть за порог его карьеры, на преемника, который может не быть таким энер-

⁹¹ Ibid. P. 252.

⁹² Ibid. P. 228.

гичным, или таким способным сопротивляться требованиям разума и рассудка⁹³.

Интересно рассуждение Максвелла о государственных предприятиях в Российской империи. В отличие от Тодда, он скептически оценивал их эффективность: «Большинство производственных предприятий России появились в результате начинаний имперского правительства, и успех их всех в огромной степени зависит от продолжения императорской благосклонности. Большие жертвы приносятся, чтобы поддержать их; и хотя немного можно сказать в похвалу их продукции, усилия по постройке домашней системы не ослабевают. В самом деле, есть примеры, когда некоторая продукция пользуется успехом; но это полностью является результатом отсутствия иностранной конкуренции». «Взаимный обмен товарами — вот лозунг нынешнего мира, но здесь нет взаимности. Подчиненная мании производства для самозащиты, и создания новой отрасли промышленности у себя дома, Россия вступает на поле с гигантскими конкурентами»⁹⁴.

Так совпало, что книга Максвелла вышла в разгар ажиотажа, вызванного известиями о революциях в Европе. Наиболее интересной для американцев в 1848 году наверняка была часть, посвященная внешней политике Николая. «Европа, — писал Максвелл, — введена в заблуждение по поводу этого большого количества военных, полицейских и дипломатических полков самодержца. Они не предназначены для вторжения или окончательного покорения наций. Напротив, они задуманы как средство защиты России от нападения тех принципов либерализма, которые пытаются проникнуть через ее границы; они заняты сдерживанием у порога тех идей и инноваций, которые могли бы подвергнуть сомнению деспотизм Николая. Европе нечего бояться от армий императора России»⁹⁵.

«Америкэн виг ревью» (American Whig Review) опубликовал детальную рецензию на книгу Максвелла, указав, что «недавние события, известия о которых достигли нас после публи-

⁹³ Ibid. P. 229—231.

⁹⁴ Ibid. P. 246, 256.

⁹⁵ Ibid. P. 223.

кации книги м-ра Максвелла, подтверждают справедливость этих взглядов. Останется ли Россия заинтересованным и бдительным зрителем великой драмы, разыгрывающейся в Европе, или ей предначертано отразить еще одно вторжение или быть им разрушенной, либо, в конце концов, она расширит свою холодную хватку еще на несколько провинций — вопросы, на которые может ответить только время»⁹⁶.

«Юнайтед Стейтс мэгэзин энд демократик ревью» приветствовал книгу как своевременную дискуссию о политике России: «Все страны находятся в смятении, народы и правительства каждой как-то проявили себя в соответствии с духом эпохи. Одна Россия остается незатронутой гражданским прогрессом; и в то время как другие страны рвутся от внутренних разногласий, ничего не слышно из России, кроме того, что ее неисчислимые колонны движутся из самых отдаленных углов, и направляются к ее европейской границе, где формируют занавес, за которым все темно и страшно. Работа м-ра Максвелла — очень полезная публикация в такой момент»⁹⁷.

И только дочь инженера Дж. В. Уистлера Дебора, которая в свое время предпочла ухаживавшему за ней Дж. Максвеллу англичанина Ф.С. Хэйдена, сказала брату, что некоторые части книги «отличаются плохим вкусом»⁹⁸.

Многие страницы книги Максвелла перекликаются с лекцией о России его начальника Чарльза Тодда. Однако можно констатировать, что секретарь миссии был более критично настроен по отношению к современному ему состоянию Российской империи, хотя и выражал твердую уверенность в ее светлом будущем.

Все проанализированные нами тексты были написаны с симпатией к России. Авторы признавали злом деспотизм, но писали и о том, что в русской жизни казалось им заслуживаю-

⁹⁶ Russia // American Whig Review. 1848. Vol. 7. № 5 (May). P. 502.

⁹⁷ United States Democratic Review. 1848. Vol. 23. № 122. (August). P. 192. Обратим внимание, что образы «занавеса» прозвучали в американской прессе за век до фултонской речи У. Черчилля.

⁹⁸ См.: Дж. М. Уистлер — Дж. В. Уистлеру, 26 января 1849 г. // Whistler on Art: Selected Letters and Writings of James McNeill Whistler. Washington, DC, 1994. P. 1.

щим уважения и восхищения. Никто из них не считал Российскую империю настоящим или будущим врагом Соединенных Штатов. Как правило, они высоко оценивали личность императора Николая, его заслуги в продвижении России по пути цивилизации, хотя и расходились в определении возможных пределов его политических реформ. В целом положительная оценка России и ее места в семье народов была полемически заострена против бытовавшей в англо-французской прессе мрачной картины российской жизни.

Рост интереса американцев к России в начале 1840-х годов, вызванный техническими новациями николаевского правительства, опиравшегося на американский опыт, привел к спросу на информацию о далекой империи, удовлетворить который и постарались американские дипломаты. Их описания России оказались гораздо более благосклонными к стране, чем утвердившийся в сознании американцев образ.

Американские дипломаты на протяжении 1830—1850-х годов были главным источником информации своих соотечественников «из первых рук» о России. Среди них можно выделить группу сотрудников американской миссии в Санкт-Петербурге первой половины 1840-х гг. Камбреленг, Тодд, Мотли и Максвелл вольно или невольно популяризировали Россию в Америке. В значительной мере их стараниями образ России в американском общественном мнении к 1850-м годам претерпел изменения.

В последующие десятилетия интенсивность двусторонних контактов многократно возросла, и дипломаты потеряли свое исключительное положение экспертов по России. Статьи и книги инженеров, врачей, профессиональных писателей-путешественников принесли американской публике больший объем знаний о Российской империи. Не стоит, однако, забывать о вкладе группы американских дипломатов 1840-х годов в становление дружественных отношений между нашими странами в период, предшествовавший Крымской войне.

Дипломаты 1850-х: вопрос оценки

После двух неудачных назначений и долгого перерыва, прошедших на время демократической администрации Дж. Н. Полка, когда США не имели представительства в Санкт-Петербурге, в 1850 г. пост посланника в России занял бывший губернатор Теннесси Нейл Смит Браун. Его депеши и письма резко контрастировали с позитивным подходом Камбреленга, Тодда и его сотрудников.

Собственно дипломатией посланникам США в России приходилось заниматься чрезвычайно мало. Так, подводя промежуточные итоги своей работы весной 1843 года, Чарльз Тодд отмечал: «мои сообщения могут быть лишены интереса или разнообразия, но я утешаюсь мыслью, что причина их бессодержательности есть повод для поздравлений. У нас нет предметов противоречий с этим правительством. Выполнение моих обязанностей просто и приятно. Я должен только стараться поддерживать добрые чувства, долго лелеемые к нашей стране. Я надеюсь, что достиг успеха в этой задаче»⁹⁹. Нейл Браун несколько раз за время своей миссии докладывал в государственный департамент, что ему «вообще нечего сообщать»¹⁰⁰.

Образовавшееся свободное время американцы посвящали разным занятиям. Так, Артур Бэгби (посланник в 1848—1849 годах, когда, в связи с началом революции во Франции, работа для американского дипломата нашлась бы) беспробудно пил¹⁰¹,

⁹⁹ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 29, 23 марта/4 апреля 1843 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1. P. 239

¹⁰⁰ Н. Браун — Д. Уэбстеру, № 12. Санкт-Петербург, 6 ноября 1851 г. // NARS. M 35. Diplomatic Despatches. Russia. V. 14. R. 14; Н. Браун — Э. Эверетту, № 25. Санкт-Петербург, 31 декабря 1852 г. // Ibid.

¹⁰¹ Артур Бэгби, приехав в российскую столицу, погрузился в пьянство настолько, что это вызвало серьезные нарекания среди американцев, живших в Санкт-Петербурге. Так, сын Дж. В. Уистлера Джеймс писал отцу из Лондона, куда дошли слухи о поведении Бэгби: «позор, что такого человека прислали [в качестве посланника]» (Джеймс Макнил Уистлер — Джорджу Вашингтону Уистлеру, 26 января 1849 г. // Whistler on Art: Selected Letters and Writings of James McNeill Whistler / Edited and introduced by Nigel Thorp. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1994. P. 2.

Чарльз Тодд путешествовал и посещал светские приемы (где служил мишенью для юмора придворных дам¹⁰²), а Нейл Браун сидел в миссии и составлял пространные депеши о кознях русской тайной полиции.

Сравнение высказываний американских посланников Тодда и Брауна наиболее ярко иллюстрирует два подхода, два разных отношения к российской действительности. Оба принадлежали к партии американских вигов, оба не знали ни русского, ни французского языка и оба столкнулись с реалиями николаевской России. Тем не менее оценки Российской империи, дававшиеся дипломатами в официальных депешах, личных письмах и последующих публичных выступлениях, зачастую прямо противоположны.

Чарльз Стюарт Тодд, как уже упоминалось, участвовал в войнах с индейцами, возглавлял сельскохозяйственное общество своего штата и был первым американским дипломатом, посетившим не только Москву, но также Казань и Нижний Новгород.

Нейл Смит Браун (1810—1886), в свою очередь, воевал с индейцами и занимался сельским хозяйством, занимал пост губернатора штата Теннесси и основал колледж Пибоди в Нэшвиле. В отличие от Тодда, у Брауна не было никакого дипломатического опыта к моменту отъезда в Россию. Российский дипломат Стекль характеризовал Брауна как человека «умеренных принципов и талантов»¹⁰³. Он провел весь срок своей службы (1850—1853 гг.) в Санкт-Петербурге, покинув его только для кратковременного отпуска в Лондоне. В первую же зиму (1850 г.) он заболел и просил государственного секретаря Уэбстера об отставке. Подлечившись, Браун остался на посту вплоть до смены кабинета в Вашингтоне в 1853 г. За неимением собственноручно дипломатической повестки дня он посвящал свои депеши крайне язвительным комментариям о российской действительности.

¹⁰² Saul N.E. *Distant Friends: The United States and Russia, 1763—1867*. P. 143, 168.

¹⁰³ Стекль — К. Нессельроде, №5. 22 января/3 февраля 1850 г. // АВПРИ. Ф.133. Канцелярия. Оп. 469. 1850. Д. 138. Л. 77 об.

В противоположность Тодду, Браун предпочитал обращать внимание адресата своих депеш на то, что «Россия не может гордиться ни одним изобретением в механике, которое было бы скопировано в Европе, ни единой книгой, которая стала бы признанным учебником... Все, что у них есть, заимствовано, за исключением их ужасного климата»¹⁰⁴. Тодд, кстати, нашел климат российской столицы даже зимой вполне совместимым с его телосложением, так что «во все время его здоровье было гораздо крепче, чем в любой другой период его жизни»¹⁰⁵.

Тодда очень интересовали различные сословия русского общества и образ жизни русских. У Брауна не было таких интересов. Он не ходил на балы, не общался с русскими людьми и подозревал всех окружающих в шпионаже¹⁰⁶. Свою жизнь он старался максимально изолировать от окружающей русской действительности. Приезжие американцы с удивлением замечали, что в петербургское жилище Брауна «входишь как в поместье южного плантатора»¹⁰⁷.

Чарльз Тодд в конце 1840-х годов с гордостью отмечал растущее влияние американской технической экспертизы в России, выразившееся в приглашении в страну железнодорожных инженеров и паровозостроителей.

Вот как о том же писал в Вашингтон в начале 1850-х Нейл Браун: «Они (русские — *И. К.*) воюют на заимствованные деньги. И берут займы, чтобы построить свои железные дороги. Их лучшие корабли построены в Англии, а некоторые из них в

¹⁰⁴ Н. Браун — Д. Уэбстеру, №12. Санкт-Петербург, 6 ноября 1851 г. // NARS. M. 35. *Diplomatic Despatches. Russia*. Vol. 14. R. 14.

¹⁰⁵ Griffin G.W. *Memoir of Col. Chas. S. Todd*. P. 104.

¹⁰⁶ Секретарь американской миссии Эдвард Райт, страдавший от ограничений, налагавшихся на него Брауном, объяснял их в письмах сестре деревенским происхождением посланника: «Ты можешь представить, насколько человеку, выросшему в свободном и простом обществе Западной Америки, не имеющему вкуса к эlegantным развлечениям городской жизни, неприятно дышать атмосферой Санкт-Петербурга». Wright E.H. *Letters from St. Petersburg, 1850—1851* // *Proceedings of the New Jersey Historical Society*. 1964 (April). Vol. 82. № 2. P. 77—78.

¹⁰⁷ MacGavock R.W. *A Tennessean Abroad, or Letters from Europe, Africa, and Asia*. New York, 1854. P. 367.

Соединенных Штатах ... Ни одна нация не нуждается сильнее в иностранцах, и ни одна не относится к ним так ревниво и не приветливо»¹⁰⁸.

Браун не путешествовал по России. Все, что Браун нашел сказать о русском обществе, свелось к определению Санкт-Петербурга как «живого трупа» («dead alive place»), где даже птицы не пели, «боясь, вероятно, что их может арестовать полиция»¹⁰⁹. Он сосредоточился на секретности, ксенофобии и полицейском контроле, характеризовавшими, по мнению посланника, всю жизнь российского общества. «Секретность и тайна характеризуют все вокруг, — отмечал посланник. — Ничего из того, что стоит узнать, не публикуется»¹¹⁰.

Тодд в своей лекции о России также не мог обойти вниманием роль тайной полиции. Однако в отличие от своего преемника, увидевшего в ее всезнании страшный символ государства тотальной слежки, Тодд, как мы помним, нашел возможным рассказать о тайной полиции анекдот.

Оба американских дипломата отзывались о личности русского императора в превосходных тонах, однако оценка и здесь оказалась различной.

Тодд сравнивал доступность и свободу передвижения императора по Санкт-Петербургу с открытостью американского президента¹¹¹.

Браун, в свою очередь, подчеркивал роль самодержца в функционировании государственной машины. В первую же встречу Николай I произвел впечатление на Брауна как «энергичный и хорошо образованный император», руководивший Россией «с бесшумностью и точностью хронометра»¹¹². Браун, однако, срав-

¹⁰⁸ Н. Браун — Д. Уэбстеру, №12. Санкт-Петербург, 6 ноября 185 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

¹⁰⁹ Цит. в письме секретаря американской миссии Эдварда Райта: Wright E.H. Letters from St. Petersburg, 1850–1851 // Proceedings of the New Jersey Historical Society. 1964 (April). Vol. 82. № 2. P. 78.

¹¹⁰ Н. Браун — Д. Уэбстеру, №15. Санкт-Петербург, 28 января 1852г. // PDW. Diplomatic Papers. 1850–52. Hanover; London, 1987. Vol. 2. P. 175.

¹¹¹ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 6. 10/22 декабря 1841 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

¹¹² Н. Браун — Д. Уэбстеру, № 2. 16 августа 1850 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

нил царя с Филиппом Македонским, тираном и «противником народа», ведомым «враждебностью к народным установлениям, не признающей компромиссов и никогда не ослабевающей»¹¹³. Тем не менее, с точки зрения американского посланника, уважения заслуживал тот факт, что Николай был последователен в своей политике: «Правительство России не обещает свободу и не дает ее»¹¹⁴. Браун также оценил степень сложности задачи управления огромной империей, «буквально загроможденной бюро и конторами, перешедшими пределы, поддающиеся быстротой и точной инспекции». Он сомневался, есть ли на земле правитель, «задача которого сложнее, чем у главы Российской империи»¹¹⁵.

Такое сопоставление оценок можно еще продолжать. Почему же два американских дипломата, имевшие сходные политические взгляды, увидели в России времен Николая I столь разные реалии?

В основе различия подходов лежали не только личностные характеристики посланников, но и разное отношение к возможностям альтернативных путей общественного развития. В одном случае инакость признавалась как минимум интересной, заслуживающей уважительного внимания. В другом — в чужом замечались только негативные стороны, российской действительности отказывалось в праве на собственную систему оценок. Для понимания основ русско-американской дружбы важно отметить, что первый подход был достаточно распространен в первой половине XIX столетия, прекрасно сочетаясь с идеей американской исключительности.

Тот же Тодд с уважением высказывался об индейском вожде Текамсе, главном противнике, в сражениях против которого в войне 1812 года он сделал свою военную карьеру. «С точки зрения индейцев, Текамсе был патриотом, — сообщал он своим

¹¹³ Н. Браун — Д. Уэбстеру, №15. Санкт-Петербург, 28 января 185 г. // PDW. Diplomatic Papers. 1850–52. Hanover; London, 1987. Vol. 2. P. 176.

¹¹⁴ Н. Браун — Д. Уэбстеру, № 12. Санкт-Петербург, 6 ноября 1851 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

¹¹⁵ Н. Браун — государственному секретарю, №28. Санкт-Петербург, 24 февраля 1853 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14. R. 14.

слушателям спустя многие годы. — Он посвятил свою огромную энергию сохранению особенного характера и того, что он считал правами северо-западных племен... В битве при Темзе (где Текамсе был убит — *И. К.*) он своей кровью подтвердил верность своему народу, и, когда история этого континента будет полностью написана, Текамсе войдет в нее как обладавший талантами правителя Филиппа и военным гением Понтиака»¹¹⁶. Признание, говорящее о толерантности Ч.С. Тодда и его умения признать существование в мире различных систем ценностей, особенно важным в характеристике человека, которому суждено было представлять демократическую республику в самодержавной монархии. Интересно, что пассаж о Текамсе Тодд использовал в качестве пояснения своей оценки Николая I.

Второй подход к отличиям российского общества от американского, представленный в середине XIX века текстами Нейла Брауна, набирал силу на протяжении последующих десятилетий. В Соединенных Штатах крепло убеждение в неправильности российского общественного устройства, подкреплявшееся, среди других факторов, работами Джорджа Кеннана о сибирской ссылке и проблемами эмиграции. В образ России, формировавшийся вокруг обсуждения проблем жесткой имперской государственной машины, не вписывалась объемная картина российской жизни, зато несколько черт, подмеченных Брауном, оставались в центре внимания новых поколений американских специалистов по России.

Сами депеши Нейла Брауна не востребованными пролежали в архивах государственного департамента и американской миссии в течение восьмидесяти лет, пока в начале 1930-х годов не попались на глаза американскому генеральному консулу в Ленинграде Энгусу Уорду. Тот переправил их в посольство, а Джордж Кеннан — младший, работавший в то время дипломатическим секретарем, прочел документы и предложил их вниманию посла Уильяма Буллита. Тот же Кеннан составил из депеш Брауна новое послание, направленное Буллитом государственному секретарю Корделлу Халлу в качестве «некоторых личных наблюдений» за жизнью в Советском Союзе в период руководства И.В. Стали-

¹¹⁶ Griffin G.W. Memoir of Col. Chas.S.Todd. Philadelphia, 1873. P.111.

на¹¹⁷. Политический климат в стране был назван «резким», правительственные чиновники — «недоверчивыми и скрытными», гочная информация — «труднодоступной», цензура — «суровой», система тотального шпионажа — «широко распространенной и угнетающей», русская дипломатия — «искусной в умении создавать неприятности дипломату, тем не менее не оскорбляя его», а вся система — «неприветливой и тиранической». Согласно Буллиту, несмотря на то, что послание было полностью составлено из цитат восьмидесятилетней давности, депеша представляла «точную картину жизни в России в 1936 году»¹¹⁸.

Таким образом, прямое влияние депеш Нейла Брауна испытал Джордж Ф. Кеннан, ставший одним из крестных отцов «холодной войны». Именно ему довелось развить эту традицию отношения к России.

Подводя итоги, следует отметить, что личные качества и убеждения дипломатов, круг их интересов во многом определяли не только отношения между странами, но и представления американцев о России, а русских об Америке. Безусловно, в Российской империи времен Николая I можно было увидеть как светлые, так и темные стороны. Увидев только одно, ретранслировав свое узкое видение на Родину, дипломаты середины XIX века брали на себя серьезную ответственность за формирование того или иного образа страны своего пребывания.

Томас Сеймур, сменивший Нейла Брауна и оставшийся на своем посту во время Крымской войны, также мало знал о стране своего назначения и по пути в Санкт-Петербург спрашивал в Лондоне у русского эмигранта Ивана Головина, как далеко Варшава от Санкт-Петербурга¹¹⁹.

¹¹⁷ Шумейкер К. Миссия Нейла Брауна в России (1850—1853) // *Americana*. Вып.2. Материалы междунар. науч. конф. «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия», г. Волгоград, 24—26 сентября 1997 г. Волгоград, 1998. С.43—44.

¹¹⁸ У. Буллит — К. Халлу, №1436. Москва, 4 марта 1936г. // *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers: The Soviet Union, 1933—1939*. Washington (DC.), 1952. P.289—291.

¹¹⁹ Golovin I. Stars and Stripes, or American Impressions. London, New York, 1856. P.225.

Однако через несколько лет, проведенных им в стране, находившейся в состоянии войны с ведущими европейскими державами, Сеймур обнаружил в России множество привлекательных черт. «Чем больше мы добавим к нашему знанию о России, с помощью книг и особенно карт, тем лучше мы будем подготовлены вступить в новую и более широкую область торговли с ней, чем мы ранее имели, — писал посланник госсекретарю. — Любые предметы искусства, произведенные гением этой страны, которые мы сможем приобрести для наших публичных учреждений, покажут, если они не покажут ничего больше, что Россия не та варварская страна, какой ее изображали ее недавние противники»¹²⁰.

Эндрю Диксон Уайт (1832—1918), выпускник Йельского университета и наследник значительного состояния, получил назначение на пост атташе американской миссии в России в 1853 году. Как он сам вспоминал полвека спустя, «молодые люди с достаточными средствами, обычно выпускники ведущих университетов, помогали посланнику, совершенно без затрат со стороны правительства, их единственным вознаграждением была возможность посмотреть жизнь и работу учреждений той страны, где был аккредитован посланник. В обязанности атташе входила помощь посланнику в сборе информации, ведении переписки, и в поддержании миссии в целом; он был практически дополнительным секретарем посольства, в мои обязанности также входила работа в качестве переводчика»¹²¹. Уайт сопровождал руководителя американской миссии в Санкт-Петербурге бывшего губернатора Коннектикута Томаса Сеймура на его встречи с российскими министрами и иностранными послами.

Присоединиться к миссии в Россию уговорил Уайта (и рекомендовал его Сеймуру) его друг, окончивший Йель годом

¹²⁰ Т. Сеймур — У. Марси, № 94. 2 декабря 1856г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R.17.

¹²¹ White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. In 2 vols. New York, 1922. Vol. 1. P. 449. Впервые часть «Автобиографии», посвященная российским впечатлениям Уайта, была опубликована в 1904 году: White A.D. *Russia in War Time: Recollections of a Member of the American Legation During the Crimean war* // *Century: Illustrated Monthly Magazine*. 1904. Vol. 68 (46 n. s.). P. 597—602.

раньше, Дэниел Койт Гилман, сам получивший приглашение от нового посланника¹²². Оба молодых человека покинут Россию летом 1855 года, а в последующем войдут в историю как реформаторы американского высшего образования. Уайт станет одним из создателей и первым президентом Корнелла, а Гилман — президентом университета Джонса Гопкинса.

Помимо посланника и двух выпускников Йеля, в состав посольства входили секретарь Огастас Ирвинг (Erving) и атташе полковник Ричард Холдемэн (Haldeman). Через несколько лет на обратном пути в США Ирвинг вместе с семьей оказался на судне, которое пропало без вести в Атлантике.

В декабре 1853 года Уайт отправился в Англию, где провел несколько недель в ожидании Сеймура. В это время Уайт познакомился с несколькими интересными людьми, среди которых он сам выделил Джеймса Бьюкенена, занимавшего в тот период пост посланника в Великобритании¹²³.

Дождавшись Сеймура и проследовав с ним в Париж, Уайт задержался во французской столице почти на год, изучая историю, французский язык и другие предметы. В октябре 1854 года, в разгар Крымской войны, Уайт, наконец, отправился в Санкт-Петербург.

Уайт высоко оценивал деятельность Сеймура в годы Крымской войны: «работе таких людей как он мы обязаны фактом, что в последующем, в годы, когда нам это было особенно необходимо, в Гражданскую войну, Россия продемонстрировала расположение к нам, которое, вероятно, повлияло на удержание стран Западной Европы от признания Южной Конфедерации.

¹²² White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. In 2 vols. New York, 1922. Vol. 1. P. 447.

¹²³ «Он был одним из двух-трех лучших рассказчиков, кого я когда-либо знал... За день или два до нашей встречи наш посланник в Испании м-р Суле и его сын одновременно дрались на дуэлях, один с французским послом маркизом Тюрго, другой с герцогом Альбой, из-за предположительной невежливости по отношению к миссис Суле; разговор частично определялся этим событием, и я помню воспоминания м-ра Бьюкенена о дуэлях, которые он знал в течение его долгой общественной жизни как одни из самых интересных, что я когда-либо слышал о любом предмете». White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. In 2 vols. New York, 1922. Vol. 1. P. 448.

Отношения, тогда созданные, повлияли также, в определенной степени, на передачу Аляски»¹²⁴.

Молодой атташе американского посольства считал, что наибольшую поддержку России в годы Крымской войны оказывали выходцы с Юга: «Весьма значительная часть общества в Соединенных Штатах склонилась на сторону России и пыталась помочь ей тайно, а иногда и открыто. Эти чувства были наиболее сильными в наших южных штатах и среди тех, кто симпатизировал рабству в наших северных штатах. Главным их представителем в Санкт-Петербурге был доктор Коттмэн из Нового Орлеана¹²⁵, а главными причинами были старая нелюбовь к Великобритании и идея сторонников рабовладения, будто бы существовала связь между их частью нашей страны и Россией, вызванная тем фактом, что Американская республика благословлена рабством, а Российская империя наслаждалась преимуществами крепостного права. Эти чувства могли бы быть совсем другими, знай эти сторонники России, что в тот самый момент Александр II планировал отменить крепостное право по всей империи; но до поры до времени их восхищение Россией не знало границ, и они даже убеждали ведущих русских, что нетрудно будет склонить Америку к помощи России оружием, людьми и каперами»¹²⁶.

Сам Уайт достаточно критически относился к российской действительности. По дороге домой в 1855 году он подробно написал матери и другу о своей оценке России, стремясь дистанцироваться от американских русофилов: «Я признателен за доброе отношение ко мне в России и признаюсь, что некоторые черты народа мне нравятся. Но эта нация последняя в мире, которая заслуживает *нашей* любви или *нашего* союза. Все система

¹²⁴ White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. Vol. 1. P. 450.

¹²⁵ Доктор Коттмэн пользовался большой популярностью в российской столице, получил доступ к императору, претендуя на роль полуофициального посланника, чем вызывал понятную ревность сотрудников американской миссии. В европейской и американской прессе широко комментировались переговоры Коттмэна об уступке Россией своих владений в Северной Америке. См.: Saul N.E. *Distant Friends: the United States and Russia, 1763—1867*. P. 204—209.

¹²⁶ White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. Vol. 1. P. 455.

управления там — самая варварская в мире. На земле нет другого такого примера изысканного общества настолько выродившегося, народа так подавленного, официальной системы такой беспринципной. В Санкт-Петербурге лицемерие, в Москве идолопоклонство, и коррупция повсеместно. За что нам их любить? В своей душе они презирают нас. Все их идеи прямо противоположны нашим... Я надеюсь, что мои друзья не заключили из моих писем, что я стал фанатичным поклонником России»¹²⁷. Последняя фраза говорит о том, что цитируемое письмо отличалось от предшествовавших резкостью оценок.

По возвращении в Соединенные Штаты Уайт был приглашен прочесть лекцию в своей альма-матер. Это было, по воспоминаниям Уайта, время расцвета публичных лекций, и он особенно был горд тем, что его предшественником в роли лектора был знаменитый Теодор Паркер, а следующим стал Ральф Уолдо Эмерсон. В качестве материала для выступления Уайт выбрал свой российский опыт, озаглавив лекцию «Цивилизация в России»¹²⁸.

Лекция Уайта привлекла внимание, и он повторил ее в нескольких колледжах и университетах, а также в городах западной части штата Нью-Йорк, Мичигана и Огайо. После отмены крепостного права в России отредактированный и дополненный вариант этой речи был опубликован в «Атлантик Мансли» («*Atlantic Monthly*»)»¹²⁹.

В заключение статьи Уайт выразил надежду на то, что крестьянская община станет зародышем демократического развития России (эту мысль он обсуждал в 1856 году с Теодором Паркером, который, в свою очередь, заимствовал ее у русского эмигранта Адама Гуровского)¹³⁰. «С точки зрения амери-

¹²⁷ Уайт — своей матери, 4 ноября 1855 (Берлин). Цит. по: Saul N.E. *Distant Friends: the United States and Russia, 1763—1867*. P. 230—231.

¹²⁸ См. подробнее об этой лекции в гл. 6.

¹²⁹ White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. Vol. 1. P. 82. В автобиографии автор неточно воспроизвел заголовок статьи в журнале, назвав ее «The Rise and Decline of the Serf System in Russia» вместо «The Development and Overthrow of the Russian Serf System», что, впрочем, можно перевести на русский одной и той же фразой.

¹³⁰ См.: White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. Vol. 1. P. 80—81.

канского мыслителя, большие надежды для России вызывает патриархальная демократическая система, — распространение начального политического образования в массах. Лидеры деревень и общин избираются; собрания крестьян решают вопросы передела земли и налогообложения; там проводятся дискуссии; проводится подсчет голосов; и хотя право царя и дворян считается выше прав народа, все же такая грубая демократическая учеба сохраняет в народе искры мужества и яркость свободной мысли.

Многие слова и действия нынешнего императора позволяют надеяться, что не пройдет много лет, как Россия станет конституционной монархией.

Таким образом, Россия делается державой, перед которой все другие европейские державы станут пигмеями»¹³¹.

Следующий посланник Соединенных Штатов в России был представителем Юга, как бы призванным подтвердить опасения Уайта. Фрэнсис Пикенс был двоюродным племянником идейного лидера Юга Джона Кэлхуна, одним из крупнейших плантаторов и влиятельным политиком из Южной Каролины. Назначение Пикенса в Россию состоялось весной 1858 года и задержалось из-за свадьбы 53-летнего политика и 25-летней красавицы Люси Холкомб. Люси заслуживает своего места в рассказе о русско-американских отношениях середины девятнадцатого века.

В юности Люси Холкомб была помолвлена с Уильямом Криттенденом, племянником тогдашнего генерального прокурора США. Криттенден в августе 1851 года принял участие в неудачной флибустьерской экспедиции Нарсисо Лопеса на Кубу и был казнен вместе с самим Лопесом испанскими властями¹³². Свое горе Люси выплеснула в книге «Свободный флаг Кубы, или Мученичество Лопеса. История освободительной экспедиции 1851 года», опубликованной ею под псевдонимом «Х.М. Хардимен». Люси восклицала: «Неужели американская

¹³¹ [White A.D.] The Development and Overthrow of the Russian Serf System // Atlantic Monthly. 1862. Vol. 10. № 61. P. 551.

¹³² См. подробнее об экспедиции Лопеса: Ларин Е.А. Какому флагу служил генерал Нарсисо Лопес? // Новая и новейшая история. 1980. № 4. С. 142—150.

кровь, пролитая на кубинской земле, будет напрасно взывать к отмщению?»¹³³

Чета прибыла в Санкт-Петербург 6 июля 1858 года. Здесь Люси Пикенс произвела фурор. В отличие от большинства американок, которых до тех пор видели при дворе, Люси одевалась в меха и драгоценности, знала, как вести себя на балах, и вообще чувствовала себя в придворной аристократической среде как рыба в воде. Пикенсы удостоились аудиенции императора Александра II в Петергофе 18 июля. Все присутствовавшие отметили, что внимание 38-летнего царя сосредоточилось на красавице-американке. Александр весь вечер танцевал с Люси и долго беседовал с ней. Он оказал посланнику и его супруге необычно теплый прием, а когда выяснилось, что Люси беременна, поселил Пикенсов в Зимнем дворце — уникальный случай в истории дипломатического корпуса в Санкт-Петербурге¹³⁴!

Царь и царица одаривали Люси драгоценностями и мехами, к которым жена посланника была равнодушна. Рождение дочери императорская чета ознаменовала подарком коллекции бриллиантов и изумрудов.

К концу второго года жизни в России Люси все чаще жаловалась на ностальгию и была недовольна своим мужем. Чету Пикенсов в Россию сопровождали две дочери посланника от его второго брака. Установив хорошие отношения с младшей из них, Дженни, Люси оставалась в натянутых отношениях со старшей, Ребеккой, которая вышла в России замуж за секретаря миссии Джона Бэкона. Она задумывалась о возвращении на родину, высказывая свое нежелание жить в поместье Пикенса Иджвуде «в окружении всех детей, внуков и родственников № 1 и № 2 (первой и второй жен Френсиса)».

В конце 1859 года Френсис Пикенс писал другу, что «все, что он видит и узнает в Европе, заставляет его чувствовать еще боль-

¹³³ См.: Bull E.L. Lucy Pickens: First Lady of the South Carolina Confederacy // Proceedings of The South Carolina Historical Association. 1982. P. 5—18.

¹³⁴ Это дало повод для сплетен, будто Александр был отцом дочери Люси, родившейся 14 марта 1859 года, однако сроки родов не дают достаточных оснований для таких подозрений.

шую любовь и привязанность к своему дому и стране»¹³⁵. Его секретарь, ставший зятем, писал, однако, что «весьма доволен этой страной (Россией — *И. К.*). Она одна из первых во всем, и через двадцать лет не будет иметь себе равных за исключением Америки»¹³⁶.

Усталость и ностальгия супруги, а также нараставший на родине раскол между Севером и Югом побудил посланника подать в отставку. Осенью 1860 года чета вернулась в США, где Френсис Пикенс вскоре был избран губернатором Южной Каролины. На выборах 1860 года президентом США стал Авраам Линкольн. 16 декабря Пикенс занял свой пост, а через 4 дня законодательное собрание штата единодушно проголосовало за выход из состава США. В течение нескольких недель другие рабовладельческие штаты последовали примеру Южной Каролины. Началась Гражданская война¹³⁷.

Другие американцы в России:

моряки, путешественники, инженеры, иммигранты

Американцы, приезжавшие в Россию, по-разному адаптировались к жизни в непривычных для себя условиях. В значи-

¹³⁵ Ф. Пикенс — М.Л. Бонэму, 14 октября 1859 г. // *Ante-Bellum Southerners in Russia // Journal of Southern History*. 1937 (May). Vol. 3. № 2. P. 194.

¹³⁶ Дж. Бэкон — М.Л. Бонэму, 24 февраля 1859 г. // *Ibid.* P. 193.

¹³⁷ Люси Пикенс вскоре стала самой популярной женщиной Юга. Она пожертвовала на дело Конфедерации драгоценности, подаренные ей царской четой, и ополчение Южной Каролины в ее честь взяло себе имя «Легион Люси Холкомб». Легион состоял из семи рот пехоты и одного кавалерийского эскадрона.

Кристофер Меммиджер, министр финансов Конфедерации и поклонник Люси, предложил украсить ее портретом деньги южан. На долларовой банкноте 1862 года и на 100-долларовой банкноте Конфедеративных Штатов Америки 1862—1864 гг. был помещен портрет Люси в лавровом венке. Долгие годы после Гражданской войны эти банкноты служили украшением и сувениром на встречах ветеранов Юга.

Френсис Пикенс был куда менее популярен. В 1862 году он потерял пост губернатора и удалился в свое поместье, где супруги вели изолированный образ жизни. В 1869 году он умер. Люси было тридцать семь.

тельной мере их успех определялся той целью, которая привела их в империю. Среди таких американцев были искатели удачи, сделавшие карьеру в России, как приближенный графа Воронцова Джордж (Егор Васильевич) Зонтаг¹³⁸ или адъютанта императора Томаса Манро (Munroe), о котором Джеймс Бьюкенен писал в начале 1833 года:

Он происходит из хорошей семьи в Вашингтоне, и приехал в Россию примерно десять лет назад в поисках удачи, просто потому, как он сам говорит, что был неспособен ни к одному занятию в Соединенных Штатах. Сейчас он адъютант (*Aid-de-Camp*) императора, и я думаю, что должен добавить, самый доверенный из адъютантов. Он бывал во многих сражениях, и как здесь говорят, он смел как его меч. Он искренне предан императору и императрице, не потеряв преданности своей стране. ...Он устал от мира и просил разрешения принять участие в экспедиции против египтян. Его просьба была удовлетворена, и он покинул Санкт-Петербург. Я очень сожалею об его отъезде¹³⁹.

Другие не могли перенести холодной зимы, но еще чаще — отсутствия привычного общества. Так, секретарь американского посольства в 1840-х Джон Максвелл описывал проблемы американских мастеров на Александровском заводе: «Пятнадцать или двадцать мастеров было приглашено [из Соединенных Штатов]. Но многие из них не смогли остаться, поскольку, несмотря на то, что им платили больше, чем они могли заработать где-либо еще, они не могли справиться со скукой (*ennui*) в месте, где не было ни общественных встреч, ни дискуссий, ни газет, ни выборов, ни лекций, ни даже возбуждения движения за трезвость, чтобы облегчить тяготы ссылки»¹⁴⁰.

В сентябре 1836 года американский консул в Санкт-Петербурге Гибсон сообщил в государственный департамент о смерти

¹³⁸ См. о нем: Плешков В.Н. Егор Зонтаг: забытый американец // *Страницы российской истории: проблемы, события, люди*: Сб. ст. в честь академика Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 273—277.

¹³⁹ Дж. Бьюкенен — Гарриет (Бьюкенен) Генри. 26 января 1833 г. // *Papers of James Buchanan*. Microfilm. Roll 46.

¹⁴⁰ Maxwell J.S. *The Czar, His Court and People, Including a Tour in Norway and Sweden*. New York, 1850. P. 126—127.

29 августа (10 сентября) Неро Принца, «свободного черного, уроженца Массачусетса», который «жил в Санкт-Петербурге с 1810 года, и в течение последних десяти лет служил в императорском дворце»¹⁴¹.

Неро Принц был одним из чернокожих слуг императора; его имя стало известно благодаря книге мемуаров, написанной его супругой Нэнси. Необычность самого факта опубликования книги черной женщиной в первой половине XIX века привлекла к ней внимание историков, исследующих положение меньшинств и женщин в США¹⁴².

На рубеже 1830—1840-х гг. военные инженеры путешествовали в обоих направлениях. Так, американская газета сообщала в октябре 1840 г. о большом смотре русской армии, на котором присутствовали майор Баркер, капитан Моро (Moreaux) и майор Уэйд (Wade), командированные правительством США для изучения литейных заводов Европы¹⁴³. Однако, в отличие от поездок русских инженеров в США, подобные краткие визиты видимых результатов не принесли.

В отличие от дипломатов и путешественников, оставивших, как правило, длинные описания своих впечатлений от России, купцы и моряки очень редко делали подобные записи. Тем не менее сохранился любопытный документ, бросающий свет на некоторые проблемы общения американских моряков с русскими властями. Это инструкция хозяевам американских судов, торгующих в Кронштадте, составленная консульским агентом в этом порту Чарльзом Ленартценом¹⁴⁴. Частично это был

¹⁴¹ Гибсон — Форсайту, № 19. 12/24 сентября 1836 г. // NARS. RG 59. Records of the Department of State. M. 81. Despatches from U.S. Consuls in St. Petersburg, Russia, 1803—1906. R. 3. May 25, 1831 — Dec. 6, 1838.

¹⁴² Prince N. Black Woman's Odyssey Through Russia and Jamaica: The Narratives of Nancy Prince. New York, 1989. См. о Неро Принце статью В.Н. Плешкова: Плешков В.Н. Американские негры при дворе российских императоров // Российско-американские связи: 300 лет сотрудничества. СПб., 2004. С. 120—128.

¹⁴³ Russia // Nile's National Register. 10 октября 1840 г.

¹⁴⁴ [Lenartzen C.R.] General Directions to all masters of American Ships trading to Cronstadt, which they are advised to read with attention, and recommend to the strict notice of their mates. Cronstadt, 1837. Брошюру можно найти в качестве приложения к депеше Гибсона государствен-

перевод и компиляция русских законов и правил, не все из которых могли относиться исключительно к американским морякам, однако они дают интересный срез этой области международного взаимодействия.

Помимо общих правил входа в гавань и прохождения таможенных процедур, инструкция содержит памятку о правилах общения с представителями русских властей.

Так, консульский агент констатировал, что «у первых помощников капитанов судов, по мотивам гостеприимства, вошло в привычку угощать таможенников спиртными напитками». По требованию российской таможни, Ленартцен предупредил капитанов, что необходимо «воздерживаться от такой практики, как бы хорошо она не была обоснована, поскольку угощение и подарки со стороны капитанов и команды строго запрещены законом»¹⁴⁵.

Брошюра также доводила до сведения американских моряков, что полиция запретила купание в гавани, «поскольку имели место многочисленные нарушения благопристойности»¹⁴⁶. Наконец, от каждого капитана требовалось указать членам экипажа «быть спокойными и дисциплинированными в своем поведении на берегу, и возвращаться на борт до вечернего выстрела из пушки. Помимо того, что на него ложится ответственность, как на командира, он может потерять для службы любого члена экипажа, обнаруженного на берегу после вечернего выстрела, на несколько дней, поскольку такие люди будут арестованы полицией»¹⁴⁷.

Особое внимание обращалось на то, что капитан судна должен был довести до сведения старшего помощника и экипажа «следующий твердо установленный факт, что во время пребывания здесь они подсудны только законам этой страны, и любое их нарушение будет караться по законам России, а не Соединенных Штатов, и что все, что законные представители их страны

ному секретарю: Гибсон — Форсайту, № 21. 10 июля 1837 г. // NARS. RG 59. Records of the Department of State. M. 81. Despatches from U.S. Consuls in St. Petersburg, Russia, 1803—1906. R. 3. May 25, 1831 — Dec. 6, 1838.

¹⁴⁵ [Lenartzen C.R.] General Directions to all masters of American Ships...P. 20.

¹⁴⁶ Ibid. P. 21.

¹⁴⁷ Ibid. P. 20—21.

могут сделать, это пронаблюдать, чтобы эти законы справедливо выполнялись»¹⁴⁸.

В 1830-е годы несколько первых путешественников из США проехали по России. По меньшей мере двое из них — Джон Стефенс и Генри Уикоф — опубликовали записки о своих путешествиях (Уикоф, правда, сделал это гораздо позже, и его мемуары не были доступны современникам)¹⁴⁹. Посланник Даллас прочел в Санкт-Петербурге книгу Стефенса и нашел ее «легковесной и поверхностной, но веселой и настоящей»¹⁵⁰.

Большее число американцев не оставили дошедших до нас записей, и иногда анекдоты дают представление об их путешествиях.

Так, например, большой популярностью пользовался рассказ о путешествии по России брата знаменитого в будущем сенатора Чарльза Самнера Джорджа Самнера. Совсем молодым человеком приехал он в Санкт-Петербург весной 1838 года. Вот как выглядит этот рассказ в переложении Фредрики Бремер, услышавшей его в Нью-Йорке:

Однажды перед американским послом в Санкт-Петербурге Далласом появился парень лет девятнадцати, «чистый образец вида янки; с рукавами слишком короткими для его костлявых рук, брюками на полпути поднятыми к коленям, и руками, перебирающими мелочь в карманах», и заявил, что хочет встретиться с русским императором, потому что привез тому желудь с дуба, растущего у могилы Джорджа Вашингтона в Маунт-Верноне. Император, по мнению молодого человека, «должен был много слышать о нашем генерале Вашингтоне, и ...он должен обожать наши порядки». «Я считаю, — продолжал американец, ему должно очень понравиться послушать о наших железных дорогах и о наших бесплатных школах и о том, какие большие волны преодолевают наши пароходы. И когда он услышит, как хорошо у нас идут дела, может статься, это заставит его самого сделать что-нибудь». Несмотря на возражения посланника Далласа, молодой Самнер обратился к Нессельроде и вскоре

¹⁴⁸ Ibid. P. 20.

¹⁴⁹ Stephens J.L. Incidents of travel in the Russian and Turkish Empires. 2 vols. London, 1839 (1-е издание под заголовком Incidents of travel in Greece, Turkey, Russia, and Poland. New York, 1838); Wikoff H. The Reminiscences of an Idler. New York, 1880.

¹⁵⁰ Запись от 25 марта 1839 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas... P. 175.

получил аудиенцию у царя. Из его рассказа следовало, что Николай принял подарок с радостью, сказав, «что нет другого персонажа ни в древней, ни в современной истории, перед которым бы он преклонялся так, как перед нашим Вашингтоном». Более того, император пригласил молодого человека приходить еще! Любопытен (если передан верно) диалог Джорджа Самнера с супругой Николая. Императрица высказала мысль, что в Америке нет слуг. Юноша возразил, что у богатых людей большое количество слуг. «Но вы же не называете их слугами, сказала она, вы называете их помощниками». «Сдается мне, мэм, — ответил на это американец, — что Вы читали миссис Троллоп? Император захопал в ладоши, и громко засмеялся. — Вы правы, сэр, — сказал он, Вы правы. Мы заказывали английский экземпляр книги, и она читала ее как раз сегодня с утра!»¹⁵¹ После подробного рассказа молодого человека об Америке, выслушанного с неподдельным вниманием, Самнеру был организован тур по музеям и театрам Санкт-Петербурга. Когда же через несколько дней он решил попрощаться с гостеприимным русским царем, тот спросил американца, все ли он видел в России, чего бы хотел. Самнер ответил, что мечтал увидеть Москву, но у него уже не осталось денег на эту поездку. Тогда Николай предоставил юноше проводников и четверку лошадей для поездки вглубь России. Самнер пересек Европейскую часть России с севера на юг, посетив не только Москву, но и Черкесию¹⁵². Об этом путешествии существует множество свидетельств, хотя и не передающих столь подробно содержание бесед Самнера с Николаем¹⁵³. Тем не менее они

¹⁵¹ Книга англичанки Фрэнсис Троллоп об американцах (Trollope F. Domestic Manners of the Americans. 2 vols. London, 1832), выдержанная в критическом тоне, была опубликована в 1832 году и вызвала резкую реакцию журналов в США. См.: Троицкая Л.М. «Визит старой дамы»: Фрэнсис Троллоп об американцах в Америке (1827—1831 гг.) // Размышления об Америке: Исторический альманах. Вып. 1. М., 2001. С. 52—101.

¹⁵² Bremer F. The Homes of the New World; Impressions of America. New York, 1853. Vol. 1. P. 247—251.

¹⁵³ С.Дж. Фишер, например, уже в 1856 году отметил в дневнике разговор с Дж. Самнером, уточнив, что «это тот самый человек, о котором рассказывают желудевую историю». Fisher S.G. The Diaries of Sidney George Fisher, 1853—1857 // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1962. Vol. 86. № 3 (July). P. 327. См. также: William Cullen Bryant // Harper's New Monthly Magazine. 1862. March. Vol. 24. № 142. P. 514.

выглядят вполне правдоподобно. Именно в тот период царь «увлекся» Соединенными Штатами, в Америке в то время начинали работать русские инженеры и моряки, а сюжет, связанный с восстанием в Канаде, еще не был исчерпан. Сделать же «царский» жест с очевидным намерением поразить публику в США было вполне в духе императора¹⁵⁴.

В 1850 году из печати вышла книга Джорджа Л. Дитсона «Черкесия, или Тур на Кавказ», ставшая первым описанием путешествия американца в беспокойный регион Российской империи. Книга имела посвящение «князю Воронцову, смелому и заслуженному воину, опытному дипломату, изысканному придворному и разумному и человечному правителю»¹⁵⁵. Дитсон писал не столько об образе жизни горцев, сколько о русской армии, действовавшей на Кавказе. Автор сообщал своим читателям о большом интересе к Америке среди русских офицеров. Так, единственным украшением в кабинете одного из них был портрет Вашингтона, а другой удивил американца «детальным знанием движений нашей армии, сказал, что генерал Скотт, должно быть, великий полководец, и что невероятно, как необученный добровольческий корпус мог драться так отважно, храбро и непобедимо»¹⁵⁶.

Уже в конце 1840-х гг. некоторые богатые американцы включили Санкт-Петербург в программу своих европейских

¹⁵⁴ Автор признателен Ирине Пашинской, хранителю Царицына павильона в Петергофе, за привлечение его внимания к этой истории. В Петергофе и сегодня растет дуб, выросший, по преданию, из того самого желудя. Сама история с желудем, в силу очевидного символизма, имела хождение в Соединенных Штатах и век спустя. С. Волков рассказывал И. Бродскому о поездке престарелого Роберта Фроста в СССР в 1962 году: «В те дни Фрост повторял историю о том, что в начале XIX века некий американский моряк отправился в Санкт-Петербург. Этот моряк привез в подарок царю желудь с дуба, который рос рядом с домом Джорджа Вашингтона. И вроде бы даже преуспел в том, чтобы этот американский желудь посадить в русскую землю. Фрост лелеял идею о том, что и он везет подобный символический желудь в Россию, Хрущеву» (Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 2000. С. 105).

¹⁵⁵ Ditson G.L. *Circassia; or a Tour to the Caucasus*. New York, London, 1850. P.X—XI.

¹⁵⁶ Ibid. P.319. Дитсон путешествовал по России в то время, когда США вели войну против Мексики, о чём и шёл разговор.

турне¹⁵⁷. В 1851 году Санкт-Петербург и Москву собирался посетить даже такой влиятельный человек как Джеймс Беннет, хозяин и издатель ведущей американской газеты «Нью-Йорк Геральд»¹⁵⁸.

Посещение российской столицы включало знакомство со стандартным набором достопримечательностей: Эрмитаж, Академия Наук, музеи, дворцы, Царское село, Александро-Невская лавра. Обязательным стал визит на управлявшийся американцами Александровский завод по производству локомотивов и вагонов. Один из бостонских туристов Эндрю Уилрайт записал в своем дневнике в конце июня 1847 г.: «2000 работающих. 1700 русских. Производится 7 локомотивов в месяц. Паровозы очень большие. 6 грузовых вагонов в день. Рабочим платят от 20 до 100 копеек в день. Контракт на 180 паровозов и 2300 вагонов. 1300 вагонов построены. Контракт будет выполнен на 2 года раньше срока»¹⁵⁹.

Другой бостонец Хорейшио Сторер¹⁶⁰ посетил Александровский завод через месяц после Уилрайта и остался чрезвычайно доволен предложенным развлечением: «Здесь я впервые увидел танцующих медведей, в количестве четырех»¹⁶¹. Ирония состоит в том, что зрелище, которое американец считал исконно русской забавой, он обнаружил в России только в доме у своих соотечественников.

Приблизительно те же достопримечательности посещали в России Корнелиус Вандербильт и его спутники, захо-

¹⁵⁷ Весьма полный перечень и программа пребывания американских визитеров содержится в монографии Н. Сола.

¹⁵⁸ А. Бодиско — К. Нессельроде, частнос. Б. д. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1851. Д. 147. Л. 296. У нас нет сведений, что Беннет когда-либо осуществил свои планы.

¹⁵⁹ Дневник Эндрю Уилрайта. Запись от 29 июня 1847 г. // Massachusetts Historical Society. Andrew Wheelwright Diary, 1847—1852. P. 89.

¹⁶⁰ Х.Р. Сторер (1830—1922) стал в последующем знаменитым врачом, пионером в использовании хлороформа в медицине и одним из основателей гинекологии в США.

¹⁶¹ Дневник Хорейшио Робинсона Сторера. Запись от 22 июля 1847 г. // Massachusetts Historical Society. Horatio Robinson Storer Papers, 1829—1943. Box 2. Russia Journal and Diary.

дившие в Санкт-Петербург на яхте миллионера летом 1853 года¹⁶².

В годы Крымской войны в Россию приехали несколько десятков врачей, работавших хирургами в госпиталях Севастополя¹⁶³. Само их появление в российской армии имело огромное значение для русского общества. Американцы не только помогли заполнить вакансии в госпиталях действующей армии, но наглядно показали уровень дружеских чувств граждан США по отношению к России, оказавшейся в изоляции в Европе. В сентябре 1854 года хирург из Массачусетса Айзек Дрейпер просил брата присылать ему в Севастополь «американские газеты, в которых есть статьи, благоволящие к русской стороне или дискредитирующие французов и англичан. Генералы и все офицеры очень высокого мнения об Америке (нашей Америке) — Соединенных Штатах; и они весьма ценят наше сочувствие»¹⁶⁴. Другой американский доктор Чарльз Парк записал в дневнике в конце 1855 года, комментируя слухи об отъезде американского посла из Лондона, а английского из Вашингтона: «Америка и Россия могут высечь мир. Если этому суждено случиться, скажем «прощай» английскому правлению и английской монархии, ее дни сочтены»¹⁶⁵. Покидая Севастополь, Парк признался сам себе, что американские врачи «в самом деле любили тех, кого там оставили»¹⁶⁶.

¹⁶² См.: Choules J.O. The Cruise of the Steam Yacht North Star; a Narrative of the Excursion of Mr. Vanderbilt's Party to England, Russia, Denmark, France, Spain, Italy, Malta, Turkey, Madeira, etc. Boston; New York, 1854. P. 118—148.

¹⁶³ См.: Болховитинов Н.Н., Пономарев В.Н. Американские врачи в Крымской войне // США — Экономика. Политика. Идеология. 1980. № 6. Июнь. С. 63—69; Dvoichenko-Markov E. Americans in the Crimean War // Russian Review. 1954. April. Vol. 13. № 2. P. 137—145.

¹⁶⁴ Notes of Travel from the Diary of the Late Isaak Draper, Jr., M.D. Surgeon on the Service of His Majesty the Emperor of Russia at the Siege of Sebastopol By his Brother Seth Draper // Library of Congress Manuscript Division. The Isaak Draper Collection. Айзек Дрейпер умер в Севастополе 20 марта 1855 года от тифа, как и многие другие американские врачи, отдавшие жизни за русское дело.

¹⁶⁵ Запись от 4 декабря 1855 г. // Library of Congress Manuscript Division. Dr. Charles Ross Parke Diary, 1855—66.

¹⁶⁶ Там же. Запись от 20 марта 1856 г.

Английская леди, которая провела военные годы в России, вспоминала, что американцы в то время пользовались большим успехом во всех компаниях, «их приветствовали, их развлекали и, как они выражаются, многое из них делали (made much of)». В шутку она, правда, не преминула заметить, что русские «все же всегда говорили о Соединенных Штатах как о полудикой стране и об американцах как о наполовину цивилизованных людях»¹⁶⁷.

Наконец, после окончания Крымской войны в Россию устремились такие именитые американцы, как, например, изобретатель телеграфа (получившего к тому времени распространение в империи) Сэмюел Морзе, оставивший описание приема у молодого императора Александра II полное восхищения блеском драгоценностей и утонченности высшего общества¹⁶⁸.

Американские путешественники не могли не отметить и изменившуюся общественную атмосферу в России. Так, известный писатель Байард Тэйлор, предпринял свою первую поездку в Россию как раз в послевоенный период и не скрывал своего удивления: «Я был приятно поражен тем, с какой свободой обсуждаются политические условия страны и начавшиеся реформы. Преобладающим чувством было чувство полного удовлетворения, удовлетворения, наилучшим образом выраженного искренностью и краткостью восклицания: «Только бы это продолжалось!»¹⁶⁹.

В Москве Б. Тэйлор посетил Воспитательный дом, который произвел на него огромное впечатление как благотворительное учреждение на государственном финансировании. Тэйлор считал такой подход к решению проблем общества и семьи примером осуществления самодержавием ультра-социалистических идей. За пропаганду воспитательного дома на путешественника ополчилась консервативная пресса Юга США: «Мы глубоко сожалеем, — восклицал в рецензии на книгу Тэйлора главный предво-

¹⁶⁷ The Englishwoman in Russia; Impressions of the Society and Manners of the Russians. By a Lady, Ten Years Resident in that Country. New York, 1855. P. 270.

¹⁶⁸ Prime S.I. The Life of Samuel F.B. Morse, LL.D., Inventor of the Electro-Magnetic Recording Telegraph. New York, 1875. P. 634—640.

¹⁶⁹ Taylor B. Travels in Greece and Russia, with an Excursion to Crete. New York, 1859. P. 369.

енный идеолог южных штатов Джордж Фицхью, — что такое мог написать американский джентльмен. ...Он открыто говорит нам, что это *ультра-социалистическое* учреждение. Ультра-социалисты также сторонники свободной любви, предлагающие полностью разрушить семейные узы. ...Каково должно быть общество, которое порождает среди высокоморальных и образованных людей такие развратные доктрины? ...Распространите такие учреждения повсюду — и семейные отношения рухнут»¹⁷⁰.

В целом, американцы в России поддерживали у знакомых с ними русских высокое мнение о своей стране. Гораздо больше различались между собой их собственные оценки империи. Они колебались от весьма дружеских до резко негативных, причем, чем уже был круг общения конкретного человека в русской столице, тем больше он опирался на сформированные заранее стереотипы, больше соглашался с европейскими образами России, отраженными такими авторами, как Астольф де Кюстин.

Эти различия говорят о том, что процесс выработки собственных стереотипов о России в Соединенных Штатах в исследуемый нами период еще не завершился. Многие американцы, самостоятельно посещавшие страну, видели ограниченность и предвзятость выработанных в Европе образов Российской империи. Другие, однако, ограничивали свой взгляд набором негативных оценок. Разница в восприятии коррелировала со сроком пребывания американца в России, его общительностью, способностью воспринимать новое и другими личными качествами.

ГЛАВА 5

РУССКИЕ В США

Русские, оказавшиеся в Соединенных Штатах в 1830—1850-е гг., были, как правило, командированными правительством людьми: дипломатами, инженерами, моряками. В 1850-е к ним добавились немногочисленные эмигранты, путешествовавшие по собственным планам или планировавшие осесть за океаном. Наконец, после либерализации российских порядков во второй половине 1850-х до Америки добрались и обычные путешественники. Общее количество русских, посетивших по разным причинам США, было невелико, но тем более важен их рассказ о далекой республике, единственный непосредственно русский взгляд на заокеанскую действительность.

Дипломаты, как правило, ограничивали свои наблюдения над американской действительностью депешами начальству и личными письмами своим родным и друзьям, хотя были и исключения: П. Полетика напечатал об Америке книгу на французском и серию статей в «Литературной газете», а четверть века спустя В. Бодиско (племянник многолетнего посланника А.А. Бодиско) опубликовал свои заметки в «Современнике». Тем не менее в николаевской России, где политические решения принимал лично император и узкий круг высшей бюрократии, скрытые от широкой публики депеши дипломатов, адресованные как раз этим людям, оказывали исключительно важное влияние на оценки русским руководством американского государства, политики и общества.

Инженеры и моряки также адресовали свои отчеты прежде всего собственному начальству, однако некоторые из них находили возможность печатать собственные впечатления в журналах. Как правило, это были «ведомственные» издания, обращенные к профессионалам в определенной области, а не литературно-художественные журналы с большим кругом читателей. Однако здесь работала та же логика, что и в случае с дипломатами: в

¹⁷⁰ [Fitzhugh G.] Bayard Taylor's Travels in Greece and Russia // De Bow's Review. 1859. December. Vol. 27. № 6. P. 655—656.

жестко структурированном, по сравнению с американским, российском обществе принципиальным было сформировать определенные представления в критически важных его сегментах. Именно эти статьи были главными источниками сведений русского общества об Америке, полученных из первых рук, хотя их объем в тот период и уступал информации, почерпнутой из английских и французских текстов о США. В силу этих причин «специальные» технические журналы оказались в этот период более важным источником сведений о далекой республике, чем общественные и литературные, вынужденные довольствоваться переводами путевых заметок европейцев. Так, в начале 1840-х сугубо технический «Журнал путей сообщения» на протяжении многих номеров печатал отчет инженера Мельникова о железных дорогах и пароходах в Америке¹. В приложении вернувшийся из командировки инженер помещал чертежи железнодорожных устройств, паровозов и машин, включая только что изобретенный экскаватор (спустя несколько лет Мельников настоит на покупке в США паровых экскаваторов для строительства Петербурго-Московской железной дороги).

С конца 1840-х и особенно в 1850-е гг. роль главного издания, публиковавшего сведения об Америке, взял на себя «Морской сборник», на страницах которого печатали свои заметки о США А. Горковенко, В. Давыдов, И. Шестаков и другие русские морские офицеры, побывавшие за океаном прежде всего для заказа пароходов для русского флота. «Морской вестник»

¹ [Мельников П. П.] Начертание общей системы водяных сообщений Соединенных Штатов (Извлечено из отчета путешествия подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 1. С. 1—119; Он же. О пароходах на Миссисипи и ее притоках (Извлечено из отчета путешествия подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 2. С. 135—206; кн. 3. С. 225—279. Он же. Описание в техническом отношении железных дорог Северо-американских Штатов (Из отчета путешествия Полковника Мельникова по Америке) // Журнал путей сообщения. 1842. Т. 2, кн. 1. С. 15—85; кн. 2. С. 95—197; кн. 3. С. 209—265; кн. 4. С. 285—374; т. 3, кн. 1. С. 1—70; кн. 2. С. 85—156. Он же. Пароходы, употребляемые в части Миссисипи, ниже Н. Орлеана, для взвода и спуска кораблей (Извлечено из отчета путешествия подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 4. С. 285—362.

скоро вышел за рамки сугубо специального журнала и читался широкими кругами русской публики.

Капитан И. А. Шестаков изложил свое понимание задач командированных в Америку русских в одном из рапортов российскому посланнику в Вашингтоне Э. Стекло: «Предмет посылки офицеров за границу не ограничивается только той частью, которою они занимаются в России; все вообще полезное для нашего края подлежит их вниманию и должно быть представлено на усмотрение правительства с возможными подробностями»². Как мы увидим, Шестаков стремился просветить не только русское правительство, но и общество, опубликовав обширный текст в «Морском сборнике».

Наконец, особый случай представляли эмигранты. Политические эмигранты, как правило, выбирали для своего пребывания Лондон. Однако, например, Иван Головин путешествовал по Америке в середине 1850-х гг., а ряд людей, покинувших Россию (как, например, полковник Генерального Штаба Иван Турчанинов), уехали в США на постоянное жительство. Эти образованные люди, как правило, не порывали связи с родиной. Головин добивался возвращения в Россию, а Адам Гуровский сотрудничал с русскими журналами и печатал обширные обзоры американской жизни в «Вестнике промышленности». Не связанные цензурными ограничениями и критически настроенные к николаевскому правительству, они могли с большей свободой рассуждать о государственном и общественном устройстве США и России, проводить не всегда удобные сравнения и предлагать рекомендации. Однако круг их читателей за рубежом был ограничен, а в России лишь единицы из них начали публиковаться с воцарением Александра II.

Командированные Российской империей

Главным источником сведений руководства Российской империи о государственном устройстве США (во всяком случае, до публикации в 1836 году книги А. Токвиля «Демократия в

² И. Шестаков — Э. Стекло, 21 марта/2 апреля 1857 г. // АВПРИ. Ф. 170. Посольство в Вашингтоне. Оп. 512/3. Д. 68. Л. 187.

Америке») оставались донесения российских дипломатов. Некоторые из них доносили свои новые знания и до широкой российской публики.

Американскому посланнику Дж.М. Далласу в бытность в Санкт-Петербурге пришлось иметь дело с отказом России пролевать статью русско-американского договора 1824 года о разрешении американцам промысла у побережья Русской Америки. В результате, он был настроен весьма критически по отношению к дипломатам, подписавшим этот документ. «М-р Полетика мало что помнит о нашей стране; возможно, никогда не был ее другом, и полностью невежественен в ее современной истории. Он вмещивался с большим искусством и успехом, чем с искренностью в составление договора 1824 года, которым м-р Миддлтон навлек на отношения России и Америки беспокоящий, если не неискоренимый источник борьбы»³. Далласа поразило соседство в кабинете бывшего русского посланника в США Полетики портретов Вашингтона и Галлатина «как символов нашей республики»⁴. (Вашингтон и Галлатин, с точки зрения Далласа, были фигурами слишком разной величины).

Такая оценка, по меньшей мере, несправедлива. Перу П.И. Полетики принадлежит одна из первых русских книг о США (изданная в Лондоне на французском языке), показывающая его хорошее знакомство с предметом⁵. Издание было осуществлено на французском языке, однако в 1830 году «Литературная газета» поместила на своих страницах большой текст из книги Полетики, озаглавленный «Состояние общества в Соединенных Американских Областях»⁶.

Более приятное впечатление на Далласа произвела встреча с другим бывшим русским посланником в США Ф. Паленом. «Он

³ Запись от 1 ноября 1838 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 118.

⁴ Запись от 1 ноября 1838 г. // Ibid. P. 119. Первое пребывание Далласа в России пришлось на 1813 год, когда он был секретарем прибывавшего с миротворческой миссией Галлатина.

⁵ [Poletika P.I.] Aperçu de la situation intérieure des Etats-Unis d'Amérique et de leurs rapports avec l'Europe. Londres, 1826.

⁶ Полетика П.И. Состояние общества в Соединенных Американских Областях // Литературная газета. 1830. Т. II. № 45. 9 авг.; № 46. 14 авг.

приветствовал меня с большой сердечностью, вспомнил гостеприимство моего отца, и спрашивал о многих своих американских знакомых. Я не могу сказать, что когда-либо узнал бы его. У него горячие манеры, светлые волосы, голубые глаза, он в самом расцвете»⁷.

Российская дипломатическая миссия в Соединенных Штатах в 1830—40-е годы была более стабильным местом, чем американская миссия в России.

В начале изучаемого периода пост посланника занимал Павел Крюденер, сын баронессы Крюденер, которой приписывалось авторство идеи Священного союза. Вполне объяснимо, что Крюденер не питал симпатий к республиканской форме правления; его депеши полны весьма саркастичных (а иногда просто брезгливых) описаний демократических процедур. Тем не менее, мемуаристы вспоминали о русском посланнике как о «симпатичном, остроумном и культурном человеке, любезном, но очень глухом»⁸.

Павла Крюденера сменил в 1837 г. Александр Бодиско, которому суждено было провести в американской столице почти 17 лет — весь остаток жизни. С 1828 года работал в Вашингтоне секретарем посольства Егор Иванович Кремер, «умный и веселый» человек, по отзыву знавшего его в молодости А.И. Кошелева⁹. П.П. Мельников назвал «умного и красноречивого» Е. Кремера в числе ключевых фигур, обеспечивших принятие благоприятного решения о строительстве Петербурго-московской железной дороги в 1842 году¹⁰.

На время отъезда А. Бодиско в отпуск в 1843—1844 гг. его обязанности исполнял специально присланный из Санкт-Петербурга граф Забелло, впрочем, не задержавшийся в Вашингтоне. В конце 1840-х на пост секретаря был назначен Э. Стебль, в свою очередь,

⁷ Запись от 13 декабря 1838 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 135.

⁸ Lamb M.J. State and Society in Washington // Harper's New Monthly Magazine. 1878. March. Vol. 56. № 334. P. 496

⁹ Кошелев А.И. Мои записки (1812—1883 годы) // Русское общество 40—50-х годов XIX в. Часть 1. Записки А.И. Кошелева. М., 1991. С. 57.

¹⁰ [Мельников П.П.] Начало железнодорожного строительства в России. Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1940. Т. 99. С. 166—167.

завявший пост поверенного в делах после смерти А. Бодиско в 1854 г., а в начале 1857 года ставший посланником. Обязанности секретаря миссии при нем последовательно исполняли К. Катакази, Р. Остен-Сакен и сын бывшего посланника Владимир Бодиско.

А.А. Бодиско пользовался большим уважением в американской столице. О его светской жизни, об участии в карточных играх (постоянными партнерами посланника по игре в вист были ведущие виги — генерал У. Скотт, Г. Клей и Д. Уэбстер), о женитьбе на американской девушке повествует едва ли не каждый мемуарист, описывающий Вашингтон в 1840—1850-е годы ¹¹.

Были в жизни русского дипломата в Соединенных Штатах и осложнения, связанные с проявлениями расизма американцев. Так, зимой 1843 года на его кучера, «цветного мужчину» Огастаса Уоттса было совершено нападение в то время, когда тот ждал посланника, обедавшего у государственного секретаря Д. Уэбстера. В результате ударов «режущим инструментом» со стороны человека по имени Доу («Dow or Dove») Уоттс получил «две раны — одну в правую руку, другую в голову». Бодиско потребовал расследования происшествия ¹². Государственный секретарь, в свою очередь, потребовал от прокурора столичного округа Колумбия принять меры по розыску и задержанию обидчика ¹³.

В меньшей мере А.А. Бодиско был склонен описывать американское общество в своих депешах, и уж конечно не думал о том, чтобы предложить свои наблюдения журналам ¹⁴.

Зато большую активность проявили родственники А.А. Бодиско. Сын посланника от первого брака Владимир Александрович Бодиско с начала 1850-х гг. исполнял обязанности секретаря

¹¹ См., напр.: Lamb M.J. Op. cit. P. 496; Fremont J.V. Souvenirs of My Time. Boston, 1887. P. 3—15; Reminiscences of Washington // Atlantic Monthly. 1880. November. Vol. 46. № 277. P. 670.

¹² А. Бодиско — Д. Уэбстеру, 1/13 января 1843 г. // NARS. M. 39. Notes from the Russian Legation. R. 2. Vol. 3.

¹³ Д. Уэбстер — А. Бодиско, 16 января 1843 г. // NARS. M. 99. Notes to Foreign Leagtions. Russia. R. 82. P. 16—17.

¹⁴ Зато американские газеты пристально следили за светской жизнью русского посланника, печатая и множество слухов, связанных с его именем. Так, в мае 1850 года «Сайентифик Америкэн» сообщила о возвращении из отпуска Бодиско, «которого мадам Сплетня уже сослала в Сибирь». Scientific American. 1858. 18 мая. P. 277.

русской миссии, а его племянник Василий Константинович Бодиско в середине десятилетия посетил страну и опубликовал в русских журналах свои впечатления об Америке ¹⁵. «Нет народа, который был бы терпеливее и выносливее в путешествиях, как американцы», — восклицал В. Бодиско, сам любивший путешествовать, в одной из своих статей. — «Они всю жизнь путешествуют и заботятся только об одном — “поскорей”» ¹⁶. Однако его наблюдения затрагивали не только образ жизни американцев, но и отношение их к делу и роль, отводимую государству в быстром развитии американской промышленности. Из Нью-Йорка В. Бодиско отправился в Калифорнию через Панамский перешеек, где как раз незадолго до его путешествия закончилось строительство железной дороги. Строительство американцами железной дороги через перешеек послужило ему поводом для рассуждения об американском подходе к делам:

Американцу и в голову не приходит, чтобы кто-нибудь гарантировал ему известный доход с затраченного капитала или обеспечивал потерю: он рассчитывает только на самого себя. От этого он раз решившись, немедленно приступает к делу и с упорною настойчивостью приводит в окончание, затрачивает последнюю копейку, часто разоряется — но в этом его гордость, честь — вообще он бросается на всякого рода предприятие, которое обеспечивает более выгод. Степень выгод всегда соизмеряется со степенью жертвований, и сердце его всегда лежит более к тем предприятиям, где более риску, но и более выгод. Не скажу даже, чтобы одна нерасчетливая жажда прибыли руководила его в этом выборе: нет! в этом есть наслаждение выйти победителем из опасного дела ¹⁷.

¹⁵ Норман Сол на протяжении всей своей книги объединяет Василия и Владимира в одного человека, «племянника» российского посланника.

¹⁶ Бодиско В. Из Америки // Современник. 1856. № 3. Март. Отд. 1. С. 115—116.

¹⁷ Бодиско В. Из Америки // Современник. 1856. № 4. Апрель. Отд. 1. С. 250—251. В.К. Бодиско был хорошо знаком с А.И. Герценом и, по мнению Н.М. Пирумовой, стал одним из организаторов побега М.А. Бакунина из Иркутска в Америку в 1861 году. См.: Пирумова Н.М. Бакунин. М., 1970. Гл. IV.

Интересно отметить, что в 1840-е годы, когда американцы в большом количестве поехали в Россию, и, как уже отмечалось, в США резко выросло количество публикаций о далекой империи, включая написанные сотрудниками американского посольства в Санкт-Петербурге, количество оригинальных текстов о Соединенных Штатах, публиковавшихся в России, не увеличилось. Исключением являлся «Журнал путей сообщения» опубликовавший в 1841 и 1842 годах подробный отчет об американских железных дорогах, ставший результатом командировки в США инженера-полковника П.П. Мельникова.

Зато 1850-е годы стали свидетелями участвовавших поездок русских (прежде всего, морских офицеров) в США, и, соответственно, увеличился поток информации из первых рук, публиковавшейся в русской печати.

Многие русские путешественники и инженеры прежде всего оценивали деловые качества американцев, сразу же обращая внимание на стремление американских подрядчиков минимизировать расходы. При этом оценивали они это стремление иногда диаметрально противоположно. П.П. Мельников в 1841 году объяснял эту черту американского предпринимательства применительно к железным дорогам нехваткой капиталов и желанием сделать дорогу быстрее:

Инженеры Соед. Штатов... ежели б... упорствовали в сохранении к проектированным ими дорогам всех условий совершенства, коими отличаются подобные работы в Англии, то нет никакого сомнения, что по сие время Американцы не имели бы и половинного количества железных дорог, коими они теперь пользуются¹⁸.

В следующем десятилетии А. Горковенко в публицистическом запале клеймил американцев, по сути, за ту же самую черту:

Постройка судов в Америке, в особенности с подряда, требует строгого присмотра; как дома, железные доро-

¹⁸ [Мельников П.П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-американских Штатов (Из отчета путешествия Полковника Мельникова по Америке) // Журнал путей сообщения. 1842. Т. 2, кн. 1. С. 46—47.

ги, суда — часто строятся *на-авось* и множество печальных последствий еще не исправили Американцев от этой опасной привычки. «*Go ahead!*» говорит Американец; *go ahead cheaper*, то есть вперед, — вперед, как можно дешевле! И в самом деле, все летит вперед, не замечая, что позади остается гряда развалин и трупов. Какое до этого дело! В Америке жизнь человека ставится ни во что, если можно зашибить лишний доллар!¹⁹

Однако в другом месте тот же Горковенко с уважением писал: «Нельзя не удивляться той быстроте, с которою воздвигаются в Америке здания. ...Построение судов идет с тою же изумительною быстротою. В одном Нью-Йорке выстроено в прошедшем году до пятидесяти пароходов. Паровой купеческий флот состоит из 1,390 судов, из которых 625 плавают вне границ Союза, а 765 по озерам и около берегов». И добавлял по поводу железнодорожного строительства в тяжелых условиях Центральной Америки: «Когда Американец решил что-нибудь в своем уме, слово *невозможность* для него не существует»²⁰.

О том же американском равнодушии к человеческой жизни писал А.Г. Ротчев в своих записках, опубликованных в журнале «Пантеон» в конце 1853 и в 1854 года²¹. Путешественник определил заокеанскую республику как «огромный рассадник промышленности, который мы привыкли называть Соединенными Штатами»²², но он не одобрял пренебрежительного отношения американцев к безопасности людей:

¹⁹ Горковенко А., капитан-лейтенант. Соединенные Штаты Северной Америки // Морской сборник. 1854. Т. 12. № 7. С. 271.

²⁰ А. Г-о [Горковенко] Из Америки // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1854. 7 июля. № 147.

²¹ Ротчев А.Г. Воспоминания русского туриста. Из путешествий А.Г. Ротчева // Пантеон. 1853. Т. 12, кн. 12. Декабрь. Смесь. С. 65—76; Он же. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии // Пантеон. 1854. Т. 13, кн. 1. Смесь. С. 79—108; кн. 2. Смесь. С. 93—114; кн. 4.

²² Ротчев А.Г. Воспоминания русского туриста. Из путешествий А.Г. Ротчева // Пантеон. 1853. Т. 12, кн. 12. Декабрь. Смесь. С. 65.

Северо-американец, в непреодолимом стремлении своем так равнодушно выводит в торговый расход жизнь человека! Что ему за дело, что взлетит на воздух пароход, расшибется вдребезги поезд железной дороги, что пожар истребит три четверти города, а река, хлынувшая из берегов, смоем остальную четверть — что за дело? «Вперед!» Go a head! Эти случайности, эти несчастья, от которых другой бы потерял голову, только сильнее шекотят, подстрекают неумолимую деятельность, предприимчивость северо-американца, это только потребители на его рынках ²³.

Ротчева, как и многих его современников по обе стороны океана, увлекала перспектива замыкания кругосветной цепи, ключом к которой он видел Калифорнию:

Капиталистам-негоциантам С.-Франциско представляется блистательная будущность в беспрепятственно развивающихся сношениях с Китаем, Австралией, Батавией, Индией, островами Тихого океана и Европою... Недавно состоялся план железной дороги от берегов Миссисипи до С.-Франциска. Это гигантское предприятие сблизит так расстояния, что из Нью-Йорка в Калифорнию потребуются на проезд не более десяти дней; следственно от берегов Англии легко можно будет перенестись в двадцать дней до С.-Франциска, а оттуда на берега Китая уже теперь ходят огромные клипера американские в тридцать пять дней. В сближении Европы и Америки с Китаем и Ост-Индией заключается блистательная будущность Калифорнии ²⁴.

К тому же времени относятся и статьи капитан-лейтенанта А. Горковенко, появившиеся в «Морском сборнике» и в «Санкт-Петербургских ведомостях»²⁵.

²³ Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии // Пантеон. 1854. Т. 13, кн. 1. Смесь С. 87—88.

²⁴ Там же. С. 94.

²⁵ Горковенко А., капитан-лейтенант. Соединенные Штаты Северной Америки // Морской сборник. 1854. Т. 12. № 7. С. 254—280; № 8. С. 313—321; А. Г.-о [Горковенко] Из Америки // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1854. 28 апр. № 92; 7 июля. № 147.

«Соединенные Штаты Северной Америки, по своему географическому положению, по богатым физическим средствам, а более всего по предприимчивому и деятельному характеру жителей, должны занять место в числе перво-классных морских наций»²⁶, — начал свою статью русский офицер.

Если за полтора десятилетия до Горковенко русским морякам, изучавшим порты и верфи Соединенных Штатов, пришлось путешествовать только по дуге, простиравшейся от Бостона до Мексиканского залива, то Горковенко обратил внимание читателей на изменившиеся размеры республики:

С присоединением Калифорнии, Американцы имеют прекрасный порт Сан-Франциско, на Тихом океане, где уже строится гранитный док и производятся все работы для обращения его в сильную военную гавань. Нет никакого сомнения, что Тихому океану суждено играть важную роль в истории мореплавания и торговли. С открытием китайских и японских портов, вся восточная торговля пойдет через Мексиканский залив в Европу, тем же путем, по которому везут золото из Австралии и серебро из Чили. ...Уже составляются компании для учреждения пароходных сообщений между Сан-Франциско и Шанхаем, и ждут результатов экспедиции Перри, чтобы ввезти американские товары в Нангасаки. На Сандвичевых островах американские агенты работают неутомимо, и также не отчаиваются присоединить их к Штатам ²⁷.

Горковенко, прибывший за океан в начале Крымской войны, на себе ощутил симпатию, проявлявшуюся американцами по отношению к России:

Я не могу умолчать о том внимании, о той готовности к услугам, которые я встречал от морских офицеров во всех военных портах. Одного имени Русского Офицера было до-

²⁶ Горковенко А., капитан-лейтенант. Соединенные Штаты Северной Америки // Морской сборник. 1854. Т. 12. № 7. С. 254.

²⁷ Там же. С. 260.

статочно для того, чтобы везде встретить от них самый лестный прием и редкую обязательность²⁸.

В «Санкт-Петербургские ведомости» Горковенко посылал свои впечатления в еще более живой форме. Так, рассказывая о своем плавании на американском речном пароходе, он несколькими штрихами и не без толики юмора нарисовал объемную картину: «Ночью, блуждая около котлов, откуда искры летят на дерево, и смотря на машину, работавшую посреди толпы зевак, эмигрантов и детей, под надзором несведущих инженеров, я удивлялся не тому, что бывает так много несчастий, но что нередки и счастливые переходы»²⁹.

Вернувшись в Европу, Горковенко одним из первых сформулировал впечатления от «культурного шока», переживаемого многими возвращавшимися из-за океана:

«Вдруг перенесаясь с берегов Америки в добрую Германию, нельзя не быть пораженным резким контрастом между деятельностью, суровостью и нравами Американцев и флегмою, приветливостью немцев. Я так отвык от Европы, что мне казалось, будто я упал с Луны»³⁰.

С 1853 по 1856 годы продлевал себе командировку в Соединенные Штаты академик И.Х. Гамель (1788—1861). Автор описания Тульского оружейного завода, один из организаторов мануфактурной выставки в Санкт-Петербурге 1849 года, пропагандист дагерротипии, биограф барона Шиллинга, отстаивавший его приоритет в изобретении электромагнитного телеграфа И. Гамель по своим научным интересам оказался наиболее подходящим членом Академии наук для поездки в США. За время своей командировки он посетил Гарвардский университет и Смитсоновский институт, стремясь «ближе познакомиться... научные институты Америки с трудами нашей Академии, так как... люди здесь имеют очень мало знаний о

²⁸ Там же. С. 278.

²⁹ А. Г-о [Горковенко] Из Америки // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1854. 28 апр. № 92.

³⁰ А. Г-о [Горковенко] Из Америки // Санкт-Петербургские ведомости. Газета политическая и литературная. 1854. 7 июля. № 147.

нас»³¹. Академик также напечатал в российской прессе ряд статей о новейших изобретениях американцев, делая особый акцент на общественном значении этих новшеств. Рассказывая о паровых машинах для быстрого тиражирования газет, Гамель обращал внимание своих русских читателей на «необыкновенные услуги, оказанные механикой... в Америке быстрому распространению знаний, — с одной стороны, и к облегчению этого распространения — применением ее к локомотиву и пароходу, — с другой». Особенно примечательным, с точки зрения российского академика, был тот факт, что «издание газет... началось почти в одно время в России и в Америке. Известно, что по указу Петра и под его наблюдением положено начало первой русской газете в Москве в 1703 году. Первая американская газета “The Boston Newspaper” появилась 24 апреля 1704 года»³².

В 1857—1858 гг. в Соединенных Штатах строился пароход для русского флота «Генерал-Адмирал». За его строительством наблюдал будущий капитан судна И.А. Шестаков. Имея бойкое перо и «просто, с непривычки сидеть сложа руки», он «взялся... побеседовать с соотечественниками о новом обширном крае, шумно выступившем на арену народную и без сомнения назначенном к важному участию в делах человечества. Почем знать? Может быть слабый шопот мой возбудит охоту познакомиться с новым миром в таком пытливом наблюдателе, метко угадывающем причины и их последствия, и, со временем, могучим словом, он познакомит наше общество с тайнами громадного и волшебного развития страны, имеющей много общего с собственным нашим отечеством»³³. На страни-

³¹ И.Х. Гамель — П.Н. Фуссу, 28 марта 1854 г.; Гамель — Фуссу, 18/30 апреля 1854 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 2 Канцелярия Конференции АН. Оп. 1—1853. Д. 5. «О направлении академика Гамеля в Англию и Северную Америку». Л. 26—29 об.

³² [Гамель И.] Новейшие усовершенствования машин, введенных в Англии и Америке для печатания газет и других периодических изданий. Статья академика Гамеля // Сын Отечества. 1857. № 16. С. 366.

³³ Excelsior. [Шестаков И.А.] Между делом // Морской сборник. 1858. Т. 38. № 11. Ноябрь. Часть неофициальная. С. 2.

цах «Морского сборника» в 1858 и 1859 гг. появились его статьи о разных сторонах жизни в Соединенных Штатах.

Так, в статье Шестакова анализировалось положение американской женщины, причем резкие оценки русского капитана лучше всего демонстрируют, что в эмоциональной сфере два общества были особенно далеки друг от друга³⁴:

Молодая девушка, вступившая в возраст желаний, знает уже, что мужчинам во всем верить нельзя и безбоязненно порхает с ними, не боясь обжечь крылья. Система ведет к сухосердию, холодности, бесчувственности и к союзам по расчету, но иных здесь почти нет, и до введения начал свободной любви, распространяющихся в Штатах довольно быстро, Американцы приняли систему брачных уз без любви³⁵.

С другой стороны, стремясь соблюсти справедливость, Шестаков обратил внимание на то, что «одно платье (sic — *И. К.*), избличающее пол, достаточно для водворения пристойности в самом шумном обществе, останавливает самые грубые натуры, самые необузданные характеры... Бесспорно, это говорит в пользу американской природы, ибо воспитания здесь мало; но мне кажется, в почитании женщины в Америке нужно видеть также необходимость, признаваемую всяким обществом, следовать некоторым стеснительным правилам, устраняющим последствия естественной необузданности человека. Это самовольные цепи, которыми свободный народ, при слабом действии законов и отсутствии укрощающей власти, связывает себя, осязая в том надобности»³⁶.

³⁴ Положение женщины в обществе было одной из самых острых тем, обсуждавшихся в тот период общественными реформаторами. Еще в начале 1840-х гг. русские читатели могли познакомиться с описанием воспитания американских девушек, также выдержанном в критическом тоне. См.: Сравнительное воспитание женщин в Северной Америке, Англии и Италии // Библиотека для чтения. 1842. Т. 51. Смесь. С. 90—96.

³⁵ Excelsior. [Шестаков И.А.] Между делом // Морской сборник. 1859. Т. 41. № 5. Май. Часть неофициальная. С. 8.

³⁶ Там же. С. 9—10.

Анализируя положение женщины, Шестаков, таким образом, обратил внимание на важную черту американского общественного поведения: в отсутствие строгих законов и слабости обеспечивавшего их выполнение государства «свободный народ» связывает себя «самовольными цепями». Такая же своего рода «самоцензура» характерна была и для общественных дебатов по острым темам, таким как отмена рабства.

В александровской предреформенной России можно было печатать и крамольные по недавнему времени вещи. Вряд ли Шестаков думал, что повторяет в своей статье те опасения, которые мучили николаевских сановников во время обсуждения введения в России железных дорог: «Железные дороги, по удобству и скорости езды, рождают охоту к передвижению... Ведут у нас железные дороги, приучат русский народ к движению быстрому, и приучат скоро, потому что мы бродяги по природе. Как же, при возможности промчаться 700 верст в сутки, будут настаивать, чтобы тратили три дня на соизволение полиции? Здесь что-то неладно, скажет Русак, почесывая затылок. И зачем бы кажется полиции знать, что меня нетерпеливо ждет невеста, что я еду разрешить наконец сомнения, или что в деревне мне нужно сменить прикащика»³⁷.

В уста собеседника, американского доктора, Шестаков вложил рассуждение о пользе уличного «буйства», на которое закрывают глаза власти в Америке:

Кровопускание, в известной мере, по видимому также необходимо обществу, как полнокровному субъекту; у нас оно производится по ланкастерской методе взаимности и ограничивается пределами человеческой силы, утомляющейся и безыскусственной. Разве лучше, что каждый день, с утра до вечера, для предотвращения беспорядка, ту же операцию производят над народом блюстители спокойствия... Чем же предпочтительнее европейская метода не позволять невинным драк охотникам и противуестественными стеснениями давать в толпе накопляться злости и негодованию; а потом, в один добрый день, когда драчу-

³⁷ Там же. С. 1—2.

ны соединятся против мешающей им власти, вдруг повалить 2000 человек картечью? ³⁸

Понятно, что американский подход противопоставлен в этом отрывке французскому, потому что до «кровавого воскресенья» России оставалось еще почти полвека. Сравнение, тем не менее, приводит читателя к мысли о плодотворной саморегуляции общества в США, которая, похоже, импонирует русскому капитану.

А вот теорию «предохранительного клапана» Шестаков (или его американский собеседник) предвосхитил вполне точно: «Запад решительно спасает нас; это предохранительный клапан, которым выходят все вредные страсти. Чтобы иметь всегда такой клапан, инстинкт народа указывает ему приобретение дальних земель, куда могли бы переселяться все недовольные»³⁹.

В эффективности американского правительства Шестаков увидел пример для подражания:

На все департаменты два-три инвалида-сторожа и дюжина писарей; а переписки немало, и переписка разнообразная, потому что дела федерального правительства сталкиваются в различных штатах с различными законами и нельзя вести их машинально. Просители редко когда ждут ответа; обыкновенно он приходит очень скоро. Ведь в нашем письменном и формальном мире не поверят такой деятельности при ограниченных средствах, а это сущая правда, и нет никакого секрета в подобной системе; нет в ней ничего нового и даже не нужно ездить в Америку учиться ей. Войдите в любую купеческую контору дома и мигом постигнете тайну... Однако ж где-то есть секрет и чтоб заметить его нужно съездить в Америку. Здесь министр воспитанием усваивает качества публичного слуги, и достигая почетного звания своего, смотрит на себя как на главу фирмы ⁴⁰.

³⁸ Там же. С. 28—29.

³⁹ Там же. С. 30.

⁴⁰ Excelsior. [Шестаков И.А.] Между делом // Морской сборник. 1859. Т. 41. № 6. Июнь. Часть неофициальная. С. 195.

Некоторое внимание русский капитан уделил и внешней политике Соединенных Штатов, возглавлявшейся в тот период ветераном американской политики Уильямом Марси:

«Марси... никогда не бывал в обществе, потому что не имел времени; однако ж это не помешало ему написать в ответ на предложение об уничтожении корсарства ноту, которую изящные дипломаты до сих пор пережевывают. <...> Пока американские дипломаты руководствуются здравым смыслом, на их доводы нет возражений. <...> Как ни грешил бы конгресс в домашних делах, первенство штатов на американском материке и вообще все, от чего зависят слова и честь нации, находят в нем общее сочувствие. Президент всегда может решиться на всякую внешнюю меру между заседаниями конгресса, не выжидая его мнения, в уверенности, что если мера клонится к распространению влияния штатов или к их славе, большинство будет непременно на его стороне»⁴¹.

Наблюдательный русский офицер отчетливо видел связь между нарывающим вопросом о рабстве и всплесками экспансионизма, получившими название «флибустьерства»:

«Вопрос о невольничестве становится тем более занимательным, что грозит союзу бедственными потрясениями... Невольничество в штатах чистое рабство во всей отвратительной наготе. Негр есть вещь, которую употребляют сколько можно выгоднее, без малейшего внимания к его одушевленности. Самая жизнь рабов почти в произволе владетелей, а честь женщины и того более». Однако, по мнению русского путешественника, «Домогательство северных штатов положить предел распространению рабства — излишне. Через несколько лет энергичные отпрыски густо населенных северных штатов разбредутся по всему протяжению между Утою, Каменными горами, Миссисипи и английскими владениями. На этом неизмеримом пространстве возникнет столько свободных штатов, что в федеральных вопросах юг по необходимости подчинится огромному большинству. Распространение юга, с другой стороны, весьма ограничено... Остается присоединение Кубы, и отсюда страсть юга к флибустьерству. Хотя с присоединением Кубы помирились бы

⁴¹ Там же. С. 197—198, 207.

и на севере, препятствия в настоящее время так велики, что случайность по крайней мере гадательна; да если б и присоединили Кубу, все же она не может сравниться с штатами беспрестанно рождающимися на севере. Юг не станет сильнее, если американцы займут даже республики центральной Америки. Трудно будет ввести там отвратительную систему, давно выведенную»⁴².

Шестаков отнюдь не сочувствовал аболиционистам и не был сторонником немедленной отмены рабства: «Юг, с настоящими его постановлениями, не может первенствовать в союзе долгое время, и процесс между ним и севером постепенно выигрывается последним силою возникающих фактов. Для чего же подвергать целость союза и прогресс величайшей республики мира опасным случайностям по недостатку терпения? Бесспорно, рабство отвратительно, неестественно и в конце концов вредно; но самые отчаянные враги его жертвуют ли чем-нибудь для осуществления своих филантропических идей? ... Самые жители северных штатов, клеймя южных за порабощение негров, проповедуя, что они во всем равны белым, не позволяют им садиться с собою в один вагон, не признают их гражданами и не имеют с ними никаких общественных сношений... Надеюсь, что прочтя эти строки, никто не примет меня за поборника рабства. Я хотел сказать только, что в штатах вопрос этот непременно скоро решится сам собою; что не следует, ради ускорения решения, жертвовать другим общим и большим благом»⁴³.

Концовка же статьи была прямо направлена против крепостнической системы:

«Но когда время настало, где нет не только климатических условий, но даже извинения цвета кожи; где рабство ввелось не нуждою, а несчастным постановлением, не завоеванным — этим правом силы, извинительным в века варварства — а бюрократическим фокусом, где уничтожение его не только не поведет к распаду государства, а видимо будет способствовать дальнейшим его успехам и величию, — при таких условиях продолжение системы рабства становится политическим преступлением. Нравственным оно всегда было, есть и будет; но, к

⁴² Там же. С. 219—224.

⁴³ Там же. С. 224—225.

сожалению, единственно на началах нравственности нельзя вести целые народы»⁴⁴.

Если уж доверенное лицо великого князя Константина, высокопоставленный офицер и будущий морской министр Шестаков, пусть и под псевдонимом, печатал в открытой печати подобные рассуждения — значит, до отмены крепостного права в России оставалось немного. В тот же самый период в США, где критика рабства клеймилась как аболиционизм, высшие чиновники избегали высказываться по этому взрывоопасному вопросу.

Спутники И.А. Шестакова также печатали результаты своих наблюдений в «Морском сборнике». И хотя большая часть их была посвящена техническим вопросам и заполнена чертежами, сквозь инженерные описания прорывалось стремление улучшить собственное общество. Показательна в этом смысле одна из статей И. Белавенца, посвященная высотомерному инструменту, использующему фотографию. Текст сопровождается обширным подстрочным примечанием о возможностях фотографии: «Всюду вы найдете множество видов солнца с его изменяющимися пятнами, ежесуточных видов луны, групп звезд до 7-й величины... Кроме того, теперь стали распространяться в продаже стереоскопы, и как в числе принадлежащих к ним картин почти всегда находятся вышесказанные виды, то и знакомство с ними сделалось в Соединенных Штатах общим достоянием каждого гражданина, а не одних только ученых и астрономов. Те же фотографические виды дают средства правительству следить за работами инженеров в самых отдаленных местах: несколько видов какой-либо постройки, взятых с разных точек, вернее определяют степень произведенной работы, нежели самые красноречивые донесения. Фотографические рисунки с пособием китайского фонаря имеют также обширное практическое приложение к наукам. Так называемые «китайские тени», не получившие у нас никакого практически полезного употребления и остающиеся не более как забавой для детей, приобрели в Соединенных Штатах важное значение для науки, и сделались необходимым приспособлением для чтения лекций, как уче-

⁴⁴ Там же. С. 225.

ных, так и всякого другого содержания... Желательно было бы, чтобы и у нас это полезное нововведение не осталось без внимания; тогда с одним аппаратом и небольшим ящиком фотографических рисунков на стекле можно бы было несколькими сотнями видов познакомить в публичных лекциях нашу публику со всеми подробностями богатых заграничных галерей, кабинетов и музеев, доступных теперь только для малого числа лиц, имеющих средства ехать за границу и осматривать эти редкости на месте»⁴⁵.

Интересно отметить, что среди людей, в чьей судьбе оказались американские страницы, оказалось много тех, кто в последующую, александровскую эпоху окажется на ведущих позициях в реформаторском правительстве или на ведущих позициях в технических комитетах.

П. П. Мельников, путешествовавший по США в 1839—1840 гг. и руководивший постройкой Петербурго-Московской железнодорожной магистрали, с 1862 года исполнял должность, в 1863 был назначен главноуправляющим путей сообщения, а когда в 1865 году ведомство было преобразовано в министерство, стал первым министром путей сообщения России (и оставался им до 1869 г.). И. С. Дмитриев, с которого начались интенсивные поездки морских офицеров в США, с 1868 года был председателем кораблестроительного отделения морского технического комитета. И. А. Шестаков, автор проекта и капитан построенного в США фрегата «Генерал-Адмирал», стал спустя десятилетия автором программы преобразования русского флота и управляющим Морским министерством (в 1882—1888 гг.). Одним из помощников Шестакова в его американской командировке был И. П. Белавенец, позже возглавивший Кронштадтскую компасную обсерваторию и ставший ведущим специалистом по магнитным отклонениям (девиации) и навигации.

⁴⁵ Белавенец И. Новый высотомерный инструмент г. Оака // Морской сборник. 1860. Т. 48. № 9. Смесь. С. 92—95 сн.

Путешественники и эмигранты

В «Отечественных записках»⁴⁶ в 1839 году появилась большая статья за подписью «Русский путешественник» под заголовком «О пароходстве и озерах в Северной Америке»⁴⁷. Это первое известное нам сочинение о Соединенных Штатах, написанное русским человеком, посетившим Америку не по служебной надобности. Автор статьи Платон Александрович Чихачев (1812—1892) принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., во время которой прочел сочинения Александра Гумбольдта, вызвавшие у него желание самому отправиться в Новый свет. Выйдя в отставку, он в 1835 году отправился в Канаду, пересек США, Мексику, Эквадор, Чили, Буэнос-Айрес (Аргентину) и Бразилию. Однако напечатать ему удалось немного, так как все дневники были украдены. В дальнейшем Платон Чихачев стал членом-учредителем Русского географического общества⁴⁸.

Русская публика была осведомлена о быстром развитии пароходного сообщения на реках Северной Америки. Одну из наиболее впечатляющих картин нарисовал в статье о своем путешествии П. А. Чихачев:

Я не знаю ничего величественнее, как вид трех-дечного парохода в 300 сил (очень похожего на грозный и мрачный феодальный замок), когда он рассекает мутные воды Миссисипи, тащит за собою три или четыре парусные судна, не будучи останавливаем ни противными ветрами, ни течением, ни приливами. Присутствуя при таком удивительном и блистательном доказательстве могущества человека, вы чувствуете, что сердце ваше наполняется гордос-

⁴⁶ См. подробнее о позиции журнала в отношении к США: Арустамян Л. Р. Американская тема на страницах «Отечественных записок» (1841—1856) // Американский ежегодник, 1991. М., 1992. С. 100.

⁴⁷ Русский путешественник [Чихачев П. А.]. О пароходстве и озерах в Северной Америке // Отечественные записки. 1839. Т. 3. Отд. 2. С. 54—70.

⁴⁸ Брат Платона Чихачева — Петр Александрович Чихачев — также был знаменитым географом.

тью, и вы с охотой прощаете американцам их грубость и меркантильность; мало того, втайне вы хвалите их⁴⁹.

На протяжении 1840-х годов в Америке бывали главным образом дипломаты, инженеры и моряки, некоторые из которых делились своими впечатлениями с друзьями и близкими, а кто-то даже напечатал свои заметки в русской периодике. Когда же в конце 1850-х гг. в России были опубликованы первые обширные отчеты о путешествиях в США, принадлежавшие перу Э.Р. Циммермана и А.Б. Лакиера, то они уже не стали для русской публики открытием Америки.

Оба путешественника в основном подтвердили для своих соотечественников уже сложившиеся у них представления о США, разбавив их личными зарисовками. Важным выводом из их наблюдений был демократизм американского общества, под которым они подразумевали, прежде всего, отсутствие сословных барьеров. Так, Циммерман описывал доступность для публики президента Бьюкенена (Боканана), к которому можно было запросто зайти для беседы в Белый дом⁵⁰. О том же, с его точки зрения, говорило и широкое распространение в Америке среднего образования при слабости высшего.

А. Лакиер также отмечал в своей книге, что «стремление войти в число американских граждан объясняет, почему общество американцев представляет такое смешение разных степеней воспитания, понятий, суждений, какого, конечно, не представит никакая другая народность... Можно ли привыкнуть к этой смеси? Приятна ли она для человека, вынесшего из Европы известные понятия о кастах и отличиях? Это вопрос, но факт тот, что всякий человек равен другому по своему праву толковать и рассуждать; низших нет, а есть только богатые, бедные, и последние служат первым, пока не разбогатеют. В Европе различия от колыбели до могилы, и есть пределы, которых перейти нельзя

⁴⁹ Русский путешественник [Чихачев П.А.]. О пароходстве и озерах в Северной Америке // Отечественные записки. 1839. Т. 3. Отд. 2. С. 54—70.

⁵⁰ Циммерман Э.Р. Путешествие по Америке. От Нью-Йорка до Чарльстона // Русский вестник. Т. 19. 1859. Февраль. Кн. 1. С. 421—423

думать. В Америке этих препятствий нет и долго, по крайней мере, не будет»⁵¹.

Российские университеты привлекали внимание путешественников и дипломатов из-за океана. Русские же путешественники отмечали слабость американского высшего образования в сочетании с весьма широким распространением в республике среднего. «Высшего воспитания (образования — И. К.) он (американец — И. К.) не понимает и пока не видит в нем нужды, — отмечал в «Морском сборнике» посетивший США во второй половине 1850-х годов русский капитан И.А. Шестаков, — или лучше понимает, что каждый, будучи вскормлен с младенчества чувством человеческого достоинства, приобретет высшее воспитание по желанию; а низшее действительно в Штатах распространено без сравнения более, нежели где-либо»⁵². О том же самом писал автор статьи в консервативном журнале «Библиотека для чтения»: «собственно-ученое образование (в США — И. К.) не соответствует европейскому, оно положительно ему уступает; образование же общенародное, изучение всего близко касающегося жизни практической, находится здесь на несравненно высшей степени, чем в самых образованных государствах Европы»⁵³. В самом деле, это «непонимание» высшего образования вполне характеризовало американское общество первой половины XIX века. Именно поэтому так восхищались высшим образованием в России те дипломаты и путешественники, которые давали себе труд заинтересоваться этим вопросом. Лишь позже, в 1860—1870-е гг. реформы высшей школы в США (связанные, в частности, с именами побывавших в России Э.Д. Уайта и Д.К. Гилмана) изменят ситуацию.

⁵¹ [Лакиер А.Б.] Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе Александра Лакиера. С.-Петербург, 1859. Т. 1. С. 7—8.

⁵² Excelsior. [Шестаков И.А.] Между делом // Морской сборник. 1858. Т. 38. № 11. Ноябрь. Часть неофициальная. С. 21.

⁵³ Ланге Н. Америка // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакцией О.И. Сенковского и А.В. Старчевского. 1855. Т. 130. С. 161.

Со своей стороны, американские специалисты высоко оценивали российское образование и его способность воспринимать новое. Так, специальный журнал «Американ Анналс оф Эдюкейшн» еще в 1839 году перепечатал доклад профессора Стоу о состоянии системы образования в России, сделанный им в законодательном собрании штата Огайо и впервые появившийся в форме брошюры за два года до этого. Американские читатели узнали из этого текста о шести российских университетах, о приходских школах и гимназиях, о периодическом журнале Министерства народного просвещения, в одном из выпусков которого автор обнаружил благосклонный отзыв министра (С.С. Уварова) о деятельности библейских обществ и, в частности, о распространении публикаций Американского трактатного общества в России (American Tract Society — евангелическое общество, распространявшее религиозную литературу). «Если Министр императора Николая показывает такую готовность получать хорошие вещи даже из демократической Америки, — отметил автор, — мы, безусловно, не будем такими ограниченными, чтобы отказываться от хорошей идеи только потому, что она впервые появилась в самодержавной России»⁵⁴.

В 1858 году посланник Соединенных Штатов в России Томас Сеймур, посетивший перед возвращением на родину Казань, писал оттуда известному американскому специалисту в области образования Генри Бернарду: «Мой визит в Казанский университет был чрезвычайно интересным. ...Меня представили библиотекарю м-ру Готвальду, который свободно говорит по-английски. Он также владеет немецким, французским, татарским и монгольским языками. Университетская библиотека состоит из 50,000 томов, многие из которых очень редкие и ценные издания. У нас есть и американские книги, сказал м-р Готвальд, и тут же добавил, с выражением удовольствия на лице, — у нас есть “Журнал Образования Бернарда” (Barnard’s Journal of Education)!» Американский посланник отметил также наличие в Казани двух гимназий и двух школ для девочек, в которых большое внимание уделяется занятиям на свежем воздухе, «пре-

⁵⁴ Education and Efforts for Education in Russia // American Annals of Education. 1839. November. P. 491.

доставляется достаточное количество пищи за их ежедневную плату, и требуется частое купание. Боюсь, что это последнее требование недостаточно уважается в школах у нас в стране. Я могу продолжать часами, рассказывая Вам, как сильно мне понравилось то, что я здесь увидел»⁵⁵.

Отношение американцев к образованию было предметом, привлекавшим интерес русского общества. В 1855 году Н. Ланге писал в «Библиотеке для чтения», что в Америке «собственно-ученое образование не соответствует европейскому, оно положительно ему уступает; образование же общенародное, изучение всего близко касающегося жизни практической, находится здесь на несравненно высшей степени, чем в самых образованных государствах Европы»⁵⁶.

Образование было также излюбленной темой русских, посещавших Америку в тот период. Так, Э. Циммерман писал, что в Соединенных Штатах «образование доступно для всякого, и кто здесь ничему не научится, тому остается винить самого себя. Если в Европе университеты и другие высшие учебные заведения, доступные исключительно для известного сословия, стоят выше американских отчасти не устроившихся еще университетов и коллегий; то из этого еще не следует, чтобы здесь вообще народное образование находилось на низшей степени; напротив в Европе оно нигде не разлито в массу народа в такой мере, как в Соединенных Штатах. Там образование составляет исключительное преимущество привилегированного класса; здесь это — общенародное достояние. Утверительно можем сказать, что ни в многолюдных городах, ни в местах, отдаленных и разобщенных с миром цивилизации, не встречали мы необразованного природного Американца... Если поэтому Америка и не может еще меряться с Европой в отношении научных исследований, то в ней специалист ученый не отделяется от простого работника тою ненаполнимою пропас-

⁵⁵ Т. Сеймур — Г. Бернарду, 13 сентября 1858 г. Казань, Россия // Connecticut Historical Society. Henry Barnard Papers (1828—1899). Box II.

⁵⁶ Ланге Н. Америка // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакцией О.И. Сенковского и А.В. Старчевского. 1855. Т. 130. С. 161.

тью, какая лежит между ученым и пролетарием образованнейших государств Европы»⁵⁷.

Еще один русский путешественник А. Лакиер обращал внимание на тот же парадокс, но объяснял его по-своему:

«Сравнительно с большим числом молодых людей, получающих образование в городских школах, в колледже (в Гарварде — И. К.) учится их немного: по отчету 1855 года всех *undergraduates*, то есть не имеющих еще ученой степени, было всего 339. Но об этом американец вовсе не сокрушается: он хлопочет о гражданах, образованных в такой мере, чтобы быть хорошими исполнителями воли народа, а ученые для него роскошь. Они необходимы для того, чтобы распространять просвещение, это будущие учителя, образователи юношества, но большинство не доходит до университета, останавливается на средних школах, выносит из них округленное и совершенно достаточное для жизни образование, оставляя ученость немногим избранным. Такое воззрение на школы едва-ли не самое правильное, особенно в такой стране как Америка, где не должна и не может пропадать ни одна живая сила без пользы и значения»⁵⁸.

Таким образом, отмечая широкое распространение в Америке середины XX века среднего образования при слабом и редком высшем, русские путешественники видели в этом проявление той же самой бессловности, которая больше всего отличала американское общество от европейского. Не случайно единственным исключением из равномерного распространения образования среди всех слоев американского общества были негры на Юге США. «Южные штаты, — отмечал Э. Циммерман, — как во всяком другом, так и в этом отношении далеко отстали от северных. В особенности темнокожее племя на юге в весьма редких случаях имеет возможность обучаться чтению и письму. Плантаторы, следуя политике, какой во все времена преобладающая каста придерживалась в отношении угнетен-

⁵⁷ Циммерман Э. Путешествие по Америке. III. От Седер-Киза до Луизвилля // Русский вестник. Т. 21. 1859. Июнь. Кн. 2. С. 591.

⁵⁸ [Лакиер А. Б.] Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе Александра Лакиера. С.-Петербург, 1859. Т. 1. С. 168.

ной, намеренно содержат своих невольников в полном невежестве, справедливо считая образование опаснейшим противоядием рабству»⁵⁹.

Массовая эмиграция из России была еще впереди, хотя какие-то группы выезжали в США уже в первой половине XIX века. Так, 21 декабря 1839 года Найлз Нэшнл Реджистер (Nile's National Register) сообщал своим читателям, что «2,000 русских семей, убежавших от религиозных преследований дома, вот-вот поселятся на территории Висконсин»⁶⁰.

Во второй половине 1850-х гг. в Америку начали уезжать социальные и религиозные экспериментаторы-утописты. Приминая в США к радикальным общинам, некоторые из них позже возвращались обратно в Россию и пытались претворить свои идеалы в жизнь на Родине. Об одном из таких экспериментаторов, «американском подданном по фамилии Иван Григорьев», который в 1858 году начал проповедь среди молокан и хлыстов Новоузенского уезда Самарской губернии, писал А. Эткинд⁶¹.

Нельзя не отметить и нескольких эмигрантов из России, посетивших США или поселившихся за океаном в 1850-е годы, которые были заметными фигурами в общественных дебатах своего времени.

Наиболее интересной представляется фигура графа Адама Гуровского, участника польского восстания 1830 г., тогда же эмигрировавшего из России, но вскоре порвавшего со своими польскими товарищами и ставшего апологетом панславизма⁶². Он прошел сложную идейную эволюцию, сначала считая залогом развития славянства централизацию, во главе которой должен стоять русский самодержец, был сен-симонистом и поклонником Фурье, затем разочаровался в николаевском правительстве и, наконец, пере-

⁵⁹ Циммерман Э. Путешествие по Америке. III. От Седер-Киза до Луизвилля // Русский вестник. Т. 21. 1859. Июнь. Кн. 2. С. 591.

⁶⁰ Nile's National Register. 21 декабря 1839 г.

⁶¹ Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в гравелоггах и интертекстах. М., 2001. С. 64—68.

⁶² См.: Walicki A. Adam Gurowski: Polish Nationalism, Russian Pan Slavism and American Manifest Destiny // Russian Review. 1979. Vol. 38. № 1. P. 1—26.

бравшись в Америку, он нашел в ней пример лучшей организации общества. Активный публицист, в 1850-е годы Гуровский принял на себя роль своего рода посредника между двумя обществами, медиатора, пытаясь объяснить американцам, что такое Россия, а, чуть позже, русским — рассказать об Америке⁶³.

В своей вышедшей в 1854 году книге Гуровский настаивал, что «Россия и ее народ, в целом неизвестные, оцениваются по внешней форме своего правительства, и, таким образом, по внешнему проявлению. Но это не единственная их сторона, не те жизнеописания суверенов, битвы и расширение географических пределов, заключенные договоры и дипломатические уловки, составляющие исключительный предмет истории. Все это взятое вместе часто не дает истинного представления о внутренней жизни нации, жизни, протекающей внизу и главным образом в прямо противоположном направлении внешней правительственной форме. Это подводное течение открывает настоящий характер народа, его значение в грядущих судьбах всей или части человеческой семьи»⁶⁴. Книга вышла на волне дружеских чувств к России, вызванных Крымской войной, и Гуровский объяснял американцам, почему эти их чувства никак не противоречат любви к свободе: «Помимо самодержавия в России существует народ, с судьбой, простирающейся дальше, чем временная темнота, окружающая его, причиной которой была череда крайних необходимостей, а не вечные законы истории. Не правящая сила существующего правительства, не верхний слой общества содержат обещание будущего. Носитель его — один народ; народ,

⁶³ См.: Gurowski A. *Russia As It Is*. New York, 1854; Гуровский А. *Обозрение промышленности в Америке* // *Вестник промышленности*. 1858. Т. 2. № 6. Декабрь. Разд. 1 (Обозрение промышленности и торговли). С. 263—279; Он же. *Письма из Северной Америки* // *Вестник промышленности*. 1858. Разд. VI (Смесь). № 1. Июль. С. 1—44; № 2. Август. С. 83—95; Т. 2. № 4. Октябрь. С. 1—18; № 5. Ноябрь. С. 53—70; 1860. Т. 7. № 1. Январь. С. 12—30; № 2. Февраль. С. 55—75. № 3. Март. С. 131—146; № 4. Т. 8. Апрель. С. 1—17; № 5. Май. С. 109—124; № 6. Июнь. С. 125—140; Он же. *Промышленность и торговля в Соединенных Штатах* // *Вестник промышленности*. 1858. № 1. Июль. Разд. 1 (Обозрение промышленности и торговли). С. 20—40.

⁶⁴ Gurowski A. *Russia As It Is*. New York, 1854. P. IV.

нынешний низший класс, каким бы отсталым и нецивилизованным он не казался»⁶⁵.

Гуровский завершил введение к своей книге словами, которые, он надеялся, станут пророческими: «Общественная организация, институты Америки подняли ее к высшим достижениям человеческого рода. Как много времени пройдет прежде, чем Европа последует по пути своей младшей сестры? Европа должна будет пережить много кризисов, прежде, чем она освободит себя от умственных и политических пут, выкованных веками прошлого. В этой борьбе особая группа славянской семьи неизбежно сыграет свою роль. <...> Все европейские расы и нации, веками занимавшие первые позиции в истории, в кровавой борьбе, пытались установить общественную свободу и гармонию. До сих пор их усилия были безуспешны. Возможно, славяне, пришедшие последними, страдавшие и страдающие больше всех, будут более удачливыми в этом великом деле»⁶⁶.

Гуровский опровергал сравнение России с Америкой, ставшее популярным после Токвиля:

Стало обычным в последнее время сравнивать рост Америки и России; искать схожесть в их развитии и прогрессе; и, наконец, делить будущее двух полушарий между этими двумя поднимающимися государствами. Пока это касается грубого, материального, географического расширения... сравнение может казаться правдоподобным, но здесь и кончается схожесть. <...> Никакой другой аналогии нельзя найти между ними двумя, за исключением совершенно противоположных характеристик двух крайностей. Америка это свет, а Россия тьма; первая есть жизнь, а вторая инерция, зависящая от воли одного. Россия оседлана деспотизмом, этим старым наследием Востока и язычества; Америка ведет историю и человечество к новой эре — которая столетие назад считалась утопией — конструируя общественный порядок на основаниях равенства и свободы, реализуя в широком смысле один принцип общественной истины. ...В Америке правит настоящий прогресс, в России доминирует притворная имитация прогресса⁶⁷.

⁶⁵ Ibid. P. VIII.

⁶⁶ Ibid. P. XIV.

⁶⁷ Ibid. P. 261—262.

Панегирик Соединенным Штатам лишь однажды прерывается сноской автора: «Любая философская оценка чего бы то ни было в Америке может быть применена только к свободным штатам»⁶⁸.

«В Америке, — продолжает Гуровский, — индивидуальность каждого поднята до достоинства социальной истины, в России индивидуальность есть ошибка, иногда преступление. Все имплантировано искусственно или грубой силой»⁶⁹.

Однако, диалектически провозглашал Гуровский, все это говорит о том, что «в России деспотизм готовит, нет, облегчает дорогу в новую эру. Чем сильнее подавление, тем более сильной будет реакция»⁷⁰. «Славяне и русский народ должны надеть мантию человечества, поскольку демократия так же абсолютна и непреодолима, как законы физического мира, утверждал автор. — Хронологически, славяне и русские последними появились на исторической сцене, значит, они страдали дольше всех. Их освобождение суммирует освобождение Европейского мира. Оспаривать и сомневаться в освобождении России значит сомневаться в окончательной справедливости и мудрости»⁷¹.

И вот тогда, делает Гуровский завершающий поворот в своих рассуждениях, перед славянами встанет главная задача — цивилизация Азии. «Ни одна другая нация или раса не сможет выполнить эту миссию. Если человечеству суждено создать в будущем гармоничное целое, заброшенные места Азии должны быть взболтаны, оживлены, и тамошняя мертвая тишина должна быть нарушена. Культура и цивилизация должны рассеять атрофию к северу и к югу от Гималаев. Чтобы электризовать эти регионы, абсолютно необходим непрерывный контакт и трения, обмен и возбуждение. ... Это случай славян и главным образом русских. Народ, которому выпадет эта задача, должен владеть большими материальными ресурсами, и обладать полностью своими правами и возможностями. Активная масса должна давить на инертную»⁷².

Письма, полученные Гуровским после выхода книги, включали не только признание «ценности его вклада в лучшее пони-

⁶⁸ Ibid. P. 264, сноска.

⁶⁹ Ibid. P. 264.

⁷⁰ Ibid. P. 270.

⁷¹ Ibid. P. 270.

⁷² Ibid. P. 271.

мание русской истории и социальных институтов», но и довольно квалифицированные комментарии, показывающие появление в США людей, глубоко интересовавшихся Россией⁷³.

Именно Гуровский был источником сведений о Российской империи для американских интеллектуалов, таких как Теодор Паркер, которому он описал, в частности, устройство крестьянской общины⁷⁴.

Другой известный российский эмигрант Иван Головин посетил Америку в середине 1850-х гг. Автор работы о русской политической эмиграции в Соединенные Штаты В.Я. Гросул сообщает, что Головин «находился в США в 50-х годах и сотрудничал в разных изданиях Нью-Йорка и Вашингтона, побывал на Кубе, а затем вернулся в Европу. Собственно, это все, что нам известно о его поездке в Новый Свет»⁷⁵. Видимо, мимо внимания автора прошла примечательная книга, написанная Головиным по итогам своей поездки и изданная в 1856 году в Лондоне и Нью-Йорке, — первая книга о США, написанная русским политэмигрантом⁷⁶.

Вместо введения книга начинается с «Рекламы» («Advertisement»), в которой автор объявляет, что «цель этой книги — показать, что Соединенные Штаты идут в своей политике и морали неверным путем, неправильно понимают свое предназначение и теряют свою связь с принципами, в соответствии с которыми они создавались. В то время как европейские мыслители, ошибающиеся вслед за панегиристами американской демократии, считают институты Соединенных Штатов совершенным образцом, более глубокие философы, судящие о дереве по его плодам, думают, что неограниченная конкуренция, беспредельная любовь к материальным интересам неспособны разрешить вопросы нашего века». Совет русского эмигранта — «Соединенные Штаты должны поддерживать эмиграцию наиболее ценных

⁷³ Х. Хинде — А. Гуровскому, апрель 1854 г. // Library of Congress Manuscript Division. The Papers of Adam G. De Gurowski. Cont. 1.

⁷⁴ White A.D. Autobiography of Andrew Dickson White, with Portraits. New York, 1904. Vol. 1. P. 81.

⁷⁵ Гросул В.Я. Российская политическая эмиграция в США в XIX в. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 51.

⁷⁶ Golovin I. Stars and Stripes, or American Impressions. London, New York, 1856.

европейцев»⁷⁷. Книга составлена из 32 писем различным адресатам, в которых он подробно рассказывает о своих впечатлениях и делится наблюдениями над американской действительностью.

Головин посвятил много страниц сравнению России и Соединенных Штатов: «Я много раз был поражен сходством, существующим между Россией и Америкой. Я ел здесь арбузы, которые так любил в России; ежевика и сливки распространены в обеих странах. Огромные расстояния, деревянные дома в деревнях там и здесь; одинаковое расстройство в администрации общественных дел»⁷⁸.

Несмотря на это, отмечал Головин, «с долей правды американцы говорят, что они, вероятно, еще столетиями не войдут во враждебный контакт с русскими, в то время как британцы конфликтуют со своими кузенами по каждому поводу. Но, в общем, они очень мало знакомы с европейскими делами... Джентльмен, которого мне представили в гостинице Святого Николая, сказал, что ожидал, что я, русский, буду защитником рабства, и изумился, когда я сказал, что мои принципы никогда не допускали цепей»⁷⁹.

«В самом деле, в Соединенных Штатах очень немного русских, — констатировал эмигрант. — В России так же много земли, как в Америке, и рабочие руки не в такой нехватке, как капитал, так что славянская раса еще долго будет иметь здесь лишь немногих представителей»⁸⁰. Из этого наблюдения следует, что основной причиной эмиграции за океан, по мнению Головина, была нехватка земли в Европе.

Отдельное письмо посвящено сравнению американского рабства и русского крепостного права. Сравнивая возможность образования, системы наказания, правовые нормы и обычаи обращения с рабами и крепостными, Головин не находит в двух институтах принципиальной разницы. Первая половина письма, по словам самого Головина, была опубликована в Нью-Йорк Трибьюн (New York Tribune) и вызвала резкую реакцию сторонников рабства. Головин возразил, что «такое сравнение в пользу американского рабства, потому что в России нет различия в расах, как здесь»⁸¹.

⁷⁷ Ibid. P. VII.

⁷⁸ Ibid. P. 33.

⁷⁹ Ibid. P. 152.

⁸⁰ Ibid. P. 153.

⁸¹ Ibid. P. 101.

Письмо, адресованное Луи Блану, который, по словам Головина, положил конец его колебаниям поехать в Америку, «сказав, что хотел бы проверить наблюдением все хорошее и плохое, что говорится об американцах»⁸², автор озаглавил «Демократия и социализм в Соединенных Штатах». Головин признается, что его ожидания не оправдались, поскольку Янки вовсе не напоминает британца. «Наши друзья думают, что Соединенные Штаты — это республика буржуа, олигархии или денежной аристократии. Господствующий класс, конечно, землевладельцы и финансисты, но суверены или выборщики принадлежат классу ниже среднего»⁸³.

Эмигрант Головин затронул в своей книге и тему социалистических экспериментов в Соединенных Штатах, вряд ли возможную для обсуждения в подцензурной русской печати. Со слов друга Головин описал Икарию — социалистическую общину, основанную Кабе. Колония, включавшая шестьсот человек, процветала. Головин считал социалистами и мормонов: «Мормоны — это американские социалисты, в большей степени, чем они библиисты»⁸⁴.

Еще одно письмо посвящено политическим партиям в США. Глава начинается таким пассажем: «Мое пребывание в России научило меня, что хороший государь — редкость; мое пребывание в Англии показало мне, что конституционное правительство подходит только очень умеренному народу и что реформы ведут к республикам; мое путешествие по Америке убедило меня, что демократия развивает материальные инстинкты человека за счет его интеллекта и морали; что со здешними законами не лучшие, а худшие человеческие страсти одерживают верх, и что поскольку честь и интеллект находится в меньшинстве, то правительство большинства есть правительство бесчестия и тупости»⁸⁵. Головин обрушивается с критикой на партию «Ничего не знающих» (Know-Nothings), считая, что «головы, как и руки, нужны Америке, и если они остановят эмиграцию, они станут бедными»⁸⁶.

⁸² Ibid. P. 85—86.

⁸³ Ibid. P. 86.

⁸⁴ Ibid. P. 92.

⁸⁵ Ibid. P. 112—113.

⁸⁶ Ibid. P. 115.

«Американское правительство, — объясняет Головин, — не демократия, а республика. Оно должно было только регулировать связи с другими странами, и взаимоотношения между самими штатами, прежде всего, торговлю... Здесь нет такого понятия, как министр народного просвещения, однако Правительство старается европеизировать себя больше и больше, и начинает чувствовать необходимость расширения сферы своей деятельности»⁸⁷.

Недостаток управления ведет к анархии, заключил Головин: «Лучшее правительство это то, которое меньше правит, обычно говорим мы в Европе; но, насмотревшись на беспорядок, ставший результатом того, что забота о личной безопасности оставлена на попечение народа, надо признать, что есть что-то хорошее даже в деспотизме, который иногда вмешивается, чтобы положить конец злоупотреблениям или тем, кто их совершает»⁸⁸.

Головин посвятил отдельное письмо-главу своей книги американской внешней политике. «Дэниел Уэбстер сказал в конце карьеры своему сыну, который повторил это мне, что примерно через пятьдесят лет государственный секретарь Соединенных Штатов будет самым влиятельным человеком в Союзе; поскольку встречи с ним будут искать и его обхаживать все иностранные державы с целью переманить его на одну или другую сторону. Именно он также сказал, что нейтралитет — это лучшая политика Соединенных Штатов. Европейские правительства, подозрительные и ревнивые к их институтам, были бы рады вовлечь их в европейские осложнения, чтобы потом иметь возможность ответить тем же; и революционеры, с другой стороны, хотят от них помощи для свержения европейских монархий»⁸⁹.

Несмотря на высокую оценку перспектив международного положения США, современная внешняя политика этой страны не избежала критики Головина: «Демократия не может обойтись без дипломатии, «просто крича о своих планах с крыш», но дипломатия вторжений и флибустьерства не принесет добра международному братству»⁹⁰.

⁸⁷ Ibid. P. 116—117.

⁸⁸ Ibid. P. 117.

⁸⁹ Ibid. P. 220—221.

⁹⁰ Ibid. P. 87—88.

Автор, натурализовавшийся английский гражданин, так или иначе вынужден был рассуждать и о Крымской войне. «Американцы, — писал Головин, — с легкостью уступают России империю Старого Света, поскольку именно они те люди, кто очень преувеличивает ее мощь. Ненависть к Великобритании — главная причина их симпатий к русским; и тем, кто возражает по поводу добрых чувств к Царю, они отвечают, что Наполеон III такой же большой деспот, и что от России, на ее нынешней стадии развития, не ожидают наслаждения выгодами американских институтов»⁹¹. «Симпатии американцев к России носят, однако, безобидный характер, — продолжал автор. — Янки продают порох обоим воюющим сторонам; значительная часть их тоннажа используется для перевозки амуниции и больных и раненых солдат в Крым и оттуда. Русским, жалующимся на такое поведение, они отвечают, что они были бы счастливы предоставить свои суда Царю, но, будучи купеческой нацией, не могут отказаться от любой возможности сделать деньги»⁹². Тем не менее Головин вынужден был отметить, что симпатии американского населения — на русской стороне: «Англо-французский союз называют здесь «порочным союзом» («Unholy alliance»). Игра слов: Holy Alliance — Священный союз — *И. К.*). Американские врачи в большом количестве заняты в русской армии, тогда как попытки британских агентов рекрутировать в Соединенных Штатах создали большие дипломатические трудности»⁹³.

В завершение книги политэмигрант высказался об исторической роли заокеанской республики: «Самой большой услугой, которую Соединенные Штаты могут оказать делу европейской демократии, было бы очистить свои собственные институты, поднять их над насмешками и критикой европейских монархистов, чтобы ими можно было восхищаться и их повторять»⁹⁴.

Однако картина раскола американской республики в середине 1850-х гг. способна была, по мнению Головина, отвратить путешественника от демократии: «визит в Соединенные Штаты имеет странную способность охлаждать демократов. Еще раз говорю вам, что predetermined судьба Штатов — это распад

⁹¹ Ibid. P. 147.

⁹² Ibid. P. 149.

⁹³ Ibid. P. 149.

⁹⁴ Ibid. P. 222.

союза! Я не дам Союзу еще восьми лет; все компромиссы закончились, и нарыв должен лопнуть»⁹⁵.

Проанализировав написанное об Америке русскими гостями, можно понять, что наиболее свободно о демократическом устройстве страны писали эмигранты, в том числе и критикуя его. Командированные офицеры больше писали о промышленности и о характере американцев, об их отношении к России.

Небольшое количество путешествовавших и недостаток информации о другой стране приводил к попыткам написать широкое полотно, энциклопедически охватить все стороны американской жизни в рамках небольшой книги, а чаще журнальной статьи. Это, в свою очередь, предопределяло невозможность глубокого анализа отдельных сторон американской действительности, хотя в некоторых случаях глубина заменялась оригинальностью суждения.

Личные впечатления дипломатов и путешественников в середине XIX века играли важнейшую роль в формировании представлений о другой стране. В образованных кругах России и США наряду с интересом существовало предубеждение против европейской прессы, предоставлявшей наибольшую часть информации. Однако на направленность внимания и на оценки людей, посетивших другую страну, огромное влияние оказывали их опыт, образование, терпимость к чужим обычаям и политические установки, а также сформировавшиеся до отъезда стереотипы восприятия.

Американские посланники и секретари миссии в Санкт-Петербурге, не будучи профессиональными дипломатами, представляют наиболее яркий пример различий в восприятии одной и той же необычной для них российской действительности.

Российские путешественники в США в большей степени демонстрировали избирательность своих интересов, будь главным предметом их внимания американская техника, система образования или общественное устройство.

Самое важное состоит в том, что в той или иной форме рассказы путешественников становились частью формирующегося образа другой страны. На этом образе, на стереотипах восприятия, в дальнейшем основывалось как общественное мнение, так, зачастую, и политические решения.

Луи-Жозеф Папино

Дафф Грин

Дэниел К. Гилман

Эндрю Д. Уайт

⁹⁵ Ibid. P. 274—275.

Льюис Кэсс

Уильям Л. Марси

Сэмюел Колт

Генри У. Дэвис

Джордж В. Уистлер

Чарльз Гасвель

Сэмюел Морзе

Н. Н. Муравьев-Амурский

А.Г. Рогчев

И.В. Турчанинов
(Джон Турчин)

Д.И. Каченовский

И.Х. Гамель

Н.О. Крафт

П.Я. Чаадаев

А.М. Горчаков

Александр II

Джордж Гаррисон

Перри М. Коллинз

Бэйард Тэйлор

Люси Х. Пикенс

Зеркала: Образы и стереотипы восприятия

Часть III

Государственные деятели преследовали прагматические цели, логика которых подталкивала Россию и США к сотрудничеству. Однако помимо и зачастую вопреки государственной необходимости в обеих странах формировался образ друг друга. Этот образ обсуждался прессой, использовался в речах, становился основой отношения общества к партнеру, закреплялся в стереотипах. И хотя в изучаемый период дипломатия практически не зависела от общественного мнения, сформировавшиеся тогда стереотипы сохранились до тех времен, когда они стали важным фактором формирования внешней политики.

Тексты, написанные людьми, побывавшими в другой стране, оставались лишь частью, пусть важной, образа другой страны, формировавшегося из различных источников.

Сравнение России и Америки стало особенно популярно после выхода в свет книги Алексиса Токвиля, однако оно было достаточно очевидным и для других его современников. Дж.Л. Стефенс, автор одной из первых американских книг-путешествий по России, писал в середине 1830-х гг.: «Для американца Россия — интересная страна. ...И во многих отношениях напоминает нашу. В самом деле, мы начали жизнь по-разному. Россия трудом пробила себе дорогу к цивилизации от состояния абсолютного варварства, тогда как мы появились с преимуществами всего просвещения Старого Света. И все равно существует много предметов для сравнения, и даже соревнования между нами»¹.

Во второй трети XIX века каждая из стран выступала для другой своего рода зеркалом, отражавшим ее собственные проблемы и успехи. Крепостное право и рабство, экспансия на Запад и на Восток, черкесы и индейцы, свобода и самодержавие, наконец, европейский или «особый путь», — основные темы общественных дебатов в США и России находили аналогию или антитезу в другом обществе. Иногда это были глубокие сравнения, но зачастую и простые риторические приемы, использовавшиеся политиками и публицистами (с поправкой на цензурные ограничения в России) основывались на примерах из обще-

¹ Stephens J.L. Incidents of travel in the Russian and Turkish Empires. 2 vols. London, 1839. Vol. 1. P. 273—274.

ственного устройства другой страны. Как и европейцы того периода, американцы «активно черпали из представлений о России материал для представлений о самих себе... Представления о России оказались неразрывно связанными с перипетиями внутриполитической борьбы»².

Публиковавшиеся в периодической печати той эпохи статьи, с одной стороны, вносили существенный вклад в формирование стереотипов общественного мнения, а с другой — в наибольшей степени их демонстрировали.

В отсутствие широких контактов между двумя странами вплоть до 40-х годов XIX века наибольшее влияние на формирование образа России в США оказывала международная повестка дня, отраженная в европейских газетах, и, в некоторых случаях, внутренние проблемы Соединенных Штатов, которые казались лидерам общественного мнения аналогичными российским.

Современный американский историк Мартин Малиа, подробно исследовавший образ России в глазах Запада, считает, что «вторая четверть девятнадцатого века была периодом по преимуществу очерняющей литературы о России. В самом деле, именно тогда впервые сформировался репертуар негативных стереотипов о России, суждений, доживших до наших дней»³. Книга маркиза де Кюстина (1839 г.) стала крупнейшим источником подобных суждений.

В начале 1830-х годов повестка дня была сформирована подавлением Российской империей польского восстания. Образ России в британской и французской прессе, а вслед за ними и в американском общественном мнении, определялся противопоставлением «варварской» и «деспотичной» восточной империи «цивилизованной» Европе, частью которой представлялась Польша. Именно в тот период в школьные пособия в США вошло мрачное описание России. Американские учебники рассказывали о неограниченной власти русского императора Николая над своими подданными и об опасности, которую он

² Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей: Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2004. С. 132—133.

³ Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge; London, 1999. P. 98.

представлял для своих соседей: «Нет закона, который был бы выше его воли. Он не только деспот в своей стране, он внушает ужас всей Европе»; «Николай должен постоянно сражаться с кем-нибудь, так, сейчас он воюет со своими азиатскими подданными»⁴. Общественное устройство страны также описывалось в самых отталкивающих тонах: крепостные в России «являются собственностью своих хозяев, которые смотрят на них как на животных, созданных для услужения им; и они почти не интересуют их, за исключением того, чтобы получать от них как можно больше»⁵.

Однако не прошло и двадцати лет, как оценки изменились. В новом издании того же школьного учебника, выпущенном в 1856 г. (исправленном в 1853 г.), исчезли наиболее мрачные описания агрессивности российской внешней политики и страданий русских крепостных, зато появились такие пассажи: «Россия совершила удивительный прогресс в цивилизации в течение последних двадцати лет. Железные дороги введены повсеместно, и сегодня соединяют крупнейшие города. Искусства и мануфактуры поддерживаются, и по всей империи существует общее стремление к улучшениям». Николай — «человек больших талантов и быстро улучшает условия жизни своего народа, в то же время увеличивая мощь своей державы»⁶.

Популярная двухтомная история мира, опубликованная в то же время, отдавала должное царю Николаю, который «проявил большую широту взглядов и предприимчивость в привлечении искусств и улучшений в свои огромные владения. Механический гений особенно щедро поощряется, и несколько американцев, неумоимо способствовавших любимым целям царя, достигли высоких постов или вознаграждения»⁷.

Главной причиной такого поворота в оценке России стало расширение сотрудничества двух стран в различных областях,

⁴ [Goodrich S.G.] *Peter Parley's Common School History*. Boston, 1838. P. 260—261, 267.

⁵ *Ibid.* P. 263.

⁶ [Goodrich S.G.] *Peter Parley's Common School History*. Philadelphia, 1856. P. 215, 219.

⁷ Brownell H.H. *The People's Book of Ancient and Modern History; The Old World*. Boston, 1853. Vol. 1. P. 464.

произошедшее в течение одного десятилетия — 1840-е гг. Понять, каким образом происходила эта переоценка, задача не только интересная, но и весьма актуальная.

Иными словами, в этой части будет идти речь о том, как русское общество «конструировало» в своем дискурсе США, и наоборот — американское конструировало Россию; как оба общества осознавали себя, сравнивая и отталкиваясь от чужого примера.

ГЛАВА 6

ОТРАЖАЯ СХОДСТВО: ЗАОКЕАНСКИЕ ОБРАЗЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Территориальная экспансия США и восточная политика России в середине XIX века

В разгар антианглийского восстания в Канаде русский посланник в Вашингтоне Александр Бодиско сообщил Нессельроде, что он принимал в своем доме лидеров восставших. Встреча была организована 9 декабря 1838 года Джоном О'Салливаном и Генри Гилпенем, которого Бодиско охарактеризовал как доверенное лицо президента Мартина Ван Бюрена⁸.

В.А. Тишков в своих работах не останавливался специально на личности организатора встречи канадских повстанцев с русским посланником Джона О'Салливана, однако, по нашему мнению, этот человек заслуживает особого внимания. Редактор «Ю. Эс. Мэгэзин энд демократик ревью» О'Салливан несколько лет спустя после описываемых событий войдет в историю изобретением термина «Предопределенная судьба» (Manifest Destiny), которая якобы предназначила весь североамериканский континент для американцев. Один из лидеров американских экспансионистов 1840-х годов, он немало сделал для идеологического обоснования терри-

⁸ Бодиско — Нессельроде, 17/29 декабря 1838 г. // Le Duc T.H. That Rumor of Russian Intrigue in 1837 // Canadian Historical Review. 1942. Vol. 23. № 4 (December). P. 399. См. также: Black J.L. Canada in the Russian Mirror. P. 28—29, Тишков В.А. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде. С. 291.

ториальной экспансии США, в частности, аннексии Техаса и обширных территорий, принадлежавших Мексике. Такой человек пытался обеспечить канадским повстанцам помощь России. Не лишне добавить, что в 1839 году друг и политический союзник редактора Дж. О'Салливана Черчилль Камбреленг станет посланником США в Санкт-Петербурге, а вернувшись домой, публикует на страницах «Демократик ревью» объемистый и благожелательный очерк о России⁹.

Важной задачей представляется анализ отношения американских экспансионистов к Российской империи. Конечно, неправомерно было бы искать жесткую зависимость между экспансионизмом конкретного американского политического деятеля и его взглядами на Россию. Однако пример Дж. О'Салливана и Ч. Камбреленга показывает, что в основе отношения к Российской империи лежала надежда на обретение союзника в борьбе с Великобританией — главной силой, сдерживавшей американскую экспансию в Северной Америке. Не стоит забывать и о том, что в ходе дискуссий рубежа 1830—1840-х гг. в США о возможности аннексий новых территорий широко дебатировалась идея о внутренней слабости и непрочности больших государств. Пример Российской империи (прочной и сильной, на взгляд современников, несмотря на ее огромные размеры) был одним из аргументов сторонников новых аннексий. С другой стороны, уже в 1848 году один из противников территориальной экспансии Д. Уэбстер убеждал слушателей в неприменимости российского примера, поскольку только «деспотичные правительства могут иметь территории и удаленные владения, потому что они могут управлять ими с помощью различных законов и различных систем», как Россия, имеющая разную систему законов для Украины, Камчатки и Кавказа¹⁰.

Канадское восстание было уникальным случаем, когда интересы русского правительства и американских экспансионистов, казалось, совпали. Обострение отношений России с Вели-

⁹ C[ambreleng C.C.]. New Notes on Russia, by a Recent Visiter // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol. 11. № 50 (August). P. 151—160.

¹⁰ Webster D. The Great Speeches and Orations of Daniel Webster. Boston, 1889. P. 568.

кобританией из-за инцидента со шхуной «Виксен», доставлявшей оружие черкесам, показывало нараставшее сопротивление Англии территориальным устремлениям Российской империи; американцы находили в этом очевидные параллели своим собственным проблемам.

Конечно, территориальная экспансия России и США происходила на разных континентах, и лишь наличие общего врага могло привести экспансионистов двух стран к пониманию близости интересов. Гораздо чаще совпадали интересы российских торговцев и промышленников и американских купцов и судовладельцев, которые и определяли русско-американские отношения на протяжении длительного периода.

Однако после того как канадское восстание было подавлено, а Бодиско получил от Нессельроде выговор за контакты с его лидерами, прямых поводов к дипломатическому обсуждению связанных с территориальной экспансией проблем не находилось. Гораздо больше внимания опыту и проблемам российского территориального расширения стали уделять американские публицисты.

На страницах основных общественно-политических и литературных журналов и ряда влиятельных газет, выходивших в США в 1840—1850-е гг., излагались факты и оценки, формировавшие и, с другой стороны, отражавшие общественное мнение по отношению к этим далеким от американских берегов регионам. Интересно также сопоставить журнальные оценки российской восточной политики с примерами политического сотрудничества России и США на Востоке в тот же период. Такое сопоставление может показать степень влияния общественного мнения на внешнюю политику в тот ранний период американской истории.

Большая часть статей, в которых анализировалась восточная политика Российской империи, была так или иначе посвящена Восточному вопросу, судьбе агонизировавшей Блистательной Порты. Однако интерес американцев вызывала и Кавказская война, которую Россия вела против горских племен Северного Кавказа (Черкесии¹¹).

¹¹ В американской периодике весь Северный Кавказ назывался Черкесией, тогда как в русском понимании это слово означало только западную часть Северного Кавказа.

До середины 1840-х гг. американские журналы не давали своих оценок восточной политике Российской империи, хотя некоторые слова, проливающие свет на симпатию американцев к России в ходе Крымской войны, были сказаны еще за двадцать лет до той кампании.

Эдвард Эверетт еще в 1833 году в обращении к студентам Йейла высказал мнение, что Россия выполняет цивилизирующую миссию на Востоке, и что «расширение владений царя будет средством возрождения (agent of regenerating) Западной Азии. Если так, то неважно, как скоро русское знамя будет укреплено на стенах Константинополя... Если российская власть распространится на них, это будет цивилизованная и христианская власть»¹².

Путешествовавший по России в конце 1830-х гг. Генри Уикоф писал, что ему «казалось *предопределенной судьбой* (*manifest destiny*) (подчеркнуто нами — И. К.), что Россия делает из Турции рождественский обед, и проглотит ее до последнего куска»¹³.

Собственно американские аналогии стали в повестку дня в связи с активизацией собственных экспансионистских планов Соединенных Штатов в середине 1840-х гг. Американский посланник Ч.С. Тодд, комментируя назначение графа Воронцова наместником на Кавказе, писал в январе 1845 года государственному секретарю Дж.К. Кэлхуну: «Война на Кавказе — это еще одно Флоридское дело большего масштаба»¹⁴.

¹² Воспитание человечества. Речь перед обществом Фи Бета Каппа Йейла, 20 августа 1833 г. // Everett E. Orations and Speeches on Various Occasions. Boston, 1868. Vol. 1. P. 432.

¹³ Wikoff H. Reminiscences of an Idler. P. 208. Интересно подчеркнутое нами использование словосочетания «предопределенная судьба» применительно к описанию российской экспансии. Книга Уикофа описывает события, случившиеся ранее введения этих слов в американский политический лексикон Дж. О'Салливаном, но опубликована значительно позже.

¹⁴ Ч.С. Тодд — Дж.К. Кэлхуну, 6/18 января 1845 г. // [Calhoun J.C.] The Papers of John C. Calhoun / Ed. by Robert L. Meriwether et al. Vol. 21. Columbia, 1993. P. 153. Тодд намекает на причастность Дж. Кэлхуна, в то время военного министра США, к аннексии Соединенными Штатами Флориды в 1819 году.

Когда группа американцев, поселившихся в мексиканской провинции Техас, подняла мятеж, объявила независимость, а потом подала петицию о приеме в состав США, американские виги выступали против аннексии. «Американ Виг Ревью» (American Whig Review) иронизировал в 1845 году: «Николай, правящий холодными темными регионами Севера, не следил за прогрессом в наш изобретательный век, иначе он давно бы отправил казаков через Дунай, чтобы те закрепились там и объявили свою независимость; затем он смог бы инкорпорировать их, а с ними и владения Султана, в свою империю, тихо, без нарушения договоров или обещаний, в соответствии с последним патентованным методом международной стратегии»¹⁵.

Во время европейского революционного кризиса 1848—1849 гг. американские газеты рассуждали о возможной европейской политике.

Некоторые американцы в тот период стали давать советы русскому императору, как использовать ситуацию в Европе к своей выгоде. «Нью-Йорк Геральд» (New York Herald) опубликовала одно из таких писем под заголовком «Что русский император должен делать в нынешнем кризисе европейских дел». Совет состоял из тринадцати фантастических пунктов, среди которых были: «Восстановить Польшу в ее национальных границах и правах... Дать европейской части России конституцию... Отправить 150.000 солдат через Инд... и объявить миру, что британскому владычеству в Индии пришел конец... Объявить Китаю, что вся его территория будет отныне уважаться... Пригласить Францию занять Египет и Сирию... Занять Константинополь и положить конец турецкому господству в Европе и Азии... Оставить Швецию, Данию, всю Германию, Грецию и Испанию на волю мирных революций»¹⁶.

Несмотря на всю фантастичность плана, он иллюстрирует важную черту американского подхода к России в середине XIX века: империя не должна мешать демократическим движениям в Европе (включая те, что развиваются на ее собственной части Польши), однако она может стать освободительной силой

¹⁵ Annexation // American Whig Review. 1845. Vol. 2. № 5. P. 453.

¹⁶ New York Herald. 1848. 22 мая.

на Востоке, от Турции до Индии и Китая. Забегая вперед, можно отметить, что это частично объясняет в целом дружественное отношение американского общества к России в годы Крымской войны.

В то время как ставшая оппозиционной «Юнион» («Union») холодно рассчитывала возможные «ходы России на Европейской шахматной доске»¹⁷, слухи о возможном нападении России на Турцию вновь заставили «Нью-Йорк Геральд» размышлять о положительном значении подобного поворота событий: «какую бы тревогу не вызывал такой курс России у сторонников других европейских династий, мы не видим, почему покорение Турции этой державой может рассматриваться как пагубное бедствие для интересов свободы и цивилизации... Великое движение России на Восток — еще один шаг к освобождению этого региона земного шара от худших образцов рабства»¹⁸. В этом тексте вновь движение России на Запад рассматривалось как угроза, тогда как ее экспансия на Восток — как благо для дела свободы. Американское общественное мнение ощущало амбивалентность частью европейской и частью азиатской страны.

В 1850 году из печати вышла книга Джорджа Л. Дитсона «Черкесия, или Тур на Кавказ», ставшая первым описанием путешествия американца в беспокойный регион Российской империи.

В предисловии автор признает, что его «точка зрения... на продвижение России на юг не будет принята ни в Англии, ни в Америке. Жителями первой — никогда, не считая их тайных суждений... Американцам же надо только познакомиться с условиями народа покоряющего и покоряемого — с политикой победителей и результатом их завоевания, чтобы узнать картину наших войн с индейцами, лишение их земель, изгнание их от священ-

ных могил их предков, — чтобы признать то, к чему меня привели мои наблюдения, что Россия много делает для цивилизации и христианизации восточного мира»¹⁹.

Сравнение кавказцев с индейцами не было изобретено Дитсоном. Он приводит свой разговор с князем Кочубеем перед началом поездки в горы: «Князь сказал: «Эти черкесы совсем как ваши американские индейцы — такие же не поддающиеся приручению и нецивилизованные — и что, вследствие их природной энергичности характера, только истребление могло бы сохранять их спокойными, а если они попадут под российское управление, единственно безопасной политикой было бы использовать их дикие и воинственные привычки против других»²⁰.

Несколько журналов откликнулись на книгу обширными рецензиями. Автор обзора в «Ю. Эс. мэгэзин энд демократик ревью» обратил внимание на мысль Дитсона, что в России «массы не имеют выбора системы правления; почему же их осуждают, как если бы он существовал?». «Наши рекомендации России есть результат наших впечатлений от «Тура на Кавказ», и если они слишком добры, то винить за это нужно автора»²¹.

Совсем другую оценку сочинению Дитсона дал автор обзора в «Нью Ингландер энд Йейл ревью» (New Englander and Yale Review). Надо помнить, что на рубеже 1840—1850-х гг. в США разгорелась дискуссия о помощи венграм, чье выступление против австрийского господства было подавлено русскими войсками. Автора рецензии возмутила русофильская позиция Дитсона. «Находясь на всем протяжении своей поездки под русской защитой, любезно принятый магнатами страны, он убедил себя, что Россия делает доброе дело в этих странах, — саркастически отметил рецензент, — что она христианизует черкесов (если сможет их поймать), и цивилизует их, поскольку она сама высоко цивилизована, и ее солдаты — пример вежливости и утонченности... Может быть, и будет лучше для мира, что один великий грабитель и поработитель покончит с грабежом и работорговлей

¹⁹ Ditsen G.L. Circassia; or a Tour to the Caucasus. New York, London, 1850. P. X—XI.

²⁰ Ibid. P. 311.

²¹ Tour to the Caucasus // United States Magazine and Democratic Review. 1850 (February). Vol. 26. № 140. P. 164—166.

¹⁷ Union. 1849. 11 апр. Любопытно использование журналистом демократического официоза середины XIX века образа шахматной доски применительно к европейской политике. Помимо очевидных аналогий с заголовком известного геополитического труда Збигнева Бжезинского, опубликованного в 1997 году, в современном контексте он означал отчетливое дистанцирование автора от событий за океаном.

¹⁸ New York Herald. 1849. 21 апр. Цит. по: The American Image of Russia: 1775—1917 / Eugene Anshel, comp. New York, 1974. P. 106—107.

розничных дилеров, чем, конечно, кавказцы печально знамениты. Но Бог не допустит, чтобы читатели «Нью Ингландер» судили о состоянии мира на основании исключительно этого принципа, так, что мы не сумели бы определиться с нашими симпатиями. Мы будем сочувствовать тем, кто борется за свою жизнь и свою свободу, будут ли они христианами или магометанами, и мы будем надеяться, что они будут и дальше дышать своим горным воздухом независимости»²². Автор рецензии подробно описал историю Кавказской войны, опираясь, прежде всего, на антироссийские британские источники. Он подчеркивал независимость горцев, которую они не теряли, по его словам, от сотворения человеческой расы. «По Адрианопольскому миру 1829 г. Турция уступила России все побережье Черного моря, — то же самое, как если бы Мексика уступила Соединенным Штатам Кубу или Порто Рико. Черкесы всегда были независимыми... Прежде ни персы, ни греки, византийцы, татары, ни турки не лишили этих детей природы сладкого дара свободы. Это досталось на долю нации, называющей себя христианской. Христианство, каким они должны видеть его, приходящее в таком виде, можно только ненавидеть»²³. Автор, как видим, не обошелся без сравнения ситуации на Кавказе с актуальными внешнеполитическими проблемами самих США.

На этой же волне антирусских настроений в августе 1852 г. в «Ю. Эс. Мэгэзин энд демократик ревью» появилась статья «Турция, Россия, Черкесия». «Честолюбие беспорядочное и огромное, честолюбие, способное зародиться только в душе притеснителя, и найти пищу только в страдании целой нации — вот что такое Россия. Это страна, завоевывающая по своей сути, и захватывающая из-за своих собственных нужд, искупает собственной деградацией будущую тиранию, которую она надеется установить над другими»²⁴.

Тот же журнал вскоре опубликовал еще одну заметку о Черкесии. Автор восторгался стойкостью кавказцев перед рус-

²² Caucasus // New Englander and Yale Review. 1851 (February). Vol. 9. № 33. P. 89.

²³ Ibid. P. 108—109.

²⁴ Turkey, Russia, Circassia // United States Magazine and Democratic Review. 1852 (August). Vol. 31. № 170. P. 163, 166.

ским наступлением, даже не делая, как его предшественник в «Нью Ингландер», оговорок о работорговле и похищении людей, распространенном среди горцев. Для него успешное противостояние кавказцев русской армии имело символическое значение: «В Черкесии мы видим зрелище того, как сравнительно незначительная территория и неграмотный народ сдерживают и ниспровергают русскую дипломатию, со всеми ее умелыми приготовлениями; ... Черкесия воздвигает свой природный бастион против гигантского врага прав человека; какого патриота не вдохновит подобное зрелище?» Автор заметки увидел у горцев даже древнегреческую демократию: «Несмотря на то что многие согласятся с важностью Черкесии для всех морских наций, они скажут, что в лучшем случае они только варвары; в ответ мы утверждаем, что они такие же варвары как сторонники Леонида в Фермопилах, и что, хотя спартанцы имели правительство, и свободное государство, черкесы имеют демократические формы, без расколов, и что они свободные люди, поскольку смелы и честны»²⁵.

Тон американской прессы изменился с приближением Крымской войны.

Ничто лучше не характеризует произошедшие изменения, чем текст школьного учебника. В 1853 году автор популярного учебника суммировал эти перемены: «В 1848—49 гг. Россия помогла Австрии вновь покорить Венгрию, послав 300 тысяч солдат²⁶ ей на помощь. У России, однако, надо признать, лицо Януса, две стороны. На Азию она смотрит как цивилизатор ее свирепых варваров, колонизатор ее огромных пространств; на Европу — как сторонник абсолютизма и королей против конституционализма и народа»²⁷.

Воодушевление, вызванное визитом в США Лайоша Кошута, уже погасло. «Путнамс мансли» писал в те дни: «Како-

²⁵ Circassia and the Caucasus // United States Magazine and Democratic Review. 1852 (October). Vol. 31. № 172. P. 301—304.

²⁶ Преувеличенная цифра, на самом деле в подавлении венгерского восстания принимало участие 175 тыс. русских войск.

²⁷ [Goodrich, Samuel G.] The Second Book of History, Combined With Geography; containing the Modern History of Europe, Asia, and Africa. Boston, Cleveland, 1859. P. 275. Главы этого учебника датированы; в частности глава, посвященная России, написана в 1853 году.

вы бы ни были наши симпатии к султану, который предоставил убежище скрывающимся венграм, мы не можем забыть, что турки на протяжении веков были главными врагами христианства, что греки долго стонали под управлением гораздо более тяжелым, чем австрийская тирания, что мусульманин, принявший христианство, обречен на смерть, и что этот самый султан даже сейчас притеснитель миллионов христианских подданных»²⁸.

В феврале 1854 года «Нью Йорк Геральд» определила Восточный вопрос как «религиозный спор. Унаследованный раскол между сторонниками Христа и последователями Магомета... между крестоносцами и сарацинами и маврами, проще говоря, спор между христианством и мусульманством, цивилизацией и предрассудком.

Мы обнаруживаем Англию и Францию на стороне последнего. Эти две христианские нации в настоящий момент поддерживают дело магометанства и предрассудка, и усердно работают, чтобы предотвратить поток христианства и цивилизации в Турцию. Если они преуспеют, дело прогресса человечества может быть задержано на века»²⁹.

Изменился тон и «Ю. Эс. демокрэттик ревью». В статье «Турция и Россия» в июне 1854 г. автор, дистанцируясь от обеих держав, фактически защищает Россию от нападков британской прессы: «Хотя, как нам представляется, Соединенные Штаты мало заинтересованы в будущих судьбах Оттоманской империи или в грядущем доминировании России в Азии, их положение в настоящий момент важно для политики Европы, и сейчас привлекает глубокое внимание по обе стороны Атлантики». По мнению автора, Турция является барьером на пути российской экспансии в направлении Средиземноморья. «Россия может в любой момент быть заперта как в бутылке, и лишена внешней торговли, за исключением торговли через Северный Ледовитый океан и Охотское море. Пока сохраняется такое положение вещей, Россия никогда не станет великой

²⁸ The Czar and the Sultan // Putnam's Monthly. A Magazine of Literature, Science, and Art. 1854 (May). Vol. 3. № 17. P. 505.

²⁹ New York Herald. February 28, 1854. Цит. по: The American Image of Russia, 1775—1917 / Ed. by Eugene Anshel. New York, 1974. P. 109—110.

морской и торговой державой, и одной из первых целей вмешательства Западной Европы, особенно Англии, является закрыть этого левиафана в запруде Черного моря. Это, по нашему мнению, с каждым днем становится все более трудным, и скоро станет невозможным»³⁰.

Большая статья с подробным анализом предпосылок и перспектив войны была опубликована в двух номерах «Путнам мансли» осенью 1854 года.

После подробного очерка русской истории автор описал страдания христианских народов под властью султанов Турции. «Но, в конце концов, Бог создал Мстителя в лице русских царей». «Нам нелегко понять, с каким пристальным интересом все христиане в Турецкой империи, за исключением католиков, наблюдали растущую мощь России на протяжении последнего столетия или двух. Оттуда они начали ожидать избавления. С начала нынешней войны было уже множество доказательств сильных симпатий, существующих между христианами греческой церкви в России и Греческом королевстве»³¹.

Некоторые американцы считали даже, что русское завоевание Османской империи исправит само российское общество: «Русское правление в Константинополе улучшит всю структуру Российской империи. Народ станет блестящим и утонченным; ее имперский суверенитет будет основан не на слепом повиновении, а на общем согласии; ее система крепостного права будет ослаблена, и, в конце концов, отменена»³².

Американские газеты сравнивали Турцию с Мексикой: «Обе страны демонстрируют симптомы неминуемого разложения. Общим не хватает главного элемента сплочения, однородного населения. Обе вынуждены полагаться на внешнюю помощь, чтобы предотвратить распад — одна на чужих людей (Турция), другая на чужие деньги (Мексика)... Невозможно вновь вдохнуть силы,

³⁰ Turkey and Russia // United States Magazine and Democratic Review. 1854 (June). Vol. 33. № 9. P. 357, 361—362, 373—374.

³¹ Causes and Consequences of the Russian War. II. Present and Future // Putnam's Monthly Magazine of American Literature, Science, and Art. 1854. November. Vol. 4. № 23. P. 538.

³² Dix W.G. The Unholy Alliance: An American View of the Eastern War. New York, 1855. P. 105.

побудить к новой жизни трупы таких империй, как Турция и Мексика»³³.

Исследователь мнения газет американского Юга о Крымской войне пришел к заключению, что общественное мнение этого региона США в целом придерживалось точки зрения, что «лучшим исходом войны будет, если «ленивый и вырождающийся турок, со своим гаремом и опиумной трубкой» будет покорен отважной и энергичной нацией с севера, точно так же, как американские индейцы были побеждены «превосходящими их европейскими нациями», открывшими этот континент»³⁴.

В январе 1855 года «Ю. Эс. демократик ревью» посвятил большую статью Николаю I. По мнению автора статьи, «Восточный вопрос... заключается в том, что царь хочет получить свободный проход для торговли и флота в Средиземное море, а Союзные державы хотят удержать его вовне». Наделавшая много шума в Европе и США эпопея с попыткой приобрести Кубу отразилась в характере аналогий, избранных автором статьи: «Для того чтобы сделать вопрос более понятным (to bring this question home) для народа Штатов, надо только отметить, что царь руководствуется теми же, если не более сильными мотивами в своей политике по отношению к Турции, и в своем желании открыть ворота Черного моря, какие имеют Соединенные Штаты в стремлении владеть Кубой... Пока Константинополь остается во владении Турции, и пока Куба продолжает фактически, а не только номинально быть колонией Испании, они не представляют опасности для царя и для Соединенных Штатов. Но, в обоих случаях, есть серьезные причины опасаться, что они либо вот-вот перейдут в другие руки, либо, по меньшей мере, станут инструментом, опасным для обеих стран». Что же касается судьбы Османской империи, то она обречена пасть. «И пусть она падет. На протяжении веков она была при-

³³ Charleston, South Carolina *Weekly News*, June 8, 1854. Цит. по: Jones H.P. *Southern Opinion on Turkey During the Crimean War // Ukrainian Quarterly*. 1986. Vol. 42. № 3—4. P. 230.

³⁴ Little Rock, *Arkansas State Gazette and Democrat*, December 9, 1853. Цит. по: Jones H.P. *Southern Opinion on Turkey During the Crimean War // Ukrainian Quarterly*. 1986. Vol. 42. № 3—4. P. 238.

теснителем Востока, непреодолимым препятствием для возрождения Азии, если ей вообще суждено возродиться... Если справедливости заслуживает даже враг, мы тем более должны быть справедливыми к другу. Царь сейчас является таковым по отношению к Соединенным Штатам, и сотрудничает с ними, не только представляя непреодолимое препятствие великой схеме *entente cordiale* для регулировки баланса сил в новом и старом свете, но и выступает как их партнер в поддержании прав нейтральных держав и свободы морей. Пусть народ Соединенных Штатов не станет жертвой обмана, иностранного влияния, усиленного англо-американской прессой, и не присоединится к трагедии императора России Николая»³⁵.

В годы Крымской войны «Ю. Эс. демократик ревью» очень активно комментировал международную политику. В одной из статей в журнале утверждалось: «Англо-французский альянс начал нынешнюю войну под фальшивыми знаменами, и в настоящий момент пытается осуществить самый огромный обман, когда-либо задумывавшийся против легкоговерного человечества. Они начали с предлога, что они поддерживают целостность Оттоманской империи, самой прогнившей из всех деспотий, и в то же самое время представляют себя защитниками христианства, цивилизации и свободы. Они привлекли к себе симпатии христианского мира в тот самый момент, когда поддерживают магометанского деспота, чьи предки на протяжении пяти веков были бичом христианства... Коротко говоря, англо-французский альянс пытается остановить колесо Времени и повернуть мир назад»³⁶.

Наконец, в ноябрьском (1855 г.) выпуске «Ю. Эс. Демократик ревью» была опубликована статья «Христианство — Исламизм», вновь рассматривавшая многовековое противостояние России и Турции как религиозную войну. «Нет сомнений в том, — утверждал автор статьи, — что суверены России, начиная со времен Петра Великого, время от времени позволяли себе справедливую, мудрую и человеческую надежду, что когда-нибудь этот

³⁵ The Czar of Russia // *United States Magazine and Democratic Review*. 1855 (January). Vol. 35. № 1. P. 1—13.

³⁶ Russia and the Anglo-French Alliance // *United States Magazine and Democratic Review*. 1855 (April). Vol. 35. № 4. P. 246—247.

отвратительный обман Мухаммеда, с его мечом и его Кораном будет изгнан хотя бы из Европы»³⁷.

Уже после окончания войны один из идейных лидеров Юга Дж. Фицхью защищал «флибустьерство» американцев по отношению к Мексике и Центральной Америке сравнением с политикой европейских государств: «Современные нации делают то же самое, отличаясь от древних только недостатком прямоты. Россия давит на Черкесию и Турцию», Франция, Америка и Англия осуществляют собственные «флибустьерские» захваты³⁸.

Подводя итог анализу оценок американской прессой восточной политики России, приходится признать, что журналисты и политики Соединенных Штатов 1830—1850-х гг. слабо разбирались в особенностях политических, религиозных, военных и культурных отношений различных народов, столкнувшихся в Причерноморье.

Собственное представление о мусульманском Востоке у американцев той эпохи отсутствовало. Для оценок не хватало терминов, понятий, концепций. Российская политика и конфликты объяснялись по аналогии с собственными проблемами, причем аналогии менялись в соответствии с текущей политической конъюнктурой.

Содержание русской политики на Востоке американские авторы пытались выразить в понятных соотечественникам образах. Основными «опорными точками» таких сравнений были война с индейцами как аналог Кавказской войны — трактовка, которой противостояло сравнение войны черкесов с борьбой греков, венгров и самих американцев за независимость; война США с Мексикой как параллель с русско-турецкими войнами, сравнение Турции с Кубой, способной контролировать стратегические морские пути США, а также рассмотрение всей восточной политики России в контексте религиозных войн или прогресса цивилизации на Востоке.

Позиция общественного мнения (и, до определенной степени, дипломатии) США в отношении восточной политики

³⁷ Christianity — Islamism // United States Magazine and Democratic Review. 1855 (November). Vol. 36. № 5. P. 379—380.

³⁸ [Fitzhugh G.] Acquisition of Mexico — Filibustering // De Bow's Review. 1858. December. Vol. 1 (25). № 6. P. 618.

России определялась не содержанием этой политики, а другими соображениями и обстоятельствами: войной с Мексикой, приездом в США Кошута, противоречиями с Великобританией.

Тем не менее к началу Крымской войны в Соединенных Штатах сформировалось представление о Российской империи как о «двуликом Янусе», обратившем к Востоку свое благотворное, цивилизующее лицо. Этот образ вошел к этому времени в школьные учебники, и, очевидно, повлиял на поддержку американским общественным мнением России во время ее войны против турецко-англо-французского альянса.

Русская элита, в свою очередь, в целом благожелательно относилась к территориальным устремлениям Соединенных Штатов³⁹.

Еще в конце 1830-х годов будущий кавказский наместник князь Воронцов сравнивал в беседе с заезжим американцем экспансию России и Соединенных Штатов: «Наша роль состоит в преодолении и приведению к порядку воинственных племен на востоке и юге. Эта работа настолько благодетельна, насколько она неизбежна. Ее можно сравнить с тем, что вы делаете на североамериканском континенте. Вы в постоянной войне с индейскими племенами, владеющими огромными земельными угодьями, совершенно бесполезными в их руках. Когда эта задача будет выполнена, вы, без сомнения, распространите вашу цивилизацию на страну к югу от вас (Мексику — И. К.), занятую смешанными расами, неспособными к организации»⁴⁰. Супруга вел. кн. Михаила Елена еще в декабре 1837 г. расспрашивала посланника Далласа о возможной аннексии Техаса и «о вероятности того, что Канада последует тем же путем»⁴¹.

О многочисленных разговорах с российскими высокопоставленными чиновниками, которые давали понять, что Россия

³⁹ Трудно сказать, существовало ли какое-либо сформированное мнение об американской экспансии в широких слоях русского народа; источники об этом умалчивают.

⁴⁰ Wikoff H. Reminiscences of an Idler. P. 249.

⁴¹ Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas... P. 34.

благоклонно относится к претензиям США на Техас и Орегон, докладывал в Вашингтон посланник Ч.С. Тодд⁴².

Что же касается русских журналистов, то гораздо больше, чем покорение Техаса, их воображение подхлестнула «золотая лихорадка» в Калифорнии. Рассуждая о судьбе этой территории, автор «Современника» в 1848 году соглашался с ее неминуемым включением в федеральный союз: «Кто в настоящее время может вести Калифорнию путем успеха и просвещения? неужели Мексика, слабая и пожираемая нравственными и политическими язвами? Но она едва может справиться сама с собою!»⁴³ Спустя год автор того же журнала создавал образ «мирных завоеваний» Соединенных Штатов, предельно благожелательным для американцев образом интерпретируя мексиканскую войну: «История мирных завоеваний, которым Соединенные Штаты обязаны большею частью своих владений, чрезвычайно занимательна. В Техасе, в Новой Мексике, в Калифорнии, везде караваны Американских Штатов проложили дорогу своим войскам. Когда начиналось политическое покорение страны, покорение торговое уже было окончено, и успехи первого всегда способствовали успехам последнего»⁴⁴.

Таким образом, в 1840-е гг. собственная территориальная экспансия заставила американцев обратить внимание на аналогичный, по их представлениям, рост России. Рассмотренный под углом зрения «домашних» аналогий восточный вопрос формировал представление о России как цивилизующей силе на варварском Востоке. Подавление венгерского восстания в 1849 году русскими войсками привело к временной реанимации тех представлений о России, которые сложились в 1830-е. Однако Крымская война вновь реабилитировала образ России в дихотомии цивилизующая Европа — варварский Восток.

⁴² Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, № 29, 23 марта/4 апреля 1843 г. // PDW. Diplomatic Papers. Vol. 1. P. 239; Ч.С. Тодд — Дж. Кэлхуну, № 50. 12/24 декабря 1844 г. // NARS. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. Vol. 14.R. 14.

⁴³ Очерк жизни в Калифорнии // Современник. 1848. Т. 9. № 6. Июнь. Отд. IV. Смесь. С. 137.

⁴⁴ Американская экспедиция в пустыни Новой Мексики // Современник. 1849. Т. 16. № 8. Август. Отд. IV. Иностранная литература. С. 27.

Рабство и крепостное право: «особые институты», «эзопов язык», цензура и самоцензура в России и США

Ко второй трети XIX века мало где в стремительно модернизовавшемся мире сохранялись институты принудительного труда и личной несвободы. Два главных примера, вызывавших острую критику европейских либералов, представляли российское крепостное право и американское рабство.

Между этими двумя состояниями существовала большая разница. Крепостные крестьяне не были собственностью помещиков в том смысле, в каком собственностью считались негры на Юге США. Они сами владели собственностью, включавшей дом, скотину и орудия труда, имели собственные общественные институты (крестьянская община) но были «прикреплены» к земле, которую обрабатывали, и которая как раз принадлежала помещику. Негры же сами находились в полной собственности рабовладельца и не имели никакой собственности и тем более организации, в США в первой половине XIX века процветали такие виды «бизнеса», как «разведение» рабов для последующей продажи. Однако, с другой стороны, было достаточно и общих черт.

Как американцы, так и русские хорошо понимали схожесть рабства и крепостного права, однако, в зависимости от собственной точки зрения, в своих рассуждениях делали упор либо на критике этих установлений в обеих странах, либо на отличительных особенностях африканского рабства и крепостного права, оправдывая собственный вариант. Как правило, более популярным и среди критиков, и среди защитников системы принудительного труда, было подчеркивание общих черт двух институтов.

Знаменитый новоанглийский проповедник У.Э. Чаннинг отмечал в 1836 году: «Мы не можем отменить деспотизм в России, собирая возмущенные митинги в Нью Йорке. Однако с точки зрения законодательства по этому предмету Россия для нас не более иностранная страна, чем Южная Каролина. Мысль побудить южного рабовладельца освободить рабов порицая его,

примерно так же рациональна, как ожидать, что суверены Европы создадут свободные институты, потому что мы называем их тиранами и грабителями»⁴⁵.

В 1830 году влиятельный государственный деятель США Генри Клей советовал молодому путешественнику, отправляющемуся на север Европы, обратить внимание на «положение крепостных... в сравнении с положением наших африканских рабов. ...Какова цена крепостных? Должен ли хозяин заботиться о них в какой-либо степени? Продаются ли их когда-либо отдельно от земли, к которой они прикреплены? Стали ли в последнее время чаще предоставляться вольные? Являются ли они такими же, более или менее плодовитыми, чем остальное население?»⁴⁶

Посланника Дж. Бьюкенена больше занимало не материальное положение крепостных само по себе, которое он считал достаточно терпимым, а влияние крепостного права на развитие русского общества. «Любой человек, проживший здесь месяц, останется убежденным, что эти люди совершенно не способны получить любую долю управления, и, несомненно, политика императора и дворянства направлена на сохранение этого состояния невежества. В Германии народ обычно получает рудиментарное образование и пригоден к свободным учреждениям; но здесь (в России — И. К.) деспотизм еще будет править долгое время. Как счастливы мы, что живем в Америке. Если бы мы еще знали о нашем счастье. Поездка за границу не дает американцу другого урока, как любовь к собственной стране, ее институтам и ее законам»⁴⁷.

Путешествовавший по России в середине 1830-х гг. Дж. Стефенс был поражен, увидев на ферме своего соотечественника Зонтага, ближайшего помощника губернатора Новороссии Михаила Воронцова, крепостных крестьян: «Одна вещь особенно задела меня, хотя, как американец, я вероятно не должен бы был

⁴⁵ Channing W.E. Slavery // Princeton review. 1836. April. Vol. 8. № 2. P. 271.

⁴⁶ Генри Клей — Джесси Гаррисону. 3 января 1830 г. // Papers of Henry Clay. Lexington, 1959 — Vol. 8. P. 167.

⁴⁷ Бьюкенен — Дж. Стериджеру. 2 августа (н.с.) 1832 г. // WJB. Vol. 2. P. 219.

быть столь чувствительным. Большое количество людей работало на поле, и все они были рабами. Такова сила образования и привычки, что я видел сотни черных рабов безо всякого чувства; однако меня грубо ударило зрелище белых рабов у американца»⁴⁸.

Стефенс в своих записках еще раз вернулся к этой теме: «Я нашел в России много интересных предметов для сравнения этой страны с моей собственной, но с чувством горечи я сознавал, что самая отвратительная черта этого деспотического правительства находит параллель у нас. Сегодня, за исключением России, некоторых островов западной Вест-Индии и республики Соединенных Штатов, все страны цивилизованного мира» ликвидировали рабство. «Я был сильно поражен параллелью между белыми крепостными севера Европы и африканскими рабами дома, — продолжал свою мысль Стефенс. — Русский мужик (boor), который обычно не имеет даже тех удобств, которые предоставляются негру на наших лучше всего управляемых плантациях, кажется мне, не менее деградировал в интеллекте, характере и манере держаться. В самом деле, печать физической и личной деградации была так сильна, что я незаметно вынужден был позабыть некоторые теории, нередкие среди моих соотечественников дома, по поводу внутренне присущего превосходства белой расы над всеми остальными»⁴⁹.

О том же писал другой американский путешественник Генри Уикоф, посетивший Россию в конце 1830-х: «громкие протесты раздавались по поводу наших поработанных черных, но здесь миллионы людей белой расы находились в неволе на протяжении веков, и никто в Европе не замечал этого. Что за странный мир!»⁵⁰

В свою очередь, автор обзора в русском журнале в 1838 году замечал, что «жестокость обращения североамериканцев с неграми так известна, что об этом не стоит и говорить»⁵¹.

⁴⁸ Stephens J.L. Incidents of travel in the Russian and Turkish Empires. 2 vols. London, 1839. V. 1. P. 282.

⁴⁹ Ibid. V. 2. P. 37—38.

⁵⁰ Wikoff H. Reminiscences of an Idler. P. 207.

⁵¹ Состояние невольников у либеральных народов // Библиотека для чтения. 1838. Т. 27. Март. Раздел VII. Смесь. С. 97.

Однако интерес к «особым институтам», отличавшим Россию и США от Европы, в 1830-е годы был еще sporadическим. Он нарастал по мере усиления внутривнутриполитических дебатов и общественного напряжения по вопросу о судьбе принудительного труда.

В 1854 году сенатор Ч. Самнер в речи, направленной против расширения территории рабовладения приводил пример России, не допускающей распространения крепостного права на Бессарабию и Польшу. Южные публицисты резко отреагировали на такое сравнение. «М-р Самнер говорит нам, что Россия запретила рабство в Бессарабии на Юге, — восклицал автор комментария в «Саузерн Литерари Мессенджер» («Southern Literary Messenger»), — а что же в Сибири на Востоке? ...Русский аристократ не может ввезти своих крепостных в Польшу. Это ограничение было принято сразу после раздела страны? Россия, с ее ледяным сердцем и железной рукой дающая свободу Польше! ...М-р Самнер мог бы выбрать лучший момент для сравнения с примером России, поскольку сейчас она не является признанным образцом доброй воли или другом свободы ни в Европе, ни в Азии, ни в Америке»⁵².

Во время Крымской войны другой защитник рабства саркастически восклицал: «Разве рабство делает объединенные армии Англии и Франции бессильными перед крепостями рабовладельческой России, которая уже два года успешно защищает себя руками крепостных, под руководством гнусных хозяев человеческой плоти и отвратительных рабовладельцев?»⁵³

В годы, следовавшие за Крымской войной, состояние как русского, так и американского обществ характеризовалось высокой степенью политического возбуждения. В России это был результат недавнего поражения и надежды на реформы с началом

⁵² A Few Thoughts on Slavery (Speech of Mr. Sumner, of Massachusetts, against the Repeal of the Missouri Compromise. In Senate, February 21st, 1854. Commentary) // Southern Literary Messenger. 1854. April. Vol. 20. № 4. P. 201.

⁵³ Holmes G.F. Ancient Slavery // De Bow's Review. 1855. December. Vol. 19. № 6. P. 634.

нового царствования, в США же все глубже становился кризис, приведший вскоре к Гражданской войне.

Именно этот накал политических дебатов актуализировал сравнения проблем России и Америки как защитниками рабства, так и социальными критиками.

Ведущий идеолог рабовладения Джордж Фицхью, для которого папа римский был «радикальным реформатором», а Луи-Наполеон и королева Виктория «наполовину социалистами», писал в 1857 году о Юге США как о «единственной, за исключением России, консервативной части цивилизованного человечества»⁵⁴.

В русских же журналах в тот период печаталось большое количество статей об Америке. Это объяснялось, в частности, смягчением цензуры в России со сменой императора, которая теперь позволяла публиковать нападки на американское рабство, но продолжала блокировать критику крепостного права. Представители русской либеральной интеллигенции использовали возможности «эзопова языка» и переводили «Хижину дяди Тома», печатали статьи о рабстве американских негров, преподавали историю рабовладения в Америке в российских университетах. Можно сказать, что Соединенные Штаты в русском либеральном общественном мнении того периода были не столько образцом государственного устройства, сколько дружественной страной с проблемами, подобными российским.

С другой стороны, в Соединенных Штатах в тот же исторический период крепостное право в России использовалось как аргумент и иллюстрация в национальных дебатах о судьбе рабовладения. Можно сказать, что Соединенные Штаты и Россия в середине XIX века играли друг для друга роль своего рода зеркала, пусть искаженного, но позволявшего разглядеть некоторые характеристики и проблемы собственного общества.

П.Я. Чаадаев, которому был закрыт путь в российскую прессу, в январе 1854 года анонимно напечатал во французском журнале «L'Universe» свои рассуждения: «Если бы в России рабство было таким же учреждением, каким оно было у народов древнего мира или каково оно сейчас в Северо-американских Соединенных Штатах, оно бы несло за собой только те последствия,

⁵⁴ [Fitzhugh G.] Southern Thought // De Bow's Review. 1857. October. Vol. 23. № 4. P. 343.

которые естественно вытекают из этого отвратительного института: бедствие для раба, испорченность для рабовладельца; последствия рабства в России неизмеримо шире»⁵⁵.

Особенно наглядно роль зеркала проявилась в эпизоде середины 1850-х годов. У этого сюжета два главных героя.

Дмитрий Иванович Каченовский родился в 1827 году, в 1849 г. защитил в Харьковском университете магистерскую, а в 1855 г. в Московском — докторскую диссертацию и занял кафедру международного и государственного права в Харькове. Областью его научных интересов было международное право в его историческом развитии. В 1856 году харьковский профессор опубликовал в «Русском вестнике» обширную статью, посвященную американскому государственному деятелю Даниелю Вебстеру, выказав глубокие познания в области американской истории и политики⁵⁶. Д.И. Каченовский придерживался либеральных взглядов (в Москве он сблизился с членами либерального кружка Т.Н. Грановского), что в России конца 1850-х годов означало, прежде всего, резко критическое отношение к крепостному праву.

Эндрю Диксон Уайт был на 5 лет моложе Каченовского (родился в 1832 г.), окончил в 1853 г. Йель и по приглашению бывшего губернатора Коннектикута Томаса Сеймура, назначенного посланником в России, отправился в Европу в качестве атташе американской миссии в Санкт-Петербурге (по дороге Уайт задержался почти на год в Париже). По возвращении в США в 1857 году Уайт начал преподавание истории в университете Мичигана, а позже стал одним из известнейших реформаторов высшего образования в своей стране. По своим взглядам в 1850-е Уайт был близок к аболиционистам и критиковал рабство негров во многих аудиториях.

Неизвестно, встречались ли Уайт и Каченовский между собой, но к 1857 году они пришли к использованию схожей системы аргументации в своей критике «особых институтов» своих стран.

⁵⁵ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. 2-е, доп. изд. М., 1989. С. 368.

⁵⁶ Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский вестник. 1856. Т. 3. Июнь. Кн. 1. С. 385-416; Т. 4. Июль. Кн. 2. С. 239-278.

По воспоминаниям одного из студентов Харьковского университета, знаменитого в будущем социолога М.М. Ковалевского, профессор Д.И. Каченовский в конце 1850-х годов «по целым месяцам излагал историю отмены торгового рабства неграми, а сотни слушателей в его прозрачных намеках справедливо видели атаку против крепостного права»⁵⁷.

Другой студент Харьковского университета (будущий градоначальник Одессы) П.А. Зеленый так вспоминал об одной из таких публичных лекций (состоявшейся 10 ноября 1857 года): «Лекция проф. Каченовского, о которой в печати нельзя было ничего сказать, сказанная с величайшим одушевлением, собравшая столько слушателей, что они не могли поместиться в зале и прилегающем коридоре, произвела потрясающее впечатление... Нет нужды объяснять, что всякий слушатель ясно понимал и чувствовал, что, рассказывая о страданиях рабов, Каченовский разумеет *белых*, а не одних *черных*»⁵⁸. Мемуарист привел стихотворение, разошедшееся в списках на другой день после лекции:

Я помню час: о неграх он читал...
И стало стыдно, страшно нам!
Наш зараженный рабством, смрадный,
Гнетущий воздух гнусен стал,
А выход из него отрадн
Звездой надежды засиял!⁵⁹

В те годы Каченовский включал критику рабства негров во все свои лекции и публикации, например, в рецензию на труды английского общества социологов⁶⁰.

В американской прессе не было цензуры, и, казалось бы, американцам не нужен был «эзопов язык» и иностранные аллюзии для того, чтобы обсуждать внутренние проблемы. Однако в Соединенных Штатах в тот же самый период происхо-

⁵⁷ Ковалевский М.М. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895. Кн. 1. С. 64.

⁵⁸ Зеленый П.А. О последних годах крепостного состояния // Великая реформа. М., 1911. Т. 4. С. 88.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Каченовский Д.И. Труды общества, учрежденного в Англии для развития общественной науки // Русское слово. 1860. Кн. 12. С. 65 (2-я паг.)

дили до удивления похожие события. Выпускник Йеля Эндрю Диксон Уайт по возвращении из России в Соединенные Штаты был приглашен прочесть лекцию в своей альма-матер. Это было, по воспоминаниям Уайта, время расцвета публичных лекций. В качестве материала для выступления Уайт выбрал свой российский опыт, озаглавив лекцию «Цивилизация в России». Точную дату лекции установить не удалось, но она была прочитана в начале осени 1857 года (то есть за месяц-полтора до записанного мемуаристом выступления Д.И. Каченовского)⁶¹.

В автобиографии Уайт так вспоминал о своем выступлении: «В этой лекции я не упоминал об американском рабстве, но... набросал, широкими мазками, последствия крепостной системы, — последствия не только для крепостных, но и для их владельцев, и для общего состояния империи. Я описал ее достаточно черным цветом, как она того заслуживала, и, хотя ни слова не было сказано об американских делах, каждый думающий человек должен был почувствовать, что это было сильнейшим обвинением против нашей собственной системы рабства, какое было в моих силах сделать»⁶².

Таким образом, Уайт прибег к тому же самому приему, который был распространен в современной ему России и получил там название «эзопова языка». Критика рабства негров в Америке была скрыта им за критическим разбором ужасов крепостного права в России.

Это зеркальное отражение ситуации в столь различных странах заставляет задуматься над целым рядом проблем.

Во-первых, очевиден тот факт, что в первой половине XIX века, вплоть до отмены «особых установлений» — рабства в США и крепостного права в России — их наличие сближало две страны. Существование социального института принудительного труда и личной несвободы парадоксальным образом сбли-

⁶¹ Уайт датировал лекцию осенью 1857 года, но уже в октябре того года он прибыл в университет Мичигана к месту своей следующей работы. См.: White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. In 2 vols. New York, 1905. Vol. 1. P. 80, 83.

⁶² White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White*. In 2 vols. New York, 1905. Vol. 1. P. 80—81.

жало как консервативные круги двух стран, так и критиков этих институтов. В то время как защитники рабства апеллировали к чужому опыту для оправдания своих установлений, радикалы видели в другой стране своего рода зеркало собственных социальных язв.

Во-вторых, либеральная профессура и в России, и в США стремилась играть важную роль в идейной подготовке отмены рабства и крепостного права, видя свой долг в пропаганде антирабовладельческих взглядов. Университетская кафедра стала одной из трибун, с которых антирабовладельческая проповедь звучала наиболее убедительно и достигала ушей наиболее благодарной молодежной аудитории.

Наконец, нельзя не отметить разницу в условиях этой пропаганды. Если в Российской империи прибегать к «эзопову языку» заставляла жесткая цензура, и, например, Д.И. Каченовский оказывался даже под арестом за свои высказывания, то Э.Д. Уайту не грозило ничего подобного. Закрепленная в Первой поправке к конституции и укорененная в американских обычаях свобода слова позволяла ему открыто говорить на любую тему. Сам Уайт, близкий к аболиционистам, не раз прямо выступал с критикой рабства негров. Почему же в своем выступлении он ни разу не провел прямой параллели между Россией и порядками, существовавшими на американском Юге?

После лекции некоторые аболиционисты поспешили даже обвинить оратора в отказе от борьбы за отмену рабства в США. Объясняя свой подход, Уайт позже написал: «Было бы гораздо проще прямо атаковать рабство и таким образом немедленно закрыть умы и сердца подавляющего большинства аудитории. Но я понимал тогда, как и всегда в последующем, что первой и важнейшей задачей является *побудить людей к размышлениям*, и дать им открыть или подумать, что они открыли истину самостоятельно»⁶³.

В годы, непосредственно предшествовавшие Гражданской войне, американское общество, скатывавшееся к неотвратимому конфликту, еще стремилось к сохранению единства, развивая то, что можно назвать «механизмами консенсуса», как в политике, так и в общественном сознании. Анализ этого сюже-

⁶³ Ibid. P. 81.

та российско-американских отношений предвоенного периода помогает глубже понять различие двух обществ в области выработки консенсусного подхода к острым проблемам общественной жизни.

Нам представляется, что эта ситуация очень ярко иллюстрирует некоторые закономерности существования свободы слова в Соединенных Штатах середины XIX века (а вероятно, и в наши дни). Люди и группы людей могут открыто обсуждать и пропагандировать свои взгляды в публичных выступлениях и в прессе. Однако взгляды, которые большинство американцев считает радикальными, опасными для стабильности общества, не будут восприняты слушателями. Уайт знал, что прямая критика рабства в Соединенных Штатах 1850-х годов прозвучит как радикальная пропаганда, и «умы и сердца подавляющего большинства аудитории» будут немедленно закрыты. Его просто не услышат. «Эзопов язык» в этих условиях был нужен для того, чтобы обойти не внешнюю государственную цензуру, а самоцензуру американцев, чтобы разрушить тот самый механизм общественного консенсуса, который поддерживал стабильность в обществе путем исключения рабства из круга обсуждаемых идей. Эта самоцензура играла роль своего рода «защитного механизма», сохранявшего стабильность в обществе и оставляющего радикальные идеи на обочине политической и общественной жизни⁶⁴.

В отличие от Соединенных Штатов, в России именно внешняя, государственная цензура была призвана сохранять стабильность в обществе и предохранять его от распространения радикальных идей. В результате отмена цензуры в разные периоды отечественной истории немедленно приводила к радикализации общественных дебатов в условиях отсутствия самоцензуры или других стабилизирующих механизмов. Отсюда же следует и необходимость, перед которой вставало каждое российское руководство, стремившееся восстановить стабильность в стране, введения какой-то формы цензуры или контроля над содержанием общественных дебатов.

⁶⁴ В сегодняшних США этот механизм принял форму «политической корректности», но содержание его остается во многом прежним.

Лекция Уайта привлекла внимание, и он повторил ее в нескольких колледжах и университетах, а также в городах западной части штата Нью-Йорк, Мичигана и Огайо. После отмены крепостного права в России отредактированный и дополненный вариант этой речи был опубликован в «Atlantic Monthly»⁶⁵.

Дальнейшая жизнь и карьера Уайта сложилась удачнее, чем у его русского единомышленника.

Д.И. Каченовский всю жизнь посвятил Харьковскому университету, будет любимцем студентов, опубликует несколько книг в Европе, и станет одним из основателей Лондонского института международного права, однако в 1872 году в возрасте 45 лет умрет от чахотки.

Главным его научным трудом на американскую тематику стал очерк о Дэниеле Вебстере (Уэбстере), опубликованный в «Русском вестнике» в 1856 г., а потом в виде книги на французском языке в Бельгии⁶⁶.

Начиная с 1860-х годов, Каченовский больше не обращался к американской тематике. С одной стороны, это связано с тем, что сосредоточившийся на преподавании харьковский профессор «в последние 10 лет перед смертью... стал реже появляться в печати»⁶⁷. Однако нельзя сбрасывать со счета и разочарование Каченовского ходом событий в США, где конфликт не удалось разрешить правовыми способами, и разразилась гражданская война. Соединенные Штаты перестали быть примером для России, освободивших крепостных мирным путем; изменилась, как верил Каченовский, и ее внешняя политика: «С падением прежней основы русского быта, то есть крепостного состояния, падает сама собою завоевательная политика... Обратите внимание на последние наши дипломатические бумаги, например, на депешу князя Горчакова к Северо-Американским Штатам по по-

⁶⁵ White A.D. Autobiography of Andrew Dickson White. Vol. 1. P. 82; [White A.D.] The Development and Overthrow of the Russian Serf-System // Atlantic Monthly. 1862. November. Vol. 10. № 61. P. 538—552.

⁶⁶ Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский вестник. 1856. Т. 3. С. 385—416; Т. 4. С. 239—278; Katchenovsky D. Daniel Webster. Etude Biographique. Bruxelles Ostende, 1858. См. гл. 7.

⁶⁷ Де-Пуле М. Харьковский университет и Д.И. Каченовский // Вестник Европы. 1874. № 2. С. 569.

воду тамошней войны. Она написана в примирительном духе; в ней высказаны мысли, достойные двух великих народов, уважающих друг друга. Дай Бог, чтобы русская дипломатия чаще заявляла себя таким образом!»⁶⁸

После нескольких лет преподавания в университете Мичигана Эндрю Уайт станет одним из основателей и первым президентом Корнельского университета, на этом посту многое сделает для реформы высшего образования в США. Затем Уайт будет избран первым президентом Американской исторической ассоциации, приглашен на дипломатическую работу в качестве посланника США в России, и, позднее, в Германии. Уайт умер в 1918 году, не дожив 3 дней до своего 86-летия.

Что же касается отношения Уайта к России, то оно также переживет драматическую трансформацию. С энтузиазмом поддержав реформы Александра II, Уайт тяжело воспримет известие об убийстве царя народовольцами. Его отношение к России и вера в ее прекрасное будущее сменится пессимизмом и негативными оценками. В целом, это отношение совпадет с эволюцией взглядов целого поколения американцев. В основе этой эволюции лежат объективные процессы взаимного отчуждения стран и обществ.

После отмены крепостного права в России и рабства негров в Соединенных Штатах две страны перестали играть роль взаимных зеркал. Страны стали ближе к Европе и дальше друг от друга. Сближавшие их институты исчезли, а разделявшие принципы упрочились, что и стало важнейшим фактором отдаления стран друг от друга в последней трети XIX — начале XX века.

Европа между Россией и Америкой

В самом деле, после 1860-х гг., когда страны избавились от наиболее одиозных общественных институтов, рабства и крепостного права, отношения России и Америки пошли на спад. Гипотеза о том, что главным социально-политическим ресурсом дружбы

⁶⁸ Каченовский Д.И. Новая Европа и Новая Россия: Лекция, читанная 6 октября 1861 года в Харьковском университете // Русская речь. 1861. 3 дек. № 97. С. 709.

выступали плантаторы и крепостники, не выдерживает проверки фактами. В чем же было дело?

Загадку невозможно решить, если не понять, что Россия и Америка смотрели друг на друга как на некоторую проекцию Европы. Две страны в наибольшей степени воплощали в себе два полярных подхода к государственному устройству и две противоположных оценки демократии и либерализма. Для американцев Россия была воплощением всего «неамериканского» в Европе, тогда как для русских Америка оставалась наиболее радикальным вариантом Европы. Александр Герцен так писал об этом: «как Северная Америка представляет собою последний вывод из республиканских и философских идей Европы XVIII века, так петербургская империя развила до чудовищной крайности начала монархизма и европейской бюрократии»⁶⁹.

Вечная для русской мысли тема «Россия и Запад» особенно ярко высвечивалась в контрасте самодержавной империи и демократической республики. Но и для европейцев этот контраст представлял собой две предельные возможности собственного развития. Популярный английский журналист середины XIX века Ричард Кобден доказывал в своих статьях, что Америка представляет большую опасность для Великобритании, чем Россия, поскольку развивается быстрее и эффективнее⁷⁰.

Не случайно еще в период революционного кризиса 1830 г. Николай I и тогдашний американский посланник в Санкт-Петербурге Дж. Бьюкенен (будущий государственный секретарь и президент США) взаимно отрекались от роли «пропагандистов» собственных принципов в Европе (либеральных и демократических в одном случае и легитимистских, в другом)⁷¹.

Влиятельный политик, профессор и литератор Эдвард Эверетт, считавшийся в Соединенных Штатах крупнейшим специалистом по европейским делам, видел в России две сторо-

⁶⁹ Цит. по: Стеллинг-Мишо С. Герцен и американский публицист Ч.Г. Лиленд // Литературное наследство. Т. 96. Герцен и Запад. М., 1985. С. 670.

⁷⁰ См., напр.: Cobden R. The Political Writings of Richard Cobden. Vol. 1. P. 180, 197—198.

⁷¹ Дж. Бьюкенен — Л. Маклейну, № 22. 7 августа 1833 г. // WJB. Vol. 2. P. 381.

ны — «правительство действительно деспотичное, но принадлежащее к Европейской цивилизации, признающее те же международные законы (law of nations), связанное с интеллектуальной семьей Западной Европы и Америки, и быстро продвигающееся в просвещении различных рас, населяющих ее обширные владения»⁷².

Для американских политиков консервативного толка Российская империя отнюдь не была полигоном, на котором развертывалась борьба между либеральными и авторитарными принципами (каким, они считали, являлась в XIX веке остальная Европа). Напротив, Россия (за исключением Польши, рассматривавшейся как часть Европы), как и сами Соединенные Штаты, была внешней силой в европейских событиях XIX и даже XX века.

Один из самых деятельных и умных сановников николаевской России князь М.С. Воронцов так рассуждал в беседе с американским путешественником Г. Уикофом: «Это странный эксперимент — отдать управление в руки масс. Он может отвечать вашему случаю, когда целый континент практически в Ваших руках, но в Европе, разделенной на различные страны, с конфликтующими интересами и большими постоянными армиями, демократическое управление представляется мне невозможным»⁷³.

Высокопоставленный сановник увязывал общественное устройство Соединенных Штатов, с одной стороны, с уникальными внешнеполитическими условиями существования нации на отдаленном континенте, а с другой — со способностью народа к самоорганизации, порождающей политиков и парламентское устройство. Россия, лишенная и того, и другого, ни в коей мере не рассматривалась Воронцовым как объект приложения демократических идей. Европа же, по мнению князя, не могла последовать примеру Америки из-за политического разделения.

В отличие от столпа империи Воронцова, ее критик Герцен предрекал России и Америке общее великое будущее, «оттого,

⁷² Воспитание человечества. Речь перед обществом Фи Бета Каппа Йеля, 20 августа 1833 г. // Everett E. Orations and Speeches on Various Occasions. Boston: Little, Brown, and Co, 1868. Vol. 1. P. 432.

⁷³ Wikoff H. Reminiscences of an Idler. P. 245.

что между ними целый океан соленой воды, но нет целого мира застарелых предрассудков, остановившихся понятий, завистливого местничества и остановившейся цивилизации»⁷⁴, — между ними — через Тихий океан — уже нет Европы!

В то же время для самих европейских политиков и мыслителей с начала XIX века Россия и Америка представляли собой две крайности и две модели вероятного будущего. Они являлись «конституирующим Иным» для европейской идентичности. Начиная с наполеоновского высказывания, что Европе суждено стать «либо казачьей, либо республиканской» и знаменитого пророчества Алексиса Токвиля⁷⁵, европейцы искали свой путь между двумя экстремумами. Можно сформулировать эту расстановку иначе: Российская империя и Соединенные Штаты Америки представляли собой крайние варианты именно европейского развития, базовые идеи и институты обеих стран были производными от европейских. Обе страны, для того чтобы играть роль «пределов», должны были оставаться в рамках европейского ареала, «Европы» в широком значении слова. Не случайно в то самое время, когда Россия вмешалась в ход европейских революций, направив войска против мятежных венгров, Э. Эверетт заметил, что со времен высадки пилигримов в Старом Свете произошла лишь одна

⁷⁴ Искандер [Герцен А.И.]. Америка и Сибирь // Колокол: Прибавочные листы к Полярной звезде. 1858. 1 декабря. № 29. С. 233.

⁷⁵ У России и Америки «разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира» (Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 296). Интересно, что подобные мысли высказывались в тот период в обеих странах и людьми, очевидно, не читавшими Токвиля. Так, во время Крымской войны русский путешественник по Соединенным Штатам оказался случайно вовлечен в разговор в гостиничном холле: «Американцы, конечно, льстили нашему народному самолюбию, но заключение разговора превзошло все наши патриотические порывы: «Придет время», сказал один из них: «когда мы с русскими разделим владычество над миром: американцы возьмут себе запад, а русские — восток». Мы допили бокалы и расстались с новыми друзьями как с будущими товарищами всемирного обладания» (Циммерман Э.Р. Путешествие по Америке. От Нью-Йорка до Чарльстона // Русский вестник. Т. 19. 1859. Февраль. Кн. 1. С. 414.

перемена — появилась Россия, «держава, не имевшая европейского существования два века тому назад»⁷⁶. Две крайности помогли европейцам определить собственную идентичность, отталкиваясь от вариантов общественного устройства, выходящих за рамки принятых в Старом Свете. В этом смысле, Европа обретала себя в противопоставлении с одной стороны России, а с другой — Америке.

Современный норвежский исследователь международных отношений Ивэр Нойманн отметил этот же фундаментальный расклад, но расставил акценты по-другому: «Россию следовало удерживать вне Европы, и добиться этого можно было через расширение баланса сил путем включения в него Америки. Здесь — корни идеи о том, что Европа расположена между Америкой и Россией»⁷⁷. Как бы то ни было с европейской точкой зрения, которая прежде всего интересует Нойманна, влияние общей «исключенности» из Европы на взаимное притяжение России и США нельзя недооценивать.

После отмены рабства и крепостного права в 1860-е гг. Россия и США, вопреки надеждам Герцена, стали ближе к Европе и, парадоксальным образом, дальше друг от друга. Именно в этом лежат истоки взаимного охлаждения двух стран в последней трети XIX века.

Однако Россия, Европа и Америка продолжали воплощать в себе три основные модели общественного развития, несмотря на то, что сами эти модели изменялись, иногда самым радикальным образом. В наши планы не входит описание каждой из

⁷⁶ Эверетт Э. Отплытие пилигримов. 17 сентября 1849 г. // Everett E. Orations and Speeches on Various Occasions. Boston, 1860. Vol. 2. P. 643. Автор весьма интересной книги о формировании европейской идентичности И. Нойманн недооценивает, с нашей точки зрения, фактор наличия базовых европейских политических и культурных институтов в России (в отличие от Турции), что делало именно ее важнейшим «Другим» Европы на протяжении XVIII—XIX вв. Кроме того, мы считаем, что важным в этот период становилось наличие не только восточного, но и западного «Другого», роль которого выполняла Америка. См.: Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

⁷⁷ Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 131.

моделей — это слишком большая задача. Мы хотим привлечь внимание к постоянству трехсоставной схемы политического диалога (триалога?), в которой Европа занимала уютную центральную часть

Выдвинутая нами гипотеза позволяет лучше понять и причины «исключения России» из Европы. Можно сказать, что США и Россия были «стенами», ограничивавшими и тем самым формирующими собой пространство, известное как Европа. Без любой из этих «стен» такого места не будет. Но для того, чтобы включить их в Европу, необходимо найти другие крайние точки, которые станут новыми «пределами», то есть помогут европейцам определить свою идентичность.

Здесь любопытно отметить, что для самой России XIX века существовал только один четко определенный «конституирующий иной» — Запад (та же Европа). Противоположностью западникам были не «восточники», а славянофилы, тогда как «азиатчина» было ругательным словом, а не моделью, которую какая-нибудь общественная сила отстаивала бы в качестве желательной для России. К тому же, «Азия» оставалась совершенно разнородным пространством, в отличие от Европы, вполне в XIX веке осознававшей единство своего культурно-исторического ареала. В середине позапрошлого века казалось, что Османская империя станет для России таким «Иным», в котором русские станут осуществлять цивилизаторскую миссию от имени Европы, становясь, таким образом, ее частью. Однако политические расчеты заставили Англию и Францию выступить в поддержку Османской империи в Крымскую войну и предотвратили такое развитие событий.

Ведь можно сказать, что Германия стала Европой лишь тогда, когда Россия начала собственную модернизацию (европеизацию). Англия стала Европой, когда США перехватили у нее роль радикала, лидера и «маяка» для демократической общности. Еще во время революций 1848—1849 гг. американский посланник в Берлине Э.Дж. Донельсон называл Россию и Англию «окружающими странами (the surrounding nations)», не относящимися к Европе, но влияющими на ее политические процессы⁷⁸.

⁷⁸ Э.Дж. Донельсон — Дж. Бьюкенену, № 80. 5 мая 1848 г. // Library of Congress Manuscript Division. Andrew J. Donelson Papers. R. 7. Vol. 13.

Отражая различие: Государственное и общественное устройство

Россия и свобода печати в США

Одним из очевидных различий между Соединенными Штатами Америки и Россией в XIX веке было существование за океаном свободы прессы в противоположность цензурным ограничениям, которым подвергалась российская журналистика.

Приезжающие в Россию американцы с интересом наблюдали за непривычным им контролем государства над периодической печатью. В письме брату Эдуарду американский посланник начала 1830-х гг. Джеймс Бьюкенен так описывал ситуацию со свободой слова в России: «пресса находится под такой строгой цензурой, что ничего не печатается, за исключением того, что нравится правительству. Все пути, по которым либеральные мнения могут попасть в империю, тщательно закрыты; и на деле лишь немногие даже в высших классах общества достаточно знают о нашей стране или ее учреждениях»¹. В другом письме он оценивал это отношение еще резче: «Они знают о нашей стране мало, и вероятно хотели бы знать еще меньше, потому что боятся заражения свободой»².

Бьюкенен не вполне справедлив в своем последнем утверждении, напротив, влияние свободной печати на общество весьма занимало умы российской элиты. Каким образом Соединенные

¹ Дж. Бьюкенен — Э. Бьюкенену. 15—27 июля 1832 г. // WJB. Vol. 2. P. 217.

² Бьюкенен — Джейн Слеймейкер, 31 октября 1832 г. // Ibid. P. 265.

Штаты справляются с таким мощным средством формирования общественного мнения, как пресса? — таким вопросом задавались государственные деятели и журналисты не только России, но и всей Европы. Критическим в этом смысле стал период после польского восстания 1830 года, подавление которого вызвало бурную антироссийскую реакцию на Западе. Именно в этот период, по мнению известного американского историка Мартина Малии, произошел перелом к худшему в представлениях западного общества о России³.

Однако у проблемы отсутствия свободной прессы была и другая сторона — неготовность к борьбе в печати за общественное мнение других стран. Бьюкенен в целом оказался более терпимым к российским обычаям и институтам, чем, например, его предшественник Дж. Рэндолф из Роанока, сбежавший из Санкт-Петербурга через месяц после прибытия. Он не просто принимал их как данность, но даже пытался в какой-то мере оправдать российскую политику в Польше, когда вслед за английскими газетами американская печать стала клеймить русско-го императора в самых жестких выражениях. Он указывал в депешах государственному секретарю на односторонность освещения польских событий в английских и французских газетах, сетовал на отказ российского правительства от контрпропаганды и отстаивания своей позиции в Европе и США.

Если в первых письмах из России Бьюкенен называл жизнь в империи «спокойствием деспотизма», а Николая — «лучшим из деспотов», то уже через четыре месяца он писал знакомой: «какое бы отвращение мы не питали к его [Николая] поведению по отношению к полякам, которое было несомненно преувеличено в английских и французских газетах, его и императрицы моральное поведение, — безусловно»⁴.

Когда в последнем разговоре перед отъездом посланника император посетовал на несправедливые личные выпады против него, сделанные в Палате общин британского парламента, Бьюкенен согласился с их оценкой Николаем и сообщил государ-

³ Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, MA, London, 1999. P. 92—98.

⁴ Бьюкенен — Джейн Слеймейкер, 31 октября 1832 г. // WJB. Vol. 2. P. 265.

ственному секретарю, что сделал это совершенно честно: «истина заставляет меня признать, что жестокости императорского правительства по отношению к ним [полякам] весьма преувеличены... Преувеличенное впечатление, распространившееся в мире по этому вопросу, в значительной степени возникло из-за отсутствия свободной прессы в России. По этой причине точка зрения пострадавшей стороны распространилась везде, почти без возражений»⁵.

Учитывая такую позицию Бьюкенена, можно понять смущение, в которое его повергла беседа с графом Нессельроде, состоявшаяся на другой день после подписания торгового договора 1832 года. Граф высказал американскому посланнику свое неудовольствие освещением в американских газетах восстания поляков и его подавления Российской империей. «Наши редакторы, — писал домой Бьюкенен, — не только извлекали самые фальшивые и абсурдные заявления о мерах, предпринимаемых императором, из враждебно настроенных журналов по эту сторону Атлантики; они сами резко комментировали его политику». Особенно возмутило русское правительство поведение вашингтонской «Глоуб» (Globe), являвшейся близкой союзницей администрации Джексона, фактически «официальной газетой», также печатавшей критические статьи по поводу русской политики в Польше. В ответ Бьюкенен не только постарался объяснить Нессельроде сущность взаимоотношений американского правительства со свободной прессой, но и рискнул высказать ряд рекомендаций по ведению империей собственной контрпропаганды за рубежом: «Я сказал, что, к сожалению, русские журналы никогда не считали нужным опровергать фальшивые и преувеличенные заявления, публикуемые во французских и английских газетах, о которых он говорил. Рассуждая о мнении других наций, это обстоятельство хорошо рассчитано, чтобы вызвать негативное впечатление. Некоторые редакторы в Соединенных Штатах, видя, что эти заявления никогда не подвергались публичному опровержению, принимают их за истину»⁶. Продолжая мысль, Бьюкенен уверял государственного секретаря

⁵ Бьюкенен — Л. Маклейну, № 22. 7 августа (н.с.) 1833 г. // Ibid. P. 379—380.

⁶ Бьюкенен — Ливингстону, № 10. 20 декабря (н.с.) 1832 г. // Ibid. P. 299.

Э. Ливингстона, что он, в самом деле, считает, что «сообщения французских и английских газет о политике России в Польше очень преувеличены... Ее народ страдал от чрезмерной жестокости [России]... В равной степени верно, что многие акты жестокости и варварства, приписываемые России, были очень преувеличены, или существовали только в воображении тех, чьи симпатии к смелым и несчастным полякам “опоздали на день”»⁷.

Любопытен сам спор о свободной прессе, состоявшийся между американским дипломатом и российским вице-канцлером. В ответ на уверения Бьюкенена, что пресса в США абсолютно свободна, и администрация не имеет на нее никакого влияния, Нессельроде поинтересовался, имеет ли какое-то влияние на редактора президент Джексон. Посланник вынужден был признать, что президент такое влияние, вероятно, имеет. «Тогда, не дожидаясь окончания моей фразы, он высказал пожелание, чтобы я попросил использовать его [влияние] и убедить Globe быть в дальнейшем более осторожной»⁸. Выходя из ситуации, Бьюкенен рассказал Нессельроде анекдот: русский поверенный в делах барон Сакен однажды пожаловался Джексоу на постоянные нападки на императора в американских газетах; на это президент якобы попросил дипломата просмотреть газеты еще раз, и «если они не содержат по сто статей, направленных против него самого, на одну, неприятную Его императорскому Величеству, тогда он согласится, что существует причина для жалоб»⁹. В донесении руководству Бьюкенен, однако, советовал «пореккомендовать редактору Globe воздержаться хотя бы от резких атак на Российского императора в своих передовицах. Это не принесет никакой пользы, но может сильно навредить. Ни дело Польши, ни даже Свободы человечества не пострадают от его молчания в стране, где существует так много других способных и убежденных изданий». Бьюкенен также посоветовал напечатать в Globe редакционную заметку о

⁷ Бьюкенен — Ливингстону, № 10. 20 декабря (н.с.) 1832 г. // Ibid. P. 303.

⁸ Бьюкенен — Ливингстону, № 10. 20 декабря (н.с.) 1832 г. // Ibid. P. 301.

⁹ Бьюкенен — Ливингстону, № 10. 20 декабря (н.с.) 1832 г. // Ibid. P. 302.

добрых чувствах, испытываемых русским императором по отношению к США и включить соответствующий текст в инаугурационную речь Джексона (генерал осенью 1832 года был переизбран на второй президентский срок)¹⁰.

Этот диалог о свободе прессы весьма показателен. Некоторые американские исследователи с гордостью передают весь эпизод, в котором свободные американцы объясняли русским принципы работы американской прессы. Однако из беседы видно, что прагматичный Нессельроде и не настаивал на существовании прямого диктата президента журналистам. Речь шла о том, что президент может «посоветовать» редактору близкой к нему газеты умерить тон в отношении нового партнера, и Бьюкенен вынужден был согласиться с такой постановкой вопроса. Еще более интересна в этом контексте точка зрения автора фундаментального труда по истории американской журналистики Фрэнка Мотта на взаимоотношения Джексона и редакции *Globe*. «Три человека, выпускавшие *Globe* (А. Кендалл, Ф. Блэр и Дж. Райвз), составляли совет по политической стратегии при президенте. «Кухонный кабинет», как стали называть группу, иногда имел больше власти, чем официальный кабинет. Они были близкими компаньонами президента. ...Джексон был совершенно практичен в своих отношениях с прессой... Он определенно не испытывал большого уважения к абстрактному принципу свободы прессы»¹¹.

Весь эпизод показателен и несколько в другом смысле. Русский министр имел представление о степени свободы американской прессы, но переоценивал ее вес и значение. Американские политики, привыкшие к газетным кампаниям, менее болезненно реагировали на критические статьи в собственной печати, чем Нессельроде, привыкший видеть в официозных изданиях завуалированную позицию правительства.

Американский посланник совершенно искренне советовал графу Нессельроде активнее вести контрпропаганду за рубежом. Вскоре после беседы с главой российской дипломатии

¹⁰ Бьюкенен — Ливингстону, № 10. 20 декабря (н.с.) 1832 г. // *Ibid.* P. 304.

¹¹ Mott F.L. *American Journalism, A History: 1690 — 1960*. 3rd ed. New York, 1962. P. 180.

он с удовлетворением сообщал государственному секретарю: «Я высылаю Вам С-Петербургский журнал... Вы увидите в номере от 15/27 декабря официальное опровержение обвинений, недавно выдвинутых против здешнего правительства в *Journal du Commerce*. Я не берусь определять, было ли что-нибудь из сказанного мною Г. Н[ессельроде] тем, что побудило его отказаться от своего привычного молчания. Может быть, будет правильно перевести эту статью и опубликовать ее в США?»¹². К моменту отъезда домой Бьюкенена в России однозначно воспринимали как прорусски настроенного американца. Встретившая его в Лондоне княгиня Д.Х. Ливен (сестра А.Х. Бенкендорфа и супруга российского посла в Великобритании) была уверена, что именно Бьюкенен опубликовал в Англии анонимный памфлет, защищавший русскую политику. «Бьюкенен (я в этом твердо убеждена) написал замечательный памфлет о России и об императоре... [и] уехал в Америку в тот самый день, когда памфлет появился. Невозможно, чтобы он не был автором, — он несет на себе печать абсолютной истины»¹³. К этому же заключению пришел и сам посол Х.А. Ливен, переславший этот памфлет Нессельроде, сопроводив его собственным комментарием¹⁴. На самом деле автором текста, привлечшего такое внимание четырех Ливен, был П.В. Добелл¹⁵, российский подданный американского происхождения, служивший с 1820 года при Министерстве иностранных дел России и известный своими проектами расширения российского влияния на Тихом океане. Тем не менее из писем Ливенов ясно, что взгляды, которые Бьюкенен высказывал в разговорах с ними, вполне со-

¹² Бьюкенен — Э. Ливингстону, н. д. [1831—1833] // *Papers of James Buchanan*. R. 46. Опубликовано: Бьюкенен — Ливингстону, № 11. 9 января (н.с.) 1833 г. // *WJB*. Vol. 2. P. 310.

¹³ Княгиня Ливен — А.Х. Бенкендорфу. 2/14 — 5/17 октября 1833 г. // *Letters of Dorothea, princess Lieven, during her residence in London, 1812—1834* / Ed. by Lionel G. Robinson. London; New York [etc.], 1902. P. 358.

¹⁴ Х.А. Ливен — Нессельроде, № 231. 6/18 октября 1833 г. // *АВПРИ*. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1833. Д. 120. Л. 123—125 об.

¹⁵ *Dobell P. Russia As It Is, And Not As It Has Been Represented; Together With Observations And Reflections On The Pernicious And Deceitful Policy Of The New School*. London, 1833.

впадали с текстом, написанным чиновником российского МИДа¹⁶.

Конфликтная ситуация из-за публикаций «Глоуб» разрешилась отзывом в Россию поверенного в делах барона Сакена, и еще до своего отъезда в США Бьюкенен сообщил новому государственному секретарю Луису Маклейну о своем разговоре с Нессельроде: «Он высказал радость, в самых сильных терминах, что президент удовлетворен объяснениями, и затем, смеясь, заметил, что барон Сакен и м-р Ливингстон теперь оба «hors du combat»¹⁷; один больше не поверенный, другой — не государственный секретарь»¹⁸.

Тем не менее, спустя несколько лет эта история еще давала о себе знать. Можно прийти к выводу, что российское правительство извлекало уроки из общения со «странной» американской действительностью. Уильям Уилкинс, сменивший в Санкт-Петербурге Бьюкенена, сообщал в госдеп, что при всем хорошем отношении императора к Америке, «он и его министры, ...временами болезненно воспринимают очень свободный и необузданный язык, который иногда используется по отношению к ним в американских газетах. Но я всегда терпеливо объясняю им природу американской прессы... что наша исполнительная власть, в соответствии с конституцией и законами страны не имеет контроля над прессой, и что в Соединенных Штатах нет такого понятия, как правительственная газета или правительственная пресса»¹⁹. Уилкинс, так же, как и его предшественник, считал, что российское правительство недостаточно внимания уделяет контрпропаганде в Европе, и приветствовал публикацию официозным «Журналь де Санкт-Петербург»

¹⁶ Не удивительно, что именно Бьюкенену удалось в декабре 1832 г. добиться от российского правительства подписания долго чаемого американцами торгового договора, несмотря на отрицательное заключение министра финансов графа Канкринна.

¹⁷ Вне драки (фр.).

¹⁸ Бьюкенен — Л. Маклейну. 31 июля 1833 г. // WJB. Vol. 2. P. 372. Этот сюжет анализировался в ряде работ, в том числе на русском языке в монографии Н.Н. Болховитинова. См.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения: 1815—1832. М., 1975. С. 443—446.

¹⁹ У. Уилкинс — Дж. Форсайту, № 8. 15 августа 1835 г. // NARS. RG 59. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. R. 13. Vol. 13.

(«Journal de Saint-Petersbourg») речи императора перед польской делегацией, расценив ее как, «вероятно, первую статью такого рода в русской прессе. На нее стоит обратить внимание, потому что это осязаемое свидетельство того, что император Николай — как все люди обязаны быть в девятнадцатом веке — не бесчувственен к общественным настроениям. Она не может рассматриваться ни в каком другом свете, как только обращение к общественному мнению»²⁰.

Когда в США в 1837 году был направлен новый русский посланник А.А. Бодиско, то в его инструкциях содержались другие уроки, извлеченные министерством иностранных дел из истории с Globe. К этому времени образованная часть российского общества прочла книгу Алексиса Токвиля «Демократия в Америке» и, вне всякого сомнения, особенно внимательно изучила третью главу второй части «О свободе печати в Соединенных Штатах».

«Колебания американской прессы и ее несправедливые диатрибы против России и ее правительства, — писал Нессельроде в инструкциях российскому посланнику, — без сомнения, поразят Вас, и Вы с не меньшей болью, мсье, увидите, как забота о напрасной популярности зачастую увлекает ораторов в конгрессе в декламациях против того, что они называют колоссом Севера. Эти декламации и эти диатрибы есть неизбежный удел республиканского режима. Умеренные и благонамеренные люди жалуются, бессильные и беспомощные прекратить это»²¹. Бодиско рекомендовалось в таких случаях сохранять бесстрашие.

На английскую прессу как на источник дезинформации ссылался несколько лет спустя другой американский посланник Джордж Миффлин Далиас. Он, однако, считал английские газеты повинными в неверных представлениях русских об Америке, обращая, таким образом, свою критику на встречный поток (дез)информации. Когда барон Ф.И. Бруннов пожаловался на трудность получения в России правильной информации о делах в

²⁰ У. Уилкинс — Дж. Форсайту, № 16. 11 декабря 1835 г. // NARS. RG 59. M. 35. Diplomatic Despatches. Russia. R. 13. Vol. 13.

²¹ Инструкции А.А. Бодиско, 30 июля 1837 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 469. 1837. Д. 247. Л. 57 об. — 59.

Америке, Даллас указал «как на источник больших искажений по эту сторону Атлантики положения дел в Америке привычку полагаться на выдержки, сделанные английскими редакторами из наших коммерческих газет; эти газеты, издающиеся в торговых городах побережья, зависят от покровительства и выражают мысли только банкиров и торговцев, в то время как голос жителей внутренних областей, управляющих страной, никогда не достигает Европы, если не считать сообщений об их постоянных политических триумфах»²².

Представляют немалый интерес подробно записанные в 1835 году американским путешественником Генри Уикофом рассуждения о Соединенных Штатах высокопоставленного николаевского вельможи князя М.С. Воронцова.

Воронцов начал с атаки на американское общественное устройство: «Политический класс у вас, как и везде, достаточно умел, чтобы запутать суждения народа, и убедить его принять политику, противоположную его настоящим интересам»²³. На возражение Уикофа, что такую опасность нейтрализует наличие свободной прессы, князь заметил, что американская пресса, по его мнению, «просто партийный орган, и все ее комментарии по поводу происходящих событий окрашены партийными предубеждениями. Она кажется ... вполне подконтрольной вашим политикам и мало заботящейся об общественном благе»²⁴. Американцу ничего не оставалось, как признать, что Воронцов хорошо знаком с реалиями американской демократии.

Непонятно, читал ли Воронцов Токвиля к моменту разговора с Уикофом — первое парижское издание «Демократии в Америке» появилось в январе того же 1835 года²⁵, но там он мог прочесть рассуждения французского аристократа об американских газетах, в частности, его замечание, что «именно благодаря прессе партии ведут диалог между собой»²⁶.

²² Запись от 1 ноября 1838 г. // Dallas G.M. *Diary of George Mifflin Dallas*. P. 119—120.

²³ Wikoff H. *Reminiscences of an Idler*. P. 246.

²⁴ *Ibid.* P. 247.

²⁵ Исаев С.А. Алексис Токвиль и Америка его времени. СПб., 1993. С. 3.

²⁶ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 153.

Помимо просвещенных сановников, в России о свободе прессы в США рассуждали и реакционные журналы. Одна из таких статей появилась в 1836 году в «Сыне отечества», издававшемся Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным.

«Было время, — сообщал журнал своим читателям в статье под заголовком «Взгляд на Северо-Американские Соединенные Штаты», — когда безусловное удивление и безграничные похвалы правлению Штатов считались принадлежностью образования». Однако, по мнению анонимного автора статьи, это заблуждение имело в своей основе процветание заокеанской республики в годы войн, пламя которых «пожирало всю Европу»²⁷. Взяв в союзники автора книги, вышедшей незадолго до этого во Франции²⁸, он нашел «три главные причины зла, удручающего Штаты: 1, неуважение к общественным властям; 2, совершенное невнимание к делам Религии, и 3, беспечность об участи невольников»²⁹. Главная же опасность исходила от свободной печати: «Кому неизвестно влияние книгопечатания в землях конституционных? ... Но ни в одной стране это влияние не имеет такого могущества и такой силы, как в Соединенных Штатах. ... Волнуя умы беспрестанною меною вопросов, тревожа слабые души постоянными опасениями, раздувая тлеющиеся искры ненависти, она (журналистика в США — И. К.) питает непримиримую вражду между народом и правлением...

И что всего опаснее, в Соединенных Штатах каждый грамотей считает обязанностью читать журналы. По этому-то, их там несравненно более, нежели в целой Европе. Не обременяемые ни малейшею пошлюною, они доступны по своей цене для последнего бедняка. Все минуты его отдохновения посвящены

²⁷ Взгляд на Северо-американские Соединенные Штаты // *Сын Отечества*, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. 1836. Т. 180. С. 172.

²⁸ *Lettres sur les Etats-Unis d'Amerique, ecrites en 1832 et 1833, et adressees a M. Le Comte O'Mahony, par I.M.V. Paris, 1835*. Автором книги был Жак Бенжамен Максимилиан Сен-Виктор, французский журналист вест-индского происхождения, посетивший США в начале 1830-х.

²⁹ Взгляд на Северо-американские Соединенные Штаты // *Сын Отечества*, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. 1836. Т. 180. С. 178.

чению ежедневных листов³⁰. ...В них-то должно искать причины крайнего невежества всех классов тамошнего общества, их необузданного своевольтства. ...И эта ничтожность власти, эта необузданность книгопечатания, увеличивают в Соединенных Штатах склонность к преступлениям»³¹. Вывод автора «Сына отечества» обращен прямо к сочувствующим американскому общественному устройству: «И так, вы видите теперь, милостивые государи, к каким гибельным последствиям приведены Штаты пренебрежением достоинства общественных властей! Стремясь к независимости, Северо-Американцы сами подрывли те основания, на которых зиждутся прочность и благоустройство человеческих обществ. Уничтожив силу закона, они дали полный разгул самоуправству, своеволию, насилиям, а при них, мысль о благоденствии не есть ли пустая мечта? Недоноски Европейского общества, люди, отринутые своими собратьями, толкуют нам о силе и могуществе Союза, о счастье его членов. Глупцы! Ужели быть беззащитною жертвою произвола партий значит наслаждаться счастьем?»³².

Эти рассуждения весьма показательны. Автор «Сына отечества» смотрел на прессу как на важнейший инструмент формирования общественного мнения, который необходимо держать под строгим контролем и применять дозировано. Именно на таком умозаключении основывались отношения с печатью не только в России, но и в других странах континентальной Европы середины XIX века.

³⁰ Сведения автора перекликаются с сообщениями Токвиля, писавшего: «В Соединенных Штатах нет патентов для печатников, марок или регистраций для газет; наконец, отсутствует правило поручительства. Из всего этого следует, что издание газеты является там делом простым и легким: достаточно небольшого числа подписчиков, чтобы газетчик мог покрыть свои расходы; вследствие этого количество периодических или серийных изданий в Соединенных Штатах превосходит все ожидания» (Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 152).

³¹ Взгляд на Северо-американские Соединенные Штаты // Сын Отечества, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариним. 1836. Т. 180. С. 189—190.

³² Там же. С. 192.

Таким образом, читающая часть русского общества достаточно хорошо представляла себе степень свободы и независимости американской прессы. Однако в соответствии со своим отношением к американской демократии разные группы в России по-разному интерпретировали свободу слова в США. Передовые сановники империи преуменьшали степень независимости американской печати, в то время как журналисты реакционных изданий преувеличивали степень ее влияния на американское общество. Защитники стабильности старого порядка видели в свободной прессе главное зло, причину «неуважения к властям» в заокеанской республике.

Пресса в США и в самом деле была важным средством политической борьбы и пропаганды, однако, отношения государства, общества и прессы строились за океаном по-другому. Решение проблемы чрезмерного влияния газет и журналов американское общество нашло в механизмах, не прописанных в законах и не обеспечивавшихся государством, но от этого не менее действенных.

Первый из этих механизмов заметил путешествовавший по Америке в начале 1830-х гг. французский аристократ Алексис Токвиль, открывший, что увеличение количества газет приводит к уменьшению общественного и политического влияния каждого отдельно взятого издания³³. В середине 1850-х гг., рассказывая о коррупции в конгрессе при распределении государственных заказов на постройку кораблей, русский капитан Шестаков заключил, что она распространена в США больше, «нежели где-либо, несмотря на публичность. К ней в Штатах уже слишком привыкли и при том, можно сказать, все общество меняется так часто, что клеймо беславия стирается весьма удобно»³⁴. Примерно в то же время вернувшийся из Америки академик И. Гамель поража́л русских читателей количеством публикуемых в США газет: в одном «Нью-Йорке выходит *двадцать две* различные

³³ «В Соединенных Штатах каждая отдельно взятая газета не имеет большой власти, но периодическая печать, как таковая, до сих пор является первой после народа силой» (Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 153).

³⁴ Примечание И.А. Шестакова к статье: [Шварц С., капитан-лейтенант] Фрегат Niagara и Чрез-Атлантический телеграф // Морской сборник. 1857. Т. 32. № 11. Часть неофициальная. С. 205—206.

газеты *ежедневно, девять* — два раза в неделю, *семьдесят семь* — раз в неделю, *пять* — два раза в месяц, *тридцать шесть* — ежемесячно и *одна* — два раза в год. Стало быть, всего в Нью-Йорке издается *сто пятьдесят* различных газет ...[и] ежедневно печатается около *двухсот тридцати тысяч* экземпляров газет и даже несравненно более, если приходится сообщить публике что-нибудь особенно интересное»³⁵.

Еще один механизм, выработавшийся в тот период, выходит за рамки собственно прессы. В американском обществе в условиях свободы слова уже в тот ранний период существовала своего рода «самоцензура», при которой любая точка зрения, воспринимавшаяся как радикальная, вытеснялась из сферы публичного обсуждения большинством публики. Именно так долгое время успешно маргинализировалась пропаганда аболиционистов³⁶. В современных США эта «самоцензура» приняла форму «политической (или поведенческой) корректности».

Остается добавить, что американские политики иногда, пусть и в шуточной форме, выражали свою зависть к легкости решения проблем, создаваемых свободой печати, при помощи цензуры. Посланник США в России годы Крымской войны Томас Сеймур записал в своем дневнике весной 1856 года:

«Письмо от миссис Бодиско³⁷ — хочет одну из газет, которые были затерты (brick rubbed) цензором. В целом, мне это нравится. Как много в американских журналах —, и —, и — такого, что надо было бы закрыть навечно. Свобода прессы хорошая вещь, но *грязь* и *фанатизм* вызывают у меня отвращение»³⁸.

³⁵ [Гамель И.] Новейшие усовершенствования машин, введенных в Англии и Америке для печатания газет и других периодических изданий. Статья академика Гамеля // Сын отечества. 1857. № 16. С. 366.

³⁶ См. подробнее: Курилла И.И. Дмитрий Каченовский и Эндрю Уайт: «эзопов язык», цензура и самоцензура в России и США в середине XIX в. // Конфликт и консенсус в американском обществе: теория и практика: Материалы VIII науч. конф. Российской ассоциации американистики, Исторический факультет МГУ им. Ломоносова, Москва, 29—30 января 2003 г. М., 2004. С. 337—343.

³⁷ Вдова русского посланника, американка.

³⁸ Дневник Т.Х. Сеймура. Запись от 5 апреля/24 марта 1856 г. Saturday 5 April/24 March 1856 // Connecticut Historical Society. Seymour, Thomas Henry Papers. 1854—1857. Ms. 95246. Diary.

ДЕМОКРАТИЯ И САМОДЕРЖАВИЕ. АМЕРИКАНЦЫ О РОССИИ

Казалось, сама история развела две страны по противоположным углам исторической сцены. По замечанию американского историка Нормана Сола, «в то время как Россия занимала все более охранительную позицию в ответ на промышленное развитие и либеральные ожидания в Западной Европе, Соединенные Штаты приобретали уверенность, что они являются цитаделью... демократических идеалов»³⁹. Две страны воплощали в себе полярные подходы к государственному устройству и противоположные оценки демократии и либерализма.

К середине девятнадцатого века привычным в американском политическом и культурном дискурсе стало сравнение своего государственного устройства, культуры и традиций с обычаями двух стран: Великобритании — бывшей метрополии, и Франции — страны, не только выработавшей демократическую идеологию, но и оказавшей немалую помощь американским колониям в их борьбе за независимость. С обеими великими державами жители США связывали те или иные свои культурно-исторические и идейные традиции.

Если же американцам надо было найти пример абсолютно чужого, противоположного американскому обществу, государственного устройства или идеологии, то на такую роль из великих держав годилась только Российская империя.

Так, в разгар борьбы против президента Джексона Джон Кэлхун заявлял, что тот претендует на власть «абсолютную, как у Самодержца всея Руси»⁴⁰. В 1842 году на восклицание одного из демократов «Ура Джексону!», другой политический противник Джексона виг Генри Клей язвительно ответил: «Я говорю «Ура моей стране», а тот, кто кричит ура Джексону, не заслуживает имени свободного человека, а должен быть под-

³⁹ Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763—1867. P. 167.

⁴⁰ Речь в Сенате 6 мая 1834 г. // [Calhoun J.C.] The Papers of John C. Calhoun. Vol. 12. P. 310.

данным самодержца России, с ярмом тирании, пригибающим его шею»⁴¹.

Когда весной 1848 года в сенате обсуждался вопрос о территориальных приобретениях США в результате войны с Мексикой, сенатор Дэниел Уэбстер убеждал слушателей в невозможности сосуществования американцев с бывшими мексиканцами в одном государстве. В подтверждение своей мысли он призвал пример России: «деспотичные правительства могут иметь территории и удаленные владения, потому что они могут управлять ими с помощью различных законов и различных систем. Россия может управлять Украиной, Кавказом и Камчаткой с помощью различных кодексов, ордонансов или указов. Мы не можем себе этого позволить. Они (жители Калифорнии и Нью-Мехико — И. К.) должны быть нами, частью нас, либо иностранцами»⁴².

Еще Бьюкенен писал о противоречивости отношения России к Соединенным Штатам: «Мы можем немало ожидать от добрых чувств нынешнего императора и его министров к нашей стране. ...Нынешний император, особенно в своей частной жизни, обладает рядом великих и добрых качеств; но я очень ошибаюсь, если главной целью его правления не было всегда и не продолжает оставаться замедлить марш цивилизации и прекратить развитие свободных институтов в Европе. Он настолько боится проникновения либеральных идей в его империю, что дворянству не разрешено отправлять детей на учебу за границу, и запрещено военным даже просить разрешения на путешествие в другие страны. Невероятно, что, оставаясь приверженным таким идеям, он так благоволит той стране, которая, благодарение Богу, является маяком для всех народов.

Делая эти замечания, я вовсе не хочу возбудить недружественных чувств между двумя странами. Они нацелены только на

⁴¹ Henry Clay's Speech in Columbus, Indiana [ca. October 6—9], 1842 // Papers of Henry Clay. Vol. 9. P. 785.

⁴² Webster D. Objects of the Mexican War: A Speech Delivered in the Senate of the United States, on the 23rd of March, 1848, on the Bill from the House of Representatives for Raising a Loan of Sixteen Millions of Dollars // The Great Speeches and Orations of Daniel Webster. Boston, 1889. P. 568.

то, чтобы исправить впечатление, которое могло создаться в Вашингтоне, будто Россия испытывает очень добрые чувства к Соединенным Штатам. В то, что император питает к нам меньшую нелюбовь, чем к Франции или Англии, я с готовностью поверю»⁴³.

В начале следующего десятилетия «общим местом» в американской печати стало заимствованное у А. Токвиля сравнение США и России. Так, например, «Найлз Нэшнл Реджистер» писал в ноябре 1843 г.: «Империя и республика, деспотизм и демократия, одна страна, движимая волей единого разума, собирающего, концентрирующего и управляющего энергией могучей массы, придающего упорство, настойчивость, непоколебимость и дальновидность всему, как если бы страна была одним человеком; и другая, составленная из такого множества людей, какого никогда не бывало в прошлом, поскольку никогда в прошлом такая полная свобода не давала возможности развитию человеческих способностей»⁴⁴.

Обострение вопроса о различиях в общественном устройстве двух стран пришлось на период европейских революций 1848—1849 годов.

Первая реакция в Соединенных Штатах на европейские события была связана с новыми надеждами на появление в Старом Свете демократии американского образца. Еще 21 марта 1848 года одна из наиболее влиятельных (и наиболее интересующихся международными отношениями) газет США, «Нью-Йорк Геральд» («New York Herald»), выступила с передовой статьей, в которой, в частности, говорилось: «Позиция, которую займут Соединенные Штаты в нынешнем французском и европейском кризисе, будет важна не только для обоих континентов, но и может повлиять на будущее цивилизованного мира... Революционеры... копируют нашу конституцию, имитируют наши учреждения, следуют нашей политической моде и принимают наши принципы публичной политики»⁴⁵.

Официоз администрации Полка вашингтонская «Юнион» («Union») нашла другие причины для радости. Революция (и ве-

⁴³ Бьюкенен — Ливингстону, 9 августа 1832 г. // WJB. Vol. 2. P. 227—228.

⁴⁴ Russia // Nile's National Register. 1843. 25 нояб.

⁴⁵ New York Herald. 1848. 21 марта.

роятная общая война в Европе), восклицал автор комментария, опубликованного этой газетой 23 марта 1848 г., «создаст большой спрос на наше зерно и на некоторое наше сырье. Она увеличит нашу торговлю и наши перевозки. Она наполнит нас прибылями от нейтральной торговли. Она сделает больше. Она принесет к нашим берегам больше людей с большими деньгами. Она также подстегнет инвестиции в американские фонды больших капиталов Европы»⁴⁶.

Главная газета вигской оппозиции «Нэшнл Интеллидженсер» («National Intelligencer») была, напротив, чрезвычайно осторожна в своей первой реакции: «Мы думаем, что не ошибемся, предполагая, что почти все наши сограждане глубоко огорчатся, если эта революция превратит все политические элементы Франции в хаос... и закончит, вероятно, установлением другого деспотизма, и принесет практически неотвратимо общую войну в Европе»⁴⁷. Другие вигские газеты также видели в европейских событиях прежде всего опасность новой войны в Старом Свете, которая угрожает стабильности и торговле.

Очевидно, все три позиции в равной степени отражали точки зрения, существовавшие в американском обществе. Помимо партийных различий в оценке европейских революций, важную роль играли региональные: более консервативные Новая Англия и Юг США относились к радикалам с опасением⁴⁸, тогда как представители [Среднего] Запада в Конгрессе сформировали основу группы «Молодая Америка», с энтузиазмом приветствовавшей революционную волну⁴⁹.

Общественное мнение было сравнительно новым фактором международной жизни второй трети девятнадцатого века. В то время как либеральные публицисты предсказывали наступление времен, когда мнение общества будет определять внешнюю политику держав, сами политики и дипломаты не спешили сверять свои шаги с публицистами и другими лидерами общественного мнения.

⁴⁶ Union. 1848. 23 марта.

⁴⁷ National Intelligencer. 1848. 21 марта.

⁴⁸ Южан особенно обеспокоили декреты французского правительства, отменившие рабство в колониях этой страны.

⁴⁹ См.: Hunt M.H. Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven, 1987. P. 106.

Однако эпохи революций заставляли отнестись к этому новому фактору политики со всем вниманием.

Разъясняя ситуацию в Европе после начала революции во Франции своему сыну, американский посланник в Берлине Эндрю Дж. Донельсон писал, что «не только [пруссский] король, но и все здесь в Европе, за исключением императора Николая, — пленники общественного мнения»⁵⁰.

Что же до наиболее консервативной вигской прессы, то ее позиция оказалась продиктованной теми же опасениями начала новой европейской войны, которые в значительной степени определяли политику русского правительства. Нью-Йоркский корреспондент демократической газеты «Union» не слишком преувеличивал, когда сокрушался: «Виги не могут сдерживать свое недоверие и ненависть к народу. Их природный меридиан — Россия»⁵¹.

Любой прогноз политической ситуации в Европе требовал от американских политиков оценки позиции важнейшей державы в европейском балансе сил — Российской империи.

Даже осторожная в оценках европейской ситуации «Union» согласилась к 21 апреля, что «с развитием событий, мы будем обречены увидеть великую борьбу между свободой и деспотизмом, ведущуюся революционизированной Европой с одной стороны, и Российской империей с другой»⁵².

Так совпало, что в разгар ажиотажа, вызванного известиями о событиях в Европе, из печати вышла книга бывшего секретаря американской миссии в России Джона Максвелла, послужившая для американской публики новым источником информации о Российской империи⁵³. Книга содержала хотя и критическое, но в целом благожелательное описание России.

Ряд журналов поместил на своих страницах рецензии на книгу Максвелла.

⁵⁰ Э.Дж. Донельсон — Э.Дж. Донельсону-мл. (кадету). 28 марта 1848 г. // Library of Congress Manuscript Division. Andrew J. Donelson Papers. R. 7. Vol. 13.

⁵¹ Union. 1848. 31 марта.

⁵² Union. 1848. 26 апр.

⁵³ Maxwell J.S. The Czar, His Court and People, Including a tour in Norway and Sweden. New York, [c 1848]. См. гл. 4.

«Останется ли Россия заинтересованным и бдительным зрителем великой драмы, разыгрывающейся в Европе, — задавался вопросом «Американ Виг ревью», — или ей предначертано отразить еще одно вторжение или быть им разрушенной, либо, в конце концов, она расширит свою холодную хватку еще на некоторые провинции»⁵⁴. «Одна Россия остается незатронутой гражданским прогрессом; и в то время как другие страны рвутся от внутренних разногласий, ничего не слышно из России», — вторил «Ю. эс. демокрэттик ревью»⁵⁵.

Именно потому, что русский император не был стеснен общественным мнением своей страны, американские политики в первые недели европейских революций опасались, прежде всего, его реакции на события. Идеальный лидер американского Юга Джон Кэлхун имел в виду Российскую империю, когда заявлял в конце марта 1848 года с трибуны сената, что «долг европейских держав перед Францией, перед цивилизованным миром и перед ними самими состоит в том, чтобы сохранять строгое невмешательство»⁵⁶.

Поход русской армии против мятежных венгров весной 1849 г. спровоцировал всплеск антироссийских настроений в американском общественном мнении. «Нью-Йорк Геральд» («New York Herald») 8 июня 1849 г. описывала события на европейском континенте как борьбу либерализма и деспотизма: «В этой могучей драме, с Францией во главе либерального лагеря и Россией, возглавляющей деспотов, какую позицию занять либеральным и просвещенным правительствам Англии и Соединенных Штатов? ... Та же [русская] конфедерация [монархов], которая покорит страны и народы Европы, немедленно повернется к Америке, чтобы наказать нас, подстрекателей, первыми показавших миру образец республиканизма»⁵⁷. «Юнион» («Union») теперь даже утверждала, что само объявление Венгрии республикой было спровоцировано «объединенным выступлением монархов», и что «спор

⁵⁴ Russia // American Whig Review. 1848. Vol. 7. № 5 (May). P. 502.

⁵⁵ United States Democratic Review. 1848. Vol. 23. № 122. (August). P. 192.

⁵⁶ Дж. Кэлхун, речь о Французской революции 30 марта 1848 г. // Congressional Globe, 30th Congress. 1st Session. P. 568.

⁵⁷ New York Herald. 1849. 8 июня. Цит. по: The American Image of Russia: 1775—1917 / Eugene Anshel, comp. New York, 1974. P. 107.

идет между Деспотизмом и Республиканизмом, и битва должна состояться сейчас. Это будет великая битва за свободу. На одной стороне будут монархи, аристократы и консерваторы всех стран — сторонники привилегий и титулов; а на другой — народ, борющийся за свободу, независимость и справедливость»⁵⁸.

Инструктируя А. Дадли Манна, специального американского посланника к восставшим венграм, государственный секретарь Дж. Клейтон ссылаясь на общественное мнение США, «разбуженное» якобы намерением России вмешаться в австро-венгерские дела⁵⁹.

Когда же венгерское восстание было подавлено с помощью русского оружия, это вызвало настоящую бурю в периодической печати США. Газеты обвиняли Российскую империю в том, что ее целью является не защита старого порядка, а выход к Средиземному морю и приобретение контроля над Турцией⁶⁰. Таким образом, «идеологические» цели защиты старого порядка признавались американским общественным мнением более оправданными для России, чем стратегические, геополитические задачи выхода к морям.

Самые искушенные политики выстраивали на общественном возмущении сложные политические конструкции⁶¹. Защищая скрывающегося вождя восставших мадьяр Л. Кошута от требований российского императора о его выдаче, бывший (и будущий) государственный секретарь Д. Уэбстер, надеявшийся на повышение международного статуса Соединенных Штатов в результате европейских революций, призывал сограждан: «Давайте осознаем наше место в мире, место великой республики, в самую интересную эпоху в истории»⁶².

Среди откликов на эту речь отметим письмо бывшего посланника США в России Ч. Тодда, одобрявшего выраженные сенатором идеи и высказавшего мнение, что российский импе-

⁵⁸ Union. 1849. 12 июня.

⁵⁹ Дж. Клейтон — А. Дадли Манну, секретно. 18 июня 1849 г. // NARS. RG 59. M. 77. Diplomatic Instructions. Special Missions. R. 152. Vol. 1.

⁶⁰ См.: May A. J. Contemporary American Opinion of the Mid-Century Revolutions in Central Europe. Ph.D. Thesis. Philadelphia, 1927. P. 45.

⁶¹ Ibid. P. 50—51.

⁶² Фестиваль сынов Нью-Хэмпшира 7 ноября 1849 г. // The Writings and Speeches of Daniel Webster. Boston, 1903. Vol. 4. P. 213.

ратор Николай I «почувствует их силу... поскольку как ни сильны склонность его династии к деспотической власти и невежество его народа, Самодержец, однако, чувствителен к общественному мнению Европы и особенно Соединенных Штатов»⁶³.

В 1852 году из печати в США вышла книга конгрессмена Генри У. Дэвиса «Война Ормузда и Аримана в девятнадцатом веке»⁶⁴. Уже в предисловии автор определил свою задачу: «Американский народ прошел пору юности, когда, скрытый от глаз мира мог невинно наслаждаться своей судьбой. В своем зрелом возрасте... он не может оставаться молчаливым и нейтральным в великом противостоянии эпохи, которое он открыл на поле битвы»⁶⁵.

В книге развивалась та же мысль о двух центральных государствах тогдашнего мира, которым суждено определить его судьбы. Но эта мысль была подана максимально заостренно: Россия представляла силы зла, а Америка — добра.

Я утверждаю, — писал американский политик, анализируя подавление русскими войсками венгерского восстания 1848—1849 гг., — что целью этой борьбы было изменить баланс сил в Европе в пользу России; что она определенно подорвала дело народной свободы и подчинила для их безопасности все деспотические страны Европы протекторату России; что преобладающая сила этого союза в ее руках и под руководством деспотических держав в войне против свободы установили в Европе диктатуру России; что эта мощь будет по необходимости, принципиально и по сознательному выбору направлена на разрушение всех свободных правительств; что она абсолютно несовместима с существованием Английской монархии и Американской республики как свободных народных представительных правительств; и что они раньше или позже будут вынуждены защищать силой оружия свою свободу и независимость... ; что вопрос, на который мы должны отве-

⁶³ Ч.С. Тодд — Д. Уэбстеру, 8 декабря 1849 г. // Microfilm Edition of the Papers of Daniel Webster / Ed. Ch. M. Wiltse. Reel 21. № 29664.

⁶⁴ Davis H.W. The War of Ormuzd and Ahriman in the Nineteenth Century. Baltimore, 1852.

⁶⁵ Ibid. P. III.

тить, состоит... в том, принимая за очевидное абсолютную неизбежность спора с объединенными силами деспотизма, будем ли мы ждать, пока эти державы, полностью выкорчевав свободные правительства в Европе, повернут свою мощь на уничтожение нас, одиноких и лишенных союзников, либо же мы сейчас используем первую возможность серьезных беспорядков в Европе, чтобы помочь делу свободы оружием и деньгами, и будем вести нашу битву армиями европейских революционеров на полях Европы, и с помощью наших союзников навсегда решим спор между свободой и деспотизмом»⁶⁶.

Г. Дэвис не был бы американским политиком, если бы не добавил к своей филиппике доводов практического и экономического порядка:

Наши интересы так же прямо противоположны, как наши учреждения, политика и принципы. Россия — это великая пшеничная страна Европы. Ей принадлежат долины Вислы и обширные поля, насыпающие свою продукцию в подол Одессы. Из этих двух источников приходит почти вся пшеница, которая конкурирует с нашей на европейском рынке. Она не является промышленной страной и не показывает никаких признаков превращения в таковую. Все ее население поделено между плугом и мечом; и пресечь или ограничить торговлю Соединенных Штатов, означает избавить ее от ее главного и единственно опасного конкурента. Ее интересы, ее амбиции, ее ненависть, принципы ее царя, гордая надежда подчинить Европу игу абсолютной власти, все вместе побуждает ее к активной враждебности против нашей республики⁶⁷.

Последние слова были написаны в очевидном противоречии с фактами — никакой «активной враждебности» к США Россия не проявляла; больше того, трудно себе представить, чтобы в России того периода могла быть напечатана подобная по тону антиамериканская книжка.

⁶⁶ Ibid. P. 275—277.

⁶⁷ Ibid. P. 362—363.

По иронии судьбы, книга Дэвиса стала первым (известным нам) сочинением, написанным как политическая рекомендация по русско-американским отношениям.

Она также зародила традицию. Не бывавший в России Дэвис впервые сформулировал основы идеологического подхода к формированию политики США на российском направлении. В тот период дипломатия основывалась на других принципах, однако несколько десятилетий спустя именно такие голоса станут определять американскую политику по отношению к России.

Стереотипы восприятия России в западной прессе суммировал в 1854 году русский эмигрант польского происхождения граф Адам Гуровский: «Этот могучий колосс, нависающий над Европой и Азией, представляется многим темной пещерой, наполненной демоническими силами, которые, будучи выпущенными на свободу, погасят свет, подавят цивилизацию и остановят прогресс европейского мира, распростерши над ним все бедствия и проклятия темноты»⁶⁸. Книга Гуровского была написана для того, чтобы опровергнуть такой образ России на основании анализа внутренней жизни Российской империи.

Однако в рассматриваемый нами период такие голоса оставались в Соединенных Штатах в меньшинстве.

Американцы первой половины XIX века не руководствовались каким-то единым набором ценностей, на основании которых они могли бы оценивать окружающий их страну мир. Только часть граждан республики считали демократическую модель универсальной, а право наций на независимость — священным. Другие американцы соглашались со своими европейскими современниками в том, что демократия — уникальное явление, связанное с особенностями американского изолированного положения и их истории, тогда как для многих европейских наций независимость и демократия неприменимы в силу их национального характера и неразвитости общественных институтов. На этом была основана дипломатическая практика Соединенных Штатов.

⁶⁸ Gurowski A. *Russia As It Is*. New York, 1854. P. iii.

В соответствии с нашим политическим кредо, — объяснял читателям ведущий демократический журнал в конце 1830-х гг., — наше федеральное правительство в его отношениях с иностранными державами придерживается принципа, согласно которому договоры о защите торговли и частных прав граждан нашей и других стран заключаются с теми, кто на деле обладает суверенной властью в данной стране, — таким образом, признавая факт, но не оценивая справедливость титула, на котором эта власть основана. Заключая договоры с Оттоманской империей или с Самодержцем всея Руси, очевидно, что мы не ведем переговоров с теми, кто, согласно нашему политическому кредо, являются единственно законными суверенами этих стран; мы заключаем договоры не с турецкой или русской нациями, а просто с теми, кем бы они не были, у кого есть власть защитить права наших граждан в тех частях мира⁶⁹.

Посланник Бьюкенен развивал подобные взгляды в депеше госсекретарю:

Наш принцип — заниматься своими делами и предоставить другим нациям делать то же самое — наилучшим способом повлиял на наши международные отношения. В результате такой политики наибольшего эффекта мы достигаем с помощью примера; и мы, таким образом, лучше способствуем делу свободы в мире, чем могли бы путем прямого и активного вмешательства в дела других наций. Россия определенно не недружественна к нам. Она должна понимать, что Европа в настоящее время — большая пороховая бочка, и что первая же искра, поднесенная к ней, вероятно, произведет взрыв, который потрясет все троны. В таком случае, она вполне понимает, что Англия и Франция организуются против нее. В таких обстоятельствах, у меня есть причина верить, что император очень хочет оставаться в хороших отно-

⁶⁹ Peace and War // *United States Democratic Review*. 1839. March: Vol 5. № 15. P. 305.

шениях с самыми свободными людьми на земле, и он весьма удовлетворен тем, что они готовы культивировать его дружбу⁷⁰.

В рассматриваемый период комплекс идей, определявший мировоззрение американцев и их отношение к России, был весьма противоречив с современной точки зрения. Считая лучшим общественным устройством либеральную демократию собственно образа, американцы расходились в своем отношении к стране, представлявшей прямую противоположность этим принципам. Очень многие политические деятели США (в том числе, посланники в России и президенты) и лидеры общественного мнения (журналисты и издатели) весьма положительно оценивали Россию и ее политику, не отказываясь при этом от своих либеральных и демократических убеждений.

Некоторый отход от этого принципа наметился после волны европейских революций. В 1854 году тот же Джеймс Бьюкенен, занимавший в то время пост посланника в Великобритании, участвовал в Лондоне в обеде, организованном американским консулом Дж.Н. Сандерсом для революционеров-эмигрантов. По мнению участвовавшего в обеде Александра Герцена, за идеей «дать дипломатический обед врагам всех существующих правительств» стояло убеждение американцев, что они посылают послов «не к царям, а к народам»⁷¹. Однако этот жест, отражавший, наряду с «Остендским манифестом», попытку американской дипломатии продемонстрировать претензии на новое место в международном порядке, не имел непосредственного продолжения на российском направлении политики США⁷².

⁷⁰ Бьюкенен — Ливингстону, № 4. 29 июня (н.с.) 1832 г. // WJB. Vol. 2. P. 211.

⁷¹ Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 161.

⁷² Автор специального исследования о Герцене и Бьюкенене Дэвид Шенголд не обнаружил в опубликованных бумагах американского политика «никаких воспоминаний о встрече с Герценом или о самом лондонском «обеде изгнанников» 1854 года» (Shengold D. From the Other Shore: Aleksandr Herzen on James Buchanan // Slavic Review. 1992. Winter. Vol. 51. № 4. P. 764). Нам удалось найти такое воспоминание в письме

«Что бы мы ни думали о России как деспотической державе, — писал в 1854 году посланник Т. Сеймур, — здешнее правительство постоянно дружественно к правительству Штатов, и мы можем продолжать нашу торговлю с ней, и улучшать ее, если захотим, без того, чтобы одобрять ее политику или отказываться от наших республиканских принципов»⁷³.

Дело в том, что либеральная демократия казалась американцам возможной при достижении определенной степени зрелости общества. В то время как общество в большинстве стран Европы казалось им достигшим той ступени зрелости, которая позволит перейти к демократической форме правления (и то, по этому вопросу не было единства мнений: многие были уверены в исключительности американского опыта, считая, что в Европе демократия невозможна⁷⁴), российское общество требовало еще многих лет реформирования сверху и «созревания снизу». Поэтому многим американцам нравился образ не только Петра Великого, но и Николая I, которого они считали продолжателем петровской политики модернизации России. Тем более что Николай I использовал США как источник инноваций и инженерных решений (как Петр Голландию). Первые железные дороги в России строили американские инженеры, лучшие пароходы российского флота были заказаны в США, Николай I в 1840-е годы отда-

Бьюкенена госсекретарю Уильяму Марси в рукописном отделе Библиотеки конгресса США: «Обедал в прошлый вторник в доме нашего консула с Кошугом, Мадзини, Ледрю Ролленом, Гарибальди, Пуласки, Орсини, Арнольдом Руджи Уорсилом, Герценом и сэром Уолмсли, либеральным членом парламента, — сидя рядом с [хозяйкой дома] мадам Сандерс, я спросил ее, не боится ли она, что воспламеняемый материал вокруг нее вдруг взорвется». См.: Дж. Бьюкенен — У. Марси, 24 февраля 1854 г. // Library of Congress Manuscript Division. William Learned Marcy Papers. Cont. 79.

⁷³ Т. Сеймур — У. Марси, № 3. 8 мая 1854 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

⁷⁴ «Мы твердо уверены» — восклицал «Норт Американ Ревью», рассуждая о революционных событиях в Пруссии, — «что есть только одна страна в Европе [Великобритания — И. К.]... в которой республиканские институты в очень скором времени не дегенерируют в деспотизм» (The Revolution in Prussia // North American Review Vol. 68. 1849. P. 260).

вал предпочтение американцам в большинстве правительственных контрактов на инженерные проекты. В результате Россию в 1840-е гг. наводнило большое количество американцев самых разных образцов. Часть американцев даже оправдывала действия России по усмирению Польши и Венгрии (как «самозащиту» и сохранение внутреннего спокойствия империи как условия успешной модернизации)⁷⁵. Кроме того, практически все сходились на том, что роль России на Востоке (на Кавказе, в Средней Азии и Турции) является положительной и цивилизаторской. К концу правления Николая в американские школьные учебники вошел образ России как «двуликого Януса» — одно лицо (деспота) смотрит на Запад, другое (цивилизованное) — на Восток. В ходе Крымской войны 1853—1856 гг. американское общественное мнение открыто поддержало Россию в ее противоборстве с Великобританией, Францией и Турцией.

В 1850-е гг. интерес американцев распространился на внутреннее устройство русского общества. Так, в одной из статей распространение социалистических идей в России («дело петрашевцев») увязывалось с существованием религиозных сект в православии (речь в статье шла о староверах и духоборах)⁷⁶. Примерно в это же время общавшиеся с русскими американцы получили общие сведения о крестьянской общине, которая напоминала им собственные формы самоуправления. Так, американский посланник в России Томас Сеймур записал в своем дневнике 25 октября (4 ноября) 1855 г. «новые факты», которые он узнал о России: «крестьяне собирают нечто похожее на городские собрания (town meetings) по всей России — и выполняют решения большинства»⁷⁷.

⁷⁵ Положение Польши, однако, оставалась предметом сравнения. Один из критиков рабства писал в 1857 году, что «через три четверти столетия, если Юг сохранит рабство, от чего сохрани Бог! он будет для Севера тем же, чем является Польша для России, Куба для Испании или Ирландия для Англии» (Helper H.R. *The Impending Crisis of the South: How to Meet It*. New York, 1857. P. 163).

⁷⁶ Religious Sects and Socialism in Russia // *International Magazine of Literature, Art, and Science*. 1850. November 1. Vol. 1. № 4A. P. 461—463.

⁷⁷ Дневник Томаса Сеймура. Запись от 25 октября/4 ноября 1855 г. // *Connecticut Historical Society. Thomas Henry Seymour Papers*. 1854—1857. Ms. 95246. Diary.

Спустя два года известный американский ученый Теодор Паркер в разговоре с недавно вернувшимся из Санкт-Петербурга молодым Эндрю Уайтом спрашивал его, «каковы шансы на развитие в России свободных институтов». Уайт ответил, «что лучшим, что у них есть, является система местных крестьянских собраний для передела земли и обсуждения связанных с ним предметов, и что они кажутся мне зародышем, который может, в будущих поколениях, стать чем-то вроде системы городских собраний (town-meeting system), наподобие новоанглийской». Паркер на это ответил, что он пришел к такому же заключению после разговора с графом Гуровским⁷⁸.

В общественно-политическом дискурсе США того периода не использовался термин «права человека», да и сама концепция не казалась универсальной (она вошла в «билль о правах», но он ведь распространялся только на взаимоотношения американцев со своим государством). При сравнении различных стран больше внимания уделялось просвещению и сравнительной эффективности общества.

Такие политики, как Джон Рэндолф, вся политическая жизнь которого прошла под знаком бескомпромиссной борьбы в конгрессе США, не были готовы воспринять другую общественную реальность. Впервые оказавшись в России, он не смог адаптироваться к совершенно отличному от привычного американцу набору ценностей, доминировавшему в русском обществе, и воспринял непонятное и чужое как враждебное. С другой стороны, многие американцы, оказавшиеся в России, легко воспринимали российскую действительность и систему общественных отношений. Близкий сотрудник князя Воронцова американец Зонтаг владел крепостными, что ужасало гостивших у него сограждан: «белые рабы у американца».

Расовые предрассудки американцев оказывались выше, чем у их русских современников. Сожаление о «белых рабах» подразумевало нормальное отношение к рабству черных, тогда как признание цивилизующей миссии России на Востоке также означало, прежде всего, тот набор ценностей, который спустя полвека Киплинг назовет «бременем белых».

⁷⁸ White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White, with Portraits*. New York, 1904. Vol. 1. P. 80—81.

Американцы в изучаемый период уже представляли собой нацию, тогда как русские, оставаясь скрепляющей силой империи, не создали еще нацию в американском смысле этого слова. Этим объясняется и меньший национализм русских, который в американском словоупотреблении имел только положительные коннотации, а в русском станет весьма сомнительным концептом.

Самодержавие и демократия. Русские о США

Отношение России к Соединенным Штатам не было таким простым, каким оно виделось Рэндолфу.

Средний уровень знаний о Соединенных Штатах в России в 1830—1840-е гг. оставался довольно низким. Жена русского купца греческого происхождения И. Ралли, занимавшего в 1830—1850-е гг. пост американского консула в Одессе, говорила, что ее муж — «консул Того света»⁷⁹. Посланник Даллас привел в дневнике поразивший его факт, что один из его русских знакомых Салтыков (Soltikoff), во всех отношениях способный и эрудированный человек, «у которого в библиотеке висела копия Декларации независимости с автографами, не знал, что генерал Вашингтон был президентом, а думал, что он полностью ушел в отставку от общественных дел начиная с заключения мира в 1783 г. до своей смерти»⁸⁰. Другой посланник Ч.С. Тодд отмечал в частном письме из Санкт-Петербурга, что «климат и расстояние объединились, чтобы сделать американские дела книгой за семью печатями в этой столице»⁸¹.

После восстания декабристов, которое один из современных исследователей назвал «восстанием американистов» в связи с тем влиянием, которое оказал на их планы сам факт суще-

⁷⁹ Stephens J. L. Incidents of Travel in the Russian and Turkish Empires. London, 1839. Vol. 1. P. 278.

⁸⁰ Запись от 4 декабря 1838 г. // Dallas G. M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 130—131.

⁸¹ Ч.С. Тодд — Даффу Грину, личное. 22 мая/9 июня 1843 г. // Library of Congress Manuscript Division. Duff Green Papers. Reel 2.

ствования Соединенных Штатов⁸², обсуждение демократического устройства США надолго стало привилегией верхов русского общества. Именно эти люди могли открыто обсуждать достоинства и недостатки демократии. Они же формировали российскую внешнюю политику. На самом вершине этой пирамиды находился император Николай I, который проявлял особый интерес к американцам.

Русское правительство вовсе не считало, что США являются естественным врагом России просто в силу противоположности общественного устройства двух стран. На примере Франции демократическая республика отождествлялась российскими политиками с террором и завоевательными войнами, но США доказали, что они являются исключением. Будущий морской министр Российской империи И.А. Шестаков с иронией рассказывал о демонстрации, свидетелем которой он был в Нью-Йорке в конце 1850-х годов, когда европейские эмигранты, «разрушители всех оттенков и наций», собрались «у памятника Вашингтона — отца прочной, но не буйной свободы»⁸³.

Ведущие сановники империи читали Токвиля и, беседуя с американцами, задавались вопросом о судьбе их исторического эксперимента. Еще раз стоит отметить, что середина девятнадцатого века не знала «холодной войны» между двумя общественно-политическими устройствами именно потому, что ведущие державы не стремились навязать свои идеалы друг другу. Историки, исследовавшие девятнадцатый век, находились под сильным влиянием атмосферы «Холодной войны», что заставляло их считать парадоксом или лицемерием дружбу между Россией и Америкой в тот период. На самом деле, изучение системы ценностей того поколения представляет всю проблему в другом свете.

Прежде всего, необходимо отметить, что Николай I не считал общественное устройство США вызовом собственному прав-

⁸² Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 17.

⁸³ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания И.А. Шестакова // РГА ВМФ. Ф. 26. Шестаков И.А. Оп. 1. Д. 17. С. 44.

лению⁸⁴. При этом в империи-внимательно следили за внутривнутриполитическими проблемами США и понимали в функционировании демократии гораздо больше, чем этого ожидали американские дипломаты.

Показательны наблюдения Бьюкенена, сделанные во время конфликта между федеральным правительством США и Южной Каролиной в 1832—1833 гг. Бьюкенен сообщал в госдеп о том, что «даже *St. Petersburg Journal*, вопреки обыкновению, опубликовал статью, в высшей степени правильную и дружескую» о проблемах с Южной Каролиной⁸⁵, а граф Нессельроде в ходе очередной беседы интересовался мнением посланника о «возможном результате» конфликта⁸⁶.

Императрица Александра Федоровна в первой же беседе с Бьюкененом высказал убеждение, что те «мудро не вмешиваются в глупые распри Европы; но добавила, что у нас есть собственные проблемы дома, намекнув на наши проблемы с некоторыми из южных штатов»⁸⁷.

Не сумев убедить русскую императрицу, что внутренние проблемы не угрожают союзу штатов, Бьюкенен пустился в рассуждения, оспаривая взгляды своего предшественника, которые, очевидно, сообщил ему президент Джексон: «Правда состоит в том, что людей в Европе, и особенно в этой стране, невозможно заставить понять принципы нашего правительства. Услышав о любом сложном конфликте мнений в Соединенных Штатах, они верят тому, чего бы им хотелось, что впоследствии революция. Бог не допустит, чтобы Союз подвергся опасности. Если случится ужасное событие, которое разрушит

⁸⁴ «Для Николая Павловича принципиальным была не форма государственного строя, а его сущность и потенциальные способности в борьбе с либерализмом и революцией, — пишет современный исследователь. — ... Абсолютная монархия и дееспособная республика в его представлении были наиболее честными, достойными способами правления» (Высочков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 338—339).

⁸⁵ Бьюкенен — Ливингстону, № 13. 1 февраля (н. с.) 1833 г. // WJB. Vol. 2. P. 316.

⁸⁶ Бьюкенен — Ливингстону, № 14. 5 февраля (н. с.) 1833 г. // Ibid. P. 318.

⁸⁷ Бьюкенен — Э. Джексону. 22 июня 1832 г. // Ibid. P. 199.

влияние нашего примера, конституционная свобода во всем мире получит удар, от которого может никогда не оправиться. Делая эти наблюдения, я не хочу сказать, что русское правительство недружественно по отношению к народу Соединенных Штатов. Напротив, я считаю, что оно определенно предпочитает нас англичанам или французам; но тем не менее они должны приписывать нашему примеру существование тех либеральных принципов в Европе, которые доставляют им такие хлопоты»⁸⁸.

Барон Бруннов в 1838 году подробно расспрашивал посланника Далласа о борьбе президента Джексона с Банком США и высказал удовлетворение детальным разъяснением. Даллас записал в своем дневнике: «Бруннов ... сказал, что до сих пор приписывал противостояние неким личным мотивам Джексона; но сейчас четко понимает, что оно имело основания в устойчивых принципах нашей демократической партии. М-р Хвостов⁸⁹, сказал он, сообщил ему, что в Соединенных Штатах любая корпорация или индивид может выпустить бумажные деньги, и что люди обязаны по закону принимать их в уплату долгов. Я объяснил временный эффект от приостановки выплат звонкой монетой, и последовавшей паники, но отменил абсурд м-ра Хвостова. Он пожаловался, что трудно получить правильную информацию о состоянии дел в Америке; что барон Крюденер безусловно сформировал много ошибочных представлений из-за привычки к сдержанности в личном общении, и, вероятно, из-за плохого слуха»⁹⁰.

В российской столице следили за ходом даже промежуточных выборов в США. Так, осенью 1838 года барон Бруннов побуждал посланника Далласа высказать Нессельроде свое мнение, что успех демократов на выборах того года означает неминуемую победу на грядущих через два года президентских выборах. Даллас записал, что ему приходилось спорить с русскими по этому поводу: «здесь преобладает впечатление, что господству

⁸⁸ Бьюкенен — Э. Джексону. 22 июня 1832 г. // Ibid. P. 199—200.

⁸⁹ Младший секретарь российской миссии в Вашингтоне до 1839 г.

⁹⁰ Запись от 1 ноября 1838 г. // Dallas G. M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 119.

нашей демократической партии вот-вот наступит конец»⁹¹. Иными словами, чиновники российского МИДа проявляли неплохую осведомленность о внутривнутриполитическом положении и политических тенденциях в США (через два года демократы и правда уступили власть партии американских вигов), в то же время оставаясь довольно невежественными в экономической системе страны.

Спустя два десятилетия другой американский посланник Томас Сеймур удивлялся тому, что сыновья Николая I, великие князья Александр (будущий император) и Константин (генерал-адмирал русского флота), «похоже, очень хорошо знакомы с нашими институтами и с американской политикой»⁹².

По-видимому, уже в начале 1830-х годов, в ходе переговоров о заключении торгового договора Николай I решил сделать ставку на американцев в качестве альтернативы англичанам. Во всяком случае, в беседе с Бьюкененом вскоре после подписания договора он отмечал, что считает «странным, что, в то время как много американских судов приходит в порты России, так мало американских путешественников посещают его владения; и дважды выразил сильное пожелание, чтобы они приезжали и видели их такими, какие они есть, а не такими, какими их изображают враги»⁹³.

Во время последней аудиенции перед отъездом Бьюкенена Николай I частично объяснил посланнику, почему он не связывает американский пример с опасностью для империи. В разговоре император критиковал англичан, которые «устали от конституции, при которой они поднялись на вершину величия», и французов, которые «перепробовали все формы правления и не удовлетворились ни одной. Французские эмиссары сейчас прилагают повсюду усилия, чтобы возбудить беспорядки и нарушить мир по всей Европе».

Император добился от Бьюкенена утверждения, что американцы «никогда не были пропагандистами», после чего русский

⁹¹ Запись от 15 ноября 1838 г. // Ibid. P. 126.

⁹² Т. Сеймур — У. Марси, № 3. 8 мая 1854 г. // NARS. RG 59. M. 35. DD. Russia. R. 16.

⁹³ Бьюкенен — Ливингстону, № 12. 14/16 января 1833 г. // WJB, Vol. 2. P. 313—314.

монарх заявил, что он «хорошо знает характер нашего народа. ...Он очень доверяет нам. Его собственная политика совпадает с нашей. Он тоже не пропагандист. Все, чего он хочет, это мир»⁹⁴.

Накануне своего отъезда другой посланник Даллас разговаривал с Николаем о том, что «политические институты двух стран были радикально и существенно различны; «но, — заметил [император], — они работают в каждой на счастье и процветание своих обитателей; и я занят введением некоторых либеральных улучшений, в частности, в департаменте юстиции, что, я надеюсь, приведет к полезному эффекту». Даллас прокомментировал это заявление необходимостью для Николая лично держать все под контролем, на что император согласился, сказав, что «это в условиях России, есть жизненная необходимость»⁹⁵.

Различные стороны американского эксперимента привлекали внимание верхушки российского общества.

Русская императрица спрашивала американского посланника Дж. М. Далласа, почему американское правительство так часто меняет своих представителей в России, на что тот ответил, что «это можно частично отнести на счет перемен, которые вынужденно происходят во всех народных правительствах, а во многих случаях вызваны случайными причинами»⁹⁶.

В цитированном уже разговоре Генри Уикофа с князем Воронцовым, тему демократии поднял именно николаевский вельможа. «Насколько народ у вас действительно управляет? — спросил он американского путешественника. — Его судьба в руках политиков, избранных, чтобы их представлять... Они создают законы, которые народ обязан исполнять, даже если он недоволен»⁹⁷. Князь сообщил, что специально интересовался вопро-

⁹⁴ Дж. Бьюкенен — Л. Маклейну, № 22. 7 августа 1833 г. // Ibid. P. 381. Эхо этого обмена мнениями появилось в инструкции государственного секретаря в администрации Линкольна У. Г. Сьюарда посланнику в России К. М. Клею: «Американец за границей не более пропагандист, чем русский». У. Г. Сьюард — К. М. Клею, № 3. 6 мая 1861 г. // Foreign Relations of the United States. Vol. 1. P. 293.

⁹⁵ Запись от 23 июля 1839 г. // Dallas G. M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 209—210.

⁹⁶ Ibid. P. 12.

⁹⁷ Wikoff H. Reminiscences of an Idler. P. 246.

сами американского общественного устройства (по всей вероятности, князь Воронцов прочел «Демократию в Америке» Алексиса Токвиля), потому что «образ правления там является новым в политике. Республики античности и средневековья были просто олигархиями. Это первый случай, когда правит демократия. Будущее покажет, может ли наибольшее благо для большинства... быть достигнуто с веселым согласием меньшинства. Если нет, тогда ваш эксперимент закончится провалом. Я боюсь, что ваше демократическое правительство подвержено тем же порокам, что и все другие формы, поскольку я не вижу доказательств, что человечество в вашей стране состоит из другого материала, чем везде, — что оно в большей степени управляемо разумом и в меньшей страстями, или менее чувствительно к собственным интересам»⁹⁸.

В завершение разговора Воронцов позволил себе рассуждение о России: «Нам предстоит еще долгий путь к тому состоянию общества, которое порождает политиков, парламенты и конгрессы. Наша нация очень молода»⁹⁹.

Высокопоставленный сановник увязывал общественное устройство Соединенных Штатов, с одной стороны, с уникальными внешнеполитическими условиями существования нации на отдаленном континенте, а с другой — со способностью народа к самоорганизации, порождающей политиков и парламентское устройство. Россия, лишенная и того и другого, ни в коей мере не рассматривалась Воронцовым как объект приложения демократических идей.

С другой стороны, на протяжении 1830-х годов Америку в России продолжали считать прежде всего страной купцов, мореплавателей и банкиров. От внимания наблюдателей в тот период еще ускользали внутренние пространства, активно заселявшиеся американскими переселенцами, быстро растущий Запад страны. Так, Даллас не мог убедить генерала П.Д. Киселева и французского посла П. Баранта в том, что Банк США (против которого боролся президент-демократ Эндрю Джексон) был злом, потому что «какой бы важной и привлекательной ни была цент-

⁹⁸ Ibid. P. 247.

⁹⁹ Ibid. P. 249.

рализация во Франции и России, в Америке она несовместима с некоторыми фундаментальными принципами... Усвоив принятое в Европе мнение, что мы полностью торговый народ, они доказывали, что нашими главными целями должно быть все то, что ускоряет и облегчает торговлю»¹⁰⁰.

В отношении русской правящей элиты к Соединенным Штатам ключевым было представление об американской исключительности. Пример демократии в США не был опасным, поскольку он не был применим к России. Показательно в этом смысле обоснование цензором разрешения публикации в России многотомной «Истории США» Дж. Бэнкрофта: «Что касается до направления данного сочинения, то достаточно сказать, что автор Бэнкрофт — американец, пламенно приверженный к свободе политической и религиозной своего отечества и признающий всякие стеснения оной тиранством; он демократ и защитник демократических начал. При всем том, принимая во внимание, что сочинение это историческое и будет весьма обширно, что по существу своей, демократические мысли автора относятся в особенности к его отечеству и что вообще он весьма умерен, — г. цензор Дуклинский считает возможным рассмотреть ныне шесть томов с исключением, для публики, лишь таких мест, в которых читатель может встретить или явное предосудительное применение к европейской монархической политике, или прямое отношение к России, или, наконец, нарушение должного уважения к предметам религиозным»¹⁰¹.

Демократические мысли не опасны сами по себе, и тем более не опасны применительно к США — они становятся недопустимыми, будучи примененными к европейской монархической политике или напрямую к России.

Любопытно, что об этом же писал в открытой печати видный критик существовавших в России порядков Н.А. Добролюбов: «Демократический характер учреждений Северной

¹⁰⁰ Запись от 17 марта 1839 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 172.

¹⁰¹ Выписка из выписки из журнала заседания Комитета цензуры иностранной 2 ноября 1855 года за № 42, представленной в Главное управление цензуры 11 ноября 1855 г. за № 753 // РГИА. Ф. 772. Цензурный комитет. Оп. 1. Д. 3731. Л. 1—1 об.

Америки не раз был предметом жарких прений в Западной Европе, — констатировал революционный демократ в рецензии на книгу А.Б. Лакиера. — Еще недавно спорили об этом в самой Англии; одни приписывали демократическому образу правления в Америке небывалые выгоды, другие старались представить его гибельным для страны и изображали его такими мрачными красками, что становилось страшно. Конечно, в Англии подобные споры об Америке могут иметь свою практически-полезную сторону: несмотря на свое соперничество и видимую неприязнь, обе страны имеют между собой много общего, и для обеих очень возможны полезные заимствования друг от друга. Но для нас эти споры совершенно чужды. И от Соединенных Штатов и от Англии нас отделяют обширные пространства морей; наши нравы и обычаи, весь наш общественный быт сложились совсем под другими условиями, наши интересы направлены совершенно иным образом, и, конечно, для нашего общества даже вовсе не любопытно то, что составляет жизненный вопрос по ту сторону океана. Поэтому мы не станем попусту тратить время на бесплодные и напрасные рассуждения о выгодах и невыгодах демократии и ограничимся спокойным и беспристрастным изложением того, как она выразилась в учреждениях Соединенных Штатов и что успела произвести в этой стране»¹⁰². После этого пассажа (в котором чувствуется скрытая ирония) Добролюбов кратко изложил принципы государственного устройства США.

Прогрессивная бюрократия империи также с интересом поглядывала на заокеанскую республику. Петр Кропоткин вспоминал, что группа молодых офицеров, работавших под началом губернатора Сибири Муравьева, вместе со ссыльным М. Бакуниным строила планы создания Соединенных Штатов Сибири и образования конфедерации с США¹⁰³.

Проблема для русской правящей элиты заключалась в том, что в XIX веке все большее распространение получала идея общественного прогресса, стимулированная не только революционным опытом Франции (вызывавшим неприятие свои-

¹⁰² Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии. 1859. М., 1987. С. 188.

¹⁰³ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 161.

ми кровавыми последствиями), но и социальным реформизмом в Великобритании. В опыте Соединенных Штатов соединились передовые технические достижения с самой радикальной по тем временам формой общественного устройства. Пожалуй, никто в середине XIX века не спорил с тем, что вектор технического прогресса указывает на США. Идея о существовании вектора общественного развития встречала ожесточенное сопротивление, но она пробивала себе дорогу среди радикалов, реформаторов, и просто либеральных кругов Европы, проникая и в Российскую империю. Отождествление будущего европейской цивилизации с Соединенными Штатами в поляризованном мире XIX века означало отождествление прошлого с Российской империей.

Русская печать о США

Популярный учебник истории Ивана Кайданова, вышедший из печати в 1843 г., так описывал причины войны за независимость США: «Земледельческие колонии, каковыми были английские северо-американские, всегда образуются в общества гражданские, и отличительное свойство их состоит в стремлении к освобождению себя от притеснений и от несправедливых поступков метрополии». Далее он так характеризовал заокеанскую республику: «Северо-американские штаты, снискав себе свободу и независимость, скоро расширились покупкою у французов Луизианы (sic), приобретением обеих Флорид и земель до восточного океана. Притом, скоро весь свет с изумлением увидел в них быстрое размножение народонаселения, успехи земледелия, мореплавания и торговли, устройство дорог, умножение и цветущее состояние городов, полную свободу всех вероисповеданий, благоразумные законы, охраняющие имущество и личную безопасность каждого и пр.»¹⁰⁴ В этом учебнике еще не говорилось ни об успехах американской про-

¹⁰⁴ Кайданов И. Учебная книга всеобщей истории (для юношества). Сочинение заслуженного профессора И. Кайданова. История новых времен, или XVI, XVII и XVIII веков и первых трех десятилетий XIX века. От 1492 (1500) до 1831 года. Издание 2-е, испр. СПб., 1843. С. 223, 307.

мышленности, ни о проблеме рабства негров. Америка представлялась страной «земледелия, мореплавания и торговли», с развитым обществом граждан и разумными законами. Еще через десять лет в учебнике С. Смарагдова для женских учебных заведений не вполне точно характеризовалось государственное устройство США: «Каждый штат есть самостоятельное государство и управляется отдельно; но все вместе составляют союз, которым управляет конгресс и президент, избираемый на 4 года. Первым президентом был бессмертный Вашингтон»¹⁰⁵. Обращает на себя внимание очевидно устоявшийся эпитет в отношении Джорджа Вашингтона, который был, таким образом, признан российским общественным мнением одним из великих исторических деятелей.

Лишь в учебнике Иловайского в 1860-е гг. появились рассказы как о негритянской проблеме, приведшей к гражданской войне, так и об успехах парового сообщения на железных дорогах, реках и океанах¹⁰⁶.

В 1830-е годы русская читающая публика воспринимала Соединенные Штаты сквозь призму романов Фенимора Купера и книги Токвиля «Демократия в Америке». Купера читали везде — от императорского дворца до провинциальных дворянских усадеб. Императрица интересовалась у только что прибывшего посланника Далласа, не написал ли Купер новую книгу, поскольку «он ей очень нравится, особенно в таких работах, как «Пионер», «Шпион» и «Последний из могикиан»»¹⁰⁷.

Очевидно, Токвиль имел не меньшую читательскую аудиторию. Что за образ вырисовывался перед русским читателем из этих источников? Оценки Токвиля, по-видимому, разделялись значительной частью его русских читателей, принадлежавших, как и французский путешественник, к аристократии. Эксперимент, развернувшийся за океаном, интересен, но невозможен в европейских условиях. Купер шел еще дальше — он рисовал жизнь на фронтире, в том месте, где цивилизация сталкивалась

¹⁰⁵ Смарагдов С. Руководство к новой истории для женских учебных заведений. Санкт-Петербург, 1853. С. 144.

¹⁰⁶ Иловайский Д. Новая история. Курс старшего возраста. Изд. 7-е. М., 1869. С. 191—192, 288.

¹⁰⁷ Dallas G. M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 13.

с варварством. Скорее всего, именно эта «картинка» и возникла в голове большинства русских при упоминании Соединенных Штатов.

«Индийская» тема привлекала и А. С. Пушкина, записавшего собственные размышления по поводу книги Джона Теннера, прошедшего почти всю жизнь в одном из племен¹⁰⁸. Чаадаев в первом «Философическом письме» сравнивал Россию с индейцами, сравнение выходило не в пользу своего отечества: «Посмотрите на народы Северной Америки, истреблением которых так ревностно занимается материальное просвещение Соединенных Штатов: между ними есть люди дивного глубокomyслия. Теперь спрашиваю вас, где наши мудрецы, где наши мыслители? Когда и кто думал за нас, кто думает в настоящее время?»¹⁰⁹

Именно интерес в России к индийской теме побудил американского живописца Джорджа Кэтлина, с натуры изображавшего жизнь коренных американцев, с помощью посланника Ч. Камбреленга и, позднее, промышленника Дж. Гаррисона стремиться продать свои картины в России¹¹⁰. Зарисовки Кэт-

¹⁰⁸ См. об этом: Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения: 1815—1832. М., 1975. С. 560—566; Николокин А. Н. Литературные связи России и США. М., 1981. С. 224—256; Старцев А. Пушкин о США в «Джоне Теннере» // Старцев А. Русско-американские этюды. М., 1995. С. 79—98.

¹⁰⁹ Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое (по переводу в первой публикации в «Телескопе») // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е, доп. изд. М., 1989. С. 481. Сравнение с Россией с индейцами особенно возмутило власти, наравне с нападками на русскую православную церковь: «Разъединению с западной церковью, — писал управляющий департаментом духовных дел иностранных исповеданий Филипп Вигель, — приписывает он совершенный недостаток наш в умственных способностях, в понятиях о чести, о добродетели; отказывает нам во всем, ставит нас ниже дикарей Америки, говорит, что мы никогда не были христианами и, в иступлении своем, наконец нападает даже на самую нашу наружность, в коей видит бесцветность и немоту» (Ф. Ф. Вигель — митрополиту Серафиму. [21 октября 1836 г.] // Там же. С. 494).

¹¹⁰ Альбом Кэтлина был подарен Николаю I во время его визита в Лондон. Saul N. Distant Friends... P. 156.

лина, и в самом деле, привлекли внимание русских. «Библиотека для чтения» подробно отрецензировала опубликованные в Лондоне в 1840 году репродукции полотен американского художника, используя рецензию и как повод высказаться о судьбе индейских племен: «спрашивается: какие права, какие законы позволяют белым захватывать чужую собственность! ... Скоро настанет время, когда мы спросим: где теперь индейцы? И одно только эхо ответит — где?»¹¹¹

За время, прошедшее после публикации «Джона Теннера», в России стали известны последствия бескомпромиссной политики американского правительства по отношению к индейским племенам. В 1855 году та же «Библиотека для чтения» опубликовала статью Н. Ланге, который горестно отмечал: «В Северо-Американских Соединенных Штатах продолжают жестокости против коренных жителей, и на владениях этих лежит тяжелый упрек, что прогоняемы и уничтожаемы были не только непокорные племена, но и желавшие присоединиться к англо-американцам и перенять их образование». Автор статьи, правда, не видел возможности сохранить культуру индейских племен, считая единственным благом их ассимиляцию: «для оставления жизни индейцам, для спасения их от совершенного уничтожения, нужно прибегать к смешению их с другими племенами»¹¹².

Книги играли важнейшую роль в формировании русского представления об Америке. Джордж М. Даллас вручил великой княгине Елене экземпляр «Путешествий по Америке» мисс Мар-

¹¹¹ Красные американские люди // Библиотека для чтения. 1840. Т. 41. Раздел III (науки и искусства). С. 73—74. См. также рецензию на второе издание альбома Кэтлина: Монданы, кравы, и черные ноги, благороднейшие племена диких Американцев // Библиотека для чтения. 1842. Т. 52. № 5. Смесь. С. 31—38.

¹¹² Ланге Н. Америка // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакцией О.И. Сенковского и А.В. Старчевского. 1855. Т. 130. С. 157. В 1855 году журнал «Библиотека для чтения» выпустил то, что можно назвать «тематическим номером». В одном томе были собраны окончание статьи Н. Ланге под общим названием «Америка», обзор американской литературы и статья Вс. Мамышева «Американские владения России».

тино, поскольку она специально просила эту книгу у супруги посланника¹¹³. В 1838 году «Библиотека для чтения» опубликовала главы из этого сочинения¹¹⁴. В семье императора читали миссис Троллоп и другие книги путешествий в США¹¹⁵.

Надо отметить, что количество ввезенных в Россию книг в 1830—1840-е гг. росло быстрыми темпами, увеличившись с 280,000 в 1833 году до 830,000 в 1847. Одновременно вдвое уменьшилось количество переведенных книг¹¹⁶. Тем важнее становилась роль журналов.

В рассматриваемый нами период русская печать подвергалась жестокой цензуре, а период 1848—1856 гг. вообще вошел в историю как «эпоха цензурного террора». По этой причине в журналы николаевской России проникали, как правило, лишь описательные и переводные статьи о Соединенных Штатах Америки. Тем не менее, аудитория периодической печати была весьма широка, и любое слово о заморской республике находило своего внимательного читателя. Именно печать оставалась даже в условиях цензуры главным индикатором изменения образа Америки в общественном сознании русских.

Америка привлекала взгляды российского общества. Это видно по удивительно большому количеству материалов об этой стране, публиковавшихся на протяжении всего рассматриваемого нами периода в русских журналах. Интересно при этом, что весьма немногие статьи можно назвать антиамериканскими, хотя критики в адрес заокеанской республики высказывалось немало. Весь-

¹¹³ Запись от 26 декабря 1837 г. // Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas. P. 41.

¹¹⁴ Состояние общества в Северной Америке. Сочинение мисс Генриетты Мартино // Библиотека для чтения. 1838. Т. 30. Ч. I. № 9. Отд. Науки и искусства.

¹¹⁵ См., в частности, свидетельство Дж. Самнера, переданное Ф. Бремер: Bremer F. The Homes of the New World; Impressions of America. New York, 1853. Vol. 1. P. 250. Книга Френсис Троллоп была и в библиотеке А.С. Пушкина. См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. Пушкин и его современники. Вып. IX—X. СПб., 1910. № 1450.

¹¹⁶ Whittaker C.H. The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergey Uvarov, 1786—1855. De Calb, Ill., 1984. P. 119.

ма критическим выдался для Америки в русских журналах 1836 год. Выше уже цитировалась резкая статья в журнале «Сын отечества», автор которой припечатал американцев словосочетанием «недоноски Европы»¹¹⁷.

В том же 1836 году Соединенные Штаты стали предметом критики и с других позиций. Самым известным критиком стал А.С. Пушкин, напечатавший в «Современнике» статью «Джон Теннер» — отзыв на книгу американца, похищенного в детстве индейцами и прожившего среди них 30 лет. «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посредности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских штатов, недавно выставленная перед нами»¹¹⁸.

Наконец, в том же 1836 году В.Г. Белинский напечатал обзор в журнале «Телескоп», где Америка подвергается не менее жестоким нападкам: «Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие, пусть цивилизация дошла до последней степени, пусть тюрьмы там пусты, трибуналы праздны, но если там, как уверяют нас, нет искусства, нет любви к изящному, я презираю этим благоденствием, я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна»¹¹⁹.

¹¹⁷ Взгляд на Северо-американские Соединенные Штаты // Сын Отечества, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. 1836. Т. 180. С. 192.

¹¹⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1958. С. 434—435.

¹¹⁹ Белинский В.Г. Собрание сочинений в 9 томах. Т. 1. М., 1976. С. 254.

Недостаточное развитие литературы в США объяснялось некоторыми русскими критиками и скукой американской жизни (!): «В Америке все идет по заведенному порядку, — писал автор обзора, опубликованного в 1855 году «Библиотекой для чтения», — браки, заключаемые с юношеских лет, не отличаются никакими тревогами до последней старости; удачные или неудачные спекуляции производят и уничтожают богатства; деятельность, достойная уважения, увлекает всех граждан; политическое движение, отголоски которого раздаются в газетах и журналах, занимает умы; наконец, финансовое и промышленное благоденствие, которого не может не одобрять рассудок, но которое есть только первая основа цивилизации, приготовляет будущность этого нового мира. Нечего, стало быть, и удивляться, что американская поэзия носит на себе печать бледности, утомительной монотонности, что многочисленные произведения ее не оставляют в душе никакого сильного впечатления»¹²⁰.

Из этого ряда нападков на американскую действительность достаточно глубоко изучена в отечественной литературе лишь статья Пушкина¹²¹. Обратим внимание на один из выводов российского ученого А. Старцева о причинах подобных атак: «Вызывающие сомнения черты социального и духовного строя в заокеанской буржуазной республике стали предметом пристального внимания в широких кругах идеологов в странах Старого Света... Если ревнители «старого порядка» в Европе торжествовали по этому поводу, то передовые умы были глубоко озадачены». Можно согласиться с общим выводом исследователя о том, что Пушкин и другие критики Соединенных Штатов сумели уже тогда «увидеть не только положительные, но и негативные стороны складывающегося за океаном поряд-

¹²⁰ Т. Американская литература // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакцией О.И. Сенковского и А.В. Старчевского. 1855. Т. 130. С. 177.

¹²¹ См.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. 1815—1832 М., 1975. С. 560—566; Николокин А.Н. Пушкин и американская литература // Николокин А.Н. Литературные связи России и США. М., 1981; Старцев А. Пушкин о США в «Джоне Теннере» // Старцев А. Русско-американские этюды. М., 1995. С. 79—98; и др.

ка»¹²². Стоит отметить также, что отмеченное Белинским слабое развитие в США того периода искусства другие ученые связывали не только с демократией, но и, например, с влиянием протестантства.

Критические взгляды, однако, не доминировали в российской прессе, хотя и были достаточно живучими. Так, уже в 1859 г. в Москве вышел из печати литературный сборник «Утра», выражавший мнение «московской» группы русских писателей, тяготевших к славянофильству. Н. Добролюбов язвительно разобрал этот труд, в котором значительная часть предисловия и одна из статей были посвящены Соединенным Штатам («По поводу американской женщины» г. Колошина): «Альфа и омега «Утра» — ненависть к Америке и ео ipso (как выражаются сотрудники того же «Утра») — любовь к родине, то есть к Москве. Ничто, по их мнению, так не противоположно Америке, как Москва»¹²³. Авторы сборника скорбели по поводу «нелепых сторон американского мирозерцания относительно женщины»; «заключительные слова сборника те, что «рассказы об Америке не раз приводили нам на память меткое слово о Новом Свете одного известного *русского публициста*, двадцать лет назад тому сказанное: «Яровой пшеницы между государствами, видно, не бывает»¹²⁴. По сути дела, Америка авторами сборника критиковалась с почвеннической точки зрения.

Гораздо чаще на страницах русских журналов можно было встретить взвешенные оценки американской действительности. В условиях цензурного контроля в 1830 — начале 1850-х годов в прессу не попадали статьи, анализирующие общественное устройство США в отличном от присущего «Сыну отечества» тоне, однако зарисовки такого плана можно было встретить в текстах, посвященных техническому развитию Америки, ее природным ресурсам и другим дозволенным предметам.

В конце 1830-х годов начались командировки в Америку русских инженеров и моряков. Многие из них по возвращении,

¹²² Старцев А. Пушкин о США в «Джоне Теннере» // Старцев А. Русско-американские эподы. М., 1995. С. 97.

¹²³ Добролюбов Н.А. Утра. Литературный сборник. Москва, 1859 // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2.. Статьи и рецензии. 1859. М., 1987. С. 135.

¹²⁴ Там же. С. 134—135.

а некоторые (в 1850-х гг.) и находясь еще в Соединенных Штатах, по почте пересылали свои отчеты и впечатления в журналы. Именно в силу этих причин, «специальные» технические журналы оказались в этот период более важным источником сведений о далёкой республике, чем общественные и литературные, вынужденные довольствоваться переводами европейских травелогов. Так, в начале 1840-х годов технический «Журнал путей сообщения» на протяжении многих номеров печатал отчет инженера Мельникова о железных дорогах и пароходах в Америке, а с конца 1840-х годов «Морской сборник» публиковал заметки о США А. Горковенко, В. Давыдова, И. Шестакова и других морские офицеров. Заметки об Америке можно было найти также в «Артиллерийском журнале», «Горном журнале» и, позднее, «Военном сборнике». Статьи, публиковавшиеся в этих изданиях, обладали общими чертами, независимо от того, побывали ли авторы в США, — они, как правило, включали инженерные описания новшеств, внедряемых в производство и военную технику за океаном, часто сопровождалась подробными чертежами машин и механизмов, таблицами с указанием длины построенных в различных штатах железных дорог и другой позитивной информацией. К концу периода даже такое специфическое издание, как «Журнал министерства внутренних дел», предоставлял свои страницы для анализа статистики эмиграции из Европы в США¹²⁵.

Заметки об Америке можно было найти также в «Артиллерийском журнале», «Горном журнале», «Военном сборнике».

¹²⁵ См., например: Моисеев М. Чугунные дороги в Соединенных Штатах // Горный журнал, или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. 1836. Ч.1, кн. III. С. 614—615; Глиноецкий Н. Североамериканская военная академия // Военный сборник. 1859. Т. 6. № 3. Часть неофициальная. С. 295—296; Окерблом Х. Численность и состав сухопутных сил Соединенных Штатов в мирное время // Военный сборник. 1858. Т.1. № 2. Часть неофициальная. С. 596—600; Паровые машины в Северной Америке // Артиллерийский журнал. 1839. №3. Смесь. С. 118—120; Переселение в Северо-Американские штаты // Журнал министерства внутренних дел. 1857. Т. 26. №10 (октябрь). Отд. V. С. 55—56.

Ведущие литературные журналы России не могли, конечно, остаться в стороне от такой темы, как развитие Соединенных Штатов, и на протяжении 1840-х и 1850-х годов печатали статьи об Америке, основанные на европейских источниках и дошедших в Россию американских книгах.

Исследовавший отношение русской печати к США Я.А. Иванченко пришел к выводу, что «по некоторым вопросам, и в частности по вопросу экономического состояния США русские журналы и газеты в целом придерживались положительной оценки. Это связано с тем, что многие хозяйственные вопросы, вставшие в 20—30-е годы XIX в. перед Россией, в США были уже к этому времени либо решены, либо успешно решались». Более того, «пропаганда результатов начального этапа технического переворота в США, которая велась многими журналами среди широких кругов российского общества, способствовала наряду с другими факторами последующему промышленному развитию России и отразилась на некоторых мероприятиях российского правительства. Почти все без исключения издания были единодушны в положительной оценке развития русско-американских экономических и торговых связей и выступали за их дальнейшее расширение»¹²⁶.

В конце изучаемого периода Н.А. Добролюбов перечислил «стереотипные фразы» о США, имевшие хождение в русском обществе: «Американцы — народ очень практический; деньги для них — все». «Америка — страна купцов, страна материальных удобств жизни». «Америка имеет демократические учреждения и предоставляет в жизни полную свободу каждой личности, не исключая женщин». «В Америке есть важный жизненный вопрос — о невольничестве»¹²⁷. Как видим, из поля зрения исчезли уже и индейцы, и даже технический прогресс (разве что переведенный в форму «материальных удобств»).

¹²⁶ Иванченко Я.А. Промышленное развитие США в 20—30-е годы XIX в. в оценке русской печати // Американский ежегодник, 1982. М.: Наука, 1982. С. 230, 252.

¹²⁷ Добролюбов Н.А. [Рец.:] Путешествие по Североамериканским Штатам, Канаде и острову Кубе. Александра Лакиера. СПб., 1859. Два тома // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии. 1859. М., 1987. С. 181.

Для интеллигенции, разделенной в тот период на западников и славянофилов, Соединенные Штаты представляли лишь частный случай «Запада» в целом. Отличие США от Европы понималось как отличие формы, но не внутреннего содержания общественной жизни. В конце 1830-х тому, как и направление всей полемики, задал П.Я. Чаадаев, описавший современный ему мир такими словами: «Европа как бы охватила собою земной шар... Новый Свет, поднявшийся из океана, пересоздан ею... все остальные человеческие племена до такой степени подчинились ей, что существуют лишь как бы с ее соизволения»¹²⁸.

В середине 1840-х годов видный славянофил И.В. Киреевский так писал об этом: «Что же касается собственно до европейский начал, как они выразились в последних результатах, то, взятые отдельно от прежней жизни Европы и положенные в основание образованности нового народа, что произведут они, если не жалкую карикатуру просвещения, как поэма, возникшая из правил пиитики, была бы карикатурою поэзии? Опыт уже сделан. Казалось, какая блестящая судьба предстояла Соединенным Штатам Америки, построенным на таком разумном основании, после такого великого начала! И что же вышло? Развились одни внешние формы общества и, лишенные внутреннего источника жизни, под наружную механику задавили человека»¹²⁹.

Мы согласны с исследовавшим славянофильские взгляды на Америку В.В. Носковым, в том, что у Киреевского «сложилось в целом отрицательное отношение» к Соединенным Штатам

¹²⁸ Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо шестое // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. 2-е, доп. изд. М., 1989. С. 114.

¹²⁹ Киреевский И.В. Обзорение современного состояния литературы // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 184. Следует отметить, что в 1829 году тот же Киреевский был гораздо лучшего мнения о США, противопоставляя их Европе наравне с Россией: «Из всего просвещенного человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении: два народа, молодые, свежие, цветут надеждою: это Соединенные Американские Штаты и наше отечество» (Киреевский И.В. Обзорение русской словесности 1829 года // Там же. С. 78—79). См. подробнее о взглядах славянофилов на Соединенные Штаты: Носков В.В. «Нет, свобода не там»: славянофильский образ Америки // Американский ежегодник, 2003. М., 2005. С. 251—270.

там, однако не считаем, что его оценки совпадали «с преобладающими тогда в России настроениями»¹³⁰. Критика материалистических аспектов американской цивилизации в то время сочеталась с высокой оценкой технического развития США, практичности американцев и их дружеских отношений на международной сцене.

В 1848 году Киреевскому вторил другой лидер славянофилов А.С. Хомяков: «Общество восстает не против формы своей, а против всей сущности, против своих внутренних законов. Северная Америка находит так же мало поклонников, как и Порта Оттоманская или Испания Филиппа II. Отжили не формы, но начала духовные, не условия общества, но вера, в которой жили общества и люди, составляющие общество»¹³¹.

Русские революционеры начали обращать особое внимание на Америку начиная с середины века. После неудач европейских революций 1848—1849 гг. для радикалов, разочаровавшихся в перспективах демократии на старом континенте, единственной надеждой оставалась сама Россия — и Соединенные Штаты.

Для этих радикалов важным было не государственное устройство США, а организация американского общества и возможности экспериментов с основными общественными установлениями¹³².

Смена императора в России вызвала небывалый всплеск общественного возбуждения и надежд на лучшее среди либеральной интеллигенции. Именно в этот период на страницы российской печати выплеснулись дискуссии о путях России, заостренные сравнения русской действительности с европейским и заокеанским образцами.

¹³⁰ Носков В.В. Указ соч. С. 259.

¹³¹ Хомяков А.С. <По поводу Гумбольдта> // Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. М., 1988. С. 199.

¹³² См. подробнее: Necht D. Russian Radicals Look to America, 1825—1894. Cambridge, 1947.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В России либеральные журналы в те годы печатали «Хижину дяди Тома», на примере рабства негров доказывая необходимость отмены крепостного права¹³³.

На этой новой волне интереса к США в предреформенной России появилась и публикация, которую можно назвать первым опытом создания в России истории Соединенных Штатов первой половины XIX века. Работа принадлежала перу профессора Харьковского университета Дмитрия Ивановича Каченовского (1827—1872) и была опубликована в «Русском вестнике» в 1856 году.

Д.И. Каченовский, ученик и единомышленник Т.Н. Грановского, с 1849 года преподавал в Харькове международное и государственное право. Его лекции «по истории международных отношений и по истории государственных учреждений давали возможность охватить одним взглядом в его главных и существенных чертах прогрессивный ход развития общественно-политических форм», — писал в мемуарах ученик Каченовского М.М. Ковалевский¹³⁴. Неудивительно, что Соединенные Штаты как пример государства с совершенно новым общественным устройством привлекли внимание молодого преподавателя¹³⁵.

¹³³ Книга Г. Бичер-Стоу вызвала живой интерес в русском обществе. Американский врач Айзек Дрейпер записывал в дневник, который он вел в осажденном Севастополе: «В Яссах, в Одессе, и даже здесь в Севастополе я слышал разговоры о “Хижине дяди Тома”. Один из адъютантов генерала Остен-Сакена спрашивал нас сегодняшним вечером, правдива ли эта книга». 27 января 1855 г. Notes of Travel from the Diary of the Late Issac Draper, Jr., M.D. Surgeon in the Service of His Majesty the Emperor of Russia at the Siege of Sebastopol. By his brother Seth Draper // Library of Congress Manuscript Division. The Isaac Draper, Jr. Collection.

¹³⁴ Ковалевский М.М. Мое научное и литературное скитальчество // Русская мысль. 1895. Кн. 1. С. 64 (2-я пагинация).

¹³⁵ Отчет о своей первой поездке за границу Д.И. Каченовский завершил сожалением о том, что ему не удалось посетить США: «О значении С.-Американских Штатов считаю излишним распространяться:

Еще в начале 1850-х он опубликовал в «Московских ведомостях» заметку об умершем на посту американском президенте Захарии Тэйлоре. Ссылки на мнения американских политиков (Дж. Адамса и Д. Уэбстера) есть в докторской диссертации Д.И. Каченовского, посвященной каперству и торговле нейтралов¹³⁶. Главное же его сочинение, посвященное США, статья «Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера», было впервые опубликовано в 1856 году на страницах либерального в то время «Русского вестника»¹³⁷.

Содержание статьи выходит за рамки обычного биографического очерка. «Из государственных людей Северной Америки никто не пользовался в последнее время такою обширною репутацией, как Вебстер, — объяснял Каченовский выбор героя своего исследования. — Около тридцати лет занимал он самое видное место в истории Соединенных Штатов, без его участия союзное правительство не решило ни одного крупного вопроса»¹³⁸. Тщательное изучение сочинений и жизненного пути Д. Уэбстера (Каченовский использует распространенную в XIX веке транскрипцию Вебстер) превратилось под пером русского профессора в обстоятельный очерк истории США первой половины XIX века.

Источниками для написания этого очерка послужили Д.И. Каченовскому шесть томов сочинений Д. Уэбстера¹³⁹, материалы американской и английской периодической печати и мемуары друга Уэбстера, известного американского ученого и государственного деятеля Эдварда Эверетта¹⁴⁰.

они давно заняли высокое место в политической системе». См.: Отчет о путешествии по Западной Европе проф. Д. Каченовского в 1858—1859 годах. Харьков, 1860. С. 44.

¹³⁶ См.: Каченовский Д.И. О каперах и призовом судопроизводстве, в отношении к нейтральной торговле. М., 1855. С. 166.

¹³⁷ Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский вестник. 1856. Т. 3. Июнь. Кн. 1. С. 385—416; Т. 4. Июль. Кн. 2. С. 239—278.

¹³⁸ Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский вестник. 1856. Т. 3. Июнь. Кн. 1. С. 385.

¹³⁹ Works of Daniel Webster. 6 vols. Boston, 1852.

¹⁴⁰ Напечатаны в качестве приложения в 2-м томе Works... Спустя несколько лет Д.И. Каченовский отмечал, что в Англии, Франции,

В работе Каченовского помимо биографии Д. Уэбстера действительно содержится анализ американской политической истории 1807—1852 гг. Эмбарго 1807 г. и война 1812 г., движение в поддержку восстания греков против османского господства в начале 1820-х годов, направление делегатов на Панамский конгресс в 1827 г. и «отвратительный тариф» (tariff of abominations) 1828 г., характеристика Эндрю Джексона и его президентства, борьба против нуллификаторов (настаивавших на праве штатов объявлять недействующими на своей территории федеральные законы) и переговоры с Великобританией о северо-восточной границе (1842 г.), аннексия Техаса (1845 г.) и война с Мексикой (1846—1848 гг.), обострение проблемы рабства в результате присоединения новых территорий, образование партии фрисойлеров и раскол вигов, компромисс 1850 г. и отправка экспедиции Перри в Японию — эти и другие события впервые были систематически изложены на русском языке, что само по себе можно поставить в заслугу автору.

Важнейшее место в очерке занимают две темы: федеративное государственное устройство и дипломатия молодой республики.

Характеризуя государственный строй США, автор, по-видимому, опирается на «Демократию в Америке» А. Токвиля и другие западноевропейские описания. Д.И. Каченовский, в частности, объясняет в своей статье, что «Северо-Американская федерация состоит... из республик, совершенно независимых одна от другой в делах внутреннего управления», которые «связаны между собою только одною крепкою юридическою связью — союзным устройством, только одним законом — именно, союзным актом. В силу этого акта все высшие национальные интересы переданы федеральному правительству: оно заступает нацию пе-

Северо-Американских Штатах «друзья или семейство признают обязанностью при первой возможности издать мемуары, или, по крайней мере, официальную корреспонденцию всех лиц, занимавших видные места и должности. ...Указания, примеры и заметки современников о событиях, ими пережитых, не должны погибать, в них мы читаем уроки прошедшего» (Каченовский Д.И. О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России. Харьков, 1862. С. 106).

ред иностранными государствами, ведет войну, заключает мир и трактаты, распоряжается финансами, территориями и государственным имуществом, путями сообщения, словом — сосредоточивает в себе те верховные атрибуты власти, без которых Соединенные Штаты не могли бы составлять одного политического тела». Чтобы «предупредить раздор, неизбежный в подобных случаях... существует верховный суд соединенных штатов»¹⁴¹. Словами Уэбстера Д. Каченовский защищает принципы американского государственного устройства от неназываемых им приверженцев «ошибочных... ходячих понятий»: «Здесь, — говорят обыкновенно, — господствует необузданная демократия; напротив, из речи Уэбстера мы узнаем, что дело вовсе не так просто, как представляется поверхностному туристу, что американское устройство есть весьма сложная система преград и равновесий. ... По духу северо-американского устройства, не беспорядочная толпа служит источником власти, но правительство, учреждаемое народом, на основании закона, посредством избираемых представителей, а не по произволу»¹⁴².

Д.И. Каченовский не просто знакомил русского читателя с понятием федерации, но и вводил его в курс споров о сути американского государственного устройства, которые велись в США в 30—50-е годы XIX века. Он анализировал дебаты Уэбстера с Хейном¹⁴³, позиции сторонников Союза и нуллификаторов в споре о правах штатов (привлекая в качестве дополнительных источников речи Джона Кэлхуна в Сенате и его книгу¹⁴⁴).

Уэбстер в ставшем хрестоматийным «втором ответе» Хейну в ходе сенатских дебатов утверждал, обращал внимание русский профессор, что источником власти федерального правительства является народ, а не законодательные органы отдельных штатов. «Североамериканская нация начертала федеративное устройство; оно создано нацией, для нации, от ней одной зависит». Высоко

¹⁴¹ Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Уэбстера // Русский вестник. 1856. Т. 3. Июнь. Кн. 1. С. 395—396.

¹⁴² Там же. С. 398—399.

¹⁴³ Подробно о дебатах и их значении см.: Исаев С.А. Дебаты Уэбстера — Хейна // Американский ежегодник, 1990. М., 1991.

¹⁴⁴ См.: Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Уэбстера // Русский вестник. 1856. Т. 3. Июнь. Кн. 1. С. 411.

оценивая эту политическую доктрину Д.И. Каченовский еще не знал, что через несколько лет она будет использована президентом А. Линкольном в обоснование своих действий против сепаратистов. Читатель в России впервые познакомился и с формулой Д. Уэбстера, которая станет девизом Севера в надвигающейся Гражданской войне: «независимость и Союз, ныне и вечно, едино и нераздельно»¹⁴⁵.

Сравнивая позицию Уэбстера с аргументами Кэлхуна, Каченовский замечает: «Нетрудно понять, к чему направлена логика Калгоуна (Calhoun — Кэлхун в соврем. транскрипции): он силится доказать, что Соединенные Штаты не составляют одного политического тела (Bundestaat), но совокупность независимых государств (Staatenbund), где каждый член считается свободным, как например, в Германском союзе»¹⁴⁶.

Сам Каченовский в этом споре решительно занял сторону Уэбстера: именно тот «открыл своим согражданам истинный смысл федеративного устройства, показал существо союза и затронул самые живые струны американской национальности»¹⁴⁷.

Вторая часть очерка посвящена дипломатии Д. Уэбстера. Д.И. Каченовский проследил важнейшие его достижения во время двукратного (1841—1843 и 1850—1852 гг.) пребывания на посту государственного секретаря. Особое внимание автор уделил истории заключения договора Уэбстера — Ашбертона (1842 г.) между США и Великобританией. Для юриста, занимавшегося проблемами международного права, этот договор был лучшим примером мирного разрешения самых острых конфликтов. Только что закончившаяся Крымская война навсегда сделала Каченовского противником силового решения споров между государствами. Один из коллег вспоминал его кредо: «Кровавый призрак бесчисленных людей, погибших за Севастополь, да побудит нас обратить внимание на международные дела»¹⁴⁸.

Мирное разрешение англо-американских противоречий стало возможным, по Каченовскому, не в последнюю очередь в

¹⁴⁵ Там же. С. 403—409.

¹⁴⁶ Там же. С. 413.

¹⁴⁷ Там же. С. 409.

¹⁴⁸ Ястржембский В.Я. Д.И. Каченовский как ученый и преподаватель // Памяти Дмитрия Ивановича Каченовского. Харьков, 1905. С. 13.

результате «добросовестности дипломатических агентов». Переписка Уэбстера и Ашбертона «отличается... качествами, к сожалению, довольно редкими даже в современной дипломатии. Мы видим здесь полное доверие уполномоченных друг к другу; они высказывают свои убеждения и взгляды честно, без уловок, без задней мысли и стараются не скрыть, а примирить истинные интересы и политические виды своих правительств»¹⁴⁹.

Вывод Каченовского выглядит излишне оптимистичным, он скорее выдавал желаемое за действительное, когда писал: «Теперь самые могущественные государства подчиняются общественному мнению, человечество призывает на суд каждую нацию и требует у ней строго отчета за пролитые крови. Поэтому международные вопросы должны быть решаемы путем уступок и соглашений; к войне можно прибегать только тогда, когда затронута независимость и святыя права, и не иначе, как в тех случаях, когда дипломатия истощила все средства, находящиеся в ее руках»¹⁵⁰. Д.И. Каченовскому хотелось надеяться, что уроки Крымской войны не пройдут для России даром.

Важной целью Д.И. Каченовского в его очерке о Д. Уэбстере было высказать свои взгляды на вопросы, волновавшие русское общество. Но ряд его оценок и выводов по собственно американской истории оказался на уровне лучших исследований своего времени.

Так, он в целом негативно оценивал деятельность президента Э. Джексона. В большой степени причиной этого был взгляд на генерала-президента «глазами Уэбстера», его последовательного оппонента. Но Каченовский уловил в «джексоновской демократии» проблему, которая встанет во весь рост лишь в XX веке: «Избранный огромным большинством, он считал себя органом народной воли и решал политические вопросы с резкостью и быстротой солдата. Темные идеи об исполнительной влас-

¹⁴⁹ Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский вестник. 1856. Т. 4. Июль. Кн. 2. С. 244.

¹⁵⁰ Там же. С. 275. Над этой верой Каченовского в международное право позже подшучивал А.И. Герцен: «Поезжайте мирить итальянцев с австрийцами... увидите тогда, много ли вы добьетесь с вашим международным правом». Цит. по: Ковалевский М.М. Моя жизнь // История и историки. 1973. С. 279.

ти тотчас же были пущены в ход; она должна быть свободна и расширить круг деятельности»¹⁵¹. Связав усиление исполнительной власти при Джеконе не с королевскими притязаниями, а с опорой на «народную волю», Каченовский предвосхитил идеи политической науки следующего века.

В оценке же своего героя — Д. Уэбстера — Каченовский был объективнее американских современников. Он верно указал причины этого: «Личность Вебстера еще не совсем выяснилась и изображается в противоположных чертах представителями различных партий. Борьба, среди которой он умер, не только до сих пор не прекратилась, но приняла более широкие размеры. Все его биографы — друзья или враги, беспристрастной оценки ему не сделано»¹⁵².

Безусловно сочувствуя делу освобождения негров, Каченовский не мог все же согласиться с нападками аболиционистов на Уэбстера за его поддержку компромисса с Югом. «Не слишком ли много требуют от Вебстера американские публицисты? Так ли они поняли его характер и направление? Мог ли подобный ему человек решить трудную задачу о невольничестве? Наконец можно ли было решить это дело без изменения федеративного устройства?»¹⁵³

Каченовский ближе к группе сторонников Уэбстера: он откасался поверить обвинениям его в получении денег от купцов и промышленников Северо-Востока США (что было правдой), хотя и не обошел стороной острые вопросы о чрезмерно резком (с точки зрения русского профессора) поведении госсекретаря на международной арене в последний год его жизни. Главным выводом Каченовского в отношении политических взглядов Уэбстера было отнесение его к консервативному лагерю: «Он... держался строго охранительного направления»¹⁵⁴.

¹⁵¹ Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский вестник. 1856. Т. 3. Июнь. Кн. 1. С. 409.

¹⁵² Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский вестник. 1856. Т. 4. Июль. Кн. 2. С. 268.

¹⁵³ Там же. С. 274.

¹⁵⁴ Там же. С. 272. Спустя столетие к такому же выводу пришел известный американский историк Ричард Каррент в своей биографии Уэбстера. См.: Current R. Daniel Webster and the Rise of National Conservatism. Boston; Toronto, 1955.

Наконец, юрист и общественный деятель Д.И. Каченовский вполне понимал основное содержание политических битв в Соединенных Штатах и их значение для всего мира. «Эта борьба тем более волнует человечество, — писал он в предисловии к бельгийскому изданию очерка об Уэбстере, — что она главным образом вращается вокруг вопроса о рабстве, от решения которого зависит дальнейший путь Америки»¹⁵⁵. Излишне говорить, что Каченовский понимал: с той же остротой перед Россией в это время стоял крестьянский вопрос¹⁵⁶.

Со второй половины 1850-х годов Д.И. Каченовский часто выезжал за границу, где познакомился с известнейшими учеными Европы, в том числе с историком Л. Ранке, а также с А.И. Герценом. Он приобрел прочную репутацию в кругах европейских юристов-международников, занимал видные посты в европейских юридических обществах и внес значительный вклад в создание в Лондоне Института международного права. Ряд работ Каченовского (в частности, его докторская диссертация) был переведен на европейские языки. Первой же публикацией российского ученого за рубежом был изданный в Бельгии отдельной книгой очерк о Дэниеле Уэбстере¹⁵⁷. Благодаря французскому переводу эта книга оказалась включена в круг исследований американской истории, ведшихся на Западе¹⁵⁸.

И в последующих работах Каченовский приводил Соединенные Штаты в качестве примера торжества федеративных начал¹⁵⁹. Но специально к американской тематике с 1860-х годов

¹⁵⁵ Katchenovskiy D. Daniel Webster: Etude biographique. Bruxelles; Ostende, 1858. P. IV.

¹⁵⁶ См. об антикрепостнических выступлениях Каченовского в гл. 6.

¹⁵⁷ Katchenovskiy D. Daniel Webster: Etude biographique. Bruxelles; Ostende, 1858. Для этого издания очерк был несколько расширен, ему было предпослано авторское введение.

¹⁵⁸ См., например: Fuess C.M. Daniel Webster. Boston, 1930. Vol. 2. P. 424. Европейские рецензенты высоко оценили научный и публицистический уровень исследования Каченовского об Уэбстере: «книга проф. Каченовского из тех, которые должны быть читаны каждым бельгийцем» (Цит. по: Воспоминания о Каченовском. Харьков, 1894. С. 36).

¹⁵⁹ См., в частности: Каченовский Д.И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 92—93; Он же. О современном состоянии политических наук... С. 94, 99.

он больше не обращался. С одной стороны, дело, видимо, в том, что профессор целиком сосредоточился на преподавательской деятельности и «в последние 10 лет перед смертью Каченовский стал реже появляться в печати»¹⁶⁰, но нельзя недооценивать и разочарования Каченовского ходом событий в США, где противоречия не удалось разрешить юридическими, правовыми способами, и разразилась гражданская война.

Таким образом, русские в XIX веке весьма интересовались Соединенными Штатами. Декабристы копировали американскую конституцию, тогда как правительственные чиновники второй трети девятнадцатого века видели в Америке источник новых технологий. Николаевская эпоха была полна восхищением Петром I, техническим прорывом, совершенным Россией в начале восемнадцатого столетия. Николай I и ближайшие к нему чиновники рассматривали свою задачу как аналогичную тому, что сделал Петр I. Именно в этом контексте они смотрели на Соединенные Штаты. Как Голландия для Петра, так и США для Николая не представлялись угрозой устоям российской государственности в силу различного общественного устройства, зато они были источником новейших технологий, таких как пароходы и железные дороги, с помощью которых российская правящая бюрократия пыталась стимулировать новый рывок страны¹⁶¹.

Анализ содержания статей в периодических изданиях, текстов школьных учебников и мемуаров путешественников приводит к констатации серьезной эволюции, которую претерпел образ Соединенных Штатов Америки в России за 30 лет — в 1830—1850-е гг.

Вплоть до конца 1830-х гг. в рассуждениях об Америке на первом плане были рассказы о войне за независимость и об индейцах, живущих на этом наполовину диком континенте (не в последнюю очередь навеянные популярным в России Фенимоном Купером). С начала 1840-х годов более важным в восприятии

¹⁶⁰ Де-Пуле М. Харьковский университет и Д.И. Каченовский // Вестник Европы. 1874. № 2. С. 569.

¹⁶¹ Показательно, что такое отношение к США сохранилось долго и возродилось на новом этапе в связи с попытками советского правительства совершить очередной рывок в экономическом развитии в 1920—1930-е годы.

оказалось быстрое техническое развитие страны, которую бывший комендант крепости Росс А. Ротчев в начале 1850-х метко назвал «рассадником промышленности»¹⁶². А с середины 1850-х главной темой стало рабовладение в Америке, когда очевидным образом совпали основные «повестки дня» российского и американского обществ.

Американцы и русские осознавали общность таких проблем как территориальная экспансия, рабство и крепостное право, наконец, видели нечто объединяющее их народы в отношении к Европе. При этом черты, указывающие на различие в этих комплексах проблем, не воспринимались; описание иностранного института, как правило, давалось с помощью отечественных аналогий. Иногда это были глубокие сравнения, но зачастую в обычной политической риторике в обеих странах (с поправкой на цензурные ограничения в России) использовались примеры из общественного устройства партнера. Радикалы находили в другой стране доводы против собственных социальных язв, а консерваторы — доказательства жизнеспособности своих установлений, одни видели в судьбах России и Америки много общего (в противоположность Европе), а другие рассматривали их как два полюса, но интерес друг к другу создавал в каждой из стран образ Другого, помогавший лучше понять себя, или, как сейчас принято писать, сконструировать собственную идентичность. Иногда это препятствовало правильному пониманию проблемы, поскольку положение, скажем, русского крепостного было совсем не идентично положению раба на Юге США, а Мексика и Куба вовсе не были аналогами Турции и черноморских проливов.

С другой стороны, целый ряд общественных институтов другой страны играл в общественном мнении роль мерки, сравнение с которой позволяло определить свое как исключительное. В этом случае, также, реальное положение дел имело меньшее значение, чем сформированный в обществе стереотип. Весьма показательным отношением в США и России к свободе печати. Представление о ней как об одном из символов американской демок-

¹⁶² Ротчев А.Г. Воспоминания русского туриста. Из путешествий А.Г. Ротчева // Пантеон. Журнал литературно-художественный, издаваемый Федором Кони. 1853. Т. 12, кн. 12. Декабрь. Смесь. С. 65.

ратии вело в спорах с русскими к взаимному непониманию: американцы защищали абстрактный принцип свободы прессы от критики русскими конкретных случаев очевидной зависимости органов периодической печати в США.

Для демократических США Российская империя представлялась образцом государственного устройства, противоположного республике, своего рода «конституирующим Иным» для американской демократической идентичности. Однако такое отношение вовсе не было симметричным: российская элита и сам Николай I не считали США прямой противоположностью России, рассматривая стабильную республику как лучший вариант, чем ограниченная монархия или другой вид конституционного «компромисса».

В конце изученного периода в форме исследования истории государственного права появилась и первая научная работа о Союзных Штатах Америки, отражавшая новый этап в развитии представлений русских об Америке. В США же такой этап еще не настал.

Дистанция дружбы (вместо заключения)

На протяжении второй трети XIX века Российская империя и Соединенные Штаты нашли друг в друге союзников в достижении своих основных государственных целей. Две страны не рассматривали друг друга как поле приложения своей политики, однако каждая из них считала другую весьма важным средством для осуществления своих задач.

Для России в тот период такой основной задачей была модернизация империи, связанная с внедрением новой техники и технологий. В наибольшей степени это направление развития было воплощено в строительстве первых железных дорог, однако отнюдь не исчерпывалось этим масштабным проектом. Америка предоставляла услуги экспертов и инженеров, помогавших России добиться результатов без опоры на главного внешнеполитического конкурента — Великобританию.

Для Соединенных Штатов, в течение 1840-х гг. ставших континентальной державой, впервые развернувшей активную внешнюю политику по всему миру, главной проблемой стало повышение собственного международного статуса и закрепление позиций в новых регионах земного шара. Россия оказалась великой державой, интересы которой в наименьшей степени вступали в конфликт с интересами США, зачастую эти интересы совпадали. В ряде случаев Россия оказывала содействие Соединенным Штатам на международной арене. Такое содействие было оказано в Персии и Японии; важным шагом было согласие с американским подходом к правам нейтралов (конвенция 1854 г.), и, наконец, даже уступка Аляски может быть понята именно в таком контексте. В результате перегруппировки сил в Европе и кризиса системы международных отношений, начавшегося в 1848 г. Россия утратила часть своих позиций на мировой сцене, а Соединенные Штаты, напротив, приобрели дополнительный вес. Россия, для которой усиление США, в отличие от укрепления европейских конкурентов, ничем не

угрожало, с готовностью поддерживала молодого союзника в его амбициозных планах.

Именно открытие друг в друге потенциала для осуществления собственных интересов положило начало периоду дружбы между правительствами двух стран, насколько это понятие применимо к области межгосударственных отношений. Дистанция между заключением торгового договора и началом Гражданской войны в США и эпохи Великих реформ в России была дистанцией дружбы. И символом этой дружбы остается и сегодня железнодорожная дистанция между двумя русскими столицами.

В ходе такого взаимодействия русским и американцам впервые предоставилась возможность сравнения не только политических систем, но и более глубоких социально-экономических структур двух стран. Оказалось, что российское общество не создавало предпосылок для поощрения собственных инноваций, создания экспериментальных партий новых изобретений. В условиях модернизации «сверху» каждый раз оказывалось более выгодным заимствовать апробированные технические решения за рубежом, в частности, в США. Государство не могло позволить себе избыточный риск серийной апробации всех отечественных изобретений, а других сил, заинтересованных в их внедрении, в России не было. Тут на помощь и приходила американская изобретательность.

Отношение общественного мнения двух стран друг к другу было более сложным, чем взаимная конфигурация государственных интересов. Долгое время русское и американское общества видели друг в друге либо антагониста с точки зрения политического устройства, либо кривое зеркало собственных проблем.

Существует точка зрения, будто американское общественное мнение в целом отрицательно относилось к России. В самом деле, часть американцев была настороженно настроена по отношению к империи. Весьма распространены были и негативные клише о России, как стране деспотизма и невежества, прежде всего исходившие из английских и французских газет. Однако, в сравнении с европейским общественным мнением, американцы были гораздо лучше расположены к далекой империи. За исключением коротких периодов охлаждения (каждый раз связанного с интервенцией российской армии против восставшего европейского народа — поляков в 1830 г. и венгров в 1849 г.), негатив-

ные эмоции и оценки никогда не доминировали в обществе и тем более не оказывали никакого влияния на политику. А в критические моменты истории каждое общество находило себе союзника за океаном — во время Крымской войны американское общественное мнение недвусмысленно встало на сторону России, а позже, в годы Гражданской войны в США, именно Россия поддержала американский Союз.

Образ России за три изученных десятилетия претерпел изменения в лучшую сторону. Американцы высоко оценили модернизационные шаги правительства Николая I, которого некоторые сравнивали с Петром I, а с воцарением Александра II появились надежды на избавление России от худших общественных язв. Те американцы, кто давал себе труд глубже изучить страну — путешествуя за океан или по книгам, — высоко ценили образование высших классов и науку Российской империи. Экспансия России на Восток воспринималась общественным мнением США с пониманием, как цивилизаторский процесс, в отличие от движений империи в Европе.

Однако ни для кого в Соединенных Штатах Россия не служила образцом.

В российском обществе, в отличие от американского, были влиятельные группы, рассматривавшие США в качестве модели. Реформаторы любого толка обращались к американскому образцу.

Надо отметить, что среди американцев уже в изучаемый период встречались противоположные оценки России и русских. В зависимости от важности, придававшейся конкретным человеком идеологии и различию в политических системах, от степени переноса выводов о противоположности государственного устройства на отношение к чужому обществу, культуре, на перспективы сотрудничества с Россией, предпринимались практические действия в сторону сближения или, напротив, обострения отношений с Российской империей. Наше исследование показывает, что собственные политические различия (демократы — виги, республиканцы) практически не влияли на отношение к России. Среди демократов, занимавших пост посланника США в Санкт-Петербурге, встречались «руссофоб» Джон Рэндолф из Роанока и «руссофил» Джеймс Бьюкенен, среди посланников-вигов были невзлюбивший Россию Нейл Браун и завязавший обширные контакты и позднее пропагандировавший русские ус-

пехи Чарльз Тодд. Не вполне доказано и распространенное суждение о большей симпатии, которую якобы испытывали к Российской империи южане-рабовладельцы. Среди факторов, определявших американские оценки России, важнейшее место занимала ее внешняя политика и отношение ее к революционным движениям в Европе, включая Польшу. Представления о государственном устройстве Российской империи были гораздо более поверхностными, как и знания о русской культуре и системе образования.

С другой стороны, отношение русских к США разнилось по многим основаниям. Во-первых, высшая бюрократия часто видела в Соединенных Штатах пример технически развитого эффективного общества, у которого есть чему поучиться. В то же время часть сановников опасалась влияния демократического примера США на самодержавную Россию.

Во-вторых, либеральная и радикальная части российского общества относились к Соединенным Штатам именно как к модели общественного развития, которая требует изучения если не повторения. Однако среди этой части российских интеллектуалов сильно развито было критическое отношение к американскому обществу, допускавшему в тот период существование рабовладения. В целом уровень знаний о Соединенных Штатах среди образованной части русского общества был выше, чем уровень знаний о России в тогдашних США.

Российский образ Америки также претерпел заметную эволюцию. От представлений о преимущественно торговой и сельскохозяйственной стране с республиканским государственным устройством в 1830-е годы русские перешли к оценке США как главного мирового «рассадника промышленности» в 1840-е, а в 1850-е все больше сосредоточивались на главном зле американской жизни — рабстве негров.

Американцы в тот период придерживались представлений о собственной исключительности или же считали свою страну образцом общественного устройства. Поэтому их интерес к России и ее государственному устройству не был глубоким. Российская же интеллигенция и бюрократия, напротив, искала на Западе образцы, к которым надо стремиться или которых надо избегать. Именно поэтому записки русских (как, впрочем, и других европейцев) об Америке носили более глубокий характер.

Если для революционеров и либералов в примере Соединенных Штатов наиболее привлекательным было государственное устройство, то для высшей бюрократии Америка служила источником и моделью эффективных технологий.

Критика Соединенных Штатов в России носила прежде всего философский характер, опиравшийся на консервативное почвенническое течение общественной мысли. В США преобладала критика государственного устройства России более практического плана. В более или менее отдаленном будущем путем реформирования государственной системы и (или) образования народа Россия могла достигнуть американского идеала, хотя предстоявший ей путь был гораздо длиннее пути европейцев. Описание же Америки как страны без почвы, страны «недоносков Европы» констатировало разницу, которую невозможно было преодолеть.

Лишь критика рабства либералами была одного порядка с критикой крепостного права американцами. Обе группы прежде всего были сосредоточены на собственных проблемах, используя пример другой страны как повод для критики установлений у себя дома.

В целом, к середине XIX века правительство и бюрократические круги Российской империи лучше оценивали США, чем российские радикалы. Последние видели в Америке страну рабства и социальной несправедливости, тогда как чиновники обращали внимание на технологии и быстрый экономический и территориальный рост. В этом смысле радикалы были носителями универсалистских либеральных ценностей, а государственные деятели — более консервативными сторонниками сосуществования различных идеологий и государственных моделей. Подобное разделение существовало и в США.

Наше исследование также показало, что в условиях сочетания свободы прессы и нараставшего общественного конфликта американское общество выработало систему самоограничений, своего рода добровольной самоцензуры, которая отсекала радикальные точки зрения (к которым, в частности, относилась в тот период пропаганда аболиционистов) от круга обсуждаемых проблем. В результате, сторонники отмены рабства вынуждены были зачастую прибегать к тем же приемам «эзопова языка», которые применялись их русскими современниками в условиях государственной цензуры.

К концу 1860-х годов и Россия, и США покончили с главными общественными институтами, которые отличали эти страны от европейских стран, парадоксальным образом сближая царскую империю и демократическую республику — крепостным правом и рабством. В обеих странах были выбиты серьезные экономические и политические опоры из-под сторонников теорий «особого пути», противопоставлявших Россию и Америку европейской цивилизации.

Признав некоторые универсалии, два общества изменили свои системы оценок. Взгляд друг на друга теперь стал более критичным. Значительная эмиграция в США евреев, недовольных внутренней политикой империи, публикация книг Джорджа Кеннана о сибирской ссылке охладил отношения. К тому же обе страны сосредоточились на внутренних реформах, сделав внешнюю политику гораздо более пассивной, чем она была на протяжении предшествовавшей четверти века.

Сегодня, когда роли двух стран на мировой арене изменились, а в некоторых аспектах поменялись местами (США сегодня мировая держава, на союз с которой рассчитывает российское руководство в случае несогласия с европейскими соседями), некоторые уроки XIX века могут оказаться полезными. Асимметричное сотрудничество сегодня, как и тогда, может заложить основы прочного союза. Сегодня, как и полтора столетия назад, серьезным ресурсом России остается ее влияние в важных для США регионах исламского Востока. США, как и в XIX веке, остаются для России источником модернизирующего импульса и технологий. На новом витке исторического развития американская предприимчивость оказывается моделью, на которую ориентируется новый средний класс нашей страны. Осознание того факта, что спустя полтора столетия Россия снова стоит перед вызовом модернизации, заставляет задуматься над адекватностью традиционного русского ответа. Наша работа подталкивает к предположению, что структурные проблемы содержатся в самой «модернизации сверху». Но это тема для отдельного (междисциплинарного) исследования.

SUMMARY

PARTNERS ACROSS THE OCEAN: THE UNITED STATES AND RUSSIA, 1830s – 1850s

The book examines relations between the Russian Empire and the American Republic at the time when they were marked—counterintuitively — by a virtual alliance. The author offers a comprehensive survey of the sources of this friendship between the two states whose domestic political systems were evolving as diametrical opposites. Drawing from his extensive research in the numerous Russian and US archives he traces the diplomatic, technical, and personal exchanges between the two countries.

The book is divided into three parts. Part I is devoted to Russian-American relations at the interstate level. In two chapters the diplomacy of 1832–1860 is analyzed, with the watershed marked by European revolutions of 1848–1849. The Russian Empire during that time proved to be the best ally of the United States in its search for a better position in the world system. Being the only great power that supported America's global ambitions as early as the 1840s, Russia helped the United States establish new diplomatic ties and improve its standing in East Asia. Most importantly, the author documents how Russia assisted the United States with modifying the international system itself in pursuit of its national interests. The third chapter is the account of Russian-American co-operation in technology development. The Russian government from the 1830s through 1850s built its best steamships in the USA, invited American engineers to construct its first long railway between Moscow and St. Petersburg, and reformed its water transport and weapons production after the American model. Much of this material is newly found by the author. This research also exemplified Russia's modernization from above, when the introduction of a proven technological solution borrowed from abroad each time turned out to be more attractive than the development of local inventions.

Part II of the book is the analysis of the first-hand accounts of those rare Americans and Russians that happened to visit the other's country. Two chapters in this part are devoted, respectively, to Americans in Russia and Russians in America. The diplomatic representatives of the United States in Russia played a vital role in shaping the image of Russia among the American public, while Russian engineers who visited the United States considered it their task to bring back as many good models as it was possible to apply in their homeland.

In Part III the author deals with the evolution of stereotypes of Russia in the United States and of the United States in Russia. There were several themes discussed in both societies that helped Russians and Americans understand their common problems: serfdom and slavery, territorial expansion, even the apparent exclusion of both from Europe. At the same time, there were several features of national development that made the two societies different: democracy versus autocracy and freedom of the press versus censorship. Chapter 6 is devoted to the common features in the two countries while chapter 7 — to contrasting elements of the two countries' images. Russia and the United States represented mirror images of each other's fears and hopes, the latter sometimes becoming significant both politically and in terms of shaping each other's national identities. However, the conclusions derived from the juxtaposition and comparison of the two countries were not always obvious.

Thus, for instance, the absence of censorship in the United States in the situation of growing public tensions led to the establishment of some kind of "self-censorship". General public tended to refrain from discussing "hot" issues (such as abolitionists' propaganda) in order to keep tensions low. That is why some Americans learned to use Russian-style "Aesopian language" to have the public connect with their arguments.

Finally, the author argues that the study of relations between Russia and the United States from around 1830 to 1860 is much more important for the development of both countries than it is usually recognized. However, the hard reality of modernization challenges that Russia faces at the beginning of the 21st century hints that the traditional Russian response was flawed in important respects. Hopefully, the study of previous attempts will warn us from repetition of the same mistakes.

Источники и литература

Источники

Архивные источники

Архив внешней политики Российской империи
Москва

Ф. 133. Канцелярия министра иностранных дел.
Ф. 170. Посольство в Вашингтоне.

Российский государственный военно-исторический архив
Москва

Ф. 38. Департамент Генерального штаба.
Ф. 503. Артиллерийский департамент.

Российский государственный исторический архив
Санкт-Петербург

Ф. 18. Министерство Финансов, Департамент мануфактур и внутренней торговли

Ф. 560. Общая канцелярия Министерства Финансов
Ф. 772. Цензурный комитет
Ф. 1018 И. Ф. Паскевич
Ф. 1341. I департамент Сената

Российский государственный архив военно-морского флота
Санкт-Петербург

Ф. 26. И. А. Шестаков.
Ф. 163. Пароходный комитет.
Ф. 283. Инспекторский департамент Морского министерства.
Ф. 1191. Казакевич.

Ф. 1226. Оп. 1. Комитет учрежденный для рассмотрения выгод постоянных коммерческих сношений между полуостровом Камчаткой и Северо-Американскими Штатами.

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
Санкт-Петербург

Ф. 2. Канцелярия Конференции АН (1804—1922).
Ф. 85. Гамель И. Х.

Редкий фонд Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения

Санкт-Петербург

[Крафт Н. О.] Водные и сухопутные пути Пенсильвании. 1839 и 1840 г. Составлено полковником Крафтом. Рукопись. 253 с.

[Крафт Н. О.] Краткое описание железных дорог и каналов в Соединенных Штатах Северной Америки в 1839 и 1840 годах. Составлено полковником Крафтом. Рукопись. 306 с.

[Крафт Н. О.] Описание путей сообщений Соединенных Штатов Северной Америки в 1839 и 1840 годах. Составлено полковником Крафтом. Рукопись. 196 с.

[Мельников П. П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-Американских Штатов. Корпуса Инженеров путей сообщения Подполковника Мельникова. Рукопись. В 4 ч.

Ч. 1—3. 664 с., прил.

Ч. 4. Отд. 5. Численные данные относительно железных дорог и применение их к дороге между Петербургом и Москвою. 308 с.

Национальный архив США

Вашингтон

National Archives and Record Service (NARS)
Washington, D.C.

Record Group (RG) 59, General Records of the Department of State. Diplomatic Instructions of the Department of State (DI). Russia, Microcopy (M) 77. Roll (R) 136. Vol. 14. Jan. 2, 1833 — Dec. 27, 1864.

DI. Great Britain (1829—1906). R. 73—. M. 99.

DI. France (1829—1906). Vol. 15. R. 54—.

DI. Special Missions (1823—1906). Vol. 1. R. 152—153.

Despatches from United States Ministers to Russia, 1808—1906 (DD, Russia), M. 35. R. 13—19. October 13, 1834 — May 6, 1863.

Despatches from United States Ministers to France. M. 34. R. 34.

Notes from the Russian Legation in the United States to the Department of State, 1809—1906, M. 39. R. 2—3. Vols. 2—5. Apr. 12, 1826 — Dec. 31, 1864. M. 77.

Notes to foreign legations in the United States from the Department of State, 1834—1906. M. 99. Russia. R. 82.

Consular Despatches.

Despatches from US Consuls in Odessa, Russia, 1831—1906. M. 459.

Despatches from US Consuls in St. Petersburg, Russia, 1803—1906. M. 81.

Отдел рукописей Библиотеки конгресса США

Вашингтон

Library of Congress Manuscript Division.
Washington, D.C.

Andrew Jackson Donelson Papers.

James Knox Polk Papers.
 John M. Clayton Papers.
 William Learned Marcy Papers.
 The Papers of Adam G. De Gurowski.
 The Papers of the Stevenson Family.
 Dr. Charles Ross Parke: Diary, 1855—66.
 The Issac Draper, Jr. Collection.
 Pennel — Whistler Collection.

Историческое общество Пенсильвании Филадельфия
Historical Society of Pennsylvania
Philadelphia

James Buchanan Papers.

Коннектикутское историческое общество
Хартфорд
Connecticut Historical Society
Hartford

Henry Barnard Papers.
 Papers of Samuel Colt.
 Thomas H. Seymour Papers.

Массачусетское историческое общество
Бостон
Massachusetts Historical Society
Boston

Andrew C. Wheelwright Diary, 1847—1852.
 Chauncey Fitch Letters, 1839—43.
 Gray and Morse Records, 1835—1861.
 Osgood Carney Journal and Letterbook, 1831—34.
 Horatio Robinson Storer Papers, 1829—1943.

Национальный архив Канады
Оттава
National Archives of Canada
Ottawa, Canada

Papers of Lord Elgin. Microfilmed for the Public Archives of Canada
 by the National Library of Scotland, Edinburgh. Rolls A—396, A—397.

Библиотека Раунера, Дартмутский колледж
Хановер, Нью-Гэмпшир
Rauner Library, Dartmouth College
Hanover, N.H.

Papers of Daniel Webster.
 Papers of Daniel Webster. Microfilm Edition / Ed. Ch. Wiltse. New
 Hampshire, 1970.
 George Ticknor papers. Lindenau, B.A., von. Letters to Ticknor.

Периодическая печать

Литературная газета.
 Московские ведомости.
 Санкт-Петербургские ведомости.
 Globe (1830—1841)
 Madisonian (1837—1845).
 National Intelligencer (1841—1855).
 New York Tribune (1848—1854)
 Nile's National Register (1830—1848).
 Times (1841—1855).
 Union (1845—1859).

Артиллерийский журнал

Паровые машины в Северной Америке // Артиллерийский жур-
 нал. 1839. № 3. Смес. С. 118—120.

Перечень занятий в заседаниях Артиллерийского отделения во-
 енно-учетного комитета. За июнь 1857 года // Артиллерийский жур-
 нал, издаваемый Артиллерийским отделением военно-учетного ко-
 митета. 1857. № 4. Июль и август. Отд. Официальный. С. 135—162.

Перечень занятий комитета об улучшении штуцеров и ружей
 (За март и апрель) // Артиллерийский журнал, издаваемый Артилле-
 рийским отделением военно-учетного комитета. 1857. № 2. Март и ап-
 рель. Отд. Официальный. С. 179—184.

Библиотека для чтения

Красные американские люди // Библиотека для чтения. 1840. Т. 41.
 Разд. III. Науки и искусства. С. 45—74.

Ланге Н. Америка // Библиотека для чтения, журнал словес-
 ности, наук, искусств, промышленности, новостей и мод, изда-
 ющийся под редакцией О.И. Сенковского и А.В. Старчевского. 1855.
 Т. 130. С. 143—163.

Мамышев В. Американские владения России // Библиотека
 для чтения, журнал словесности, наук, искусств, промышленно-
 сти, новостей и мод, издающийся под редакцией О.И. Сенковского
 и А.В. Старчевского. 1855. Т. 130. С. 205—292.

Монданы, кравы, и черные-ноги, благороднейшие племена
 диких Американцев // Библиотека для чтения. 1842. Т. 52. № 5. Смес.
 С. 31—38.

Состояние невольников у либеральных народов // Библиотека
 для чтения. 1838. Т. 27. Март. Разд. VII. Смес. С. 96—104.

Сравнительное воспитание женщин в Северной Америке, Анг-
 лии и Италии // Библиотека для чтения. 1842. Т. 51. Смес. С. 90—96.

Т. Американская литература // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакцией О.И. Сенковского и А.В. Старчевского. 1855. Т. 130. С. 164—204.

Вестник промышленности

Гуровский А. Обзорение промышленности в Америке // Вестник промышленности. 1858. Т. 2. № 6. Декабрь. Разд. 1 (Обозрение промышленности и торговли). С. 263—279.

Гуровский А. Письма из Северной Америки // Вестник промышленности. 1858. Разд. VI (Смесь). № 1. Июль. С. 1—44; № 2. Август. С. 83—95; Т. 2. № 4. Октябрь. С. 1—18; № 5. Ноябрь. С. 53—70; 1860. Т. 7. № 1. Январь. С. 12—30; № 2. Февраль. С. 55—75; № 3. Март. С. 131—146; № 4. Т. 8. Апрель. С. 1—17; № 5. Май. С. 109—124; № 6. Июнь. С. 125—140.

Гуровский А. Промышленность и торговля в Соединенных Штатах // Вестник промышленности. 1858. № 1. Июль. Разд. 1 (Обозрение промышленности и торговли). С. 20—40.

Небольсин П. Краткий очерк развития торгового судоходства в России // Вестник промышленности. 1858. № 1. Июль. Разд. II. С. 42—87.

Военный сборник

Глиноецкий Н. Североамериканская военная академия // Военный сборник. 1859. Т. 6. № 3. Ч. Неофициальная. С. 295—296.

Окерблом Х. Числительность и состав сухопутных сил Соединенных Штатов в мирное время // Военный сборник. 1858. Т. 1. № 2. Ч. Неофициальная. С. 596—600.

Горный журнал

Моисеев М. Чугунные дороги в Соединенных Штатах // Горный журнал, или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. 1836. Ч. 1. Кн. III. С. 614—615.

Живописная русская библиотека

Настоящее и будущее Северо-Американских Соединенных Штатов // Живописная русская библиотека. 1856. Вып. 13. № 26. С. 206—208.

Эмиграция Европейцев в Америку // Живописная русская библиотека. 1856. Т. 1. № 18. С. 143—144.

Журнал для воспитания

Ушинский К. Внутреннее устройство северо-американских школ // Журнал для воспитания: руководство для родителей и преподавателей, издаваемое Александром Чумиковым. 1858. Т. IV. Отд. II. С. 250—274.

Ушинский К. Школьная реформа в Северной Америке // Журнал для воспитания: руководство для родителей и преподавателей, издаваемое Александром Чумиковым. 1858. Т. III. Отд. I. С. 15—50.

Журнал Министерства внутренних дел

Переселение в Северо-Американские Штаты // Журнал Министерства внутренних дел. 1857. Т. 26. № 10 (октябрь). Отд. V. С. 55—56.

Журнал путей сообщения

Записка об английских и американских локомотивах фабрики г. Норриса в Филадельфии, относительно производимого ими действия, удобства употребления и издержек // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 1, кн. 4. С. 288—319.

Канализация Суэцкого и Панамского перешейков (извлечено из Revue Britannique поручиком Гозариновым) // Журнал путей сообщения. 1842. Т. 1, кн. 1. Январь. С. 25—79.

[Комаров 1]. О путях сообщения в Соединенных Штатах (Сообщено поручиком Комаровым 1) // Журнал путей сообщения. 1838. Декабрь. Т. 3, кн. 4. С. 328—339.

[Комаров 1]. Новые железные дороги в Соединенных Штатах (Сообщено поручиком Комаровым 1) // Журнал путей сообщения. 1839. Сентябрь. Т. 3, кн. 1. С. 89—90.

[Комаров 1]. Новые каналы в Соединенных Штатах (Сообщено поручиком Комаровым 1) // Журнал путей сообщения. 1839. Сентябрь. Т. 3, кн. 1. С. 90—91.

[Мельников П.П.] Начертание общей системы водяных сообщений Соединенных Штатов (Извлечено из отчета путешествия подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 1. С. 1—119.

[Мельников П.П.] О пароходах на Миссисипи и ее притоках (Извлечено из отчета путешествия подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 2. С. 135—206; кн. 3. С. 225—279.

[Мельников П.П.] Описание в техническом отношении железных дорог Северо-американских Штатов (Из отчета путешествия Полковника Мельникова по Америке) // Журнал путей сообщения. 1842. Т. 2, кн. 1. С. 15—85; кн. 2. С. 95—197; кн. 3. С. 209—265; кн. 4. С. 285—374; Т. 3, кн. 1. С. 1—70; кн. 2. С. 85—156.

[Мельников П.П.] Пароходы, употребляемые в части Миссисипи, ниже Н. Орлеана, для взвода и спуска кораблей (Извлечено из отчета путешествия подполковника Мельникова) // Журнал путей сообщения. 1841. Т. 3, кн. 4. С. 285—362.

Колокол

Искандер [Герцен А.И.]. Америка и Сибирь // Колокол: Прибавочные листы к Полярной звезде. 1858. 1 дек. № 29. С. 233—235.

Морской сборник

Американская торговля с Азией через Тихий океан // Морской сборник. 1850. Т. 3. № 5. Смесь. С. 448—449.

- Белавенец И. Ледяной промысел // Морской сборник. 1861. Т. 55. № 10. Ч. Неофиц. С. 278—299.
- Белавенец И. Новый высотомерный инструмент г. Оака // Морской сборник. 1860. Т. 48. № 9. Смес. С. 92—105.
- Белавенец И. О некоторых новых инструментах для наблюдения высот светил // Морской сборник. 1859. Т. 43. № 10. Смес. С. 89—111.
- Белавенец И. Пароход Вайнанса, наподобие сигары // Морской сборник. 1859. Т. 39. № 1. Январь. Смес. С. 31—35.
- Буйницкий А. Исторический обзор сношений образованного мира с Японией // Морской сборник. 1860. Т. 48. № 9. Ч. Неофиц. С. 460—482.
- В. Ш. Пароходный флот Соединенных Штатов // Морской сборник. 1852. Т. 7. № 4. С. 395—398.
- В. Ш. Северо-американская экспедиция в Японию // Морской сборник. 1852. Т. 7. № 4. С. 417—419.
- Горковенко А. Бостон // Морской сборник. 1853. Т. 10. № 11. Ч. Неофициальная. С. 494—504.
- Горковенко А. Нью-Йорк // Морской сборник. 1854. Т. 11. № 1. Ч. Учено-литературная. С. 73—86.
- Горковенко А. О метеорологических наблюдениях на море, и о картах, изданных лейтенантом Мори // Морской сборник. 1853. Т. 10. № 9. С. 220—225.
- Горковенко А. Соединенные Штаты Северной Америки // Морской сборник. 1854. Т. 12. № 7. Ч. Учено-литературная. С. 254—280; № 8. С. 313—321.
- Давыдов В. Адмиралтейство и порт Соединенных Штатов в Калифорнии // Морской сборник. 1860. Т. 47. № 7. С. 375—401; № 8. С. 155—184.
- Зюйдвестов А. [Горковенко А.] Взгляд на торговлю неграми // Морской сборник. 1851. Т. 5. № 6. С. 482—500.
- [Маклеллан Г.] Заметки офицера Северо-американских штатов о Крымской кампании // Морской сборник. 1858. Т. 38. № 11. Ноябрь. Часть неофициальная. С. 87—114; № 12. Декабрь. Часть неофициальная. С. 195—206.
- Новые трех-палубные американские пакетботы // Морской сборник. 1849. Т. 2. № 8. Смес. С. 560—562.
- Орудия большого калибра (статья офицера американского флота) с примечаниями капитана 1 ранга Шестакова // Морской сборник. 1858. Т. 35. № 6. Ч. Неофиц. С. 437—463.
- Северо-Американский военный флот в 1852 году // Морской сборник. 1853. Т. 9. № 1. С. 54—59.
- Спуск русского фрегата «Генерал-Адмирал», происходивший в Нью-Йорке, 9/21 сентября 1858 г., и обед, данный по этому случаю капитаном Шестаковым // Морской сборник. 1858. Т. 38. № 11. Ноябрь. Смес. С. 1—17.

- Ученая экспедиция Соединенных Сев. Америк. Штатов в Северный Тихий океан // Морской сборник. 1853. Т. 9. № 6. С. 520—523.
- Фенимор Купер // Морской сборник. 1851. Т. 6. № 10. С. 348—349.
- [Шанц И.И. фон] Воспоминания И.И. Фон-Шанца о паровом фрегате «Камчатка» // Морской сборник. 1856. Т. 20. № 3. Смес. С. 149—157.
- [Шанц И.И. фон] Гребной катер, проектированный коммодором Бароном (Из записок И.И. Фон-Шанца, 1838 г.) // Морской сборник. 1856. Т. 21. № 5. Ч. Неофиц. С. 187—190.
- [Шанц И.И. фон] Замечания о коммерческих и лоцманских судах Соединенных Штатов (отрывок из записок И.И. Фон-Шанца, 1837 и 1838 г.) // Морской сборник. 1856. Т. 21. № 5. Ч. Неофиц. С. 173—186.
- Шварц С. Проект вентиляции фрегата «Генерал-Адмирал» // Морской сборник. 1858. Т. 35. № 6. Ч. Неофиц. С. 465—474 (чертежи).
- [Шварц С., капитан-лейтенант] Фрегат Niagara и Чрез-Атлантический телеграф (с примечанием капитана 1-го ранга И.А. Шестакова) // Морской сборник. 1857. Т. 32. № 11. Ч. Неофиц. С. 148—211 (чертежи).
- Шестаков И. О военных училищах в Соединенных Северо-Американских Штатах (письмо из Нью-Йорка) // Морской сборник. 1857. Т. 31. № 9 (сентябрь). Смес. С. 22—29.
- Шульц В. Американская клипер-яхта «Америка» и гонка ее с английскими яхтами // Морской сборник. 1851. Т. 6. № 10. С. 314—343.
- Электрический телеграф между Европой и Америкой // Морской сборник. 1852. Т. 8. № 10. С. 332—334.
- Excelsior [И.А. Шестаков]. Между делом // Морской сборник. 1858. Т. 38. № 11. Ноябрь. Часть неофициальная. С. 1—25; 1859. Т. 41. № 5. Май. Часть неофициальная. С. 1—31; № 6. Июнь. Часть неофициальная. С. 189—241.
- Москвитянин*
- Шевырев С. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 219—296.
- Отечественные записки*
- Американские золотые рудники // Отечественные записки. 1839. Т. 1. № 1. Январь. Отд. VIII. Смес. С. 43.
- Вессельгефт Р. Семейная жизнь в Соединенных Штатах // Отечественные записки. 1843. Т. 29. № 8. Август. Отд. VIII. Смес. С. 78—91.
- Головачов Г. Северо-Американские Соединенные Штаты // Отечественные записки: Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. 1847. Т. 52. № 5 (май). Отд. II. С. 1—50; Т. 53. № 7 (июль). Отд. II. С. 1—51; Т. 53. № 8 (август). Отд. II. С. 55—124.
- Д. Г. Освобождение негров // Отечественные записки. 1859. Т. 124. № 5. Отд. 1. С. 111—144; № 6. Отд. 1. С. 433—454.

Новый президент Соединенных Штатов Джеймс Буханан // Отечественные записки. 1857. Т. 110. № 2 (февраль). Отд. IV (смесь). С. 124—132.

Нынешнее состояние торговли неграми // Отечественные записки. 1845. Т. 40. № 5. Май. Отд. VIII. Смесь. С. 10—33.

Промышленные известия // Отечественные записки. 1859. Т. 124. № 6. Современная хроника России. С. 53—57.

Путешествие вокруг света северо-американца Уйлькса // Отечественные записки: Учено-литературный журнал. 1850. Т. 72. № 9. Разд. VIII. С. 1—28.

Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост Индии // Отечественные записки. 1854. Т. 92. № 1—2. Отд. II. Науки и искусства. С. 91—124.

Русский путешественник [Чихачев П.А.]. О пароходстве и озерах в Северной Америке // Отечественные записки. 1839. Т. 3. Отд. 2. С. 54—70.

С-ий П. Вопрос о невольничестве в Североамериканских Соединенных Штатах // Отечественные записки. 1858. Т. 119. № 7. Отд. 1. С. 163—184.

Техас в прежнем и нынешнем своем состоянии // Отечественные записки. 1841. Т. 17. № 8. Август. Отд. II. Науки и искусства. С. 39—61.

Торг неграми в новейшее время // Отечественные записки. 1842. Т. 23. № 7. Июль. Отд. VIII. Смесь. С. 1—15.

[Циркель О.] Воспоминание очевидца о войне Соединенных Штатов с Мехикою в 1847 и 1848 годах (Извлечено из дневника Отто Циркеля, бывшего поручика 3-го королевского прусского гусарского полка, ныне капитана 4-го пехотного полка штата Огио) // Отечественные записки. 1851. Т. 75. Отд. VIII. С. 146—165.

Чудовищные призраки Северо-Американской пустыни // Отечественные записки. 1839. Т. 3. № 5. Май. Отд. VIII. С. 83—86.

Пантеон

Ротчев А.Г. Воспоминания русского туриста. Из путешествий А.Г. Ротчева // Пантеон. Журнал литературно-художественный, издаваемый Федором Кони. 1853. Т. 12, кн. 12. Декабрь. Смесь. С. 65—76.

Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост Индии // Пантеон. Журнал литературно-художественный, издаваемый Федором Кони. 1854. Т. 13, кн. 1. Смесь. С. 79—108; кн. 2. Смесь. С. 93—114; Т. 14, кн. 4.

Русский вестник

Американский флибустьер Уокер // Русский вестник. 1858. Т. 13. Февраль. Кн. 2. Современная летопись. С. 351—357.

Внешняя политика Северо-Американских Штатов в 1854—1855 годах // Русский вестник. 1856. Т. 2. Март. Кн. 1. Современная летопись. С. 18—30.

Внутренние партии в Северо-Американских Штатах. I. Исторический обзор. II. Взгляд на современное состояние // Русский вестник. 1856. Т. 2. Апрель. Кн. 2. (№ 8). Современная летопись. С. 259—270; Т. 3. Май. Кн. 1. Современная летопись. С. 1—17.

Гибнущие туземные племена Северной Америки // Русский вестник. 1856. Т. 4. Июль. Кн. 2. Современная летопись. С. 65—72.

Каченовский Д.И. Жизнь и сочинения Даниеля Вебстера // Русский вестник. 1856. Т. 3. С. 385—416; Т. 4. С. 239—278.

Мексиканская революция и генерал Санта-Анна // Русский вестник. 1858. Т. 13. Февраль. Кн. 2. Современная летопись. С. 357—362.

Политическое обозрение // Русский вестник. 1856. Т. 2. Март. Кн. 1. Современная летопись. С. 1—30.

Циммерман Э.Р. Путешествие по Америке. От Нью-Йорка до Чарльстона // Русский вестник. Т. 19. 1859. Февраль. Кн. 1. С. 404—434.

Циммерман Э. Путешествие по Америке. Флорида // Русский вестник. 1859. Март. Т. 20, кн. 1. С. 23—60.

Циммерман Э. Путешествие по Америке. III. От Седер-Киза до Луизвилля // Русский вестник. Т. 21. 1859. Июнь. Кн. 2. С. 582—612.

Циммерман Э. Чикаго // Русский вестник. Т. 18. 1858. Декабрь. Т. 18, кн. 1. С. 462—473.

Санкт-Петербургские ведомости

Г-о [Горковенко] А. Из Америки // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 28 апр. № 92.

Г-о [Горковенко] А. Из Америки (письма в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. 7 июля. № 147.

Северная пчела

Каменский П. О журналистике в Америке // Северная пчела. 1856. 26 нояб. № 262; 27 нояб. № 263; 28 нояб. № 264.

Каменский П. Полтора года в Америке // Северная пчела. 1856. 15 марта. № 58; 30 марта. № 73; 12 апр. № 84.

Ротчев А. Столкновение Англии с Соединенными Штатами в Северо-западной части Северной Америки // Северная пчела. 1856. 3 февр. № 27.

Современник

Американская экспедиция в пустыни новой Мексики // Современник. 1849. Т. 16. № 8. Август. Разд. IV (Иностранная литература). С. 27—50.

Бодиско В. Из Америки // Современник: Литературный журнал. 1856. Т. 56. № 3. С. 114—140; № 4. С. 237—258; Т. 57. № 6. С. 237—262.

Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов // Современник. 1857. № 4 (апрель). Отд. VII. С. 65—104.

[Герштеккер Ф.] Охотничьи похождения в Соединенных северо-американских штатах. Соч. Фридриха Герштеккера // Современник. 1849. Т. 16. № 7. Июль. Разд. V (Смесь). С. 53—97; № 8. Август. С. 189—227.

Добывание золота в Калифорнии и в Австралии: Записка Леона Фоше // Современник. 1853. Т. 38. № 3—4. Отд. II (Науки и искусства). С. 59—74.

И.А. Прииски золота в Калифорнии, и значение драгоценных металлов в промышленном обращении вообще // Современник. 1849. Т. 15. Май. Отд. II (Науки и искусства). С. 1—32.

Картины Миссисипи. Светлые и темные стороны американской жизни. IV. Доктор Мидльтон // Современник. 1849. Т. 14. № 3. Март. Отд. V (Смесь). С. 1—22.

[Карнович Е.П.] Атлантический телеграф // Современник. 1858. № 10. Октябрь. Отд. Современные заметки. С. 272—282.

Лакиер А.Б. Конгресс в Вашингтоне в 1857 году // Современник. 1858. Т. 68. № 4. Апрель. Отд. I. С. 333—372.

Приключения охотника Культера в Калифорнии и Тихом океане // Современник. 1849. Т. 15. № 5. Май. Разд. V (Смесь). С. 86—111.

Пуфы американских журналов о Калифорнии // Современник. 1849. Т. 18. № 11. Ноябрь. Разд. V (Смесь). С. 133.

Четыре месяца в обществе золотопромышленников Верхней Калифорнии: Дневник путешественника Тирвейт Брукса // Современник. 1849. Т. 14. № 4. Апрель. Отд. II (Науки и искусства). С. 69—102.

Сын Отечества

Взгляд на Северо-американские Соединенные Штаты // Сын Отечества, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. 1836. Т. 180. С. 172—192.

[Гамель И.] Новейшие усовершенствования машин, введенных в Англии и Америке для печатания газет и других периодических изданий. Статья академика Гамеля // Сын Отечества. 1857. № 16. С. 365—367.

Некоторые черты из быта Северо-Американских Соединенных Штатов: Письмо эмигранта // Сын отечества: журнал политический, ученый и литературный. 1856. № 2. 15 апреля.

Правдин А. О железных и торцевых дорогах в России // Сын отечества и северный архив: журнал словесности, истории и политики. Второе двадцатипятилетие. 1838. Т. 1. Отд. III. Науки и искусства. С. 153—176.

Северо-Американские Штаты // Сын отечества: История, политика, словесность, науки и искусства. 1852. Т. 9. Смесь. С. 1—9.

Флорида // Сын отечества: журнал политики, истории, словесности, наук и художеств. 1844. № 11. Май. С. 325—337.

Труды императорского вольного экономического общества

Выписка из письма чрезвычайного посланника и полномочного министра Американских Соединенных Штатов Г. Тода // Труды императорского вольного экономического общества за 1846 год. Ч. 1. С.-Петербург: Тип. Карла Крайя, 1846. Смесь. С. 75—77.

Финский вестник

Биографии знаменитых современников. Эмерсон // Финский вестник. Учено-литературный журнал. 1847. Т. 13. Отд. 6. Смесь. С. 1—12.

American Annals of Education

Education and Efforts for Education in Russia // American Annals of Education. 1839. November. P. 481—497.

American Journal of Education

Military System and Education in Russia // American Journal of Education. 1864. Vol. 14. P. 503—512.

American Whig Review

Annexation // American Whig Review. 1845. Vol. 2. № 5. P. 452—457.
G.W.P. Russia [Rev.: Maxwell J. The Czar, His Court and People, Including a tour in Norway and Sweden. New York: Baker and Scribner, 1848] // American Whig Review. 1848. Vol. 7. № 5. P. 493—507.

The Policy of Non-Intervention // American Whig Review. 1852. Vol. 15. № 85. P. 1—10.

Russian Ambition [Rev.: Historical View of the Languages of the Slavic Nations, with a Sketch of their Popular Poetry. By Talvi. New York: G.P. Putnam, 1850] // American Whig Review. 1850. Vol. 12. № 36 (December). P. 616—633.

Atlantic Monthly

Emancipation in Russia // Atlantic Monthly. 1861. July. Vol. 8. № 45. P. 39—57.

[Taylor B.] Between Europe and Asia // Atlantic Monthly. 1865 (January). Vol. 15. № 87. P. 8—20.

[Taylor B.] Winter Life in St. Petersburg // Atlantic Monthly. 1865 (July). Vol. 16. № 93. P. 34—46.

[White A.D.] The Development and Overthrow of the Russian Serf-System // Atlantic Monthly. 1862. November. Vol. 10. № 61. P. 538—552.

Church Review

Rev. Mr. Young's Visit to the Russian Church // Church Review: the American Quarterly. 1864/65. Vol. 16. P. 637—642.

De Bow's Southern and Western Review

[Duncan W.C.] The Empire of Russia // *De Bow's Southern and Western Review*. 1851. Vol. 1 (11). № 5. November. P. 445—462; № 6. December. P. 549—569.

[Fitzhugh G.] Acquisition of Mexico — Filibustering // *De Bow's Review*. 1858. December. Vol. 1 (25). № 6. P. 613—626.

[Fitzhugh G.] Bayard Taylor's Travels in Greece and Russia // *De Bow's Southern and Western Review*. 1859. December. Vol. 27. № 6. P. 648—656.

[Fitzhugh G.] Southern Thought // *De Bow's Review*. 1857. October. Vol. 23. № 4. P. 337—349.

Holmes G.F. Ancient Slavery // *De Bow's Review*. 1855. December. Vol. 19. № 6. P. 617—637.

The Railways of Russia // *De Bow's Southern and Western Review*. 1853. Vol. 15. № 3. P. 279—281.

Harper's New Monthly Magazine

[Guernsey A.H.] Pictures of the Russians // *Harper's New Monthly Magazine*. 1855. Vol. 11. № 64. P. 433—455.

[Guernsey A.H.] The Steppes, Odessa and the Crimea // *Harper's New Monthly Magazine*. 1854. Vol. 9. № 49 (June). P. 1—20.

[Miller J.E.] A Trip to Caucasus // *Harper's New Monthly Magazine*. 1863 (May). Vol. 26. № 156. P. 792—803.

Recollections of St Petersburg // *Harper's New Monthly Magazine*. 1852. Vol. 4. № 22. P. 447—457.

The Russian Czar at a Public Ball // *Harper's New Monthly Magazine*. 1852. Vol. 4. № 24. P. 828—830.

Young Russia — State of Society in the Russian Empire // *Harper's new monthly magazine*. 1850 (July). Vol. 1. № 2. P. 269—271.

International Magazine of Literature, Art, and Science

Religious Sects and Socialism in Russia // *International Magazine of Literature, Art, and Science*. 1850. November 1. Vol. 1. № 4A. P. 461—463.

Scientific Discoveries and Proceedings of Learned Societies // *International Magazine of Literature, Art, and Science*. 1851. Vol. 4. № 4. P. 571—572.

Ladies' Repository: a Monthly Periodical, Devoted to Literature, Arts, and Religion

Russian Slaveholding // *Ladies' Repository: a Monthly Periodical, Devoted to Literature, Arts, and Religion*. 1854. Vol. 14. № 9. September. P. 403—406.

New Englander and Yale Review

Caucasus // *New Englander and Yale Review*. 1851 (February). Vol. 9. № 33. P. 88—109.

North American Review

Anderson's Observations in Greece [Rev.: Anderson R. Observations upon the Peloponnesus and the Greek Islands, made in 1829. Boston, 1830] // *North American Review*. 1832 (January). Vol. 34. № 74. P. 16.

Atkinson's Regions of the Amoor [Rev.: Atkinson T.W. Travels to the Regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian Acquisitions of the Confines of India and China. New York: Harper and Brothers, 1860] // *North American Review*. 1861 (April). Vol. 92. № 191. P. 585—586.

[Motley J.L.] Peter the Great // *North American Review*. 1845. October. Vol. 61. № 129. P. 269—319.

The Revolution in Prussia // *North American Review*. 1849. Vol. 68. P. 220—260.

Schamyl and the War in the Caucasus // *North American Review*. 1855 (October). Vol. 81. № 169. P. 389—413.

Serfdom and Emancipation Laws in Russia // *North American Review*. 1865. Vol. 105. № 216. P. 41—88.

Slavery in Russia // *North American Review*. 1856. April. Vol. 82. № 171. P. 293—318.

Putnam's Monthly magazine of American Literature, Science, and Art

Causes and Consequences of the Russian War // *Putnam's Monthly magazine of American Literature, Science, and Art*. 1854 (November). Vol. 4. № 22. P. 417—433; № 23. 537—550.

The Czar and the Sultan // *Putnam's Monthly. A Magazine of Literature, Science, and Art*. 1854 (May). Vol. 3. № 17. P. 502—505.

Scientific American: the Advocate of Industry, and Journal of Scientific, Mechanical and Other Improvements

The Winans Steamer in Course of Construction at Baltimore // *Scientific American*. 1858. November 6. Vol. 14. № 9. P. 65—66.

Southern Literary Messenger

Destiny of Russia // *Southern Literary Messenger; Devoted to Every Department of Literature and the Fine Arts*. 1853. Vol. 19. № 1. January. P. 41—49.

A Few Thoughts on Slavery (Speech of Mr. Sumner, of Massachusetts, against the Repeal of the Missouri Compromise. In Senate, February 21st, 1854. Commentary.) // *Southern Literary Messenger, Devoted to Every Department of Literature and the Fine Arts*. 1854. April. Vol. 20. № 4. P. 193—206.

R. T. H. White and Black Slavery // *Southern Literary Messenger; Devoted to Every Department of Literature and the Fine Arts*. 1840. March. Vol. 6. № 3. P. 193—200.

Southern Quarterly Review

Russia // *Southern Quarterly Review*. 1855. July. Vol. 12. № 1. P. 37—51.

The Russo-Turkish Campaigns, Etc. // *Southern Quarterly Review*. 1855. April. Vol. 11. № 2. P. 382—398.

United States Magazine and Democratic Review

Absolutism Versus Republicanism. The State of Europe // *United States Magazine and Democratic Review*. 1852 (November—December). Vol. 31. № 173. P. 592—600.

C[ambreng C.C.]. New Notes on Russia, by a Recent Visitor // *United States Magazine and Democratic Review*. 1842 (August). Vol. 11. № 50. P. 151—160.

Christianity — Islamism // *United States Magazine and Democratic Review*. 1855 (November). Vol. 36. № 5. P. 375—381.

Circassia and the Caucasus // *United States Magazine and Democratic Review*. 1852 (October). Vol. 31. № 172. P. 301—304.

Civilization and Commerce in China — Russia and the United States // *United States Magazine and Democratic Review*. 1858 (November). Vol. 42. № 5. P. 337—357.

The Crisis in Europe. Intervention of the United States // *United States Magazine and Democratic Review*. 1852 (May, June). Vol. 30. № 167. P. 401—425; № 168. P. 554—569.

The Czar of Russia // *United States Magazine and Democratic Review*. 1855 (January). Vol. 35. № 1. P. 1—13.

Eighteen-Fifty-Two and the Presidency // *United States Magazine and Democratic Review*. 1852 (January). Vol. 30. № 163. P. 1—12.

Everett A.H. The Texas Question. A letter from Alexander H. Everett to the Editor of the *Democratic Review* // *United States Magazine and Democratic Review*. 1844 (September). Vol. 15. № 75. P. 250—270.

The Fall of Sebastopol // *United States Magazine and Democratic Review*. 1855 (March). Vol. 35. № 3. P. 204—209.

A Few Facts in Regard to Nicholas of Russia // *United States Magazine and Democratic Review*. 1855 (March). Vol. 35. № 3. P. 225—234.

Financial and Commercial Review // *United States Magazine and Democratic Review*. 1846 (November). Vol. 19. № 101. P. 401—407.

Influence of European on Asiatic Civilisation // *United States Magazine and Democratic Review*. 1844. Vol. 15. № 73. P. 62—72.

Our Foreign Ministers // *United States Magazine and Democratic Review*. 1852 (November—December). Vol. 31. № 173. P. 420—432.

Peace and War // *United States Magazine and Democratic Review*. 1839 (March). Vol. 5. № 15.

Political Portraits. No. XIV. Churchill Caldor Cambreng // *United States Magazine and Democratic Review*. 1839. Vol. 6. № 2 (August). P. 144—158.

Political Portraits with Pen and Pencil. No. XXVIII. George M. Dallas // *United States Magazine and Democratic Review*. 1842 (February). Vol. 10. № 44. P. 158—166.

Political Portraits with Pen and Pencil. No. XXXIII. Churchill C. Cambreng of New York // *United States Magazine and Democratic Review*. 1842. Vol. 11. № 51 (September). P. 284—287.

Political Portraits with Pen and Pencil. No. XXXV. James Buchanan // *United States Magazine and Democratic Review*. 1842 (December). Vol. 11. № 54. P. 650—651.

Practical Reform — Alexander of Russia // *United States Magazine and Democratic Review*. 1858 (December). Vol. 42. № 6. P. 464—475.

Retrospective View of the State of European Politics, Especially of Germany, Since the Last Congress of Vienna // *United States Magazine and Democratic Review*. 1837 (October). Vol. 1. № 1. P. 123—142.

Russia and the Anglo-French Alliance // *United States Magazine and Democratic Review*. 1855 (April). Vol. 35. № 4. P. 237—247.

Tour to the Caucasus [Rev.: Ditson G.L. Circassia; or, A Tour to the Caucasus. New York: Stringer Townsend, London: T.C. Newby, 1850] // *United States Magazine and Democratic Review*. 1850 (February). Vol. 26. № 140. P. 164—173.

Turkey and Russia // *United States Magazine and Democratic Review*. 1854 (June). Vol. 33. № 9. P. 353—375.

Turkey, Russia, Circassia // *United States Magazine and Democratic Review*. 1852 (August). Vol. 31. № 170. P. 163—166.

What Next? // *United States Magazine and Democratic Review*. 1855 (June). Vol. 35. № 6. P. 493—495.

Публикации официальных документов и дипломатической переписки

Первые железные дороги в России. [Документы о строительстве железной дороги между СПб и Москвой] // *Красный Архив*. 1936. Том третий (76).

Россия и Мексика в первой половине XIX в. (Совместный советско-мексиканский сборник документов) / Сост. А.И. Сизоненко, Марта Ортега. М.: Институт Латинской Америки АН СССР, 1989. 96 с.

Секретная часть доклада капитан-лейтенанта П.Н. Головина вел. кн. Константину Николаевичу, 20 октября 1861 г. (ст. ст.) / Публикация Н.Н. Болховитинова // *Американский ежегодник*, 1989. М.: Наука, 1990. С. 244—248.

A Compilation of the Messages and Papers of the Confederacy, including the Diplomatic Correspondence 1861—1865 / Ed. James D. Richardson. 2 vols. Nashville, US Publishing co., 1906.

A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents: 1789—1897 / Ed. James D. Richardson. 10 vols. Wash., 1902.

Barnes J.J., Barnes P.P. Private and Confidential: Letters from British Ministers in Washington to the Foreign Secretaries in London, 1844—67.

Selinsgrove: Susquehanna University Press; London and Toronto: Associated University Presses, 1993. 471 p.

Baylen J.O. *Focus on the Pacific, 1853* // *Pacific Northwest Quarterly*. 1955. Vol. 46. № 1. P. 19—24.

British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part 1. From the Mid-Nineteenth Century to the First World War. Ser. C. North America, 1837—1914 / Ed. Kenneth Bourne. University Publications of America, 1986.

Vol. 1. *McLeod and Maine, 1837—1842*. XXIII, 364 p.

Vol. 2. *Oregon and Texas, 1842—1848*. XVII, 473 p.

Vol. 4. *The Central American Question, Recruitment Crisis, Trade and Fisheries, 1849—1857*. XXV, 477 p.

Diplomatic Correspondence of the United States: Canadian Relations, 1784—1860 / Ed. W.R. Manning. 4 vols. Washington (D. C.), 1940—1945.

Diplomatic Correspondence of the United States: Inter-American Affairs, 1831—1860 / Ed. W.R. Manning. 12 vols. Washington (D. C.), 1936.

[Donelson A.] *The American Minister in Berlin, on the Revolution of March, 1848* // *American Historical Review*. 1918 (January). Vol. 23. № 2. P. 355—373.

Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers: the Soviet Union, 1933—1939. Washington: Government Printing Office, 1952. 1034 p.

An Historical and Statistical Account of the Foreign Commerce of the United States / Comp. by J. Smith Homans, Jr. New York: Arno Press, 1976. vi, 190 p.

Jados S.S., ed. *Documents on Russian-American Relations. Washington to Eisenhower*. Washington, D.C.: The Catholic University of America Press, 1965. 410 p.

[Lenartzen C.R.] *General Directions to all masters of American Ships trading to Cronstadt, which they are advised to read with attention, and recommend to the strict notice of their mates*. Cronstadt, 1837. 24 p.

Le Duc T.H. *That Rumor of Russian Intrigue in 1837* // *Canadian Historical Review*. 1942. Vol. 23. № 4 (December). P. 398—400. [Извлечения из переписки А. Бодиско с К. Нессельроде в 1838—1839 гг.]

[Marcy W.L.] *Diary and Memoranda of William L. Marcy, 1849—1851* // *American Historical Review*. Vol. 24. 1919. April. P. 444—462; July. P. 641—653.

Statement of the Origin, Organization and Progress of the Russian-American Telegraph, Western Union Extension, Collins' Overland Line via Behring Strait and Asiatic Russia to Europe. Collated and Prepared From Official Documents on File in the «Russian Bureau» of the Western Union Telegraph Company, by Order of the board of Directors. Rochester: «Evening Express» book and job printing office, 1866. 165 p.

Treaties and Other International Agreements of the United States of America, 1776—1949 / Comp. under the direction of Charles I. Bevans. Vols. 5—12.

U.S. Congress. *The Congressional Globe: 23rd Congress to 42nd Congress. 2 December 1833 — 3 March 1873*. Washington, 1834—1873. 36 vols. Vols. 1—25.

Публикации трудов, бумаг и личных документов

Герцен и американский публицист Ч.Г. Лиленд. Публикация С. Стеллинга-Мишо // *Литературное наследство. Герцен и Запад*. М.: Наука, 1985. С. 669—678.

А.И. Герцен — Генри Чарлзу Кэри (?) // *Литературное наследство*. Т. 61. Герцен и Огарев I. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 242—247.

Добролюбов Н.А. *Собр. соч.*: В 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии. 1859. М.: Художественная литература, 1987. 816 с.

Киреевский И.В. *Критика и эстетика*. М.: Искусство, 1979. 440 с.

[Мельников П.П.] *Неопубликованные научные работы и статьи профессора Павла Петровича Мельникова, написанные им в 1841—1870-х годах* // Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. СПб.: Гуманистика, 2003. С. 151—398.

Мельников П.П. *О железных дорогах. Корпуса инженеров путей сообщения майора Мельникова*. С.-Петербург: В тип. Глав. управления путей сообщения и публичных зданий, 1835. 98 с., чертежи.

Турчанинов И.В. и его жена — Герцену. Публикация Д.И. Заславского // *Литературное наследство*. Т. 62. Герцен и Огарев II. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 591—603.

Хомяков А.С. *О старом и новом: Статьи и очерки*. М.: Современник, 1988. 464 с.

Чаадаев П.Я. *Статьи и письма*. 2-е, доп. изд. М.: Современник, 1989. 624 с.

The American Image of Russia, 1775—1917 / Ed. by Eugene Anshel. New York: Frederick Ungar Publishing Co, 1974. xii, 260 p.

Blau J.L., ed. *Social Theories of Jacksonian Democracy; Representative Writings Of The Period 1825—1850*. New York: Hafner Publishing Co., 1947. xxviii, 383 p.

Bonham M.L. *Ante-Bellum Southerners in Russia* // *Journal of Southern History*. 1937. May. Vol. 3. № 2. P. 190—195.

Bryant W.C. *Power and Sanity: Selected editorials of William Cullen Bryant, 1829—1861* / Compiled and annotated by W.C. Bryant, II. New York: Fordham University Press, 1994. xxv, 394 p.

Buchanan J. *The Works of James Buchanan, Comprising his Speeches, State Papers, and Private Correspondence* / Ed. by John Bassett Moore. 12 vols. Philadelphia: Lippincott Co., 1908—1911.

[Calhoun J.C.] *The Papers of John C. Calhoun* / Ed. by Robert L. Meriwether et al. Columbia, 1959—2001. 26 vols.

Clay C.M. *The Life of Cassius Marcellus Clay: Memoirs, Writings, and Speeches, Showing his Conduct in the Overthrow of American Slavery, the Salvation of the Union, and the Restoration of the Autonomy of the States*. Vol. 1. Cincinnati: J. Fletcher Brennan, 1886.

[Clay H.] *The Papers of Henry Clay* / Ed. by James F. Hopkins. Lexington: University Press of Kentucky, 1959—1991. 10 vols.

[Cobden R.] *The Political Writings of Richard Cobden*. In 2 v. London: William Ridgway; New York: D. Appleton Co, 1867.

Darby W. *The Northern Nations of Europe, Russia and Poland, being a compilation of the series of essays on the subject, as they appeared in the columns of the National Intelligencer, over the signature of «Tacitus»*. Chillicothe: printed for the author by S.W.Ely, 1841. 100 p.

Everett E. *Oration and Speeches on Various Occasions*, by Edward Everett. Boston: Little, Brown, and Co, 1868. Vol. 2, 4.

Fillmore M. *Millard Fillmore Papers* / Ed. by Frank H. Severance. 2 vols. / Publications of the Buffalo Historical Society. Vols. 10, 11. Buffalo (N. Y.), 1970 (repr.; 1st publ. 1907).

Jackson A. *Correspondence of Andrew Jackson* / Ed. by John Spencer Bassett. 7 vols. Washington, DC: Carnegie Institution of Washington, 1926—1935.

Ley F. *La Russie, Paul de Krudener et les Soulevements Nationaux, 1814—1858 (d'après de nombreux documents inédits)*. [Paris]: Hachette, 1971. 319 p.

[Lieven D.] *Letters of Dorothea, Princess Lieven, During Her Residence in London, 1812—1834* / Ed. by Lyonel G. Robinson. L.; New York: Longmans, Green, and Co, 1902. 414 p.

Life and Letters of Bayard Taylor / Ed. by Marie Hausen — Taylor and Horace E. Scudder. 2 vols. Boston: Houghton Mifflin, 1884.

Mackenzie W.L. *The Selected Writings of William Lion Mackenzie, 1824—1837* / Ed. by Margaret Fairley. Toronto, 1960.

Motley J.L. *The Complete Works of John L. Motley*. Vol. 1, 2. Correspondence. New York: Kelmscott Society Publishers, 1900.

Motley J.L. *The Correspondence of John Lothrop Motley* / Ed. by George William Curtis. Vol. 1, 2. New York: Harpers and Brothers, 1900. 350 p.

Nesselrode, Comte de, Chancelier. *Lettres et Papiers, 1760—1856*. Extraits de ses archives. T. 9. 1847—1850. Paris, 1904.

[Polk J.K.] *Correspondence of James K. Polk* / Ed. by Herbert Weaver. Vols. 5, 6. Nashville: Vanderbilt University Press, 1979—1983.

[Russell J.] *The Later Correspondence of Lord John Russell, 1840—1878* / Ed. by G.P. Gooch. In 2 vols. New York: Longmans, Green and Co, 1925.

Schuyler G.L. *Letter to the Hon. W. Gwin, member of Congress from Mississippi, Concerning the Steam Ship Kamschatka*. New York, 1843. 16 p.

Steers D., comp. *Silas Enoch Burrows, 1794—1870: His Life and Letters. A Compilation of Material, Gathered from Many Sources, Concerning a Rather Unusual Man*. Chester, Conn.: Pequot Press, 1971. xviii, 432 p.

[Stevens T.] *The Selected Papers of Thaddeus Stevens* / Ed. by Beverly Wilson Palmer. 2 vols. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1997—1998.

Tyler L.G. *The Letters and Times of the Tylers*. 3 vols. Vols 1—2. Richmond: Whittet and Shepperson, 1884—1885. Vol. 3. Williamsburg, Va., 1896.

The Unpublished Letters of Bayard Taylor in the Huntington Library / Ed. by John Richie Schultz. San Marino, Cal.: Huntington Library, 1937. xxvi, 231 p.

[Webster D.] *The Great Speeches and Orations of Daniel Webster: With an Essay on Daniel Webster As a Master of English Style* by Edwin P. Whipps. Boston: Little, Brown, 1879. 707 p.

[Webster D.] *The Letters of Daniel Webster: From Documents Owned Principally by the New Hampshire Historical Society* / Ed. by C.H. Van Tyne. New York: McClure, Philips Co. 1902. XXII, 769 p.

[Webster D.] *The Papers of Daniel Webster. Series 1. Correspondence* / Ed. Charles M. Wiltse. Hanover (N.H.): University Press of New England. 7 vols. 1974—1986.

[Webster D.] *The Papers of Daniel Webster. Series 2. Legal Papers* / Eds. Alfred S. Konefsky and Andrew J. King. Hanover (N.H.): University Press of New England. 3 vols. 1982—1989.

[Webster D.] *The Papers of Daniel Webster. Series 3. Diplomatic Papers* / Ed. Kenneth E. Shewmaker. Hanover (N. H.): University Press of New England. 2 vols. 1983—1987.

[Webster D.] *The Papers of Daniel Webster. Series 4. Speeches and Formal Writings* / Ed. Charles M. Wiltse. Hanover (N. H.): University Press of New England. 2 vols. 1986—1987.

[Webster D.] *The Works of Daniel Webster*. 8th ed. 6 vols. Boston: Little, Brown and Co., 1854.

[Webster D.] *The Writings and Speeches of Daniel Webster*. National Edition. 18 vols. / Ed. by J.W. McIntire. Boston: Little, Brown Co. 1903.

Whistler on Art: Selected Letters and Writings of James McNeill Whistler / Edited and introduced by Nigel Thorp. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1994. xxiv, 184 p.

Wright E.H. *Letters from St. Petersburg, 1850—1851 // Proceedings of the New Jersey Historical Society*. 1964 (April). Vol. 82. № 2. P. 75—100; № 3. P. 153—179.

Мемуары, записки, дневники

Адамс Г. *Воспитание Генри Адамса*. М.: Прогресс, 1988. 752 с.

[Арсеньев Д.С.] *Из записок адмирала Д.С. Арсеньева, 1862—1865 // Русский архив*. 1910. Кн. 3, вып. 11. С. 385—442.

Боголюбов А.П. Записки моряка-художника // Волга. 1996. Специальный номер (№ 2—3). 206 с.

Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813—1877. М.: Захаров, 2003. 960 с.

Герцен А.И. Былое и думы: В 2 т. М.: Худож. лит., 1987.

[Герцен А.И.] Неизданная глава из «Былого и дум» А.И. Герцена. «Русские в Париже». И. Головин (публикация М. Лемке) // Былое. 1907. Май. С. 1—23.

[Даллас Д.М.] Американский посланник при дворе Николая I // Вестник иностранной литературы. 1896. Июль. С. 5—16.

Диккенс Ч. Американские заметки // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958.

Корф М.А. [Барон Модест Корф] Записки. М.: Захаров, 2003. 720 с.

Кошелев А.И. Мои записки (1812—1883 годы) // Русское общество 40—50-х годов XIX в. Ч. 1. Записки А.И. Кошелева. М.: Изд-во МГУ, 1991. 237 с.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 326 с.

Лакиер А.Б. Путешествие по Северо-Американским Штатам, Канаде и острову Кубе Александра Лакиера. Т. 1—2. С картою описанных стран. С.-Петербург: Типография К. Вульфа, 1859. Т. 1. iv, 374 с.; Т. 2. iv, 399, vii с.

[Мельников П.П.] К истории развития пароходства на Волге (записка П.П. Мельникова «Поездка на Волгу») / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1938. Т. 89—90. С. 309—335.

[Мельников П.П.] Начало железнодорожного строительства в России. Мельников П.П. Сведения о русских железных дорогах / Публ. М. Крутикова // Красный архив. 1940. Т. 99. С. 127—179.

Михайлов М.М. Мелочи из моей жизни // Исторический вестник. 1888. Т. 33. № 7. С. 124—128.

Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1991. 144 с.

Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.

[Уайт А.Д.] Иностранцы о России. Воспоминания американского посланника Уайта [предисл., пер. отрывков и пересказ В.И. Штейна] // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1906. Т. 103. № 1. С. 277—297. (В конце текста В. Ш.). Сокр. пер. с нем. и пересказ по изд.: White A.D. Aus meinem Diplomatleben. Leipzig, 1906.

[Чихачев П.А.] Платон Александрович Чихачев. Член-учредитель И.Р.Г.О. (Автобиография) // Известия Императорского русского географического общества. 1892. Т. 28, вып. 2. С. 3—8.

[Шанц И.И.] Старый моряк. Первые шаги на поприще морской военной службы (отрывок из воспоминаний старого моряка) // Морской сборник. 1865. Т. 76. № 3 (март). Отд. III, неофиц. С. 1—62.

[Шестакова Л.И.] Иван Алексеевич Шестаков, 1820—1888. Воспоминания Л.И. Шестаковой, рожден. Глинка // Русская старина. 1889. Т. 62. Апрель. С. 161—182.

Adams J.Q. Diary: 1794—1848; American Diplomacy and Political, Social, and Intellectual Life from Washington to Polk / Ed. by A. Nevins. New York: Scribner, 1951 (1st ed. — 1928). XXXV, 586 p.

Adams J.Q. Memoirs of John Quincy Adams. Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848 / Ed. by Charles Francis Adams. 12 vols. Freeport (N.Y.): Books for Libraries Press, 1969 (repr.; 1st publ. 1874—1877).

Benton T.H. Thirty Years' View or: A History of the Working of the American Government for Thirty Years, from 1820 to 1850. 2 vols. New York; Boston: D. Appleton Co, 1854—1856.

Bigelow J. Retrospections of an Active Life. 5 vols. New York: Baker Taylor, 1909—1913.

Bradford G. The Unknown Webster // Old-Time New England. 1953. Vol. 44. P. 55—63.

Bremer F. The Homes of the New World; Impressions of America // Hemmen i den Nya verlden. New York: Harper Brothers, 1853. 2 v.

C[ambreleng C.C.]. New Notes on Russia, by a Recent Visiter // United States Magazine and Democratic Review. 1842. Vol. 11. № 50 (August). P. 151—160.

Choules J.O. The Cruise of the Steam Yacht North Star; A Narrative of the Excursion of Mr. Vanderbilt's Party to England, Russia, Denmark, France, Spain, Italy, Malta, Turkey, Madeira, etc. Boston: Gould And Lincoln; New York: Evans and Dickerson, 1854. xvi, [17—]. 353 p.

Collins P.M. A Voyage Down the Amoor: with a Land Journey Through Siberia, and Incidental Notices of Manchooria, Kamschatka, and Japan. New York: D. Appleton and Co, 1860. 390 p.

Dallas G.M. Diary of George Mifflin Dallas while United States Minister to Russia, 1837—1839, and to England, 1856 to 1861 / Ed. by Susan Dallas. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1892. 443 p.

Darby W. The Northern Nations of Europe, Russia and Poland, being a compilation of the series of essays on the subject, as they appeared in the columns of the National Intelligencer, over the signature of «Tacitus». Chillicothe: printed for the author by S.W. Ely, 1841. 100 p.

Ditson G.L. Circassia; or, A Tour to the Caucasus. New York: Stringer Tounsend; London: T. C. Newby, 1850. xvi, 455 p.

Fremont J.B. Souvenirs of My Time. Boston: D. Lothrop and Company, 1887. 393 p.

[Fisher S.G.] The Diaries of Sidney George Fisher, 1853—1857 // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1962. Vol. 86. № 3. July. P. 319—349.

Garland H.A. *The Life of John Randolph of Roanoke*. 2 vols. New York: Appleton Co., 1851.

Golovin I. *Stars and Stripes, or American Impressions*. New York: Appleton and Co., 1856. viii, 312 p.

Greeley H. *Recollections of a Busy Life: Including reminiscences of American Politics and Politicians, From the Opening of the Missouri Contest to the Downfall of Slavery; to which are Added Miscellanies*. New York: J.B. Ford, 1868. 624 p.

Gregg D.L. *The Diaries: An American Diplomat in Hawaii, 1853—1858* / Ed. by P. King. Honolulu: Hawaiian Historical Society, 1982. 605 p.

Griffin G.W. *Memoir of Col. Chas. Todd*. Philadelphia: Claxton, Remsen Haffelfinger, 1873. 174 p.

Grund F. *Thought and Reflections on the Present Position of Europe: and Its Probable Consequences to the United States*. Philadelphia: Childs Peterson, 1860. 245 p.

Gurowski A. *Russia As It Is*. New York: Appleton and Co., 1854. xvi, [9], 312 p.

Harrison, jr. J. *The Iron Worker and King Solomon*. With memoir and an appendix. 2nd ed. Philadelphia: J.B. Lippincott Co. 1869. viii, 60, xxv, 78 p.

Harvey P. *Reminiscences and Anecdotes of Daniel Webster*. Boston: Little, Brown, and Co, 1877. 480 p.

Kohl J.G. *Russia and the Russians, in 1842*. Vol. 1 Philadelphia: Carey and Hart, 1843. 208 p.

[Lady]. *The Englishwoman in Russia; Impressions of the Society and Manners of the Russians*. By a Lady, Ten Years Resident in that Country. New York: C. Scribner, 1855. xvi, 316 p.

Lakier A.B. *A Russian Looks at America: The Journey of Aleksandr Borisovich Lakier in 1857*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1979. xli, 272 p.

Lamb M.J. *State and Society in Washington* // Harper's New Monthly Magazine. 1878. March. Vol. 56. № 334. P. 481—500.

MacGavock R.W. *A Tennessean Abroad, or Letters from Europe, Africa, and Asia*. New York: Redfield, 1854. x, 11—392 p.

Marshall J.F.B. *An Unpublished Chapter of Hawaiian History* // Harper's Magazine. 1883. Vol. 67. September. P. 511—520.

Maxwell J.S. *The Czar, His Court and People, Including a tour in Norway and Sweden*. New York: Baker and Scribner, [c 1848]. 3rd ed. 1850. xii, [13], 368 p.

McCormick R.C. *Visit to the Camp before Sevastopol*. New York: D. Appleton and Co, 1855. 212 p.

Nolte V. *Fifty Years in Both Hemispheres; or, A Reminiscences of the Life of a Former Merchant*. New York: Redfield, 1854. 484 p.

Personal Memorials of Daniel Webster, Including a Sketch of His Public Life and the Particulars of His Death. Philadelphia: Lippincott, Grambo, and Co, 1852. 68 p.

Polk J.K. *The Diary of James K. Polk During His Presidency, 1845 to 1849* / Ed. By Milo Milton Quaife. In 4 vols. Chicago: A.C. McClurg, 1910.

Polk J.K. *The Diary of a President, 1845—1849: Covering the Mexican War, the Acquisition of Oregon, and the Conquest of California and the Southwest* / Ed. by A. Nevins. New York: Capricorn books, 1968. XXXIV, 413 p.

Prime S.I. *The Life of Samuel F.B. Morse, LL.D., Inventor of the Electro-Magnetic Recording Telegraph*. New York: D. Appleton and Company, 1875. xiii, 776 p.

Prince N. *Black Woman's Odyssey Through Russia and Jamaica: The Narratives of Nancy Prince*. New York: M. Wiener Pub., 1989. xxiv, 93 p.

Pumpelly R. *Across America and Asia: Notes of a Five Years' Journey Around the World and of Residence in Arizona, Japan, and China*. 5th ed. New York: Leyboldt Holt, 1871. xvi, 445 p.

Reminiscences of Washington // Atlantic Monthly. 1880. November. Vol. 46. № 277. P. 664—675.

Seward F.W. *Reminiscences of a War-Time Statesman and Diplomat, 1830—1915*. New York: Putnam's sons, 1916. x, 1916.

Speak for Yourself, Daniel: A Life of Webster in His Own Words / Ed. by Walker Lewis. Boston: Houghton Mifflin Co., 1969. 505 p.

Stephens J.L. *Incidents of Travel in the Russian and Turkish Empires*. 2 vols. London: R. Bentley, 1839.

Suppiger J.E. *Cassius Clay's Embassy to Imperial Russia* // Lincoln Herald. 1975. Vol. 77. № 1. P. 42—47.

Taylor B. *Travels in Greece and Russia, with an Excursion to Crete*. New York: Putnam, 1859. vii, 426 p.

Train G.F. *An American Merchant in Europe, Asia, and Australia: A series of Letters from Java, Singapore, China, Bengal, Egypt, the Holy Land, the Crimea and its Battle Grounds, England, Melbourne, Sydney, etc., etc.* New York: Putnam, 1857. xxi, [13—] 512 p.

Train G.F. *My Life in Many States and in Foreign Lands, Dictated in My Seventy-Fourth Year*. London: William Heinemann, 1902. xxi, 348 p.

Van Buren M. *The Autobiography of Martin Van Buren* / Ed. by John C. Fitzpatrick // Annual Report of the American Historical Association for the Year 1918. Washington (DC): Govt. Printing Office, 1920. Vol. 2. 808 p.

Van Buren M. *Inquiry into the Origin and Course of Political Parties in the United States*. New York: August M. Kelley Publishers, 1967 (1st publ. 1867). 436 p.

White A.D. *Autobiography of Andrew Dickson White, with Portraits*. New York: The Century Co, 1922 [c. 1904, 1905]. 2 v.

White A.D. The Diaries of Andrew D. White / Ed. by Robert Morris Ogden. Ithaca, NY: Cornell University Library, 1959. xii, 500 p.

White A.D. Russia in War Time: Recollections of a Member of the American Legation During the Crimean war // Century: Illustrated Monthly Magazine. 1904. Vol. 68 (46 n. s.). P. 597—602.

Wikoff H. The Reminiscences of an Idler. New York: Fords, Howard Hulbert, 1880. xii, 596 p.

William Winston Seaton of the «National Intelligencer». A Biographical Sketch. With Passing Notices of His Associates and Friends. Boston: James R. Osgood and Co.: 1871. 385 p.

Памфлеты, политические трактаты

Вражда Американских Соединенных Штатов с Англией в настоящее время и военные силы обоих государств. СПб.: Тип. Григория Трусова, 1854. 76 с.

Boynton C.B. The Four Great Powers: England, France, Russia and America; Their Policy, Resources, and Probable Future. Cincinnati, Chicago, St. Louis, C.F. Vent, 1866. XX, 520 p.

[Cass Lewis] Examen de la Question Aujourd' hui Pendante entre le Gouvernement des Etats-Unis et Celui de la Grande-Bretagne, Concernant le Droit de Visite; par un Americain. Paris: Imprimerie de H. Fournier et Co, [1842]. 82 p.

Davis H.W. The War of Ormuzd and Ahriman in the Nineteenth Century. Baltimore: James S. Waters, 1852. viii, [9—] 450 p.

Dobell P. Russia As It Is, And Not As It Has Been Represented; Together With Observations And Reflections On The Pernicious And Deceitful Policy Of The New School. London, 1833. 80 p.

Helper H.R. The Impending Crisis of the South: How to Meet It. New York: Burdick brothers, 8 Spruce Street, 1857. x, 420 p.

Kazinski L. Two Lectures: Lecture I, Turkey and Russia; Lecture II, the Exile in the Foreign Land. Manchester, NH: Abbot, Jenks, 1854. 23 p.

Letters of an American, Mainly on Russia and Revolution. Edited by Walter Savage Landor. London: Chapman and Hall, 1854. ii, 96 p.

[Lang J.] Results of the Serf Emancipation in Russia. Loyal Publication Society, No.47. New York: Loyal Publication Society, 1864. 8 p.

Stuart M. Conscience and the Constitution: With remarks on the Recent Speech of the Hon. Daniel Webster in the Senate of the U.S. on the Subject of Slavery. New York: Negro University Press, 1969 (Repr.; 1st publ. 1850). 119 p.

Учебники, научные и научно-популярные работы современников

Иловайский Д. Новая история. Курс старшего возраста. Изд. 7-е. М.: Тип. Грачева и К., 1869. viii, 291 с.

Кайданов И. Краткое начертание всеобщей истории, сочиненное заслуженным профессором Иваном Кайдановым. 9-е, значитель-

но испр. издание. Санкт-Петербург: В тип. Императорской Академии Наук, 1839. VII, 115 с.

Кайданов И. Учебная книга всеобщей истории (для юношества). Сочинение заслуженного профессора И. Кайданова. История новых времен, или XVI, XVII и XVIII веков и первых трех десятилетий XIX века. От 1492 (1500) до 1831 года. Издание 2-е, исправленное. Санкт-Петербург: В тип. К. Жернакова, 1843. VIII, 340 с.

Смарагдов С. Руководство к новой истории для женских учебных заведений. Санкт-Петербург: У издателя книгопродавца Ю.А. Юнгмейстера, 1853. 195, X с.

Abbot J.S. The Empire of Russia; From the Remotest Periods to the Present Time. Boston: Graves and Young, 1859. xv, 528 p.

Brownell H.H. The People's Book of Ancient and Modern History: the old world, comprising an account of the foundation, progress, and decline of the most celebrated empires, states, and nations, from the earliest period to the present time. 2 vols. Boston: Wentworth, 1853.

Goodrich S.G. The Second Book of History, Combined with Geography, Containing the Modern History of Europe, Asia, an Africa. Boston: Hichling, Swan, and Brewer, 1859. 336 p.

Goodrich S.G. Peter Parley's common school history. Illustrated by engravings. Boston: American Stationers' Co., 1838. 407 p.

Goodrich S.G. Peter Parley's common school history. Illustrated by engravings. A new ed., rev. and brought down to the present time. Philadelphia: E. H. Butler co., 1856. 313 p.

Mackie J.M. Life of Schamil; and Narrative of the Circassian War of Independence against Russia. Boston: John P. Jewett and Co, 1856. 300 p.

ЛИТЕРАТУРА

ДИССЕРТАЦИИ

Анисимов А.Л. Колониальная экспансия США в Китае в период опиумных войн и Тайпинского восстания (1839—1864 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 1988. 232 с.

Арустамян Л.Р. Американская проблематика в русской периодической печати (1841—1856): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 147 с.

Власова М.А. Образование вигской партии в США (1828—1840 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 349 с.

Ганелин Р.Ш. Американская экспансия в бассейне Тихого океана в середине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953. 503 с.

Дубовицкий Г.А. Эволюция демократической партии США (1836—1848 годы): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. 205 с.

Казакова О.Ю. Америка и американцы в оценке русского общества (конец 1850—1867): Социокультурные аспекты восприятия: Дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000.

Сиротинская М.М. США и революция 1848 г. во Франции: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 227 с.

May A.J. Contemporary American Opinion of the Mid-Century Revolutions in Central Europe. Ph D thesis. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1927. 135 p.

Pattock F.B. American Russian Relations 1861—1869. A Period of Calculated Coexistence. Ph. D. thesis. University of Minnesota. December 1973. 348 p.

Sexton R.F. The Reaction of Southern Periodicals to the European Revolutions of 1848. MA thesis. University of Washington, 1967. 69 p.

Slick S.E. The Life of William Wilkins. MA thesis. University of Pittsburgh, 1931.

Статьи и монографии

Алентьева Т.В. Жизнь и взгляды Ричарда Хилдрета // Американский ежегодник, 1995. М.: Наука, 1996. С. 110—129.

Алентьева Т.В. Надвигающийся кризис Союза и борьба мнений в США в 1859—1861 гг. Курск: Изд-во Регионального открытого социального института, 2004. 316 с.

Алентьева Т.В. США накануне Гражданской войны: время и люди. Курск: Издательство Курского государственного университета, 2003. 456 с.

Алепко А.В. История американского китобойного бизнеса у тихоокеанских берегов России в XIX—XX вв. // Вестник «История международных отношений в Тихоокеанском регионе» / Хабаровский гос. пед. ун-т, Приамурское географическое о-во. № 1: Россия и США на берегах Тихого океана: два века сотрудничества: Материалы науч. конф., г. Хабаровск, 24—25 мая 2000 г. Хабаровск, 2000. С. 36—42.

Альперович М.С. История отношений между Мексикой и США в послевоенной мексиканской историографии // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 171—183.

Альперович М.С. О «белых пятнах» в истории Америки // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 57—64.

Андриенко В.Г. «...О службе и достоинстве» (адмирал И.И. фон Шанц) // Цитадель. Исторический альманах. 1997. № 2 (5). С. 109—115.

Анисимов А.Л. Американско-китайская торговля в 30-е — первой половине 60-х годов XIX века // Экономическая жизнь Дальнего Востока (Экология. Экономика. Краеведение). 1995. № 1 (4—5). С. 170—186.

Анисимов А.Л. Дальневосточная политика США в 30—60 гг. XIX века: Отношения США с Цинской империей и Японией. Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного педуниверситета, 2002. 368 с.

Анисимов А.Л. Колониальная экспансия США накануне и в период первой опиумной войны. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР. № 22994 от 13. 11. 1985. Хабаровск, 1985. 43 с.

Анисимов А.Л. Нейтралитет России и США в период второй «опиумной» войны (1856—1860) // Россия и политика держав в странах Востока. Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1991. С. 9—19.

Анисимов А.Л. Питер Паркер — дипломат и миссионер (Из истории политики США в Китае в середине XIX в.). Рук. деп. в ИНИОН № 42901 от 25.09.1990. Хабаровск, 1990. — 33 с.

Анисимов А.Л. Политика США в Японии в 60-е годы XIX века // Международные отношения в Тихоокеанском регионе в XIX—XX веках: межвуз. сб. науч. ст. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 1997. С. 22—48.

Анисимов А.Л. Проблема «Мы — Другие» («Свои — Чужие») во взаимоотношениях американцев с народами Дальнего Востока в первой половине XIX века // Проблема «Мы — Другие» в контексте исторического и культурного опыта США: Материалы VII Междунар. науч. конф. Ассоциации изучения США. М.: Изд-во «Путь», 2002. С. 174—182.

Анисимов А.Л. Российско-Американская компания, фирма «Бордмен энд К» и проблема обеспечения продовольственной безопасности дальневосточных владений России в середине XIX века // Вестник «История международных отношений в Тихоокеанском регионе» / Хабаровский гос. пед. ун-т, Приамурское географическое о-во. № 1: Россия и США на берегах Тихого океана: два века сотрудничества: Материалы науч. конф., г. Хабаровск, 24—25 мая 2000 г. Хабаровск, 2000. С. 31—36.

Анисимов А.Л. Россия и США во время второй «опиумной» войны. 1856—1860 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 29—37.

Анисимов А.Л. «Самый большой патриот империи» (американский миссионер П. Паркер в Китае в XIX в.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1996. С. 25—48.

Анисимов А.Л. Становление основных принципов дальневосточной политики США (первая половина XIX века) // Вестник «История международных отношений в Тихоокеанском регионе» / Хабаровский гос. пед. ун-т, Приамурское географическое о-во. № 1: Россия и США на берегах Тихого океана: два века сотрудничества: Материалы науч. конф., г. Хабаровск, 24—25 мая 2000 г. Хабаровск, 2000. С. 11—26.

Анисимов А.Л. США и Приамурье в середине XIX века // Americana. Вып. 4. Общественная мысль, экономика и политика в странах Амери-

канского континента в Новое и новейшее время. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 26—57.

Арустамян Л.Р. Американская тема на страницах «Отечественных записок» (1841—1856) // Американский ежегодник, 1991. М.: Наука, 1992. С. 93—103.

Артемьев А.Р. Международные отношения в Тихоокеанском регионе в 40—60-х гг. XIX в. и проблема безопасности российских территорий на азиатском и американском континентах // Вестник «История международных отношений в Тихоокеанском регионе» / Хабаровский гос. пед. ун-т, Приамурское географическое о-во. № 1: Россия и США на берегах Тихого океана: два века сотрудничества: Материалы науч. конф., г. Хабаровск, 24—25 мая 2000 г. Хабаровск, 2000. С. 3—6.

Астафьев Г.В. Колониальная политика США на Гавайях в доимпериалистический период (1790—1890 гг.) // Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР. 1950. Т. 7. С. 225—274.

Барраль-Монферра. От Монро до Рузвельта (1823—1905). М.; Л.: Госиздат, б. г. 204 с.

Батуева Т.М. Экспансия США на севере Тихого океана и покупка Аляски в 1867 году // Американский экспансионизм: Новое время. М.: Наука, 1985. С. 120—133.

Березный Л.А. Американско-китайский договор 1844 года в освещении американских историков // Новая и новейшая история. 1971. № 2. С. 184—193.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.

Болховитинов Н.Н. «Джексоновская демократия»: историографический миф и реальность // Вопросы истории. 1978. № 12. С. 83—98.

Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро: Происхождение и характер. М.: Изд-во Ин-та междунар. отн., 1959. 335 с.

Болховитинов Н.Н. Доктрина Монро: Происхождение, характер и эволюция // Американский экспансионизм: Новое время / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 1985. С. 49—65.

Болховитинов Н.Н. Из истории русско-американских научных связей в XVIII—XIX веках // США — Экономика. Политика. Идеология. 1974. № 5. С. 17—25.

Болховитинов Н.Н. Историки в поисках истины: визит русского флота в США в 1863—1864 гг. // Американский ежегодник, 1994. М.: Наука, 1995. С. 194—207.

Болховитинов Н.Н. Миссия Клея в Россию, 1861—1862 // Американский ежегодник, 1995. М.: Наука, 1996. С. 130—146.

Болховитинов Н.Н. Образ Америки в России // Американская цивилизация как исторический феномен: Восприятие США в амери-

канской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука, 2001. С. 430—448.

Болховитинов Н.Н. Объяснимый парадокс: гражданская война и реконструкция в американской и русской историографии // Исторический образ Америки: Материалы науч. конф., посвященной 20-летию программы Фонда Фулбрайта, состоявшейся на историческом факультете МГУ им. Ломоносова, г. Москва, 31 января — 3 февраля 1994 г. М.: Ладомир, 1994. С. 170—179.

Болховитинов Н.Н. О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США // Новая и новейшая история. 1970. № 4. С. 23—35.

Болховитинов Н.Н. О роли «подвижной границы» в истории США (Критический анализ концепции Ф. Тернера) // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57—74.

Болховитинов Н.Н. Основные этапы и направления развития американской историографии внешней политики США // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 66—80.

Болховитинов Н.Н. Отклики США на отмену крепостного права в России // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 126—133.

Болховитинов Н.Н., Полевой Б.П. Общественность США и оборона Севастополя в 1854—1855 годах // Новая и новейшая история. 1978. № 4. С. 35—52.

Болховитинов Н.Н., Пономарев В.Н. Американские врачи в Крымской войне // США — Экономика. Политика. Идеология. 1980. № 6. Июнь. С. 63—69.

Болховитинов Н.Н. Присоединение Флориды к Соединенным Штатам // Новая и новейшая история. 1959. № 5. С. 110—119.

Болховитинов Н.Н. Россия и начало гражданской войны в США: по архивным материалам // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 30—43.

Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку, 1732—1799. М., 1991.

Болховитинов Н.Н. Русские эскадры в США в 1863—1864 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 195—216.

Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения: 1815—1832. М.: Наука, 1975. 626 с.

Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски: 1834—1867. М.: Наука, 1990. 368 с.

Болховитинов Н.Н. США: Проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. 408 с.

Болховитинов Н.Н. Рец.: Г.А. Дубовицкий. Шесть портретов. Из истории США первой половины XIX века // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 166—167.

Бонч-Осмоловский А. Соединенные Штаты и проблема Тихого океана. М.; Л: Гос. изд-во, 1930. 134,(2) с.

Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М.: Прогресс — Литера, 1993. 624 с.

Варнаков Ю.Г. Англо-американское соперничество из-за Орегона в освещении канадского историка Х. Классена // Проблемы историографии всеобщей истории: Межвуз. сб. науч. ст. Кемерово: Издательство Кемеровского университета, 1990. С. 102—107.

Варнаков Ю.Г. Орегонский вопрос в освещении американского историка Фредерика Мерка // Экспансионистская политика США в первой половине XIX века. Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 1981. С. 108—116.

Виргинский В.С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М.: Гос. транспортное железнодорожное изд-во, 1949. 272 с.

Великин Б. Петербург — Москва: Из истории Октябрьской железной дороги / Под ред. И. Перепечко и А. Калейса. Л.: ОГИЗ, Государственное издательство «История фабрик и заводов», 1934. 144 с.

Власова М.А. К вопросу о сущности либеральной политики Эндрю Джексона // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М.: Наука, 1993. С. 116—135.

Власова М.А. Эндрю Джексон и особенности эволюции американского либерализма 1830—1840-х годов // Либеральная традиция в США и ее творцы. М.: Издательство Московского университета, 1997. С. 57—73. (Проблемы американистики. Вып. 10).

Воронин М.И., Воронина М.М. Павел Петрович Мельников. 1804—1880. Л.: Наука, Ленинградское отд., 1977. 150 с.

Воронин М.И., Воронина М.М. Станислав Валерианович Кербедз, 1810—1899. Л.: Наука, Ленинградское отд., 1982. 176 с.

Воронин М.И., Воронина М.М. Франц Антон Герстнер. 1793—1840. Спб.: Наука, 1994. 133 с.

Воронин М.И. и др. П.П. Мельников — инженер, ученый, государственный деятель. СПб.: Гуманистика, 2003. 472 с.

Высочков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. 695 с.

Глаголев А.И. У истоков теории экспансии США (XIX в.) // Критика буржуазных, реформистских и ревизионистских экономических учений. М.: Издательство Московского университета, 1979. С. 36—43.

Глинкин А.Н., Маргынов Б.Ф., Яковлев П.П. Эволюция латиноамериканской политики США. М.: Наука, 1982. 256 с.

Годиков А.Г. «Journal de St.-Petersbourg» — газета российского МИД // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2003. № 2. Март-апрель. С. 3—16.

Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2001. 408 с.

Гросул В.Я. Российская политическая эмиграция в США в XIX в. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 49—69.

Дементьев И.П. Американская историография гражданской войны в США (1861—1865). М.: Изд-во МГУ, 1963. 350 с.

Дементьев И.П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX—XX вв.). М.: Изд-во Московского университета, 1973. 368 с.

Дементьев И.П., Согрин В.В. О роли идеологии в истории двухпартийной системы США // Новая и новейшая история. 1980. № 6. С. 64—79.

Дементьев И.П. Теория американской исключительности в исторической мысли США // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 81—102.

Демиховский М.В. Борьба за земли так называемого общественного фонда США в 20—30-х годах XIX в. // Новая и новейшая история. 1962. № 1. С. 112—124.

Демиховский М.В. Еще к вопросу о теории «предохранительного клапана» // Вопросы истории. 1965. № 1.

Демиховский М.В. Экспансия США на Запад // Американский экспансионизм: Новое время / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 1985. С. 66—90.

Дмитришин Б. Административный аппарат Российско-американской компании, 1798—1867 // Американский ежегодник, 1993. М.: Наука, 1994. С. 96—115.

Дубовицкий Г.А. Американская двухпартийная система демократы — виги (30—50-е годы XIX в.) // Историография социально-экономической и политической борьбы в зарубежных странах: Межвуз. сб. науч. ст. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского госуниверситета, 1982. С. 18—30.

Дубовицкий Г.А. Виги и проблема рабства в 40-е годы XIX в. // Проблемы истории политической борьбы и общественной мысли США: Межвуз. сб. науч. ст. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского госуниверситета, 1986. С. 6—22.

Дубовицкий Г.А. Двухпартийная система демократы — виги: Особенности и роль в политическом развитии США в 30—50-е годы XIX в. // Из истории внутривластной борьбы и общественной мысли США: Межвуз. сб. науч. статей. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского госуниверситета, 1981. С. 26—44.

Дубовицкий Г.А. Демократическая партия и политическая борьба в США в период президентства М. Ван-Бюрена (1836—1840) // Вестник МГУ. Сер. 8. 1979. № 3. С. 43—57.

Дубовицкий Г.А. Идеино-политические взгляды Д. Вебстера // Из истории политических движений и общественной мысли США: Меж-

вуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. Г.А. Дубовицкий. Самара: Самарский госуниверситет, 1991. С. 3—21.

Дубовицкий Г.А. «Новая политическая история» о партийно-политической борьбе в США 30—50-х годов XIX века // Проблемы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского госуниверситета, 1987. С. 73—89.

Дубовицкий Г.А., Шатунова И.В. Джон Кэлхун — выразитель интересов американского Юга (20—40-е годы XIX века) // Американский ежегодник, 1991. М.: Наука, 1992. С. 57—74.

Дубовицкий Г.А., Шатунова И.В. Дж. Кэлхун о проблеме прав штатов // Из истории общественной мысли и политических движений в новое и новейшее время. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского госуниверситета, 1988. С. 32—44.

Дубовицкий Г.А. Шесть портретов. Из истории США первой половины XIX века. Самара: Изд-во Самарского университета, 1994. 200 с.

Дубовицкий Г.А. Эндрю Джексон // Вопросы истории. 1992. № 8—9. С. 52—68.

Евгеньев-Максимов В. «Современник» в 40—50-е гг.: От Белинского до Чернышевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде. Б. г.

Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX века: Очерки. М.: Наука, 1977. 256 с.

Ефимов А.В. К истории капитализма в США. М.: Соцэкгиз, 1934. 319 с.

Ефимов А.В. США: Пути развития капитализма: Доимпериалистическая эпоха. М.: Наука, 1969. 695 с.

Ефимов А.В. Очерки истории США: От открытия Америки до окончания гражданской войны. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1958. 439 с.

Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал Светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М.: Центрполиграф, 2001. 382 с.

Зорина А.М. Договор Клейтона — Бульвера (1850) и русская дипломатия // От Аляски до Огненной Земли: История и этнография стран Америки: Сб. ст. / Отв. ред. И.Р. Григулевич. М.: Наука, 1967. С. 58—70.

Иванченко Я.А. Позиция редакционного кружка «Московского телеграфа» в отношении Соединенных Штатов // Американский ежегодник, 1980. М.: Наука, 1981. С. 216—235.

Иванченко Я.А. Промышленное развитие США в 20—30-е годы XIX в. в оценке русской печати // Американский ежегодник, 1982. М.: Наука, 1982. С. 229—253.

Иванов Р.Ф. Гражданская война в США (1961—1965). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 179 с.

Иванов Р.Ф. Дипломатия Авраама Линкольна. М.: Международные отношения, 1987. 302 с.

Иванов Р.Ф. Конфедеративные Штаты Америки (1861—1865 гг.). Ч. 1—2. М.: ИВИ РАН, 2002.

Иванов Р.Ф., Левитас И.Я. Н.Г. Чернышевский о рабстве негров в США и проблеме гражданских свобод // Американский ежегодник, 1980. М.: Наука, 1981. С. 118—138.

Исаев С.А. Алексис Токвиль и Америка его времени. СПб.: Наука, 1993. 144 с.

Исаев С.А. Дебаты Уэбстера — Хейна // Американский ежегодник, 1990. М.: Наука, 1991. С. 114—125.

Исаев С.А. О месте «Джексонской демократии» в истории США // Социально-политическая борьба в странах Европы и Америки в средние века и новое время: Межвуз. сб. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского госуниверситета, 1991. С. 22—37.

Исаев С.А. Токвиль в русской дореволюционной публицистике // Исаев С.А. Алексис Токвиль и Америка его времени. СПб.: Наука, 1993. С. 119—129.

История внешней политики и дипломатии США, 1775—1877 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Междунар. отношения, 1994. 384 с.

История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) / Отв. ред. О.В. Орлик. М.: Междунар. отношения, 1995. 448 с.

История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Междунар. отношения, 1997. 384 с.

История Русской Америки. Том III. Русская Америка: от зенита к закату. 1825—1867 / Под ред. акад. Н.Н. Болховитинова. М.: Междунар. отношения, 1999. 560 с.

История литературы США / Гл. ред. Я.Н. Засурский. Т. 1—4. М.: Изд-во «Наследие», 1997—2003.

История США: В 4-х т. Т. 1. 1607—1877. М.: Наука, 1983. 688 с.

Казакова О.Ю. Американская демократия и гражданская война: взгляд из России (по материалам русской прессы 1861—1865 гг.) // Демократия и общественные движения: история и общественная мысль: Материалы междунар. науч. конф. «Демократия: историко-политический и историко-культурный аспекты». Волгоград, 30 сент. — 2 окт. 1997 г. Волгоград: Перемена, 1998. С. 57—61.

Казакова О.Ю. Столетняя эволюция образа Америки во французском общественном мнении, 1815—1914 // Американский ежегодник, 2003. М.: Наука, 2005. С. 75—97.

Канторович А.Я. Америка в борьбе за Китай (Конец XVIII—XX в.). М.: Соцэкгиз, 1935. 639 с.

Княпина Н.С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192—210; № 2. С. 139—152.

Киняпина Н.С. Железнодорожный вопрос в политике самодержавия 20—50-х гг. XIX в. // Ученые записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1964. Вып. 72. Т. 2. С. 771—811.

Киняпина Н.С. Россия и Гражданская война в США // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 1980. № 2. С. 40—52.

Киселева О.А. Внешнеполитическая мысль США и планы аннексии Канады в 1865—1871 гг. // Из истории общественной мысли и политических движений в новое и новейшее время. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского госуниверситета, 1988. С. 45—59.

Коленко В.А. От Шатобриана до Маритена: традиции и инновации восприятия Америки во Франции // Американская цивилизация как исторический феномен: Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука, 2001. С. 376—429.

Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура / Отв. ред.: Ю.К. Мельвиль, Е.Ф. Язьков. М.: Изд-во Московского университета, 1993. 304 с. (Проблемы американистики. Вып. 9)

Кормилец А.А. А. Линкольн и либеральная традиция в годы Гражданской войны: парадоксы успехов // Либеральная традиция в США и ее творцы. М.: Издательство Московского университета, 1997. С. 91—108. (Проблемы американистики. Вып. 10).

Кормилец А.А., Поршаков С.А. Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы гражданской войны (конец 1840-х — 1865 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1987. 176 с.

Крючкова О.В. Краткий обзор буржуазной литературы американско-английских отношений в годы Гражданской войны в США // Американский ежегодник, 1979. С. 261—279.

Кубанев Н.А. Роль европейского путешествия в процессе национальной самоидентификации американцев и русских // Проблема «Мы — Другие» в контексте исторического и культурного опыта США: Материалы VII Междунар. науч. конф. Ассоциации изучения США. М.: Изд-во «Путь», 2002. С. 45—50.

Кубышкин А.И. Англо-американское соперничество в Центральной Америке в XIX — начале XX века. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. 240 с.

Куропятник Г.П. Захват Гавайев // Американский экспансионизм: Новое время / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 1985. С. 238—258.

Куропятник Г.П. Захват Гавайских островов США. М.: Соцэкгиз, 1958. 247 с.

Куропятник Г.П. Земельный вопрос в Конгрессе США в середине XIX века // Американский ежегодник, 1995. М.: Наука, 1996. С. 48—69.

Ларин Е.А. Какому флагу служил генерал Нарсисо Лопес? // Новая и новейшая история. 1980. № 4. С. 142—150.

Лафибер У. Американская историография внешней политики США // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 195—204.

Лафибер У. Современная историография дипломатической истории США // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М.: Наука, 1993. С. 208—218.

Лемке М.К. Эмигрант Иван Головин (по неизданным материалам) // Былое. 1907. № 5. С. 24—52; № 6. С. 261—285.

Лопатников В.А. Пьедестал: Время и служение канцлера Горчакова. М.: Молодая гвардия, 2003. 344 с.

Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 3 т. М.: Прогресс, 1977—1979.

Малаховский К.В. История колониализма в Океании. М.: Наука, 1979. 565 с.

Малкин М.М. Гражданская война в США и царская Россия. М.; Л.: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое изд-во, 1939. 332 с.

Малкин М.М. Русско-американские отношения в период гражданской войны // К столетию гражданской войны в США / Под ред. А.В. Ефимова и Л.И. Зубока. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1961. С. 417—451.

Маль К.М. Гражданская война в США, 1861—1865: Развитие военного искусства и военной техники. М.: Изд-во АСТ, Минск: Харвест, 2002. 592 с.

Манькин А.С. История двухпартийной системы в США (1789—1980): Спецкурс. М.: Изд-во МГУ, 1981. 285 с.

Маркс К. Отстранение Фримонта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 390—391.

Мартынов А.И. Отношения царского правительства и Российско-американской компании в 1857—1867 гг. // Conference on Russian America sponsored by the American Historical Association and the Kennan Institute for Advanced Russian Studies, the Wilson Center. Sitka, Alaska, August 21-25, 1979. № 74. 26 с.

Матвеева Н.Р. О причинах военно-морской экспедиции США против Парагвая в 1858—1859 г. // Ученые записки Калининградского гос. пед. ин-та. 1971. Т. 62. С. 39—68.

Медина Кастро М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. XIX век: История экспансии США. М.: Прогресс, 1974. 360 с.

Миньяр-Белоручев К.В. Двухпартийная система демократы-виги и формирование экспансионистской внешней политики США в 40-е годы XIX в. // Памяти профессора Н.В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций / Под ред. проф. А.С. Манькина. М.: Изд-во Московского университета, 2004. С. 119—140.

Миньяр-Белоручев К.В. Партийно-политическая борьба в конгрессе США по вопросу о присоединении Техаса (весна 1843 — лето 1844 г.) // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2002. № 6. Ноябрь-декабрь. С. 66—85.

Монахов В.М. Речи, выступления и статьи Ч. Самнера как источник по истории внешней политики США // Проблемы источниковедения внешней политики США: Сб. ст. / Отв. ред. А.А. Фурсенко. М.; Л.: ЛОИИ, 1987. С. 38—50.

Монахов В.М. Внешнеполитические воззрения У.Г. Сьюарда // Проблемы международных отношений в XIX—XX вв. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1980. С. 130—141.

Монахов В.М. У.Г. Сьюард — политический деятель эпохи домонополистического капитализма в США // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: индивидуальные и социально-типические черты: межвуз. сб. ст. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. С. 102—108.

Монтес Э. США и Мексика: от территориальной экспансии к экономическому подчинению // Латинская Америка. 1976. № 4. С. 143—153.

Мурадян А.А. Американская историография тихоокеанской политики США в XIX веке: Критика основных концепций. М.: Наука, 1975. 245 с.

Мурадян А.А. Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М.: Наука, 1971. 88 с.

Мурадян А.А. К вопросу о внешнеполитической доктрине США в отношении стран Азии, Африки и Океании: Начало XIX в. — 60-е годы XX в. // Колониальная история и современность. М.: Наука, 1968. С. 56—79.

Мурадян А.А. Некоторые вопросы политики США на Дальнем Востоке в XIX в. в советской исторической литературе // Американский ежегодник, 1973. М.: Наука, 1974. С. 311—321.

Мурадян А.А. Экспансия США на Дальнем Востоке в XIX веке: Экономические и политические мотивы // Американский экспансионизм: Новое время. М.: Наука, 1985. С. 276—294.

Нарочницкий А.Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50-е — 70-е годы XIX века // Исторические записки. № 44. М., 1953. С. 130—176.

Национальные процессы в США / Под ред. С.А. Гонионского. М.: Наука, 1973. 400 с.

Никитин А.И. Эволюция американского глобализма: Идеиная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире. М.: Наука, 1987. 133 с.

Николюкин А.Н. Взаимосвязи литератур России и США: Тургенев, Толстой, Достоевский и Америка. М.: Наука, 1987. 352 с.

Николюкин А.Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 408 с.

Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы, 1870—1970: Этно-исторический очерк. М.: Наука, 2005. 421 с.

Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей: Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Носков В.В. «Нет, свобода не там»: славянофильский образ Америки // Американский ежегодник, 2003. М.: Наука, 2005. С. 251—270.

Носков В.В. Образ Америки в русской философии истории // Россия в контексте мировой истории: Сб. ст. СПб.: Наука, 2002. С. 309—325.

Носков В.В. Россия, США и Англия на Тихом океане: стратегия трехстороннего соперничества // Вестник «История международных отношений в Тихоокеанском регионе» / Хабаровский гос. пед. ун-т, Приамурское географическое о-во. № 1: Россия и США на берегах Тихого океана: два века сотрудничества: Материалы науч. конф., г. Хабаровск, 24—25 мая 2000 г. Хабаровск, 2000. С. 6—11.

Носков В.В. Современная историография экспансии США и европейских держав в Океании в XIX в. // Современная историография экспансионизма США, XIX — нач. XX в.: Сб. ст. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1985. С. 55—82.

Основные проблемы истории США в американской историографии. От колониального периода до гражданской войны 1861—1865 гг. М.: Наука, 1971. 375 с.

Очерки новой и новейшей истории США: В 2 т. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 636 с.

Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850—1880-е годы. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 304 с.

Пастусьяк Л. Внешняя политика конфедерации южных штатов во время гражданской войны // Американский ежегодник, 1978. М.: Наука, 1978. С. 235—248.

Петров Д.В. Колониальная экспансия Соединенных Штатов Америки в Японии в середине XIX в. М.: Госполитиздат, 1955. 280 с.

Плешков В.Н. Американские негры при дворе российских императоров // Российско-американские связи: 300 лет сотрудничества / Под ред. Ю.П. Третьякова, Н.А. Александровой. СПб.: Академический проект, 2004. С. 120—128.

Плешков В.Н. Егор Зонтаг: забытый американец // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: Сб. ст. в честь академика Б.В. Ананьича / Отв. ред. В.М. Панеях. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 273—277.

Полевой Б.П. Попытка американского посредничества в Крымской войне // Проблемы истории и этнографии Америки. М.: Наука, 1979. С. 43—53.

Пономарев В.Н. Крымская война и русско-американские отношения. М.: Ин-т Российской истории РАН, 1993. 232 с.

Пономарев В.Н. Полвека за океаном: российский дипломат и литератор Алексей Евстафьев // Американский ежегодник, 1990. М.: Наука, 1991. С. 191—205.

Пономарев В.Н. Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1853—1856 // Исторические записки. Т. 110. М.: Наука, 1984. С. 232—281.

Пономарев В.Н. Русско-американские отношения периода Крымской войны в отечественной и американской историографии // Внешняя политика России (Историография). Сб. ст. / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1988. С. 171—185.

Поршаков С.А. А. Линкольн и эволюция либеральной доктрины в условиях назревания Гражданской войны // Либеральная традиция в США и ее творцы. М.: Издательство Московского университета, 1997. С. 75—91. (Проблемы американистики. Вып. 10).

Поршаков С.А. Крах вигской партии США в середине 50-х гг. XIX в. // Проблемы новой и новейшей истории. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 136—152.

Потокова Н.В. Агрессия США против Мексики: 1846—1848. М.: Соцэкгиз, 1962. 141 с.

Потокова Н.В. Аннексия Техаса Соединенными Штатами Америки: 1821—1845 гг. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1986. 164 с.

Потокова Н.В. Захват Техаса и война с Мексикой // Американский экспансионизм: Новое время. М.: Наука, 1985. С. 90—120.

Потокова Н.В. Плантадоры-рабовладельцы Юга США и экспансия на новые земли Запада (40-е годы XIX в.) // Известия Сев.-Кавк. науч. центра высшей школы. Общественные науки. Ростов н/Д, 1989. № 3. С. 77—83.

Потокова Н.В. Причины и характер североамериканской колонизации Техаса (1821—1835) // Американский ежегодник, 1974. М.: Наука, 1975. С. 218—240.

Потокова Н.В. Ранний период экспансии США в Техас (конец XVIII в. — 1819 г.) // Экспансионистская политика США в первой половине XIX века. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1981. С. 65—85.

Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции. Ч. 1. Конец XVIII в. — 1917 г. / Отв. ред. Е.Ф. Язьков. М.: Изд-во МГУ, 1988. 288 с.

Райерсон С.Б. Неравный союз: История Канады, 1815—1873. М.: Прогресс, 1970. 398 с.

Решетникова Л.С. К вопросу о дискуссии историков США о сущности и причинах американского экспансионизма // Проблемы

историографии всеобщей истории: Межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: Изд-во Кемеровского университета, 1990. С. 122—131.

Романова Н.Х. К вопросу о политике США в отношении Испании (первая четверть XIX в.) // Американский ежегодник, 1987. М.: Наука, 1987. С. 210—224.

Романова Н.Х. Реформы Э. Джексона: 1829—1837. М.: Наука, 1988. 152 с.

Русская Америка. 1799—1867: Материалы Междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-американской компании 1799—1999». Москва, 6—10 сентября 1999 г. М.: ИВИ РАН, 1999. 292 с.

Саенс В. Проблемы межокеанских путей американского континента. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1959. 203 с.

Сидоров Л.Н. Буржуазные историки США об американской экспансии начала XIX в. // Современная историография экспансионизма США, XIX — нач. XX в.: Сб. ст. М.; Л.: Ин-т истории СССР, 1985. С. 5—31.

Сиротинская М.М. Американская тематика на страницах журнала *Ревю де Де Монд* (конец 1840-х — начало 1850-х гг.) // Восприятие Соединенных Штатов Америки по обе стороны Атлантики. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 73—86.

Сиротинская М.М. Американское общество и Французская республика, 1848—1852. М.: ИВИ РАН, 2003. 284 с.

Сиротинская М.М. Дж. Фенимор Купер как социальный критик // Американский ежегодник, 2003. М.: Наука, 2005. С. 118—153.

Сиротинская М.М. Европейская политика США в середине XIX века // История внешней политики и дипломатии США, 1775—1877. М.: Междунар. отношения, 1994. С. 233—264.

Сиротинская М.М. Конституционный опыт США в понимании французских политических деятелей (1848 г.) // Европейский либерализм в новое время: Теория и практика. М.: ИВИ РАН, 1995. С. 193—204.

Сиротинская М.М. «Мы — Другие»? Современники об американской «исключительности», 1830—1840-е годы // Проблема «Мы — Другие» в контексте исторического и культурного опыта США: Материалы VII Междунар. науч. конф. Ассоциации изучения США. М.: Изд-во «Путь», 2002. С. 127—137.

Сиротинская М.М. Политические институты США в оценке некоторых французских современников, 1830-е годы // Американский ежегодник, 1997. М.: Наука, 1997. С. 116—131.

Сиротинская М.М. Политические институты США в оценке французских современников, 1830—1840-е годы // Американская цивилизация как исторический феномен: Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука, 2001. С. 340—375.

Сиротинская М.М. Революция 1848 г. во Франции, февраль — май 1848 г. (по материалам американской прессы) // Размышления об Америке. Исторический альманах. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 102—158.

Сиротинская М.М. Французские периодические издания о Соединенных Штатах (1830—1840-е годы) // Американский ежегодник, 1998. М.: Наука, 1999. С. 69—94.

Согрин В.В. Идеология в американской истории: От отцов-основателей до конца XX века. М.: Наука, 1995. 238 с.

Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX века. М.: Наука, 1987. 271 с.

Согрин В.В. Либерализм и консерватизм — центральные идейно-политические традиции США // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М.: Наука, 1993. С. 62—84.

Согрин В.В. Мир американских рабовладельцев: Кэлхун, Фицхью и другие // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 67—81.

Согрин В.В. Политическая история США. XVII—XX вв. М.: Изд-во «Весь мир», 2001. 400 с.

Согрин В.В. Президент США Эндрю Джексон: путь к власти // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 172—196.

Согрин В.В. Эволюция американской демократии: современное прочтение // Памяти профессора Н.В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций / Под ред. проф. А.С. Маныкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 59—92.

Согрин В.В. Этапы американского консерватизма // Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 47—63.

Сол Н.Э. Представления русских об Америке (1820—1860) // Американский ежегодник, 1990. М.: Наука, 1991. С. 166—190.

Старцев А. Пушкин о США в «Джоне Теннере» // Старцев А. Американские этюды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 79—98.

Старцев А. Турчаниновы и гражданская война в США // Старцев А. Американские этюды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 99—165.

Стеценко Е.А. История, написанная в пути... (записки и книги путешествий в американской литературе XVII—XIX вв.). М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 1999. 312 с.

Супоницкая И.М. Антиномия Американского Юга: Свобода и рабство. М.: ИВИ РАН, 1998. 218 с.

Супоницкая И.М. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе // Вопросы философии. 2003. № 5. С. 44—56.

Супоницкая И.М. Южанин и северянин: от вражды к терпимости // Проблема «Мы — Другие» в контексте исторического и куль-

турного опыта США: Материалы VII Междунар. науч. конф. Ассоциации изучения США. М.: Изд-во «Путь», 2002. С. 138—148.

США: Политическая мысль и история / Отв. ред. Н.Н. Яковлев. М.: Наука, 1976. 617 с.

Тишков В.А. Россия и восстание 1837—1838 гг. в Канаде // Американский ежегодник, 1976. М.: Наука, 1976. С. 283—299.

Троицкая Л.М. Американцы открывают мир и Америку // Американский ежегодник, 1993. М.: Наука, 1994. С. 133—150.

Троицкая Л.М. Англо-американские отношения и орегонская проблема (1815—1846) // История внешней политики и дипломатии США, 1775—1877. М.: Междунар. отношения, 1994. С. 179—200.

Троицкая Л.М. «Визит старой дамы»: Фрэнсис Троллоп об американцах в Америке (1827—1831 гг.) // Размышления об Америке: Исторический альманах. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 52—101.

Троицкая Л.М. Гости «брата Джонатана»: США в 1820—1830-х годах глазами британских путешественниц // Американская цивилизация как исторический феномен: Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука, 2001. С. 295—339.

Троицкая Л.М. Некоторые аспекты проблемы торговли США с Великобританией (1815—1860) // Американский ежегодник, 1987. М.: Наука, 1987. С. 225—242.

Троицкая Л.М. Орегонская проблема в американо-английских отношениях в 40-х годах XIX в. (Краткий обзор литературы) // Американский ежегодник, 1986. М.: Наука, 1986. С. 160—168.

Троицкая Л.М. Ч. Диккенс и Фр. Марриат: два взгляда на американскую действительность // Американский ежегодник, 1989. М.: Наука, 1990. С. 122—143.

Трояновская М.О. США: У истоков двухпартийной системы. М.: Междунар. отнош., 1989. 176 с.

Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы: 1820—1865 гг. М.: Наука, 1971. 444 с.

Фонер Ф.С. История Кубы и ее отношений с США. 1492—1845 гг.: От завоевания Кубы до «Эскалеры». М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. 303 с.

Фонер Ф.С. История Кубы и ее отношений с США. 1845—1895 гг.: От эры аннексионизма до начала второй войны за независимость. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1964. 472 с.

Фостер У.З. Очерк политической истории Америки. 2-е изд. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. 918 с.

Френкель М.Ю. США и Либерия: Негритянская проблема в США и образование республики Либерия. М.: Наука, 1964. 327 с.

Халфин Н.А. Американская экспансия в странах Азии и Африки в 40-е — 60-е годы XIX века // Народы Азии и Африки. 1962. № 6. С. 67—77.

Халфин Н.А., Мурадян А.А. Янки на Востоке в XIX веке, или Колониализм без империи. М.: Мысль, 1966. 200 с.

Халфин Н.А. Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана. М.: Изд-во Вост. лит.-ры, 1958. 110 с.

Харц Л. Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс-Академия, 1993. 400 с.

Хофстедтер Р. Американская политическая традиция и ее создатели. М.: Наука, СП «Квадрат», 1992. 432 с.

Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки (1765—1865 гг.). СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1897. 382 с.

Чистякова Е.В. Русские страницы Америки. М.: Изд-во РУДН, 1993. 150 с.

Ширяев Б.А., Ярыгин А.А. Джеймс Полк и политика экспансии США // Классовая борьба и общественная мысль в истории Европы и Америки XIX—XX вв. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1988. С. 21—31.

Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992. 688 с.

Энгель В.В. «Еврейский вопрос» в русско-американских отношениях. На примере «паспортного» вопроса, 1864—1913. М.: Наука, 1998. 143 с.

Эткинд А. Иная свобода: Пушкин, Токвиль и демократия в России // Знамя. 1999. № 6. Июнь. С. 179—203.

Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

Эткинд А. The American Connection, или Что делал Рахметов, пока не стал Шатовым // Знамя. 1997. № 1. Январь. С. 153—182.

Ярыгин А.А. Дж. Полк и политика экспансии США в американской историографии новейшего времени // Вопросы историографии зарубежной истории: Межвуз. сб. науч. тр. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской, 1991. С. 157—163.

Ярыгин А.А. К вопросу о классовом характере экспансии США в первой половине XIX в. // Классовая борьба и общественная мысль в истории Европы и Америки (XIX—XX вв.). Сыктывкар, 1988. С. 32—46.

Ярыгин А.А. Орегонский кризис 1845—1846 гг. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. 1988. Вып. 1. С. 88—91.

Adamov E.A. Russia and the United States at the Time of the Civil War // Journal of Modern History. 1930 (December). Vol. 2. № 4. P. 586—602.

Adams E.D. Lord Ashburton and the Treaty of Washington // American Historical Review. 1912. Vol. 17. № 4. P. 764—782.

Adams H.M. Prussian-American Relations, 1775—1871. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1980. IV, 135 p.

Alekseev A.I. The Odyssey of a Russian Scientist: I.G. Voznesenskii in Alaska, California and Siberia, 1839—1849. Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1987. xi, 140 p.

Allen R.V. Russia Looks at America: The View to 1917. Washington: Library of Congress, 1988. 320 p.

Allgor C. «A Republican in a Monarchy»: Louisa Catherine Adams in Russia // Diplomatic History. Vol. 21. № 1. Winter 1997. P. 15—43.

Altschuler G.C. Andrew D. White — Educator, Historian, Diplomat. Ithaca: Cornell University Press, 1979. 300 p.

Anderson O. Economic Warfare in the Crimean War // Economic History Review, New Series. 1961. Vol. 14. № 1. P. 34—47.

Arndt J.C. Maine in the Northeastern Boundary Controversy: States' Rights in Antebellum New England // New England Quarterly. 1989. Vol. 62. P. 205—223.

Babey A.M. Americans in Russia, 1776—1917: A Study of the American Travelers in Russia From the American Revolution to the Russian Revolution. New York: The Comet Press, 1938. xiv, 175 p.

Bailey T.A. America Faces Russia: Russian-American Relations from Early Times to Our Day. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1950. xiii, 375 p.

Bailey T.A. A Diplomatic History of the American People. 7th ed. New York, 1964. XVI, 973 p.

Barney W.L. Battleground for the Union: the Era of the Civil War and Reconstruction, 1848—1877. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice Hall, 1990. X, 355 p.

Barratt G.R.V. Pushkin's America: A Survey of the Sources // Canadian Slavonic Papers. 1973. Vol. 15. № 3. P. 274—296.

Bartlett I.H. Daniel Webster. New York: Norton Co., 1978. XII, 333 p.

Bassin M. The Russian Geographical Society, the «Amur Epoch», and the Great Siberian Expedition 1855—1863 // Annals of the Association of American Geographers. 1983 (June). Vol. 73. № 2. P. 240—256.

Baxter M.G. One and Inseparable: Daniel Webster and the Union. Cambridge (Mass.): Belknap press of Harvard univ. press, 1984. X, 646 p.

Baylen J.O. James Buchanan's «Calm of Despotism» // Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1953. Vol. 77. № 3 (July). P. 294—310.

Baylen J.O. A Tennessee Politician in Imperial Russia, 1850—1853 // Tennessee Historical Quarterly. 1955. Vol. 14. P. 227—252.

Belohlavek J.M. George Mifflin Dallas: Jacksonian Patrician. University Park London: Pennsylvania State University Press, 1977. xii, 233 p.

Belohlavek J.M. «Let the Eagle Soar»: The Foreign Policy of Andrew Jackson. Lincoln: University of Nebraska Press, 1985. X, 328 p.

Bemis S.F. (Ed.) The American Secretaries of State and Their Diplomacy. 10 vols. New York, 1927—1929.

Bemis S.F. John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy. New York: Knopf, 1949. XIX, 588, XV p.

Bergeron P.H. The Presidency of James K. Polk. Lawrence (Kan.): University press of Kansas, 1987. XV, 310 p.

Binder F.M. American Shipbuilding and Russian Naval Power, 1837—1846 // *Military Affairs*. 1957. Vol. 21. № 2. P. 79—84.

Binder F.M. James Buchanan and the American Empire. Selinsgrove, Pa: Susquehanna University Press, 1994. 318 p.

Binder F.M. James Buchanan: Jacksonian Expansionist // *Historian*. 1992. Autumn. Vol. 55. № 1. P. 69—84.

Black J.L. Canada in the Russian Mirror: the «Canada Card» in Russian Politics and Foreign Policy, 1802—1860. [Occasional Paper № 4] Ottawa: Centre for Research on Canadian-Russian Relations, Carleton University, 1995. 51 p.

Black J.L. The Peasant Kingdom: Canada in the 19th-Century Russian Imagination: A Cruise through Old Russian Books and Archives. [Canada / Russia Series. Vol. 2]. Ottawa: Penumbra press, 2001. 244 p.

Blakely A. American Influences on Russian Reformist Thought in the Era of the French Revolution // *Russian Review*. 1993. Vol. 52. P. 451—471.

Blackwell W.L. The Beginnings of Russian Industrialization, 1800—1860. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1968. ix, 484 p.

Bliemaier J.K. Cassius Marcellus Clay in St. Petersburg // *Register of the Kentucky Historical Society*. 1975. Vol. 73. № 3. P. 263—287.

Bonham M.L. Alexander McLeod: Bone of Contention // *New York History*. 1937. Vol. 18. P. 189—217.

Bourne K. Britain and the Balance of Power in North America, 1815—1908. London: Longmans, 1967. XII, 439 p.

Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. 1830—1902. Oxford: Oxford Univ. Press, Clarendon Press, 1970. XII, 531 p.

Brack G.M. Mexican Opinion, American Racism, and the War of 1846 // *Western Historical Quarterly*. 1970. Vol. 1. P. 161—174.

Bradford G. As God Made Them; Portraits of Some Nineteenth — Century Americans. Boston, New York: Houghton Mifflin Co., 1929. 294 p.

Bradley H.W. The American Frontier in Hawaii; the Pioneers, 1789—1843. Stanford, London: Stanford University Press, Oxford University Press, 1942. XI, 488 p.

Bradley J. Guns for the Tsar: American Technology and the Small Arms Industry in Nineteenth-Century Russia. De Kalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1990. xi, 274 p.

Brauer K.J. Cotton Versus Conscience. Massachusetts Whig Politics and Southwestern Expansion, 1843—1848. Lexington, Univ. of Kentucky Press, 1967. VI, 272 p.

Brauer K.J. The Great American Desert Revisited: Recent Literature and Prospects for the Study of American Foreign Relations, 1815—61 // *Diplomatic History*. 1989. Vol. 13. №3. Summer. P. 395—417.

Brauer K.J. The United States and British Imperial Expansion, 1815—60 // *Diplomatic History*. 1988. Vol. 12. № 1. P. 19—37.

Brauer K.J. 1821—1860: Economics and the Diplomacy of American Expansionism // *Economics and World Power* / Ed. W.H. Becker, S.F. Wells, Jr. 1984. P. 55—118.

Brebner J.B. North Atlantic Triangle: The Interplay of Canada, the United States, and the Great Britain. New Haven: Yale University Press; Toronto: the Ryerson Press, 1945. 385 p.

Brent R.A. Tarnished Brass: A New Perspective on Daniel Webster // *Southern Quarterly*. Vol. IV. 1965. № 1. October. P. 41—52.

Bronson H. Brief Sketch of the Life and Character of the Late Ralph I. Ingersoll. New Haven: Hoggson Robinson, 1873. 19 p.

Brooke G.M. The Vest Pocket War of Commodore Jones // *Pacific Historical Review*. 1962. Vol. 31. P. 217—233.

Brown Th. Politics and Statesmanship: Essays on the American Whig Party. New York: Columbia univ. press, 1985. 330 (9) p.

Bruce W.C. John Randolph of Roanoke, 1773—1833. A Biography Based Largely on New Material. 2 vols. New York: Putnam, 1922.

Bull E.L. Lucy Pickens: First Lady of the South Carolina Confederacy // *Proceedings of The South Carolina Historical Association*. 1982. P. 5—18.

Burnett K. Tippecanoe and Taylor Too // *Journal of the West*. 1992. Vol. 31. № 3. P. 44—50.

Cabot H.R. The Early Years of William Ropes and Company in St. Petersburg // *American Neptune*. 1963. Vol. 23. № 2. P. 131—139.

Callahan J.M. The Alaska Purchase and Americo-Canadian Relations. West Virginia University, 1908.

Carstensen F.V. American Enterprise in Foreign Markets: Studies of Singer and International Harvester in Imperial Russia. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984. vi, 289 p.

Caruthers J.W. American Pacific Ocean Trade: Its Impact on Foreign Policy and Continental Press. New York: Macmillan, 1973. VIII, 231 p.

Chamberlain M.E. British Foreign Policy in the Age of Palmerston. London: Longman, 1980. VI, 147 p.

Chester E.W. Sectionalism, Politics and American Diplomacy. Metuchen (N. J.): The Scarecrow press. 1975. XIII, 348 p.

Chidsey D.B. And Tyler Too. Nashville: T. Nelson, 1978. 158 p.

Clarke J. British Diplomacy and Foreign Policy: 1782—1865. The National Interest. London: Unwin Hyman, 1989. 350 p.

Cleaves F. Old Tippecanoe: William Henry Harrison and His Time. Port Washington (N. Y.): Kennikat Press, 1969 (1st ed. — 1939). XIV, 422 p.

- Cole D.B. Martin Van Buren and the American Political System. Princeton (N. J.): Princeton University Press, 1984. XIII, 477 p.
- Combs J.A. American Diplomatic History: Two Centuries of Changing Interpretations. Berkeley: University of California Press, 1983. XII, 413 p.
- Combs J.A. The History of American Foreign Policy. New York: Knopf, 1986. XXII, 517 p.
- Combs J.A. Norman Graebner and the Realist View of American Diplomatic History // *Diplomatic History*. 1987. Vol. 11. № 3. P. 251—264.
- Connor S.V., Faulk O.B. North America Divided: The Mexican War, 1846—1848. New York: Oxford University Press, 1971. IX, 300 p.
- Corbett D.M. Taras Shevchenko and Ira Aldridge: (The Story of Friendship between the Great Ukrainian Poet and the Great Negro Tragedian) // *Journal of Negro Education*. 1964 (Spring). Vol. 33. № 2. P. 143—150.
- Cramer R.S. British Magazines and the Oregon Question // *Pacific Historical Review*. 1963. Vol. 32. P. 369—382.
- Crapol E.P. The Foreign Policy of Antislavery, 1833—1846 // *Redefining the Past: Essays in Diplomatic History in Honor of William Appleman Williams*. Corvallis (Oregon): Oregon State University Press, 1986. P. 85—103.
- Crawford M. The Anglo-American Crisis of the Mid-Nineteenth Century: The Times and America, 1850—1862. Athens: University of Georgia Press, 1987. X, 179 p.
- Current R.N. Daniel Webster and the Rise of National Conservatism. Boston, Toronto: Little, Brown and Co., 1955. 215 p.
- Current R.N. John C. Calhoun. New York: Washington Square Press, 1966. IX, 182 p.
- Current R.N. Webster's Propaganda and the Ashburton Treaty // *Mississippi Valley Historical Review*. Vol. 34. 1947. September. № 2. P. 187—200.
- Curti M.E. Austria and the United States, 1848—1852: A Study in Diplomatic Relations // *Smith College Studies in History*. 1926. Vol. 11. P. 141—206.
- Curtis G.T. Life of Daniel Webster. 2 vols. New York: Appleton, 1870.
- Dakowski A. The Coverage of the Polish November Insurrection of 1830—31 In the Contemporaneous American Newspapers and Magazines // *American Studies [Poland]*, 1991. Vol. 10. P. 103—118.
- Dalzell R.F. Daniel Webster and the Trial of American Nationalism, 1843—1852. Boston: Houghton, Mifflin Co, 1973. XX, 363 p.
- Dalzell R.F. Enterprising Elite: the Boston Associates and World They Made. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1987. XVIII, 298 p.
- Darling A.B. Political Changes in Massachusetts, 1824—48: A Study of Liberal Movements in Politics. 2nd ed. Cos Cob (Conn.): John E. Edwards Publ., 1968. 392 p.

- Davis A.K. Some Sources of American Hostility to Russia // *American Journal of Sociology*. 1947 (November). Vol. 53. № 3. P. 174—183.
- Dow R.A., Wilson R.L. The Czar's Colts // *Nineteenth Century*. 1980. Vol. 6. № 4. P. 34—37.
- Dowty A. The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War. New York: New York University Press, 1971. 260 p.
- Dulles F.R. The Road to Teheran: The Story of Russia and America, 1781—1943. Princeton: Princeton University Press, 1944. vii, 279 p.
- Duniway C.A. Daniel Webster // *The American Secretaries of State and Their Diplomacy* / Ed. Samuel F. Bemis. New York, 1928. Vol. 5, 6.
- Dvoichenko-Markov E. Americans in the Crimean War // *Russian Review*. 1954 (April). Vol. 13. P. 137—145.
- Eaton C. Henry Clay and the Art of American Politics. Boston: Little, Brown, 1957. 209 p.
- Edmunds J.B. Francis W. Pickens and the Politics of Destruction. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1986. xiii, 256 p.
- Elitzer M.R. A Study of Greatness: Daniel Webster and the African Slave Trade Cases // *Journal of Historical Studies*. 1980. № 4. P. 43—63.
- Engerman D.C. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge: Harvard University Press, 2003. vi, 399 p.
- Erickson P.D. Daniel Webster's Myth of the Pilgrims // *New England Quarterly*. 1984. Vol. 57. № 1. March. P. 44—64.
- Everett E. The Life of Daniel Webster. New York: J.A. Hill, 1904. 270 p.
- Explaining the History of American Foreign Relations: A Round Table // *Journal of American History*. 1990. Vol. 77. June. P. 93—180.
- Fields W. The Reply to Hayne: Daniel Webster and the Rhetoric of Stewardship // *Political Theory*. 1983. Vol. 11. № 1. February. P. 5—28.
- Fisher D.H. The Revolution of American Conservatism: the Federalist Party in the Era of Jeffersonian Democracy. New York, 1965. XX, 455 p.
- Fisher S.G. The True Daniel Webster. Philadelphia, London: Lippincott, 1911. 516 p.
- Foreign Policy in the Early Republic Reconsidered: Essays from a SHEAR Symposium [L.S. Kaplan, B. Perkins, K. Brauer, J.M. Belohlavek, W.E. Weeks] // *Journal of the Early Republic*. 1994. Vol. 14. P. 453—496.
- Formisano R.P. The Transformation of Political Culture: Massachusetts Parties, 1790s — 1840s. New York, Oxford: Oxford Univ. Press, 1983. 496 p.
- Fraser H.R. Democracy in the Making; the Jackson — Tyler Era. Indianapolis, New York: the Bobbs-Merrill Co., 1938. 334 p.
- Fredrickson J.W. American Shipping in the Trade with Northern Europe, 1783—1860 // *Scandinavian Economic History Review*. 1956. Vol. 4. № 2. P. 109—125.

- Frothingham P.R. Edward Everett: Orator and Statesman. Boston: Houghton Mifflin, 1925. x, 495 p.
- Fuess C.M. Daniel Webster. Boston: Little, Brown and Co, 1930. 2 vols.
- Furnas J.C. Patrolling the Middle Passage // *American Heritage*. 1958. Vol. 9. № 6. P. 4—9, 101—102.
- Gaddis J.L. New Conceptual Approaches to the Study of American Foreign Relations: Interdisciplinary Perspectives // *Diplomatic History*. 1990. Vol. 14. № 3. P. 405—423.
- Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. New York: John Wiley and Sons, 1978. xv, 309 p.
- Garland H.A. The Life of John Randolph of Roanoke. 2 vols. New York: Appleton Co, 1851.
- Geiger J.O. A Scholar Meets John Bull: Edward Everett as United States Minister to England, 1841—1845 // *New England Quarterly*. 1976. Vol. 49. P. 577—595.
- George F. Kennan on Russian Diplomacy in the 19th Century and the Origins of World War I. A Special Report. Washington: Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1986. 18 p.
- Gilderhus M.T. Founding Father: Samuel Flagg Bemis and the Study of U.S. — Latin American Relations // *Diplomatic History*. Vol. 21. № 1. Winter 1997. P. 1—13.
- Gill G.G. Edward Everett and the Northeastern Boundary Controversy // *New England Quarterly*. 1969. Vol. 42. P. 201—213.
- Gill S.A. America and the Crimean War // *Journal of the Research Society of Pakistan*. 1990. Vol. 27. № 4. P. 31—48.
- Gleason A. Republic of Humbug: The Russian Nativist Critique of the United States, 1830—1930 // *American Quarterly*. 1992 (March). Vol. 44. P. 1—23.
- Goetzmann W.H. When the Eagle Screamed: the Romantic Horizon in American Diplomacy, 1800—1860. New York: John Wiley Sons, 1966. XVII, 138 p.
- Golder F.A. The American Civil War Through the Eyes of a Russian Diplomat // *American Historical Review*. 1921 (April). Vol. 26. № 3. P. 454—463.
- Golder F.A. Russian-American Relations During the Crimean War // *American Historical Review*. 1926 (April). Vol. 31. P. 462—476.
- Goldman H.S. The Tragic Gift: The Serf and Slave Intellectual in Russian and American Fiction // *Phylon*. 1963. Vol. 24. № 1. P. 51—61.
- Goodman P. Ethics and Enterprise: the Values of Boston Elite, 1800—1860 // *American Quarterly*. 1966. Vol. 18. Fall. P. 437—451.
- Graebner N.A. Empire on the Pacific: A Study in American Continental Expansion. New York: The Ronald press Co., 1955. IX, 278 p.

- Graebner N.A. Foundations of American Foreign Policy: a Realist Appraisal from Franklin to McKinley: Essays. Wilmington, Del.: Scholarly Resources, 1985. XXXVI, 379 p.
- Graebner N.A. John Quincy Adams and the Federalist Tradition // *Traditions and Values: American Diplomacy, 1790—1865*. Lanham (N. Y.), London: University Press of America, 1985. P. 97—127.
- Graebner N.A. John Quincy Adams: Empiricism and Empire // *Makers of American Diplomacy: From Benjamin Franklin to Alfred Thayer Mahan*. New York, 1974. P. 105—134.
- Grayson B.L. The Unknown President: the Administration of President Millard Fillmore. Washington: University Press of America, 1981. 175 p.
- Gunning S. Nancy Prince and the Politics of Mobility, Home and Diasporic (Mis)Identification // *American Quarterly*. 2001. Vol. 53. № 1. P. 32—69.
- Hamilton H. Prologue to Conflict: The Crisis and Compromise of 1850. 2nd ed. New York: Norton, 1964. 236 p.
- Hapgood N. Daniel Webster. 2nd ed. Boston: Small, Maynard Co, 1899. 119 p.
- Harris M. The Meaning of Patriot: The Canadian Rebellion and American Republicanism, 1837—1839 // *Michigan Historical Review*. Vol. 23. № 1. 1997, Spring. P. 33—69.
- Harrold S. Violence and Nonviolence in Kentucky Abolitionism // *Journal of Southern History*. 1991 (February). Vol. 57. № 1. P. 15—38.
- Harvey L.-G. Importing the Revolution: The Image of America in French-Canadian Political Discourse, 1805—1837. Ph. D. thesis. University of Ottawa, 1989. 480 p.
- Hatheway C.G. Commodore Jones's War // *History Today*. 1966. Vol. 16. March. P. 194—201.
- Hatzenbuehler R.L. The Early National Period, 1789—1815: The Need for Redefinition // *American Foreign Relations: A Historiographical Review*. Westport (Conn.). 1981. P. 17—32.
- Hawthorn N. The Great Stone Face and other Tales of the White Hills. Boston: Houghton Mifflin, 1889. 95 p.
- Haywood R.M. The Beginnings of Railway Development in Russia in the Reign of Nicholas I, 1835—1842. Durham, N C: Duke University Press, 1969. xvii, 270 p.
- Haywood R.M. The Development of Steamboats on the Volga River and Its Tributaries, 1817—1856 // *Research in Economic History: A research annual*. 1981. Vol. 6. P. 127—192.
- Haywood R.M. Russia Enters the Railway Age, 1842—1855. Boulder: East European Monographs № 993, New York: Distributed by Columbia University Press, 1998. xxvi, 635 p.

Haywood R.M. The «Ruler Legend»: Tsar Nicholas I and the Route of the St. Petersburg — Moscow Railway, 1842—1843 // *Slavic Review*. 1978 (December). Vol. 37. P. 640—650.

Heale M.J. *The Making of American Politics, 1750—1850*. London; New York: Longman, 1977. VIII, 263 p.

Hecht D. *Russian Radicals Look to America, 1825—1894*. Cambridge: Harvard University Press, 1947. ix, 242 p.

Henderson G.B. The Diplomatic Revolution of 1854 // *American Historical Review*. 1937 (October). Vol. 43. № 1. P. 22—50.

Henderson G.B. Problems of Neutrality, 1854: Documents from the Hamburg Staatsarchiv // *Journal of Modern History*. 1938 (June). Vol. 10. № 2. P. 232—241.

Henderson G.B. Southern Designs on Cuba, 1854—1857 and Some European Opinions // *Journal of Southern History*. 1939 (August). Vol. 5. № 3. P. 371—385.

Hietala T.R. *Manifest Design: Anxious Aggrandizement in Late Jacksonian America*. Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 1985. XIV, 285 p.

High J. Jones at Monterey, 1842 // *Journal of the West*. 1966. Vol. 5. April. P. 173—186.

Hill H.A. *The Trade and Commerce of Boston, 1630 to 1890*. Boston: For sale by Damress Upham, 1895. 163 p.

Holzle E. *Russland und Amerika: Aufbruch und Begegnung zweier Weltmächte*. München: Verlag R. Oldenbourg, 1953. 312 p.

Howe D.W. *The Political Culture of American Whigs*. Chicago: Univ. of Chicago press, 1979. VII, 404 p.

Hunt E.M. Daniel Webster and Our Foreign Policy // *Historical New Hampshire*. June 1947. P. 1—16.

Hunt M.H. *Ideology and U.S. Foreign Policy*. New Haven and London: Yale University Press, 1987. xiv, 237 p.

Hunt M.H. The Long Crisis in U.S. Diplomatic History: Coming to Closure // *Diplomatic History*. 1992. Vol. 16. № 1. P. 115—140.

Ingle H.N. *Nesselrode and the Russian Rapprochement with Britain, 1836—1844*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1976. 196 p.

Jervey E.D., Huber C.H. The Creole Affair // *Journal of Negro History*. 1980. Vol. 65. № 3. P. 196—211.

Jones H. The Attempt to Impeach Daniel Webster // *Capitol Studies*. 1975. Vol. 3. Fall. P. 31—44.

Jones H. *The Course of American Diplomacy: From the Revolution to the Present*. 2nd ed. Chicago (Ill.): Dorsey Press, 1988. XVIII, 718, XXIX p.

Jones H. Daniel Webster: The Diplomatist // Daniel Webster: «The Completest Man» / Ed. Kenneth E. Shewmaker. Hanover, London: Univ. Press of New England, 1990. P. 203—229.

Jones H. To the Webster — Ashburton Treaty: A Study in Anglo-American Relations, 1783—1843. Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1977. XX, 251 p.

Jones H.P. Southern Opinion on the Crimean War // *Journal of Mississippi History*. 1967. Vol. 29. № 2. P. 95—117.

Jones H.P. Southern Opinion on Turkey During the Crimean War // *Ukrainian Quarterly*. 1986. Vol. 42. № 3—4. P. 222—238.

Jones R.A. *The British Diplomatic Service: 1815—1914*. Gerrards Cross: Colin Smythe, 1983. XIII, 258 p.

Jones T.B. Henry Clay and Continental Expansion, 1820—1844 // *Register of the Kentucky Historical Society*. 1975. № 73. July. P. 241—262.

Jones W.D. *The American Problem in British Diplomacy, 1841—1861*. Athens: Univ. of Georgia Press, 1974. XI, 260 p.

Jones W.D. The Influence of Slavery on the Webster — Ashburton Negotiations // *Journal of Southern History*. 1956. Vol. 22, № 1. Febr. P. 48—58.

Jones W.D. *Lord Aberdeen and the Americas*. Athens: University of Georgia Press, 1958. 101 p.

Jones W.D. Lord Ashburton and the Maine Boundary Negotiations // *Mississippi Valley Historical Review*. 1953. Vol. 40. № 3. December. P. 477—490.

Kaplan L.S. The Brahmin as Diplomat in Nineteenth Century America: Everett. Bancroft. Motley. Lowell // *Civil War History: A Journal of the Middle Period*. 1973. Vol. 19. № 1. P. 5—28.

Kaplan L.S. Jefferson As Anglophile: Sagacity or Senility in the Era of Good Feelings? // *Diplomatic History*. 1992. Vol. 16. № 3. P. 487—494.

Katchenovsky D. *Daniel Webster. Etude Biographique*. Bruxelles Ostende: Librairie de Ferdinand Claassen, 1858. X, 144 p.

Kaufman M. 1863: Poland, Russia and the United States // *Polish American Studies*. 1964. Vol. 21. № 1. P. 10—15.

Kingston-Mann E. In Search of the True West: Culture, Economics, and Problems of Russian Development. Princeton: Princeton University Press, 1999. xiii, 301 p.

Kingston-Mann E. In the Light and Shadow of the West: the Impact of Western Economics in Pre-Emancipation Russia // *Comparative Studies in Society and History*. 1991 (January). Vol. 33. № 1. P. 86—105.

Kirchner W. *Studies in Russian-American Commerce, 1820—1860*. Leiden: E.J. Brill, 1975. xii, 265 p.

Klein P.S. *President James Buchanan: A Biography*. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1962. xviii, 506 p.

Klunder W.C. *Lewis Cass and the Politics of Moderation*. Kent, OH: Kent State University Press, 1996. XIV, 416 p.

Kohl J.G. *Russia and the Russians in 1842*. Philadelphia: Carey Hart, 1843. 2 vols. In I. vi, [9], 208 p.

- Kohl L.F. *The Politics of Individualism: Parties and the American Character in the Jacksonian Era*. New York: Oxford University Press, 1989. XII, 266 p.
- Kolchin P. Reevaluating the Antebellum Slave Community: A Comparative Perspective // *Journal of American History*. Vol. 70. 1983 (December). P. 579—601.
- Kolchin P. Some Thoughts on Emancipation in Comparative Perspective: Russia and the United States South // *Slavery Abolition*. 1990. Vol. 11. № 3. P. 351—367.
- Kucherov A. Alexander Herzen's Parallel between the United States and Russia // *Essays in Russian and Soviet History in Honor of Geroid Tanquary Robinson* / Ed. John Shelton Curtiss. Leiden; New York: Columbia University Press, 1963. P. 34—47.
- Kurtz H.I. The Undeclared War between Britain and America. Parts 1, 2. 1837—1842 // *History Today*. 1962. Vol. 12. P. 777—783, 872—880.
- Kushner H.I. The Oregon Question Is... A Massachusetts Question // *Oregon Historical Quarterly*. 1974. Vol. 75. № 4. P. 317—335.
- LaFeber W. *The American Age: United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present*. New York; London: W.W. Norton, 1994. 842 p.
- LaFeber W. *The New Empire: An Interpretation of American Expansion: 1860—1898*. Ithaca: Cornell University Press, 1968 (1st ed. 1963). 444 p.
- Lander E.M. *Reluctant Imperialists: Calhoun, the South Carolinians, and the Mexican War*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980. XIV, 189 p.
- Lang D. Alexander Hamilton and the Law of Nations // Ch.1 in: *Traditions and Values: American Diplomacy, 1790—1865*. Lanham; London: University Press of America, 1985. P. 1—27.
- Langley L.D. American Foreign Policy in an Age of Nationalism, 1812—1840 // *American Foreign Relations: A Historiographical Review*. Westport (Conn.), 1981. P. 33—47.
- Langley L.D. Two Jacksonian Diplomats in Czarist Russia // *Research Studies*. 1977. Vol. 45. № 2. P. 92—99.
- Langley L.D. The Whigs and the Lopez Expeditions to Cuba, 1849—1851: A Chapter in Frustrating Diplomacy // *Revistade Historiade America*. 1971. Vol. 71. № 1. P. 9—22.
- Laserson M.M. *The American Impact on Russia — Diplomatic and Ideological — 1784—1917*. New York: The Macmillan Co, 19950. xii, 441 p.
- Laurent P.-H. Anglo-American Diplomacy and the Belgian Indemnities Controversy, 1836—42 // *Historical Journal*. 1967. Vol. 10. P. 197—217.
- LeDuc Th. The Webster—Ashburton Treaty and the Minnesota Iron Ranges // *Journal of American History*. 1964. № 51. December. P. 476—481.
- Leffler M.P. *New Approaches, Old Interpretations, and Prospective Reconfigurations* // *Diplomatic History*. 1995. Vol. 19. P. 173—196.

- Leopold R.W. *The Growth of American Foreign Policy: A History*. New York: Knopf, 1962. XXII, 848, XXIX p.
- Lerski J. *A Polish Chapter in Jacksonian America: The United States and the Polish exiles of 1831*. Wisconsin: University of Wisconsin, 1958. xi, 242 p.
- Levin A.L. Inventive, Imaginative, and Incurable: The Winans Family and the Building of the First Russian Railroad // *Maryland Historical Magazine*. Vol. 84. 1989. Spring. P. 50—56.
- Libhart L.L. Simon Cameron's Political Exile as United States Minister to Russia // *Journal of the Lancaster County Historical Society*. 1968. Vol. 72. № 4. P. 189—228.
- Liebler W.F. John Bull's American Legion: Britain's Ill-Starred Recruiting Attempt in the United States During the Crimean War // *Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1975 (July). Vol. 99. № 3. P. 309—335.
- Lodge H.C. *Daniel Webster*. Boston, New York: Houghton, Mifflin and Co., 1898. 375 p.
- Long D.F. *Gold Braid and Foreign Relations: Diplomatic Activities of U.S. Naval Officers, 1798—1883*. Annapolis (Md.): Naval Institute Press, 1988. XVII, 502 p.
- Makers of American Diplomacy: From Benjamin Franklin to Alfred Thayer Mahan* / Ed. by F.J. Merli and T.A. Wilson. New York, 1974. XVIII, 317 p.
- Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999. xii, 514 p.
- Manifest Destiny and Empire: American Antebellum Expansionism* / Ed. by Sam W. Haynes and Christopher Morris. College Station, Arlington, Texas: Texas A M University Press, 1997. 180 p.
- March C.W. *Daniel Webster and His Contemporaries*. 4th ed. New York: C.Scribner, 1850. 295 p.
- Martin J.M. The Senatorial Career of Arthur Pendleton Bagby // *Alabama Historical Quarterly*. 1980. Vol. 42. № 3—4. P. 124—156.
- Martin L., Bemis S.F. Franklin's Red-Line Map Was a Mitchell // *New England Quarterly*. 1937. Vol. 10. № 1. P. 104—111.
- McCall S.W. *Daniel Webster*. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Co., 1902. 124 p.
- McMaster J.B. *Daniel Webster*. New York: Appleton — Century Co, 1939. 343 p.
- Merk F. *Fruits of Propaganda in the Tyler Administration*. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1971. X, 259 p.
- Merk F. *The Monroe Doctrine and American Expansionism, 1843—1849*. New York: Knopf, 1966. XII, 289, IX p.

Merk F. *The Oregon Question: Essays in Anglo-American Diplomacy and Politics*. Cambridge, (Mass.): Harvard univ.press, 1967. XIV, 427 p.

Merk F. Presidential Fevers // *Mississippi Valley Historical Review*. 1960. Vol. 47. № 1. P. 3—33.

Mervand M. *L'Amérique Dans l'oeuvre d'Alexandre Herzen* // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. 1972. Vol. 13. № 4. P. 524—554.

Meyer M. *The Jacksonian Persuasion: Politics and Belief*. Stanford (Ca.): Stanford University Press, 1957. VI, 231 p.

Mohrenschildt D. *Toward a United States of Russia: Plans and Projects of Federal Reconstruction in the Nineteenth Century*. Rutherford, N. J.: Fairleigh Dickinson University Press, 1981. 309 p.

Morgan R.J. *A Whig Embattled: the Presidency under John Tyler*. 2nd ed. Hamden (Conn.): Archa Book, 1974. XXII, 199 p.

Morrison M.A. *Westward the Course of Empire: Texas Annexation and the American Whig Party* // *Journal of the Early Republic*. 1990. Vol. 10. P. 221—249.

Moten M. *The Delafield Commission and the American Military Profession*. College Station: Texas A M University press, 2000. xvii, 267 p.

Mudridge I. *Alexander Hamilton and the Diplomacy of Influence* // *Makers of American Diplomacy: From Benjamin Franklin to Alfred Thayer Mahan*. New York, 1974. P. 27—52.

Musham H.A. *Early Great Lakes Steamboats. The Caroline Affair. 1837—1838* // *American Neptune: A Quarterly Journal of Maritime History*. 1947. Vol. 7. P. 298—314.

Myers C. *Queen of the Confederacy* // *Civil War Times Illustrated*. 1996. Vol. 35 (6). P. 72—78.

Nathans S. *Daniel Webster and Jacksonian Democracy*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1973. XIV, 249 p.

Nathans S. *Daniel Webster, Massachusetts Man* // *New England Quarterly*. 1966. Vol. 39. June. P. 161—181.

Neering R. *Continental Dash: The Russian-American Telegraph*. Vancouver, Winnipeg: Horsdal Schubart, 1989. xii, 231 p.

Nelson A.K. *Destiny and Diplomacy, 1840—1865* // *American Foreign Relations: A Historiographical Review* / Ed. by G.K. Haines, J.S. Walker. Westport, Conn. 1981. P. 49—64.

Nepomnyashchy C.T. *Pushkin's The Bronze Horseman and Irving's «The Legend of Sleepy Hollow»: A Curious Case Of Cultural Cross-Fertilization?* // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. № 2. P. 337—351.

Neuhausser R. *Notes on Early Russian-American Cultural Relations* // *Canadian Slavic Studies*. 1967. Vol. 1. № 3. P. 461—473.

Newmyer R.K. *Daniel Webster as Tocqueville's Lawyer* // *American Journal of Legal History*. 1967. Vol. 11. P. 127—147.

Niven J. *John C. Calhoun and the Price of Union: a Biography*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1988. XVI, 367 p.

Niven J. *Martin Van Buren: The Romantic Age of American Politics*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1983. XII, 715 p.

Nolan C.J. *Detachment from Despotism: US Responses to Tsarism, 1776—1865* // *Review of International Studies [Great Britain]*. 1993. Vol. 19. № 4. P. 349—368.

Nunis D.B. *American Political Thought: Search for Nationhood. From Alexander Hamilton to Abraham Lincoln*. Menlo Park (Cal.): Addison Wesley, 1975. 191 p.

Oeste G.A. *John Randolph Clay: America's First Career Diplomat*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1966. 602 p.

Ogg F.A. *Daniel Webster*. Philadelphia: G.W. Jacobs and Co, 1914. 433 p.

Oliva L.J. *America Meets Russia: 1854* // *Journalism Quarterly*. 1963. Vol. 40. № 1. P. 65—69.

Oliver V.M. *Pre-Marxist Russian Radicals and the American Civil War* // *Journal of Negro History*. 1953 (October). Vol. 38. № 4. P. 428—437.

Paolino E.N. *The Foundations of the American Empire: William Henry Seward and U.S. Foreign Policy*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1973. 237 p.

Parish P. *Daniel Webster, New England, and the West* // *Journal of American History*. 1967. Vol. 54. № 3. P. 524—549.

Parry A. *Cassius Clay's Glimpse into the Future: Lincoln's Envoy to St. Petersburg Bade the Two Nations Meet in East Asia* // *Russian Review*. 1943 (Spring). Vol. 2. № 2. P. 52—67.

Parry A. *John B. Turchin: Russian General in the American Civil War* // *Russian Review*. 1942 (April). Vol. 1. № 2. P. 44—60.

Parry A. *More on General Turchin* // *Russian Review*. 1955 (January). Vol. 14. № 1. P. 19—23.

Parry A. *Yankee Whalers in Siberia* // *Russian Review*. 1946 (Spring). Vol. 5. № 2. P. 36—49.

Pessen E. *Jacksonian America: Society, Personality, and Politics*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1985. 379 p.

Peterson M.D. *The Great Triumvirate: Webster, Clay, and Calhoun*. New York: Oxford univ. press, 1987. X, 573 p.

Pivany E. *Hungarian — American Historical Connections from Pre-Columbian Times to the End of the American Civil War: A Treatise read (in part) on the Occasion of Assuming His Seat as a Foreign Member of the Hungarian Academy of Sciences, Budapest, October 4, 1926*. Budapest: Royal Hungarian University Press, 1927. 64 p.

Pletcher D.M. *The Diplomacy of Annexation: Texas, Oregon, and the Mexican War*. Columbia: Univ. of Missouri press, 1973. XIII, 656 p.

Pletcher D.M. *The Diplomacy of Involvement: American Economic Expansion across the Pacific, 1784—1900*. Columbia: University of Missouri press, 2001. xi, 379 p.

Pletcher D.M. *James K. Polk and the Rewards of Rushness // Makers of American Diplomacy: From Benjamin Franklin to Alfred Thayer Mahan*. New York, 1974. P. 165—194.

Poage G.R. *Henry Clay and the Whig Party*. Gloucester (Mass.): P. Smith, 1965. (1st ed. — 1936). 295 p.

Pratt J.W. *The Ideology of American Expansion // Essays in Honor of William E. Dodd / Ed. Avery Craven*. Chicago, 1935. P. 335—353.

Pushkarev S.G. *Russia and the West: Ideological and Personal Contacts before 1917 // Russian Review*. 1965 (April). Vol. 24. № 2. P. 138—164.

Queen G.S. *The McCormick Harvesting Machine Company in Russia // Russian Review*. 1964 (April). Vol. 23. № 2. P. 164—181.

Rand L.A. *America Views Russian Serf Emancipation 1861 // Mid-America*. 1968. Vol. 50, № 1. P. 42—51.

Reeves J.S. *American Diplomacy under Tyler and Polk*. Gloucester, Mass.: P. Smith, 1967 (1st ed. — 1907). 335 p.

Reforming the Tsar's Army: Military Innovation in Imperial Russia from Peter the Great to the Revolution / Ed. by David Schimmelpennink van der Oye and Bruce W. Menning. Washington, DC; Cambridge: Woodrow Wilson Press and Cambridge University press, 2004. xi, 361 p.

Reingold N. «A Good Place to Study Astronomy» // *Library of Congress Quarterly Journal*. 1963. Vol. 20. № 4. P. 211—217.

Reinhartz D. *A Convergence of Eagles: Poland and the Cold War Diplomacy of the American Civil War Era, 1856—1867 // Continuity*. 1987. Vol. 11. P. 23—37.

Remini R.V. *Andrew Jackson and the Course of American Democracy, 1833—1845*. New York: Harper Row, 1984. XXIII. 638 p.

Remini R.V. *The Jacksonian Era*. Arlington Heights (Ill.): H. Davidson, 1989. X, 139 p.

Riasanovsky N.V. *Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952. 244 p.

Robertson J.R. *A Kentuckian At the Court of the Tsars: The Ministry of Cassius Marcellus Clay to Russia, 1861—1862 and 1863—1869*. Berea College, Ky: The Berea College Press, 1935. 286 p.

Rodrigues M. *The «Prometheus» and the Clayton — Bulwer Treaty // Journal of Modern History*. 1964. Vol. 36. P. 260—278.

Roeckell L.M. *Bonds Over Bondage: British Opposition to the Annexation of Texas // Journal of the Early Republic*. 1999. Summer. Vol. 19. № 2. P. 257—278.

Rogger H. *America in the Russian Mind — or Russian Discoveries of America // Pacific Historical Review*. 1978. Vol. 47. № 1. P. 27—51.

Rohrs R.C. *American Critics of the French Revolutions of 1848 // Journal of the Early Republic*. 1994. Vol. 14. P. 359—377.

Russel R.R. *Improvement of Communication with the Pacific Coast as an Issue in American Politics, 1783—1864*. Cedar Rapids (Ia.): Torch-Press, 1948. VIII, 332 p.

Russel R.R. *What Was the Compromise of 1850? // Journal of Southern History*. 1956. Vol. 22. № 3.

Russian-American Dialogue on Cultural Relations, 1776—1914 / Ed. by Norman E. Saul and Richard D. McKinzie. Columbia: University of Missouri Press, 1997. xiv, 261 p.

Rutland R. *James Madison, Foreign Policy, and the Union // Traditions and Values: American Diplomacy, 1790—1865*. Lanham, London: University Press of America, 1985. P. 57—74.

Ruttenburg N. *Silence and Servitude: Bondage and Self-Invention in Russia and America, 1780—1861 // Slavic Review*. 1992 (Winter). Vol. 51. № 4. P. 731—748.

Saul N.E. *Beverly C. Sanders and the Expansion of American Trade with Russia, 1853—1855 // Maryland Historical Magazine*. 1972. Vol. 67. Summer. P. 156—170.

Saul N.E. *Distant Friends: the United States and Russia, 1763—1867*. Lawrence (Kan.): University Press of Kansas, 1991. 448 p.

Schroeder J.H. *Dilemmas of Dissent: Congress and Opposition to the Mexican War // Capitol Studies*. 1975. Vol. 3. Fall. P. 15—30.

Schroeder J.H. *Mr. Polk's War: American Opposition and Dissent, 1846—1848*. Madison: University of Wisconsin Press, 1973. XVI, 184 p.

Schroeder J.H. *Shaping a Maritime Empire: The Commercial and Diplomatic Role of the American Navy, 1829—1861*. Westport (Conn.), London: Greenwood, 1985. 229 p.

Seaburg C., Paterson S. *Merchant Prince of Boston*. Colonel T.H. Perkins, 1764—1854. Cambridge: Harvard University Press, 1971. XI, 478 p.

Seager R. *And Tyler Too*. New York: McGraw-Hill, 1963. 681 p.

Shengold D. *From the Other Shore: Alexander Herzen on James Buchanan // Slavic Review*. 1992 (Winter). Vol. 51. № 4. P. 758—766.

Shewmaker K.E. «Congress Only Can Declare War» and «The President Is Commander in Chief»: Daniel Webster and the War Power // *Diplomatic History*. Vol. 12. № 4. Fall 1988. P. 383—409.

Shewmaker K.E. *Daniel Webster and American Conservatism // Traditions and Values: American Diplomacy, 1790—1865 / Ed. Norman A. Graebner*. Lanham; New York: Univ. press of America, 1985. P. 129—151.

Shewmaker K.E. *Daniel Webster and the Oregon Question // Pacific Historical Review*. 1982. Vol. 51. № 2. May. P. 195—201.

Shewmaker K.E. *Daniel Webster and the Politics of Foreign Policy // Journal of American History*. 1976. Vol. 63. № 2. September. P. 303—313.

Shewmaker K.E. Forging the «Great Chain»: Daniel Webster and the Origins of American Foreign Policy Toward East Asia and the Pacific, 1841—1852 // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1985. Vol. 129. № 3. September. P. 225—259.

Shewmaker K.E. «Hook and Line, and Bob and Sinkers»: Daniel Webster and the Fisheries Dispute of 1852 // *Diplomatic History*. 1985. Vol. 9. № 2. Spring. P. 113—129.

Shewmaker K.E. Neill S. Brown's Mission to Russia, 1850—53 // *Diplomacy Statecraft*. 2001. December. Vol. 12. № 4. P. 81—98.

Shewmaker K.E. «Untaught Diplomacy»: Daniel Webster and the Lobos Islands Controversy // *Diplomatic History*. 1977. Vol. 1. № 4. Fall. P. 321—340.

Shewmaker K.E. «This Unblessed War»: Daniel Webster's Opposition to the War of 1812 // *Historical New Hampshire*. 1998. Vol. 53. № 1—2 (Spring-Summer). P. 21—45.

Shewmaker K.E. The «War of Words»: The Cass — Webster Debate of 1842—43 // *Diplomatic History*. 1981. Vol. 5. № 2. Spring. P. 151—163.

Sivachev N.V., Yakovlev N.N. Russia and the United States. Chicago: University of Chicago press, 1979. xv, 301 p.

Slick S.E. William Wilkins: Pittsburger Extraordinary // *Western Pennsylvania Historical Magazine*. December 1939. Vol. 22. № 4. P. 217—236.

Small M. Democracy Diplomacy: The Impact of Domestic Politics on US Foreign Policy, 1789—1994. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996. xix, 202 p.

Smiley D.L. Lion of the White Hall: The Life of Cassius M. Clay. Madison: University of Wisconsin Press, 1962. xiii, 294 p.

Smith E.B. The Presidencies of Zachary Taylor Millard Fillmore. Lawrence (Kan.): University Press of Kansas, 1988. XI, 302 p.

Snyder C.M. The Jacksonian Heritage: Pennsylvania Politics, 1833—1848. Harrisburg: Pennsylvania Historical and Museum Commission, 1958. x, 256 p.

Sorokin P. Russia and the United States. New York: Literary classics, Inc., 1944. 253 p.

Spenser D.S. Louis Kossuth and Young America: A Study of Sectionalism and Foreign Policy 1848—1852. Columbia: University of Missouri Press, 1977. VII, 204 p.

Squire P.S. The Third Department: The Establishment and Practices of the Political Police in the Russia of Nicholas I. London; New York: Cambridge University Press, 1968. 272 p.

Starr S.F. Russia's American Colony. Durham: Duke University Press, 1987. 430 p.

Stavrianos L.S. The Rumor of Russian Intrigue in the Rebellion of 1837 // *Canadian Historical Review*. 1937. Vol. 18. № 4 (December). P. 367—373.

Stephanson A. Kennan and the Art of Foreign Policy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. x, 380 p.

Stevens S.K. American Expansion in Hawaii, 1842—1898. Harrisburg: Archives Publ. Co. of Pennsylvania, 1945. VIII, 320 p.

Stuart R.C. United States Expansionism and British North America, 1775—1871. Chapel Hill, 1988.

Tarsaidze A. American Pioneers in Russian Railroad Building // *Russian Review*. 1950 (October). Vol. 9. № 4. P. 286—295.

Tarsaidze A. Czars and Presidents: The Story of a Forgotten Friendship. New York: McDowell, Obolensky, 1958. xiv, 385 p.

Tefft B.F. Life of Daniel Webster. Philadelphia: Porter Coates, 1854. 498 p.

Thomas B.P. Russo-American Relations, 1815—1867 / Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Vol. 48. № 2. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1930. 185 p.

Traditions and Values: American Diplomacy, 1790—1865 / Ed. by Norman A. Graebner. Lanham (Md.): University Press of America, 1985. XIV, 177 p.

Tyler L.G. President John Tyler and the Ashburton Treaty // *William and Mary College Quarterly Historical Magazine*. 1916. Vol. 25. № 1. July. P. 1—8.

Tymer-Tyrnauer A.R. Lincoln and the Emperors. New York: Harcourt, Brace World, 1962. 176 p.

Van Alstyne R.W. American Diplomacy in Action. 2nd ed. Stanford (Ca.): Stanford University Press; London: Oxford University Press, 1947. XIV, 836 p.

Van Alstyne R.W. Empire in Midpassage, 1845—1867 // *From Colony to Empire: Essays in the History of American Foreign Relations* / Ed. by W.A. Williams. New York: John Wiley Sons, 1972. P. 83—133.

Van Alstyne R.W. The Rising American Empire. Oxford: B. Blackwell, 1960. 215 p.

Van Alstyne R.W. The United States and East Asia. London: Thames and Hudson, 1973. 180 p.

Van Deusen G.G. The Rise and Decline of Jacksonian Democracy. New York: Van Nostrand Reinhold, 1970. VIII, 262 p.

Van Deusen G.G. Some Aspects of Whig Thought and Theory in the Jacksonian Period // *American Historical Review*. 1958. Vol. 63. № 2. P. 305—322.

Varg P.A. New England and Foreign Relations, 1789—1850. Hanover, N. H.: Univ. press of New England, 1982. 260 p.

Varg P.A. United States Foreign Relations, 1820—1860. East Lansing: Michigan State univ. press, 1979. XV, 315 p.

Vevier C. American Continentalism. An Idea of Expansion, 1845—1910 // *American Historical Review*. 1960. Vol. 65. P. 323—335.

- Walicki A. Adam Gurowski: Polish Nationalism, Russian Pan Slavism and American Manifest Destiny // *Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 1. P. 1—26.
- Watson H.L. Liberty and Power: the Politics of Jacksonian America. New York: The Noonday Press, 1990. 275 p.
- Webster and the War Spirit // *Nation: A Weekly Journal Devoted to Politics, Literature, Science, Art*. 1895. Vol. 60. P. 141—142.
- Weeks W.E. John Quincy Adams's «Great Gun» and the Rhetoric of American Empire // *Diplomatic History*. 1990. Vol. 14. № 1. P. 25—42.
- Weeks W.E. New Directions in the Study of Early American Foreign Relations // *Diplomatic History*. 1993. Vol. 17. P. 73—96.
- Weinberg A.K. Manifest Destiny: A Study of Nationalist Expansionism in American History. Chicago: 1963. XIII, 559 p.
- Welter R. The Mind of America, 1820—1860. New York; London: Columbia University Press, 1975. XVI, 603 p.
- Wermuth P.C. Paradise Lost: A Poet in the Political Labyrinth // *Pennsylvania Heritage*. 1992. Vol. 18. № 2. P. 4—9.
- Westwood J.N. A History of Russian Railways. London: George Allen and Unwin Ltd, 1964. 328 p.
- Whittaker C.H. The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergey Uvarov, 1786—1855. De Calb, Ill.: Northern Illinois University Press, 1984. x, 348 p.
- Whittaker C. The White Negro: Russian and American Abolition // *North Dakota Quarterly*. 1965. Vol. 33. № 2. P. 32—37.
- Widenor W.C. Henry Cabot Lodge and the Search for an American Foreign Policy. Berkeley: University of California Press, 1980. XI, 389 p.
- Wilhelm L.J. Diplomat Clay Goes to Russia for Lincoln // *Daughters of the American Revolution Magazine*. 1974. Vol. 108. № 4. P. 332—335.
- Williams W. A. American-Russian Relations, 1781—1947. New York, Toronto: Rinehart Co, 1952. 367 p.
- Wilson M.L. The Concept of Time and the Political Dialogue in the United States, 1828—1848 // *American Quarterly*. 1967. Vol. 19. Winter. P. 619—644.
- Wilson M.L. «Liberty and Union»: An Analysis of Three Concepts Involved in the Nullification Controversy // *Journal of Southern History*. 1967. Vol. 33. August. P. 331—355.
- Wilson M.L. Of Time and the Union: Webster and His Critics in the Crisis of 1850 // *Civil War History*. 1968. № 14. December. P. 293—306.
- Wilson M.L. Republicanism and the Idea of Party in the Jacksonian Period // *Journal of the Early Republic*. 1988. Vol. 8. P. 419—442.
- Wilson M.L. Space, Time, and Freedom: the Quest for Nationality and the Irrepressible Conflict, 1815—1861. [Contributions in American History, № 35] Westport, Conn., London: Greenwood Press, 1974. X, 309 p.

- Wilson W.A. Empire as a Way of Life: An Essay on the Causes and Character of America's Present Predicament, Along with a Few Thoughts about an Alternative. New York: Oxford University Press, 1980. XIV, 226 p.
- Wiltse Ch.M. Daniel Webster and the British Experience // *Proceedings of the Massachusetts Historical Society*. 1973. Vol. 85. P. 58—77.
- Wiltse Ch.M. John C. Calhoun. 3 vols. Indianapolis: Bobbs — Merrill Co, 1944—1951.
- Woldman A.A. Lincoln and the Russians. Cleveland: World Publishing Co., 1952. ix, 311 p.
- Woodford F.B. Lewis Cass: the Last Jeffersonian. New Brunswick (N. J.): Rutgers University press, 1950. IX, 380 p.
- Woodcock G. «Radical Jack»: John George Lambton, First Earl of Durham // *History Today*. 1959. Vol. 9. № 1. P. 3—12.
- Writing the History of U.S. Foreign Relations: A Symposium // *Diplomatic History*. 1990. Vol. 14. P. 554—606.

Библиографические указатели и справочная литература

- Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. Г.В. Чернова. Смоленск: Полиграмма, 1996. 1186 с.
- Бенардаки Н., Богушевич Ю. Указатель статей серьезного содержания, помещенных в русских журналах прежних лет. СПб.: Тип. Королева и комп., 1858.
- Вып. 1. Сын Отечества, 1812—1852. XX, XIV, 150, 12 с.
- Вып. 2. Библиотека для чтения, 1834—1854 / Сост. В. Коленов. 4, 70, 4 с.
- Вып. 3. Финский вестник и северное обозрение, 1845—1850. 2, VIII, 40 с.
- Вып. 5. Московский телеграф, 1825—1834. V, 57, 3 с.
- Боград В.Э. Журнал «Отечественные записки», 1839—1848. Указатель содержания. М.: Книга. 1985. 688 с.
- Источники по истории США в фондах Государственной публичной исторической библиотеки России: Печатный каталог. М.: ГПИБ России, 1994. 235 с.
- Кубышкин А.И., Курилла И.И. Россия, Великобритания и Союзные Штаты Америки в международных отношениях XIX — начала XX в.: Справочно-библиографическое пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. 56 с.
- Общий морской список. Ч. IX—XII. Царствование Николая I. СПб., 1897—1900.

Оглавление статей, помещенных в Артиллерийском журнале (1808—1812 и 1839—1861). СПб.: Тип. Николая Тиблена и комп., 1861. 71 с.

Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. М.: Междунар. отношения, 2002 (репр. изд. 1902 г.). 240 с.

Петров И.И. Указатель статей повременных морских изданий, предшествовавших журналу «Морской сборник». СПб.: Тип. Морского министерства, 1881. 6, 102, 43 с.

Русская историческая библиография. 1856—1860. СПб., 1867.

Русская периодическая печать: Указатели содержания. 1728—1995. СПб., 1998.

Русский биографический словарь: В 25 т. СПб., 1896—1918; М.: Аспект—Пресс, 1992—2000.

Систематический и алфавитный указатель Морского сборника, 1848—1853. I—X т. Б. м.: Тип. Морского кадетского корп., 1854. 56 с.

Систематический указатель Военного сборника за 1858—1861 годы. Приложение к № 4 «Военного сборника» за 1868 год. СПб.: Тип. департамента уделов, 1868. 154 с.

Систематический указатель к журналу путей сообщения, 1826—1865. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866. VIII, 176 с.

Словарь американской истории с колониальных времен до первой мировой войны / Под ред. акад. А.А. Фурсенко. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1997. 732 с.

Указатель статей Морского сборника, 1848—1872 г. / Составил И. Петров. СПб.: Тип. Морского министерства, 1875. XLIV, 767, 108 с.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 831 с.

Энциклопедия российско-американских отношений XVIII—XX века / Сост. Э.А. Иванян. М.: Международные отношения, 2001. 696 с.

American Diplomatic History before 1900 / Ed. Norman A. Graebner. Arlington Heights (Ill.): AHM Publishing Corp., 1978. XVI, 117 p.

The Anglo-American Relationship. An Annotated Bibliography of Scholarship, 1945—1985 / David A. Lincove, Gary R. Treadway, eds. New York: Greenwood Press, 1988. 415 p.

Findling J.E. Dictionary of American Diplomatic History. 2nd ed. New York: Westport (Conn.): Greenwood Press, 1989. 674 p.

Golder F.A. Guide to the Materials for American History in Russian Archives. Washington: Carnegie Institution, 1917. 177 p.

Guide to American Foreign Relations since 1700 / Ed. by Richard D. Burns. Santa-Barbara (Cal.): ABC-Clío, 1983. XXVI, 1311 p.

Hasse A.R. Index to United States Documents Relating to Foreign Affairs, 1828—1861. In 3 parts. Washington: Carengie Institution, 1914—1921.

Libbey J.K. American-Russian Economic Relations: A Survey of Issues and References. Claremont, CA: Regina books, 1989. xiii, 202 p.

Nerhood H.W. To Russia and Return: an Annotated Bibliography of Travelers' English-Language Accounts of Russia from the Ninth Century to the Present. [Columbus]: Ohio State University Press, 1968. viii, 367 p.

The Papers of Andrew Jackson: Guide and Index to the Microfilm editions / Harold D. Moser et al, eds. Wilmington, Del.: Scholarly Resources, 1987. lxviii, 343 p.

Van Doren M. Bibliography of Websteriana // Cambridge History of American Literature / Ed. by W.P. Trent and others. 4 vols. New York; Cambridge (England): Macmillan, 1931 (1st ed. — 1918). P. 480—488.

Список используемых сокращений

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, г. Москва.
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, г. Москва.
- ПГУПС — Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения.
- РГА ВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота, г. Санкт-Петербург.
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва
- РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург.
- NARS — National Archives and Record Service, Washington, DC.
- PDW — [Webster D.] The Papers of Daniel Webster. Series 1—4 / Ed. Charles M. Wiltse. Hanover (N. H.): University Press of New England, 1974—1986.
- WJB — [Buchanan J.] The Works of James Buchanan, Comprising his Speeches, State Papers, and Private Correspondence / Ed. by John Bassett Moore. 12 vols. Philadelphia: Lippincott Co., 1908—1911.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абаза А.В. 166
 Адамс Дж.К. 43, 44, 51, 79, 201, 207
 Аксаков К. 108
 Александр I 43, 238
 Александр II (Александр Николаевич, вел. кн.) 72, 180, 183, 194, 261, 271, 275, 342, 380, 410
 Александра Федоровна, имп. 267, 378
 Аллен 143
 Аллен Р. 23
 Анисимов А.Л. 15, 107
 Аносов П.П. 199
 Аншел Ю. 34, 223, 224
 Армстронг Р. 105
 Арсеньев Д.С. 197
 Арустамян Л.Р. 16, 17, 293
 Астор Дж.Дж. 222
 Ашбертон, лорд (Беринг А.) 75

Б

Бакунин М.А. 197, 279, 384
 Баньян Дж. 217
 Барант П. 382
 Баркер 264
 Барклай-де-Толли М.Б. 236
 Барроуз С. 185, 219, 239
 Безак А.П. 186
 Бейли Т. 21
 Белавенец И.П. 291, 292
 Белинский В.Г. 390, 392
 Белли 128, 132, 133
 Бенкендорф А.Х. 167, 233, 353

Беннет Дж. 269
 Беннигсен Л.Л. 236
 Бернард Г. 296, 297
 Бескровный Л.Г. 152, 153
 Бжезинский З. 320
 Бичер-Стоу Г. 397
 Блан Л. 305
 Блудов Д.Н. 200
 Блэк Л. 58, 60, 61
 Блэр Ф. 352
 Бобринский А.А. 165, 166
 Боголюбов А.П. 136, 139, 140, 145
 Бодиско А.А. 49, 50, 52—57, 62—64, 66, 68, 71—75, 77, 79, 83, 90, 91, 93, 95, 101—103, 106, 108, 113, 114, 126—138, 145, 156—158, 160, 161, 182—184, 186, 192, 220, 229, 269, 273, 277, 278, 315, 317, 355
 Бодиско В.К. 273, 279
 Бодиско В.А. 278
 Бодиско Г. 360
 Болдуин (Болдвин) 159, 161, 162
 Боливар С. 228
 Болховитинов Н.Н. 11—14, 16, 17, 30, 31, 45, 48, 103, 140, 144, 146, 196, 199, 209, 270, 354, 387, 391
 Бонапарт Луи Наполеон 16, 104, 307
 Бонапарт Наполеон 87, 219
 Бонэм М.Л. 262
 Бордман 190
 Брауер К. 21
 Браун (Броун) У.Х. 128, 132, 133

Браун Н. 95, 98, 99, 101, 102, 108, 231, 240, 249—254, 410
 Браун Т. 170
 Бремер Ф. 266, 389
 Бродский И. 268
 Бруннов Ф.И. 65, 70—75, 229, 230, 355, 379
 Булвер Г. 98, 99
 Булгарин Ф.В. 357
 Буллит У. 254, 255
 Буоль-Шауенштайн К.-Ф. 106, 107
 Буттац И.Ф. 168, 171, 184
 Бьюкенен Дж. 29, 32, 45, 47, 52, 54, 82, 84, 86—89, 91, 115—117, 120, 121, 142, 180, 207—214, 216—220, 236, 257, 263, 294, 332, 343, 347—354, 362, 363, 371, 372, 378—381, 410
 Бьюкенен Э. 214, 216, 217, 348
 Бэби А. 91—93, 212, 249
 Бэкон (Пикенс) Р. 261
 Бэкон Дж. 261, 262
 Бэнкрофт (Банкрофт) Дж. 383
 Ван Бюрен М. 47, 49, 51, 63, 70, 315

В

Вандербильт К. 102, 269
 Вашингтон Дж. 266—268, 276, 376, 386
 Вигель Ф. 387
 Виноградов В.Н. 65
 Виргинский В.С. 156, 174
 Волков С. 268
 Воронин М.И. 156, 170, 171, 174, 180, 181
 Воронина М.М. 156
 Воронцов М.С. 185, 263, 268, 318, 332, 344, 356, 375, 381, 382
 Воронцов-Дашков И.И. 76
 Врангель Ф.П. 48, 81
 Врангель 185

Вронченко Ф.П. 99, 101
 Вульф Л. 27
 Выскочков Л.В. 378

Г

Галиндо Х. 66, 67
 Галлатин А. 276
 Гамель И.Х. 200, 284, 285, 359, 360
 Гамильтон А. 137
 Гамильтон Дж. 137
 Гарибальди Дж. 373
 Гарриис Л. 210
 Гарриисон (Харрисон) Джордж 159, 161, 162, 170—172, 175, 193, 235, 387
 Гарриисон Джесси 332
 Гарриисон У.Г. 51, 70, 72, 228, 229
 Гасвель Ч. 145, 146
 Гэбри (Бьюкенен) Г. 218, 263
 Генри П. 138
 Герстнер А., фон 156
 Герцен А.И. 10, 279, 343—346, 372, 373, 402, 404
 Гибсон А. 46, 161, 210, 263, 264
 Гилман Д.К. 257, 295
 Гилпен Г. 63, 315
 Глинкин А.Н. 228
 Глисон Э. 22
 Голдер Ф. 19, 23,
 Головин И.Г. 22, 208, 255, 275, 303—307, 274, 280—283
 Горковенко А.С. 144—146, 274, 280—284, 393
 Горчаков А.М. 112, 114, 121, 201
 Готвальд И.Ф. 296
 Грановский Т.Н. 336, 397
 Греч Н.И. 357
 Грин Д. 166, 376
 Гриффин Дж. 232
 Гросул В.Я. 303
 Гуаль 228

Гуин У. 137
Гумбольдт А.
Гуровский А. 146, 147, 150, 151,
259, 275, 299—303, 370, 375
Гэддис Дж. Л. 22, 23, 26

А

Давыдов В.Ф. 147, 274, 393
Дадли Манн А. 92, 367
Даллас Дж.М. 32, 48, 49, 57—60,
62, 63, 86, 124, 125, 155, 161,
183, 184, 208, 215, 218—220, 266,
276, 329, 355, 356, 376, 379,
381, 382, 386, 388
Даллес Ф.Р. 20
Дарем, лорд (Лэмбтон Дж.) 64
Делафилд Р. 189
Де-Пуле М. 341, 405
Державин Г.Р. 233
Деррик У. 106
Дестрем М.Г. 180
Джексон 185
Джексон Э. 44, 46, 47, 49, 51,
53, 87, 109, 137, 209, 210, 213,
214, 218, 219, 350—352, 361,
378, 379, 382, 399, 402, 403
Дженкс Г.В. 184
Джонсон У.Р. 186
Дикерсон М. 47
Дикерсон Э. 187, 190
Дитсон Дж.Л. 185, 268, 319—321
Дмитриев И.С. 125—129, 292
Добелл П.В. 353
Добролюбов Н.А. 383, 384, 392,
394
Долгоруков В.А. 186, 187
Донельсон Э.Дж. 87—89, 347, 365
Доути А. 24, 31, 114
Дрейпер А. 270, 397
Друцкий-Соколинский Н.Г. 152
Дуклинский 383
Дэвис Г.У. 368—370
Дэль 138

Е

Евстафьев А.Г. 14, 143, 144
Елена, вел.княгиня 329, 388

З

Забелло 277
Зеленый П.А. 337
Зонтаг Е.В. (Дж.) 263, 332, 375
Зорина А.М. 14, 15, 98, 101

И

Иванов Р.Ф. 11, 42
Иванченко Я.А. 16, 394
Иванян Э.А. 17, 18
Иловайский Д.И. 195, 386
Ингерсолл Р. 88, 91, 185, 212
Ирвинг О. 257
Исаев С.А. 17, 356, 400
Иствик (Истуик) Э. 159, 161,
162, 170—172, 175, 193, 235

К

Кабе Э. 305
Казакевич П.В. 146, 196
Кайданов И.К. 385
Камбреленг Ч. 71, 72, 161, 221—
227, 232, 240, 248, 249, 316, 387
Камеамеа III 104
Канкрин Е.Ф. 56, 134, 140, 165,
166, 233, 354
Кантемир А.Д. 233
Каррент Р. 403
Катакази К.Г. 278
Катенин А.А. 186
Каченовский Д.И. 336—339, 341,
342, 360, 397—405
Кендалл А. 352
Кеннан Дж. 201, 254, 413
Кеннан Дж.Ф. 254, 255
Кильхен 61, 62
Киняпина Н.С. 11, 164, 165
Киплинг Р. 375

Киреевский И.В. 395
Кирхнер У. 24, 25, 30,
Киселев П.Д. 382
Кланрикард У.Дж.Б. 64,
Кларендон Дж.У.
Клей Г. 43, 44, 46, 51, 54, 201,
278, 332, 361
Клей Дж.Р. 45, 46, 48, 49, 84,
219
Клей К.М. 381
Клейнмихель П.А. 168, 233
Клейтон Дж.М. 54, 91—93, 98,
367
Кобден Р. 343
Ковалевский М.М. 337, 397, 402
Коллинз П.М. 10, 196, 201
Колобнин 198
Колошин 392
Кольт С. 55, 128, 129, 182, 183,
187—191, 195
Константин Николаевич,
вел.кн. 148, 152, 198, 291, 380
Копленд 143
Корф Н.И. 185, 186
Коттмэн Т. 258
Кочубей 321
Кошелев А.И. 277
Кошут Л. 93, 323, 329, 367, 373
Крафт Н.О. 133, 157—161, 163,
164, 166—170, 172—176, 180
Кремер Е. 55, 129—131, 165, 166,
277
Криттенден У. 260
Кропогкин П.А. 197, 384
Кроун Г.А. 140, 146, 147
Крузенштерн И.Ф. 141, 227
Крутиков М. 155—157, 164, 165,
178
Крюденер (Крюднер,
Криденер) П.А. 43, 44, 49, 52,
55, 66, 277, 379
Крюденер В.-Ю. 43, 277
Крюденер С. 43, 44

Кубышкин А.И. 66, 67, 98
Кукольник Н.В. 233
Купер С. 188
Купер Дж. Ф. 386, 405
Кутузов М.И. 236
Кэлхун Дж.К. 44, 79, 80, 81,
199, 260, 318, 361, 366, 400, 401
Кэсс Л. 122, 137
Кэтлин Дж. 387, 388
Кюстин А. де 241, 242, 272, 312

Л

Лаговский 112
Лазерсон М. 21, 22
Лайтхолл (Лайтгал) 131, 132
Лакиер А.Б. 150, 294, 295, 298,
384, 394
Ланге Н. 295, 297, 388
Ларин Е.А. 260
Левитас И.Я. 11
Ледрю Ролен А.О. 373
Ленартцен Ч. 264, 265
Леонтьев 139
Ливен (Бенкендорф) Д.Х. 353
Ливен Х.А. 353
Ливингстон Э. 45, 46, 213, 214,
218, 220, 350—354, 363, 372, 380
Лиленд Ч. 343
Лиленфельд О.Г. 186, 188, 189
Линкольн А. 262, 381, 401
Ломоносов М.В. 233
Лопес Н. 260
Луи Филипп 218

М

Мадзини Дж. 373
Маклейн Л. 47, 211, 212, 218,
343, 350, 354, 381
Максвелл Дж. 194, 243—248,
263, 365
Малиа М. 312, 349
Малкин М.М. 11, 12
Мамышев Вс. 388

Манро Т. 263
 Марколета Х. 99
 Марси У.Л. 109—112, 115—120, 149, 150, 190, 193, 198, 208, 220, 289, 373, 380
 Мартино Г. 388, 389
 Медем А.И. 113
 Мейендорф П.К. 191, 192
 Мейсон 208
 Меллер 143
 Мельников П.П. 133, 155—161, 163—171, 173—181, 200, 202, 274, 277, 280, 292, 393
 Меммиджер К. 262
 Меншиков А.С. 57, 128, 135, 136, 138, 144
 Миддлтон Г. 276
 Михаил вел.кн. 329
 Михайлов М.М. 231
 Морзе С. 185, 191, 192, 271
 Мори М.Ф. 145
 Моро 264
 Мортон Дж. 185
 Мотли Дж.Л. 219, 240—243, 248
 Мотт Ф. 352
 Муравьев Н.Н. 10, 146, 196, 197, 384
 Мурадян А.А. 104
 Мухаммед Али 70

Н

Небольсин П. 181
 Нельсон Р. 61, 63
 Нессельроде К.В. 44, 45, 48—55, 57, 60, 62—64, 68, 70—75, 77, 78, 83, 90, 91, 93, 95, 98, 101—103, 106, 108, 110, 111, 118, 130, 131, 133, 134, 156—158, 161, 183, 185, 211, 218, 220, 229, 230, 233, 250, 266, 269, 315, 317, 350—355, 378, 379
 Николай I 22, 49, 57—60, 63—65, 70—72, 77, 82, 103, 123—125,

135, 136, 138, 155, 156, 165—167, 169, 172, 182, 183, 185, 195, 213, 216—219, 224—226, 231, 233, 239, 240, 243, 244, 246, 248, 252—255, 267, 296, 313, 319, 326, 327, 343, 349, 355, 365, 368, 373, 374, 377, 378, 380, 381, 387, 405, 410
 Николюкин А.Н. 18, 30, 387, 391
 Нойманн И.Б. 27, 312, 346
 Норрис (Норис) У. 159—163
 Носков В.В. 17, 395, 396

О

О'Салливан Дж. 63, 223, 315, 316, 318
 Одоевский В.Ф. 22
 Орсини Ф. 373
 Остен-Сакен Д. 52, 351, 354
 Остен-Сакен Р. 278
 Отис 168
 Оулик Дж. 154
 Очандо Ф., д' 44

П

Павловская А.В. 18, 19
 Пален Ф.П. 276
 Пальмерстон Г.Дж.Т. 62, 63, 72, 73,
 Папино Л.-Ж. 63
 Парк Ч.Р. 270
 Паркер Т. 259, 303, 375
 Паскевич 92
 Пашинская И.О. 268
 Пендлтон Н.Г. 229
 Перовский В.А. 144, 186
 Перри М.К. 108, 399
 Петр I 190, 191, 195, 217, 219, 233, 237, 241—245, 327, 373, 405, 410
 Пикенс (Холкомб) Л. 260—262
 Пикенс Дж. 261
 Пикенс Ф. 121, 122, 260—262

Пиль Р. 74, 79,
 Пипин 127, 128, 134, 156—158
 Пирс Ф. 106, 107
 Пирумова Н.М. 279
 Платов М.И. 236
 Плешков В.Н. 263, 264
 Полевой Б.П. 31,
 Полетика П.И. 273, 276
 Ползунов И.И. 192
 Полк Дж.Н. 83, 86, 88, 91, 249, 363
 Пономарев В.Н. 13, 14, 31, 114, 119, 145, 270
 Понтиак 254
 Потокова Н.В. 16
 Поццо ди Борго К.О. 62, 63
 Принц Неро 264
 Принц Нэнси 264
 Пуласки К. 373
 Путятин Е.В. 108
 Пушкин А.С. 217, 233, 387, 389—391
 Пфайфер 185

Р

Райвз Дж. 352
 Райт Э. 251, 252
 Ракиелевич Ч. 186
 Ралли И. 376
 Ранке Л. 404
 Робинсон С. 185
 Ротчев А.Г. 185, 281, 282, 406
 Рэндолф Дж. 208, 349, 375, 376, 410
 Рязановский Н.В. 22

С

Салтыков 376
 Самнер Дж. 266, 267, 389
 Самнер Ч. 266, 334
 Сандерс Дж.Н. 372
 Сантандер Ф. 228
 Свинын П.П. 22

Северанс Л. 104—106
 Сеймур Т.Х. 109, 111, 112, 115, 116, 118—121, 149, 189, 190, 198, 220, 255, 256, 296, 297, 336, 360, 373, 374, 380
 Сен-Виктор Ж.Б.М. 357
 Сенявин Л.Г. 99, 121, 144
 Силби Х. 201
 Сиротинская М.М. 16, 96
 Скайлер Дж. 130—138
 Скайлер Р. 130, 131, 133, 135
 Скотт У. 268, 278
 Слеймейкер Дж. 211, 348, 349
 Смарагдов С.Н. 386
 Смит Ф.О.Дж. 192
 Смит 138
 Сол Н. 11, 23, 24, 113, 136, 223, 227, 269, 361
 Сорокин П.А. 20
 Ставрианос Х. 58
 Сталин И.В. 254
 Старцев А.И. 11, 387, 391, 392
 Стекль Э.А. 93, 98, 106, 110—114, 118, 148, 187—190, 198, 250, 275, 277
 Стеллинг-Мишо С. 343
 Стериджер Дж.Б. 210, 211, 332
 Стефенс Дж.Л. 217, 266, 311, 332, 333
 Стефенсон М.Ф. 199
 Стеценко Е.А. 18, 30,
 Стивенсон Э. 72, 73,
 Стильман 143
 Сторер Х. 269
 Суворов А.В. 236
 Суле Дж. 257
 Сухозанет Н.О. 189, 190
 Сьюард У.Г. 381

Т

Тайлер Дж. 68, 70, 83, 104, 229
 Тарсаидзе А. 21
 Текамсе 253, 254

Теннер Дж. 387
 Тикнор Дж. 95
 Тишков В.А. 58, 61, 63—66, 315
 Тодд Т. 228
 Тодд Ч.С. 73—84, 141, 142, 169,
 172, 180, 183, 184, 221, 227—240,
 243, 246—254, 318, 330, 367,
 368, 376, 411
 Токвиль А. де 7, 17, 275, 301,
 311, 345, 355, 356, 358, 359,
 363, 377, 382, 386, 399
 Толь К.Ф. 155, 156, 165—167
 Томас Б.П. 19, 25,
 Тоуси Дж. 198
 Троицкая Л.М. 267
 Троллоп Ф. 267, 389
 Тумаркин Д.Д. 103, 104
 Тургенев Н.И. 22
 Турчанинов И.В. (Турчин Дж.)
 11, 275
 Тэйлор Б. 108, 195, 271
 Тэйлор З. 86, 91, 398
 Тюрго 257

У

Уайнанс (Винанс) Р. 170
 Уайнанс Т.Д. и У.Л. 24, 170—172,
 175, 193, 194, 235
 Уайт Э.Д. 32, 187, 190, 256—260,
 295, 336, 338—342, 360, 375
 Уваров С.С. 296
 Уикоф Г. 266, 318, 333, 344,
 356, 381
 Уилкинс У. 46—48, 52, 208, 214,
 215, 219, 354, 355
 Уилрайт Э. 269
 Уильям IV 64
 Уильямс У.Э. 21
 Уистлер А.М. 169
 Уистлер Дж.В. 24, 159, 167—169,
 171, 175, 183, 226, 235, 247, 249
 Уистлер Дж.М. 169, 247, 249
 Уолмсли Дж. 373

Уорд Э. 254
 Уорсил А.Р. 373
 Уоттс И. 217
 Уоттс О. 278
 Уэбб (Вебб) 148, 150
 Уэбстер (Вебстер) Д. 10, 44, 46,
 68, 70—75, 77, 78, 80—83, 93—95,
 98, 99, 101—106, 136, 153, 154,
 161, 210, 229—231, 249—253,
 278, 306, 316, 330, 336, 341,
 362, 367, 368, 398—404
 Уэйд 264

Ф

Файн Дж. 80
 Фальконе Э.М. 241
 Физерстонхау Дж.В. 43
 Филипп Македонский 253, 254
 Филлмор М. 93, 94, 99, 105
 Фицхью Дж. 272, 328, 335
 Фишер С.Дж. 267
 Флотов Б.Ф., фон 134
 Форсайт Дж. 47, 60, 125, 210,
 215, 219, 264, 354, 355
 Фрост Р. 268
 Фултон (Фультон) 178
 Фусс П.Н. 285
 Фут С. 92

Х

Хаббард Р.Д. 188
 Хадсон У. 198
 Халл К. 254, 255
 Хантер М.Т. 92, 93
 Хаттон Дж. 149, 150, 193
 Хвостов 379
 Хейн Р. 400
 Хейтсбери У. 46
 Хехт Д. 21, 22
 Хинде Х. 303
 Холдемэн Р. 257
 Хомяков А.С. 22, 396
 Хрущев Н.С. 21, 268

Хэйден (Уистлер) Д. 247
 Хэйден Ф.С. 247
 Хюльземан И.-Г. 93—95, 106, 107

Ц

Циммерман Э.Р. 294, 297—299,
 345

Ч

Чаадаев П.Я. 10, 335, 336,
 387, 395
 Чаннинг У.Э. 331
 Чарторыйский А. 63
 Чванов 139
 Черепановы Е.А. и М.Е. 192
 Чернышев А.И. 184
 Чернышевский Н.Г. 11
 Черчилль У. 247
 Чихачев П.А. 293, 294
 Чью У. 49
 Чэпмен Р. 105, 106

Ш

Шанц И.И., фон 127—130,
 132—140, 152, 157
 Шарубин 127, 128, 134, 156—158
 Шварц С. 198, 199, 359
 Шварценберг Ф. 93
 Шенголд Д. 372
 Шестаков И.А. 148, 151, 152,
 197—199, 274, 275, 285—288,
 290—292, 295, 359, 377, 393
 Шестакова Л.И. 152
 Шиллинг П.Л. 191, 192, 284
 Шильдер К. 193
 Шумейкер К.Э. 231, 255
 Щербатова 217

Э

Эббе К. 199
 Эверетт Э. 74, 94, 107, 108, 169,
 318, 343, 345, 346, 398
 Эйзенхауэр Д. 21

Эллсуорт Г. 129, 182
 Эмерсон Р.У. 259
 Эткин А.М. 17, 18, 299, 377
 Эшапар 139

Научное издание

Курилла Иван Иванович

**ЗАОКЕАНСКИЕ ПАРТНЕРЫ:
АМЕРИКА И РОССИЯ В 1830–1850-Е ГОДЫ**

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *В.Г. Полюшина*
Технический редактор *Е.М. Надёжкина*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 18.07 2005 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 29,0.
Уч.-изд. л. 31,2. Тираж 300 экз. Заказ *142* «С» 93.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

